

Т5
НЗ86

Э.А.НОВГОРДОВА

ДРЕВНЯЯ МОНГОЛИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Ордена Трудового Красного Знамени
Институт востоковедения

Э.А.НОВГОРОВА

ДРЕВНЯЯ МОНГОЛИЯ

(Некоторые проблемы хронологии
и этнокультурной истории)

Москва
«НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
1989

ББК 63.3(5 Мо)+63.4(5 Мо)
Н 72

Ответственные редакторы

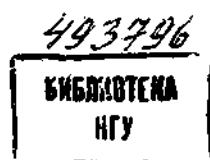
С. Д. ДЫЛЫКОВ, М. В. ГОРЕЛИК

Рецензенты

Э. М. ЯНШИНА, Н. Н. МАМОНОВА,
В. В. ВЕРТОГРАДОВА, С. В. КУЛЛАНДА

Иллюстрации автора

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Новгородова Э. А.

Н 72 Древняя Монголия. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989.—383 с. с ил.
ISBN 5-02-016664-2

Работа построена на большом, в основном археологическом материале. Автор широко использует данные палеоантропологии, этнографии, а также письменных источников. Последовательно, начиная с III тысячелетия до н. э., прослеживается этногенетический процесс. Автор выделяет два больших этнокультурных региона: восточный (с монголоидным населением) и западный (с европеоидным). Книга содержит иллюстративный материал.

Н 0506000000-076
013(02)-89 КБ-5-57-89

ББК 63.3(5 Мо)+63.4(5 Мо)

ISBN 5-02-016664-2

© Главная редакция
восточной литературы
издательства «Наука», 1989

О современной Монголии, ее средневековой, новой и новейшей истории, экономике, культуре написана обширная литература на многих языках мира [291; 292; 480; 792; 762; 838; 713]. Но по истории древней Монголии обобщающая литература практически отсутствует, очень мало сведений об этом периоде и в энциклопедиях разных стран, многотомных трудах по истории древнего мира, древнего Востока, хотя и существует немало статей и сборников, посвященных отдельным памятникам, раскопкам, культам и обрядам древности.

А между тем без знания своеобразной цивилизации и культуры кочевников Монголии изучение истории и культуры Ирана, Ирака, Китая, Пакистана, Сибири, Казахстана, Средней Азии, Маньчжурии, Дальнего Востока и других сопредельных и даже порою отдаленных (например, Восточная Европа) стран и территорий будет неполным, ибо Монголия находится в самом сердце Азии, на перекрестке караванных, торговых и шелковых путей. Не раз она становилась ареной военных столкновений, была источником нескольких миграционных волн.

Именно здесь, в степях Монголии, неоднократно зарождались великие переселения племен и народов, приводившие к серьезному изменению политической и экономической карты Азии и Европы.

Для Монголии, как и для многих древних стран Азии, характерна удивительная устойчивость традиций, что делает особенно интересным изучение ее древней и средневековой истории. Однако еще лет двадцать назад история древней Монголии была известна крайне фрагментарно.

Задача предлагаемой читателю работы — рассказать о результатах новых исследований различных сторон жизни древнего общества, его религиозных представлениях, рассмотреть древние культуры на территории Монголии, проследив древние традиции и закономерности развития кочевых обществ в центре Азии.

Материалы и исследования последних лет убедительно показывают, что игнорирование древнемонгольских памятников при решении ряда общих проблем истории Центральной Азии обедняет науку. Так как привлекаемые в работе материалы в большей своей части еще не подвергались систематическому анализу, то автор попытался прежде всего классифицировать и датировать их, включая все опубликованные ранее и новые данные, получен-

ные за последние два десятилетия экспедициями, работавшими на территории МНР.

Автор привлекает археологический, палеоантропологический, этнографический, эпиграфический и письменный материал, ибо только комплексный подход позволяет проследить основные закономерности исторического развития племен. Большое внимание уделено в монографии проблеме происхождения народов, населявших в древности Монголию; вопросы этнокультурного развития прослеживаются начиная с древнейших периодов. В исследовании этнических проблем особое место заняли палеоантропологические, анализ антропологического материала, проделанный специалистами, работавшими совместно с археологами в течение двух последних десятилетий [411].

Несмотря на обилие нового материала и находок, степень изученности разных эпох и периодов в Монголии различна, наличие источников неодинаково. В тех случаях, когда автор обращался к недавно открытым источникам Монголии, Средней Азии, Киргизии, Казахстана и Китая, он был вынужден проделать источниковедческую работу, сравнивая данные пиктограмм, древних надписей и древних рисунков с аналогичным материалом из сопредельных регионов.

Автору трудно самому судить о правильности выбранного им метода исследования, а следовательно, о справедливости тех выводов, к которым привели его эти методы. Это будет решать читатель. Сознывая, что отдельные построения и предложенные решения дискуссионных вопросов (а их в работе немало) могут вызывать возражения, автор тем не менее делает некоторые предположения и заключения, в частности по вопросу об этногенезе племен и народов рассматриваемой территории, о датировке многих памятников, их локализации, о происхождении некоторых ведущих элементов культуры Центральной Азии, а порой и Евразии. Гипотетичны в значительной мере и попытки реконструировать отдельные сюжеты древней истории по данным смежных наук, прежде всего этнографии.

Отдельные вопросы и разделы, содержащиеся в книге, освещались автором в печати, обсуждались в качестве докладов на конференциях.

Как и в любой работе по древней истории и археологии страны, иллюстрации играют большую, порою самостоятельную роль, являясь также источником. Автор старался использовать доступный ему материал из публикаций, а также привлекал данные, полученные им в экспедициях: фотографии, зарисовки, чертежи и эстампажи.

Автор монографии не называет древнее и древнейшее население Монголии древнемонгольским, так как считает, что вернее было бы говорить о древних племенах Центральной Азии, ибо термин «древнемонгольское население» может быть неправильно понят — ведь только часть этого населения была монгольской по этносу. Понятие же «центральноазиатские племена» охватывает

более широкую, чем Монголия, территорию. Хотя мы и учитывали данные, полученные исследователями Южной Сибири, Тувы, Алтая, Киргизии, Казахстана, Забайкалья, Афганистана и Пакистана, однако старались оставить в центре внимания собственно монгольский регион.

Большую часть археологических источников для данной работы составляют материалы автора. Автор принимал участие в археологических работах в МНР, Сибири, Хакасии, на Дальнем Востоке, в Средней Азии, Казахстане и в этнографических работах в Якутии. Начиная с 1957 г. участвовал в археологических разведках и раскопках на территории МНР, в том числе в составе чехословацко-монгольской экспедиции, работавшей в Хушо-цайдаме под руководством Л. Йисла, принял участие в обмерах и составлении плана памятника Кюль-Тегина.

С 1969 г. по настоящее время в МНР работает советско-монгольская историко-культурная экспедиция, которой руководили сначала А. П. Окладников, затем А. П. Деревянко и Ш. Нацагдорж. Автор работал в составе экспедиции с 1969 по 1979 г.

В результате археологических исследований во всех аймаках страны были выявлены и исследованы десятки местонахождений петроглифов, неолитических стоянок, оленных камней, каменных изваяний древнетюркского времени, осмотрены и описаны могильники, поминальные сооружения, древние и раннесредневековые городища, изучены и зарисованы этнографические объекты: элементы шаманской утвари, одежда, детали жилища, украшения и скотоводческий инвентарь в разных аймаках страны. Зафиксированы топонимические материалы, названия и скотоводческие термины у разных народностей Монголии, как монголоязычных, так и тюркоязычных. Часть этого материала уже опубликована, но многие источники привлекаются впервые.

Кроме вышеперечисленных источников в процессе исследования привлекаются данные лингвистики, фольклористики, этнографии и т. д.

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕЙ МОНГОЛИИ

Основные источники по разным эпохам древней истории Монголии представлены крайне неодинаково. Большой материал получен в последние два десятилетия по эпохе палеолита благодаря работам советско-монгольской экспедиции. Наименее изучены памятники раннего и развитого бронзового века: мало исследовано погребений по этим периодам, но открыты богатые и разнообразные святилища, заполняющие белое пятно на археологической карте Центральной Азии. Полученный новый материал может быть использован при реконструкции духовной культуры племен энеолита. Это петроглифы и пиктограммы, которые вместе с пиктограммами и иероглифами древнего Китая могут дать необычайно интересную информацию о ранних стадиях религии древнего общества конца III — начала II тысячелетия до н. э. Эти источники еще нельзя назвать письменными, но они поддаются дешифровке и полезны также при изучении китайских надписей на жертвенных сосудах (о чем пойдет речь в гл. 4). Часть этих пиктограмм и петроглифов уже опубликована нами, в данной же работе даются итоги предпринятой нами дешифровки указанных источников [465; 467].

Знаки пиктографической и иероглифической письменности, бесспорно, являются специфическим источником, требующим особых знаний и методов анализа. Наиболее интересны самые ранние рисунки и пиктограммы, дающие не только представление о первых этапах развития письма на древнем Востоке, но и о социальной стороне жизни древних племен. Со временем в процессе формализации иероглифа в китайском письме утрачивается изначальная изобразительная четкость. В древнейших же знаках она имеет свои первоначальные черты. Сравнение монгольских рисунков эпохи энеолита с ранними китайскими надписями интересно и с точки зрения анализа отдельных знаков древнекитайской письменности. *Письменные источники* по древней истории Монголии известны пока только с территории соседних стран, в частности Китая. Прежде всего надо упомянуть Сыма Цяня — первого составителя этнической карты народов, живших в сопредельных с Китаем землях. И хотя они делились на разные роды

и племена, но для древних историков были единым целым, так как сильно отличались по культуре и быту от земледельцев долины Хуанхэ.

Богатые сведения о древних племенах Центральной Азии приводит Н. Я. Бичурин (Иакинф) в книге «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», содержащей скрупулезные переводы китайских источников [59]. Говоря об этих переводах древнекитайских историков и хроникеров, прекрасный русский китаист В. М. Алексеев писал, что Китай сохранил «историю монголов и всех владевших ими народов, историю Средней Азии и особенно историю своей страны» [13, с. 306].

Особую ценность представляют для нас труды советских востоковедов Р. В. Вяткина и В. С. Таскина, их переводы документов, исчерпывающие комментарии к ним [592; 436].

Мы умышленно не останавливаемся подробно на перечислении всех китайских источников, так как вопрос этот достаточно хорошо освещен в советской и зарубежной историографии.

Эпиграфические источники, так же как и письменные, представлены прежде всего на территории соседнего Китая. К ним можно отнести надписи на иньских гадательных костях, содержащие упоминания о северных соседях Китая. Уже в чжоуское время в Китае стало известно, что на севере живут племена ди, а в провинции Ганьсу и в Тибете — жуны.

В Монголии к настоящему времени эпиграфические источники также представлены хорошо. Это надписи, тексты, знаки, тамги на стелах, на скалах. Но если на земле древних египтян, индусов, китайцев эти памятники открыты давно и там уже разработана наука дешифровки, то в Монголии большая часть памятников открыта лишь в последние два десятилетия.

Надписи на глиняном сосуде из Улангомского могильника (V—III вв. до н. э.) пока можно назвать древнейшим документом этого типа в Монголии. Надписи и даты, обнаруженные на предметах из курганов в Ноён-ула (раскопки П. К. Козлова), дали первую точную хронологическую дату на этой территории.

Основным же эпиграфическим источником, бесспорно, являются так называемые рунические тексты, которые были высечены на камне, процарапаны на глине, на черепице представителями древнетюркского этноса (VI—VIII вв. н. э.).

Древнетюркские тексты дают интересную информацию по исторической географии Монголии и Центральной Азии и освещают некоторые страницы более древних эпох. Открытие первых памятников древнетюркского письма в Монголии в 1889 г. связано с именем известного русского археолога и этнографа Н. М. Ядрищева, вошедшего в историю тюркологии прежде всего благодаря открытию и исследованию на берегах р. Орхон трех каменных стел с надписями. Это — карабалгасунский монумент с текстами на древнетюркском, китайском и согдийском языках, два хушоцайдамских памятника с древнетюркским и китайским текстами. Из прочтенного китайского текста стали известны имена

тюркских каганов и полководцев, в честь которых выбиты эти надписи, а также установлены точные даты их правления. Древнетюркские тексты с берегов Орхона были дешифрованы одновременно двумя учеными, работавшими в разных странах, — В. Томсеном и В. В. Радловым. Доклад В. Томсена об основных принципах дешифровки древнетюркского хушоцайдамского текста был заслушан Датской королевской академией в декабре 1893 г., а спустя месяц, в январе 1894 г., академик В. В. Радлов завершил перевод текста в честь полководца Кюль-Тегина [851, 549].

Так началась эра новой науки — тюркологии. Немало работ вышло с тех пор; они были посвящены сравнительному анализу текстов, рунических и китайских, сведению к общему знаменателю данных китайских источников и тюркских надписей, идентификации племен и их названий.

Наконец, на материалах этих источников появились фундаментальные исследования, посвященные социальной и политической истории орхон-енисейских тюрков [55]. Подробная история изучения монгольской руники неоднократно излагалась в специальных исследованиях, что избавляет нас от необходимости возвращаться к этому вопросу [321; 101]. Отметим лишь, что за последние 15 лет работы советско-монгольской историко-культурной экспедицией были открыты новые памятники, а также надписи на скалах¹.

Благодаря этим планомерным работам были изучены эпиграфические памятники на большой территории Монголии. В Архангайском, Булганском, Дзавханском, Гобиалтайском, Кобдоском, Среднегобийском, Хубсугульском, Селенгинском, Увсанурском аймаках были открыты новые стелы. Особый интерес представляет Бугутская согдийская надпись, открытая в 1956 г. Ц. Доржсуреном и прочитанная В. А. Лившицем и С. Г. Кляшторным. Она датирована исследователями началом 80-х годов VI в. [328] — временем первого Тюркского каганата.

Другая серьезная находка сделана также монгольским ученым Ц. Доржсуреном в 1957 г. в Архангайском аймаке на берегу оз. Терхин-цагаан-нур. Раскопки этого древнетюркского памятника проведены Н. Сэр-Оджавом, В. В. Волковым и автором этой работы. Были найдены две упавшие части монумента, восстановлена вся стела, расколовшаяся в древности и после раскопок состоявшая из трех больших блоков. Постамент ее в виде черепахи, на которой также обнаружены знаки, и весь памятник были привезены в Улан-Батор, где демонстрировались на II Международном конгрессе монголоведов в 1970 г.²

Высеченные на памятнике тексты посвящены Элтемиш Бильге-кагану. Они переведены сначала монгольским тюркологом Х. Шинэхуу, а затем С. Г. Кляшторным³ [693].

Кроме этих крупных памятников в Монголии найдены небольшие надписи [324]. Страница военной истории древних тюрков приоткрыта несколькими фразами, выбитыми на скалах в ущелье

Яманы-ус на горе Ханын-хад. Надписи сопровождаются прорисовкой тюркской тамги и изображением всадников [599].

Эпиграфические памятники чаще всего найдены вместе с другими, в частности археологическими, источниками. Новые раскопки археологических памятников приводят к открытию новых stel с текстами. Материалы *палеоантропологии*, как правило, находят при археологических раскопках. В последние два десятилетия в Монголии найдено значительное количество палеоантропологического материала, хотя и по одной только эпохе — периоду ранних кочевников — при раскопках могильника скифского времени в окрестностях г. Улангома на крайнем северо-западе страны [825]. Но и этот материал позволяет сделать некоторые предварительные выводы по вопросам этногенеза народов древней Монголии, их контактов и миграций, социальной и этнической ситуации. «Палеоантропологические материалы из древних могильников Монголии представляют большую ценность не только при изучении этногенетических процессов древних и современных народов страны, но и при исследовании этногенетических процессов, происходящих на сопредельных территориях» [411, с. 204].

В настоящее время антропологи располагают коллекцией, насчитывающей около 180 черепов. Известны два черепа неолитического времени, три — энеолитического периода, один — карасукской эпохи и 74 черепа — скифского времени [409]. Различия черепов из раскопок погребения эпохи сюнну свидетельствуют о пестроте населения в ту эпоху, о смешении монголоидной и европеоидной рас. Очень интересные результаты дает сравнение данных антропологии и археологии на этой территории, но об этом речь пойдет ниже.

Огромное значение для изучения истории и культуры древней Монголии имеют материалы *археологических раскопок*, которые порой становятся главным или единственным источником, особенно при изучении древнейших периодов истории.

Число этих данных увеличивается с каждым годом благодаря регулярно проводимым археологическим экспедициям. Монгольские археологические источники делятся на неравноценные по значимости группы: 1) случайные находки, обнаруженные скотопастухами и путешественниками (наименее ценные, хотя и весьма многочисленные, разбросанные по сомонным, аймачным и центральным музеям, а также сохраняемые в частном владении); 2) погребальные комплексы, открытые в результате раскопок; найденные там предметы хранятся в археологической лаборатории Института истории АН МНР, в музеях Улан-Батора, а также в Ленинграде — в Государственном Эрмитаже и Музее антропологии и этнографии; 3) каменные стелы, оставленные древними племенами по всей Монголии, это — оленные камни⁴ эпохи бронзы и ранних кочевников и древнетюркские изваяния; 4) жертвенники; 5) петроглифы: рисунки охрой или гравировка на скалах, относящиеся ко всем эпохам и распространенные по всем аймакам.

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ МОНГОЛИИ

Древняя история, культура и искусство Монголии издавна привлекали к себе внимание соседей. Но первые сведения о монгольских кочевьях и городах дают европейские монахи: Плано Карпини (1246) и Вильгельм де Рубрук (1253) [525, 562]. Много лет прожил в монгольской ставке Хубилай-хана венецианец Марко Поло (1271—1295) [531]. Эти авторы рисуют картину быта, нравов, облик обитателей средневековой Монголии.

Первое описание древних и средневековых архитектурных сооружений Монголии также относится к XIII в. Оно оставлено китайским путешественником Чжан Дэхоем [509]. Он подробно описывает могильники и монументы в районе р. Тами, очевидно, Тамира.

Немало интересных сведений сообщили о Монголии и ее населении русские путешественники XVII—XVIII вв. Василий Тюменец, Иван Петлин, Федор Байков и Николай Спафарий. Василий Тюменец отправился в путь в 1616 г. Покинув Томский острог, он прошел через Кузнецкий Алатау, Западные Саяны, Туву в Западную Монголию, где описал развалины средневековых городов. Вслед за ним русский посол в Китае Николай Спафарий пересек необъятную Азию. Он делал зарисовки петроглифов, описал древние памятники.

Путешествовать по Монголии в те времена было опасно. Тайчи и нойены постоянно воевали друг с другом, и затерянный в бескрайних просторах караван в любой момент мог стать добычей любой из враждующих сторон. Но не воевать и не завоевывать шли русские караваны, а устанавливая дружеские добрососедские связи. В результате Россия стала одним из первых европейских государств, с которым Монголия и Китай заключили деловые договоры.

Материалы, привезенные русскими путешественниками, вызвали живой интерес в Западной Европе и надолго стали основным источником для изучения неведомой страны.

Сегодняшние успехи в изучении археологии, этнографии, географии, биологии и геологии Монголии были бы невозможны без большого труда и истинного подвига нескольких поколений русских ученых, прежде всего Н. М. Пржевальского, Г. Н. Потанина, А. М. Позднеева, М. В. Певцова, Н. М. Ядринцева, В. В. Радлова, П. К. Козлова, В. И. Роборовского, Г. Е. Грумм-Гржимайло, В. А. Обручева, Б. Я. Владимирцова, С. А. Козина. Они провели шестнадцать наиболее крупных экспедиций, пройдя 95 473 км, произвели определение 363 астрономических пунктов и измерили высоту в 3533 точках, указали на карте место горных и речных систем и озерных бассейнов Центральной Азии [647, с. 224]. В результате их целеустремленных исследований Центральная Азия перестала быть неведомой землей. Но русские ученые не ограничились составлением карт, геодезическими и топографическими

съёмками. Немало времени и внимания они уделяли изучению этнографии, религии, языка и археологических объектов. Ими были сделаны первые зарисовки оленных камней и каменных «баб»⁵, указаны местонахождения керексуров⁶ и жертвенников.

«Отважные путешественники, покрывшие целой сетью своих маршрутов всю поверхность Внутренней Азии, совершенно справедливо смотрели, как это ясно высказал Н. М. Пржевальский, на свои исследования только как на научные рекогносцировки, за которыми должны были следовать более детальные работы лиц, специально подготовленных к изучению тех или других отраслей обширного цикла географических наук» [534, с. 18].

В трудах исследователей Центральной Азии (прежде всего П. К. Козлова, Г. Н. Потанина, А. М. Позднеева) археологическим памятникам уделяется большое внимание, публикуются их фотографии, даются первые описания памятников [535, с. 217—236; 544, с. 77]. Г. Н. Потанин сделал в Восточносибирском отделе Русского географического общества специальный доклад об оленных камнях и их распространении в Монголии. Именно Г. Н. Потанин попытался первым объяснить смысл некоторых изображений на оленных камнях и высказал предположение о назначении этих памятников.

Исследования русских путешественников были продолжены западными учеными: Пёмпели, Аспелиным, Гранэ, Каррутерсом. Гранэ зафиксировал и описал оленные камни Западной Монголии, скопления стел в долине Дагаан-дэль (Завханский аймак) и в Гурван-булаке (Баянхонгорский аймак) [752].

Начало изучению исторических памятников Монголии положила в конце XIX в. экспедиция во главе с Н. М. Ядринцевым, организованная Российской Академией наук. В 1889 г. в долине р. Орхон в местности Хушо-цайдам, а также в окрестностях г. Налайха Ядринцевым были обнаружены крупные архитектурные комплексы с каменными изваяниями и стелами, покрытыми древнетюркскими надписями.

В 1890 г. в Монголию была снаряжена экспедиция под руководством В. В. Радлова, открывшая десятки памятников разных эпох. Наибольший интерес представляли древнетюркские тексты, выбитые на каменных стелах. Это открытие привлекло к центру Азии внимание лингвистов и археологов, тюркологов и китаистов. Но в начале XX в., после издания нескольких вариантов дешифровки текстов, волна всеобщей заинтересованности спала. Причиной воцарившегося равнодушия было, возможно, отсутствие новых археологических открытий и пренебрежительное отношение к кочевым культурам.

И все же в целом искусство кочевников оставалось малоисследованным. Одни памятники были изучены полнее, другие почти не изучены. В результате досюнкский период истории долгие годы оставался белым пятном на карте Монголии.

До Народной революции 1921 г. в стране работали небольшие экспедиции, которые в основном ограничивались сбором коллек-

ций и публикацией первичной информации. В 1921—1931 гг. в Монголии работала американская экспедиция, один из участников которой, Н. К. Нельсон, занимался поисками древних стоянок. Его работу продолжили участник китайско-шведской экспедиции Ф. Бергман и японские ученые Н. Эгами и С. Мицуно, издавшие описание коллекции из Внутренней Монголии, в том числе художественно выполненных изделий из бронзы [736].

По-настоящему же заинтересовались искусством и культурой кочевников после того, как в 1924 г. П. К. Козлов открыл знаменитые курганы эпохи сюнну в Ноён-уле и С. И. Руденко — Пазырыкские курганы на Алтае. В 1925 г. раскопки курганов сюннуской знати были продолжены. В эти же годы отряд монголо-тибетской экспедиции под руководством Г. Боровки произвел разведку и раскопки плиточных могил. Обнаруженные им находки скифского типа позволили Г. Боровке провести аналогии с плиточными могилами Забайкалья [69]. Именно Г. Боровка сумел датировать часть археологических памятников Северной Монголии. Так, к скифскому времени он отнес и оленные камни — один из самых ярких памятников Западной и Северной Монголии.

Открытие каменного изваяния, высеченного поверх более древнего оленного камня, т. е. факт повторного использования монумента скифского, как он считает, времени, позволили Г. Боровке утверждать, что оленные камни — источник более древний, чем каменные «бабы» тюркского времени. Он датировал скифским временем большую серию наскальных рисунков.

В 30-х годах сотрудник Комитета наук МНР Д. Д. Букинич провел разведку и раскопки в долине р. Орхон, обращая преимущественное внимание на изучение древних городов [72; 73].

В 1948—1949 гг. совместная советско-монгольская археолого-этнографическая экспедиция (возглавлявшаяся С. В. Киселевым) начала раскопки древнемонгольских городов. Это был качественно новый этап в изучении древней истории страны. Был собран материал для написания соответствующих разделов первой одно-томной «Истории Монгольской Народной Республики» [291]. Древняя история Монголии впервые была рассмотрена с позиций марксистско-ленинской методологии. В результате С. В. Киселев обосновал вывод о большой роли городов, в частности Кара-Корума, в экономической жизни монгольского общества [247]. Экспедиция открыла погребения скифского и раннесредневекового времени, стоянки человека каменного века, наскальные рисунки разных эпох.

50-е годы ознаменовались открытиями, сделанными монгольскими археологами. В 1952—1957 гг. вел раскопки курганов раннего железного века и погребения эпохи сюнну Ц. Доржсурэн, в 1957 г. Н. Сэр-Оджав исследовал памятник, воздвигнутый в честь древнетюркского сановника Тонъюкука, расположенный недалеко от Налайхи. Кроме архитектурных деталей, скульптур и фундамента сооружения были найдены обломки штукатурки, на одном из которых обнаружена хорошо сохранившаяся руниче-

ская надпись [687]. В тот же период были обследованы развалины средневековых городов Хара-Бухын-балгас, Дзун-хэрэм, Барсхото-I и Чин-Толгой [677; 679; 678].

Общность научных интересов ученых МНР и других социалистических стран привела к организации ряда совместных экспедиций. В 1957 г. большую поездку по западу и северо-западу страны предприняла монголо-венгерская историко-культурная экспедиция. В ней приняли участие монгольский филолог Э. Вандуй и известные венгерские исследователи Центральной Азии А. Рона-Таш, Д. Кара и К. Урай-Кёхалми [561; 302].

Монголо-чехословацкая экспедиция в 1958—1959 гг. в Хушотцайдаме вела раскопки интереснейшего памятника древнетюркского времени — поминального комплекса, воздвигнутого в честь Кюль-Тегина. Были обнаружены развалины дворца, стоявшего на высоком глиняном фундаменте, остатки черепичной крыши, следы прямоугольной глинобитной стены. Наибольший интерес представляет фрагмент скульптурного изображения Кюль-Тегина [686].

В мае 1961 г. была создана Академия наук МНР, что способствовало дальнейшим успехам монгольской науки, в частности археологии. Перед археологами и историками, занимающимися древним и средневековым периодами монгольской истории, были поставлены задачи изучения проблем монгольского этногенеза, определения места и роли кочевых народов в цивилизации Центральной Азии, исследования культуры и экономики средневековых монгольских городов и др.

В 60-х годах, как и в предшествующее десятилетие, в Монголии проводились крупнейшие экспедиции совместно с учеными братских социалистических стран.

Самой значительной по объему работ и результатам является уже упоминавшаяся советско-монгольская историко-культурная экспедиция, которая начала свои работы в 1969 г. В экспедиции принимали участие десятки ученых обеих стран. Материалы экспедиции в основном уже опубликованы и легли в основу монографических исследований и многих статей монгольских и советских археологов, этнографов и лингвистов, обсуждались на международных конгрессах, состоявшихся в Улан-Баторе в 1970, 1973, 1976, 1987 гг. [243; 595; 670; 674; 688].

Немалую работу ведут сотрудники аймачных и сомонных краеведческих музеев и кабинетов по сбору и фиксации случайных находок и составлению археологических и этнографических карт своей местности. В Среднегобийском аймачном краеведческом музее (г. Мандал-гоби) эту работу проделал Ж. Сугир, затем ее продолжил Ц. Авирмид, в Гобиялтайском музее (г. Есон-булак) — Ц. Товчон, в Кобдоском (г. Кобдо) — Ш. Талхажав.

В связи с новыми археологическими открытиями в стране возрос интерес к ее прошлому, появились популярные издания с описанием памятников изобразительного искусства. В настоящее время круг проблем, связанных с изучением древней культуры, и район археологических исследований необычайно расширились.

Мы остановимся лишь кратко на основных вопросах, дискутируемых в исторической литературе.

Изучение палеолита Монголии неразрывно связано с проблемой происхождения человека вообще и первоначального освоения Центральной Азии в частности. И хотя многие крупные ученые XIX—XX вв. неоднократно высказывались в пользу идеи о том, что прародиной человечества является Центральная Азия, отсутствие достаточно убедительных данных по палеолиту Монголии делало эту гипотезу весьма уязвимой [381]. Ни экспедиция Р. Ч. Эндрюса [706], ни работы Дж. Марингера [814] не внесли ясности в этот вопрос.

В конце 40-х и в 50-е годы монгольскими археологами, искавшими стоянки первобытного человека, были проложены первые разведочные маршруты. Тогда же были проведены и первые сборы древнейших каменных орудий труда, открыты мастерские эпохи палеолита.

Начало серьезному изучению палеолита Монголии положила советско-монгольская археолого-этнографическая экспедиция 1948—1949 гг., открывшая ряд древнейших стоянок и среди них многослойную палеолитическую стоянку Мойльтын-ам на левом берегу р. Орхон в районе Кара-Корума [663; 488]. В 1949 г. экспедиция обнаружила палеолитические орудия и следы их производства в окрестностях Улан-Батора, в Восточном и Южнгобийском аймаках.

Достаточно хорошо исследовалась в Монголии и эпоха неолита. Работы, посвященные неолиту, появились в МНР во второй половине 50-х годов. Они написаны на материалах неолитических стоянок, найденных и обследованных к тому времени в четырех аймаках страны: Южнгобийском, Восточном, Центральном и Селенгинском [664; 382]. Первый обзор и характеристика неолита, его периодизация были сделаны в работе Сэр-Оджавы «О неолите Монголии» [681], где уделяется большое внимание гобийским стоянкам Баян-дзак (или Шаврын-ус), открытым еще американской экспедицией Эндрюса в Джалган-худаг. Автор отметил важность находки каменных зернотерок как свидетельства примитивного земледелия и детально описал серую и красную керамику с оттисками штампа. Яйцевидная форма сосудов и орнамент на них позволили отнести эти находки к раннему периоду неолита (IV тысячелетие до н. э.) [675].

А. П. Окладников, выделивший этапы раннего и позднего неолита в гобийских комплексах, сравнивает раннюю гобийскую культуру с серовской стадией в Прибайкалье [488]. Поздняя же гобийская археологическая культура, по мнению исследователей, типична по инвентарю для периода энеолита. Она локализуется на крайнем юге гобийской зоны и отличается широким распространением каменных зернотерок, пестов и других свидетельств зачаточных форм первобытного земледелия [820].

В 50-е годы в Монголии были собраны богатые неолитические коллекции. Археологическая карта заполнилась десятками поме-

ток о стоянках и мастерских новокаменного века. Именно в те годы были открыты новые памятники в западной, северной и восточной частях страны.

К настоящему времени благодаря работам советско-монгольской историко-культурной экспедиции более всего изучен восточномонгольский неолит. Результаты работ позволили ученым сделать существенные выводы, касающиеся происхождения неолитических культур Монголии и характера земледелия в этом районе. Вероятно, они развивались самостоятельно, без влияния со стороны земледельческих центров юга и юго-востока Азии. Д. Дорж считает, что культуры эти отличны от восточномонгольских и находят местные генетические корни как пластинчатой техники Монголии, так и конструкции домов тамцамбулакской культуры. Наконец, древнейшим культурным растением Восточной Монголии монгольские ученые считают просо, а известно, что в стране имеются его дикорастущие формы, от которых мог произойти и нынешний вид — метельчатое просо [243, с. 86—87]. Это значит, по мнению Д. Доржа, что земледелие в Восточной Монголии возникло самостоятельно, на местной основе, из активного собирательства.

В течение долгих лет самым неведомым и неисследованным периодом древней истории Монголии был энеолит и ранний этап эпохи бронзы. Этот пробел в последние годы заполнился благодаря раскопкам, проведенным советско-монгольской историко-культурной экспедицией. В частности, найдено интересное погребение, раскопанное в 1972 г. в Норовлийн-уул в Восточном аймаке [127]. В Западной Монголии исследованы курганы афанасьевского времени и петроглифы. В результате этих исследований открыто десять местонахождений древних рисунков, самые ранние из которых относятся к эпохе энеолита [465]. Причем большой удачей является тот факт, что именно благодаря находкам в этой зоне удалось сравнить археологические датировки с данными, полученными биологами и геологами — членами совместных советско-монгольских экспедиций.

К началу работ историко-культурной экспедиции очень мало было известно науке и о следующем этапе древней истории — так называемой карасукской культуре, поскольку имелись только случайные находки бронзовых предметов. В настоящее время кроме большого количества художественно выполненных бронзовых изделий, многочисленных наскальных изображений колесниц бронзового века имеется и погребальный комплекс, открытый в Убурхангайском аймаке. Там найдены золотые заколки, увенчанные изящными головками горных баранов и являющие собой прекрасные образцы раннего этапа «звериного стиля» Монголии. Кроме того, открыты древние рудники по добыче меди в Южно-гобийском аймаке на горе Цагаан-сабурган отрядом Э. А. Новгородовой и С. Н. Коренева. Эти находки позволяют предполагать, что вполне самобытные бронзовые карасукские изделия могли быть отлиты в Монголии, где не было недостатка в сырье.

В специальных публикациях, прежде всего в работах монгольских археологов, чаще всего описываются памятники эпохи бронзы, более того, нередко смешиваются воедино понятия развитого бронзового века и раннего железного века, так как зачастую провести четкую грань между этими культурами Монголии пока еще действительно трудно.

Эпоха ранних кочевников, или ранний железный век, дает особенно богатый археологический материал. Исследования, проведенные советско-монгольской историко-культурной экспедицией, позволяют сделать предварительные обобщения по этой эпохе и дать ее общую характеристику. И археологически, и антропологически в Монголии выделяются два значительно отличавшихся друг от друга региона — восточный и западный. Первый можно связать с представителями монголоидной расы. В то же время на западе страны население отличалось европеоидными чертами не только в скифское время, но и значительно ранее, когда европеоидность была сильнее. В скифское же время начался процесс метисации.

К эпохе раннего железного века на востоке относятся плиточные могилы — наиболее типичный памятник степей. Погребенные лежат в вытянутом положении, головой на восток. Иногда тела умерших посыпались охрой. Эта традиция сложилась еще в эпоху неолита.

В эпоху раннего железного века на западе и северо-западе страны хоронили под высокими каменными курганами — керексурами и в срубах. К эпохе раннего железного века относится Улангомский могильник, раскопанный в окрестностях Улангома — центра Убсанурского аймака на северо-западе страны. По числу неграбленных погребений, обилию инвентаря и особенно предметов скифо-сибирского «звериного стиля» это, бесспорно, самый значительный памятник из открытых в последнее десятилетие.

От эпохи бронзового и раннего железного века сохранились в Монголии памятники изобразительного искусства — наскальные рисунки, выполненные охрой (изображения оградок, людей, парящих птиц и т. д.). А. П. Окладников датирует эти рисунки скифским временем, Д. Дорж относит их к XII—XI вв. до н. э. [661]. Картографирование наскальных рисунков, выбитых на камне и выполненных охрой, показало локальный характер их распространения, еще раз подтвердило справедливость предположения о наличии двух больших культур, существовавших в Монголии одновременно на востоке и западе [820].

Нужно заметить, что изучению наскальных изображений в Монголии уделяется много внимания, особенно петроглифам, так как они могут быть сравнимы с рисунками на оленных камнях и датированы благодаря находкам в погребениях этой эпохи.

История и культура эпохи сюнну связана с предшествующими культурами и историей соседних народов, прежде всего Казахстана, Средней Азии и ханьского Китая. В древней истории Монголии сюнну — это первая этническая общность, чье самона-

звание, а также подробная хроника жизни сохранились благодаря китайским источникам, хотя последние не могли не быть тенденциозными и односторонними.

Итак, археологические данные приобретают значение важного, достаточно объективного документа. Что же касается быта и культуры сюнну, то для их характеристики археология остается по-прежнему единственным и незаменимым источником.

Со времени открытия П. К. Козловым богатых курганов Ноён-улы в Монголии долгое время не было новых данных по эпохе сюнну. Определенным этапом в изучении культуры сюнну была книга монгольского археолога Ц. Доржсурэна «Северные сюнну» [667], в которой обобщены результаты раскопок и разведок автора в 1952—1957 гг., а также описаны находки из «симуковских» курганов: фрагменты обшитого шелком войлочного ковра, лаковая чашечка с надписью, золотая фигурка лошади на пряжке, два сосуда с остатками зерна. Автор отмечает, что сюнну вели оседлый образ жизни, он перечисляет их поселения и городища, указывает на вспомогательную роль земледелия у этих скотоводческих племен. Особое внимание уделяется вопросу о происхождении культуры северных сюнну. Ц. Доржсурэн выдвигает гипотезу о родстве этой культуры с предшествующей культурой плиточных могил⁷. В пользу данной гипотезы говорит сходство керамики, орудий труда и некоторых элементов декоративного оформления предметов быта.

Раскопки погребений эпохи сюнну непрерывно продолжались в 60-е годы. Новый материал был получен в 1960 г. Ц. Доржсурэном при раскопках в Кобдоском аймаке, он, в частности, нашел ажурные поясные бляхи. Богатые наборы конской упряжи: удила, псалии и пряжки были найдены Х. Пэрлээ и Н. Сэр-Оджавом в 1960—1964 гг. в могиле эпохи сюнну с дромосами на р. Сельбе (недалеко от г. Улан-Батора). Венгерский археолог И. Эрдэли и Д. Наваан в 1962 г. вели раскопки на р. Хуний-гол и в горах Ноён-ула [739]. Особенно удачными были их раскопки в 1971 г. в Восточной Монголии, где они нашли бронзовые котлы, сосуды на поддонах и массу мелкой глиняной утвари.

Сюннские некрополи являлись предметом исследования также советско-монгольской экспедиции в 1969 г.⁸ Было вскрыто пять могил. В деревянных гробах и у изголовья погребенных найдены бусы из бирюзы, бляхи, орнаментированные охрой сосуды. Последний факт особенно интересен, ибо возможно, что это не единственный случай раскраски сюннских сосудов охрой поверх прочерченного орнамента⁹ [125].

В районе Хушо-цайдама Н. Сэр-Оджав открыл сюннские захоронения недалеко от знаменитых древнетюркских памятников. В двухъярусной могиле обнаружено парное погребение. Оно легко датируется, так как в могиле найдены обломки зеркала ханьской эпохи. Несколько могильников исследовано В. В. Волковым в Тэвш-ууле (Монгольский Алтай). Они расположены на склонах гор, в самой высокой части долины. Там же в 1971 и 1972 гг.

В. В. Волковым и Д. Навааном раскопано восемь каменных курганов с погребальными камерами, перекрытыми деревянными настилами. В дощатых гробах, окрашенных в желтый цвет, снова найдены ханьские зеркала, а также обломки лаковых чашечек, бусы, пряжки, в мужских погребениях — луки и стрелы. На одном из гробов стояло большое деревянное блюдо на четырех квадратных ножках¹⁰ [122]. В 1973 г. погребения эпохи сюнну были открыты в Улангомском могильнике на том же могильном поле, где были раскопаны погребения раннего железного века. Найдены украшения, кист, деревянные палочки для еды, посуда и оружие [825].

Экспедиция продолжала также поиски сюннских городищ. Одно из них открыто Э. В. Шавкуновым и Х. Пэрлээ в 1972 г. на берегу р. Барунбайдариг в Баяндэлгэрском сомоне Центрального аймака. Городище представляет собой правильный четырехугольник, обнесенный со всех сторон земляным валом. В центре городища видна высокая глиняная платформа и каменная кладка — следы фундамента здания дворцового типа. Большой овальный котлован диаметром около 40 м предназначался для хранения пресной воды на случай осады [641; 202].

Археологические данные, полученные при раскопках, — это обширный материал, позволяющий судить о расселении сюнну, об их быте, искусстве и социальной истории.

В данной работе автор не занимается специально историей ни сюнну, ни древних тюрков, поэтому ограничивается лишь обзором археологических и эпиграфических источников, ибо древняя история страны теснейшим образом связана с последующими эпохами.

История древних тюрков на территории Монголии достаточно хорошо известна по письменным и археологическим источникам. Здесь сохранились многочисленные памятники древнетюркской эпохи: могилы и погребальные комплексы, обелиски — «вечные камни» с выбитыми на них речами «мудрых каганов», обращенными к потомкам, каменные изваяния мужчин с оружием на поясе и чашей в руках.

В монографии Н. Сэр-Оджава, посвященной истории древних тюрков, большое внимание уделяется их культуре, изобразительному искусству той эпохи, дается классификация каменных изваяний [688]. Автор подметил, что изображение чаши на древнетюркских скульптурах можно считать местной традицией, равно как и обычай держать сосуд двумя руками. Он предлагает также свое решение вопроса о том, кем и когда были обезглавлены «каменные бабы», полагая, что это событие связано с проникновением в Монголию буддизма. Представители новой религии, отсекая головы древнетюркским идолам, отвергали таким образом основную религию тюрков — шаманизм [107].

Таковы в общих чертах некоторые итоги изучения древней культуры и археологических памятников на территории МНР.

ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ МОНГОЛИИ И ВЛИЯНИЕ КЛИМАТА НА СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ НОМАДИЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Представление о древней истории и культуре любого народа не будет полным, если исследователи абстрагируются от тех климатических и природных условий, в которых развивается та или иная цивилизация. И это особенно важно помнить, когда речь идет об истории и культуре номадического общества.

Первый, кто говорил о большом значении зависимости кочевника и земледельца от природных условий в центральноазиатском регионе, был известный китайский историк II — начала I в. до н. э., автор «Исторических записок» Сыма Цянь. Он, например, предполагал, что непобедимость сюнну и слабость китайской армии объясняются прежде всего климатом, рельефом и огромными пространствами Срединной Азии. Сыма Цянь считал, что китайцы не могут жить и тем более побеждать в горно-степных землях Центральной Азии (59, т. 1, с. 51, 55, 57).

Итак, мы начинаем экскурс в монгольскую древность с физико-географического очерка страны. Даже краткий географический обзор современной Монголии помогает понять многие специфические черты древнего скотоводческого общества Центральной Азии.

Монголия кажется многим страной бескрайних степных равнин и даже пустынь. Но в действительности она не в меньшей мере и горная страна. Перелистываем ли мы массивные тома с описанием первых путешествий по Монголии, изучаем ли современную карту Центральной Азии, неизменно встречаем многочисленные названия горных хребтов и ущелий. Не случайно до Народной революции в Монголии 56 из 67 хошунов носили названия гор, и лишь три именовались по рекам: Халхин-Гол, Онон, Уль-дэн-гол (причем все три реки расположены на востоке). И если путник держит путь на запад, то везде перед ним будут возвышаться горы. С каждого перевала путешественнику открываются бесконечные цепи гор, новые долины и перевалы. Равнин в Монголии мало, да и те расположены высоко над уровнем моря.

Географы выделяют пять физико-географических районов:

Алтайский, Хангайско-Хэнтэйский, Котловину Больших озер, Восточномонгольский и Гобийский.

Центральноазиатское плоскогорье окружено горными хребтами со всех сторон: на западе высятся Гималаи и Тянь-Шань, на севере — Алтай, Саяны, Яблоновый хребет, на востоке — Большой Хинган. В самом же центре и на западе Монголии протянулись крупнейшие горные системы — Монгольский Алтай, Хангай и Хэнтэй. Изолированная горами от всех морей и океанов, расположенная в глубине материка, Монголия недоступна для влажных воздушных течений, чем и объясняется ее резко континентальный климат.

Суровость монгольской природы удивительна, если учесть, что столица Монголии — Улан-Батор находится на широте Северного Кавказа, Запорожья, Вены и Мюнхена.

Исследователи называют Монголию географическим феноменом, не имеющим аналогов на земле. Действительно: в пределах МНР находится самый южный очаг распространения вечной мерзлоты, а в западной части страны, в Котловине Больших озер, проходит самая северная в мире граница сухих пустынь (расстояние между линией распространения вечной мерзлоты и началом пустынь не превышает 300 км). По температурным колебаниям, как суточным, так и годовым, Монголия является одной из самых континентальных стран мира (максимальная годовая амплитуда колебаний температуры в Улан-Баторе достигает 90°): зимой там свирепствуют сильные морозы, а летняя жара в Гоби может сравниться только с тропической.

В Монголии сохранились многообразные ледниковые формы рельефа, порой целые ледниковые ландшафты. Например, ледник Потанина на Алтае (верховья Цагаан-гола) имеет длину 70 км, это уникальное место современного горного оледенения.

Все эти поистине парадоксальные физико-географические явления вкупе с обширностью территории (протяженность с запада на восток по прямой равна 2368 км, с севера на юг — 1260 км, а площадь МНР равна 1565 тыс. кв. км), четкой разграниченностью географических зон, с резкими перепадами высот и явным преобладанием горного рельефа и создают своеобразное лицо страны, определяют богатство и многообразие растительного и животного мира, а в конечном счете и специфику ее истории и культуры.

В расселении охотничьих и пастушеских племен важную роль играло резкое различие биологических зон, каждая из которых характеризуется особенностями рельефа, почв, флоры, а следовательно, и фауны.

В зональном расчленении растительного покрова в Монголии выделяются следующие пояса:

- 1) высокогорный с альпийской растительностью (высота 2000—3000 м);
- 2) горно-таежный (1700—2000 м);
- 3) пояс горных степей и лесостепей (1000—2000 м);

4) зоны степей, пустынных степей и пустынь [650; 651].

Север Монголии — Хангайская область — занимает горно-таежная зона с вершиной Отгон-Тэнгэр (4031 м над уровнем моря). Леса, как правило, покрывают северные склоны гор и состоят из сибирской лиственницы, кедра, сосны, березы и осины. Обитатели этой зоны те же, что и в сибирской тайге: марал, лось, кабан, рысь, медведь, соболь, россомаха и др. Южнее, между хребтами Хэнтья, Хангая и Монгольского Алтая, лежит средняя степная полоса. Там водятся антилопы-дзерены, волки, лисицы, а в горах нередко встречаются барс-ирбис и рысь, которые охотятся на диких козлов и диких баранов. Большая часть этих животных изображена на петроглифах разных эпох.

Крайний запад страны — Алтайский район — самая высокогорная часть (площадь 248 940 кв. км). Монгольский Алтай — большая горная система, протянувшаяся с северо-запада на юго-восток на 800 км (вершины — Хуйтэн-Найрамдал — 4373 м и Мунх-Хайрхан-ула — 4362 м). На юге Монгольский Алтай переходит в Гобийский Алтай (1200 км). Его ширина на северо-западе 380 км, на юго-востоке 50 км, наивысшая точка района — хребет Тэргун-Богдо-ула (Их-Богдо-ула), его высота 3957 м.

Для Гобийского Алтая характерна усиленная циркуляция атмосферы. Это явление связано с местными возмущениями, вызываемыми различиями в нагревании южных и северных склонов, котловин и вершин гор. Именно на склонах гор этих районов и открыты большие скопления наскальных рисунков, создававшихся начиная с эпохи неолита.

Восточная Монголия значительно отличается от Западной (площадь Восточномонгольского района 247 630 кв. км). Здесь преобладают равнинные степи, средняя высота которых 800—1100 м над уровнем моря. На дне равнин, в наиболее низких местах часто образуются озера и солончаки. На юге и востоке района известны массивы песков: например, барханные пески по течению р. Халхин-Гол, по берегу оз. Буир-нур (самая низкая точка Монголии — 583 м над уровнем моря). Вдоль границы с Внутренней Монголией возвышаются конусы потухших вулканов, встречаются базальтовые выходы, сопки вулканического происхождения.

В настоящее время в этом районе преобладают сухие степи с небольшим количеством осадков (до 300 мм в год). В прошлом же, в конце третичного — начале четвертичного периода, климат был более влажным, о чем свидетельствуют высохшие русла рек, на берегах которых археологи нашли следы многочисленных неолитических стоянок, а также мастерских кремневых орудий.

В восточном и юго-восточном районах, в бассейне рек Селенги и Онона встречаются полудрагоценные камни, которые уже в глубокой древности люди использовали для производства орудий труда и украшений. Это — агат, халцедон, сердолик, бирюза, нефрит, яшма, белый коралл, родонит и др.

Рек на востоке ныне немного, крупнейшие из них: Керулен (1264 км), Онон и Халхин-Гол (233 км). Типичные животные восточных степей: антилопа-дзерен, восточная косуля, режее марал, лось, кабан, бурый медведь, а из хищников: волк, лисица, корсак, дикая кошка. Хищные птицы: черный гриф, орел, коршун, сокол. Все они охотятся на мелких грызунов. Характерны также жаворонок, журавль, перепел, дрофа, гусь, утка. Изображения многих из этих животных и птиц археологи находят на скалах.

По данным палеоантропологов, известно также о существовании в древности на территории Монголии видов животных, ныне вымерших, но когда-то характерных для этих мест: жираф, носорог, страус [716].

В этих районах растут ковыли, несколько видов карагана, донтостемон, цимбария, мытник, терескен, некоторые виды полыни. Из злаков встречаются мятлики, житняк, вострец ложно-пырейный и др. В основном это горно-степные и степные виды, сформировавшиеся в условиях высоких нагорий [649, с. 18]. Обилие диких злаков и создало благоприятную почву для ранних земледельческих опытов в стране (на стадии неолита).

Гобийский район (площадь 400 200 кв. км) соседствует с Восточномонгольским и Алтайским, он занимает южную часть страны. Его южные пределы граничат с Внутренней Монголией и Синьцзяном (КНР). Сравнительно неширокая полоса полупустынных степей тянется с юга на север на 500 км, с востока на запад на 1000 км. Граница Гоби проходит в 500 км южнее Улан-Батора. Для гобийских степей характерны бурые почвы, кустарниковая растительность и отсутствие степных животных — полевков и тарбаганов (сурков). Песками в Гоби занято 3 % всей площади района, т. е. 13 500 кв. км. Гоби можно разделить на степную и пустынно-щебнистую зоны. Пески закреплены растительностью и используются как пастбища. Типично пустынной растительности в Гоби нет [530]. Здесь господствуют лугово-злаковые и злаково-солончаковые ассоциации, что характерно для полупустынь. Границей гобийской растительности является хребет Дэльгер-Хангай, где уже появляются солянки и гобийские эндемики [285, с. 156]. Интересно отметить, что в горах Дзун-Сайхан были обнаружены кроме горно-луговой и степной растительности остатки лесной и даже альпийской [285]. А это свидетельствует о большей влажности климата этих мест в древности. Данный фактор важно учитывать при анализе ранних форм скотоводства.

В монгольском языке слово «гоби» — нарицательное, обозначающее полупустынные степи с солончаковой растительностью. Неверно отождествлять гоби с пустыней, так как лишь небольшие участки гоби покрыты песками и вовсе непохожи ни на казахстанские степи, ни на туркменские Каракумы, ни тем более на африканскую Сахару. Гоби — травянистая степь с холмами, лощинами и увалами. Восточные Гоби с аллеями хайласов иногда называют даже гобийскими саваннами. За исключением За-

алтайской Гоби эта территория пригодна для выпаса скота, причем мясо из этих мест благодаря особым качествам местного разнотравья считается калорийнейшим в Монголии. В этой зоне можно встретить таких редких животных, как дикий двугорбый верблюд, дикий осел (кулан), дикая лошадь, широко известная как лошадь Пржевальского [691]. В 1935 и 1936 гг. экспедиция Комитета наук МНР встретила в горах Цагаан-богдо гобийского медведя. В пустынных горах Заалтайской Гоби и Джунгарской Гоби до сих пор живет этот редчайший представитель класса млекопитающих. В 1937 г. между Хангаем и Гобийским Алтаем биологи наблюдали стада куланов до 1 тыс. голов одновременно [282]. По бескрайним просторам гоби и сейчас бродят бесчисленные стада диких животных — антилоп, козлов, баранов. О многочисленности этих животных в древности можно судить по петроглифам, открытым в этих районах.

В древности Гобийская зона была благоприятнее для жизни, чем в настоящее время. В плиоценовых отложениях палеонтологами обнаружены кости оленя, бобра, лошади и страуса, что свидетельствует о значительно большей влажности этого района. Кроме того, в неолитических стоянках гоби (Баян-дзак) обнаружены украшения из скорлупы яйца страуса, а среди ранних петроглифов — изображения водоплавающей птицы.

Процесс высыхания гоби, очевидно, начался одновременно с высыханием Сахары и Аравийской пустыни (4—5 тыс. лет назад).

К сожалению, до сих пор не создано палеобиологических карт Монголии. Нашим единственным источником по палеозоологии этих мест остаются находки палеонтологов, данные петроглифов и археологические раскопки неолитических стоянок.

Специфические географические черты Монголии, ее климатические особенности наложили отпечаток на формирование животного мира, а затем на характер скотоводства. По данным палеонтологии можно проследить и состав диких стад в Монголии, определить северные и южные границы обитания оленей, верблюдов, лосей, водоплавающих птиц и т. д., что дает возможность говорить о значительной роли охоты в жизни древних племен Центральной Азии.

В Монголии насчитывается 127 видов млекопитающих, свыше 300 видов пернатых, 70 видов рыб. Особенно богат животный мир Алтая. Там водится барс-ирбис, олень марал и косуля, в альпийской зоне — горный баран архар, на скалах — горный козел янгир, антилопа-дзерен.

Наиболее многочисленны в степи стада дзеренов.

В стране, изобилующей бескрайними пастбищами и стадами животных, идея одомашнивания диких травоядных животных должна была возникнуть и реализоваться раньше, чем в иных экологических условиях.

Методы и способы ведения кочевого скотоводческого хозяйства оказались настолько естественны и логичны, что в течение

многих веков они не претерпевали существенных изменений. Животноводство в Монголии неминуемо должно было основываться на круглогодичном использовании естественных пастбищ [4; 269; 576]. В соответствии со временем года — сменой сезонов и состоянием пастбищ, благодаря климатической неоднородности страны номады кочевали вместе со всем скотом и имуществом, повторяя строго установленные маршруты и меняя места кочевков от двух до четырех раз в год.

Надо сказать, что Монголия — одна из немногих стран мира, сохранившая до XX в. полное кочевое хозяйство. До революции страна не имела промышленности и в ней не было других отраслей хозяйства, кроме экстенсивно кочевого животноводства.

Даже сейчас на жизнь кочевника Центральной Азии огромное влияние оказывают природные условия. А в эпоху бронзы (II тысячелетие до н. э.) судьба скотовода полностью зависела от засухи, ветров, гололеда, вызывавшего падеж скота, и т. д.

Богатство страны теми или иными полезными ископаемыми, обилие полудрагоценных камней, изолированность и отдаленность от соседних народов, континентальность и суровость климата не могли не отразиться на жизни древнего общества, хозяйственном укладе и общественных отношениях. Эта зависимость от суровых стихий наложила также отпечаток на культы и мифы, нашла отражение в искусстве древних племен, и прежде всего в древнейших памятниках страны.

Картирование памятников показывает, что ареалы типов скотоводческого хозяйства накладываются на ландшафтные зоны. Так, в Хангайской зоне с древних времен разводят крупный рогатый скот, и прежде всего яков — выносливых обитателей высокогорий. Основные виды скота в степной зоне — лошади и овцы, в пустыне и полупустыне — козы и верблюды.

По этнографическим данным, полученным в Монголии, прослеживаются традиционные формы ведения скотоводческого хозяйства. С древнейших времен пастбища делятся на зимние, весенние, летние и осенние. Соответственно территория сезонных пастбищ разделена скотоводами-аратами на три части, где проходят начальная, средняя и конечная стадии выпаса [45]. Скотоводы учитывают зависимость нагула скота от наличия ближних и дальних пастбищ, воды, от качества травы.

Особенно важен для скотоводов выбор зимних пастбищ. Существенно, чтобы на них был тоньше слой снега, но сохранялся растительный покров. А более заснеженные участки используются либо в начале, либо в конце зимы, степи и северные склоны гор — в середине зимы. Зимой вообще предпочтительнее изрезанный рельеф. «Лучшими тебеневочными¹ местами считаются такие, где скот может находить защиту от ветров и буранов, как, например, долины рек, горы, лесистые места и т. п. В защищенных местах снег бывает мягче, чем в открытом поле» [234, с. 18].

Естественно, что выбор летних пастбищ зависел от состава

стада, от расположения и качества зимних угодий, от степени обеспеченности их кормами и водой. Летом номады использовали для выпаса скота северные склоны, в жару выбирали обдуваемые ветрами склоны.

Весенние и осенние пастбища занимали промежуточное положение между зимними и летними. Особое внимание уделялось весенним кочевкам, совпадавшим с рождением потомства и дойкой [431, с. 51].

В среде кочевников в течение нескольких тысячелетий сложились и сохранились способы кочевания и связанные с ними традиции и обычаи, выработались нормы кочевий, загонов, выбора мест для айлов (поселок из нескольких юрт), планировка юрт в айле. Строго упорядочена последовательность сборки и разборки юрты, навьючивания верблюда для кочевки. Веками выработаны способы приручения верблюдов и выучки их ходьбе в упряжке.

Можно предположить, что если сегодня перекочевки в Хангайских горах наиболее короткие, а в степных зонах сравнительно дальние, то, очевидно, похожая пропорция существовала и в древности. И следовательно, некоторые выводы этнографов Монголии о традиционных способах кочевков в разных географических зонах строятся на исследованиях современных способов кочевков и их можно переносить с небольшими поправками и на конец II—I тысячелетие до н. э.

Каковы же способы кочевья в разных зонах Монголии? В Хангайских горах смена пастбищ происходит на ближнем расстоянии («сэлгэх») — это две-три перекочевки в год на расстояния по 30 км. В степях кочевки далекие («тевших»), в гоби кочуют вокруг водных источников («ортоолох»), делая по 8—10 кочевков в год, по 120 км.

Интересно, что у киргизских и казахских скотоводов форма кочевков, состав стад и продолжительность перехода во многом сходны с монгольскими именно в тех случаях, когда аналогичны природные условия и характер горного рельефа.

Что касается общественного строя и культуры кочевников Азиатского материка, то можно сказать, что большое количество историко-этнографических материалов уже собрано и обобщено [512; 426]. Однако эти данные все еще недостаточно полно учитываются при изучении разных кочевых обществ.

Начиная с 40—50-х годов складываются две концепции истории кочевых народов. Последователи С. П. Толстого считали, что в основе социальной дифференциации кочевников лежала собственность на скот, Б. Я. Владимирцов полагал, что главную роль в обществе номадов играла собственность на землю. Ясно одно, что для нормального воспроизводства стада в зоне сухих степей, полупустынь и пустынь требовались большие пространства. И следовательно, кочевки номадов — явление неизбежное. Так, для нормального воспроизводства одной особи лошади в течение года необходимо в зоне степей около 20 га пастбищ, одной особи овцы — около 12—24 га [431; 610]. Следовательно, в определен-

ных географических условиях кочевое скотоводство было единственно возможной формой ведения хозяйства. «Кочевничество было распространено в докапиталистическую эпоху на территориях, которые не могли быть освоены и не осваивались другими видами производственной деятельности... существование нomaдизма новейшего времени не являлось, как полагали некоторые авторы, анахронизмом, поскольку никакая иная форма или режим хозяйствования не могли предложить сколько-нибудь реалистичной альтернативы освоению огромных природных пространств Евразии...» [422, с. 27].

Становление кочевого скотоводческого хозяйства происходило медленно, на базе охотничьих коллективов первобытного общества. Процесс этот совпадает с эпохой бронзы и завершается в середине II тысячелетия до н. э. Возникновение пастушеских племен сопровождалось значительными изменениями в социально-экономическом строе древних аборигенов Монголии и оказало существенное влияние на соседние народы. Кочевничество, наконец, привело к окончательному разложению первобытнообщинных отношений, чему способствовали также обменные связи с населением оседло-земледельческих областей.

Стабилизация кочевого хозяйства не только определила характер экономики и быт населения Монголии на многие столетия, но оказала огромное влияние на культуру и мифотворчество древних скотоводов, породив то самобытное искусство, которое принято называть нomaдическим.

Следует учитывать, что вследствие специфики экстенсивного скотоводческого хозяйства кочевничество на всем протяжении своего развития имело довольно примитивную производственную базу. Поэтому отличались застойностью и медленно совершенствовались приемы ведения хозяйства, орудия производства, качественный состав стада и материальная культура. А так как разделение труда не получило в среде кочевников большого развития, то и ремесла не выделились в самостоятельную отрасль. Изделия прикладного искусства, предметы быта, конская сбруя, орудия труда и оружие изготовлялись скотоводами. Этим, на наш взгляд, и объясняется живучесть обычаев, норм поведения, способов ведения хозяйства, традиционных приемов обработки войлока, кожи, дерева, металла, в этом, может быть, также секрет долгого существования «звериного стиля» в искусстве кочевников.

Хотя традиционные черты хозяйствования древних обитателей Монголии прослеживались и у более поздних поколений, это еще не свидетельствует об их этническом единстве. Далее мы попытаемся проследить развитие и многообразие культур племен Монголии начиная с каменного века.

ПАМЯТНИКИ МОНГОЛИИ КАМЕННОГО ВЕКА

ПАМЯТНИКИ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ПЕРИОДА¹

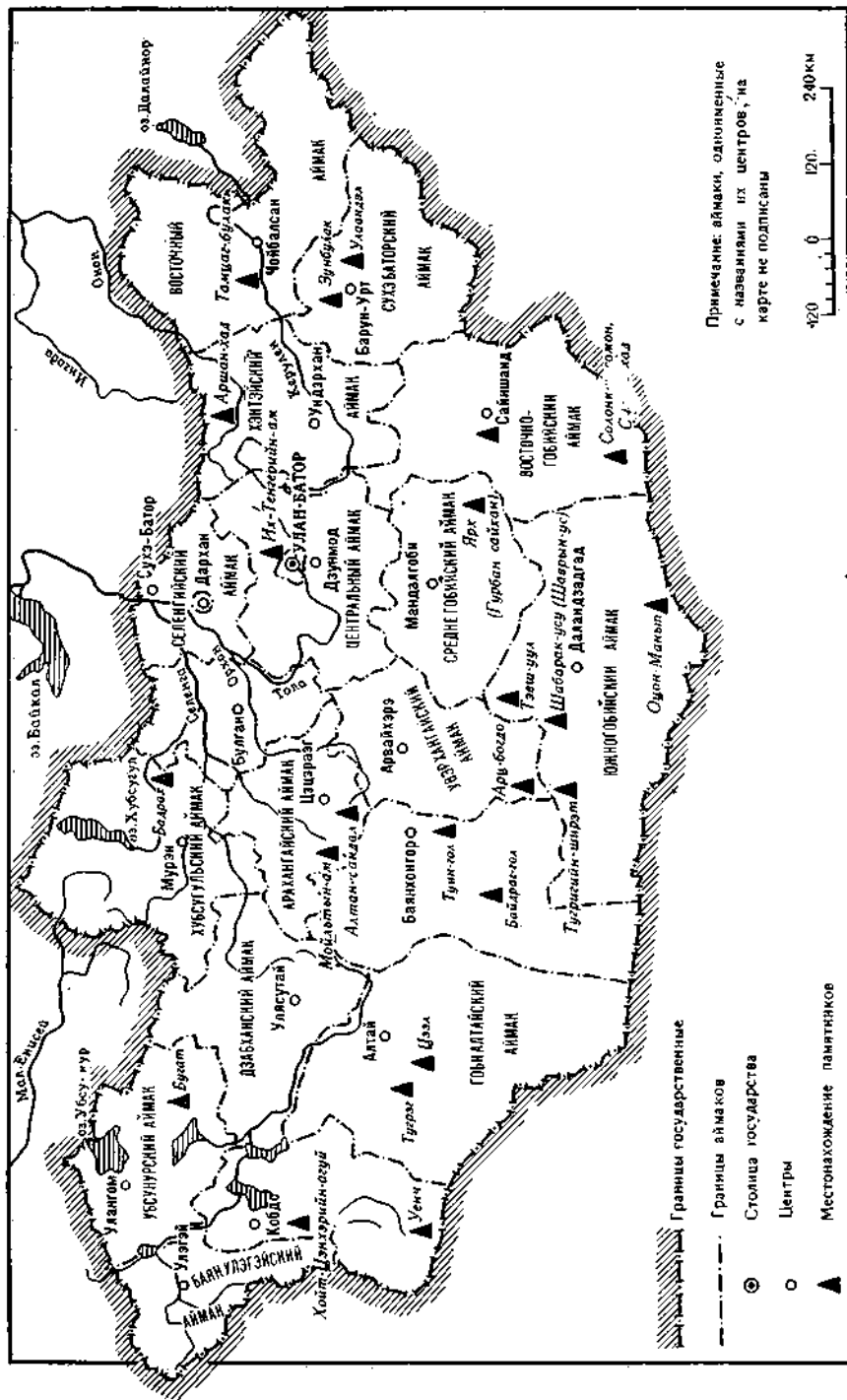
Эпоха каменного века — самая протяженная в жизни человечества. Это период, когда формировался человек и были сделаны первые орудия труда, когда сложились ранние формы человеческого общества.

Идея о том, что существовала одна колыбель человечества, ныне убедительно опровергнута, ибо едва ли могло происходить развитие только в одном районе или только на одной материке и по одной строгой схеме: дриопитек — австралопитек — питекантроп — неандерталец — *Homo Sapiens*.

Открытия последних лет намного отодвинули дату появления первых древнейших людей, внесли значительные поправки в проблемы антропогенеза.

Более полувека назад была выдвинута идея, что территория Центральной Азии являлась одним из центров возникновения человека. «Древнейшая история Центральной Азии, в особенности ее каменный век, издавна привлекала внимание исследователей. Их интересовали не только районы, непосредственно прилегающие к Монголии, но иногда и удаленные от нее на многие тысячи и десятки тысяч километров. Здесь искали разгадки происхождения человека, зарождения неолита Европы, стсюда выводили первых переселенцев в Америку, — так писали В. Е. Ларичев и В. В. Волков в 1964 г. — Создавалась парадоксальная картина, когда страна, в которой открыты десятки и сотни поселений каменного века, где археологи собрали десятки и сотни тысяч вещей, оставалась, по сути дела, белым пятном на археологической карте мира...» [382, с. 147].

К тому времени, когда были написаны эти строки, уже существовали первые работы Н. К. Нельсона, выделившего памятники разных эпох и стадии каменного века Монголии, открывшего около 180 стоянок, труды Ф. Бергмана, нашедшего 327 памятников в Гоби и Внутренней Монголии, публикации Д. Марингера, Н. Эгами и С. Мицуно по Внутренней Монголии [815; 714; 816; 736]. Наконец большие рекогносцировочные работы по выявле-

Памятники каменного века на территории Монголии

нию памятников каменного века были проведены экспедицией С. В. Киселева, в составе которой работал палеолитический отряд А. П. Окладникова. Так, на севере страны, недалеко от Кара-Корума открыты многослойная стоянка Мойлытын-ам, несколько стоянок в окрестностях Улан-Батора, памятники Оцон-маньт на юге Гоби [490]. Наконец, большая работа по изучению каменного века была проведена монгольскими археологами Н. Сэр-Оджавом, Ц. Доржсурэном, Д. Доржем и др.

В 1945, 1951 и 1953 гг. Х. Пэрлээ и Ц. Доржсурэн обнаружили следы палеолитических стоянок по верхнему течению р. Керулен: первая стоянка на песчаных выдувах Гурмын-нура (Хэнтэйский аймак, Баян-ово сомон), вторая — в бессейне правого притока р. Хурхын-гола в местности Биндарья-уул и Углейчин-ам (Хэнтэйский аймак, Биндарья сомон).

После того как стали известны эти палеолитические находки, вопрос о заселении Монголии человеком в среднем и верхнем плейстоцене не вызывал сомнений, хотя костных остатков людей плейстоцена найдено не было. Находки О. Намнандоржа, Х. Пэрлээ и Ц. Доржсурэна значительнополнили коллекции Государственного музея в Улан-Баторе, а также краеведческих музеев страны.

В 50-х годах были открыты стоянки палеолитического времени в следующих аймаках: Хэнтэйском (стоянки в Биндер сомоне и Улугчин-хэрэме), Гобиалтайском (Цэнхэр-номингийн-гоби, Цагаан-дэрс, Борцонжийн Увдуг-тунх, Байтаг Богдо-ула, Дамжийн-ус), Баянхонгорском и в Увэрхангайском (Богд сомон, Солонго) [666; 663]. В те же годы Х. Пэрлээ и Ц. Доржсурэн исследовали стоянки в Кобдоском, Архангайском, Булганском и Восточногобийском аймаках [663].

Еще в 1957 г. Ц. Доржсурэн предложил периодизацию памятников древней Монголии, в том числе памятников каменного века, поставил вопрос о происхождении культур и отметил существование контактов между палеолитическими племенами Монголии и Сибири [682].

В настоящее время открыты десятки памятников палеолита по всей стране. К наиболее ранним комплексам нижнего палеолита относятся стоянки с галечными орудиями, получившими название чопперов и чоппингов². Для следующего этапа — ашельского — характерно появление классических ручных рубил — бифасов. Таковы стоянки Ярх и Ерол-гоби.

Стоянка Ярх открыта отрядом А. П. Окладникова и Д. Доржа в 1969 г. в Среднегобийском аймаке в Гурван-сайхан сомоне в 53 км от города Мандал-гоби недалеко от горы Ярх у подножия невысокого холма. Памятник этот представляет собой мастерскую по изготовлению каменных орудий. Найдены как отходы производства — протолеваллуазские одноплощадные и двухплощадные нуклеусы, грубые пластины, трехгранные в сечении, отщепы — так и орудия труда: двусторонние массивные бифасы — типичные ашельские ручные рубила — овальные в основании,

с волнистым лезвием. Они во многом аналогичны ручным рубилам из Европы.

Здесь же найдены выходы желтой и коричневой яшмовидной породы — сырья, из которого были изготовлены орудия на этой стоянке. Оценивая значение открытия стоянки в Ярх, А. П. Окладников писал: «Такое местонахождение со столь отчетливо выраженными признаками ашельской индустрии, как в Европе, на Кавказе, в Индии и Африке, является на востоке Азии первым и единственным. Во всяком случае, по выраженности ашельской техники и форме рубила на горе Ярх не могут идти ни в какое сравнение с единичными и, по сути, случайными по форме „бифасами“ Северного Китая и Кореи (Динцунь, Кэхэ, Кульпхо)» [493, с. 43].

Прошло четыре года, и памятник Ярх перестал быть уникальным и единственным. Благодаря работам монгольских и советских археологов-палеолитчиков открыты новые памятники ашельского типа. Комплекс, подобный стоянке Ярх, обнаружен в Среднегобийском аймаке в 1973 г. в котловине Ерол-гоби. Он характеризуется аналогичной стоянке Ярх техникой двусторонней обработки ручных рубил. Кроме того, стоянки с индустрией леваллуазского облика открыты в Монгольском Алтае и Гобийском Алтае.

В 80-е годы палеолитический отряд советско-монгольской экспедиции обнаружил памятники раннемустьерского времени на южных склонах Монгольского Алтая по берегам рек Уэнч и Баралгин-гол³. Комплекс раннемустьерского времени отличается нуклеусами леваллуазского типа, нуклеусами веерообразного расщепления камня, остроконечниками, леваллуазскими пластинами, отщепами и скребками.

Итак, уже на ранней стадии каменного века в Монголии наблюдается различная техника производства орудий, еще четче это проявится в последующие периоды.

«Соотношением таких резко отличных традиций и определяется основная канва всей исторической картины нижнего палеолита Центральной Азии, которую мы можем восстановить в настоящее время по имеющимся в нашем распоряжении разрозненным, но характерным вещественным данным. Картина древнейшей истории Центральной Азии оказывается значительно более сложной, чем она представлялась ранее» [499, с. 73].

Памятники конца нижнего палеолита открыты советско-монгольской экспедицией в Южногобийском аймаке в местности Оцон-маньт. Здесь обнаружены мастерские, найдены нуклеусы, одноплощадные и двухплощадные орудия, крупные пластины удлиненной треугольной формы. Каменные орудия сконцентрированы в шести местах, и каждое такое скопление состоит из слоев разного времени. Найденные там орудия по технике изготовления сопоставимы с находками из Европы, Африки, Передней и Средней Азии [675]. Отсюда следует важный общенсторический вывод: в конце мустьерской эпохи существовали определенные кон-

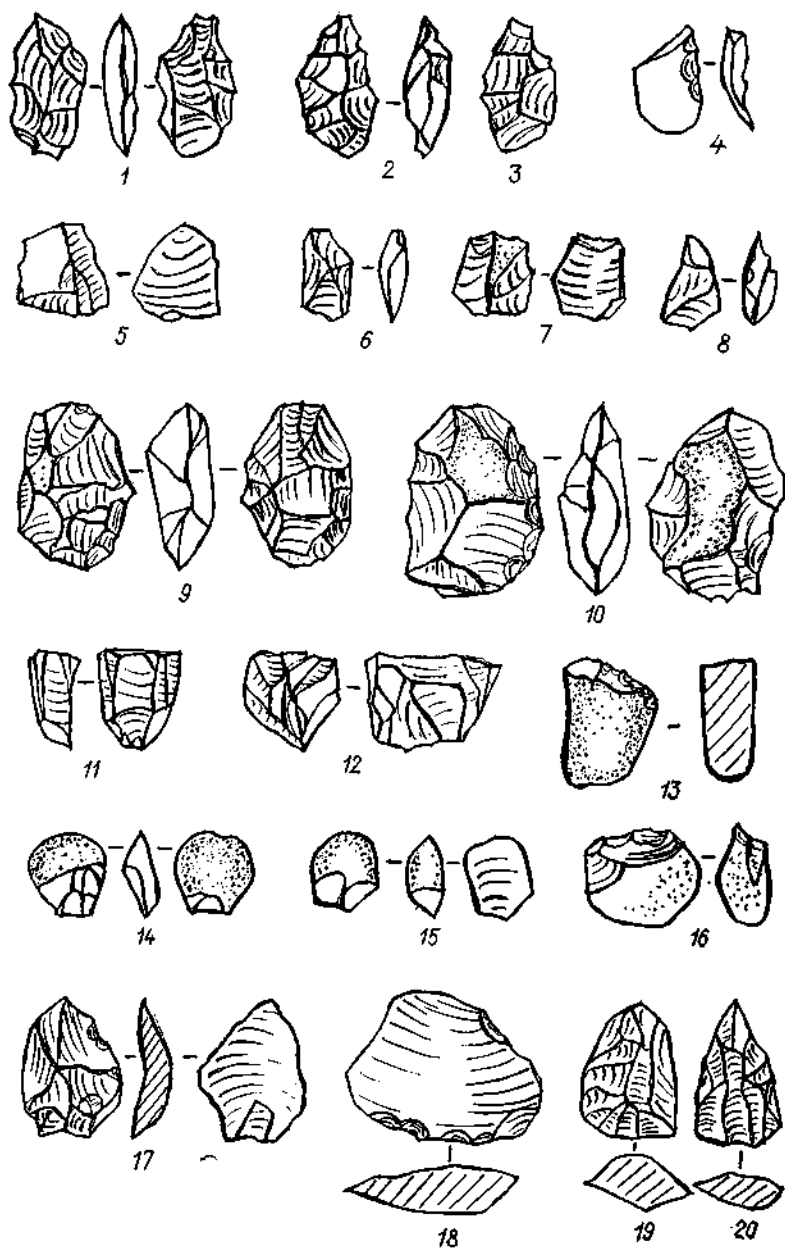
такты между древнейшими племенами Монголии и населением Средней Азии, оставившим памятники леваллуа-мустьерского типа, такие, например, как Ходжакентская пещера [382]. Однако не исключено, что в одинаковых условиях на сходной стадии развития появились и одинаковые элементы культуры.

Исследования показали, что на огромной территории страны, в разных ее концах существовали палеолитические культуры, имевшие как общие, так и отличительные черты, отразившие своеобразие монгольского палеолита в целом. Сходство между этими культурами частично объясняется наличием одинаковых экологических условий. Так, палеолитические стоянки в Монголии, как отмечают исследователи, располагаются, как и в Сибири, гнездами (хотя поселений сибирского типа — с прочными жилищами, рассчитанными на длительное пребывание людей на одном месте, пока не обнаружено). Специфической чертой стоянок этого времени в Монголии является то, что они находились преимущественно в местах добычи камня. Именно у выходов камня, у галечных россыпей возникали стоянки мастеров, первыми разрабатывавшими горные богатства страны.

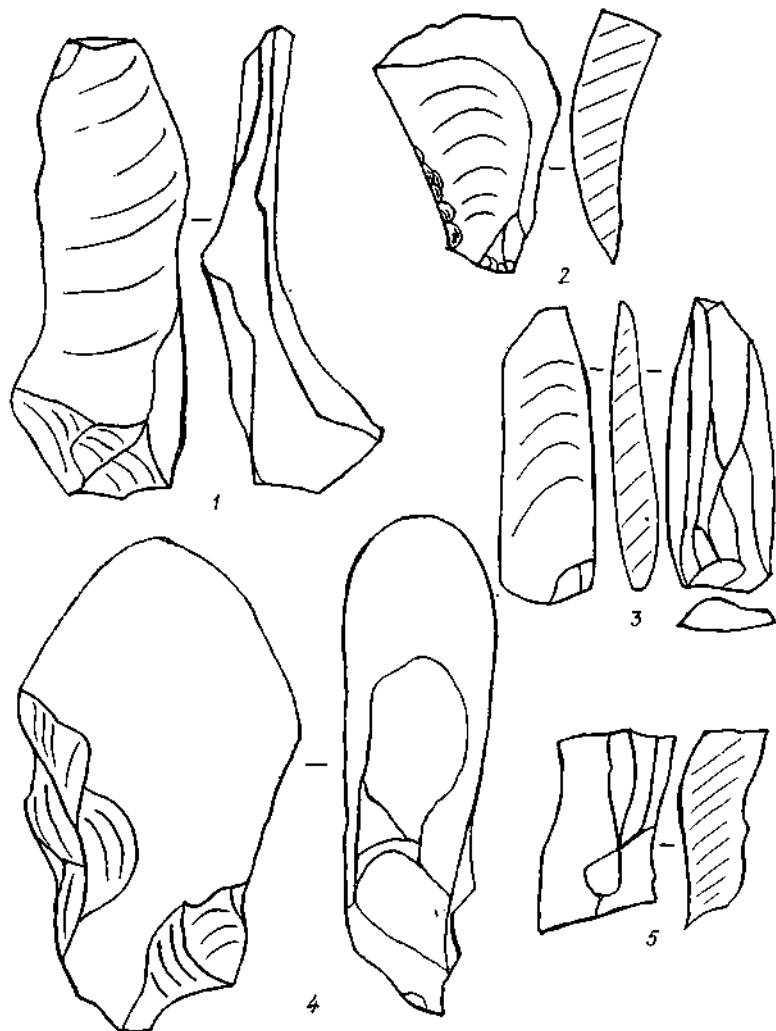
Среди памятников мустьерского времени следует упомянуть такой характерный, как комплекс из Солонкер сомона в Южных Гоби. Он открыт в 1959 г. геологом Г. Б. Скворцовым в местности Суланг-хэрэ-обо⁴. Г. Б. Скворцов сделал scrupulous сборы и детальное описание находок, собранных в двух пунктах. Находки из Солонкер-2 позволяют отнести памятник к последним этапам мустьерской культуры. Об этом свидетельствуют следующие находки: овальный нуклеус леваллуазского типа, изделия, близкие по форме к гобийским нуклеусам, два пластинчатых отщепа с типичной крутой мустьерской ретушью, длинные треугольные и короткие трехгранные пластины.

Открытие и описание стоянки Солонкер-2 позволили уже в начале 60-х годов сделать выводы о роли нижнепалеолитических памятников Монголии и контактах древних обитателей Центральной Азии с другими народами. Так, В. Е. Ларичев высказал мнение о том, что этот памятник указывает на связи между Северным Китаем и Средней Азией, т. е. Центральная Азия, в частности Гоби, являлась в нижнепалеолитическое время областью, через которую в ашельское и мустьерское время проходили на Восток по долинам древних рек и по горным хребтам небольшие группы охотников.

Памятники верхнего палеолита интенсивно исследовались в Монголии в 60—80-х годах новосибирскими археологами во главе с А. П. Окладниковым. В окрестностях Харахорина на левом берегу Орхона проведены раскопки стоянки Мойльтын-ам (Черемуховая падь) с мощным культурным слоем до 1—1,5 м, включающим 5 периодов. Находки, сделанные в древнейшем слое, ученые датируют началом верхнего палеолита, а верхние слои — эпохой мезолита [490, с. 351]. Стоянку Мойльтын-ам исследователи считают эталонным памятником верхнепалеолитического времени в

Находки на стоянке верхнепалеолитического времени
(по публикациям А. П. Деревянко, Д. Доржа, В. Е. Ларичева)

Орудия и отщепы со стоянки Мойльтын-ам
(нижний слой стоянки)

Монголии. В нижнем слое памятника найдены нуклеусы леваллуазского типа, длинные широкие пластины, концевые скребки, остроконечники, галечные орудия.

Нуклеусы четвертого слоя также выдержаны в леваллуазской традиции (одноплощадные и двухплощадные), концевые скребки имеют прямое или выпуклое лезвие. И в менее древнем, третьем слое все еще сохраняется леваллуазская традиция: нуклеусы дисковидные, галечные, с одной или двумя площадками. Появляются и торцовые нуклеусы, близкие по форме к гобийским, изготовлен-

ным из массивных отщепов. Встречаются комбинированные орудия: скребок-нож, скребок-остроконечник, выполняющие двойные функции.

Во втором слое найдены проколки, выемчато-зубчатые скребки, комбинированные орудия, аналогичные находкам из третьего слоя. В первом слое, самом верхнем и, следовательно, самом молодом, преобладают торцовые и клиновидные нуклеусы, а также скребла, скребки, ножи, остроконечники и проколки, изготовленные из отщепов. Впервые появляются нуклеусы-скребки гобийского типа.

К верхнепалеолитическому времени исследователи относят также стоянки Зайсан-толгой (окрестности г. Улан-Батора), комплексы на р. Улясутай, а также памятники на горе Их-богдо [612]. Анализ находок на этих стоянках привел ученых к выводу «о том, что своеобразная галечная культура верхнего палеолита Мойльтын-ам была распространена, по существу, на всей территории Центральной Азии» [382].

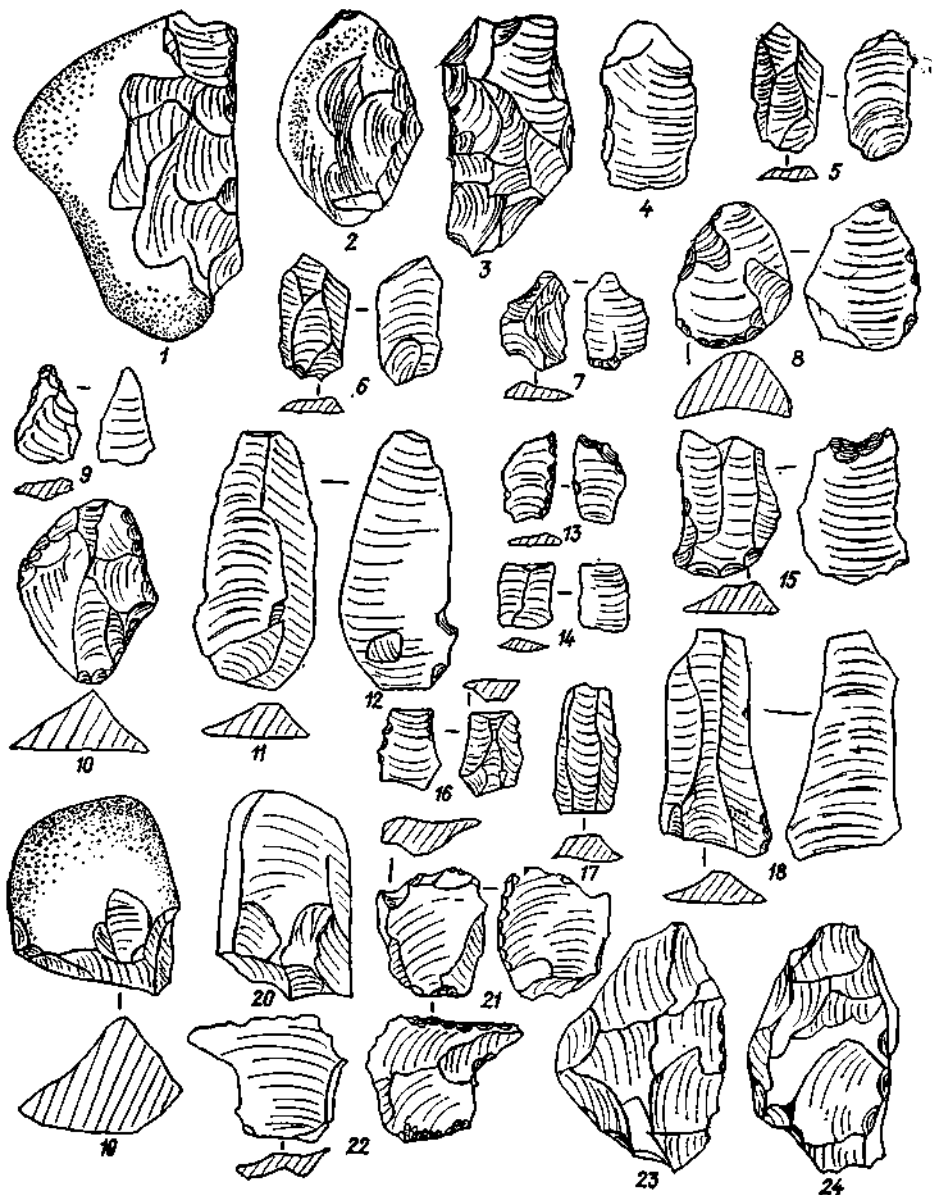
Летом 1984 г. пятью участниками советско-монгольской экспедиции была полностью исследована площадь в 100 кв. м на стоянке Мойльтын-ам, на которой ими собрано и обработано около 1500 находок. Они пришли к выводу, что тщательная фиксация артефактов, как поверхностного залегания, так и при раскопках, даст возможность при условии апплицирования находок привязать к месту находки старые недокументированные сборы с памятника и, таким образом, повысить их информативное значение [222, с. 40].

Работы на этом уникальном памятнике продолжаются. Особенно перспективно изучение его стратиграфий, хотя мы еще далеки от завершения публикации всех находок.

С 1983 г. участники советско-монгольской экспедиции начали планомерное изучение памятников каменного века в долине р. Кобдо, где преобладают стоянки верхнепалеолитического времени [230; 231].

Результаты раскопок были опубликованы [230; 231], а работы продолжены в последующие годы под руководством А. П. Деревянко. Они вызвали большой интерес специалистов. Среди верхнепалеолитических памятников, открытых в долине р. Кобдо, особый интерес представляет стоянка Баян-нур, расположенная в сомоне Баян-нур, в 27 км к северо-западу от сомонного центра, на правом берегу реки⁵.

Там на площади около 120 кв. м найдены нуклеусы четырех типов (клиновидные с одним или двумя фронтами скалывания, подпризматические одноплощадные и двухплощадные, субдисковидные и аморфные с многими бессистемными сколами), скребла, среди которых преобладают вытянуто-подтреугольные с извилистым рабочим краем. Из пластин сделаны остроконечники со среднефасеточной ретушью. Из призматических пластин изготовлены резцы, края которых обработаны мелкофасеточной прерывистой ретушью. Часто встречаются здесь и бифасы иволистной формы с ромбовидным поперечным сечением. Возможно, часть из

Орудия и отщепы со стоянки Мойлытын-ам (верхний слой стоянки)

них применялась в качестве наконечников копий, а часть употреблялась как ножи.

Все известные памятники каменного века на территории Монголии позволяют сделать вывод о широком заселении страны в

ту эпоху. Более того, обилие стоянок человека не только на востоке и западе страны, но также в гобийской зоне (наряду с другими косвенными данными) дает возможность предполагать, что в среднюю и верхнюю пору четвертичного периода климат Центральной Азии был более благоприятным для жизни человека, чем в настоящее время.

РОСПИСИ В ПЕЩЕРЕ ХОЙТ-ЦЭНХЭРИЙН-АГУЙ

Мы уже говорили выше, что человек эпохи палеолита зависел от климата и географической среды гораздо больше, чем его потомки. Возникновение человечества на Земле совпадает с периодом резкого похолодания, увеличения влажности воздуха и количества осадков, выпадающих в год [545]. Об обилии рек и озер на территории, где сейчас находятся пустыни и полупустыни, свидетельствуют русла высохших рек, солончаки, бессточные водоемы, а также данные топонимики с названиями рек и озер, не существующих в настоящее время.

Влажному климату соответствовала богатая флора и фауна [527]. Об этом говорят находки на стоянках и пещерные росписи верхнего палеолита. Рядом с мамонтом и шерстистым носорогом, пещерным львом и бизоном изображены олени, маралы, лошади, антилопы, рыбы, птицы.

Частично эта фауна представлена в росписях пещеры Хойт-Цэнхэрийн-агуй (Пещера северной голубой реки).

Более двадцати лет назад араты-скотоводы в горах Монгольского Алтая набрали на пещеру, своды которой в нескольких местах были покрыты выразительными рисунками красноватого, желто-коричневого и темно-коричневого цветов. Араты сообщили о своем открытии в ближайший сомонный центр Манхан.

Так стало известно о необычных изображениях животных, скрытых в неглубоких нишах пещеры Хойт-Цэнхэрийн-агуй [671; 28]. Полное изучение рисунков пещеры было осуществлено в 1966 г. отрядом советско-монгольской экспедиции под руководством А. П. Окладникова [497, с. 96—104].

Важнейшие вопросы, вставшие перед исследователями этого уникального памятника, — его датировка и место в мировой сокровищнице искусств. А. П. Окладников, а вслед за ним и монгольские археологи датировали пещерные рисунки верхнепалеолитическим временем.

В настоящее время, спустя 100 лет после открытия в Европе первых пещерных рисунков, на палеолитическое искусство и тайны древнейшего творчества обращают внимание не только историки, но и антропологи, нейропсихологи, литературоведы и т. д. Ученые изучили сотни предметов мелкой пластики, рельефы, рисунки и гравировки, оставленные первобытным человеком в разных концах Земли. Использование опыта этого изучения необходимо при анализе первых находок в Азии, прежде всего при их датировке.

До недавнего времени палеолитическая живопись была известна только в Западной Европе, в районе Пиренеев, отсюда и возникла идея об исключительности этого феномена четвертичного искусства. И хотя на центральноевропейских, донских и сибирских стоянках (Костенки, Сунгирь, Гонцы, Мальта, Буреть, Мезин и т. д.), да и по всей приледниковой зоне Евразии вплоть до Индигирки в Заполярье неоднократно находили скульптуры, гравировку на камне, на кости, однако пещерные изображения оставались характерной чертой лишь одной Франко-Кантабрийской области Европы [497; 498].

Иногда высказывались предположения о палеолитическом возрасте гравировок и рисунков из гротов Кавказа, Приазовья, Узбекистана или даже наскальных рисунков с берегов р. Лены. Однако противники этой точки зрения приводили весьма серьезные доводы — полное отсутствие изображений вымерших видов животных.

Первыми, найденными за пределами Европы палеолитическими рисунками стали изображения представителей вымершей фауны в Каповой пещере на Южном Урале, открытые в 1959 г. А. В. Рюминым [38; 39; 40]. Там обнаружены сделанные красной краской изображения семи мамонтов, двух носорогов, диких лошадей, а также тектиформ — символических знаков, аналогичных западноевропейским⁶ [38, рис. 14]. О. Н. Бадер, тщательно исследовавший эту пещеру, датировал рисунки палеолитическим временем, что внушало надежду на возможность существования пещерной живописи и в Азии.

И действительно, как уже упоминалось, такое открытие было сделано в центре Азии, в горах Монгольского Алтая, в пещере Хойт-Цэнхэрийн-агуй, но открытые там рисунки не были датированы. Летом 1952 г. в пещере побывал, монгольский ученый О. Намнандорж. Он сделал первое геологическое, географическое и историческое описание пещеры Хойт-Цэнхэрийн-агуй и находок в ней, первые схематические зарисовки [671, с. 51—57]. О. Намнандорж предположил большую древность пещерных рисунков. Рисунки Намнандоржа были экспонированы в Кобдоском музее, скопированы и опубликованы чешским востоковедом Павлом Поухой, который неточно описал пещеру, указав неправильно ее размеры (он пишет, что ее длина — 132 м) и, очевидно, не обнаружив второго входа. Вслед за Намнандоржем Павел Поуха опубликовал схематические рисунки и предположил, что они сделаны рукой первобытного человека [828]. Возможно, он доверился датировке памятника Намнандоржем, который определил, что возраст рисунков 3—4 тыс. лет [671, с. 56].

Пещера Хойт-Цэнхэрийн-агуй находится в 1200 км на запад от Улан-Батора. На территории Манхан сомона в 90 км от г. Кобдо расположена широкая долина, окруженная горами, с которых стекают горные потоки и реки. По дну ущелья течет горная река Хойт-цэнхэр (Голубая северная), давшая название и палеолитической пещере. Пещера Хойт-Цэнхэрийн-агуй расположена в глу-

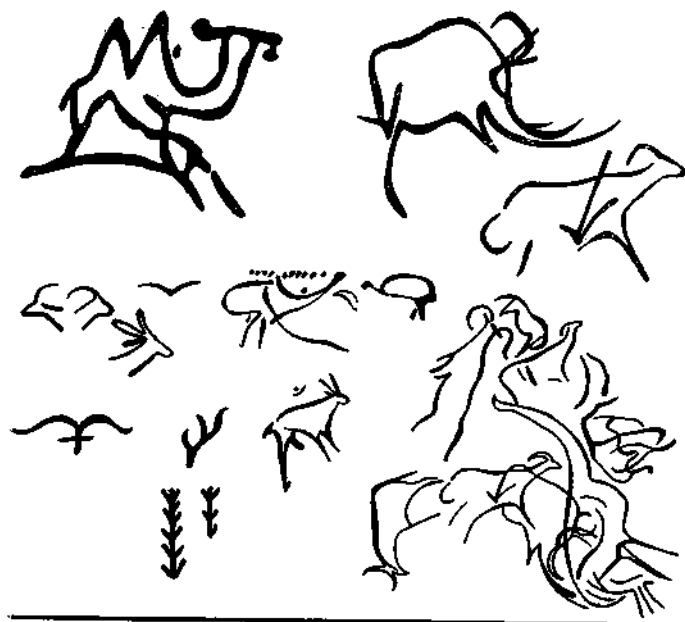
бине долины на берегу реки, намного выше уровня третьей надпойменной террасы. Вход в пещеру находится на высоте около 60 м от подножия скалы Гантик (Мраморная). Пещера эта карстового происхождения, она сложена из розового и белого мраморовидного известняка⁷, разработки которого ведутся до сих пор.

Рисунки обнаруживаются уже у входа в пещеру. Она выглядит живописно. Ее аркообразный вход обращен на северо-восток, пещера имеет высоту 6—7 м. Она состоит из большого зала с двумя ответвлениями и несколькими неглубокими пещерами. Пол большого зала (приблизительные размеры его 30×50 м) покрыт толстым слоем голубиного помета — гуано. Путь к нишам преграждают большие глыбы, образовавшиеся в результате разрушения потолка. Западная часть пещеры круто опускается вниз, она завалена глыбами, восточная же почти не пострадала от обвалов, сохранив свой древний вид. Именно в этой части пещеры, недалеко от входа, и обнаружены рисунки. Нарисованные на стенах и потолках ниш рисунки видны плохо даже днем, ибо только слабый отраженный свет солнца ненадолго освещает стены ниш [465; 820, с. 40]. Характерно, что абсолютно все рисунки укрыты от непосвященных. Это еще раз свидетельствует, что данный памятник можно считать сакральным.

Рисунки первой ниши. Первая ниша расположена недалеко от входа, слева от него. Ее дно возвышается над сегодняшним уровнем пещеры более чем на два метра [820, с. 40]. Сама ниша не глубокая, менее одного метра, высота ее не достигает метра и в разных частях неодинакова. Художник мог наносить рисунок либо лежа на спине, либо стоя согнувшись. Рисунки на потолке выполнены разными тонами красной краски, а иногда коричневой охрой. Изображения антилопы и барана переданы более светлой краской. Рисунки выделяются на фоне розовато-желтого камня, сохранность их удовлетворительная.

Рисунки представляют собой переплетение фигур животных, а также рогов, знаков и длинных извилистых линий. Среди них преобладают изображения «рогов», «стрел», «бумерангов» и змееобразных фигур. Все рисунки выполнены контурной линией, толщина которой колеблется от 5 до 14 мм. Характерны плавные изгибы линий, хорошо передающих гибкость и пластичность изображаемых фигур.

Фигура антилопы, у которой подчеркнут признак мужского пола, изображены три ноги, рога и ухо, передана в движении. По движению и экспрессии ее можно сравнить с рисунком красочного быка из пещеры Фон де Гом в Лез Эйзи [827, с. 85]. В углу ниши нарисован баран. Одной плавной линией переданы рога, спина и задняя нога, другой — шея и передняя нога. Характерно, что и это животное показано трехногим (с двумя передними и одной задней ногой) [820, с. 45]. По изобразительной манере рисунок барана можно сравнить с изображением оленя из Дордони (Франция), у которого показаны лишь направленные вперед рога и ли-

Пещера Хойт-Цэнхэрийн-агуй (место расположения, план, разрез и росписи):

I, II, III — ниши с рисунками; IV — скопление гуано

ния спины. Остальная часть рисунка легко угадывается с помощью рельефа камня [724, с. 50]. Художник видел голову животного в выпуклости камня, естественное вкрапление породы заменяло глаз.

Рисунки второй ниши. Вторая ниша расположена рядом с первой. Она просторней предыдущей, рисунками покрыты потолок и часть стен, причем можно выделить несколько групп рисунков.

Большая часть рисунков расположена на потолке, где они не имеют ориентации «верх-низ». Кажется, что они помещены совершенно хаотично, перекрывая друг друга так же, как рисунки

во многих пещерах Западной Европы: в Руфиньяке, Ляско, Нио и как гравировка на предметах мелкой скульптуры эпохи верхнего палеолита (например, на гальке из грота Коломбьер, которая хранится в Музее человека в Париже [721, с. 74]).

Рисунки во второй нише выполнены охрой разных оттенков, от светлой до темно-коричневой.

Кроме массы символических знаков и точек, о которых пойдет речь отдельно, обращают на себя внимание изображения баранов, козлов, лошадей, страусов, слонов (или мамонтов). Все животные, кроме одного барана, показаны в профиль, контурной линией. Баран же изображен как бы сверху, карабкающимся по скалам. Рисунок сделан с помощью трех плавных линий: одна линия передает спину и изогнутый рог, вторая — проведена от рога до передней ноги. Наконец, третьей линией показаны передняя нога, живот и задняя нога. Лаконизм доведен до предела в передаче головы с помощью поперечной линии, пересекающей оба рога. Сходная манера встречается среди гравировок пещеры Ляско, Пеш Мерля [799, с. 225, рис. 233; 708, с. 26]. Слева от горного барана изображен, возможно, бык с рогами в виде месяца, длинным хвостом и двумя ногами. Слева от барана — еще один баран, у которого не проведена линия живота. Надо отметить, что в монгольской пещерной живописи как бы продемонстрирована манера палеолитического рисунка (уже известная ранее по пещерной живописи Европы), когда нарисована только самая существенная часть сюжета. Еще один баран показан более темной линией, также с непрорисованной спиной, но этот рисунок перекрыт изображением животного с хоботом и может быть дополнен той линией, которая передает спину последнего.

Это наиболее дискуссионное, на мой взгляд, изображение. Отсутствие шерсти на животе и куполообразного выступа на спине, столь характерных для мамонтов, изображенных в пещерах Франко-Кантабрийской области и Урала, на скульптурах Сибири, все-таки не позволяет назвать изображенное животное мамонтом. Еще меньше похоже на мамонта изображение на втором рисунке, находящемся в той же нише. Это небольшая фигура с хоботом.

Вообще, можно допустить, что человек палеолита рисовал мамонта, ибо факт существования мамонта в Монголии одновременно с человеком верхнего палеолита не вызывает сомнений. Правда, по мнению палеонтологов, в Монголии было гораздо меньше мамонтов, чем в более северных широтах — в Сибири. Остатки костей мамонтов найдены в отложениях Северной Монголии, на Орхоне и даже в самом Улан-Баторе. Проблема состоит в определении возможной верхней границы существования мамонтов в Монголии. Однако плейстоценовая фауна здесь изучена много слабее, чем в Сибири. В Сибири же мамонт обитал значительно дольше, чем в Монголии. В памятниках Южной Сибири геологи отмечают отсутствие остатков мамонта и шерстистого носорога в отложениях моложе 13 тыс. лет. Для более северных стоянок эта дата может быть — 11 тыс. лет, а в Монголии вымирание крупной

плейстоценовой фауны произошло более 15 тыс. лет назад. Эту дату и можно считать самой поздней для обитания мамонтов в Монголии [632, с. 31—33; 633, с. 303]. Но, если человек, рисовавший мамонтов, видел их, то он, несомненно, показал бы на изображении столь характерные черты, как длинная шерсть и горб на спине. Хотя, конечно, может быть верным и предположение В. И. Громова, что палеолитический человек уже после вымирания мамонтов мог извлекать их трупы из вечной мерзлоты и использовать в голодные периоды [171].

Но, по моему мнению, на рисунке изображен слон. Он имеет длинный хобот, большой бивень и массивное туловище. Слон показан так, что его очертания переплетены с силуэтами барана и страуса. И на втором рисунке в этой нише тоже, видимо, изображен слон. Это — небольшая фигура животного с хоботом.

Очевидно, прав и А. П. Окладников, говоря, что на рисунке в пещере изображен, несомненно, слон [498, с. 22].

Нельзя не упомянуть о существовании в этой композиции еще одной детали: слон пронзен стрелой на длинном древке. Исследователи палеолитической живописи, начиная с французского ученого А. Леруа-Гурана, считают, что знак, символизирующий женское начало, наравне с другими позволяет говорить об условности первобытного искусства и существовании мифа каменного века [797; 798; 799; 800].

Вызывает споры также изображение другого животного. Это птица больших размеров с маленькой головкой. В пещере Хойт-Цэнхэрийн-агуй ее изображение повторено несколько раз. В первом случае птица показана с длинной шеей, пышным хвостом (причем линия шеи плавно переходит в спину и заканчивается верхней частью хвоста) и крупным эллипсоидным телом. Второе изображение такой же птицы похоже на первое, но без хвоста. В отличие от первой, показанной с двумя ногами, вторая стоит на одной ноге. Наконец, еще одна немаловажная деталь — вторая птица (возможно, страус) показана с одиннадцатью точками, вытянутыми горизонтальной линией вдоль спины, на уровне головы. Длинная изогнутая линия, заканчивающаяся стрелообразной линией, проведена снизу из-под головы и пересекает все тело животного.

Конечно же, не случайно снова повторена идея стрелы в виде длинной линии, пересекающей тело птицы, так же как и линия точек над страусом, она несет определенную смысловую нагрузку. Оба символа относятся к числу мужских и женских знаков, заменяющих определенные сакральные изображения [797; 798; 799].

Птица похожа на страуса. Вероятность существования страусов в Центральной Азии в позднем антропогене подтверждается находками скорлупы их яиц в неолитических поселениях Монголии, пещерными изображениями в гроте Шахты на Памире [558]. Известно, что в третичном и начале четвертичного периода страус обитал в Забайкалье и Монголии, о чем также можно судить по

находкам скорлупы яиц в непотревоженных слоях древних стоянок [607, с. 611—614; 586].

Палеонтологи считают, что страусы могли быть современниками мамонтов и жить на сравнительно близком расстоянии от них, более того, страусы пережили мамонтов. Во всяком случае, стиль изображения и расположения рисунков страусов и других животных в пещере Хойт-Цэнхэрийн-агуй не дает повода сомневаться, что все они выполнены в одну эпоху.

Рисунки третьей ниши. В третью нишу можно проникнуть из второй лишь через узкую щель в скале. Наиболее интересное изображение в ней — дикий двугорбый верблюд, а рядом не совсем ясные символические фигуры: ветвистые рога, извилистые линии. В верхней части стены темным цветом нарисованы летящие птицы. Среди многих знаков показаны изображения елочек: одна с пятью, другая с семью парами ветвей. По вышеупомянутой классификации Леруа-Гурана, елкообразные знаки являлись мужским символом [797].

Изображение верблюда необычно для ранних сюжетов Монголии. Между тем верблюд — типичный обитатель монгольских степей и пустынь. Дикие верблюды и сегодня встречаются в Заалтайской Гоби, в Синьцзяне, в песках Такла-Макан и в районе Лобнора. «Величиной дикие верблюды несколько меньше домашних», цвет шерсти у них красновато-каштановый, точно „опаленный“, как определили его торгоуты, а горбы значительно меньше, чем у верблюдов домашних» [511, с. 27].

Верблюд из пещеры Хойт-Цэнхэрийн-агуй показан в движении, его правая передняя нога поднята и согнута в колене. Возможно, он изображен с головой, повернутой анфас. Такая манера не нова для ориньяко-перигордийской школы [797]. Так же изображена голова бизона из грота Ля Грез, в профиль нарисованы туловища быка и лошади в пещере Левацо, а головы животных развернуты анфас [721, с. 141].

Редкая деталь — под верблюдом проведена линия гор, хотя и в Западной Европе известны случаи передачи ландшафта, например, в изображении оленей на гравировках в Лимей (французской провинции Дордонь) [846, с. 91]. Контур верблюда проведен более толстой линией, чем остальные рисунки (от 10 до 15 мм)⁸.

Рисунки четвертой ниши. Они выполнены на сводчатом потолке, расположены хаотично: рисунки не имеют верха и низа. Преобладают точки, шевроны, стрелы, изогнутые линии, треугольники, лунообразные фигуры, птицы. Из животных едва видно изображение лошади, а также птицы на длинных ногах с большим клювом, как у пеликана.

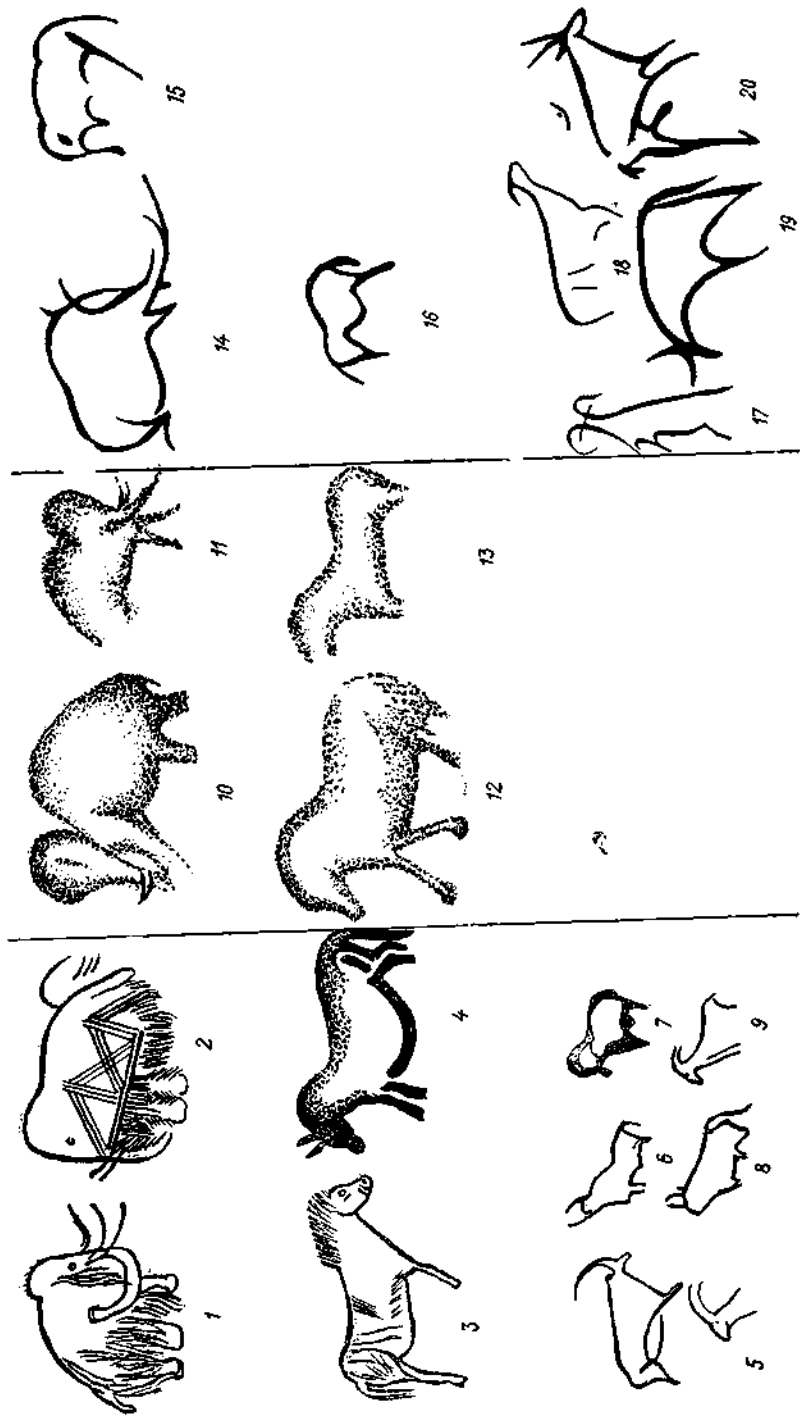
Все изображения пещеры Хойт-Цэнхэрийн-агуй контурные, нет ни одного силуэтного, все выполнены красной или коричневатокрасной краской. Весьма часто контур не замкнут, показана лишь передняя часть животного, но этого достаточно, чтобы распознать его вид. Размеры рисунков от 34×45 см до 60×65 см, что, возможно, связано с небольшой площадью ниш, и не отличаются по

размерам от рисунков в Каповой пещере на Урале. Как правило, не соблюдается масштабность изображений одного животного по отношению к другому.

По манере и технике монгольские рисунки отличаются от уральских и западноевропейских: в Монголии не найдены закрашенные силуэты, силуэты с расплывчатыми контурами, полихромия, рисунки углем и гравировка. И все-таки в живописи пещеры Хойт-Цэнхэрийн-агуй много общего с рисунками верхнепалеолитического времени, открытых в уральских и западноевропейских пещерах.

Прежде всего здесь неизменно преобладают изображения животных. Дикие звери показаны вне композиции, часты случаи палимпсеста — наложения рисунков друг на друга. Именно такая полная свобода моделирования композиции отличает древнейшую живопись. Но «открытость» рисунка состояла не только в отсутствии рамки, перспективы, границы, понятия верха и низа, центра и направления действия. Внешняя раскованность композиции выражалась, с одной стороны, в разобщенности (мнимой, очевидно) всех рисунков, подчиненных в то же время единой сюжетной линии, диктуемой топографией пещеры [797, с. 109]. Не потому ли каждый поворот в пещере отмечался изображением нового животного. В монгольской пещерной живописи каждая следующая ниша вводила в действие новых персонажей наряду с постоянно действующими: сначала слона, затем страуса, наконец, верблюда. С другой стороны, техника палимпсеста свидетельствует о том, что рисунки наносились друг на друга, перекрывая предыдущие, и, следовательно, не могли быть созданы одновременно, хотя, очевидно, разница во времени их создания не была большой. Тщательные исследования в этой области французских археологов и особенно результаты анализов гравировок пещеры Ляско показывают, что рисунки, перекрывающие друг друга, иногда были переделкой и доделкой предыдущих, порой дублировали изображения, возможно, стремясь передать движение или множественность стада. Именно в таких случаях появлялись изображения лошадей, бизонов или других животных с несколькими головами, несколькими рогами или ушами [799, с. 307].

Советский исследователь Э. Е. Фрадкин подошел к расшифровке той же идеи с другой стороны. Анализ гравировок на бивнях мамонта и камне из Костенок-I позволил ему выделить изображения животных, птиц, фантастических существ, мужчин, женщин [618, с. 16]. Они часто объединены в единую композицию, «характерной особенностью которой является взаимный переход одного образа в другой посредством использования одних и тех же объемов и линий» (этот прием Э. Е. Фрадкин называет полиэikonией) [618, с. 16]. Так, у скульптуры, изображающей сразу два образа при разных поворотах ее, нет, естественно, ни верха, ни низа, так же как на многочисленных рисунках и гравировках верхнепалеолитических пещер. Таким образом, изображение слона и барана на потолке монгольской пещеры следует рассматри-

Рисунки в пещерах:

1-9 — Западной Европы; 10-13 — Урала; 14-20 — Западной Монголии

вать не как случайное перекрещивание сюжетов, а, возможно, как намеренное соединение рисунков, где детали, изображающие одно животное, в то же время являются частью другого. Например, одна и та же линия изображает голову слона и в то же время является спиной барана. А стрела с длинным древком (она же линия спины слона) как бы связывает воедино два образа.

Еще одна особенность роднит пещерные рисунки Западной Монголии и палеолитическую живопись Европы: изображения, как правило, расположены не там, где они могли быть обозримы, а в скрытых, потаенных и малодоступных частях пещер, в гротах, галереях, колодцах и т. д. И хотя ряд отличий выделяет рисунки Хойт-Цэнхэрийн-агуй (отсутствие изображений людей, контурность рисунка, слабое использование рельефа на стенах), возможно сравнивать красочную живопись пещеры, единственной пока в Монголии, с палеолитическим искусством Запада в том его классическом варианте, который ныне хорошо известен. Следовательно, стилистические особенности рисунков Хойт-Цэнхэрийн-агуй, не похожих на петроглифы Монголии, датированные от эпохи неолита до средневековья, позволяют сравнивать их с верхнепалеолитической живописью и предметами мелкой пластики из всех ныне известных палеолитических стоянок.

Мы уже говорили, что на стенах и потолках гротов монгольской пещеры обнаружены многочисленные знаки, относящиеся к верхнепалеолитическому времени. Так же как и в Западной Европе, знаки и абстрактные символы сопровождают здесь реалистические изображения животных.

Изучение палеолитического искусства показало, что условные изображения деталей, гривы, волос животных уже в палеолите превратились в «настоящий синтаксис штрихов» [798, с. 160]. По мнению А. Леруа-Гурана, «эта система сокращенных изображений — не случайное явление в искусстве палеолита, ибо с ним вместе появляются символические знаки, и самые древние из них используются до конца последнего (палеолитического. — Э. Н.) периода» [798, с. 160]. Человек верхнего палеолита уже обладал способностью переводить окружающее в символы и строить из них параллельный вещному мир символов [605, с. 98].

Обнаруженные в палеолитических пещерах изображения символов, сопровождающих зверей, являются отражением формирования абстрактного мышления. Но для того чтобы появились символические образы, необходимо было существование мифа — определенных представлений об окружающем мире, о Вселенной. Формирование мифа как идеологии родового общества относится к эпохе палеолита.

Модель мира, выраженная в мифе, была полностью представлена в пещере Хойт-Цэнхэрийн-агуй. Изображение всеобщего порядка явлений символически передано через человеческие и звериные персонажи. «Храм этот одновременно микрокосмос и пантеон» [797; 387, с. 88]. Модель мира, все силы Вселенной нашли отражение в пещерной палеолитической живописи: небесный мир —

в образе птиц, подземный и подводный — в образе змей и рыб и земной — в виде зверей, прежде всего копытных. Весьма редко встречаемые в пещерной живописи птицы и змеи в сознании палеолитического человека были противопоставлены главным персонажам — копытным животным. А в основе этого противопоставления лежит идея борьбы жизни и смерти, их антагонизм. Можно предположить, что идея мирового дерева с его трехчленным делением была стержнем палеолитического мифа. И в основе его, следовательно, лежала мысль о жизни и смерти, о поисках истоков того и другого. Отсюда неизбежно возникал культ плодородия: его создавали независимо друг от друга все первобытные народы. Таинства этого культа порождали табу на определенные стороны жизни. Поэтому-то древние художники пещер оставили свои закодированные символы мифа, основного закона жизни только в самых глухих и потаенных частях пещеры. Таков, например, знаменитый рисунок в колодце пещеры Ляско.

Приоткрыть завесу сложного палеолитического мифа в значительной степени помогают работы А. Леруа-Гурана и его учеников. В этих работах показано, что уже на ранней стадии искусства — палеолита — начато стирание семантических граней между абстрактным искусством, выраженным в знаковой системе, геометрических фигурах, штрихах и точках, и реалистическими изображениями.

А. Леруа-Гуран проследил строгий порядок расположения всех росписей, гравировок, который приравнял к порядку повествования мифа, где самые сакральные элементы имеют свое четко определенное место. Выделив семь основных зон рисунков, автор доказал, что наиболее важные из них (пятая и шестая) всегда занимают центральную часть повествования, в нее входят бизоны, лошади и другие копытные. Второе место в этой иерархии по значимости отведено человеку. Правда, в отличие от изображений животных образ женщины чаще всего передается посредством символических знаков — треугольников, тектиформ, клавиформ, скутиформ; мужчина изображается такими символическими знаками, как пениформы, линии, точки, пунктиры, елкообразные фигуры, стрелки, многоножки. И те, и другие знаки изображаются чаще всего рядом с животными.

При такой расшифровке знаков хозяин жизни первопредок-копытный показан в соединении с источником жизни — женщиной, матерью, прародительницей. В сознании палеолитического человека эти образы неделимы. Женщина, рождение, очищение, смерть ассоциируются с образом крови, красным цветом, огнем, очагом, поэтому женские скульптуры окрашивали охрой и посыпали ею покойников.

В пещерном искусстве женщина выступает не только как прародительница, но и как олицетворение многообразных связей рода со зверем-предком, зверем — источником существования. Отсюда вытекает воплощение культа плодородия в образе двух сторон одного явления: женщины и зверя.

Вернемся теперь к рисункам пещеры Хойт-Цэнхэрийн-агуй. Мы исходим из справедливого замечания А. Леруа-Гурана, что интерпретация знаков должна быть основана не на отдельных случаях, но на глобальном изучении многообразных форм в контексте и в то же время в пространстве [798].

Каково было назначение рисунков? Изображения, нанесенные на потолки и стены небольших ниш, не были, конечно, ни украшением, ни мемориалом. Что касается охотничьей магии и обрядов инициации, то зал, заваленный огромными глыбами и имеющий неровный наклонный пол, вряд ли подходил для подобных целей. Святилище, древнейшее на территории Монголии, отличается всеми чертами, необходимыми для совершения сакральных ритуалов. И в этом также можно видеть сходство в предназначении пещерных рисунков Западной Европы и Хойт-Цэнхэрийн-агуй.

Сходство сюжетов и способов выражения одной и той же идеи на разных концах Евразии⁹ свидетельствует об одинаковых путях развития и сложения древнего мифа, зашифрованного в изображениях диких зверей — копытных и женщин — прародительниц рода¹⁰.

В этом и состоит один из главных выводов, вытекающих из анализа древнейших пещерных рисунков, оригинальных, но вписывающихся в общемировые каноны.

В последние годы ученики А. П. Окладникова ведут широкие работы по изучению памятников палеолита в Монголии. Проводятся также новые исследования в пещере Хойт-Цэнхэрийн-агуй. Дальнейшие труды и публикации позволят по-новому оценить период древнейшей истории страны. Отметим лишь, что наметившаяся локализация культур в эпоху палеолита имела свое дальнейшее развитие в последующие эпохи — мезолита, неолита и энеолита.

ПАМЯТНИКИ МЕЗОЛИТА

В трудах советских и монгольских археологов, посвященных итогам полевых исследований совместной экспедиции в течение более чем двадцатилетнего периода, рассмотрены многие проблемы каменного века Центральной Азии, вопросы хронологии и соотношения культур, взаимоотношения памятников Монголии с находками на соседних территориях. Но вполне естественно, что существуют еще пробелы в изучении каменного века. В какой-то степени это относится к вопросу о датировке памятников. Какие из них могут быть отнесены к мезолиту, а какие к началу неолитического периода?

По мнению исследователей, типичным памятником мезолитического времени является поселение, открытое в Восточной Монголии на склоне горы Хере-уул. Там найдены гобийские нуклеусы и заготовки для них, концевые скребки, изготовленные из крупных пластин, скребла, сходные по форме с прибайкальскими ору-

диями. Новым в технике по сравнению с эпохой палеолита является, по мнению А. П. Деревянко, обилие пластин, как небольших, так и крупных. «Эта техника (пластинчатая.— Э. Н.) широко распространилась в Центральной, Восточной и Средней Азии в конце плейстоцена — начале голоцена. Известна она также на Аляске и Алеутских островах. Это, видимо, было связано с коренными изменениями природной среды: потеплением и отступлением мамонтового фаунистического комплекса на север и затем полным его исчезновением» [225, с. 243].

Мезолитическая культура на северо-западе страны представлена памятником, также исследованным совместной экспедицией в Баянхульгийском аймаке в верховьях р. Кобдо в Сагсайской котловине [231]. Авторы датируют материал со стоянок этой котловины эпохой мезолита — началом неолита. Там найдены гобийские призматические нуклеусы, отщепы, пластины с неровно ретушированными краями [231, с. 32]. К памятникам мезолитического времени мы также относим некоторые сюжеты, выбитые на святилище Аршан-хад в Восточной Монголии.

В течение нескольких лет рисунки из пещеры Хойт-Цэнхэрийн-агуй были единственным в Монголии памятником искусства палеолитического времени, не имеющим близких аналогов в Центральной Азии. Памятник долгие годы оставался единственным и уникальным, но в начале 70-х годов было открыто новое местонахождение петроглифов, среди которых обнаружены изображения каменного века.

В 1500 км от пещеры Хойт-Цэнхэрийн-агуй в Хэнтэйском аймаке среди ровной степи в долине р. Хурх возвышается гора, называемая Аршан-хад (Гора священных источников). Она развернута дугой вдоль западной части долины р. Онон и ее притоков и сложена из юрских песчанико-графитовых конгломератов, которые содержат включения сланцев и кремнистых пород, выходящих на поверхность. Уже в эпоху неолита кремень, туфовые породы и траппы, выходы которых обнаружены у основания горы, использовались для изготовления орудий труда. Остатки палеолитической и неолитической мастерских прослежены на большой площади вдоль подножия скал.

Все гладкие поверхности покрывают рисунки. Это геометрические фигуры и пятна, нанесенные охрой, процарапанные и выбитые¹¹. На отдельно стоящем камне видны надписи на арабском, тибетском, китайском и старомонгольском языках. Десятки жертвенников — «обо» воздвигнуты на вершине горы и у ее подножия¹². Видимо, эта гора с древних времен почиталась священной и была местом жертвоприношений.

Святилище неоднократно посещалось археологами. Так, чехословацкий востоковед Л. Йисл побывал здесь и опубликовал рисунок раннего железного века [770]. Монгольский историк Х. Пэрлээ начал исследования Аршан-хада в 1942 г., возобновил их в 1960 г., в 1973 г. предпринял раскопки стоянки у подножия камня с рисунками. Этот особняком стоящий камень с выбитыми на нем

изображениями наиболее интересен среди всех петроглифов данного святилища.

Раскопки Х. Пэрлээ показали, что две трети плиты со знаками были перекрыты культурным слоем с двух сторон. Неолитический слой, перекрывающий рисунки,— это на редкость счастливая находка, позволяющая датировать не только рисунки на этом камне, но и им аналогичные, неоднократно встречаемые в гобийской зоне. Если стоянка относится к развитому неолиту, то рисунки — к раннему неолиту, а возможно, и мезолиту. Естественно, что та часть рисунков, которая была перекрыта слоем стоянки, сохранилась лучше, в то время как на верхней горизонтальной полосе, заросшей лишайником, рисунки видны хуже.

На плите полностью отсутствуют изображения зверей и людей. Преобладают круги, кресты, «копыта», треугольники, круги с точкой или с «ножкой». Знаки выбиты так, что ни один из них не накладывается на другой рисунок, не перекрывает его. Проследить какую-либо закономерность расположения знаков довольно трудно, кажется, что они расположены хаотично.

Количество знаков указать очень сложно, так как порой трудно определить, где выбит один знак, где два или три в ансамбле. Условно я считаю за один знак фигуры, объединенные сплошной линией [455, рис. 30].

На другой стороне плиты также выбиты знаки (72 фигуры), которые в отличие от «лицевой» стороны плиты заполняют не всю поверхность. Кроме того, следует отметить, что рисунки на этой (скрытой от глаз) стороне выполнены в двух резко отличающихся друг от друга стилях. Часть из них выбита в той же манере, что и на «лицевой» стороне, где изображены круги, кресты, треугольники. Вторую часть (гораздо малочисленнее первой) составляют процарапанные фигуры, выполненные тонким предметом. Эти рисунки более всего напоминают пиктограммы. Нижнюю часть пиктограмм составляют треугольники или П-образные знаки, а верхняя часть имеет форму круга или ромба. Аналоги им можно указать среди древнейших китайских пиктограмм и графических изображений иньского времени.

В нескольких метрах от описанной плиты, на отвесной скале, под естественным навесом находится еще одно скопление знаков, выполненных охрой. Это также круги, круги с «ножкой», два круга, соединенных линией, круг со стрелой.

Здесь выбиты также рисунки, состоящие из линий, «шевროнов» и более сложных фигур. К ним примыкает прочерченный тонкой линией ряд знаков: круг с вертикальной фигурой над ним, круг с точкой и на «ножке», круг с точкой внутри и на «ножке», имеющей основание и перечеркнутой посередине, S-образная фигура и внизу круг на длинной «ножке».

В тридцати метрах от скалы лежит горизонтальная плита, сплошь покрытая знаками, глубоко выбитыми в камне. Преобладают круги, «копыта», полукруги [464, с. 32]. Имеется несколько длинных двойных полос (протяженностью от одного до двух мет-

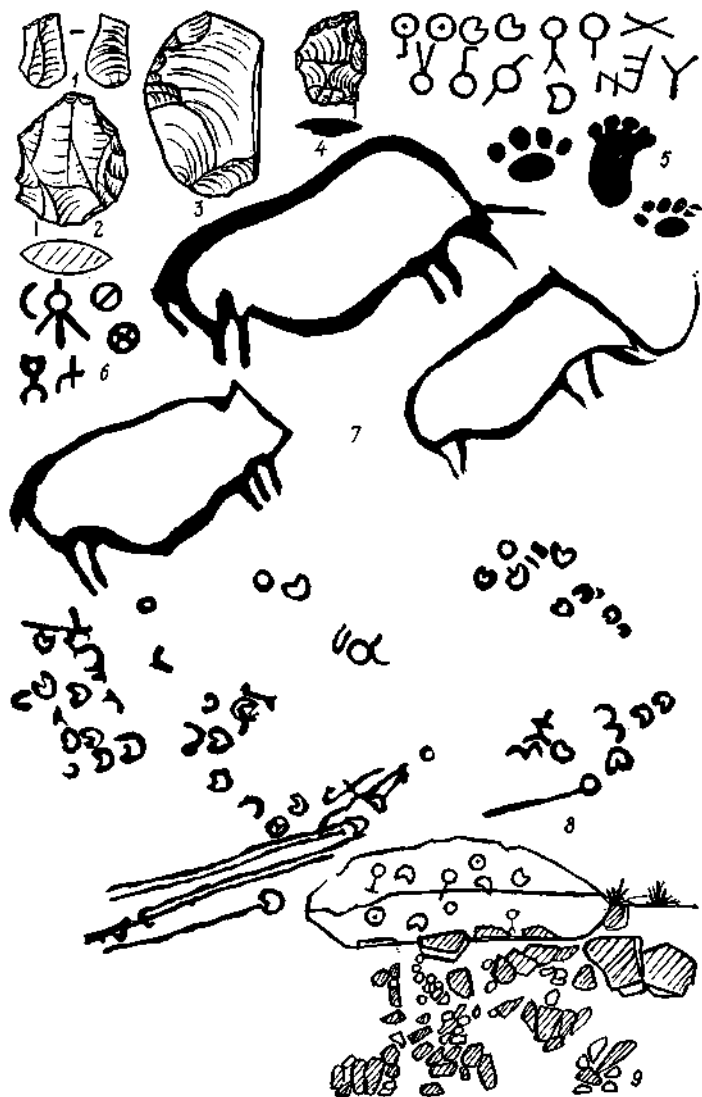
ров), которые, в общем, также могут ассоциироваться с идеей дороги, следа от полозьев саней. На плите выбито изображение «следа» медведя в виде пяти маленьких кругов, полукругом расположенных вокруг одного большого круга. Такие «следы» встречаются на скалах Аршан-хада неоднократно, равно как в других местонахождениях петроглифов.

Самым распространенным знаком на петроглифах Аршан-хада являются изображения «копыт», которые встречены 55 раз. Подобный знак обнаружен также на скалах Среднегобийского аймака в местности Цагаан-айриг, где «копыта» сопровождаются изображениями стрелы, треугольника, квадрата, круга и свастикиобразного знака.

Круги выбиты 23 раза, незамкнутые круги — 27, круги с точкой внутри — 5 раз, 16 раз повторен кружок с «ножкой» и 17 — кружок на «ножке» с загнутым концом. Круг на двух «ножках» встречен один раз. Этот знак можно сравнить со схематическим изображением человека. Треугольник на одной или двух «ножках» показан три раза. Он аналогичен изображению силуэтов людей в маскировочных плащах в Зараут-Камаре (Узбекистан), где они показаны птицеголовыми или вообще без головы. Одна фигура очень простая — с треугольником вместо головы и линией, пересекающей туловище, которая изображает руки. Из знаков, выбитых в Зараут-Камаре, можно отметить скобы, близкие по форме «копытам», стрелообразные фигуры, квадраты, лунообразные знаки (всегда парами), круг с «ножкой» и крест [560]. Исследователи предполагают, что это изображение ряженных людей. Человек, ряженный под птицу-страуса, нарисован также на стенках грота Шахты в Таджикистане [558, 1961, № 6]. Нижнюю дату создания этих рисунков определяют как мезолитическую [617, с. 74], хотя высказано и мнение, что рисунки в Шахтах древнее зараутсайских в Узбекистане [237, с. 25]. Правда, это мнение не подкреплено серьезной аргументацией.

Круг с точкой и круг с тремя точками, круг на «ножке» и треугольник на «ножке», возможно, могут быть сравнимы по символике с антропоморфными фигурами, восходящими к эпохе палеолита. Они напоминают женские (треугольник) и мужские символы, о чем говорилось выше. Заметим, кстати, что встреченный 17 раз «шеvron» аналогичен верхнепалеолитическому символу женского начала из пещеры Хойт-Цэнхэрийн-агуй.

Из единичных знаков отметим разные варианты стрелы, иногда с точкой у острия. Здесь прослеживается сходство с палеолитическими рисунками, где мы также отмечали наличие стрел и точек. О том же говорят, на наш взгляд, изображения квадриформ, квадратов, а также квадратов вместе со стрелой, елкообразных знаков, рогов, деревьев с симметрично расположенными вокруг ствола ветвями. Все эти фигуры также аналогичны тем, что нарисованы в пещере Хойт-Цэнхэрийн-агуй. Подобные же рисунки найдены в местности Цагаан-айриг (Среднегобийский аймак), а также в местечке Узуур-цохио (Бат-ширээт сомон, Хэнтэйский аймак),

Аршан-хад:

находки со стоянки (1—4); рисунки на плите, перекрытой слоем стоянки каменного века (5); петроглифы на отдельно лежащих камнях (6—8); разрез раскопа (9, см. [36])

где среди петроглифов преобладают круги, круги с «ножкой», круги с одной или тремя точками внутри, стрелы с кругом на конце острия и т. д. [246, табл. XXXI]. Горизонтальные линии, квадраты, кресты, круги на «ножке», елкообразные знаки встречаются также среди рисунков, выполненных охрой на скалах Зуун-

мод (Сто деревьев) в Центральном аймаке [246, табл. XIX; 465].

Отмечая бесспорное сходство сюжетов на всех этих местонахождениях петроглифов, мы, естественно, ставим вопрос: можно ли считать, что все они, так же как и рисунки древнейшего пласта в Аршан-хаде, относятся к мезолитическому времени или к началу неолитической эпохи? Такая дата возможна. В этом убеждают аналогии с рисунками из грота Шахты на Памире и на скалах Зараут-Камара, относящимися к мезолитическому времени, сходство с рисунками и знаками на раскрашенных гальках типа Мас-д'Азиль, а также с некоторыми самыми характерными символами из пещер палеолитического времени. Очевидно, что начиная с палеолита и в последующую мезолитическую эпоху (равно как и позднее) человек уже был способен изображать окружающий мир в символах [605, с. 98]. Правда, в рисунках верхнего палеолита встречаются прежде всего изображения животных, в основном копытных.

Такие рисунки найдены и в Аршан-хаде. В 20 м от скалы со знаками был обнаружен наклонно лежащий камень, на котором под слоем лишайника едва заметны три фигуры [455, рис. 32]. Два зверя идут друг за другом, направляясь слева направо, третий показан ниже наискосок. Фигуры выполнены в едином стиле. Размеры изображений небольшие 63×29 см, 76×34 см и 57×29 см, выбиты они контуром на глубину 4—5 мм. Одна из фигур сохранилась не полностью, трещина в камне разрушила часть ее головы. По плавности линий, простоте и лаконизму рисунка, отсутствию антропоморфных фигур, уточняющих деталей (глаз, ушей) эти изображения более всего напоминают пещерные рисунки из Западной Монголии, фигуры быков мезолитического времени из Кыбстана, а также контурные рисунки из грота Шахты.

По поводу того, какие животные изображены на этом памятнике, палеонтологи высказывают разные предположения: одни полагают, что это носороги, другие считают, что кабаны, большинство придерживается мнения, что это дикие бодающиеся быки¹³. Известно, что на территории Забайкалья и Монголии часто встречаются костные остатки носорогов, в неолитических погребениях неоднократно находили украшения из клыков кабана, их скульптурные фигурки [820, с. 33]. Поэтому кабаны могли быть изображены на рисунках, найденных на территории Восточной Монголии. В то же время морфологические признаки: короткие крепкие ноги, форма и длина хвостов, пропорции тела — могут свидетельствовать о том, что на рисунке, возможно, изображен бык.

Стиль изображений, сравнение их с кыбстанскими мезолитическими быками, пещерными рисунками Монголии позволяют предположить, что они относятся к мезолиту. Кроме того, сходство с росписями пещеры Хойт-Цэнхэрийн-агуй, возможно, указывает на преемственность традиций при переходе от верхнепалеолитического рисунка к искусству мезолита, что, собственно, уже было прослежено в преемственности знаковой системы. Дальнейшие исследе-

дования, очевидно, позволят говорить об этом с большей уверенностью. Пока же остается открытым вопрос о возрасте многих ранних изображений, например оленя, выбитого на скале в Багазарын-чулуу в Среднегобийском аймаке, где зверь показан в натуральную величину длиной 160 см рядом с фигурой, напоминающей палеолитический знак. Изображение это не может быть принято ни за скифское, ни за современное периоду колесниц, ни тем более за тюркское. Впрочем, следует помнить, что эпоха мезолита до сих пор остается наименее изученным периодом древней истории Монголии.

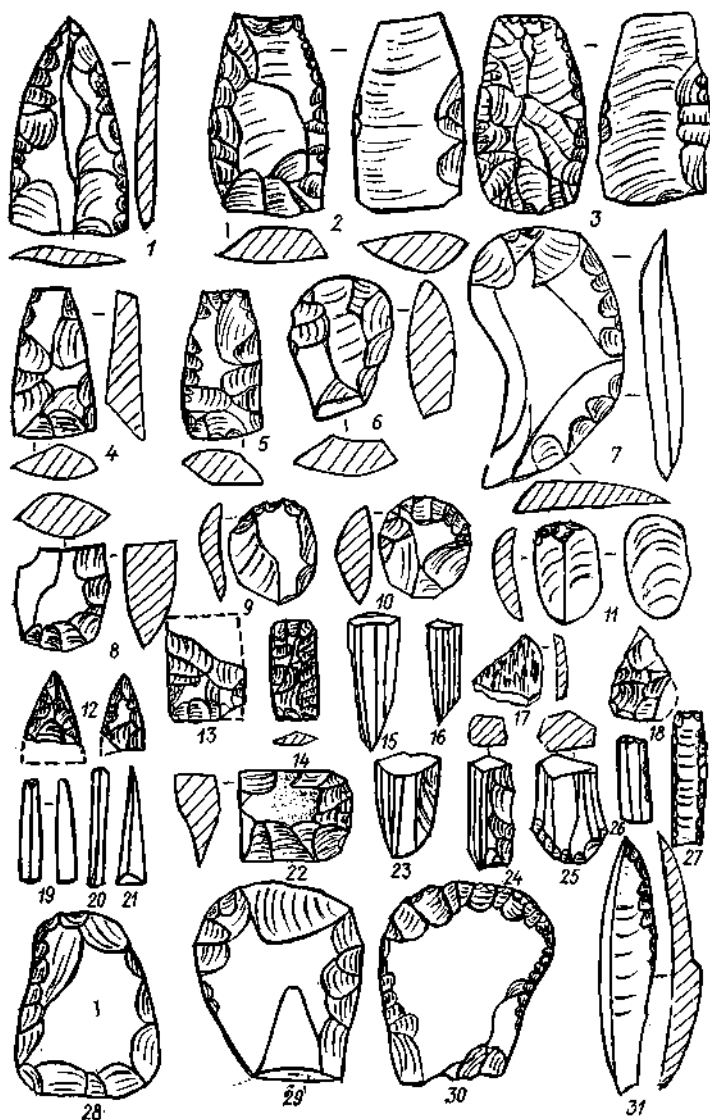
ПАМЯТНИКИ НЕОЛИТИЧЕСКОГО ПЕРИОДА

Эпоха неолита в Монголии, как, впрочем, и на смежных территориях, была временем коренных изменений в развитии человеческого общества. Наряду с охотой зарождаются собирательство и земледелие, наблюдается переход к оседлости в отдельных районах, появляется новая техника обработки камня. Каменный инвентарь этого центральноазиатского региона может быть отнесен к числу неолитических культур с призматическими нуклеусами и тщательно изготовленными пластинами. Из этих пластин делали такие мелкие орудия, как вкладыши, скребки, наконечники стрел.

В поселениях, которые можно отнести к раннему периоду неолита, нередко находят предметы, весьма близкие к позднемезолитическим. Таково, например, поселение у оз. Ямат-нур (в 10 км от станции Ховирга). Вдоль берегов этого озера собраны нуклеусы (в основном пластинчатые), пластинчатые отщепы, концевые скребки, резцы. Они еще во многом напоминают аналогичные находки позднемезолитического времени. Архаичность этого инвентаря и отсутствие керамики позволили археологам отнести их к V—IV тысячелетиям до н. э. [225, с. 77]. К этому же времени скорее всего относятся поселения у г. Барун-ульзит, на оз. Баруншоврыг и другие по берегам р. Керулен, в Восточной Монголии [225, с. 77—78].

К раннему неолиту относится и ряд памятников, входящих в комплекс открытий в Южной Гоби в Солонкер сомоне. Первый памятник расположен в 4 км к северу от Суланг-хэрэ-обо. На поверхности двух возвышений, на окремненных серпентинитах нижнепалеозойского возраста обнаружены следы мастерской. Там найдены односторонние нуклеусы конической формы, гобийские нуклеусы-скребки, скребла, скребки, ножи из пластин. Основной материал — яшма всех цветов: желтого, темно-красного, коричневого, белого и голубого. Возраст памятника, вероятно, IV—III тысячелетия до н. э. На втором памятнике Солонкер сомона (где находится и более древняя стоянка, о чем упоминалось выше) найдены орудия и нуклеусы эпохи раннего неолита.

Можно заметить, что из инвентаря ранне-неолитических стоянок постепенно исчезают архаические поздне-мезолитические

Неолит Южной Гоби, стоянки Шаврын-ус
(см. [812, табл. VII, VIII])

(трансверсальные) резцы, остроконечники из крупных пластин, гобийские нуклеусы и т. п. Кроме того, мастера начинают готовить орудия из более пластичных по сравнению с кремнистыми пород, таких, как яшма и халцедон. В этот период повсеместным становится изготовление глиняной посуды остродонной формы.

Подобные поселения и мастерские практически открыты по всей стране. Но очевидно, что в этот переломный момент в Центральной Азии отмечается определенная неравномерность развития отдельных районов. В одних районах обитали земледельцы-собиратели, в других жили охотники. В это же время складывались определенные этнические общности, о чем в значительной степени свидетельствуют и различные группы археологических памятников: гобийские неолитические комплексы; неолитические стоянки, поселения и погребения Восточной Монголии; памятники Западной Монголии.

Памятники Гобийской зоны

К середине 80-х годов в результате проведения больших разведывательных и раскопочных работ в Гобийской зоне были найдены многочисленные неолитические стоянки и поселения. Они располагались чаще всего по берегам ныне высохших водоемов. Среди этих мастерских и стоянок наиболее интересным памятником являются стоянки Шабарак-усу¹⁴. Впервые шабаракусские стоянки были открыты и исследованы в 20-х годах центральноазиатской американской экспедицией Р. Ш. Эндрюса.

Зоолог по образованию, Р. Ш. Эндрюс считал, что расселение человека по Земле началось из Центральной Азии. Он объясняет это климатическими и географическими изменениями, которые были причиной миграций сначала животных, а затем и человека. «О миграции древнейшего человека и его предков из Центральной Азии свидетельствует также, по мнению Р. Ш. Эндрюса, современное распространение „ближайших предков“ одомашненных животных. Так, дикая лошадь найдена только в Центральной Азии и нигде больше» [380, ч. I, с. 294].

Начавший свои работы в Китае в 1916 г., Р. Ш. Эндрюс стремился проверить собственные теории также и на территории Гоби. Первый же год пребывания экспедиции Эндрюса в Монголии (1922 г.) дал положительные результаты. А всего за время работы в Гоби американцами открыто 180 стоянок каменного века, на которых обнаружено 200 тыс. каменных орудий и отщепов.

Самые интересные открытия сделаны в 1925 г., когда в состав экспедиции был включен археолог Н. К. Нельсон. Основные публикации, касающиеся гобийского неолита, принадлежали перу этого ученого [817; 818].

Наиболее интересная по инвентарю дюнная стоянка, описанная Н. К. Нельсоном, находится в 50 км от Шабарак-усу на дне песчаной котловины. Сильные гобийские ветры развеяли песок дюн и обнажили древние культурные слои. Из обнаруженных в выступах дюны двух культурных слоев нижний слой, по мнению Н. К. Нельсона, относится к эпохе мезолита. Он был представлен нуклеусами конической или цилиндрической формы, узкими ножевидными пластинами, сверлами, концевыми скребками и, что осо-

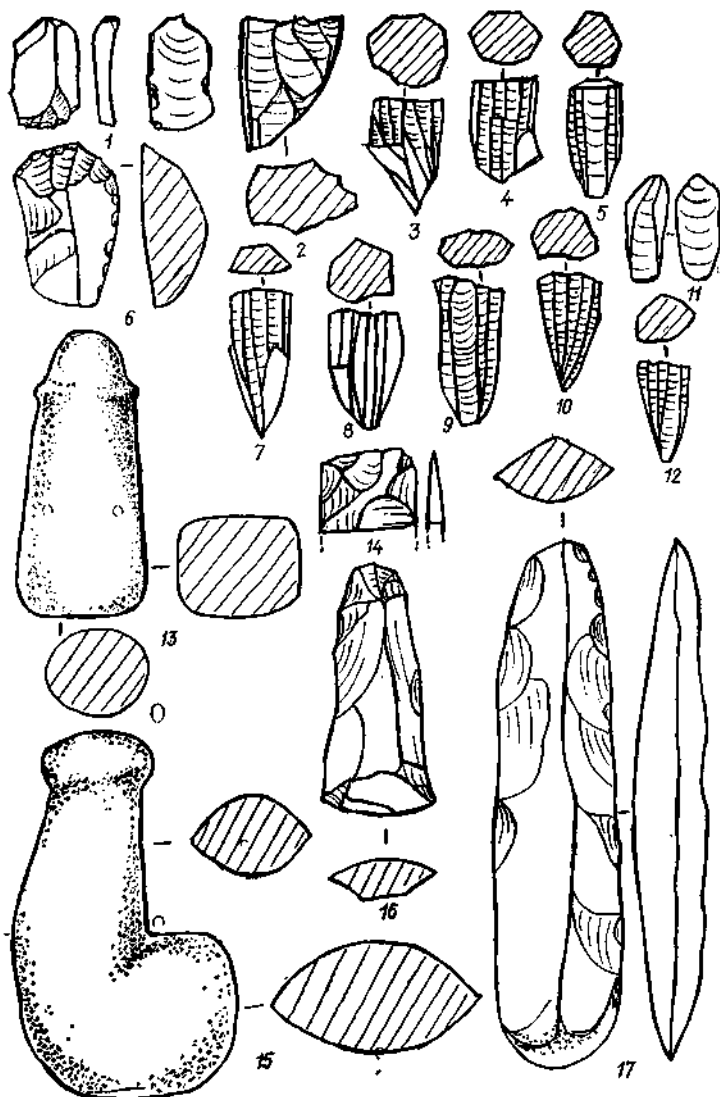
бенно важно отметить, маленькими дискообразными бусинами, сделанными из скорлупы яйца страуса. Никакой керамики в этом слое не найдено. В нем прослеживаются остатки очагов, сложенных из гладкоокатанных галек, и зольные пятна. В очагах и вокруг них найдены каменные орудия, нуклеусы и отщепы, сделанные чаще всего из кремня, красноватой и коричневой яшмы и беловатого прозрачного халцедона. Здесь же обнаружены кости птиц, диких ослов (или киянгов), бусины из зубов лисицы. Именно этот нижний слой, названный слоем шабаракусской культуры, Н. К. Нельсон сравнил с культурами мезолитического типа¹⁵. Такой же датировки придерживались и последователи Н. К. Нельсона [380, ч. I, с. 298].

Известный исследователь центральноазиатских археологических находок Д. Марингер, опубликовавший большую серию своих южномонгольских открытий, выделил мезолитический субстрат в неолитической коллекции, тем самым присоединившись к мнению предшественников [816].

Большой знаток древнейшего периода истории Центральной Азии П. Тейяр де Шарден в совместной работе с крупнейшим китайским археологом Пэй Вэньчжуном назвал неолит Южной Монголии и Маньчжурии микролитическим дюнным неолитом и сравнил его с культурами Северного Китая. А неолит Северного Китая П. Тейяр де Шарден и Пэй Вэньчжун сравнивали с европейскими неолитическими культурами, а не с ближневосточными микролитическими [849].

И все-таки традиция, сложившаяся после экспедиции Эндрюса, считать микролитические культуры Гоби мезолитическими держалась очень долго, до тех пор, пока в районе Шабарак-усу не побывала в 1947 г. советско-монгольская археолого-этнографическая экспедиция, руководимая С. В. Киселевым. Входивший в состав экспедиции отряд во главе с А. П. Окладниковым открыл в Шабарак-усу новые стоянки и дал их хронологическое определение. А. П. Окладников, так же как и его предшественники, выделил два культурных слоя в дюнных стоянках Гоби, причем в обоих он отмечал наличие фрагментов керамических сосудов с отпечатками сетки-плетенки веревочного орнамента [494]. Древнейший слой был отнесен А. П. Окладниковым к неолитическому периоду по аналогии с неолитом исаковской культуры Прибайкалья.

Сетчато-плетеный отпечаток покрывал, как правило, всю поверхность сосуда. Геометрический орнамент обозначен чаще всего на венчиках горшков. Это мелкие квадратные вдавления, косые насечки, ряды параллельных линий. Отсутствуют круги, спирали, кривые, изогнутые линии. А. П. Окладников пишет, что монгольский неолит (имея в виду, очевидно, культуры типа шабаракусских) характеризуется микролитической индустрией с мелкими пластинами и орудиями труда. И хотя многие элементы индустрии кажутся технологически мезолитическими, нужно отметить, что и здесь прослеживается преемственность с неолитом, это наблюдается и в других районах (например, в Сибири). А. П. Окладников

Южногобийский неолит:

1—12 — Солонкер сомон (сборы Г. Б. Скворцова); 13, 15 — случайные находки (Южногобийский музей); 14, 16, 17 — стоянки Тугриггйн-ширэт (сборы Э. А. Новгородовой)

обращает внимание на сходство с южносибирскими таких орудий из Гоби, как круглые скребки, ножевидные пластины, наконечники стрел, сделанные из яшмы, халцедона, сердолика. Неолитические поселения, аналогичные Шабарак-усу, известны в Хилан-хутахту, на Тарим-норо (около Байлямпя), в Ундугулу, Хулцагаан-

норе, Урты-обо, Барун-цогт, Ширигинин-сумо, Халитэн-голе и в других местах.

Верхний слой неолитической культуры представлен орудиями из Шабарак-усу и Джалаган-худока, которые сходны также с находками из северных районов Внутренней Монголии, что позволило предположить, что Гоби и Внутренняя Монголия являлись областью распространения единой неолитической культуры [681, с. 11—16; 377]. Что же касается шабаракусской (расписной) керамики¹⁶, представляющей верхний слой позднего неолита, то она сходна более всего с керамикой неолитического времени из Китайского Туркестана [681, с. 11—16; 345; 343].

Орнамент на расписной керамике из Гоби, относящейся к верхнему слою неолитической культуры, выполнен красной или черной краской по красноватому фону. Преобладающий рисунок — геометрические фигуры: треугольники, квадраты, «лесенки».

Орнаменты расписной керамики южной части Монголии можно сравнить с росписями на керамике Маньчжурии и Северо-Западного Китая, где она существовала в течение долгого времени, с неолита до I тысячелетия до н. э. (например, в Синьцзяне).

Фрагменты подобной керамики были найдены автором монографии в Шабарак-усу в 1972 г. в слое, где также обнаружены обломки бусин, сделанных из скорлупы яйца страуса, песты и зернотерки. Обилие зернотерок позволяет говорить о широком развитии собирательства и зачаточных форм земледелия у неолитических гобийских племен.

Говоря о каменных орудиях гобийских стоянок, заметим прежде всего, что там редко встречаются крупные предметы, такие, как тесла, топоры. Явно преобладают мелкие по размерам орудия, совершенные по технике их изготовления: скребки, проколки, резцы, игожевидные пластины и наконечники стрел.

Возможно, это обстоятельство связано более всего с особыми физико-географическими условиями: гобийские племена жили в степных безлесных районах, где крупные орудия труда типа топоров были не очень нужны. Очевидно, поэтому гобийские племена использовали и более пластичные материалы, такие, как халцедон, яшма, сердолик, которые редко встречаются в природе большими гальками.

Стоянки с инвентарем, сходным с шабаракусским, найдены в разных районах Гоби: в Восточногобийском аймаке в Дулан-гоби (хранятся находки в Улан-Баторе в археологической лаборатории АН МНР), в Убурхангайском аймаке в местности Тугригийн-ширэт. Судя по находкам, эти стоянки относятся к концу неолитического периода, а возможно, часть из них можно будет датировать энеолитическим временем.

Другие стоянки, которые, по классификации Пэй Вэньчжуна и П. Тейяра де Шардена [849], могут быть отнесены к числу дюнных, — это стоянки, расположенные в гобийской зоне (по дороге из Булгана на Хулд сомон). Так же как и шабаракусские, они относятся к той физико-географической зоне, для которой харак-

терны широкая степная равнина, пустыни и полупустыни, песчаные дюны. Памятники эти располагаются чаще всего в больших котловинах, на берегах высохших рек, озер или недалеко от колодцев.

Стоянки, открытые в Тугригйин-ширэт, неоднократно исследованы отрядом по изучению каменного века советско-монгольской историко-культурной экспедиции (руководитель А. П. Окладников). К сожалению, подробных публикаций этого памятника мы не имеем¹⁷ и вынуждены ограничиться материалами, полученными автором в 1976 г. во время полевых исследований нескольких стоянок Тугригйин-ширэт, поименованных нами Дюна-I, Дюна-II, Дюна-III.

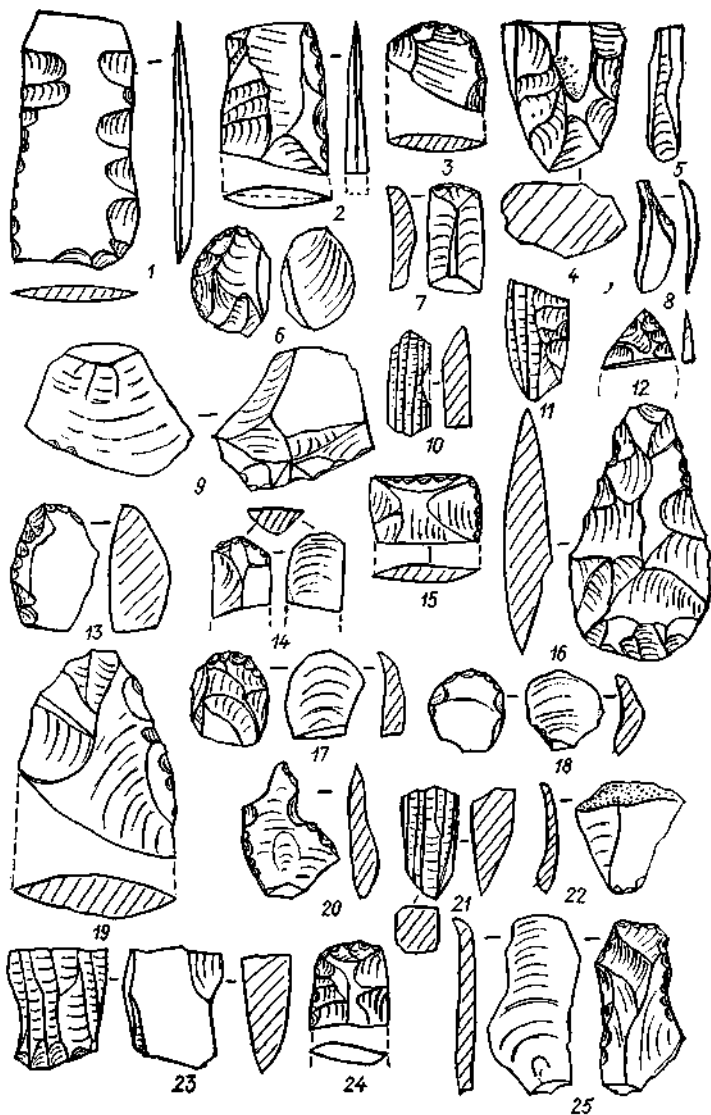
Все исследованные нами дюны расположены на высоком плато, по берегам высохшего русла реки и окружены песчаными равнинами. Дюны протянулись на несколько десятков километров, расстояние между ними от 2 до 4 км.

Хотя инвентарь стоянок довольно однотипен, каждая из них имеет все-таки свои отличительные черты. На Дюне-I преобладают орудия труда и отходы производства из темно-красной яшмы, изредка встречаются халцедоновые поделки. Все нуклеусы карандашевидные, с прямоугольным (иногда квадратным) сечением, найденный здесь резец сделан из прозрачно-белого халцедона, обнаружено несколько скребков из кремня и халцедона, сделанных на отщепе. Яркие пластины и отщепы почти сплошным слоем покрывают поверхность песка и подножия дюны.

Между первой и второй дюнами встречаются халцедоновые пластины, обломки наконечников стрел. Там же найден резец из красной яшмы. Наибольший интерес представляют нуклеус с обработанным краем, концевой скребок, сделанный из ножевидной пластины, а также скребки из яшмы, сломанный нож прямоугольной формы и топорик-скребло из кремнистого сланца.

На Дюне-II сплошным слоем лежат каменные пластины, орудия труда, обломки орудий из сердолика и халцедона красного, оранжевого, прозрачно-белого, розового, серого, коричневого цветов. Выделяются крупные отщепы со следами обработки по одному краю, орудие типа ножа из яшмы, высокий скребок типа тесла из яшмы, мелкие ножевидные пластины-вкладыши, карандашевидный нуклеус, превращенный в скребок.

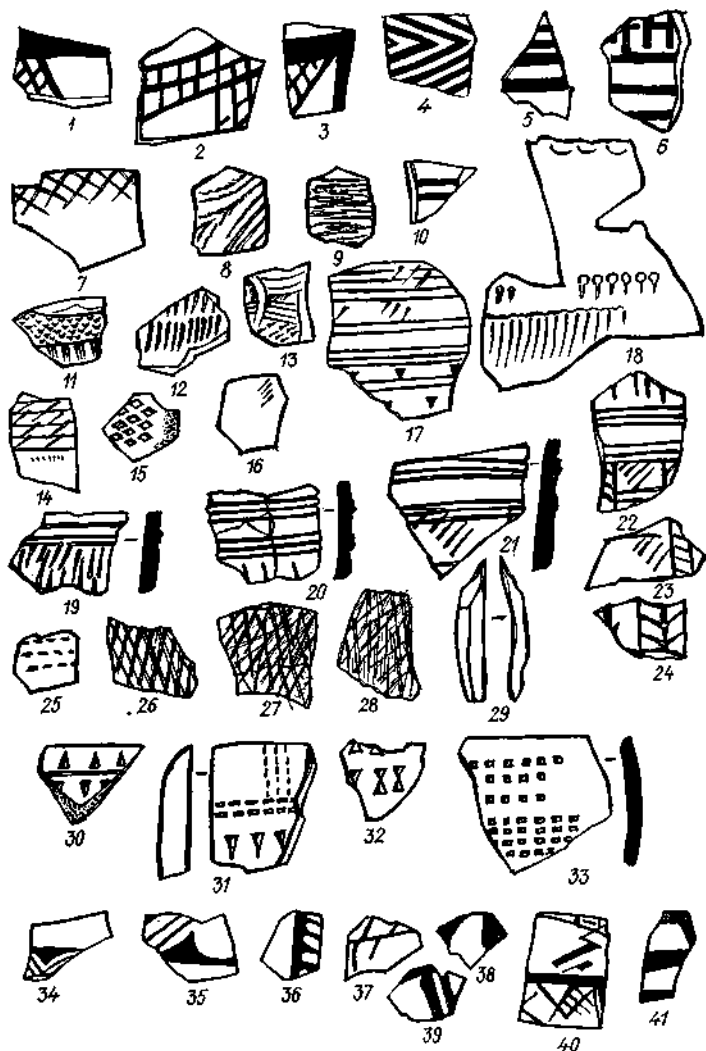
Там же обнаружен нуклеус, использованный как тесло, и обломок прямоугольного ножа. Два обломка одного кремневого ножа найдены в разных местах (на расстоянии 30 м друг от друга) в пределах одной стоянки. Судя по всему, нож сломан еще в древности. Он прямоугольной формы. У него использованы как рабочие две поверхности — длинная и короткая. Обнаружены еще три сломанных ножа аналогичной прямоугольной формы с двумя рабочими краями. Подобные ножи найдены на стоянке позднего неолита юго-западного Забайкалья (стоянка Черемушки), а также в нижнем слое поселения Усть-Нарын из Восточного Казахстана [339, с. 120, рис. 2, 13]. На Дюне-II найдены также массив-

Находки на стоянке Тугриггйн-ширэт в Южной Гоби
(сборы Э. А. Новгородовой)

ный топор из кремнистого сланца с хорошо обработанным рабочим краем, сточенным от работы. Это единственная находка подобного инвентаря.

Около Дюны-III найдены отщепы и обломки орудий, аналогичных тем, что обнаружены на Дюне-II.

Керамика с неолитических стоянок:

1—29 — Южная Гоби, Тугриггйн-ширэт (1—10 — сборы Дж. Марингера; 11—29 — сборы Э. А. Новгородовой); 30—33 — Восточная Гоби, долина р. Керулен (сборы Х. Пэрлэв); 34—41 — северные районы Китая (по работам [894; 789])

Около дюн Тугриггйн-ширэта нами собрана также керамика. Это обломки пяти сосудов: один серого, другие розовато-серого цвета. В глине, из которой сделаны сосуды, есть небольшие примеси песка. На стенки сосудов нанесены орнаменты: сетка-плетенка, налепной горизонтальный валик с желобками, проведенными штампом; вертикальные насечки, имитирующие плетенку; резной

орнамент в виде горизонтальных рядов елочек. Аналогичные орнаменты известны на неолитической керамике Прибайкалья и Забайкалья, что еще раз говорит о неолитическом возрасте стоянок гобийского типа с подобной керамикой.

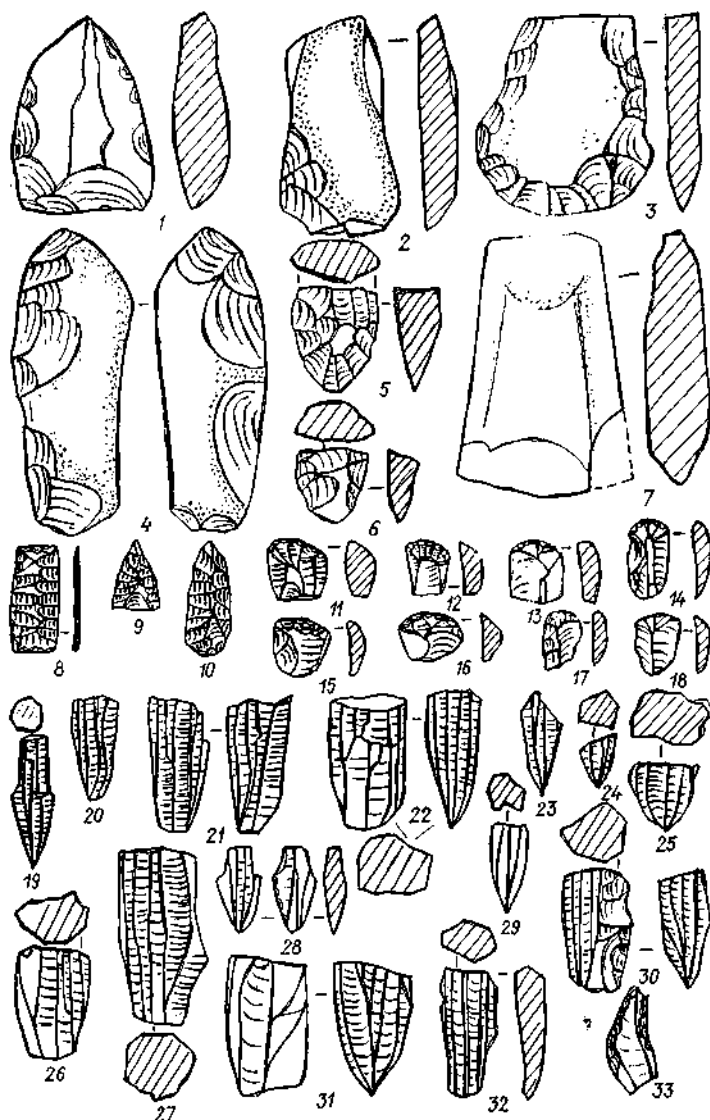
Возвращаясь к общей характеристике южногобийского и гобийского неолита, отметим также, что в отличие от микролитических культур он имеет свои специфические черты. Его выделяют не столько размеры орудий труда, сколько более высокая техника их обработки. Ранее уже отмечалось исследователями, что во Внутренней Монголии, Гоби, Синьцзяне и Забайкалье обнаружено множество изящно выполненных орудий небольших размеров. «Наконечники стрел отличаются строгими геометрическими очертаниями, широкие плоскости ножей и вкладышей покрыты длинными параллельными друг другу фасетками выстригающей ретуши» [374, с. 35].

Неолит Восточной Монголии

Монгольские и советские археологи выделяют три этапа развития неолита на востоке страны. Первый этап — IV тысячелетие до н. э. (возможна и более древняя дата — V тысячелетие до н. э.¹⁸). Памятники первого периода расположены вдоль берегов водоемов, где жили племена рыболовов и охотников. Охотились они с помощью костяных дротиков, стрел, копьеметалок. Лук был самым надежным и дальнобойным оружием. Охотились как на крупного зверя (быка, лося, оленя, медведя, дзерена), так и на мелкого, а также на птиц. О ловле рыбы можно судить по находкам грузил для сетей, костяного гарпуна и зернотерки в форме рыбы. На месте их стоянок найдены боковые и концевые скребки, призматические нуклеусы. Керамика с отпечатком шнура встречается редко.

Второй этап неолита Восточной Монголии относится к III тысячелетию до н. э. Исследователи связывают его с переходом к производящему хозяйству — зачатками земледелия. Типичным для этого времени является поселение, открытое А. П. Окладниковым в 1949 г. в 7 км к востоку от сомонного центра Тамцаг-булак.

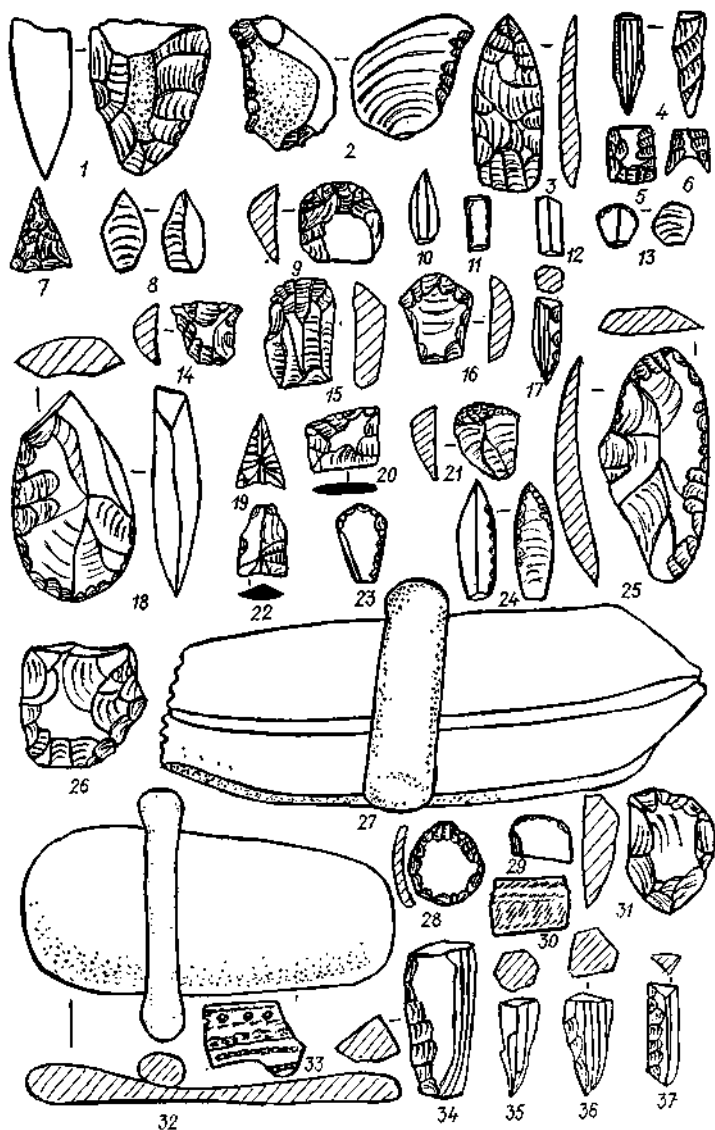
В поселении было несколько десятков жилищ, размер которых доходил до 40 кв. м. Эти четырехугольные помещения полуземляночного типа с четырехскатными крышами имели вход через отверстие в крыше¹⁹ [243, с. 81]. О том, что жители поселка занимались земледелием, говорят находки мотыг, пестов, зернотерок. Причем древнейшим культурным растением Монголии было, как мы уже говорили, просо [243 с. 86, 87]. Существует мнение, что характер монгольского неолитического земледелия принципиально отличен от земледельческих форм хозяйства Юго-Восточной Азии и Китая. Так, известно, что начиная с эпохи Яншао в Китае основной земледельческой культурой был рис, а поэтому зернотерки и куранты встречаются там крайне редко. Отличается и техни-

Находки на неолитических стоянках Восточной Гоби
(сборы Х. Пэрлээ, Н. Сэр-Оджава)

ка изготовления орудий. Пластинчатая техника, характерная для восточномонгольского региона, имеет истоки в предшествующих местных культурах. Различны также типы жилищ в Монголии и в Китае неолитического времени (см. [345; 349]).

Открытие на востоке страны первых неолитических поселений

Находки на неолитических стоянках Восточной Гоби
(сборы Н. Сэр-Оджава, Б. Ширендыба и др.):

1—6, 26 — Устай-Бургустай; 7—11 — Эхэн усны барун энгэр; 16—23,
25 — Сухэбаторский аймак; 24, 28—37 — Монх-хан-сомон

говорит о появлении в Монголии уже в неолитическое время оседлого населения [130; 480, с. 168]. Находки же на стоянках костей рыб, раковин свидетельствуют об обилии воды, влажном климате, усиленном почвообразовательном процессе. Все это способствова-

ло развитию земледелия и оседлости в рассматриваемых районах [501].

Каменная индустрия²⁰ на поселениях Тамцаг-булак представлена призматическими орудиями (отбойники, резцы, проколки, скребки) и нуклеусами подпризматической формы, галечными нуклеусами (прибайкальско-забайкальского типа) со скошенной ударной площадкой, иногда с мелкой ретушью по краю (так называемые нуклеусы-скребки), нуклеусами тамцагбулакского типа (со скошенной ударной площадкой, со снятием ножевидных пластин только с одной стороны, поэтому опорная площадка подтесана в виде острия и имеет форму клинка). Преобладают же орудия труда, сделанные из ножевидных пластин: ножи, вкладыши, проколки.

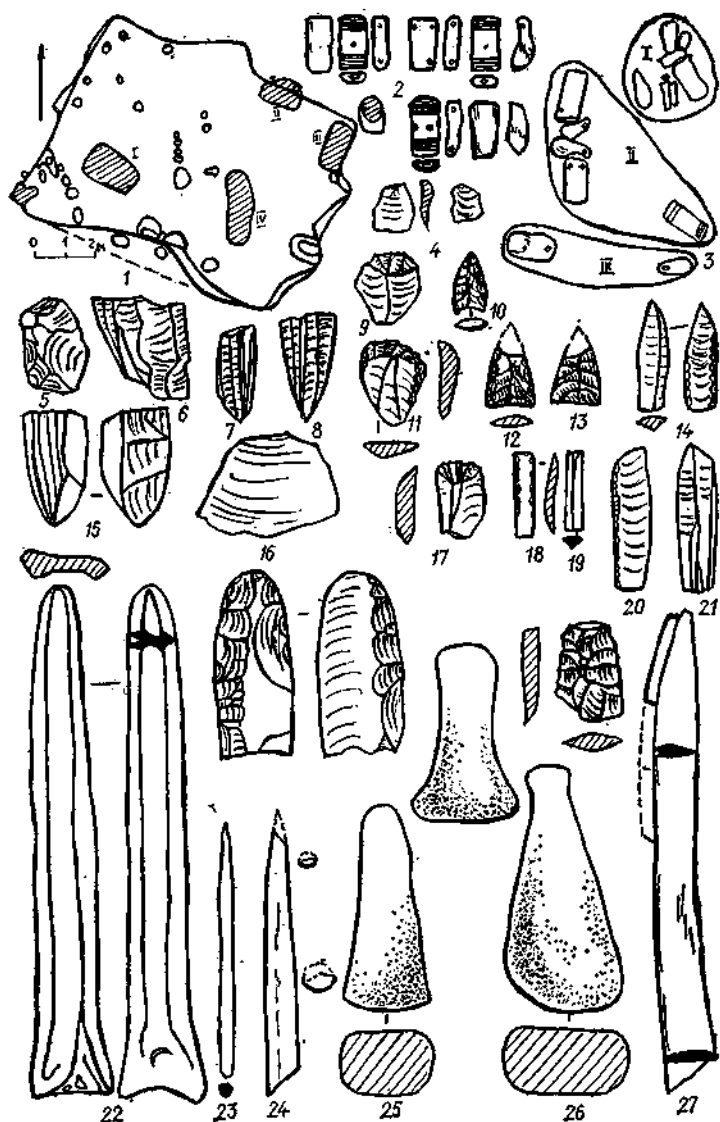
Кроме каменных орудий широко использовались и изделия из кости: наконечники стрел, вкладышевые ножи и кинжалы. Из клыков, раковин делались украшения, амулеты, найдены скопления бус из зубов марала. В отличие от забайкальского и прибайкальского неолита в Монголии совсем не встречаются шлифованные тесла, топоры.

Раскопки поселений и погребений тамцагбулакской культуры позволяют сделать первые реконструкции религии и культуры племен. Можно говорить о том, что существовал культ предков и вера в загробную жизнь, что красный цвет имел символическое значение, ассоциировался со смертью. Об этом свидетельствуют захоронения, совершенные по определенному обряду: умершего хоронили с туго связанными ногами, в сидячем положении и обильно посыпали охрой. Вот почему все найденные в погребениях костяки густо окрашены.

Особый интерес представляет погребение в Тамцаг-булаке, обнаруженное под полом неолитического жилища (таким образом, его возраст подтверждается стратиграфически). Покойника похоронили в одежде, украшенной на плечах и бедрах перламутровыми бусами. Два вкладышевых ножа (длиной около 20 см) имели прорези для каменных лезвий. Найдены и два вкладыша и 20 подвесок из зубов марала с отверстием в узкой части [507].

О верованиях, о тотемизме, о культе быка, возможно связанном с зачаточным земледелием, свидетельствуют, как считает А. П. Окладников, захоронения черепов или рогов быка в специальных ямах, вырытых для этого обряда. Такие ямы расположены на окраине или вблизи поселков. На левом берегу р. Керулен, между горами Дунгульджин и Дэльгер, на краю неолитического поселения в яме диаметром 1 м × 0,7 м на глубине 0,4 м обнаружен череп дикого быка со следами обработки. Кроме того, на черепе видна вмятина от удара, очевидно, ставшего причиной гибели быка [484, с. 199—203].

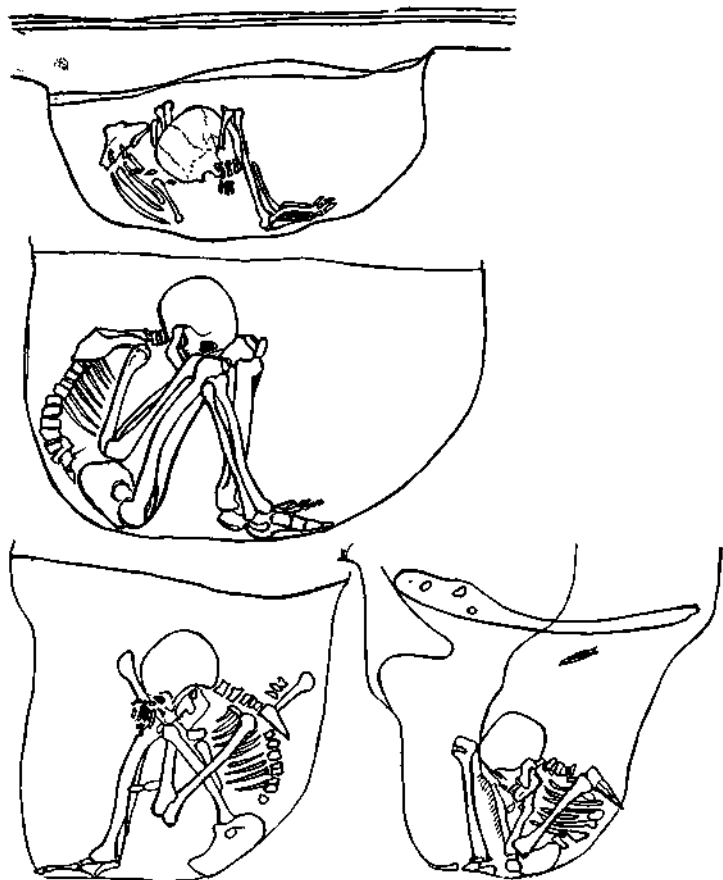
В 5 км от этого поселения вниз по течению Керулена на правом берегу реки, рядом с погребением, обнаружена яма с бычьими рогами. Теперь известно уже несколько подобных ритуальных захоронений черепов и рогов быков, характерных именно для восточ-

Поселение неолитического времени в Тамцаг-булаке:

1 — план жилища; 2, 3 — украшения; 4—27 — орудия из камня
и кости (см. [243; 506])

ных районов. Культ быка, возникший на востоке страны еще в каменном веке, отражает серьезный этап и в процессе одомашнивания этого животного, и в религиозных представлениях неолитических племен Восточной Монголии. А наличие этих животных на

Погребения неолитического времени в Тамцаг-булаке (см. [243])

востоке страны свидетельствует о достаточно теплом и влажном климате в данном районе в ту эпоху.

Наибольшее количество изображений массивных быков с подквадратным туловищем, хвостом «кисточкой» и специфической формой рогов сохранилось от конца эпохи каменного века — начала энеолита.

Очевидно, что с изменением климата и уменьшением травостоя значительно меняется состав скота. Крупный рогатый скот уступает место мелкому. И соответственно постепенно культ быка уступает место культу других копытных животных.

Интересно также отметить, что обожествление быка сохранялось на востоке страны вплоть до эпохи сюнну, оставивших легенды о своем происхождении от этого тотемного предка. Культ быка прослеживается и в петроглифах эпохи энеолита.

В период третьего этапа неолита Восточной Монголии (Д. Дорж относит его к концу II тысячелетия до н. э.²¹ [243, с. 87], по нашему мнению — это III тысячелетие до н. э.) продолжалось развитие культуры Тамцаг-булак. В поселениях по р. Керулен и на оз. Барун-шоврыг найдены орудия с двусторонней ретушью, наконечники стрел с жальцами. Особенно часто встречаются ножи и кинжалы, состоящие из костяной рукоятки с кремневыми вкладышами. Для украшений типичны клыки марала, бочонкообразные костяные бусы. Орнаменты на бусах сделаны в виде параллельных линий, геометрических фигур, треугольников. Посуда восточномонгольских племен — из грубой глины, с примесями песка, со следами затертости травой, украшена отпечатками сетки-плетенки, грубого шнура. Те же формы жилищ, что были типичны для предшествующей культуры, сохраняются и на третьем этапе. Население и в этот период занималось собирательством и примитивным земледелием.

Памятники, аналогичные неолитическим из Восточной Монголии, известны и в Забайкалье. Так, в Фофановском могильнике на берегу р. Селенги раскопаны погребения с костяками, густо засыпанными охрой. В погребениях найдены, что особенно важно, костяные вкладышевые кинжалы (с кремневыми вкладышами), украшения из зубов марала, кабана, кольца из перламутровых раковин [141].

Интересно сравнить данные археологии с результатами изучения древней растительности Восточной Монголии в голоцене. Так, в III—II тысячелетиях до н. э. на северо-востоке Монголии были широко распространены сосново-лиственничные леса с примесью ели и пихты в горах Хэнтэя [110]. Биологи считают, что «наличие погребенных почв и многочисленных поселений людей неолитического времени и эпохи ранней бронзы в Гоби, находки зернотерок и каменных лемехов древнейших плугов в Восточной Монголии, датруемых III—II тысячелетиями до нашей эры, отражают не только более теплый, но и более влажный этап в развитии природной обстановки этой части, а возможно, и всей территории Монголии» [110, с. 21]. Состав стад диких животных, изображенных на скалах Монголии и датированных нами эпохой неолита, также подтверждает эту точку зрения.

Дальнейшее развитие неолитических традиций прослеживается в следующую эпоху — энеолитическую. Эта преемственность подтверждается как археологическими материалами, так и палеоантропологическими. Антропологических данных по эпохе неолита найдено мало, обмерены всего два черепа из восточной части страны (подростка и взрослой женщины) [411, с. 204—210]. Обе находки сделаны в поселении Тамцаг-булак. «Мозговой отдел обоих черепов характеризуется низким сводом. Череп подростка брахиокранный, с малым продольным и очень большим поперечным диаметром, у взрослого — долихокранный, с большим продольным и средним по величине поперечным диаметрами. Лоб узкий, покатый. О размерах лица говорить трудно из-за слишком молодого

возраста индивида, однако следует сказать, что лицо характеризуется резкой уплощенностью, очень слабым выступанием надпереносья и малым углом выступления носа — признаками, характерными для монголоидной расы» [411, с. 207].

Небезынтересно обратиться к анализу прибайкальских и забайкальских палеоантропологических материалов, блестяще проделанному Н. Н. Мамоновой. По ее данным, выявляется большое сходство неолитических черепов Прибайкалья с забайкальскими и восточномонгольскими. Результаты анализа краниологического материала приводят исследователя к выводу о том, что существовала сложная взаимосвязь племен эпохи неолита в этих регионах. Отмечается, например, по данным из неолитических могильников, приток населения в Прибайкалье из Забайкалья, а далее материал уводит в Монголию [413; 212]. Материалы из археологических раскопок и погребальных комплексов Восточного Забайкалья и Восточной Монголии настолько сходны, что позволяют говорить о бесспорных связях племен и их передвижениях. Самые последние анализы привели к выводу, что неолитические племена Прибайкалья представляли собой древний пласт большой монголоидной расы [413].

Так как выше говорилось о сходстве материальной культуры приамурских племен неолитического этапа с культурой племен типа Тамцаг-булак, то правомерно предполагать, что именно носители неолитической культуры Восточной Монголии были теми юго-восточными племенами, о контакте с которыми можно говорить, если попытаться конкретизировать выводы антропологов.

Следовательно, суммируя данные палеоантропологии, можно сказать, что население Восточной Монголии в эпоху неолита было большей частью монголоидным. Таким образом, именно с восточной частью страны связаны древнейшие корни монголоидного населения Центральной Азии. Отсутствие антропологических данных из Западной Монголии не позволяет пока делать подобные выводы об этом большом регионе.

Неолит Западной Монголии

В этом регионе к настоящему времени открыты десятки неолитических стоянок, сделаны большие сборы орудий труда и нуклеусов. Однако таких крупных стоянок и мастерских, как Шабарак-усу или Тугригийн-ширэт, найдено не было. Исключение составляет, пожалуй, известный памятник Мойльтын-ам, уже упоминавшийся выше. Ранее мы говорили о его древнейших слоях. Верхний же слой этой многослойной стоянки относится, по нашему мнению, к неолиту.

Наибольший интерес, на наш взгляд, представляют материалы раскопок и разведок на западе страны.

Среди неолитических памятников западных районов Монголии особое место занимают скопления наскальных рисунков [246].

Памятники неолита Западной Монголии:

1—8 — Архангайский аймак; 9—12 — Говьалтайский аймак; 13 — Коб-
доский аймак, наскальные рисунки (см. [246])

Особенно интересны рисунки, выбитые в окрестностях г. Кобдо в Баянхульгийском аймаке и в других местах.

В нескольких километрах от г. Кобдо, в местности Тэмээний-хузуу (Верблюжья шея), на небольшой скальной поверхности высечены изображения лося, диких баранов, диких лошадей, горных

козлов. Головы зверей, выполненные контурной линией, направлены влево, хвост, уши, линия живота не всегда изображены.

На другой скале — Чандмань хар-узуур (Черный пик Священной горы) — у моста через реку Зумья-гол выбиты рисунки, похожие по стилю на изображения Тэмэний-хузуу: фигуры животных переданы контуром, сплошные силуэты встречаются редко. Все звери показаны в профиль. Дикие лошади отличаются короткими ногами, длинными хвостами и характерной мордой, как у степных пород лошадей (или у лошади Пржевальского).

Массивные быки имеют прямоугольное туловище, треугольную голову, рога, направленные вперед, хотя и не всегда. Голова, как правило, показана силуэтом, хвост у быка длинный и без кисточки на конце. Рядом с животными изображены знаки. По стилю и сюжету сцены с изображениями животных, а также знаки, выбитые в Баян-ульгийском аймаке, весьма сходны с кобдоскими.

В местности Баян-энгэр на левом берегу оз. Толбо-нур на невысоких скалах расположены группы рисунков [246]. Среди петроглифов преобладают изображения знаков: точек, кругов, «шевронов», изогнутых линий.

Статистический подсчет показал, что названные выше рисунки значительно отличаются от изображений, сделанных в других местах Монголии. Они выделяются прежде всего полным отсутствием антропоморфных фигур, а также всадников и лучников. В то же время на них редко преобладают изображения диких лошадей, ослов, киянгов. Интересно заметить, что дикие лошади чаще всего изображены небольшими группами: по три, четыре, пять. Следующую группу составляют многочисленные изображения горных баранов, под которыми нередко выбиты точки. Иногда эти знаки показаны рядом со зверем. Много также изображений змей. Видимо, змея пользовалась большим почетом. На одном из рисунков она показана во много раз крупнее диких лошадей. Далее по числу изображений идут фигуры горных козлов, фантастических зверей, птиц (возможно, уток), а также длинные параллельные линии, рога, стрелы, грибовидные фигуры. По одному разу изображены кабан, заяц, черепаха, круг с «ножкой», солнце и т. д.

Почти все персонажи изображены идущими справа налево и снизу вверх, как бы из правого нижнего угла композиции в левый. В этой определенной направленности и согласованности присутствует поступательность движения, ритм. Плавность линий, изображающих каждого зверя, создает впечатление плавности и ритмичности всей композиции. Отсутствие загромождающих деталей, таких, как, например, линия брюха у быков, еще более подчеркивает это. Отдельные фигуры переданы одной плавной линией. Например, бык показан одной линией от передней до задней ноги [246, табл. VIII, № 8]. Именно такой лаконизм и скупость линий позволяют сравнить рисунки этого типа с верхнепалеолитическими росписями из пещеры Хойт-Цэнхэрийн-агуй.

Быки из Чандмани хар-узуур, имея некоторое фигуративное сходство с окуневскими²² изображениями из Южной Сибири и

Туву, в отличие от них выбиты сплошным силуэтом или более широким контуром и, что особенно характерно, ни разу не показаны ни с ярмом, ни в упряжке (такие рисунки возможны лишь в эпоху металла), их ни разу не сопровождают люди. Скорее всего на рисунках типа чандманьских — дикие быки (туры).

Особенно важно отметить обилие на рисунках символических знаков, причем многие из них известны по рисункам верхнепалеолитического и мезолитического времени. Весьма симптоматично, что точки и ряды точек выбиты под животными или около них, треугольники и «шевроны» также выступают в уже знакомом сочетании, равно как и рога, стрелы, «копыта».

Очевидно, культ зверей-копытных, изображенных вместе со знаками-символами, сохраняет свое сакральное значение и в период послепещерной живописи. Сохраняется и идея мирового дерева, смысл которой передан через птицу, копытных и змею, через деление мира на три яруса: символ нижнего мира — змея, среднего — копытные, верхнего — птицы.

Нужно заметить, что А. П. Окладников и Д. Цэвэндорж относят эти петроглифы к эпохе палеолита, приводя такую аргументацию: «При воссоздании образов животных наблюдаются некоторые интересные приемы, характерные именно для палеолитического искусства: это миндалевидное углубление под брюхом животных, символизирующих «плодородие животных», точка, изображающая сердце животного, вертикальные полосы, идущие от спины к брюху животных, или же незаконченность линии при соединении ног животных с туловищем и т. д.» [676, с. 61]. Далее авторы относят к эпохе палеолита наряду с росписями пещеры Хойт-Цэнхэрийнгауй рисунки, выбитые в местности Ишгин-толгой в долине р. Цэнхэр-гол (Манхан сомон Кобдоского аймака) и в Чандмань-хар-узуур.

Нам кажется, что перечисленные памятники действительно содержат еще немало черт сходства с древнейшей живописью эпохи палеолита, но в то время в них прослеживаются весьма явственно и черты, преобладающие в энеолитическую эпоху. Например, членение тела животного на несколько крупных частей, чего не было в палеолитическое время.

Кроме того, нужно заметить, что ни в Чандмань-хар-узуур, ни в Ишгин-толгой ни разу не встречено, во всяком случае не отмечено в литературе, случая наложения одного рисунка на другой, столь характерного для росписей верхнепалеолитического времени. Изображений животных, пронзенных стрелой, также не встречено на петроглифах, выбитых на скалах. Они типичны только для пещерной живописи. Неодинаковы и виды изображенных животных: на рисунках из Чандмань-хар-узуура нет ни слона, ни мамонта, ни страуса.

По нашему мнению, стиль рисунков, отсутствие антропоморфных фигур и людей, преобладание изображений лошади, барана и быка позволяют считать эти рисунки произведениями каменного века и датировать их эпохой неолита. Сохраняя традиции верхне-

палеолитического искусства, они являют собой переход к следующему этапу — энеолиту и свидетельствуют о длительности сохранения в центральноазиатском искусстве основных идей, главной идеологии первобытного общества — мифа каменного века. Как видим, сложившийся в конце палеолита культ зверя-копытного прослеживается и в последующие эпохи. Представления о вселенной, расчлененной на силы земные в облике копытных, подземные в виде змей и рыб и небесные в образе птиц, сохраняли свою значимость и в период мезолита, и в эпоху неолита.

Очевидно, в эпоху мезолита и неолита миф сохранил свое сакральное значение. Об этом свидетельствуют и обильные символические знаки, аналогичные палеолитическим, пещерным, но выбитые уже на скалах в последующие эпохи каменного века.

Итак, находки археологов свидетельствуют, что территория Монголии была обитаема еще с нижнего палеолита и возможная дата этих древнейших памятников — 300 тыс. лет назад.

В эпоху неолита сложилось несколько центров самостоятельной культуры. Южные культуры типа Шабарак-усу и Тугригийн-ширэт отличались высокой техникой производства мелких орудий из галек полудрагоценных пород. На юге страны отмечены следы собирательства и зачатки земледелия.

Племена Восточной Монголии в эпоху неолита селились вдоль берегов рек и озер, занимались рыболовством и охотой, но более всего земледелием и собирательством. Наибольший интерес представляют поселки, состоящие из жилищ полуземляночного типа. К этой же культуре, именуемой тамцагбулакской, отнесены и погребения в грунтовой яме, где покойник находится в сидячем положении с подогнутыми ногами. Неолитические племена Восточной Монголии отнесены к большой монголоидной расе и являлись частью коренного населения, сохранившегося на востоке страны в отличие от более пестрого и часто менявшегося конгломерата племен на западе Монголии.

Наметившиеся контакты неолитических племен Монголии с населением Забайкалья, Прибайкалья, Китая и Маньчжурии способствовали более быстрому развитию этих племен по сравнению с изолированными племенами таежных соседних районов.

ЭПОХА ЭНЕОЛИТА

Эпоха энеолита в Монголии была мало исследована до 70-х годов. Обсуждались спорные элементы гобийских культур, высказывались предположения о возможности существования памятников этого периода [119, с. 10]. В 70-х годах были открыты и раскопаны курганы афанасьевского типа на западе страны в Архангайском аймаке¹, затем в 1971 г. был случайно обнаружен могильник энеолитического времени на востоке МНР и, наконец, в долине р. Чулуут открыт геологами и обследован нами большой памятник-святилище, значительная часть которого может быть отнесена к эпохе энеолита. Рисушков, подобных чулуутским, до того времени не встречалось, ныне же мы имеем большие серии таких петроглифов культового значения.

Эпоха энеолита — переходный период от каменного века к эпохе металла. На этой ранней стадии применения металла медь была уже известна как материал, ценилась она очень высоко². Из нее делали мелкие предметы — орудия труда и украшения.

ДРЕВНЕЙШИЕ МЕДНЫЕ ВЫРАБОТКИ

Медные выработки не часто встречаются археологам. Вопрос о древнейших источниках сырья в Монголии в эпоху энеолита долгое время был спорным. Летом 1975 г. автором данной монографии и специалистом по древним выработкам металла С. Н. Кореневским были найдены и исследованы старые медные выработки в Мандахской меднорудной зоне на горе Цагаан-сабурган, сложенной из белого кварца. Она расположена в 70 км на юго-восток от г. Мандаха Восточногобийского аймака. Были обнаружены медноносные породы, выходящие на поверхность в восточной части горы. Именно там и находились древние выработки. Нами обнаружено около пяти штолен, идущих внутрь горы по следам жилы малахита и остатки копоты на стенках штолен. Найдены два сломанных орудия, сделанные из черного гранита, скорее всего это молоты древних рудокопов, служившие для дробления руды. На орудиях, имеющих пояски в виде желобков, видны следы обработки на рабочей поверхности³.

Следы таких же древних выработок обнаружены нами в 6 км к западу от горы Цагаан-сабурган. Там медноносная жила выходила на поверхность и была насыщена малахитом и азуритом. Старые выработки находились в слоях диорита. Они представляют собой карьеры в виде воронок диаметром от 10 до 12 м. Медноносная порода состояла в основном из малахитовой крошки, а также диорита с налетами малахита и азурита.

Известны древние выработки и в районе Дучин-хурала Южно-гобийского аймака⁴. Обнаружение и добычу полезных ископаемых в эпоху энеолита ученые связывают с подвижным образом жизни населения. Результаты недавних археометрических исследований показали, например, что рудники на Иранском плато разрабатывались уже начиная с IV—III тысячелетий до н. э. Французский исследователь М. Р. Безенваль предполагает, что получение металлов было результатом деятельности определенной группы номадов, причем существовала, очевидно, преемственность традиционных знаний о минералах, знаний, необходимых для их добычи и обработки.

Исследователи Сибири и Центральной Азии специально изучали вопрос о древнейших способах поиска медных руд. П. С. Паллас еще в XVIII в. писал, что древние люди хорошо знали, в каких местах надо вести работы, ибо всюду, где на поверхности есть признаки залегания медной руды, древние рудокопы производили пробные разработки, хотя иногда и ошибались [510, с. 321].

Самородную медь могли находить по ее выходам на поверхность красновато-зеленого и зеленовато-черного цвета. Поиски в древности были облегчены тем, что самородной меди было намного больше, чем в настоящее время [168, с. 82].

Геологические знания закладывались в энеолите, развивались в эпоху бронзы, совершенствовались в скифское время. В результате в V—III вв. до н. э. в китайском письменном источнике «Гуань-цзы» записаны такие руководства: если на поверхности имеется магнитный железняк, то ниже должна быть медь; если на горе имеется камень, идущий на надгробные плиты, то в самой горе должны быть свинец, олово и красная медь [168, с. 82]. Кроме того, древние рудокопы знали, что в меднорудных местах растет и специфическая растительность. Так, на Алтае медным залежам сопутствует качим, и там, где он растет, найдены старинные медные рудники.

Древнейшие выработки меди известны в горном Алтае, на горе Безымянной, они относятся к эпохе энеолита, так как найденные там каменные шлифованные топоры датируются концом III — началом II тысячелетия до н. э. [168, с. 83; 358, с. 165—168].

Древние медные выработки Монголии, к сожалению, не удается датировать, однако наличие подобных им памятников на Алтае в афанасьевское время не исключает возможности, что и в Центральной Азии исследованные древние рудники возникли на самой ранней стадии эпохи металла и имели именно такой облик, как открытые нами штольни в Цагаан-сабургане и Дучин-хурале. Ис-

следованы древние выработки и в районе г. Эрдэнэт. Вопрос о датировке этих рисунков также остается открытым, хотя наличие примитивных молотов позволяет предполагать их древний возраст.

Итак, можно констатировать факт существования медноносных слоев в разных аймаках страны и утверждать, что медные, а позднее и бронзовые предметы делались в Монголии в древности из местного сырья.

Первые открытые в МНР энеолитические памятники не содержат предметов из меди. Но поскольку найденные там петроглифы, а также керамика и орнамент на ней аналогичны южносибирским, алтайским и тувинским и относятся к эпохе энеолита, то и монгольские памятники могут принадлежать периоду энеолита.

Переходим к краткому описанию и анализу памятников Монголии того времени.

ЭНЕОЛИТ ЮЖНОЙ И ВОСТОЧНОЙ МОНГОЛИИ

Уже в конце эпохи неолита в Южной и Восточной Монголии сложились общества земледельцев-собирателей [684, с. 20, 21]. Племена энеолитической эпохи селились, как и их предшественники, по берегам высохших ныне рек и озер [814, табл. XI]. Люди занимались собирательством, а также земледелием, о чем говорят найденные здесь зернотерки, песты и огпечатки зерен ячменя на стенках сосудов.

Мы уже говорили о неолитических стоянках в Шабарак-усе, Тугриггйн-ширэте, о южногобийских памятниках. И везде там над неолитическим слоем прослеживается слой энеолитический. В последнем найдена расписная керамика. Она, как правило, тонкостенная, сероватая, с росписями в виде геометрических фигур (треугольники, косые насечки, ряды квадратов, ромбы и т. д.). Роспись на керамике, ее геометрические узоры сходны с росписями на ганьсуйских и маньчжурских сосудах, датироваемых концом III — началом II тысячелетия до н. э.

Известно, что подобными же геометрическими узорами расписана посуда из энеолитических поселений Анау в Средней Азии, из южноиранских энеолитических поселений Элама (Сузы I) и Двуречья (Телль-Халаф, Эль-Обейд, Джембет-Наср и т. д.).

Для энеолитических слоев характерны наконечники стрел глазковского типа, что и позволяет датировать весь комплекс этим временем.

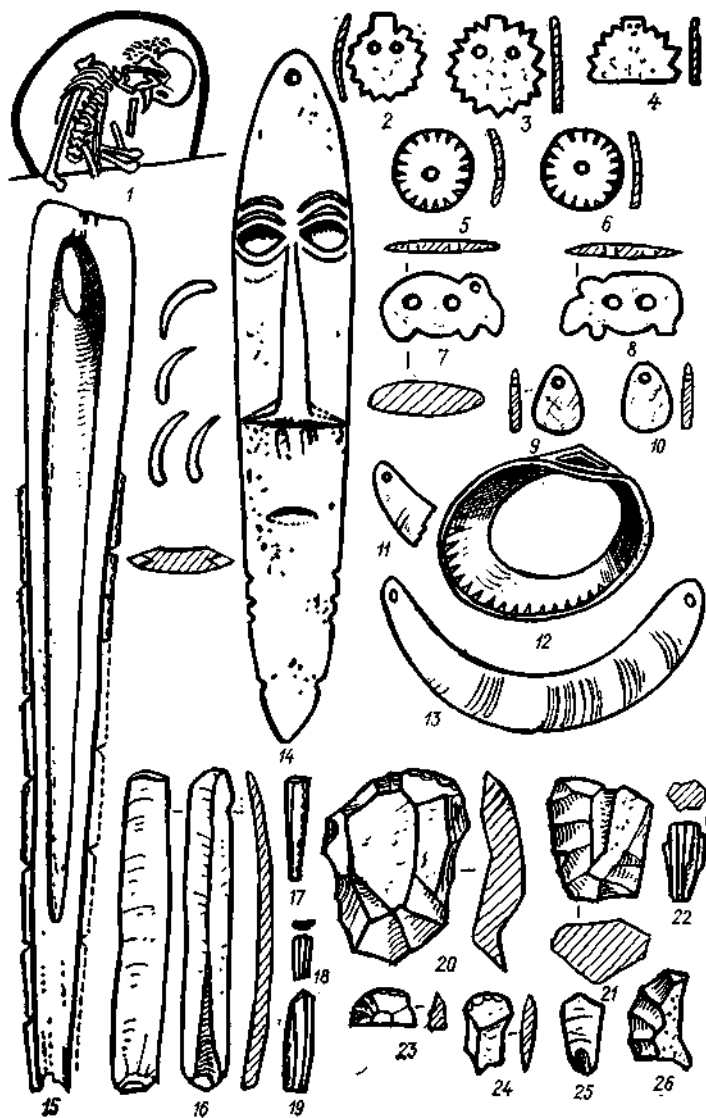
Косвенные данные также позволяют относить стоянки гобийских земледельцев-собирателей ко времени, синхронному на севере глазковской культуре, на западе — афанасьевской, на юге — культуре Яншао Ганьсу. Подобная южногобийской керамика и аналогичный кремневый инвентарь найдены на стоянках Ордоса, Синьцзяна и Лобнора вместе с медными орудиями, что позволяет отнести их также к эпохе энеолита.

А так как четких стратиграфических дат нет, то вполне справедливо растягивать дату существования гобийских земледельческих стоянок от позднего неолита до начала бронзового века. Что касается каменных пестов, то интересно сравнить их с афанасьевскими из Южной Сибири и из Западной Монголии, где они, однако, принадлежали скорее охотничьим племенам, знакомым с собирательством.

Восточные районы дали множество находок эпохи неолита. Хотя памятники энеолита очень близки к неолитическим, они отличаются от них большим совершенством и многообразием инвентаря, посуды и ее орнаментации. Однако различие не столь значительно, чтобы можно было предположить наличие разных этнических групп населения. Напротив, можно априори утверждать, что развитие и генезис племен в Восточной Монголии прослеживается достаточно явно даже на том немногочисленном энеолитическом материале, которым мы сегодня располагаем.

В Восточной Монголии есть интересное и богатое инвентарем погребение в Норовлийн-уула. Оно открыто случайно во время геологических работ. Находится погребение в 72 км от г. Чойбалсана среди невысоких всхолмлений на второй надпойменной террасе, вплотную подходящей к правому берегу р. Керулен. Вся терраса изрезана глубокими промоинами и оврагами. В одной из таких промоин и было случайно обнаружено погребение. Оно ничем не отмечено на поверхности, что и объясняет трудности поиска ранних погребений этой эпохи в данном регионе [123]. Когда была проведена его зачистка, то на глубине около 1 м под слоем темного песка выявились контуры овальной могильной ямы, которая выделялась ярким красным охристым пятном. Размер ямы 75 × 70 см, глубина 1,6 м. Покойника захоронили в сидячем положении, с сильно согнутыми ногами, на густой охристой подсыпке. Кости ног обнаружены под ребрами. Ноги покойника, очевидно, были туго связаны. В погребении найдены 3 тыс. бусин цилиндрической формы из белой пасты диаметром 1,5—2 мм. Наибольшее их число лежало около черепа. Более крупные пастовые бусы круглой формы, полые внутри, лежали рядом с шейными позвонками. По форме эти хрупкие украшения напоминают шаровидные фигуры из афанасьевских и окуневских погребений Южной Сибири, а также глазковских из Прибайкалья. Два кольца из пасты с насечками по краю, также найденные в Норовлийн-ууле, аналогичны находкам из афанасьевских погребений Южной Сибири. Монгольские украшения и подвески, сделанные из клыков марала, кабарги, напоминают аналогичные украшения из сибирских погребений эпохи энеолита [482, табл. 32—34, 43]. Семь плоских бляшек ювелирно вырезаны из крупной раковины с радужной оболочкой, две круглые бляшки с отверстиями в центре и радиальными насечками предназначались, видимо, для подвешивания или пришивания к одежде.

Из раковин выпилены также две одинаковые фигурки (медведи или кабаны) с большими головами, ясно выделенными полу-

Норовлийн-уул:

1 — энеолитическое погребение; 2—26 — находки в нем (см. [123; 820])

кружиями уха, выпуклыми животами и массивными короткими ногами. На фигурках сделано по два отверстия. И по форме, и по размерам ($4 \times 2,4$ см и $4 \times 2,3$ см) звери из Норовлийн-уула весьма сходны с фигуркой из погребения афанасьевского времени, найденного на берегу р. Тарлактын в 1962 г. [127, с. 498; 820, табл.

33—35; 366, рис. 15, 23]. Такие фигурки известны и из поздненеолитических слоев Кореи [127, с. 498; 820, табл. 33—35; 366, рис. 15, 23].

Норовлийнуульский комплекс — весьма уникальное погребение для Монголии эпохи энеолита. Оно имеет аналоги в предшествующей неолитической культуре востока страны. Это — два погребения из Тамцаг-булака [243] и одно из Дзун-ульдзита [508]. Костяки в них также посыпаны охрой, в погребениях много перламутровых бусин, подвесок из зубов марала, костяных ножей, в прорезы которых вставлялись лезвия — ножевидные пластины. В Норовлийн-ууле подобные вкладышевые ножевидные пластины найдены вместе с костяным кинжалом, в пазы которого с обеих сторон были вставлены лезвия.

В Прибайкалье подобные вкладышевые ножи и кинжалы, равно как и украшения из зубов диких животных, известны в погребениях конца неолита — начала энеолитического времени [485, рис. 84, 109]. Подвески из зубов животных были характерны для энеолитических погребений Южной Сибири [485, рис. 75, 76, 78] и Прибайкалья [517, рис. 1].

Наконец немало сходства обнаруживается при сравнении норовлийнуульского каменного амулета и фигурок животных с прибайкальскими скульптурными зооморфными и антропоморфными изображениями, сделанными также из камня. Но в Прибайкалье преобладает изображение рыбы, а в Монголии — медведя или кабана.

В погребении Норовлийн-уула найден каменный амулет, имеющий форму песта, длиной 22,5 см, шириной около 4 см с закругленными концами [127, с. 499]. Наверху просверлено небольшое отверстие для подвешивания. Мелкозернистый камень тщательно отшлифован и на нем высечено лицо человека. Двумя крупными резными линиями прорисованы брови, почти ромбовидными углублениями показаны глазницы. Широкий выпуклый валик вокруг них как бы подчеркивает тяжелые веки. Выпуклости щек едва намечены мягким рельефом, отделяющим их от носа. Нос узкий, длинный и прямой, немного расширяющийся книзу и незначительно выступающий на плоскости камня. Ноздри широко раздвинуты во всю ширину амулета. Два вертикальных выступа под носом, возможно, изображают усы. Маленький рот передан небольшим углублением. В нижней части амулета, непропорционально длинной, выбито по бокам по четыре насечки. Несмотря на схематизм, портрет достаточно выразителен. Эту находку можно сравнить с антропоморфными изображениями глазковского типа из Прибайкалья, где найдено немало каменных и костяных голов.

Новые раскопки на Ангаре в устье р. Коды позволили провести дополнительные параллели между этими находками и находками в Восточной Монголии. Так, на Ангаре найдены две антропоморфные фигурки, вырезанные из бивня мамонта, у которых, как и на амулете из Норовлийн-уула, проработаны весьма схематично черты лица: одинаково длинные носы, круглые глаза без следов эпи-

кантуса, маленький рот в форме углубления [249, рис. 4]. Погребение на Ангаре датируется эпохой энеолита.

Не менее интересны находки энеолитической эпохи из могильника Усть-Белая-II, где погребенный также сидит, рядом найдены подвески из зубов марала, костяные украшения в виде головы лося и головы марала, костяная фигурка змеи, а также две антропоморфные скульптуры. Эти находки можно сравнить с глазковскими, допуская раннебронзовый возраст погребения [145, рис. 2].

Как видим, все аналогии говорят об энеолитическом возрасте погребения в Норовлийн-уула.

Если говорить о физическом типе погребенного, то данные антропологии свидетельствуют, что череп в погребении Норовлийн-уула мужской, брахикранный, очень высокий. «Лицо очень широкое и очень высокое. Нос высокий с небольшой шириной носового отверстия. Орбиты средневые. Лицо чрезвычайно уплощенное, о чем свидетельствуют крайне большие углы горизонтальной профилировки лица. Резкая уплощенность лица сочетается со слабо выступающим надпереносьем и, по всей вероятности, небольшим углом носа. Такая резкая уплощенность лица в сочетании с очень высоким черепом и брахикранией крайне редко обнаруживается на черепах неолитического времени с территории Забайкалья» [411, с. 207]. По мнению Н. Н. Мамоновой, исследовавшей почти все имеющиеся по Монголии древние черепа (до 1979 г.), некоторое сходство с норовлийнуульским черепом имеет более древний череп из Восточной Монголии.

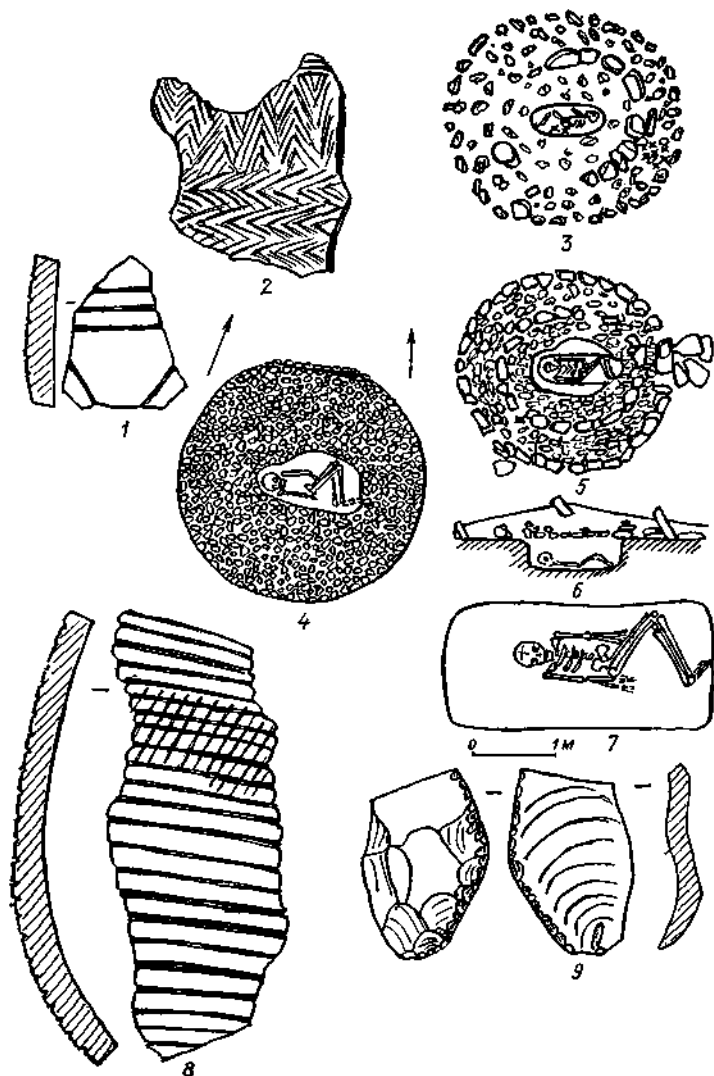
ЭНЕОЛИТ ЗАПАДНОЙ И СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ

Удачей советско-монгольской экспедиции является открытие в Западной Монголии памятников энеолита, ибо на этой территории были ранее известны лишь фрагменты керамики этого времени. Первые обломки сосудов афанасьевского типа найдены Ц. Доржсурэнгом в Архангайском аймаке. Они являются частью большого толстостенного сосуда яйцевидной формы. Нарезной орнамент поверху сделан в виде горизонтальных полос-елок. Нижняя часть сосуда украшена треугольными фестонами, заполненными капельными вдавлениями⁵ [477, рис. 3].

В 70-х годах энеолитические курганы раскопаны в Архангайском (местность Алтан-сандаал) и в Баянхонгорском (местность Шатар-чулуу) аймаках.

Алтан-сандаал — небольшое возвышение на краю долины в верховьях р. Северный Тамир, на ее левом берегу. По всей долине, а более всего вдоль южного, обращенного к реке склона, расположено несколько десятков каменных курганов и керексуров. Обособленную западную группу их составляли шесть сильно задернованных плоских курганов диаметром 4—4,5 м.

В 1971 г. три из них были раскопаны [122].

Погребения энеолитического времени в Шатар-чулуу (Баянхонгорский аймак) и Алтан-сандал (Архангайский аймак):

1, 2, 8 и 9 — находки в погребении; 3, 4, 5, 6 и 7 — план, разрез курганов и погребений (раскопки В. В. Волкова и Д. Наваана)

Насыпь первого кургана круглая, диаметром 4,3 м, высотой 20—30 см, состояла из мелкого камня, гравия и земли. Узкая с закругленными углами могильная яма находилась не в центре кургана, а была смещена к его юго-западному краю. На глубине 1,1 м от поверхности находились остатки скелета человека, густо покрытые охрой. Кости оказались очень плохой сохранности. Мож-

но предположить, что умерший лежал на спине, головой на восток, с согнутыми в коленях ногами. Вещей около костяка не было [130].

Насыпь второго кургана круглая, диаметром 4,1 м и высотой 30—35 см. Могильная яма ($0,6 \times 1,4$ м и глубиной 1,5 м) смещена к восточному краю кургана. Дно могилы и кости человека густо засыпаны охрой. Покойник был положен на спину, головой на восток, ноги согнуты в коленях.

Насыпь третьего кургана круглая, диаметром 4 м и высотой 30 см. Могильная яма — $1,3 \times 0,7$ м, глубиной от вершины насыпи 1,4 м. Имеются следы охры. Костяк также лежал на спине, в сильно скорченном положении, ориентирован головой на запад. Сопровождающего инвентаря не было.

Еще два кургана, аналогичные алтансандальским, были раскопаны в 1971 г. в местности Шатар-чулуу отрядом В. В. Волкова. Шатар-чулуу — широкая долина по левому берегу р. Туин-гол в 20 км севернее центра Баянхонгорского аймака. Долина эта примечательна обилием различных археологических памятников. В глубине ее, ближе к горам находятся огромные каменные керексуры, среднюю часть занимают квадратные оградки и ящики-саркофаги тюркского времени с балбалами и каменными изваяниями людей и животных. Ближе к краю долины расположены могили эпохи сюнну и большая группа плиточных могил с оленными камнями эпохи бронзы.

Курганы энеолитического времени находились на самом краю долины, обрывающейся террасовидным уступом к пойме Туин-гола. Их было три.

Первый курган расположен на севере долины. Он круглый в плане. Диаметр его 10 м, высота — 0,7 м. Насыпь кургана состояла в основном из речной гальки и небольших окатанных валунов. Под насыпью — две кольцевые кладки из гранитных плит. Диаметр наружного кольца — 6 м, внутреннего — 5,5.

В северной части кургана, между кольцевыми кладками найдены обломки керамики с разным орнаментом. Обломки, к сожалению, небольшие, потому трудно сказать, был ли весь сосуд покрыт орнаментом.

Овальная могильная яма ($2,8 \times 2$ м, глубиной 1,7 м) обнаружена в центре кургана. Так же как и в Алтан-сандае, дно ее и костяк погребенного густо покрыты охрой. Покойный был положен на спину, ориентирован головой на восток. Руки вытянуты вдоль тела, ноги согнуты в коленях, лицо закрыто куском бересты.

Второй курган находился в 50 м южнее первого. Он также круглый в плане, диаметр его 6,5 м, высота — 35—40 см. Насыпь кургана состояла из галечника и некрупных валунов. По наружному краю насыпи была сделана кольцевая кладка из гранитных плит в 2—3 ряда общей высотой 30—35 см и шириной до 50 см.

После проведенных раскопок выяснилось, что вокруг могильной ямы шло еще одно кольцо из крупных обломков гранита и валунов. Дно овальной могильной ямы ($1,5 \times 0,9$ м и глубиной 70 см)

было засыпано охрой. Кости человека также приобрели интенсивную красную окраску. Покойный был положен на спину, головой на запад, руки его были вытянуты вдоль тела. Кисть левой руки находилась под тазом, ноги согнуты в коленях. Ни вещей, ни украшений при костяке не найдено. Под камнями кольцевой кладки в северной части кургана найден нож, изготовленный из отщепы красной яшмы. Трудно сказать, имела ли эта находка какое-либо отношение к погребенному.

Отсутствие сопровождающего инвентаря при наличии небольших обломков сосудов затрудняло определение возраста и культурной принадлежности исследованных курганов. Хотя уже и тогда своеобразный погребальный обряд и европеоидный тип погребенных, установленный антропологом Н. Н. Мамоновой, позволяли характеризовать курганы Алтан-сандаля и Шатар-чулуу как достаточно древние памятники, возможно, раннего бронзового века.

Третий курган, раскопанный в 1975 г., имел диаметр 7 м, высоту 35—40 см. Насыпь кургана состояла из валунов и галечника, была правильной округлой формы, но в ее восточной части находился развал камней, образующий выступ длиной 2 м.

Под насыпью, как и в других курганах Шатар-чулуу, была кольцевая кладка из крупных плит гранита. Диаметр ее — 4,5 м.

Овальная могильная яма (1,6 × 0,9 м, глубиной 1,1 м) находилась под центром кургана. При разработке заполнения ямы почти на уровне древнего горизонта найден обломок клыка кабана, а несколько ниже на разной глубине — фрагменты толстостенного сосуда, видимо, средней его части. Фрагменты сосуда в изломе черные, наружная же поверхность светлого серого цвета. Орнамент — в виде горизонтальной елочки.

На дне могильной ямы обнаружены интенсивно окрашенные охрой кости человека. Он находился в скорченном положении, на правом боку, головой на восток. Кисть левой руки — между ног, правая рука вытянута и касалась колен.

Таким образом, общим для погребений в Алтан-сандаля и Шатар-чулуу является форма погребального сооружения в виде плоского круглого кургана, окрашенность костяков и восточная или западная ориентировка погребенных, наконец, отсутствие инвентаря.

В Шатар-чулуу выявлены дополнительные детали — овальные по форме могильные ямы, кольцевые кладки, скрытые насыпью, палеоевропеоидный антропологический тип погребенных, керамика и клык кабана, которые позволяют надеяться, что отсутствие инвентаря — явление не повсеместное и можно ожидать новых находок в подобных курганах.

Как мы уже говорили, фрагменты керамики из третьего кургана Шатар-чулуу невелики и форма сосуда не восстанавливается. Орнамент же в виде елочного подобен узору на сосудах афанасьевской культуры Алтая и Минусинской котловины. Монгольский сосуд был большего размера, с толстыми стенками, очевидно, с острым дном. Он сходен с сосудом, найденным Ц. Доржсурэном

в Архангайском аймаке на северо-западе страны [477, рис. 3, с. 36]. Вся поверхность сосуда сплошь покрыта елочным орнаментом, аналогичным орнаменту на афанасьевских сосудах Южной Сибири. Узоры обоих сосудов состоят из геометрических фигур: зигзагов, косых линий, треугольников, параллельных линий, каплевидных вдавлений. Орнамент покрывал всю поверхность сосуда, венчик и горловина были украшены зубчатым штампом. В простых и строгих сочетаниях повторяющихся линий проявляется четкий ритм и симметрия. По мере перехода от нижнего яруса к верхнему орнамент становится все более богатым, что делает сосуд не только нарядным и красочным, но и менее громоздким.

Подобные же сосуды с высоким прямым венчиком характерны для афанасьевской культуры Алтая. Кроме того, в могильниках Алтая, в Куюме и Куратах обнаружены такие же, как в Западной Монголии, кольцевые выкладки на насыпи, та же форма могильных ям, окрашенные охрой костяки, сходные ориентировка покойников и обряд трупоположения [307, с. 56—60]. Сходен также и физический тип погребенных, что, быть может, особенно интересно с точки зрения этнической связи населения.

Как видим, памятники Западной Монголии имеют много сходства с курганами Южной Сибири и Алтая эпохи перехода к металлу: невысокие земляные курганы с каменными выкладками, погребение в грунтовых ямах на спине или на боку с подогнутыми ногами, головой на восток или на запад. Костяки густо посыпаны охрой.

Особенно важную роль в определении места и происхождения любой культуры играют палеоантропологические материалы. Данные, полученные из кургана Баянхонгорского аймака (череп и длинные кости), исследованы советским антропологом Н. Н. Мамоновой. Они свидетельствуют о ярко выраженной европеоидности населения. «Комплекс морфологических признаков позволяет отнести эти череп к одному из вариантов протоевропеоидного типа. При сопоставлении этих черепов с краниологическими сериями афанасьевской культуры Алтая и Минусинской котловины обнаруживается большое сходство этих серий, что позволяет говорить об общности их антропологического типа, не исключая, однако, локальных различий между этими группами» [411, с. 205].

Давая подробную характеристику черепам из Шатар-чулуу, антрополог пишет, что они принадлежали мужчинам одного и того же антропологического типа, отличались массивностью и сильно развитым рельефом. «Почти все размеры мозгового отдела черепа характеризуются очень большими или большими величинами. Череп долихомезокранный, с большой высотой свода» [411, с. 205]. Отличительные черты лицевой части — малые размеры верхней высоты лица, большая величина скулового диаметра, лицо низкое и среднеширокое, нос очень низкий и широкий. Все размеры свидетельствуют об общей уплощенности лица, о сильно выступающей области надпереносья, а следовательно, о большом угле выступания носа. При этом отмечается довольно массивная

нижняя челюсть с большим углом выступания подбородка [411, с. 205].

В 1980 г. Н. Н. Мамонова, анализируя палеоантропологический материал из Улангомского могильника, сочла необходимым вновь вернуться к более древним черепам из Западной Монголии. Она полностью подтвердила свои первоначальные выводы о европеоидности антропологического типа населения страны на западе в энеолитическую эпоху и отметила наличие на черепах из Баянхонгорского аймака четырехугольной формы орбит, очень низких по абсолютным величинам и по указателям [409, с. 70]. Характерны, пишет автор, сильно выступающие над поверхностью лобной кости надбровные дуги.

Таким образом, все приведенные аналогии позволяют сравнить курганы афанасьевского времени, открытые на западе страны, с алтайскими афанасьевскими памятниками.

Очевидно, можно говорить о существовании уже в начале энеолита (III—II тысячелетия до н. э.) большой этнокультурной области, куда входили не только Южная Сибирь и Тува, но и Западная Монголия. Следовательно, территория расселения протоевропеоидов в Азии уже в самом начале эпохи бронзы простиралась до центральных районов Монголии, включая все западные и северо-западные области страны. Об этом писал еще один советский антрополог — В. П. Алексеев: «Западная Монголия также должна быть исключена из ареала чистых монголоидов и отнесена скорее к древнему европеоидному ареалу. Таким образом, в настоящее время уже не представляется возможным ограничиться неопределенной общей формулировкой, говоря о зоне формирования центральноазиатского типа, и считать ею всю территорию Центральной Азии. Она должна быть ограничена Центральной и Восточной Монголией. Правда, в настоящее время появились кое-какие косвенные данные, свидетельствующие о том, что европеоиды в эпоху бронзы не остановились в Западной Монголии, а проникли и дальше» [15, с. 227].

Для дальнейшего повествования важно подчеркнуть вывод, вытекающий из вышесказанного: на востоке Монголии в конце эпохи неолита — начале энеолита обитали племена монголоидного типа, занимавшиеся примитивным земледелием и собирательством, в то время как на западе страны существовала культура афанасьевского типа, сходная с южносибирской и алтайской материальной культурой, оставленная протоевропеоидным населением.

О возможности сосуществования этих двух групп населения свидетельствуют отдельные сходные элементы в обряде погребения. Эти элементы сходства объясняются одинаковой стадией развития. Однако можно уверенно сказать, что сходство западномонгольского энеолита с восточномонгольским много слабее, чем с афанасьевскими культурами Алтая и Южной Сибири. Культуры Западной Монголии и Южной Сибири скорее всего и имели общие этнические черты.

Отличаются культуры Западной Монголии от культуры восто-

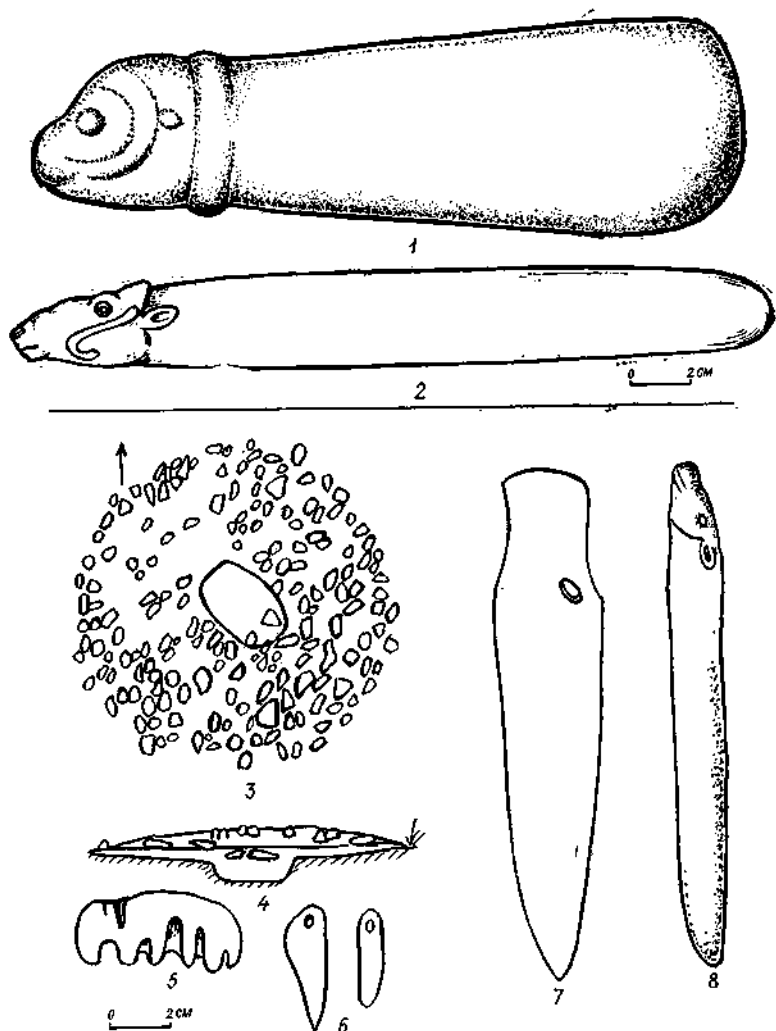
ка страны хозяйственным типом, инвентарем, формой и орнаментами сосудов, украшениями, амулетами, так умело переданными в предметах изобразительного искусства. Последние являются одним из характерных элементов энеолитической эпохи, что можно видеть на примере каменных пестов чаще всего фаллической формы. Большинство из них не имеет следов употребления как оружия, что позволяет считать эти песты культовыми предметами. В Сибири (Минусинская котловина, Тува) такие песты находили в погребениях повсеместно. Их датировка долгие годы являлась предметом дискуссии. С. В. Киселев датировал случайные находки такого типа тагарским временем по аналогии с тагарскими оселками-амулетами [307, с. 434].

После находки М. Х. Маннай-оолы песта с головой лося в погребении Тарлактын в Туве в энеолитическом комплексе вместе с бронзовым ножом глазковского типа (конец III тысячелетия до н. э.) такие песты, как и весь могильник Тарлактын, следует относить к афанасьевскому времени. Н. В. Леонтьев тщательно изучил все детали погребения, найденные вместе с пестом в Туве (он называет песты такого типа жезлами), и по аналогии с находками в окуневских могилах Южной Сибири (могильники Тас-Хазза, Черновая-VIII) отнес могильник Тарлактын к окуневской эпохе [385, с. 63—67].

На западе Монголии встречаются каменные песты с изображением копытных животных. Такой каменный пест со скульптурной головой животного (скорее всего быка) найден в Манхан сомоне Кобдоского аймака [820, с. 66]. Он хорошо отшлифован, сделан из мелкозернистого красноватого камня, его длина 30,5 см, наибольшая ширина — 3,7 см. На закругленном конце высечена и выгравирована скульптурная голова животного, у которого четко проработаны губы, ноздри, круглые глаза, уши. Плавной рельефной линией самого камня голова отделена от остальной части песта. Характерна манера передачи рогов, направленных вперед и потому показанных прямо на морде. Аналогично направленные рога встречаются на всех энеолитических рисунках быков и повторяются неизменно на всех пестах из Минусинской котловины, Тувы и Монголии.

Другой монгольской находкой является каменный предмет, также найденный в Кобдоском аймаке, на котором высечена баранья голова. Длина его 2,3 см, ширина 6,7 см [820, с. 66] ⁶. Баран показан с круглой мордой, что, возможно, продиктовано формой камня, выпуклым круглым глазом, закрученным вперед рогом и маленьким листовидным ухом. Голова зверя отделена от туловища рельефом самого камня.

Удивительное сходство всех этих находок, обнаруженных на территории от Кобдо до Красноярска, еще раз подтверждает наличие большого этнокультурного региона от Южной Сибири до Западной Монголии в эпоху энеолита. Причем отсутствие каких-либо следов стертости или сработанности подчеркивает, как мы уже говорили, ритуальный характер этих предметов, позволяет

Памятники энеолитического времени из Центральной Азии:

1 — каменный пест (Кобдоский краеведческий музей); 2 — каменный пест (жезл) (Кобдоский аймак, краеведческий музей Манхан сомона); 3—4 — курган могильника энеолитического времени на берегу р. Тарлакты в Туве; 5—8 — находки в нем (раскопки и публикация С. И. Вайнштейна, см. [87])

видеть наряду с единством путей формирования изобразительного искусства также существование одинаковых культов. В данном случае очевиден культ быка и культ оленя (лося), а фаллическая форма предмета — свидетельство сохранения древнейшего культа плодородия. Видимо, эти предметы использовались при обрядах, танцах в масках (иногда в масках животных, порой с рогами). Характерно, что в обрядовом танце алтайцев центральный пер-

сонаж выступает в маске и колпаке, с деревянным посохом и фаллосом в руке он молится о благополучии скота и удачной охоте [495, с. 115].

Очевидно, что даже те немногие находки, которые известны в настоящее время и могут быть отнесены к энеолиту Монголии, доказывают сохранение култов, сложившихся еще в эпоху верхнего палеолита и лишь претерпевших некоторые изменения в форме. Это культ зверя-копытного, культ плодородия и все ритуалы, связанные с ними. Особенно же ясно это подтверждается при знакомстве с петроглифами эпохи энеолита.

По находкам в погребениях иногда трудно представить, какой хозяйственный тип преобладал в это время в данной местности. Так, отсутствие костей животных в погребении еще не свидетельствует о том, что жившие здесь племена не занимались скотоводством. Отсутствие или наличие костей животных в погребениях связано скорее не с определенным видом хозяйственной деятельности, а с культом и ритуалом. Видимо, прав был известный исследователь В. М. Равдоникас, когда, анализируя степные памятники эпохи бронзы Северного Причерноморья, пришел к выводу, что покойнику клали в могилу только личные вещи [548, с. 51, 59, 60]. С. В. Киселев, частично соглашаясь с В. М. Равдоникасом, в то же время напоминает об известных находках костей в погребениях. Очевидно, это мясо воспринималось людьми того времени не как собственность, а как доля покойного [307, с. 46].

О некоторых сторонах хозяйственной жизни племен, их идеологии в какой-то степени свидетельствует анализ петроглифов, к рассказу о них мы и переходим, ибо они проливают свет прежде всего на идеологию общества, а также позволяют представить себе некоторые стороны хозяйственной жизни племен.

ЧУЛУУТСКИЕ ПЕТРОГЛИФЫ

Осенью 1977 г. в 700 км севернее Улан-Батора в среднем течении р. Чулуут геологи открыли обширное местонахождение петроглифов⁷. Рисунки, выбитые на базальтовых отвесных берегах реки, высота которых достигает 80 м, а также на огромных каменных глыбах — блоках и на валунах, рассыпанных по нижним террасам, на выступах этих террас, тянутся вдоль среднего течения р. Чулуут приблизительно на 170 км. Они образуют специфический по сюжетам, стилю и возрасту петроглифов историко-культурный регион не только в пределах Монголии, но и в Центральной Азии.

К настоящему времени удалось зафиксировать более 320 композиций и выделить рисунки нескольких исторических эпох, последовательно сменявших друг друга. Сюжеты и рисунки, с одной стороны, достаточно различаются между собой, с другой — тесно связаны преемственностью традиций, что весьма затрудняет чет-

кое отнесение тех или иных сюжетов к какой-либо определенной эпохе.

Датировку наиболее древних петроглифов Чулуута помогают сделать данные геологии и биологии. Прежде всего, нижнюю дату можно определить по возрасту базальтов этого бассейна. Террасы среднего уровня (40—60 м) образованы плейстоценовыми базальтами. В разрезах, по долинам рек Сумын-гол и Чулуут видно, что плейстоценовые базальты состоят из тонкостратифицированных потоков толщиной 2—3 м, четко разграниченных между собой. Вдоль реки, по всем долинам насчитывается до 8—10 таких потоков, по-видимому, перекрывающих более древние базальты. Работы советско-монгольской геологической экспедиции (отряд Е. В. Девяткина) показали, что базальты долины Чулуута вулканического происхождения, их появление связано с извержением вулкана Хорог. «К голоценовым постройкам, несомненно, относится вулкан Хорог. Его основание имеет диаметр около 1200 м, сам кратер — 180 м, высота до 120 м, угол склона 45°. Конус открыт на юг фрагментами лавового туннеля в направлении течения лавы, образующей покров, подпружинивающий озеро Тэрхийн-цагаан-нур. Вулкан Хорог сложен пирокластическим материалом спекшихся бомб и огромных (3—5 м) базальтовых глыб» [221, с. 199—200]. Таким образом, дата извержения вулкана становится и возрастом поздних базальтов долины. Именно эти базальтовые выходы, берега террас и валуны покрыты петроглифами.

Вулкан Хорог самый молодой среди вулканов Тарнатской впадины. Дата извержения его определяется биологами по возрасту донных отложений на базальтовом дне оз. Тэрхийн-цагаан-нур. По данным П. Б. Виппера, донные илы, перекрывающие базальтовую лаву, образовавшуюся во время извержения, имеют абсолютный возраст около 5 тыс. лет (по радиоуглеродной дате С-14) [110—111]. Если допустить, что на образование донных илов потребовалось несколько столетий, то можно полагать, что возраст базальтов даже меньше 5 тысячелетий. Сообразуясь с датой биологов (пока еще единственной), можно считать, что и возраст древнейших петроглифов чулуутской долины не может быть более 3 тыс. лет до н. э.

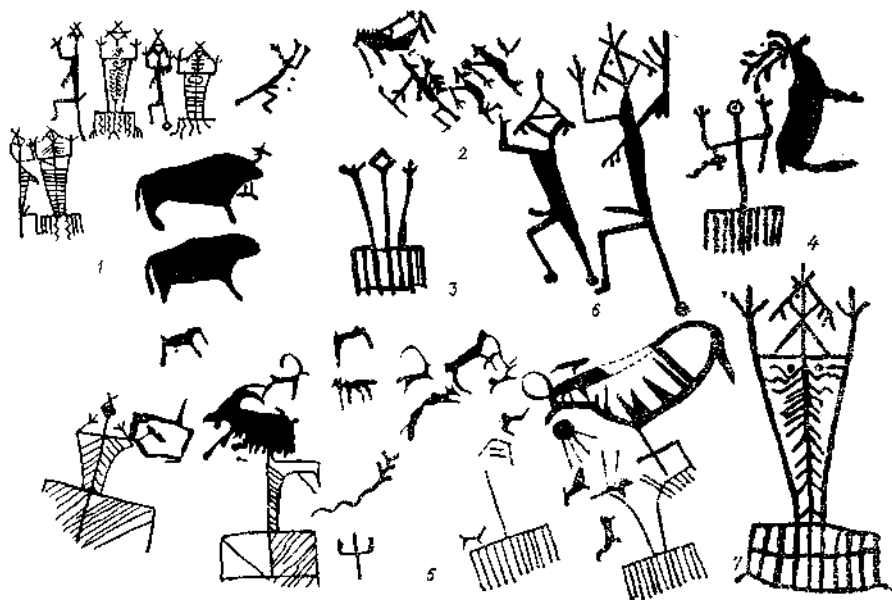
Рассмотрим древнейшие группы петроглифов долины Чулуут. Древнейшие изображения выбиты в местности, названной мною Чулуут-II^a, на отвесных скалах, на краю надпойменной террасы у крутой излучины реки. Рисунки обращены в сторону реки, чаще всего на юг. Место, где сосредоточены наиболее интересные сюжеты, изолировано с трех сторон отвесной скалой и рекой. Излучина реки образовала здесь небольшую площадку, ограниченную с одной стороны отвесной скалой, а с другой — крутым берегом, обрывающимся к быстрой реке. Вот почему рисунки не видны из долины. Итак, это место скрыто от непосвященных лиц, и в то же время перед скалой с рисунками имеется небольшая ровная площадка, которая в древности была удобна для совершения невидимых для постороннего глаза сакральных действий и ритуалов.

Самый интересный сюжет, выбитый на гладкой вертикальной поверхности базальта, состоит из нескольких частей, бесспорно, связанных между собой стилем и содержанием. В верхней части композиции изображен «хоровод» рожениц, расположенных как бы полукругом вплотную друг к другу. Основной ряд состоит из шести фигур, все показаны с преувеличенно большими животами, широко расставленными ногами, согнутыми в коленях, и широко раскинутыми руками, согнутыми в локтях. У некоторых женщин подчеркнуты груди, чаще всего в виде двух точек под мышками. Маленькая фигурка, связанная тремя линиями со второй фигурой справа и показанная под ней, скорее всего обозначает уже родившегося ребенка. Наиболее интересна крайняя правая фигура с большим плодом между ногами, двумя грудями и большими оленьими рогами на голове. Рога изображены двумя вертикальными стволами, имеющими отростки. Фигура женщины с рогами абсолютно аналогична всем остальным роженицам, вплоть до таких деталей, как две точки грудей. Но размер рогов столь значителен, что, бесспорно, именно они являются главной деталью композиции. Так в примитивной форме передана универсальная идея двух предков рода — матери-прародительницы и отца-оленья — родоначальника рода⁹. Олень — одна из центральных фигур мифологии народов Северной и Центральной Азии.

Образ человеко-зверя, зверя-женщины один из древнейших в первобытном искусстве. Достаточно напомнить изображение женщины с большим животом под ногами северного оленя из грота Ложери-Бас [826], переплетение и смешение линий и рельефов на костяных верхнепалеолитических скульптурах, объединяющих воедино человека и зверя — основу прослеженных Э. Е. Фрадкиным полиэйконических композиций, демонстрирующих перевоплощение человека в зверя, зверя в человека или одного зверя в другого [618]. Этот сюжет, прослеженный на материалах палеолитических росписей и подвижной скульптуры, бытовал у многих первобытных народов в Азии, Африке, Америке.

Следующий этап — это антропоморфизация божеств. Промежуточное и сопутствующее этому процессу явление — создание синкретических богов (полубогов-полулюдей). Очевидно, на определенном этапе этот процесс связан со сменой идеологии и социальными изменениями. Например, процесс антропоморфизации синтоистских зооморфных божеств Японии не сразу уничтожает зверя-бога. Человек может превращаться в бога-зверя, причем сохраняется такая закономерность: «зооморфные божества выступают, как правило, в качестве соперников царского рода, а антропоморфные — в качестве его союзников» [443, с. 10]. Это весьма позднее явление еще раз подчеркивает живучесть древних религий, и их долгое существование в рамках новых религий¹⁰.

Что касается самых близких параллелей чулуутским роженицам, то ими являются изображения на плитах в могильнике окуневской культуры энеолита Черновая-VIII, где показана роженица с широко раздвинутыми ногами, перекрытая изображением про-

Петроглифы эпохи энеолита, открытые в каньоне р. Чулуут:

1—4, 6, 7 — изображения трехпалых антропоморфных фигур (мужских и женских), вероятно, предков; 5 — изображение вселенной

томы быка, с рогами, направленными вперед. Такая же фигура женщины, перекрывающая изображение быка, у которого показана только передняя часть (голова, часть туловища и передние ноги), выбита в Тепсее (Южная Сибирь) [78, с. 262; 80]. Оба рисунка относятся к окуневской культуре и датируются ранним бронзовым веком. По мнению Э. Б. Вадецкой, на всех этих окуневских миниатюрах, скульптуре, рисунках показана женщина-мать, прародительница. Эти изображения чаще всего служили при совершении магического обряда, связанного с облегчением родов [78, с. 264]. Отметим, что чулуутская мать-прародительница показана с оленьими рогами, а на окуневских изображениях мы видим женщину с быком.

В Монголии сюжеты с роженицей встречаются не только среди чулуутских петроглифов, но и в Гоби, причем изображения из Тэвш-уула более всего похожи на южносибирские: так же широко расставлены руки и ноги рожениц [706, рис. 259].

Все эти примеры позволяют допускать энеолитический возраст выбитых на Чулууте изображений рожениц.

Под горизонтальным рядом женщин-предков (возможно, предков разных родов, так как у всех фигур разные головные уборы) выбиты две оригинальные фигуры: одна из них хорошо видна и изображает вертикальную пирамиду, составленную из трех женских фигур, расположенных одна над другой, так, что ноги верх-

Петроглифы эпохи энеолита:

1—2 — изображение предков и прародительниц на р. Чулуут; 3 — прародительницы, изображенные на скалах Алтая (по материалам московской выставки «Древние культуры Алтая»)

ней фигуры являются в то же время руками второй, а ноги второй — руками третьей. Под широко раздвинутыми руками фигур двумя точками изображены груди. Самая верхняя фигура показана в широкополой островерхой шляпе. Ноги последней фигуры широко расставлены, изогнуты в коленях и между ними чисто символически показан будущий ребенок. Характерно, что руки первой переданы без кистей, все остальные с кистями, в то же время они являются и ступнями ног.

Как видим, это троекратно повторенная идея женщины-матери¹¹ — прабабушка, бабушка и мать, несущие в себе начало но-

вой жизни,— передана удивительно просто, без единой лишней детали. Кажется невозможным передать более лаконично эту идею бесконечности человеческого рода, идею единства многих поколений.

На этом петроглифе показана суть древнего мифа о матери как источнике жизни, олицетворении возрождающейся и умирающей природы. Причем показана универсальная система устройства мира и структуры человеческого рода: вертикальная «пирамида» демонстрирует диахронно существовавшие поколения женщин, которые связаны в протяженном времени. Это своего рода древо жизни, где счет родства ведется по материнской линии. Кстати, только материнское древо жизни, именно такая преемственность и может быть показана в рисунке одним подобным символом. Горизонтальный ряд рожениц — это развитие той же идеи в пространстве, т. е. синхронно существующие несколько родоначальниц разных родов.

Главная фигура в этой стройной композиции объясняет место тотемного предка — оленя в космогоническом мифе древности, как, возможно, и изображение козла на шляпе женщины в «пирамиде». Интересно, что показанная справа такая же пирамида из нескольких поколений рожениц увенчана фигурой, более всего похожей на корону или головной убор в виде рогов (возможно, что это тоже символ какого-то животного).

Под горизонтальным рядом женщин-прародительниц в Чулууте-II на той же скале изображена и вторая «пирамида» из нескольких женщин, по структуре аналогичная первой «пирамиде». Ноги женщины широко расставлены. Между ног нижней женщины видны ноги новорожденного. Но в отличие от первой «пирамиды» женщины показаны полностью, т. е. нет сведения нескольких образов в единый «монолит».

Изображения многоруких и многоногих фигур в Монголии не единичны, я неоднократно и раньше встречала их в других местонахождениях петроглифов. Однако только в настоящее время стало возможно понять их, благодаря находкам рисунков на Чулууте. Таковы изображения из Наран-булак сомона Увсанурского аймака, где показана двухъярусная фигура [246, табл. IV, № 1]. Возможно, ту же смысловую нагрузку несет рисунок, выбитый на скале около г. Кобдо, где весьма схематично изображен человек с тремя парами рук-ног [246, табл. VII, рис. 9]. Подобная фигура обнаружена нами также в Архангайском аймаке на горе Хуругийн-узуур.

Что касается изображений рожениц среди петроглифов Центральной Азии (особенно они характерны для находящихся в Арабжахе [246, табл. XXIX, № 3—5; 465] в Южногобийском аймаке, в Тэвш-уул Убурхангайского аймака), то далеко не всегда их можно отнести к энеолитическому времени, что еще раз подчеркивает длительное сохранение традиций в этом регионе. Отметим один интересный факт — несколько раз роженицы на петроглифах Арабжаха показаны с трехпалыми руками, воздетыми к небу или

широко раскинутыми в стороны¹², но к этому сюжету мы вернемся ниже.

Обратимся вновь к петроглифам Чулуута. На них — видоизменения одного и того же образа матери-прародительницы, причем даже в пределах одной-двух эпох. Так, среди многочисленных изображений быков и баранов на святилище Чулуут-I в самой укромной торцовой части огромного валуна выбит рисунок, едва различимый при заходящем солнце. Внизу композиции, в ее левой части изображена роженица с большим шарообразным животом и широко расставленными ногами, согнутыми в коленях, плодом между ними, с поднятыми вверх трехпальными руками и подчеркнутыми с обеих сторон грудями. Недалеко от изображения рожающей женщины, справа выбита схематическая фигура, повторяющая первую, но вместо головы на этот раз показано елкообразное изображение, а горизонтальные параллельные полосы заменяют туловище. По аналогии с рисунками, выбитыми в Чулууте-II (женщины с многими рядами параллельно расположенных рук-ног), можно предположить, что и здесь схематически показаны несколько поколений рожениц или одна женщина-предок. Первая фигура изображена под бараном, вторая — под задней ногой барана. Очевидно, бараны символизируют здесь образ тотемного предка¹³.

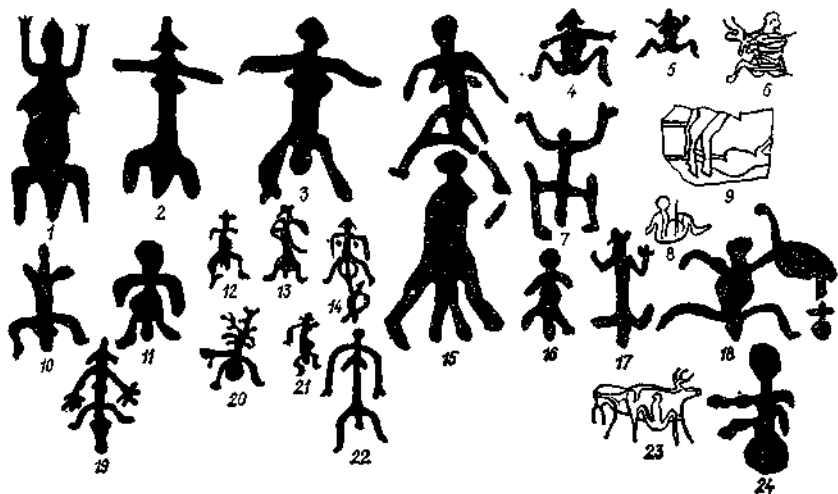
Итак, на рисунке показаны все главные герои мифа: мать-родоначальница и тотемный предок. Замена фигуры женщины символом — явление не новое, оно так же типично, как и факт изображения этого сюжета в наиболее скрытом и труднодоступном месте.

Этот рисунок отнесен к энеолитическим, как и все вышеописанные изображения рожениц Чулуута-II. К энеолитической эпохе следует отнести и все символические антропоморфные изображения, тем более что они выбиты рядом с масками и быками (о них

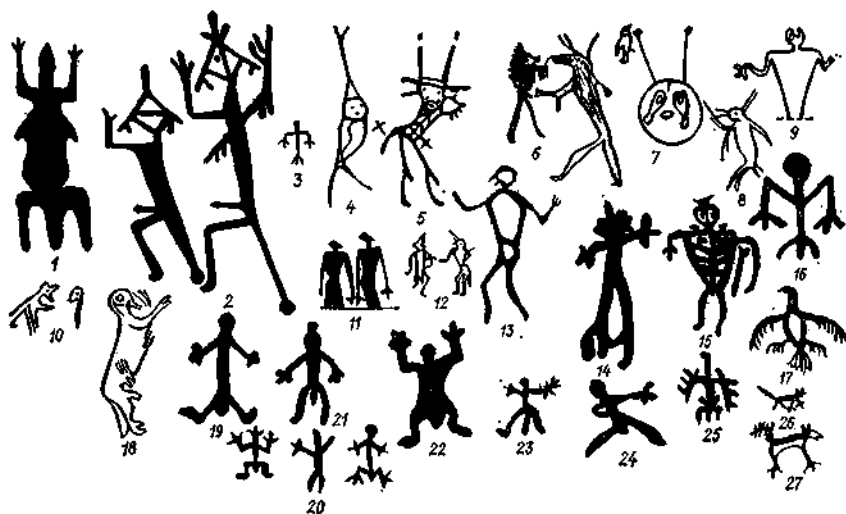

Изображения рожениц на петроглифах эпохи энеолита на р. Чулуут:

верхний ряд — представительницы разных родов; левый вертикальный ряд — так изображена преемственность поколений от прабабушки к внучке и правнучке

Изображение рожениц (иногда рядом с тотемным предком-копытным) на петроглифах Монголии и в других регионах (Сибирь, Алтай, Байкал, Франция)

Изображения трехпалых и птицеголовых антропоморфных фигур из Монголии и других регионов

пойдет речь ниже), имеющими аналоги среди окуневских гравировок и петроглифов энеолитической эпохи.

Антропоморфные фигуры, в которых едва угадывается первоначальная идея человека, могут быть разделены на женские и мужские. Женские антропоморфные изображения имеют неизменно форму прямоугольника, имитирующего широко расставленные,

Разные способы изображения матерей-прародительниц на р. Чулуут

согнутые в коленях ноги роженицы, расчлененное на части туловище. Если показаны ноги, то они трехпалые, если изображены руки, то они также трехпалые и подняты вверх. Все фигуры нарисованы анфас.

Избрав как критерий различия форму головы и головного убора, я условно подразделила все антропоморфные женские изображения на четыре группы:

фигуры, на голове которых рога или елкообразные символы, возможно, тоже обозначающие рога;

фигуры с ромбовидными головами, в треугольных головных уборах. У некоторых двумя точками показаны груди. Эта группа самая многочисленная;

фигуры с круглыми головами. Эта группа примыкает к предыдущей, порой трудно провести грань между ними;

фигуры без голов, можно предположить, что головы когда-то были изображены, но не сохранились.

Рисунки, подобные антропоморфным фигурам, известны только в эпоху энеолита.

Рядом с антропоморфными фигурами выбиты, как правило, изображения масок. Это маски с рогами барана или оленя. Один раз показана маска медведя.

ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ ЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ ПЕТРОГЛИФОВ

Если для этнографов и историков культуры важны проблемы семантики рисунков, то для археологов не менее существенно установить место описанных памятников на шкале времени и, следовательно, в истории тех племен, которые населяли страну в разное время. Невозможно говорить ни о значении рисунков, ни об их исторической ценности до тех пор, пока не будет ясен их хотя бы относительный возраст. А в отдельных случаях, когда удастся «привязать» памятник к датированным археологическим культурам и находкам, мы можем говорить и о конкретном времени высекания тех или иных сюжетов.

При периодизации петроглифов исследователи анализируют прежде всего стиль и технику исполнения рисунков, цвет патины (в таких случаях необходимо обращать внимание на ориентировку скальной поверхности, на ее большую или меньшую освещенность солнцем), сопоставляют изображенные предметы с находками из других стоянок и погребений, наконец, сравнивают рисунки с гравировками и рельефами на монументальных каменных стелах, достаточно четко датированных благодаря выбитым на них текстам или изображенным реалиям: кинжалам, ножам, топорам, чеканам, лукам, пряжкам, зеркалам. Немалую помощь оказывают при определении возраста рисунков уже датированные предметы из погребений, расположенных на той же или соседней территории, а также петроглифы, обнаруженные на соседних землях и отнесенные на основании аналогий к определенным культурам и эпохам.

Чулуутские рисунки на святилищах в значительной степени поддаются датировке, причем каждое святилище существовало и функционировало преимущественно в одну какую-то эпоху, и лишь иногда на одном святилище равноценно представлены две или даже три эпохи.

Рассмотрим наиболее древние петроглифы, выбитые на берегах Чулуута. Хотя обычно их датировка наиболее затруднительна. К древнейшему пласту петроглифов Чулуута мы отнесли рисунки из святилищ Чулуут-II, Чулуут-III и Чулуут-VII, связанные

с культом плодородия. Возможно, наиболее древними являются изображения с «пирамидами» Чулуута-II.

Аналогии этим изображениям, датированным концом неолита или началом энеолита, известны на весьма отдаленных одна от другой территориях. Сходство сюжета продиктовано, очевидно, единством мировоззрения и тем значением, которое имел в мифологии древнего человека культ плодородия. Симптоматично, что сюжет этот, возникнув в верхнем палеолите, наблюдается и в последующие эпохи. Изображения женщины с поднятыми руками встречаются на петроглифах Швеции, Индии, Египта, Китая, Венесуэлы. Аналогичные им монгольские рисунки с роженицами из Чулуута мы также можем отнести к этому же времени.

Кульм матери-прародительницы, возникнув в недрах каменного века, просуществовал вплоть до конца эпохи бронзы. К наиболее ранним художественным воплощениям этого культа относятся, видимо, еще не канонизированные реалистические рисунки с передачей многих подробностей и с изображением разных этапов процесса родов. К этой стадии мы относим и упоминавшееся трехступенчатое изображение женщин-рожениц из Чулуута-IV. Идея эта продолжена и доведена до строгого лаконизма в изображениях Чулуута-II. Многоступенчатые фигуры рожениц, представляющие сразу несколько поколений женщин, связаны здесь с роженицами, расположенными в горизонтальном ряду на той же скале. Подобные диахронные изображения не имеют прямых абсолютных аналогов среди петроглифов, хотя та же идея передана, очевидно, на бронзовой шаманской короне из Кореи, которая экспонируется в Музее Гимэ в Париже. Как и монгольские, многоступенчатые человеческие фигуры здесь символизируют связь поколений.

Уникальные изображения трех-четырех поколений рожениц в одной фигуре встречаются на берегах р. Чулуут и в петроглифах последующей эпохи.

Итак, к началу энеолитической эпохи мы относим изображения матери-прародительницы, рожениц, матери-оленихи и изображенных рядом с ними оленей. Основным аргументом для этого являются их аналогии с рисунками из погребений Южной Сибири. Кроме того, такие же, как в Монголии, маски-личицы, отнесенные к энеолитическому времени, обнаружены в большом количестве на скалах Тувы.

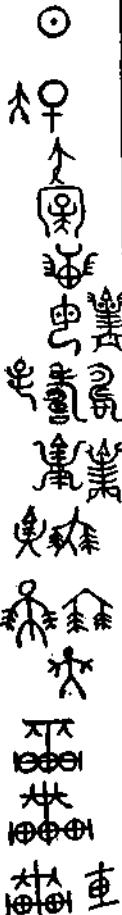
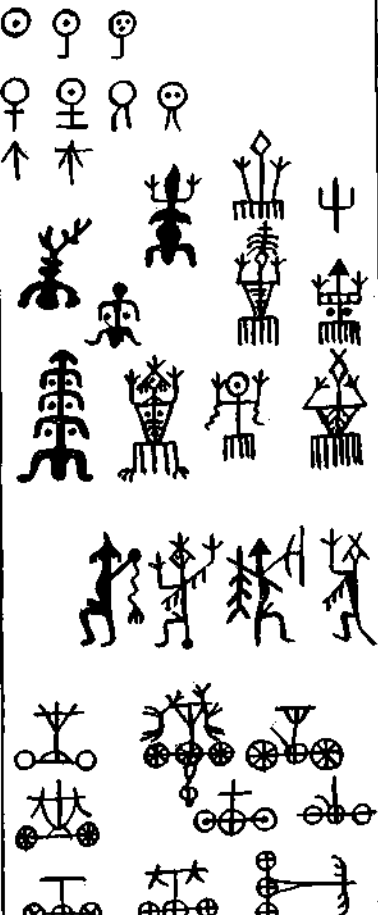
Одной из отличительных черт рисунков эпохи энеолита в Монголии является изображение определенных животных, прежде всего быка (тура). Характерны для этой эпохи и изображения космических знаков: солнца, иногда с лучами, луны или месяца, помещенного в рогах «небесного» быка. В рога одного из них вписано изображение, напоминающее звезду. В композиции «Вселенная» лунный бык показан под солнцем, он изображен также в той сцене, где высечены антропоморфные фигуры (мужские и женские) рядом с парой быков, один из которых отмечен звездой.

Для Чулуута, притом только для эпохи энеолита, типичным является изображение антропоморфного символа, весьма отдаленно

Изображения матерей-прародительниц от эпохи палеолита до XIX в.:
 1—8 — Монголия; 9 — Франция; 10—14, 37, 38, 40 — Сибирь; 15—19 — Западная Европа;
 20, 22—36, 39 — Китай; 21 — Корея

напоминающего женские и мужские фигуры с руками, воздетыми к небу. Однако на этих схематических изображениях ни разу не показан у женщины ни большой живот, ни ребенок. Новые, весьма характерные черты — три пальца на руках и ногах, треуголь-

<i>Китай</i>	<i>Монголия</i>	<i>Алтай</i>
		

Сравнительная таблица ликтограмм древнего Китая с петроглифами Монголии и Алтая (эпоха бронзы)

ная шапка, а также лоскутки, свисающие с головного убора и рукавов. Последние детали позволяют предполагать, что перед нами изображение божества, предка или жрицы культа плодородия, возможно, шаманки.

Мужские фигуры среди этих петроглифов стилистически похожи на женские, но в отличие от них всегда показаны в профиль с подчеркнутым признаком пола, поднятыми вверх трехпальными руками, с одной поднятой ногой, согнутой в колене. Их атрибутами часто являются музыкальные инструменты, а иногда бычий хвост, как деталь танцора, исполнителя ритуального действия.

Ни мужские, ни женские энеолитические антропоморфные изображения с Чулуута не имеют прямых аналогий в других регионах, однако они могут быть датированы. Косвенным доказательством их раннего возраста является бесспорное сходство с роженцами. Собственно, идея роженницы сохраняется в антропоморфном женском образе, но она закодирована до пиктограммы, ибо изображает не живого человека, а предка.

Одним из необходимых атрибутов шаманских ритуалов был танец в маске. Благодаря маске, хвосту и другим атрибутам шаман якобы перевоплощался в птицу или животное и достигал верхнего мира, где мог общаться с духами.

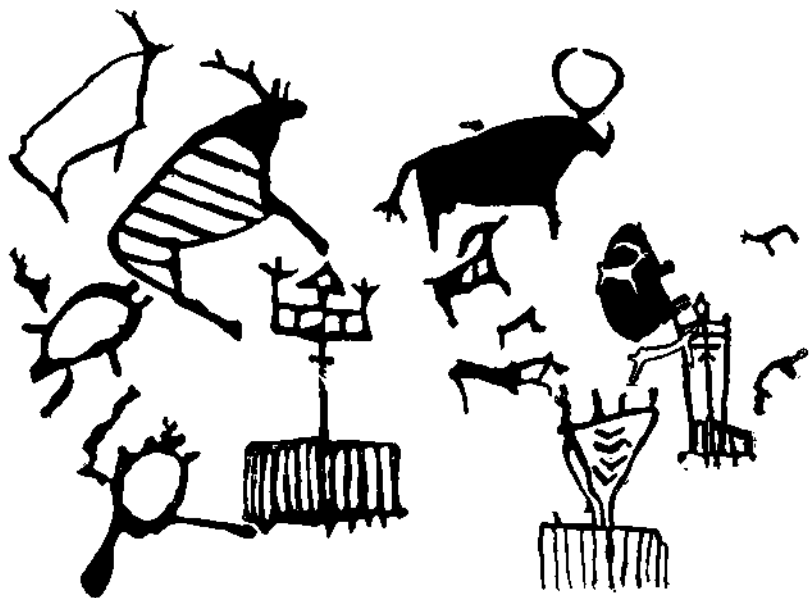
Маски, как элемент энеолитических мистерий, нередко встречаются среди изображений из Тувы, Южной Сибири, Киргизии. В горах Гильгита, в Каракоруме, расположенном на юге Пакистана, они открыты в 80-х годах немецко-пакистанской экспедицией, руководимой К. Йеттмаром и А. Х. Дани [780, с. 12; 729].

В Монголии все изображения масок относятся к эпохе энеолита. На Чулууте-VII они встречаются рядом с антропоморфными фигурами и змеей. Одна маска имеет лицо человека и рога быка. Другая представляет собой морду медведя. Причем в первом случае маска имеет такую же ручку для держания, как и большинство тувинских танцевальных масок. На Чулууте-II маска оленя выбита вместе с горизонтальным и вертикальным рядом матерей-роженниц.

По поводу датировки танцевальных масок и личин, выбитых на скалах Центральной Азии, высказал свое мнение А. А. Формозов. Он отнес их к началу эпохи бронзы на основании анализа рисунков окуневского времени (начало II тысячелетия до н. э.) [617, с. 95].

М. А. Дэвлэт считает изображения личин-масок основными деталями композиций окуневского времени наряду с быками, оградками, воинами в шляпах и даже с колесницами. Однако свое мнение М. А. Дэвлэт не аргументирует убедительными данными [255; 257].

Не возражая против датировки личин-масок тувинских петроглифов окуневским временем, отметим, что среди монгольских рисунков пока нет ни одного, где бы маски или антропоморфные фигуры были изображены в одном сюжете рядом с колесницей или воином в широкополой шляпе. Постоянным спутником антропоморфных изображений в Монголии являются массивные статичные фигуры быков (возможно, туров), напоминающие южносибирские изображения эпохи энеолита. Так, на одном рисунке из Чулуута-III быки похожи на тех, что изображены на скалах и на плитах, из которых сложены окуневские погребальные ящики. На другом рисунке из Чулуута-III над антропоморфными фигурами и даже выше солнца парит бык с лунообразными рогами. На третьем изображении над антропоморфными женскими фигурами выбиты быки с массивными телами и направленными вперед рогами. Одни из них изображены простым силуэтом, другие показаны с

Петроглифы эпохи энеолита с берегов р. Чулуут:
матери-прародительницы и звери-копытные

вертикальными линиями на теле. Характерно, что фигуры оленей на этих рисунках изображены в такой же позе и с такими же вертикальными линиями, как и быки. От последних их отличает только форма рогов.

Итак, для рисунков эпохи энеолита характерны изображения трехпалых антропоморфных фигур: личин-масок и быков.

Встречаются фигуры оленей (полосатых и пятнистых) и кабанов с вертикальными полосами на теле. Имеются также знаки солнца, луны, звезд.

Интересно, что ни в Южной Сибири, ни в Туве, ни в Казахстане, ни в Киргизии до сих пор неизвестны изображения антропоморфных фигур типа чулуутских. Такие рисунки, чаще всего изображающие женщин, встречаются лишь на Алтае. Правда, женский образ так трудно читается в этих фигурах, что представлявшая этот материал в 1982 г. на выставке «Древняя культура Алтая» Е. А. Окладникова назвала эти изображения «избушками» и затруднялась их как-либо датировать [248]. В действительности рисунки эти, исследованные группой молодых новосибирских археологов, более всего сходны с монгольскими антропоморфными изображениями. С чулуутскими их роднит манера изображения: женщины показаны с широко раздвинутыми коленями, с воздетыми к небу руками. В отличие от монгольских алтайские фигуры изображены с передником (типа шаманского), с локутками на краю. Туловище фигур более массивное, голова чаще всего не

Изобразительная манера, характерная для петроглифов
эпохи энеолита

выделена. Руки, как правило, трехпалые, как на чулуутских изображениях. По аналогии с чулуутскими алтайские фигуры могут быть также отнесены к энеолитическому времени.

К той же энеолитической эпохе относятся и уникальные рисунки, нанесенные черной и красной краской (скомбинированной с гравировкой) на внутренние стороны гробничных стенок из погребений на Алтае (около с. Каракол). Антропоморфные женские и мужские фигуры имеют трехпалые конечности (иногда с когтями), богатые головные уборы (с перьями), иногда бычьи рога на голове. Лоскутками на одежде они напоминают изображения шаманов. Автор открытия В. Д. Кубарев справедливо датирует памятник эпохой энеолита (см. «Природа», 1987, № 8).

Как мы уже говорили, для энеолитических рисунков Монголии характерно то, что на них нигде не встречаются изображения колесниц, нет реалистически выполненных фигур мужчин — охотников и воинов, неизвестно еще в изобразительном стиле деление тела животного на множество мелких квадратов и ромбов, что появится позднее, в эпоху развитой бронзы. Заметим также, что рисунки, отнесенные нами к эпохе энеолита, встречаются преимущественно на памятниках Чулуут-II и Чулуут-III (хотя там отмечены и рисунки других эпох), а также на Чулууте-VII, расположенном на правом берегу реки, в нескольких километрах от памятников Чулуут-III.

Рисунки, выбитые в следующую эпоху — в период развитой бронзы, — преобладают в Чулууте-I и Чулууте-IV. В это время совершенно исчезают антропоморфные изображения, но появляются реалистические рисунки людей. И среди них почти не встречаются

изображения женщин, зато появляется множество фигур мужчин — воинов и охотников, вооруженных луками и боевыми топорами, а также изображения колесниц. Наконец, к этому же времени относятся первые фигуры быков в ярах.

ДУХОВНЫЙ МИР ЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ ПЛЕМЕН. РЕКОНСТРУКЦИЯ ОТДЕЛЬНЫХ МИФОЛОГИЧЕСКИХ СЮЖЕТОВ ПО ДАННЫМ ЧУЛУУТСКИХ СВАТИЛИЩ

Как мы уже говорили, петроглифы — это не только произведения искусства, но и памятники, позволяющие реконструировать элементы идеологии древних людей. Не являются исключением в этом отношении и петроглифы Чулуута.

Духовная культура племен, оставивших чулуутские святилища, равно как и культура племен эпохи энеолита и бронзового века Монголии, становится более понятной при сравнении ее с культурами других регионов, порой даже далеких от страны. В отдельных случаях помогают аналоги, заимствованные не только с других территорий, но даже относящиеся к эпохам, следующим за теми, о которых мы говорим. Применительно к сибирским петроглифам отдельные сюжеты рассматривались нашими предшественниками, и в таких случаях мы ссылаемся на них, чтобы не повториться. Некоторые сюжеты уже описывались мною в предыдущей книге [465].

Выделение среди петроглифов Монголии нескольких последовательно сменяющихся пластов рисунков, достаточно различающихся между собой, с одной стороны, и тесно связанных преемственностью традиций и темы — с другой, наличие промежуточных звеньев между эпохами дают возможность проследить становление и развитие основных воззрений человека того времени. В частности, чулуутские петроглифы позволяют реконструировать отдельные элементы мифологии древнейших обитателей Монголии.

Идея предшествования мифа эпосу и сказке высказывалась неоднократно и в последние годы приобрела большое число сторонников. Пожалуй, более других сделал в области изучения идеологии первобытного человека известный французский ученый А. Леруа-Гуран, проанализировавший множество палеолитических рисунков и росписей из пещер Западной Европы, прежде всего Франции и Испании.

Миф как основа идеологии характерен прежде всего для каменного и бронзового веков [820]. В эпоху бронзы и особенно в последующие периоды, усиливается роль мужчин, а на основе древнеродового мифа складывается героический эпос.

Возвращаясь к чулуутским петроглифам, отметим прежде всего, что они являются ярким отражением универсальной идеи древних людей о вселенной, разделенной на три яруса или сферы: небесную, земную и подземную (подводную). Чулуутские петрогли-

фы передают, хотя и фрагментарно и схематически, представление древних людей о мире, об истоках жизни, происхождении всего сущего, смерти и бессмертия, месте человека во вселенной.

Образ матери-прародительницы

К древнейшим культам Монголии относится культ матери-прародительницы, тесно связанный с культом плодородия [23]. Он является древнейшим и у других народов мира. Естественно, этот культ возникал в одинаковых условиях и обстоятельствах у разных народов независимо друг от друга и его графическое воплощение могло быть сходным. Поэтому изображения рожениц встречаются на всех континентах.

В эпоху верхнего палеолита среди пещерных росписей преобладало противопоставление мужских и женских символов, причем изображения, символизирующие женское начало, занимали центральное место в настенных композициях. Нередко животные, символизовавшие женское начало, изображались красной краской (охрой), а мужские фигуры — черной (углем). Среди скульптурных изображений в эпоху палеолита преобладали женские статуэтки с подчеркнутыми женскими признаками.

В период неолита и энеолита в евразийской полосе земледельческого мира также четко прослеживается культ женского плодородящего начала. Глиняные статуэтки этого времени имеют подчеркнутые женские формы, нередко показаны рожаящими и связанными с тотемными животными-предками [23]. Например, в Чатал-Хююке (Малая Азия) связь рожаящей женщины с животными-предками показана через изображение рядом с ней бычьих голов. На другом рисунке рожаящая женщина показана сидящей. Ее руки покоятся на спинах двух стоящих по бокам леопардов. Представление об особом магическом и символическом значении женщины как источнике жизни, благополучия и плодородия существует не только у земледельческого населения, но и у скотоводческих племен. Так, необычайно интересны уже упоминавшиеся чулуутские рисунки, выбитые в эпоху энеолита на скалах Северной Монголии. Они удивительно конкретны и в то же время дают предельно обобщающие образы. Конкретность состоит в том, что порой показаны разные головные уборы рожаящей, разные позы рождающегося ребенка.

И хотя рисунки Чулуут-II с фигурами рожениц и диахронными изображениями матерей-прародительниц отнесены нами к эпохе энеолита на основании многих аналогий, бесспорно, что их корни уходят в глубь каменного века (неудивительно, что некоторые елкообразные фигуры из палеолитических росписей юга Франции напоминают пиктограммы Чулуута). В целом подобные композиции представляют собой воплощение одного из древнейших мифов первобытного человека, обожествлявшего женщину-мать как прародительницу рода.

Обратим особое внимание на фигуру, изображающую сразу несколько поколений рожающих женщин. Мы уже рассказывали о таких многоступенчатых «пирамидах» на Чулууте и в других регионах, удаленных от Монголии. На Чулууте же многорукие и многоногие «пирамиды» несколько раз показаны под копытным животным, поскольку, как мы уже говорили, женщина-предок, возможно, ассоциировалась с образом этого зверя-предка. Затем тот же символ воплощается в виде антропоморфной фигуры энеолитического периода, где женщина-предок передана схематично в виде роженицы с воздетыми к небу трехпальными руками, с двумя точками груди, а мужские антропоморфные фигуры показаны танцующими и с музыкальными инструментами. Подобные фигуры присутствуют неоднократно в энеолитических сюжетах в Чулууте вместе с быком или бараном, иногда — с маской человека с рогами. Рядом с этим «древом жизни» можно найти змею — образ мира мертвых. Очевидно, все эти животные и антропоморфные фигуры следует понимать как изображение мира предков, тесно связанных с миром живых. И тот факт, что эти предки показаны чаще всего с лоскутками на одежде и головных уборах, еще раз подчеркивает, что это мир духов, путь к которым знали только шаманы, имевшие такие же лоскутки на одежде.

Уместно здесь вспомнить, что у многих сибирских и монгольских племен на плащах шаманов изображена многоступенчатая фигура, которую иногда ошибочно, как мне кажется, принимают за изображение ребер. Так, на плаще забайкальского шамана показана девятиступенчатая фигура. Такие же фигуры изображались на плаще сзади, а иногда на переднике. Пятиступенчатая елкообразная фигура вырезана на деревянном идоле из Тобольска. Этот идол является частью атрибутов шамана. География распространения подобных рисунков охватывает районы от Ангары, Лены до Томи и Енисея и на востоке — до Чулуута. В основном это таежная зона, где господствовали шаманизм и вера в духов и предков. Возможно, права Э. Ю. Вадецкая, которая видит в сибирских изваяниях и гравировках окуневского времени изображения предков-шаманов.

Говоря о культе предков, особо следует упомянуть об идолах — онгонах как Центральной Азии, так и Сибири. Нарисованные краской на ткани или сшитые из разных тряпок, иногда сделанные из войлока, дерева или жести, вылепленные из глины, эти изображения духов или предков были широко распространены в этой части Азии. Онгоны хранились в укромных местах, в ящичках, в специальных столбах. Такие столбы считались священными, их уставляли на высоких местах и тщательно скрывали от посторонних. Интересно, что люди верили в существование живых онгонов. Они считали, что эти онгоны находятся в таких животных, как баран, лошадь, козел, бык. Именно потому этих животных посвящали духам и божествам.

Что же представляли собой вырезанные и нарисованные онгоны? Чаще всего это были изображения женщин с широко расстав-

ленными ногами, с точками, символизирующими груди, показанными под руками. Порою изображали и другие признаки пола. Встречаются онгоны, весьма сходные с антропоморфными женскими фигурами на чулуутских петроглифах.

Возникновение культа онгонов объясняется следующим образом: «Когда умирал у кого-нибудь любимый человек, то его сыновья, дочери, старшие и младшие братья, сделав фигуру наподобие покойного, хранили ее, ставили перед нею первое блюдо, целовали ее и поклонялись ей» [44, с. 82].

Большого внимания заслуживают рисунки на шаманских бубнах. Чаще всего поверхность бубна делится на две части: в верхней показаны небесные светила, елкообразные многоступенчатые фигуры, на которых иногда изображена птица. Многоступенчатая фигура может быть трактована как дерево, но нередко на ней показаны признаки женского пола, поэтому мы склонны считать, что скорее всего это пиктограмма нескольких поколений женщин.

Наиболее убедительной кажется мне трактовка многоступенчатых фигур на бубнах, данная С. В. Ивановым. Он считал, что здесь показаны или люди, или «тени умерших» (где «люди нанизаны на одну связку»), либо души «ущербных, безрогих (мертвых) оленей» [281, с. 88].

Наконец, та же идея многоступенчатой фигуры в виде дерева трижды повторена на золотой маске IV—V вв. из Чуйской долины [292, с. 224—225]. Рисунок на ней сходен с тем, который нередко встречается на шаманском плаще и назван исследователями ребрами, но нет оснований предполагать, что ребра были показаны на маске. Мы снова возвращаемся к нашему мнению, что елкообразная фигура могла обозначать «древо жизни», связывавшее мир земной с миром небесным, преемственность поколений, передаваемую по женской линии, что тоже символизирует связь с предками, с матерями-прародительницами. Неудивительно, что порой «древо жизни» показано рядом с символами женского начала.

Как мы уже говорили, изображения нескольких поколений рожиц в одной пиктограмме встречаются в Азии и в других регионах. Так, широко известен бронзовый головной убор шамана первых веков нашей эры, украшенный четырьмя симметрично расположенными фигурами, каждая из которых изображает человека с тремя парами рук, воздетых к небу. Глиняный погребальный сосуд неолитического времени из Китая также расписан геометрическими фигурами, между которыми помещены фигуры женщин с воздетыми руками и кругами грудей, нарисованными под мышками — прием, аналогичный чулуутскому¹⁵.

Отметим также, что среди китайских графических форм встречаются в эпоху бронзы иероглифы, близкие к монгольским петроглифам описанного типа: китайская пиктограмма «му» (мать) передана в виде основного женского знака, отличительной чертой которого является изображение грудей в виде двух точек. Особенно интересен иероглиф «шоу» (долголетие), где в наиболее ран-

ней графической форме показаны две, а в более поздней — три женщины, у которых руки воздеты к небу, ноги широко расставлены и согнуты в коленях.

В Хакасии ближайшими аналогами петроглифам Монголии являются, как уже говорилось, гравированные на плитах рисунки, где изображены и женщины-роженцы, и быки энеолитического времени. На той же территории известны сигарообразные изваяния антропоморфных фигур с большими животами, солярными знаками (вспомним солнце-оленья Монголии и иероглиф «солнце» с оленьими рогами в Китае иньского времени, именуемый «мать-прародительница»), часто сочетающимися с головами баранов и другими копытными животными — тотемными предками. Интересно также отметить наличие нескольких, вертикально расположенных друг над другом человеческих голов, изображенных на этих изваяниях. Очевидно, здесь воплощена в камне та же идея преемственности многих поколений, которая существовала в соседней с Монголией территории у энеолитических племен, имевших сходные обряд погребения, керамику, ритуальные песты и гравировку на скалах и погребальных плитах.

Но есть аналоги, не связанные ни по родству племен, ни по соседству. Так, на скульптурах Африки и Юго-Восточной Азии встречаются многоликие вертикальные изображения женщин. Тайваньские фигуры часто показаны рожающими и связанными с изображениями копытных животных.

Чрезвычайно интересные параллели чулуутским сюжетам прослеживаются среди материалов, собранных у нганасан. Так, «при неудачных или затянувшихся родах жены муж (или шаман) обращался непосредственно к Луне-матери, шаман же, камлая, по этому поводу обращался к Нго-матери... По тому же случаю обращались к Земле-матери» [165, с. 25]. Обращаться можно было и через идола, сделанного из красного тальника специально для этого случая. Не исключено, что и в Монголии эпохи энеолита в аналогичной ситуации, пытаясь спасти мать и ребенка, обращались к праматери всего сущего напрямую или через посредника. Последний мог быть и изображением в заповедных местах святыща. Интересно также, что у нганасан мать-Земля не только рожала людей, но и забирала к себе умерших, т. е. были четко связаны между собой рождение и смерть.

Образ птицы как символ души

Возможно, что связь матери-прародительницы, шаманки и шамана с верхним миром передана через трехпалую лапу. И трехугольный головной убор, и лоскутки на нем, равно как и на рукавах, увеличивают сходство изображенных персонажей с птицами. Как мы уже говорили, эти детали — часть ритуального маскарада шаманов. Не случайно ведь у нивхов одно и то же слово пе-

редает понятия «шаман» и «орел», а у бурят орел-шаман является посланцем небесных божеств к людям.

Известно, что древнейшее поверье у многих народов связывало превращение человека в птицу (или в зверя) с обрядом надевания крыльев (или шкуры зверя). Мифологический герой североамериканских индейцев Эмемкут превращался в Великого Ворона при помощи соответствующего костюма. Душа у многих древних народов ассоциировалась с образом птицы: у североамериканских гурунов — голубя, у алтайцев — петуха, у якутов — жаворонка. Нганасаны считали, что у человека имеется одна душа, подобная птице, а у шамана на две души больше [539, с. 55]. Ненцы верят, что у мужчин одна душа, у женщин — много [537, с. 89]. Древние египтяне считали, что душа умершего вылетает из тела в виде птицы. Интересно, что семанги говорили о беременной женщине, что она съела птицу. По их поверьям, души предков также живут в птицах. До недавних времен у многих народов прилетающая в дом птица считалась предвестником смерти хозяина дома.

Если вернуться от этнографических и фольклорных данных к петроглифам Монголии, то нетрудно заметить, что в них отражены подобные же представления о душах, унесенных птицами или хранящихся ими.

По монгольским поверьям, птицы осуществляли связь с небом, иногда олицетворяли доброе, порою злое начало. Так, злой дух Элье являлся в виде птицы и предвещал своим появлением несчастье. Другой злой дух, Ада, летая высоко в небе, пугал людей, насылал на них болезни, внушал неуправляемые страсти, что классифицировалось как болезнь. И все-таки чаще всего птица была символом добра [44, с. 81].

Тотемный предок

Если, по представлениям древних, души умерших переселяются в птиц и животных, то понятен и возникший в глубокой древности культ животных-предков. Эта вера объясняет и мифологический сюжет, когда женщина становилась супругой животного и имела от него потомство. Союзы и родство матери-предка с животными, вера в сверхъестественное рождение были распространены у многих первобытных народов. Поэтому многочисленные роды вели начало якобы от тотемного животного и носили его имя: у народов Сибири и Америки часто предком был медведь, один род якутов считал себя потомками девицы-лебедя, другой назывался «рожденным от орла». Киргизы вели происхождение от брака женщины с красной собакой, древние тюрки — от волка.

Как мы уже говорили, универсальный миф, возникший на ранней стадии у разных народов на разных материках, связан с мифом о сотворении вселенной, происхождении жизни, с ролью матери-прародительницы и предка-животного. Трансформируясь и теряя свою первоначальную форму, миф этот сохранялся у отдель-

ных народов в фольклоре необычайно долго, например в Монголии. Наиболее распространенным являлся миф об олене (иногда лосе). Считается, что предком многих племен Центральной Азии и центральной фигурой мифологии Северной Азии и Сибири был олень.

В древнем эпосе монголов образ прародительницы-оленихи под именем Олун-Гоа сохранялся вплоть до средних веков. Она упоминается даже в родословной Чингисхана как родоначальница рода боржигинов.

По китайским источникам, родоначальник монгольских ханов — Батаи родился от волка небесно-голубого цвета (Борто-чино) и белой дикой лани (Гоа-марал). Однажды Чингисхан, собираясь на охотничью облаву, предсказал, что на охоте появится серый волк Борто-чино и лань Гоа-марал, но строго-настрого запретил убивать их. Как видим, у чингизидов был запрет на убийство их предков — волка и олениху.

Тотемный предок-олень выбит на оленных камнях конца эпохи бронзы. Образ этот был широко распространен на обширных пространствах Евразии, в степной полосе скотоводческого мира от Причерноморья до Монголии.

Олень ведет свою «родословную» от предка-оленя, ставшего самоназванием племени саков. Культ оленя в Монголии удастся проследить по рисункам на чулуутских святилищах на протяжении многих веков, видимо, он существовал там задолго до сложения сибирского «звериного стиля».

Общезвестна благодаря повести Чингиза Айтматова легенда о матери-оленихе — прародительнице одного киргизского племени. Олениха, мать маральего племени, спасла и выкормила двоих осиротевших детей, все племя которых было уничтожено врагами. Белая олениха стала матерью детям и вырастила их, а затем отвела их на берег огромного озера Иссык-Куль. Так на берегах озера появились предки киргизского племени, сохранившие память о взрастившей их белой матери-оленихе.

А у берегов Белого и Баренцева морей лопари сложили легенду об олене — родоначальнике рода и его жене, женщине, у которой родился ребенок. Когда к ее дому пришло стадо оленей во главе с оленем — отцом ребенка, малыш превратился в олененка, соскочил с коленей матери и побежал за стадом. Плакала мать и звала сына, но он не вернулся. С тех пор живут среди оленей дети лопарей, и поэтому, говорят лопари, у них с древних времен запрещалась охота на северного оленя, который считался их предком.

Немало легенд сложено у того же небольшого народа и об олене-охотнике Мяндаше, который, входя в дом, превращался в человека. Однажды он женился на «дочери человеческой». Дети их часто превращались в оленят и убегали в стадо. Мяндаш научил человека охотиться, маскироваться, надевая на голову оленьи рога. Он не разрешал убивать диких животных, особенно важенок. А когда люди забыли заветы Мяндаша, стали убивать важенок, перестали жалеть дикого оленя, не стало и охоты [634].

Как же связаны предания народов Северной и Центральной Азии? Есть ли какая-нибудь связь между легендами лопарей и киргизов? Возможно, и есть. Мы можем только вспомнить, что на границе между Европой и Азией еще в VIII—VII вв. до н. э. возникла традиция отливать в бронзе бляхи и амулеты, вошедшие в историю искусства как «пермский звериный стиль», сохранившийся вплоть до XV в. Герон «пермского звериного стиля» — человеко-лоси, человеко-олени с клювообразными мордами и ветвистыми рогами, подобными крыльям, — напоминают образы лопарских легенд о человеко-олене. А умение этих мифических существ летать напоминает об их связи с предками и их душами [276].

В Монголии период «звериного стиля» совпадает со временем распространения изображений оленя с птичьим клювом, ветвистыми рогами, подобными крыльям, что позволяет думать о более древнем корне всех этих образов. Упомянем здесь также об изображении колесницы спряженными в нее оленями, а возможно, конями, замаскированными оленьими масками. Причем эти маски выбиты при повторной доделке рисунка.

Еще одна деталь, которую условно можно назвать маскарадной, — это оленьи рога в форме лестницы, изображенные на задней части двух копытных. Такая же деталь замечена нами на Чулууте-III в сцене перекочевки (очевидно, это тоже какое-то легендарное событие, а не ordinaria бытовая сцена).

Возможно, идея оленя-тотема, которая была отмечена и передана изображением рогов на голове матери-оленихи, в последующие эпохи сохранила свое ритуальное значение. Именно оленьи рога украшали танцевальные маски, головные уборы шаманов, маску погребенного с вождем коня (Пазырыкский курган).

Популярность образа оленя и лося сохранилась в фольклоре многих народов Сибири вплоть до наших дней.

У нганасан есть легенда о прародительнице всего сущего, которая выступает в облике лосихи или дикой оленихи [165, с. 21], что, собственно, мы уже видели и на чулуутских изображениях, и в облике дикого оленя — нго. Это существо может быть и матерью, и отцом и носить имя «хозяин» [165, с. 23]. Во время весенних коллективных обрядов удушения домашнего оленя нганасаны обращались к Земле-матери и предкам и приносили жертвы, которые назывались «пай». Места, где приносили «пай» (очевидно, святилища), находились далеко от мест обитания нганасан.

Когда оленя-нго, связанного с Землей, Луной и Солнцем, с матерью-нго, нганасаны убивали, то называли это жертвоприношение термином «поворачивание» оленя. У эвенков и ненцев существовали «посвященные» олени, а у нганасан «повернутые» [165, с. 24; 242, с. 77]. Эти животные осуществляли постоянную связь с матерью-нго.

Связующим звеном между двумя мирами («видимым» и «невидимым») был огонь: он очищал предметы и людей, был связан с умершими. Когда нганасаны подкидывали топливо в очаг, т. е. «подкармливали» огонь, они считали, что кормят своих предков.

Огонь был хранителем всех умерших, а на «повернутом» огню олене выжигали между лопатками знак-тамгу солнца (подобные тамгу археологи нередко прослеживают на изображениях оленей, выбитых на скалах). Убивали, или «поворачивали», оленя нганасаны очень редко. Обычно — по случаю тяжелых родов. Возле родильного чума муж роженицы, убив самку, обращался к луне: «„Мамка! Возьми оленя! Возьми оленя-то! Дай хорошие родины, чтобы человек родился-то!“ Убитому оленю подгибали ноги и головой обращали в сторону луны. Роженицу выводили из чума и на некоторое время укладывали возле убитой важеньки таким образом, чтобы их гениталии соприкасались» [165, с. 44].

Другой «великий зверь», который также являлся центральным персонажем древней мифологии Северной и Центральной Азии, — лось. Так, в мифах нанайцев Амура термины «лось» и «вселенная» до сих пор едины, а в эвенкийских словарях «бугады мушун» — это хозяин вселенной, «буга» же означает и хозяйку рода, и лося, и самку дикого оленя.

Культ быка

На востоке Монголии со времен неолита прослежен культ быка. Он позднее оставался тотемным предком разных племен, населявших Монголию. Его считали своим предком сюнну, а в легендах тюркских племен-огузов о родоначальнике рода Огуз-кагане говорилось так: его ноги были, как у быка, его ляжки, как у волка, его плечи были, как у медведя. Его тело было покрыто густыми волосами. Характерно, что называли его «бык». В ведах корова олицетворяла небо и бога Индру, небесный свод. Потомки пятнистой коровы и божественного быка были связаны с небесными телами. Последователи индуизма считали быка оплодотворителем Неба.

Очевидно, на петроглифах хангайских гор также были изображены небесные быки и коровы. Не потому ли на петроглифах из Чулуута-III выбиты быки, парящие выше солнца, и один из них показан с лунообразными рогами.

Среди энеолитических рисунков Чулуута определенное место занимали также космические символы (солнце и луна), небесные быки и коровы.

На одном из рисунков показан верхний — небесный — мир в образе быка, средний — земной — в виде баранов, яков, на нижнем ярусе — подземном — изображены змеи и, что особенно интересно для понимания этих рисунков, женские антропоморфные фигуры. Последние создают длинный фриз по всему низу композиции, что позволяет видеть в них женщин-прародительниц из потустороннего мира.

Чулуутские энеолитические изображения быков более всего похожи на рисунки из Южной Сибири из энеолитических погребений окуневского типа, а также на тувинские и алтайские петро-

глифы. Они сходны по стилю и сюжетам. Для всех изображений быков типичны мощные круп и холка, толстая шея и рога, направленные вперед и вверх. Характерен длинный хвост с кисточкой на конце. Н. В. Леонтьев справедливо замечает, что окуневские изображения выполнены с удивительно высоким мастерством и не находят себе близких аналогов ни в памятниках предшествующей афанасьевской, ни в более поздних культурах. Однако среди чулуутских петроглифов сходство с окуневскими гравировками прослеживается во многих деталях.

Как мы уже говорили, на энеолитических чулуутских рисунках, как и на южносибирских, у быков изображен длинный хвост с кисточкой, иногда разделенный на три-четыре кисточки. Эта деталь помогла мне в расшифровке сюжетов с антропоморфными мужскими изображениями, на которых показана фигура танцора с извивающимся предметом в руке. Можно, очевидно, сравнить это изображение с «танцем буйвола», распространенным у индейцев Америки, который заканчивался жертвоприношением быка. В древности это был реальный ритуал, а позднее он сохранился лишь как символический танец. Упоминание об умирании животного и расчленении его тела после снятия шкуры — явное свидетельство совершения обряда не только в танце, но и в жизни. Вспомним в этой связи древнемонгольские изображения, в частности быков (туров), показанных с телами, разделенными на несколько крупных частей вертикальными линиями.

Постепенно идея расчленения быка на несколько крупных частей перестает быть ясной. Так, на рисунках развитого бронзового века тела копытных показаны разделенными на десятки мелких частей. Можно допустить, что первоначально изображались именно жертвенные животные, следовательно, такая манера рисунка несла в себе не только стилистические «декоративные» особенности, а являлась выражением главной идеи — жертвоприношения животного. На чулуутских рисунках эпохи энеолита эта идея находит свое воплощение, а в последующие эпохи она развивается далее. Потому более поздние рисунки должны быть «прочитаны» только с помощью их древних предшественников.

СЕМАНТИКА АНТРОПОМОРФНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ

Как правило, фигуры эти являются частью сложной композиции, в которой имеются и женские антропоморфные изображения, и быки. Иногда мужские фигуры показаны попеременно с женскими, иногда рядом. Рассмотрим рисунок из Чулуута-III, выбитый на отвесной стене огромной глыбы базальта на высоте около семи метров над рекой, там, где она делает крутой поворот. На рисунке показаны три пары антропоморфных фигур: четыре фигуры сверху, две внизу. Там же выбита в правом углу пара быков, расположенных друг над другом. Правая антропоморфная фигура каждой пары показана анфас с поднятыми вверх трехпалыми

руками, трапециевидным туловищем, в островерхой треугольной шапке. Широко расставленные ноги образуют незамкнутый прямоугольник. Одна из фигур показана с трехпалыми ногами. Это символы женские, около которых выбито по одной мужской фигуре. Мужские антропоморфные символы изображены в профиль с поднятой трехпалой рукой, одной ногой, согнутой в колене. Вторая нога вытянута.

У мужских антропоморфных фигур такие же, как и у женских, треугольные островерхие шапки. На одной паре — шапки со свисающими с них лоскутками.

Недалеко от вышеописанного рисунка выбит другой, с двумя мужскими антропоморфными фигурами. Они показаны с ногой, согнутой в колене, с трехпалыми руками, поднятыми вверх и согнутыми в локтях, с подчеркнутым фаллосом.

Островерхие шапки в двух случаях украшены рогами. Отмечу, что на ленских и байкальских писаницах Сибири чаще всего показаны «двурогие» антропоморфные фигуры, на Ангаре встречаются «трехрогие» изображения с поднятыми руками. Трехпалые люди и люди с птичьими масками известны среди окуневских рисунков, фигуры с тремя «рогами» изображены на самусьских сосудах, а трехпалые с птичьими клювами характерны для писаниц Томи.

На рисунке же из Чулуута отметим одну важную деталь: все мужские фигуры показаны с каким-то длинным узким предметом на груди типа флейты со свисающими фестонами. Возможно, это музыкальный инструмент, напоминающий те, которые были известны в XIX — начале XX в. у шаманов Сибири и Монголии. Под мужскими символами выбита одна антропоморфная трехпалая фигура с трапециевидным туловищем и в треугольной шапке. На груди — два кружочка. Несомненно, что все антропоморфные рисунки отражают одинаковую идею — идею предков — и относятся к одной эпохе и к одному культурному пласту памятника.

Подобный же сюжет космогонического толка представлен на Чулууте-III. Огромная глыба сплошь покрыта изображениями животных. Рисунок виден очень плохо и притом в течение недолгого времени, только в лучах заходящего солнца. Не исключено, что в древности этот эффект был использован при совершении ритуальных действий. Возможно, что рисунки, выбитые на скалах Чулуута, были в древности покрыты красной охрой, мы нашли ее следы на отдельных рисунках, а также обнаружили чашеобразные камни со следами растирания краски около большой стелы с рисунками.

Большая часть композиции представлена силуэтами или контурными рисунками быков (возможно, туров) с рогами, направленными вперед и вверх. Тела их иногда расчленены вертикальными линиями. Фигуры быков статичны, они показаны стоящими на коротких крепких ногах, но тем не менее все вместе производят впечатление большой мобильности, так как заполняют всю поверхность камня и направлены слева направо и снизу вверх и

обращены головами в одну сторону. Завершают композицию олень с пирамидально изображенными рогами и несколько змей.

Самые интересные, на наш взгляд, фигуры выбиты на торцовой части камня и по верхнему его бордюру. Эта часть рисунка труднодоступна, возможно, в древности изображения выбивались художником, находившимся в положении вниз головой. На торцовой узкой части камня выбита антропоморфная фигура с фаллосом и ногой, сильно согнутой в колене, с трехпалыми руками. Одна из рук поднята вверх. Перед человеком показаны две точки.

Три одинаковых мужских антропоморфных фигуры, все с одной вытянутой ногой и второй, согнутой в колене, выбиты ниже. Все они с преувеличенно большими животами, один с фаллосом. На мужчинах треугольные шапки. Один держит в руке лук, остальные — какие-то длинные предметы, заканчивающиеся тремя кисточками, аналогичными изображению хвостов у быков (туров) на рисунках этого же времени.

В нижней части композиции выбиты (ныне они едва видны) женские фигуры анфас: трапециевидные туловища с прямоугольным основанием и поднятыми к небу руками. У основания одной антропоморфной фигуры изображено солнце.

Итак, в рассматриваемой композиции изображенные неизменно в профиль мужские фигуры показаны рядом с быками и копытными, над женскими символами или рядом с ними, всегда в движении и неизменно с одной поднятой ногой. Извивающийся в их руках предмет напоминает хвост быка. Возможно, на петроглифах энеолитического времени с берегов Чулуута показан «танец быка», исполнявшийся всегда мужчинами. Танец этот, бесспорно, был связан и с женскими символами, расположенными рядом и изображающими матерей-прародительниц. В этой связи интересно описание «танца буйвола» у индейцев Америки: «Каждый индеец выносит из своего жилища специально имеющуюся на этот случай маску, сделанную из буйволовой головы, с рогами и хвостом, висящим сзади, и все принимают плясать „буйвола“ Десять или пятнадцать пляшущих образуют круг, барабаны при этом и стуча трещотками, с песнями и завываниями. Когда один из них утомится, он начинает проделывать пантомиму, представляя, что его убили стрелой из лука и после снятия шкуры разрезали на части, между тем как другой, стоящий наготове со своей буйволиной головой на плечах, занимает место вышедшего из пляски» [598, с. 167].

Интересно сравнить монгольские изображения ритуального танца с древнекитайскими пиктограммами, обозначающими магический танец — «у», где фигура человека обычно показана с одной или двумя извивающимися «змеями» в руках. Древнекитайский танцор часто показан с трехпалыми руками [819; 417].

По поводу расшифровки древнекитайских пиктограмм высказано немало точек зрения. Принято связывать эти пиктограммы с изображением предков и, естественно, с танцами шаманов. Го Можо, изучавший надписи на иньской и чжоуской бронзе, рас-

шифровывает рисунки, связанные с понятием «предок». Он справедливо усомнился в том, что изображения двух символов друг над другом являются мужскими, где в основе нижней части иероглифа лежит черепаха. Ссылаясь на то, что черепаха — знак женский, Го Можо полагал, что два человека, показанные друг над другом, представляют собой материнский (матрилинейный) род, где все персонажи — предки по женской линии [697].

Изображение мужского предка в пиктограмме древнего Китая абсолютно сходно с чулуутскими трехпалыми изображениями духов или предков. Вероятнее всего, китайский ритуальный танец был связан с предками или посвящен им. Можно предположить даже, что на монгольских скалах танец мужчин был связан с ритуалом, совершаемым в честь матери-прародительницы. Вспомним в этой связи, что в петроглифах, выгравированных на жертвенных сосудах чжоуского Китая, знак женщины-прародительницы (о чем мы писали ранее) показан неизменно рядом с мужскими символами [468].

Китайский ученый Дай Иньсин опубликовал надписи на жертвенных бронзовых сосудах — дин, найденных в деревне Синван-цзунь, близ Чанани в пров. Шэньси. Но прочитать их он не смог. Изучив подобного рода надписи, Дай Иньсин пришел к выводу, что смысл их понять невозможно, а следовательно, за неимением аналогов трудно растолковать и характер жертвоприношений [698].

В настоящее время, получив большую серию подобных рисунков и пиктограмм из Монголии (они найдены ныне не только на Чулууте, но и в других местах страны, а также на Алтае), мы можем предложить единственно возможное, на наш взгляд, толкование выше упомянутых китайских иероглифов.

Во всех китайских надписях главная часть иероглифа представляет собой антропоморфную женскую фигуру с воздетыми к небу руками и широко расставленными ногами. Голова круглой, овальной или треугольной формы (в Монголии чаще всего треугольной), груди переданы двумя точками, чаще всего над руками (на Чулууте точки грудей показаны ниже воздетых к небу рук). Все китайские пиктограммы (или иероглифы) этого типа сходны с монгольскими чулуутскими петроглифами эпохи раннего бронзового века. Сходство в позах, в поднятых, как правило, трехпалых (иногда двухпалых) руках, в манере передачи грудей точками.

Выше мы пытались предложить и обосновать расшифровку чулуутских рисунков как образов матери-прародительницы, матери — предка многих поколений и в то же время будущей продолжательницы рода. Монгольские роженицы, так же как южносибирские и тувинские, часто показаны с новорожденным младенцем между ног или рядом с матерью. Таких фигур, показывающих сразу несколько поколений рожаящих женщин, в Монголии известно, как мы уже говорили, немало.

Сравнение их с китайскими иероглифами близкого значения

позволяет еще раз проверить гипотетическую версию дешифровки монгольских символов.

В древнем Китае более всего близки к этим монгольским изображениям иероглифы «шоу» — долголетие, «му» — мать-прародительница, «шэн» — рождение, новый.

Китайские надписи, изображающие матерей-прародительниц, всегда показаны вместе с одним и тем же знаком, сходным с иероглифическим обозначением фаллоса, что также связывает надпись с культом плодородия [468, с. 144]. Чаще всего этот знак показан сверху над знаком матери, реже — под ним.

Изображение фаллоса, как говорилось выше, было характерным элементом в изобразительной культуре энеолитических племен Центральной Азии и Сибири (например, широко известны фаллообразные песты среди находок из погребений).

Итак, анализ и сравнение петроглифов Монголии и недавно найденных новых письменных источников из Китая позволяют предположить, что надписи на большинстве жертвенных бронзовых сосудов чжоуского времени в Китае передают мольбу о плодородии и были посвящены матери-прародительнице, как и изображения на скалах святилищ Центральной Азии.

Сравнение чулуутских рисунков Монголии с аналогичными изображениями Тувы и Южной Сибири показывает, что и среди окуневских памятников преобладает та же тематика: женские антропоморфные фигуры, роженица, тотемные предки-быки и другие копытные, а также танцующие мужчины в птичьих масках, с хвостами, с птичьими трехпалыми руками, антеннообразными головными уборами.

Общность культуры и исторических судеб древних народов Центральной Азии, от Монголии и Северного Китая до Алтая, Казахстана, Тувы, Южной Сибири, свидетельствует о том, что уже в III тысячелетии до н. э., в самом начале эры металла, началось культурное сближение древних племен. Порою черты сходства настолько значительны, что могут быть объяснены бесспорными контактами и, возможно, миграциями.

Как видим, наскальные рисунки, выбитые в эпоху энеолита по берегам р. Чулуут, имеют ритуальное значение. Производственно-охотничья тема, если и подразумевается, то имеет второстепенное значение. В этом убеждают и этнографические материалы из Монголии. Так, в Хубсугульском аймаке до начала XX в. существовали «дома духов», сооруженные вдали от кочевий в горах или в таежной зоне. Их посещали только в дни жертвоприношений или в дни похорон шаманов. В «дома духов» приносили останки умершего шамана, его бубен и облачение. А на белой материи размером от полутора до двух метров рисовали пять видов скота: лошадей, овец, верблюдов, коров и коз, чтобы дух покойного шамана имел свое стадо.

На другом куске материи изображался покойник в шаманском плаще, чаще всего с трубкой, а также духи-хранители умершего в виде ворон или змеей. «Духи эти называются *sayius — sakiyul-*

sup — „хранители”, их превращения в птиц и животных называются *uwilga — gubily — a* — „оборотень”. Кусок же материи с изображением духа покойного и его духов-хранителей называется *uega ongon — kegere — uin, ongon*, т. е. „полевые онгоны” или „полевые фетиши”, в отличие от дарханских *gega ongon — geg — in ongon* или „домашних онгонов”, изображения которых висят на северной стороне кибитки.

Перед «домом духов» из камней складывается маленький жертвенник для сжигания приносимых духу первинок пищи. Из леса привозится молодое деревцо немногим выше человеческого роста, имеющее десять рядов сучьев. Обычно это молодой кедр. Деревцо это называется *dzalama — jalama*, т. е. „то, что подносят”, иначе говоря, „дерево подношения” или „жертвенное дерево”. В верхней части дерева делается три надреза в честь духов верхнего мира. В нижней части дерева привязывают ниточки из шерсти и волоса скота для грозных духов нижнего мира. Эти ниточки превращаются в мире духов в скот, и духи, радуясь этим дарам, не мешают становлению нового духа-хранителя в среднем мире» [559, с. 255—256].

Процедура похорон обычно заканчивалась обрядом жертвоприношения: вокруг огня жертвенника разбрызгивается чай, кумыс, тарак — простокваша (типа йогурта), молоко, молочная водка. Затем на жертвеннике сжигали большую берцовую кость жертвенного барана, головку правого самого короткого ребра, переднюю правую ногу и кончик хвоста. После этого участники поминок съедали мясо жертвенного животного.

Кроме того, ежегодно в «дом духов» приносили жертвы духу-хранителю.

Сравнивая рисунки на скалах и описания «домов духов», интересно отметить сходство сюжетов в изображении духов, предков, разных видов скота и прежде всего копытных животных. До нас не дошли рисунки жертвоприношений, но изображения расчлененных животных, а также символы солнца в виде крестов и солярных знаков скорее всего обозначают особую значимость нарисованных образов. К этой теме мы вернемся ниже, при анализе рисунков эпохи бронзы.

Заканчивая обзор известных к настоящему времени памятников эпохи энеолита, нужно отметить, что уже тогда выделились два больших региона: восточный и западный. На востоке страны распространилась культура типа норовлийнуульской. На западе обитало население, оставившее курганы афанасьевского типа. Памятники эти, очевидно, являют собой самый восточный рубеж расселения племен европеоидного населения. Дальнейшие раскопки и исследования археологов и палеоантропологов, возможно, позволят со временем рассмотреть этот вопрос более фундаментально. Важно заметить, что анализ памятников материальной и духовной культуры дает право высказать предположение о выделении двух зон (восточной и западной) с разным антропологическим типом населения в эпоху энеолита.

МОНГОЛИЯ В ЭПОХУ БРОНЗЫ

Эпоха бронзы в Монголии ознаменовалась дальнейшим развитием скотоводства (преимущественно овцеводства) и металлургии, распространением археологической культуры карасукского¹ типа и карасукского стиля в искусстве. Скотоводство распространилось и в соседних с Монголией степных районах.

Степные скотоводческие племена Центральной Азии имели свои традиции, обусловленные хозяйственно-географическими особенностями региона.

Выделение пастушеских племен — это первое крупное общественное разделение труда. Оно постепенно привело к возникновению многочисленных стад, а следовательно, к накоплению богатства, к усилению роли воина — защитника собственности.

Как мы уже отмечали, в Монголии эпоха бронзы связана прежде всего с карасукской культурой. Известно, что она была распространена на широкой территории от Гоби и Ордоса на юге до Красноярска на севере. Решение целого ряда вопросов исторического развития народов Центральной Азии и Южной Сибири и их этногенеза в значительной степени связано с исследованием этой сложной культуры, в частности истоков ее происхождения.

Чем же характеризовалась карасукская культура? Дискутируя с М. П. Грязновым в 1970 г., мы ответили на этот вопрос следующим образом. Карасукская культура — это культура предскифского времени, распространившаяся в центре Азии с середины II тысячелетия до н. э. и отличавшаяся от предшествующих культур четко выраженными специфическими чертами и особенностями, позволяющими выделить ее в самостоятельную культуру эпохи развитой бронзы. Она отличается круглодонной сферической посудой, специфическими формами бронзовых ножей и кинжалов (иногда со скульптурными навершиями), «предметами неизвестного назначения», оригинальными украшениями (литыми бронзовыми лапчатыми привесками, многоярусными бляшками, пастовыми имитациями раковин каури), появлением и широким распространением колесниц [477].

При рассмотрении происхождения карасукской культуры, которая лучше всего изучена в Сибири, и особенно при выделении собственно карасукских памятников перечисленные выше призна-

ки можно принять за критерий сходства и отличия этой культуры от других, предшествующих или синхронных ей. Следуя этому критерию, мы исключаем из анализа казахстанские, верхнеобские, челябинские, усть-тобольские и некоторые другие культуры бронзового века. Они не могут рассматриваться как исходные для карасукской культуры, и, следовательно, западной границей распространения памятников карасукского облика можно считать, по нашему мнению, левобережье Енисея. Но в то же время ареал изделий карасукского типа нельзя ограничить только районом среднего Енисея. Он значительно шире и включает Восточный Туркестан, Туву, Забайкалье, Внутреннюю и Внешнюю Монголию, составляющих громадную территорию Центральной Азии [477, с. 3].

Специфические культуры карасукского типа известны на Алтае. Своеобразным вариантом карасука можно считать алтайскую посуду и орнаменты на горшках [307]. Ряд племен, проживавших на территориях, смежных с Сибирью, частично в Казахстане, Средней Азии, находились в определенных контактах с племенами — носителями карасукской культуры. «Можно прямо сказать, что события карасукского времени имели для нашего Востока такое же значение, как и воздействие на бронзовый век Кавказа и Причерноморья великих культур Передней Азии» [307, с. 159].

Итак, Минусинскую область и Красноярский край мы считаем северо-западной границей карасукского мира, его центральной областью — Западную, Юго-Западную, Северную Монголию и Северный Китай. Именно эти районы С. В. Киселев назвал «той областью, откуда они (массы населения карасукского времени. — Э. Н.) направились к Енисею» [307, с. 142]. Наибольшее число типично карасукских бронзовых изделий обнаружено в Прибайкалье, Забайкалье, Монголии и Северном Китае. И в самом Китае, при раскопках шаниньской столицы Аньяна, найдены ножи, близкие к карасукским — суюаньским и монгольским. Очевидно, некоторые формы ножей и клевцов были принесены на Енисей из Северного Китая и Монголии [477].

Анализ накопленного материала показывает, что многовековое существование рядом двух миров — земледельческого и скотоводческого — было временем их постоянных и многообразных контактов (обмена техническими и культурными достижениями) и конфликтов. И перед исследователями стоит сложная задача определения границы между этими мирами, характера связей между ними, путей и направлений взаимовлияний.

Письменные источники свидетельствуют об этом весьма косвенно: в надписях на гадательных иньских костях упоминаются как просьбы земледельцев, так и скотоводов и охотников. Надписи на бронзовых сосудах, еще окончательно не расшифрованные, — это единственное свидетельство той эпохи о существовании неземледельческих племен на северных границах Китая в иньское и раннечжоуское время.

Следует отметить, что весьма незначительные по глубине куль-

турного слоя стоянки этих племен трудны для поисков и не имеют такой информативной ценности, как стационарные поселения земледельцев. Зато широко известны находки прекрасных образцов сложного литья, которые появляются в карасукскую эпоху на широкой территории Центральной Азии почти одновременно. Однако до сих пор дискутируется вопрос, какие же образцы бронзолитейного искусства следует считать наиболее древними и где можно искать родину карасукских форм.

С. В. Киселев, автор первой классификации бронзовых орудий из музеев Монголии, обратил внимание на их сходство с северо-китайскими бронзовыми предметами и предположил, что это не случайно.

Итак, в карасукское время на территории, расположенной в Гоби и южнее ее, расселялись племена, отличавшиеся от монголоидных китайцев. Кто они были в этническом отношении, сказать сложно, ибо в нашем распоряжении имеется очень небольшой археологический и палеоантропологический материал. Правда, его все-таки значительно больше, чем было в то время, когда С. В. Киселев писал свою книгу [313]. Нам кажется, что, несмотря на это, он был ближе многих авторов к истине.

Отсутствие данных нередко приводило исследователей к ошибочным выводам. Часто элементы типично карасукских степных культур рассматривались как иньские, а более поздние чжоуские монетные ножи на протяжении многих лет считались прототипом древних карасукских коленчатых ножей [781]. Анализ карасукских находок из Монголии и Южной Сибири позволил нам пересмотреть это мнение и прийти к выводу, что скорее всего карасукские коленчатые ножи были прообразом чжоуских ножей².

Мы уже говорили, что в Монголии не найдено поселений карасукского времени, а число раскопанных могильников этой эпохи незначительно. Поэтому реконструкцию экономики и социальных отношений мы делаем только на основании форм погребения, погребального обряда и могильного инвентаря. Необходимо учитывать все косвенные данные: аналоги из культур сопредельных, более изученных регионов, случайные находки предметов искусства, письменные памятники соседних земледельческих народов, находившихся в постоянных контактах со скотоводами.

Между тем именно эпоха бронзы может дать ответы на многие вопросы древней истории: об истоках культур ранних кочевников, зарождении их искусства, взаимоотношениях с соседними цивилизациями.

Большой вклад в изучение бронзового века Южной Сибири, Казахстана и Средней Азии внес М. П. Грязнов, который считал, что карасукская культура — явление сугубо южносибирское, что она происходит от андроновской, хотя М. П. Грязнов и отмечал отличия карасукской культуры Сибири от предшествующих в погребальном обряде, посуде и особенно в украшениях и бронзовой утвари [183, с. 22]. Происхождение карасукской культуры от андроновской он обосновывал сходством форм хозяйства и широ-

кой территориальной распространения обеих культур [186, с. 181]. Мы же считаем, что ареалы андроновских и карасукских элементов настолько различны (исключая Минусинскую котловину), что скорее позволяют говорить о разных корнях этих культур [477, рис. 1].

Трудно согласиться и с выводами М. П. Грязнова о преемственности культур при полном отсутствии погребений переходного времени. Он пишет: «Десятки и сотни известных памятников андроновской культуры сменяются десятками и сотнями памятников культур карасукского типа, и нет пока таких памятников, отнесение которых к андроновскому и карасукскому времени вызывало бы сомнение и которые можно было бы рассматривать как памятники переходного времени» ([183, с. 22]. На этом основании он сделал вывод, что смена культур произошла в незначительный отрезок времени, который нельзя проследить в Южной Сибири археологически [183, с. 22]. Отрицая приход в Южную Сибирь нового населения, М. П. Грязнов, однако, отмечает появление в карасукское время «многих элементов культуры, которые заимствованы с юго-востока или вырабатывались в процессе культурного взаимодействия с племенами степей Забайкалья, Монголии» [183, с. 23]. «Несомненно, — пишет он, — что на Енисее появились некоторые новые формы бронзовых изделий, весьма близкие, иногда совершенно подобные вещам, распространенным в Северной Монголии и Северном Китае, вероятно, оттуда и заимствованные» [178, с. 41].

Решительно выступая против точки зрения С. В. Киселева, считающего, что появление карасукской культуры в Сибири связано с притоком нового населения с юго-востока, М. П. Грязнов вместе с тем противоречит своим выводам, указывая на инфильтрацию в среду енисейских племен представителей юга монголоидного расового типа. В результате чего состав самого населения на Енисее пополнился за счет пришельцев [178, с. 37, 41].

М. П. Грязнов видит причины изменения характера культуры в переходе к яйлажному (полукочевому) скотоводству. Это мнение разделяет и Н. Л. Членова, отмечающая увеличение поголовья скота и рост населения, как следствие перехода к яйлажному скотоводству [639].

Иное мнение высказал С. И. Руденко, который пришел к выводу, что «переход к полукочевому, а затем кочевому скотоводству должен был быть процессом длительным» [567, с. 11]. Он считает, что больших экономических преимуществ переход к яйлажному скотоводству не дал.

Его мнение разделяет Г. Е. Марков, полагающий, что яйлажное хозяйство не было более перспективным экономически, а потому переход к полукочевому скотоводству должен был иметь свои серьезные причины, какой-то чрезвычайно существенный стимул [426].

С. И. Руденко пишет также, что сомневается в возможном «массовом стихийном переходе евразийских племен целиком от

оседлого скотоводческого хозяйства к хозяйству кочевому. К отгонному и полуетгонному хозяйству могла переходить только часть и притом незначительная часть племен» [567, с. 12].

О существовании юго-восточного компонента в карасукской культуре Южной Сибири высказывался известный антрополог Г. Ф. Дебец [211; 217; 216]. Его поддерживал другой, не менее известный антрополог, М. М. Герасимов. Указывая на восточно-азиатское происхождение пришлых карасукских элементов, М. М. Герасимов предполагал, что продвижение их в Южную Сибирь было почти одновременным с движением андроновской культуры с запада [140, с. 550].

И в работах 80-х годов все еще настойчиво высказывается автотонная теория развития южносибирской карасукской культуры на местной основе (на базе андроновской культуры). Следуя за М. П. Грязновым, Э. Б. Вадецкая аргументирует эту идею сходством конструкций погребальных сооружений, обряда, орнаментации керамики [75, с. 60—61]. Тут же появление «новой культуры» автор объясняет «внешним импульсом... а также новым в целом населением» [75, с. 61]. И далее совершенно нелогично делает такие выводы: «Другие украшения подобны известным в Забайкалье, Монголии... и даже Китае (имитация раковин каури). Поскольку близкие формы ножей одновременно встречены на Алтае, в Западно-Сибирской лесостепи, Монголии и Ордосе, их распространение на Енисее может быть объяснено конвергентным развитием, однако поясные пряжки (атрибуты колесничего) имеют не только внешнее сходство, но и общую семантику с известными в Северном Китае, в то же время как и в Западной Сибири они практически отсутствуют» [75, с. 61]. «С другой стороны, — противоречит автор сам себе, — несмотря на археологические находки, антропологические материалы не позволяют говорить о каких-либо значительных этнических передвижениях из Центральной Азии или Северного Китая. Поэтому наряду с концепцией С. В. Киселева, поддержанной Э. А. Новгородовой, о приходе карасукцев с юго-востока существует мнение об их передвижении из Казахстана, но через Саяны» [75, с. 61]. К сожалению, Э. Б. Вадецкая не подкрепляет последнее утверждение каким-либо новым доводом, усиливающим ее концепцию.

В работах зарубежных ученых большое внимание уделяется вопросу о взаимосвязи иньской культуры со степными номадами и особенно проблеме происхождения «звериного стиля». Причем если в китайской литературе вопрос чаще всего решается однозначно в пользу приоритета китайской цивилизации, то в западной литературе нет единого мнения об истоках центральноазиатских цивилизаций эпохи бронзы, хотя проблемы происхождения художественных бронз Ордоса и Монголии, «звериного стиля» уже много лет занимают ученых Европы, Америки и Азии. Зарубежная литература, рассматривающая пути распространения и развития ордосско-сибирского предскифского искусства, неизбежно связана с проблемами происхождения карасукской культу-

ры (Южной Сибири и Монголии), ее хронологии и взаимосвязи со временем происхождения находок из Аньяна.

Мнение о влиянии на китайские и центральноазиатские культуры западных культур и о продвижении элементов «звериного стиля» с запада на восток преобладало в 30-х годах в работах Г. Боровки, Йетса, Кюна, Андерсона. Шведский ориенталист А. Я. Андерсон обратил внимание на широкое распространение «звериного стиля» и писал о привнесении его в Китай из Сибири, хотя незадолго до этого указывал на существование каменных прототипов китайских топоров и клевцов, подтверждая этим автохтонность некоторых иньских бронз [705, с. 199, 200].

У. Уатсон связывает появление карасукских элементов в Южной Сибири с передвижением племен из Ордоса или Монголии [856]. Реалистическое карасукское искусство, пишет он, резко отличается от условного стиля, типичного для шаньских бронз, а это доказывает независимое существование степной культуры, влиявшей как на Южную Сибирь, так и на Китай.

Приведенные высказывания не исчерпывают всего многообразия мнений на эту тему, лишь показывают роль в истории кочевых цивилизаций, располагавшихся между двумя большими регионами — Китаем и Сибирью.

Как видим, проблема происхождения и взаимосвязи карасукской культуры Сибири и Китая с соседними культурами неразрывно связана с изучением бронзового века в центральноазиатских степях и горах. Естественно, большое значение приобретает исследование степных и предгорных районов Ордоса, Жехе, Восточного Туркестана, Внутренней и Внешней Монголии. Следовательно, интерес к культурам эпохи бронзы правомерен, а рассмотрение материалов из Монголии вполне своевременно.

Отсылая читателя к уже опубликованным данным по Южной Сибири и Забайкалью, а также к публикациям по Северному Китаю, сосредоточим свое внимание на том регионе, которому посвящена работа³.

В Сибири носители кочевой цивилизации оставили многочисленные могильники и весьма незначительные по глубине культурного слоя стоянки, что затрудняет их поиски и изучение. Поэтому исследование степных и предгорных районов Внутренней и Внешней Монголии приобретает особое значение, ибо, несмотря на широкие археологические работы последних десятилетий в Монголии, до сих пор преобладают случайные находки и практически не найдены древние поселения.

МИГРАЦИОННЫЕ ТЕОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ КАРАСУКСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Как мы уже говорили, осветить конкретную историю развития хозяйства древних племен Монголии и сопредельных территорий можно лишь по фрагментарным археологическим памятникам и

случайным находкам. Найденные в погребениях кости диких и домашних животных, их изображения на скалах Центральной Азии, сцены охоты и ритуальные сюжеты — все это позволяет предполагать, что население эпохи бронзы этих районов уже в середине II тысячелетия до н. э. занималось не только охотой и рыбной ловлей, но и скотоводством, хотя охота, конечно, еще играла большую роль. Правы те исследователи, которые отмечают, что процесс перехода от хозяйства, присваивающего готовые продукты природы, к хозяйству, производящему их, был длительным, и ему предшествовал долгий период, когда складывались и создавались предпосылки этого перехода.

Качественный скачок произошел в середине II тысячелетия до н. э., т. е. в карасукское время. Это был период, когда у степных и лесостепных племен Сибири, Казахстана и Монголии «сложилась своеобразная, этнографически ярко выраженная культура, принципиально отличающаяся от предшествующих ей энеолитических культур» [187, с. 22]. Перейдя к скотоводству, пастушеские племена научились пользоваться молочными продуктами, запастись пищей впрок, имели достаточно продуктов для обмена. Основной рабочей силой стали мужчины. Увеличившиеся стада потребовали расширения пастбищ, заготовок кормов на зиму. Следующим этапом развития скотоводческих племен был, как мы уже говорили, переход к яллажному хозяйству.

Естественно предположить, что переход племен карасукского типа к полукочевому хозяйству с сезонными перекочевками вызвал новые формы быта, новый образ жизни. Карасукские племена — это прежде всего кочевое население, рассеянное на больших территориях степей. Кочевой образ жизни требовал не только больших передвижений племен, но и усиления межплеменных связей, а следовательно, и увеличения обмена продуктов скотоводческого хозяйства на продукты земледелия соседних племен. Экономическая и политическая необходимость довольно быстро вызвала нивелировку формы бронзовых орудий труда и особенно оружия. И мы знаем, что именно в рассматриваемую эпоху карасукские бронзовые ножи и кинжалы впервые проникают далеко в Европу, а предметы западного мира появляются у карасукских племен. То же самое можно сказать о южной и восточной периферии карасукского мира: в пределах границы китайских племен в это время появляется множество вещей карасукского типа. Ордосские бронзы широко встречаются в иньских погребениях на территории земледельческого мира.

К числу культур карасукского типа некоторые исследователи относят луристанские бронзы Западного Ирана. Н. Л. Членова, сравнивая луристанские бронзовые предметы с тагарскими, скифскими и раннескифскими и чаще всего рассматривая вещи вне погребальных комплексов, сделала неоправданные выводы о сходстве более древних карасукских вещей и сравнительно поздних луристанских [639, с. 124]. Н. Л. Членова предполагает проникновение карасукских элементов из Ирана через Афганистан и

Синьцзян в Монголию, а оттуда в Туву и Южную Сибирь (одна ветвь), в Ордос, Забайкалье и Маньчжурию (другая ветвь). Такая же луристанская волна карасукской этнической общности, по ее мнению, дошла до Центральной Европы и наложила отпечаток на гальштатскую культуру⁴.

Предложенная Н. Л. Членовой схема теряет логику, если учесть датировку предметов, отнесенных ею к одной этнической культуре. Так, предметы, найденные в Ордосе, Забайкалье, Монголии, относятся к XIV—XIII вв. до н. э., в Китае — к XIII—XI вв. до н. э., в Минусинской котловине, Туве — к XIII—X вв. до н. э., в Синьцзяне, Тибете (известно всего две находки), Центральном Казахстане (Дындыбай, Бегазы) — к XV—XI вв. до н. э., в Тагискене — к IX—VIII вв. до н. э., в Луристане (Западный Иран) — преимущественно к IX—VIII вв. до н. э., но, возможно, к XIII—XII вв., в Центральной Европе — к X—VI вв. до н. э. (гальштатская культура).

Таким образом, в этой схеме самые древние культуры (дальневосточные) действительно могут быть отнесены к «кругу» карасукской культуры, все же остальные относятся к более позднему времени. И пока трудно сказать, права ли Н. Л. Членова, включающая их в одну историко-этническую общность.

Особое значение в данной связи приобретает вопрос о датировке луристанских бронз. Весьма ценно по этому вопросу мнение известного французского ираниста Р. Гиршмана, которому принадлежит честь открытия и публикации памятников Тепе-Сиалка и Суз [749; 855]. Полная информация по проблемам датировки древнеиранских культур и ранней истории ираноязычных племен дается в фундаментальном исследовании Э. А. Грантовского [155]. Большое значение для датировки приобретают и новые данные археологических раскопок в Иране.

Первоначально луристанские бронзы датировались III—II тысячелетиями до н. э., но теперь на основании новых материалов из раскопок в Сиалке, Зивийе, Сузах и Хасанлу исследователи отказались от этой даты. Выясняется, что луристанские бронзовые предметы не древнее XII в. до н. э. Р. Гиршман относит их к VIII—VII вв. до н. э. [749], Пшерровский — к VIII—VI вв. до н. э. [829], Л. Ванден-Берге — один к XIII—XI вв. до н. э. [855], другие — к VIII—VI вв. до н. э. [855]. Сиалк «В» Л. Ванден-Берге датирует X—VIII вв. до н. э. [855], а Э. Порада — X—IX вв. до н. э., Дайсон — IX—VIII вв. до н. э. [734], П. Кальмайер — 700 г. до н. э. [723], Э. А. Грантовский — VIII—VII вв. до н. э. [155] и Е. И. Крупнов — VIII в. до н. э. [342].

Сторонники ранней даты ссылаются на то, что в луристанских комплексах вместе с поздними предметами найдены также вещи более древние, а также предметы с надписями I и даже III тысячелетия до н. э. Р. Гиршман справедливо датирует эти погребальные комплексы по наиболее поздним вещам и считает, что древние экземпляры попали в погребения как антикварные. По мнению Р. Гиршмана, эти предметы были в свое время похищены из древ-

них храмов и городов людьми, которые похоронены в луристанских некрополях. Носителей этих луристанских бронз Р. Гиршман отождествляет с киммерийцами [749].

Если же рассматривать все находки луристанских бронз, то надо сказать, что предметы «звериного стиля», в том числе и те, в которых Л. Н. Членова усматривает прототипы минусинских бронз, бесспорно, поздние. Весьма существенные доводы в пользу еще большей молодости луристанских находок приводит в своей работе Э. А. Грантовский, основываясь на тщательном анализе письменных и археологических источников [155].

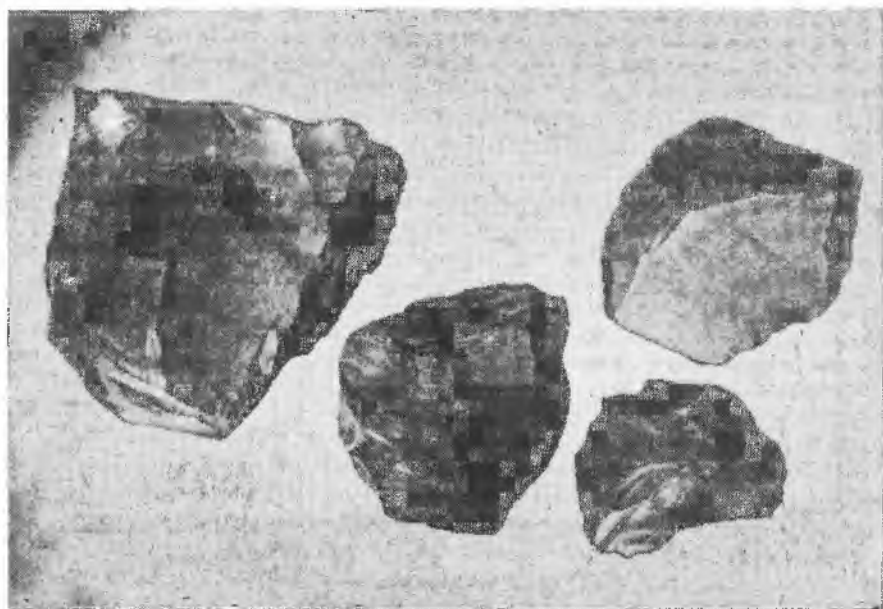
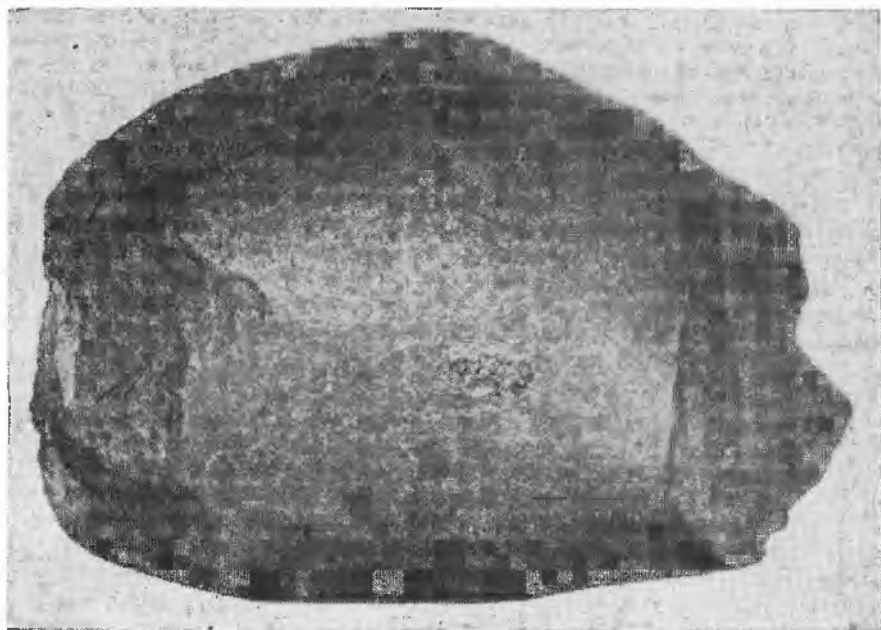
Напомним, что Н. Л. Членова датирует карасукскую культуру XV в. до н. э. Следовательно, если даже принять как возможную для луристанских бронз иногда еще упоминаемую самую древнюю дату — XII—XI вв. до н. э., тогда придется допустить, что карасукская культура XIII в. (а у Н. Л. Членовой — XV в. до н. э.) произошла от культуры Ближнего Востока, которая в действительности появилась позднее. К тому же Западный Иран отделяют от Синьцзяна, Монголии и Сибири большие пространства, пересеченные горами и пустынями. Н. Л. Членова строит свои выводы на аналогиях далеких и территориально и хронологически, не предпринимая строгого научного анализа погребальных комплексов как Южной Сибири, так и Ближнего Востока.

В своей системе доказательств Н. Л. Членова не учитывает и еще одного важного вопроса, а именно преобладающего в современной литературе мнения о пришлое характере луристанских бронз. В настоящее время дискутируется вопрос об их прародине и направлении движения.

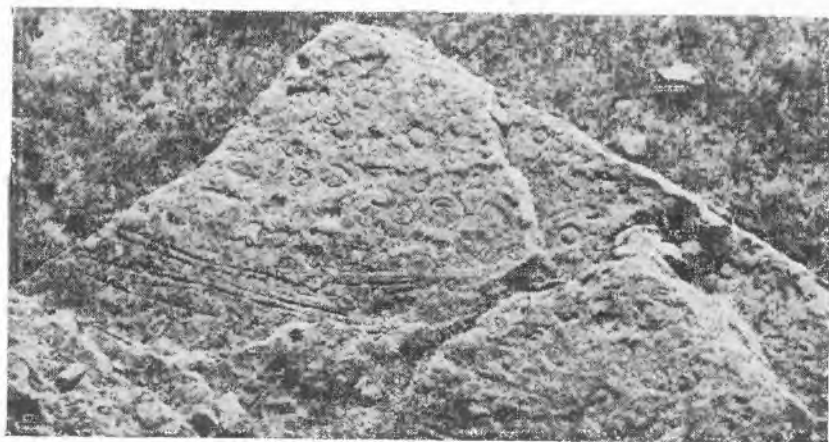
Здесь важно лишь отметить отсутствие генетических предшественников луристанского искусства в Западном Иране и появление «звериного стиля» в горах Загроса с уже сложившимися канонами и формами, которые не были связаны и с традиционными изображениями животных в Ираке. Поэтому обращение Н. Л. Членовой в качестве аналогии к печатам типа Керрук не кажется правомерным. Естественно, на наш взгляд, обратить внимание на южносибирские многочисленные скульптуры и рисунки на камне окуневского времени, изображающие волков с зубастой пастью, хищников, пожирающих копытных, и т. д., как на предшественников раннескифского «звериного стиля».

Та же идея, что и у Н. Л. Членовой, — о появлении цивилизации в Центральной Азии и в Китае из стран Ближнего Востока высказана в работах китайца Л. С. Васильева, отказавшегося от своих прежних суждений об автохтонности древних культур Китая [102]⁵. Он вслед за Н. Л. Членовой полагает, что карасукская и иньшкая культуры «генетически восходят к какой-то третьей, еще недостаточно известной бронзовой культуре» [102, с. 55].

В свете вышесказанного понятно, почему столь большую роль приобретают археологические материалы не только из Алтая и Минусинской котловины, но и из Монголии. Раскопки карасук-

Нижнепалеолитические орудия Монголии

Аршан-хад. Петроглифы каменного века

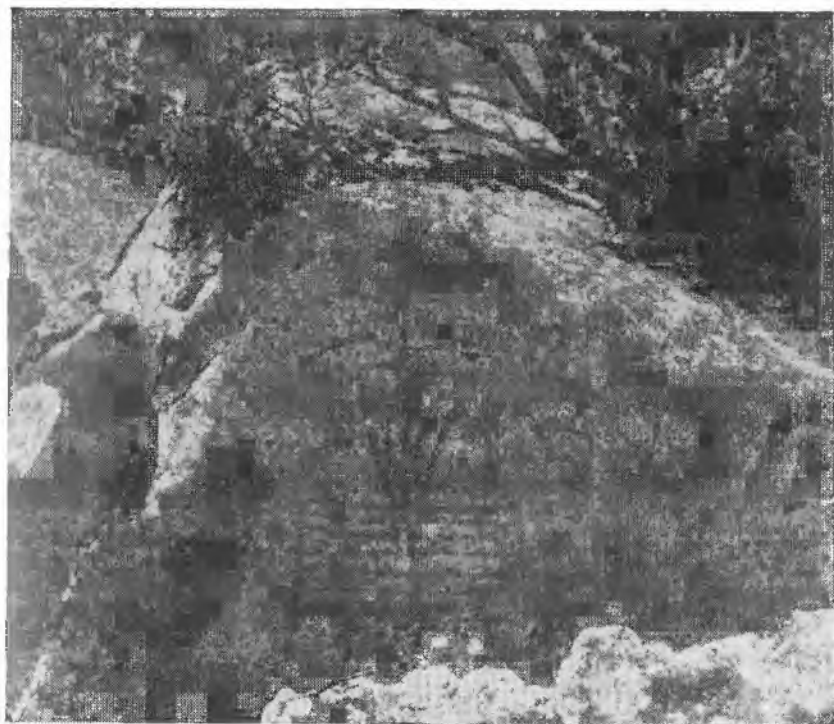
Тугригийл-ширэт. Местонахождение неолитической стоянки
Шаврын-ус. Местонахождение неолитической стоянки

Керамика из неолитических стоянок
Местонахождение погребения в Норовлийн-уул

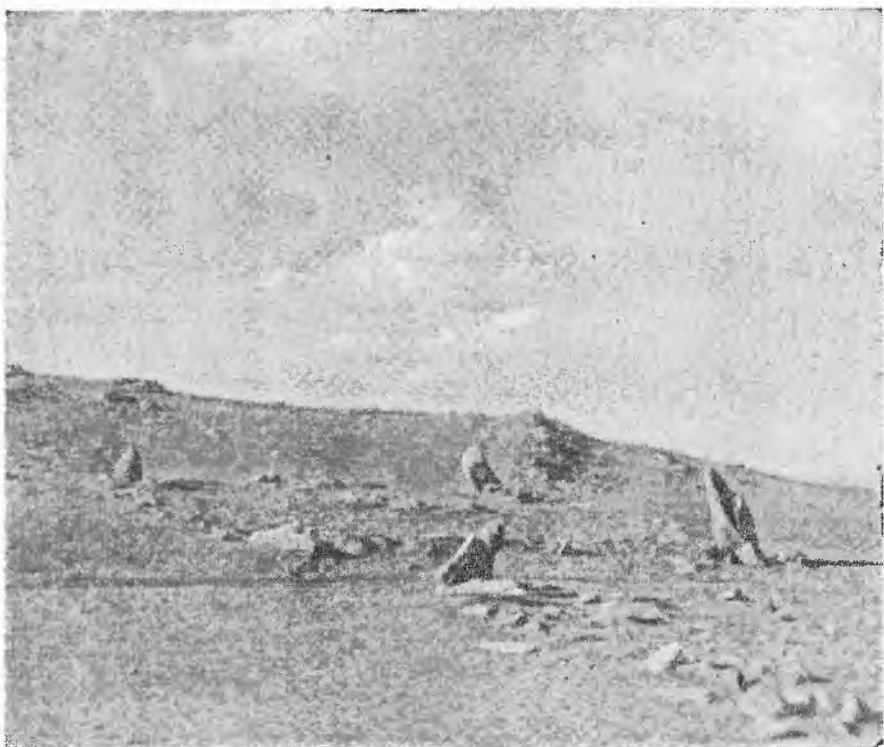
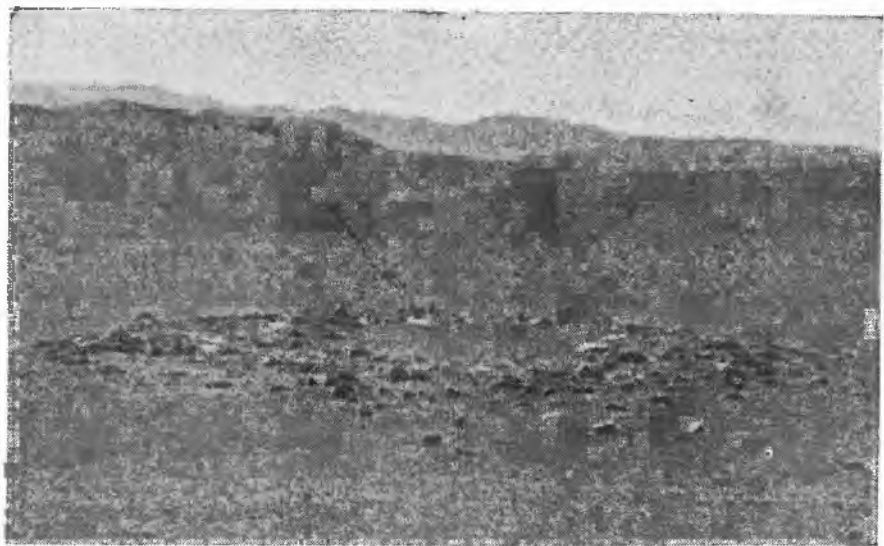

Курган энеолитического времени в Западной Монголии
Долна р. Чулуут. Местонахождение петроглифов

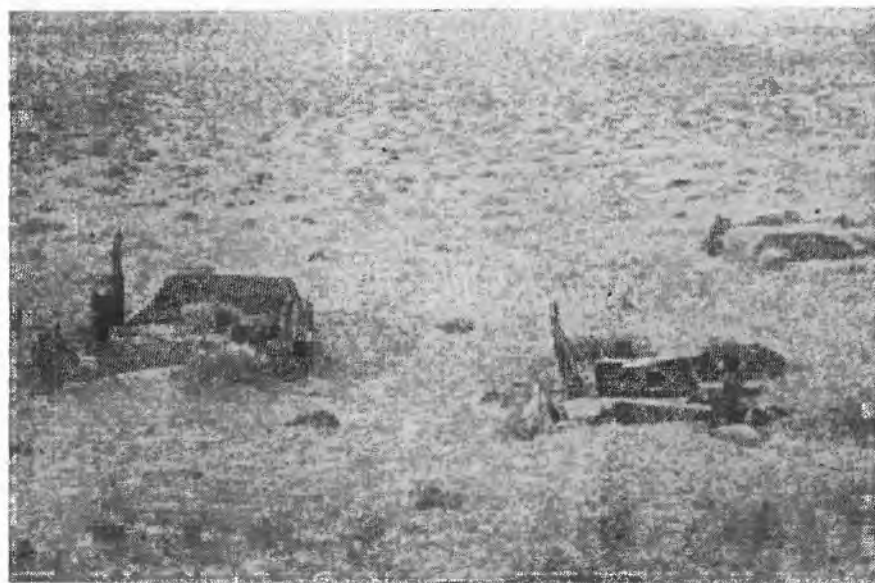
Рисунки энеолитического времени с берегов р. Чулуут:
роженцы и антропоморфные изображения

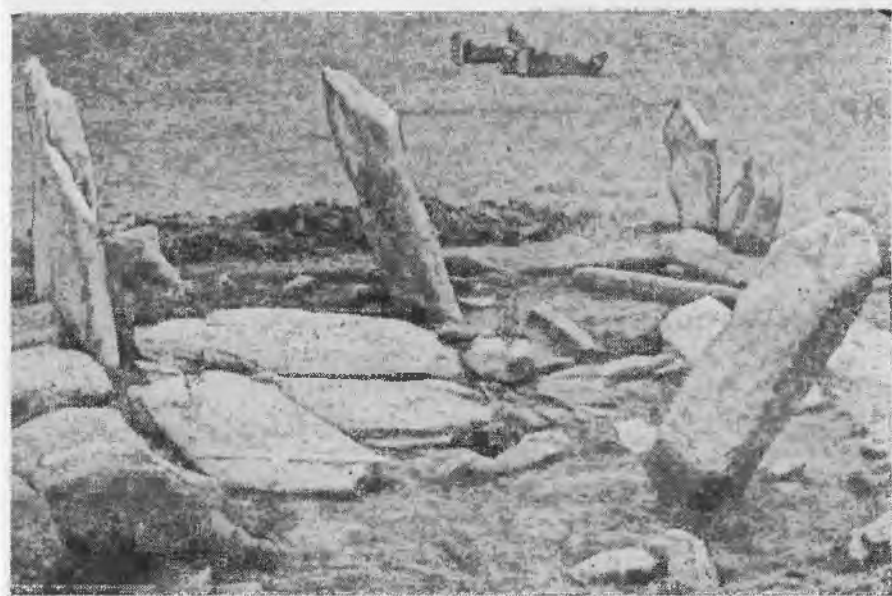

Керексуры Западной Монголии

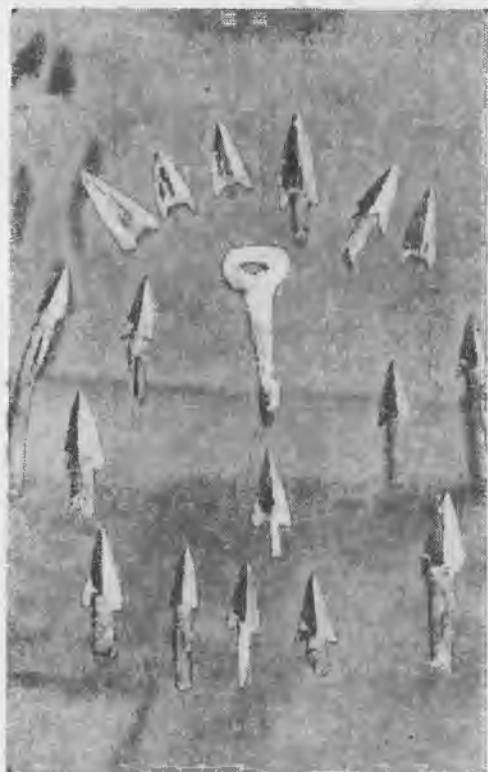
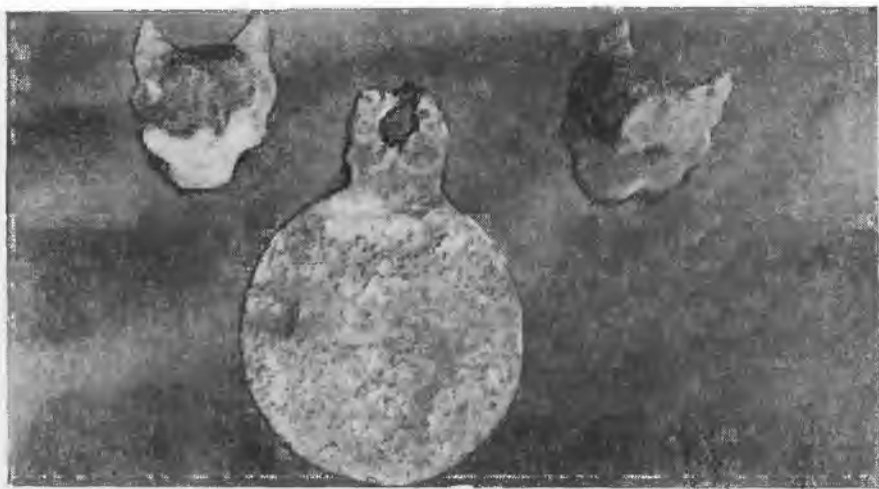
Оленные камни Монголии

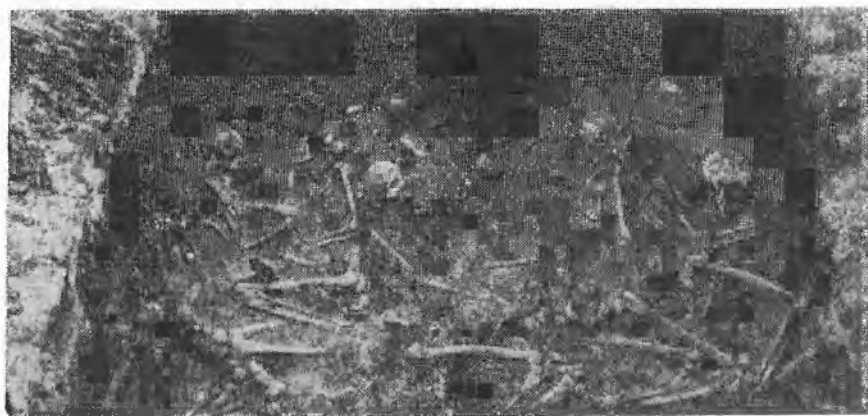

Плиточные могилы Восточной и Юго-Восточной Монголии

Находки из Улангомского могильника: сосуды, оружие, украшения

Наскальные рисунки Восточной Монголии
Погребение в Улангомском могильнике

ских погребений являются ключом к решению карасукской проблемы, а монгольские материалы — к разгадке историко-этногенетических процессов эпохи бронзы в Центральной Азии.

СТАТИСТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ОБРАБОТКИ МАТЕРИАЛА

Имея многочисленные находки из карасукских погребений, мы подвергли их классификации по видам инвентаря.

Объем информации, накопленный русской и советской археологической наукой, и особенно обширные материалы, полученные в последние десятилетия в результате работ крупных археологических экспедиций, предоставили исследователям возможность применить методы математической статистики и математического программирования, широко используемые в археологии при обработке больших групп вещей [223; 224; 300; 613; 653]. Мы попытались также предпринять классификацию всего инвентаря по типам и подтипам, применив методы статистики.

За основу было взято изучение как отдельных погребений, так и могильных комплексов из Сибири, после чего рассмотрены идентичные памятники по всему региону.

В своих построениях мы считали наиболее существенным установить характер распределения различных элементов карасукской культуры и их взаимосвязь, идя от частного анализа к общему.

Частотный статистический анализ⁶ и корреляционные точечные графики позволили выявить неоднородность населения карасукского времени в Южной Сибири, а также выделить разнотничные группы на одной территории.

Различные способы обработки статистических данных дали возможность сделать вывод в каждом конкретном варианте. В тех случаях, когда рассматриваются более 500 и 1000 экземпляров вещей, применяются графические схемы, диаграммы, корреляционные поля, таблицы взаимовстречаемости и взаимоисключаемости элементов [611; 646; 648].

Так, в основу обработки большого числа карасукских сосудов положен статистический анализ всего материала, диаграммы процентного распределения всех видов посуды в могильниках, расчет коэффициента сопряженности между встречаемостью посуды двух выявленных групп и таблицы взаимовстречаемости определенных типов посуды в погребениях. Выводам о происхождении форм карасукских ножей были предпосланы графики, корреляционные поля взаимовстречаемости и схемы находок ножей различных форм в погребениях. Самым многочисленным материалом являются украшения. Изучить их оказалось возможным лишь благодаря расчетам взаимовстречаемости всех этих украшений в погребениях.

Обработка собранных данных по погребальным обрядам Южной Сибири была сложнее. Составление процентных и частотных диаграмм, графиков и схем не давало яркой картины взаимосвя-

симости всех многочисленных признаков. Тогда была предпринята попытка применить программирование: составлены перфокарты с полным перечислением всех наиболее характерных признаков (всего 88) по тем карасукским погребениям, о раскопках которых мы имеем точную информацию, а затем сделан расчет совместной встречаемости и взаимоисключаемости всех интересующих нас элементов, а также групп элементов. На основании этих расчетов были составлены графики и гистограммы [477].

Подобная трудоемкая работа могла быть выполнена только с помощью счетно-вычислительных машин. Анализ столь обширных групп памятников (или серий вещей) с большим числом признаков, на наш взгляд, является единственно объективным и, бесспорно, самым эффективным методом. Но эта работа может быть завершена лишь тогда, когда исследователи получают исчерпывающие материалы по Сибири, Монголии и всей Центральной Азии.

По всем категориям инвентаря применялось картографирование с привлечением почвенно-растительных карт, с учетом новых данных палеоантропологии и этнографии, а также результатов спектрального анализа металлических предметов из Сибири и Монголии⁷.

Благодаря проведенному таким образом анализу материала удалось выделить, по нашему мнению, несколько групп памятников Южной Сибири и прийти к выводу, что между племенами Монголии, Тувы и Южной Сибири в карасукское время существовала связь, скорее всего этническая [477]. И причину этой связи следует искать в большой миграционной волне, прокатившейся из горно-степных районов Центральной Азии на северо-запад в сторону Енисея и на запад Монголии.

Эта общность культур Центральной Азии прослеживается и в материальной культуре, и в духовной жизни и искусстве.

Переходя к анализу памятников, мы не должны забывать, что граница карасукской культуры выходит далеко за пределы Монголии.

КАРАСУКСКИЕ БРОНЗОВЫЕ ОРУДИЯ ТРУДА И ОРУЖИЕ

В Монголии найдены многочисленные художественно обработанные изделия из металла: шилья, украшения (бляшки, привески, пуговицы), ножи, кинжалы, кельты, топоры и др. Изящно выполнены орнаменты на рукоятках ножей, кинжалов и шильев. Их навершия порой представляют собой истинные произведения искусства — образцы классического карасукского типа. Сходные по стилю и исполнению, карасукские изделия из бронзы тем не менее отличаются индивидуальностью, имеют различные орнаменты, форму, навершия. Нам неизвестно двух одинаковых ножей или копий, кинжалов или клевцов.

Используя классификацию С. В. Киселева, можно разделить все ножи (найденные в Монголии случайно и хранимые в разных

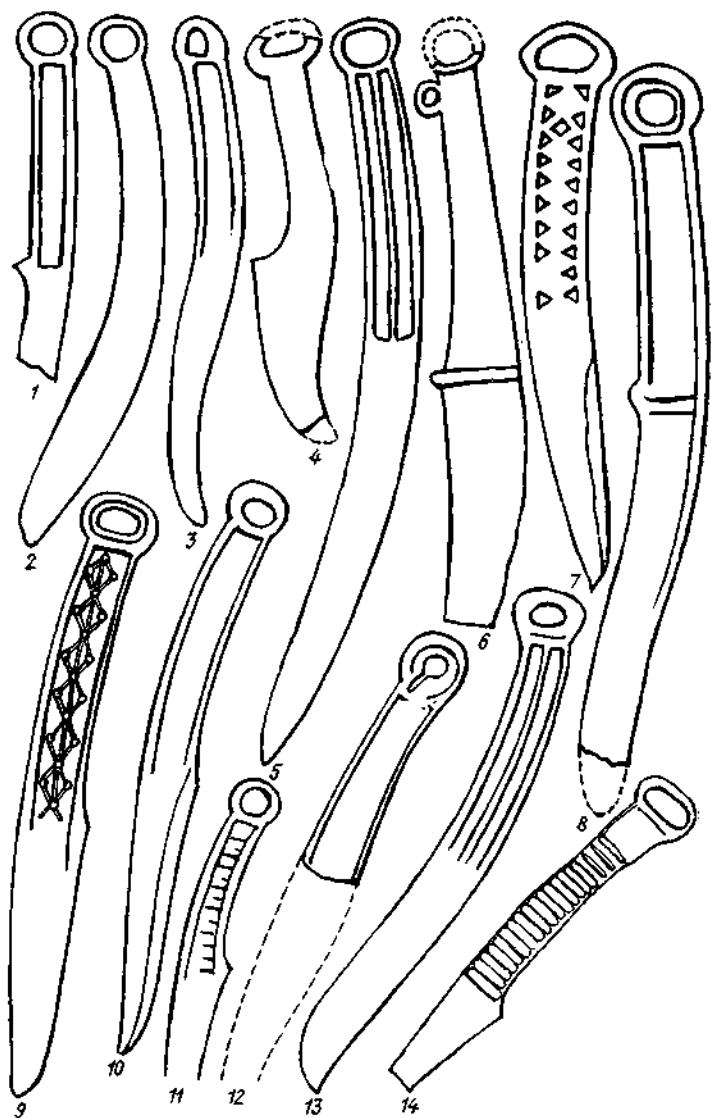
музеях страны) на две большие группы: вогнутообушковые и дугообразнообушковые [307, с. 119].

Вогнутообушковые ножи имеют следующие навершия: в виде грибовидной шляпки, двух колец, прорезного бубенчика, кольца. Грибовидные шляпки характерны для ножей Минусинской котловины [477, рис. 27], прорезные бубенчики встречаются в Ордосе и иньских погребениях Китая [705, табл. 36]. Двойное кольцо на навершиях — типичный элемент монгольских и забайкальских орудий, возможно, имитирующий рога барана [467, рис. 1]. Нож из Ховдын-хар-ус-нура имеет навершие в виде кольца с пятью лучеобразными выступами, скорее всего изображающее солнце.

Орнаменты на рукоятках ножей представляют собой вертикальные ряды треугольников по краю, ряды квадратов, витой шнур, разделенный через равные промежутки круглыми выпуклостями, широкий желобок и желобок, разделенный вертикальной рельефной линией. На 18 ножах орнамента нет. Отличительный признак всех вогнутообушковых ножей — сильная загнутость лезвия. Причем у южносибирских и забайкальских ножей отогнутость клинка едва заметна, у монгольских обушков загнут сильнее, у го-бийских имеет форму крючка. Самые близкие аналоги вогнутообушковым ножам известны из Внутренней Монголии. Обушки их так сильно загнуты, что рабочая часть острия имеет форму дуги [705]. Интересно, что в Китае ножи этой формы появляются в погребальных комплексах бронзового века. Одновременно с ножами карасукского типа там существуют типично иньские формы орудий. Можно считать, что в Китай форма вогнутообушковых ножей привнесена скотоводами со смежных северных территорий, Внутренней и Внешней Монголии.

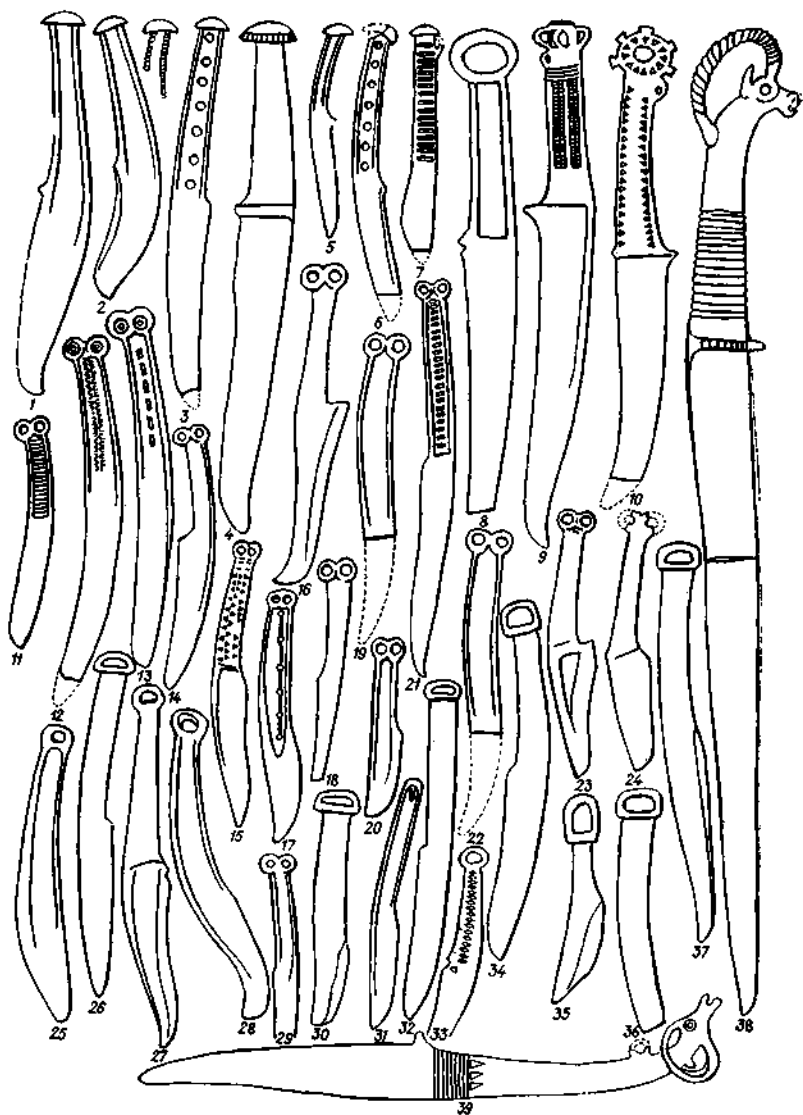
Другие монгольские ножи — дугообразнообушковые, длиной 15—16 или 20—25 см. Часто их рукоять не отделена от лезвия, иногда едва заметный переход подчеркнут небольшим выступом, расширением лезвия или орнаментом. Навершия этих ножей сходны с ножами предыдущей группы. Они — кольцеобразные, грибовидные и в виде двойного кольца, в форме бубенца. Последние наиболее характерны на шильях из Ордоса [477, рис. 33, № 22, 23, 29]. Что касается наверший в виде сдвоенного кольца, то оно особенно типично, как мы уже говорили, для монгольских экземпляров. Отметим следующую статистику: в Минусинской котловине известно только 13 подобных наверший из 533 (2,4%), в Забайкалье и Монголии 23 из 189 (12%).

Орнаментация рукоятей ножей различна. Рукоять ножа, хранящегося в Центральном Государственном музее в Улан-Баторе, украшена горизонтальными насечками, как и нож из Внутренней Монголии и Сибири [736, табл. XII, № 3, 4]. Типично карасукский орнамент украшает ножи из Центрального музея в Улан-Баторе и из коллекции Позднеева в Музее антропологии и этнографии в Ленинграде [467, табл. I, № 7, 8]. Рельефный шнур с узелками-точками в местах пересечения линий отлит в качестве орнамента на восточногобийском и среднегобийском ножах [467, табл. I,

Карасукские бронзовые ножи с навершиями в виде кольца
из музеев МНР:

1, 5 — Южногобийский аймак (музей); 2 — место находки неизвестно (Центральный государственный музей); 3 — Гобналтайский аймак (музей); 4 — Увсанурский аймак (музей); 6, 14 — Среднегобийский аймак (музей); 7, 8 — место находки неизвестно (МАЭ, коллекция Д. М. Позднеева); 9, 10, 13 — Восточногобийский аймак (Центральный государственный музей); 11, 12 — Сухэбаторский аймак (музей)

Карасукские бронзовые ножи с разными навершиями
из музеев МНР и частных коллекций:

1, 10 — Коблоский аймак (Центральный государственный музей); 2, 17, 18, 20 — Сухэбаторский аймак (музей); 3, 5, 6, 9, 12, 14, 26 — Среднегобийский аймак (музей); 4, 34 — Южногобийский аймак (музей); 7, 15, 22—24, 27, 32, 35—37 — место находки неизвестно (Центральный государственный музей); 8, 29, 31 — Центральный аймак (музей); 11, 30 — Южногобийский аймак (музей); 13, 16, 19, 21, 33 — Увасурский аймак (Центральный государственный музей); 38 — Южногобийский аймак (музей); 39 — место находки неизвестно (частная коллекция А. Латусека, Варшава)

№ 13]. Этот рисунок часто встречается на забайкальских орудиях труда и южносибирских сосудах.

Уникальная находка — нож, хранящийся в музее Южнобийского аймака, изображение которого неоднократно публиковалось в монгольских и советских изданиях [467, табл. I, № 14]. Длина ножа — 52 см. Он имеет слегка изогнутую рукоять, орнаментированную с обеих сторон параллельными горизонтальными насечками. Причем рукоять в древности была сломана, вместо старого навершия припаяно новое с изображением головы животного с большими изящно изогнутыми рогами [659; 820]. Они украшены параллельными рядами насечек. Условность передачи зверя так велика, что трудно определить, кого хотел изобразить художник — дикого козла или дикого барана. Морда показана с отвисшей нижней губой, острыми ушами, сквозным отверстием на месте глаз, обведенным широким рельефным валиком.

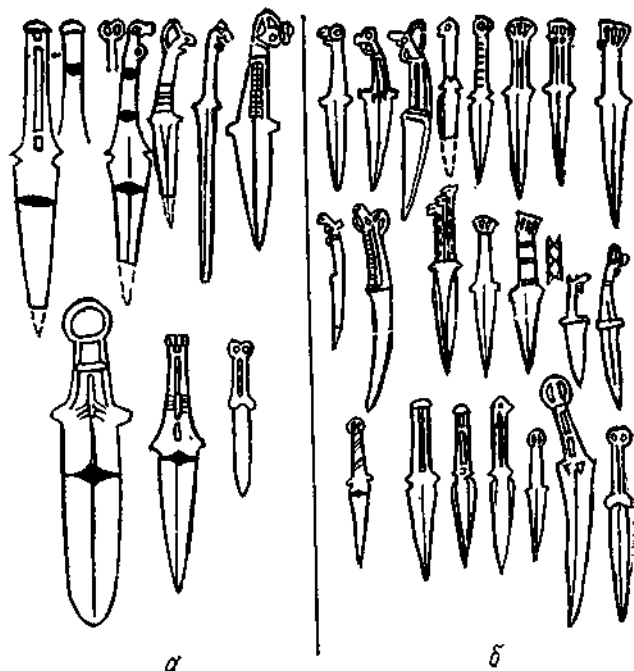
Подобные ножи с навершием в виде головы животного известны в Забайкалье и Ордосе: сходны их форма, орнамент и навершия. Особенно интересен нож из коллекции в Северном Китае [840, табл. XXXVI, № 4]. Правда, ордосские экземпляры отличаются большей детализацией орнамента и схематизмом изображения морды животного. Это сказывается в трактовке глаз, переданных одним сквозным отверстием, в преувеличенных размерах ноздрей, нижней губы и особенно часто в неестественно больших рогах.

Монгольские ножи часто имеют разные орнаменты с двух сторон рукояток. Причем орнамент порой процарапан по мягкому металлу, а не является результатом литья. Нож в одной из коллекций Монголии — типичный вариант такой работы. На одной стороне рукояти этого ножа прорезаны две вертикальные линии «шевროнов», а с другой — три, все они различны по размерам [820, рис. 38].

Особенностью монгольских (и отчасти забайкальских) ножей является преобладание глубокого желобка на рукояти, орнамента в виде шнура с узелками.

Забайкальские орудия труда очень сходны с монгольскими. В 1926 г. Г. Ф. Дебец, исследовавший забайкальскую бронзу, указал на ее оригинальность и предположил, что происхождение некоторых форм связано с влиянием какого-то культурного очага, отличного от минусинского, в то время единственного ближайшего изученного района металлургии [213, с. 20]. В настоящее время можно сказать, что этим ближайшим к Забайкалью районом бронзовой индустрии древности была Внешняя Монголия и Внутренняя Монголия.

Взаимовлияние и связь всех регионов Центральной Азии в древности прослеживается и на остальных элементах культуры. Бронзовые кельты, найденные во Внешней и Внутренней Монголии, близки по форме и орнаменту к находкам в карасукских погребениях Южной Сибири, что облегчает датировку этих кельтов. Кельты можно подразделить на четыре типа [467]. Монгольские

Карасукские кинжалы из Центральной Азии:
 а — Забайкалье, Монголия; б — Северный Китай (см. [477])

находки первого типа («пещерного»), кельты-тесла с отверстием и петелькой на обратной стороне (кельт из Хэнтэйского аймака и фрагмент кельта из Сухэбаторского аймака), пока обнаружены только в Восточной Монголии. Известно около двадцати аналогов подобных кельтов из Алтая и несколько — из Забайкалья. Они датируются карасукским временем благодаря находке в карасукском комплексе на р. Бие [176, с. 252; 307]. Второй тип монгольских кельтов («поясковые») — массивные, с рельефными валиками. Третий тип близок по орнаменту ко второму, но имеет удлиненные формы. Сечение двух последних типов кельтов — овальное у втулки.

В отличие от них кельты четвертого типа имеют шестигранное сечение и овальную втулку [477]. Они все свидетельствуют о высоком бронзолитейном искусстве древних мастеров.

Кинжалы карасукского времени из Монголии, так же как и южносибирские, сходны с большими дугообразнообушковыми ножами по форме наверший, рукояти, орнаменту на ней. Часто рукоять имеет изогнутую форму, аналогичную рукояти карасукских ножей, навершия в виде шляпки гриба, кольца или двух колец, хорошо выраженное перекрестие и удлиненный клинок с ромбическим сечением. Формы перекрестий различны. Среди них есть и

слабовыраженные, и достаточно широкие, и перекрестия, образующие плавный переход от рукояти к лезвию.

Кинжалы с едва намеченным перекрестием неоднократно изображены на оленных камнях (Батценгел сомон, Хубсугульский аймак, Галт сомон). Кинжалы эти имеют типично карасукские навершия, петельку под ними для подвешивания, орнамент на рукояти в виде елочки и рядов прямоугольников. И форма, и орнамент, и перекрестия такого рода встречаются на оружии Северного Китая [705, табл. 5; 843].

Безэфесовые карасукские кинжалы с широким коротким клинком изображены на оленных камнях Западной Монголии. На ножнах кинжала, выбитого на оленном камне из Ульзит сомона, орнамент показан в виде двух рядов треугольников и аналогичен северокитайскому.

Кинжалы с выемкой в эфесе, с перекрестием, иногда выраженным горизонтальными полосами орнамента, встречаются во многих местах Центральной Азии. По месту находок их можно разделить на несколько групп: 1) из Минусинской котловины и Красноярского края; 2) Тувы, Синьцзяна, Внутренней Монголии, Внешней Монголии и Суйюани; 3) Прибайкалья и Забайкалья; 4) Якутии; 5) иньского Китая. Последние сходны с центральноазиатскими эпохи бронзы и значительно отличаются от южносибирских. Все эти кинжалы, возможно, относятся к концу карасукской — началу следующей эпохи (в Южной Сибири — тагарской).

Итак, для монгольских кинжалов, частично забайкальских и минусинских характерен ряд устойчивых признаков: определенные формы перекрестия, навершия, полая рукоять с перекладинами и горизонтальными насечками. С ордосскими и северокитайскими их роднит форма изогнутой, суживающейся кверху рукояти, орнамент в виде двух вертикальных рядов квадратов, а также стилизованное изображение головы животного, преувеличенно большие рога.

Изображение головы диких животных на орудиях и оружии характерно для карасукского времени на широкой территории от Енисея до Ордоса. Сохранилась эта традиция и в следующую эпоху. В Монголии на оленных камнях навершия кинжала изображены чаще всего в виде голов козла, барана, оленя, реже, коня, кошачьего хищника. Таковы изображения на оленных камнях из Галт сомона Хубсугульского аймака, из Эгийн-дабаа и Орхон сомона Архангайского аймака и т. д.

Среди карасукских бронзовых предметов Монголии, бесспорно, самым интересным является кинжал из Южнообийского аймака [820, рис. 42]. Его длина — 23 см, он имеет слегка изогнутую рукоять, орнаментированную с обеих сторон вертикальными полосами, каждая из которых заполнена мелкими квадратами. Комбинации вертикальных и горизонтальных линий, опоясывающих рукоять, квадратов и треугольников, — обычный декор на карасукских предметах. Массивное навершие сделано в виде головы горного козла с большими рогами, образующими петлю. Голова животного вылеплена несколько гротескно: уши переданы высо-

кими прямоугольниками, чрезмерно отвисшая нижняя губа напоминает лосиную, рога показаны дугами без деталей, без витков. Интересно переданы глаза животного — одним сквозным отверстием, которое обведено рельефными концентрическими кругами. Именно эта черта особенно часто встречается на ордосских и монгольских бронзах и не характерна для других районов карасукского «звериного стиля». Под мордой животного, у изгиба рукояти, припаяна изящная петелька.

Ближайшие аналоги этому монгольскому кинжалу — северо-китайские и забайкальские. Так, рукоять северо-китайского кинжала из Чахара также украшена вертикальными полосами из квадратов, обрамленных горизонтальным рядом треугольников [705]. Сходны навершия, форма перекрестия и изгиб рукояти. В Забайкалье найдены два кинжала (на р. Онон и оз. Кото-Кель) с такими же перекрестиями, с навершиями, украшенными головами горных козлов, изогнутыми рукоятями, придающими изделию асимметричную, но весьма изящную форму, с петельками для подвешивания [174]. Морда зверя на навершиях также передана схематично, большие глаза образованы с помощью сквозного отверстия. В Забайкалье в Усть-Карском районе найден изящной формы кинжал с длинным клинком и рукоятью, заканчивающейся головкой антилопы (или сайги). Овальная рукоять украшена горизонтальными параллельными насечками.

Итак, южногобийские кинжалы более всего похожи на северо-китайские, а также на кинжалы из Забайкалья.

Поэтому можно предположить, что центром распространения кинжалов подобной формы были районы Центральной Азии, откуда эта форма пришла в иньский Китай и Южную Сибирь. Однако только дальнейшие находки позволят решить этот вопрос.

ПОГРЕБЕНИЕ ИЗ ТЭВШ-УУЛА

В Монголии пока известно всего несколько раскопанных погребений, содержащих материал, который, по нашему мнению, может быть отнесен к карасукской эпохе. Я имею в виду прежде всего раскопанное в 1971 г. В. В. Волковым погребение на юге Убурхангайского аймака в отрогах Алтая [124, с. 556]. Могильники разных эпох расположены у подножия горы Тэвш-уул, на склонах которой обнаружено много наскальных рисунков. Здесь найдены керексуры, а рядом с ними часто встречаются невысокие каменные выкладки удлиненной формы с вогнутыми сторонами, более всего напоминающие «фигурные» плиточные могилы Забайкалья. Раскопано три таких могилы. Погребения были совершены на глубине около одного метра в узких могильных ямах. Погребенные лежали на животе головой на восток [486].

Архантный погребальный обряд (захоронение на животе) известен в Южной Сибири в афанасьевское время, в иньском Китае, и в Прибайкалье в погребениях эпохи бронзы [307; 314].

Очевидно, на Тэвш-ууле найдены погребения карасукского времени, которые можно датировать второй половиной II тысячелетия до н. э., т. е. временем более ранним, чем было принято ранее, когда «фигурные» могилы относили к концу I тысячелетия до н. э. О возрасте погребения свидетельствуют также и находки в нем.

В могиле найдено более 500 пастовых бус, 126 сердоликовых и 24 бирюзовые бусинки, 200 бронзовых бляшек в форме полусфера разных размеров, каменные точила и обломок расписного сосуда [499; 820].

В одной из могил кроме цилиндрических пастовых бус находились две массивные золотые заколки для волос — уникальные предметы древнего ювелирного искусства [820, рис. 40, 41]. Они лежали по обе стороны от черепа. Концы заколок украшены скульптурными головками горных баранов, выполненными в лучших карасукских традициях. Вдоль лицевых сторон заколок отлиты специальные пазы столбообразной формы в виде маленьких цилиндров для вставки в них инкрустаций. Одна заколка первоначально имела шесть таких пазов, другая — восемь. В пазы были вставлены и закреплены бирюзовые камни. Хотя наличие инкрустаций, по мнению некоторых исследователей, свидетельствует о более позднем, чем карасукское, времени создания украшений, однако техника литья и характерная изобразительная манера выполнения головок сближают эти украшения с навершиями карасукских ножей и кинжалов. Они сходны вплоть до мельчайших подробностей и деталей: тот же схематизм изображения головы барана или козла, большие сквозные отверстия глаз, крупные ноздри, отвисшая нижняя губа, тщательная проработка витых рогов. Для более поздних (послекарасукских) ювелирных находок не свойственны ни такая скрупулезность отделки деталей, ни подобная форма морды животного. Заколки декорированы в чисто карасукской манере поперечными насечками, разделяющими глубокий желобок вдоль всего украшения на длинный ряд прямоугольников. Подобные прямоугольники и выпуклые перегородки, декорируют и рукояти карасукских ножей и кинжалов.

Каково соотношение во времени между карасукскими и иньскими бронзовыми предметами одного вида? Выше упоминалось, что наряду с типично карасукскими формами в Аньяне найдены ножи церемониальные, монетные и прямые, которые существовали одновременно с орнаментированными вогнутообушковыми и дугообразнообушковыми ножами северного типа. Причем последние появляются неожиданно и также неожиданно исчезают. Характерно, что в Китае на ножах и кинжалах карасукского облика никогда не встречаются типично китайские графемы или нероглифы, так же как их не обнаружено ни на одном ордосском или монгольском экземпляре. Не исключено, что карасукские бронзы принесены в Китай кочевниками из Центральной Азии, которые могли употреблять их при торговле и обмене (во всяком случае, в Китае известны монетные ножи коленчатой карасукской формы) [477, с. 67—76]. Этот факт позволяет говорить о более древнем

происхождении монгольских ножей и кинжалов, и если монгольские бронзы древнее аналогичных предметов, найденных в Аньяне (XIII—XII вв. до н. э.), то, возможно, прав Х. Кюн, писавший еще в 1937 г.: «Хотя частичный синхронизм между сибирским карасуком и шанским Китаем несомненен, 1300 год до н. э. не является обязательным „terminus post quem“ для начала карасукской эпохи» [787, с. 32].

Завершая разговор об основных чертах карасукского художественного стиля, отметим, что бронзовые литые предметы выглядят нарядно и совершенны по исполнению и декору благодаря гармоничности форм и орнамента. Ритмичное повторение одних и тех же комбинаций треугольников, ромбов, квадратов на ножах, кинжалах, а также глиняных сосудах свидетельствует об уже складывающемся определенном художественном стиле. Та же закономерность прослеживается и в скульптурном оформлении предметов. Например, для изображений звериных голов характерны большие глаза в виде отверстий с концентрическими кругами, отвисшая нижняя губа и большие рога. В отличие от скифского карасукский стиль более раскован: неповторимости каждого произведения говорит об индивидуальности мастера, о его независимости от строго зафиксированных образцов [289].

Для стиля карасукских бронзовых предметов Внутренней и Внешней Монголии, Южной Сибири, Ордоса характерно явное предпочтение образам диких травоядных животных как объектам изображения. На скульптурах чаще встречаются козлы, бараны, лоси, олени. На бронзовых предметах ни разу не найдено изображение человека — это одно из важных отличий сюжетов, оставленных бронзолитейными мастерами, от карасукских (т. е. синхронных им) петроглифов, выбитых на скалах, где образ воина появляется наряду с фигурами тех же животных. Скульптурные головки копытных венчают острые и режущие предметы и отражают древнейший культ мира скотоводов — культ тотемного предка-копытного. Причем известны случаи соединения в одной фигуре черт двух или нескольких животных: лося и барана, барана и козла, а на петроглифах также оленя и коня.

Мы уже говорили о характерном для энеолитической эпохи соединении в петроглифах в едином изображении черт женщины и копытного. В эпоху развитой бронзы сакральная символика чаще всего передается через орнамент. Символика эта своими корнями уходит в глубину орнаментальных композиций большой древности. Карасукский орнамент как на бронзовых вещах, так и на посуде состоит преимущественно из треугольников, квадратов, ромбов, точек и «жемчужин» — все они могут быть связаны, так же как и в соседнем Китае, с символами женского начала и культа плодородия. Точно так же исследователи объясняют значение типично карасукского украшения, сделанного из раковины каури. Что касается Китая, то там во II тысячелетии до н. э. те же элементы — треугольники, ромбы, комбинации из них — расширяются как символы женского плодородия.

КОЛЕСНИЦЫ МОНГОЛИИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В глухих ущельях, являвшихся святилищами в течение многих веков, выбиты петроглифы и среди них рисунки эпохи бронзы. Самым ярким их сюжетом были, на наш взгляд, изображения колесниц и сцен с колесницами.

Одним из интереснейших моментов в жизни древневосточных обществ было появление и быстрое распространение колесного транспорта. Сначала (IV тысячелетие до н. э.) это были тяжелые повозки на четырех массивных колесах, составленных из нескольких крупных досок. В такие повозки впрягали эквидов, мулов, онагров. Изображения подобных повозок известны среди наскальных рисунков Внутреннего Тянь-Шаня. В ущелье Саймалы-Таш (Киргизия) встречено не менее десятка рисунков колесных повозок с впряженными в них быками. По аналогии с изображениями животных на сосудах Ближнего Востока эти рисунки датируются эпохой энеолита (III тысячелетие до н. э.). Так же как в Сузах, в Саймалы-Таш показаны быки, изображенные в так называемом битреугольном стиле, где тело животного составлено из двух треугольников. Причем вершины треугольников соединяются в середине тела животного [52]. А так как на сосудах энеолитического времени фигуры показаны таким же образом, то можно предположить, что изображения быков в битреугольном стиле датируются так же, как и рисунки на сосудах, найденных в энеолитических слоях Суз. Для нас важно отметить, что среди петроглифов Тянь-Шаня битреугольные фигуры в сценах пашни показаны впряженными в повозки.

Что касается боевых колесниц, то они изображены чаще всего с впряженными в них конями.

Как видим, с появлением на рисунках лошади стали четко различаться боевые колесницы и грузовые повозки. Боевые колесницы появляются на Ближнем Востоке и быстро распространяются в Евразии в середине II тысячелетия до н. э. Все они отличаются сходством конструкции¹. Это двухколесные повозки (число спиц различно) с дышлом и ярмами, упряжные животные — лошади (2—4 в упряжке). Колесницы являли собой чудо техники и бесспорный прогресс. Наличие колесниц означает высокое мастер-

ство не только воинов-колесничих, но и столяров, кожевников, литейщиков, резчиков по дереву, кости и т. д.

Колесницы использовались на охоте, во время парадных выездов, различных процессий и во время похорон. Но чаще всего их применяли в военном деле. Они были ударной силой в армии и просуществовали до середины I тысячелетия до н. э.

Основная задача колесницы в бою состояла в том, чтобы слугить подвижной платформой, с которой ведется бой. Колесничие, изображенные на петроглифах в монгольских горах, вооружены луками и стрелами (на тех рисунках, где можно видеть оружие).

Колесницы использовались в решительный момент битвы, устраивая ряды противника и сея панику. «Десять колесниц разбивают тысячу человек, сто колесниц разбивают десять тысяч человек», — сообщает китайский трактат I тысячелетия до н. э.

Неудивительно, что у некоторых народов, пользовавшихся колесницами, выделилось особое сословие воинов-колесничих. Индоиранцы называли их «ратайштар», т. е. «стоящие на колеснице».

Большого умения требовало управление лошадьми,пряженными в колесницу. Это достигалось постоянной тренировкой.

Широкое применение колесниц свидетельствует о серьезных социальных переменах, о расслоении общества и процессе классовообразования. Воины-колесничие принадлежали к высшему слою общества, привилегированной верхушке, ибо снаряжение войска колесничих требовало особых затрат. В некоторых странах существовал обычай погребения в колеснице, но он касался только вождей и правителей, потому такие погребения встречаются сравнительно редко.

О значении колесниц в жизни древних народов говорит и существование особых колесниц, предназначавшихся, по народным легендам, для передвижения богов. По мнению древних, на таких колесницах восседали боги и богини — Иштар, Гелиос, Митра, Сурья, Си-хэ и другие. В «божественные» колесницы былипряжены мифические животные, крылатые чудовища или крылатые кони.

Понятно, что находки изображений колесниц в Монголии и в Центральной Азии вообще открыли новые перспективы в изучении этого исторического явления. С открытием изображений колесных повозок в Монголии найдено недостающее звено в цепи исторических открытий на Кавказе, в Казахстане, на Памире, с одной стороны, и в Китае — с другой.

До недавнего времени мы мало знали и об изображениях колесниц, и о монгольских петроглифах эпохи бронзы. Обнаружено было лишь несколько рисунков с повозками. В настоящее время в Гоби и на р. Чулуут среди прочих рисунков найдено множество изображений, отнесенных нами к эпохе колесниц, следовательно, к карасукскому времени. Основную же массу находок можно датировать эпохой развитой бронзы, по аналогии с находками в погребениях Южной Сибири, Тувы и Казахстана. Судя по конструк-

ции, монгольские колесницы древнее китайских, но окончательное решение этого вопроса — дело будущего.

К карасукскому времени эти петроглифы отнесены благодаря: 1) их изображению вместе с колесницами, возможный карасукский возраст которых как будто бы не дебатруется в литературе² (обсуждается лишь вероятность большей их древности в связи с открытием окуневских рисунков); 2) аналогиям с тувинскими, южносибирскими и алтайскими петроглифами; 3) изображению луков со стрелами, чеканов карасукского типа; 4) головным уборам грибовидной формы на воинах, изображенных иногда вместе с колесницами, а чаще без них.

В настоящее время к эпохе развитой бронзы в Монголии можно отнести большие группы рисунков в разных аймаках страны: на юге это скопление петроглифов в местности Бичигтын-ам в отрогах Монгольского Алтая, на западе — Цагаан-гол в Гобиалтайском аймаке, Бэгэр сомон того же аймака, в ущелье Яманы-ус и Арабжах в Южногобийском аймаке, на горе Тэвш-уул в Ховд сомоне. Большой пласт петроглифов этой эпохи выделяется и на берегах р. Чулуут. Почти повсюду среди рисунков там встречены изображения колесниц.

Со времени открытия первых рисунков колесниц в Монголии прошло немногим более двадцати пяти лет. Однако за этот период наши знания о них расширились благодаря новым материалам из МНР, а также из соседних территорий (Туву, Алтая, Киргизии, Казахстана, Памира, Средней Азии), позволяющим конкретизировать датировку, распространение и отчасти место этих рисунков в ритуалах и культах той эпохи.

В настоящее время известно более 50 изображений колесниц (30 — в горах Монгольского Алтая и 20 — по берегам среднего течения р. Чулуут). Неоднократно зафиксированы изображения колес, разделенных на секторы, круги и фигуры, отдаленно напоминающие детали двухколесных повозок. Опишу лишь наиболее интересные и существенные.

Первое изображение колесницы в Монголии было открыто в окрестностях Ховд сомона на южных отрогах Монгольского Алтая в Увсанурском аймаке. На темной базальтовой плите выбита колесница с четырьмя колесами, запряженная четверкой лошадей. Справа от нее изображен пеший лучник, стреляющий в сторону колесницы, а внизу — безоружный человек, привязанный к левому заднему колесу [820; 370].

Следующая находка сделана монгольским археологом Ц. Доржсурэнгом в узком ущелье в горах Алтая, на левому берегу р. Цагаан-гол в Гобиалтайском аймаке. Ц. Доржсурэн опубликовал зарисовки найденных изображений [664]. Он отметил их относительную древность по сравнению с остальными найденными к тому времени в других местах изображениями колесниц. В 1970 г. эти рисунки были исследованы нами [246, с. 134].

Среди массы изображений в цагаангольском ущелье преобладают тамги сюнну сарматского времени, сюжет с погребением в

ладье и многочисленные сцены с животными. В расщелине скалы, в труднодоступной части, на высоте более трех метров от подножия, на горизонтальной поверхности выступа высечены три колесницы. Они показаны распряженными, без возниц и лошадей. Несмотря на предельный лаконизм рисунка и его небольшие размеры (самая большая колесница — 27×15 см, наименьшая — $10 \times 7,6$ см), четко показаны все главные конструктивные детали: дышло с поперечной перекладной, с ярмами в виде рогаток. Полукруглые кузовы всех трех повозок вынесены перед осью и как бы опираются на нее. Колеса самой маленькой колесницы изображены без спиц, колеса средней имеют по шесть спиц, у большой их восемь (левое колесо) и семь (правое колесо). Упряжь всюду одинакова, только поперечная перекладка самой большой повозки имеет чуть загнутые в сторону, противоположную кузову, концы. Нет сомнений, что все три изображения относятся к одной эпохе.

Большое скопление петроглифов с изображениями колесниц обнаружено также в горах Монгольского Алтая в ущелье Яманы-ус [456]. Там, на горе Ханын-хад, среди петроглифов разных эпох (бронзовый век, скифский период, эпоха сюнну, тюркская эпоха и средневековье) выбиты три колесницы. Четвертая изображена на противоположной стороне ущелья. На той же горе Ханын-хад выбиты профильные силуэты экипажей эпохи сюнну. Наиболее темные по цвету латины рисунки, едва заметные на поверхности скалы (а потому априори можно сказать, что они и наиболее древние из петроглифов на этой горе), расположены в самой высокой и наименее доступной части скалы, на высоте 8—9 м. В левой части верхнего яруса рисунков изображена трехконная колесница, ниже показан лучник в профиль, в головном уборе, с согнутыми в коленях ногами. Правее, чуть выше колесницы, выбита сцена сражения двух пеших воинов.

Обе фигуры переданы в профиль: передний воин, видимо, только что спустил стрелу; стоящий сзади него человек наносит ему удар по голове боевым чеканом. Сражающиеся воины изображены с согнутыми в коленях ногами, у них подчеркнуты признаки пола. Судя по форме чекана, этот рисунок, так же как и изображения колесниц, относится к карасукскому времени.

Колесница с тройкой лошадей очень похожа на квадригу: две коренные показаны по обе стороны от дышла спинами к нему, пристяжная соединена с кузовом линией постромок. Колеса имеют по восемь спиц. Овальный, почти круглый кузов разделен на восемь секторов, он абсолютно аналогичен колесам.

Вторая повозка, изображенная правее описанной выше, показана распряженной. Правее и несколько ниже ее выбиты рисунки, отличающиеся более светлым цветом загара³. Это — экипаж с балдахином, в экипаж впряжена лошадка, бегущая галопом. Она показана в характерной для эпохи сюнну манере. Рядом — тамга сюнну, а также фигура дикого барана, аналогичная по изобразительной манере таштыкским рисункам и росписям на древнеко-

гурёских гробницах [182; 235, с. 72, 117]. Все аналоги позволяют датировать группу рисунков с более светлым загаром эпохой, синхронной сюнну.

Далее, правее изображений эпохи сюнну, на том же верхнем ярусе горы Ханын-хад выбита еще одна колесница, показанная в отличие от предыдущих, направленных дышлом вверх, «движущейся» слева направо. Правее колесницы в том же направлении бегут кони, изображенные так же схематично, как и кони, впряженные в повозку. Единство изобразительных приемов и одинаковая направленность бегущих коней позволяют предполагать, что они составляют одно композиционное целое: видимо, возница, стоя в колеснице, гонит или сопровождает табун лошадей. Колесница изображена как бы сверху, видны кузов и проходящее под ним, перпендикулярно оси, дышло. С каждой стороны дышла спинами к нему показаны четыре лошади. Ярма, крепившиеся на перекладине, которою заканчивается дышло, видны только на коренных. От того места, где показаны конец перекладины и ярма, художник провел две короткие линии. Они соединяют концы перекладин с дышлом. Подобные растяжки изображены и на распряженной колеснице из Ханын-хада, и на всех колесницах Цагаан-гола, и на ховдсомонской повозке.

Простяжные лошади показаны без ярма, одна из них имеет постромки, идущие от шеи к кузову, который передан в виде овала со смещенным вперед центром. На рисунке дышло и ось делят дно кузова на четыре неравные части, а штрихи внутри, очевидно, изображают дно или подстилку. Кузов распряженной колесницы имеет форму неправильного квадрата и какой-то шест на передке, восемь спиц в колесах. У четырехконной повозки также колеса с восемью спицами и тележная ось, концы которой выходят за контуры колес. Возница показан в фас, еще более схематично, чем кони, его ноги упираются в кузов, руки согнуты в локтях, какой-то длинный предмет, возможно оружие, свисает с пояса.

В изображении коней и особенно упряжи придавалось большое значение деталям и подробностям, и в каждом рисунке можно найти что-то новое. Возничий же почти всюду показан одинаково и весьма условно: ноги широко расставлены и упираются в кузов, а руки — в бока. Создается впечатление, что древние художники придавали гораздо большее значение изображению деталей колесницы, нежели изображению людей.

Самое лаконичное изображение в Яманы-усе выбито на скале, расположенной напротив горы Ханын-хад. Там показаны лишь две лошади спинами друг к другу и два колеса, на которых крепится ось с кузовом посередине. Почти столь же условно передано изображение повозки из Бэгр сомона Гобиялтайского аймака: две лошади, дышло, перекладина, огромный кузов, крестообразно разделенный линиями оси и дышла, маленькие колеса без спиц.

Несколько изображений колесниц найдено в Баянхонгорском аймаке. Они также высечены на склонах гор Монгольского Алтая. Эти рисунки, открытые и опубликованные участниками немецко-

монгольской геологической экспедиции, изображают двухколесные и четырехколесные повозки, все с дышловой упряжью и круглым кузовом [793].

Множество петроглифов открыто в ущелье Бичигтын-ам на юге того же аймака. В глубине ущелья на невысокой горе выбита пароконная повозка с двумя колесами, над которой изображены два оленя, а под ней — олень и пешие лучники. Схема изображения колесницы уже знакома по предыдущим описаниям: два коня расположены спинами к дышлу, колеса разделены пополам, возможно, линией тележной оси. Новым является то, что прямоугольный кузов не пересекает ни линия дышла, ни ось, а внутри него показан возница. Совершенно в особой позиции изображен человек — в центре кузова. Что касается сюжета, вполне вероятно, что эта колесница, окруженная оленями и лучниками, изображает сцену охоты и как бы является иллюстрацией того, как применялись колесницы для охоты в иньском Китае [338].

На рисунке впервые встречается изображение какого-то S-образного предмета. Он показан на левом колесе.

Интересны фигуры оленей с елкообразными вертикальными стволами рогов. Они резко отличаются по изобразительной манере и форме от оленей с удлинённой клювообразной мордой и ветвистыми рогами, волнами распростертыми над спиной. Ноги у оленей, как правило, подогнуты под животом. Очевидно, что и колесница и олени (а они и по цвету патины камня, и по стилю представляют единый комплекс) являют собой образцы не скифской, а иной эпохи.

Описав наиболее простые колесницы Монголии, вернемся к колеснице ховдсомонской, известной в археологической литературе под названием «гобийская квадрига» с горы Тэвш-уул. На склонах этой невысокой горы разбросаны гигантские глыбы базальта, почти сплошь покрытые рисунками⁴. (Кстати, у подножия этой горы раскопано вышеописанное карасукское погребение, где найдены золотые заколки.)

Самым интересным среди петроглифов можно, без сомнения, считать изображение боевого сражения на колеснице (точнее, финал сражения). Этот рисунок описал А. П. Окладников, который полагал, что «гобийская квадрига» изображает четырехколесную солнечную колесницу с кузовом в виде солнца. В действительности же кузов, прорисованный со всеми деталями, не имеет ничего общего с солнцем. Кузов изображен даже не круглой, как полагал А. П. Окладников, а овальной формы.

Ошибочно приняв изображение возницы за штандарт, аналогичный тем, что известны на скифских повозках, А. П. Окладников датировал рисунок VII—V вв. до н. э. [492, с. 210, 211]. Между тем фигура эта чрезвычайно сходна с изображением колесничих на всех описанных выше колесницах (например, из Яманы-ус). В настоящее время, после открытия целого ряда рисунков колесниц с такими же возницами, не остается сомнений, что фертообразная фигура с руками, упертыми в бока, изображает колес-

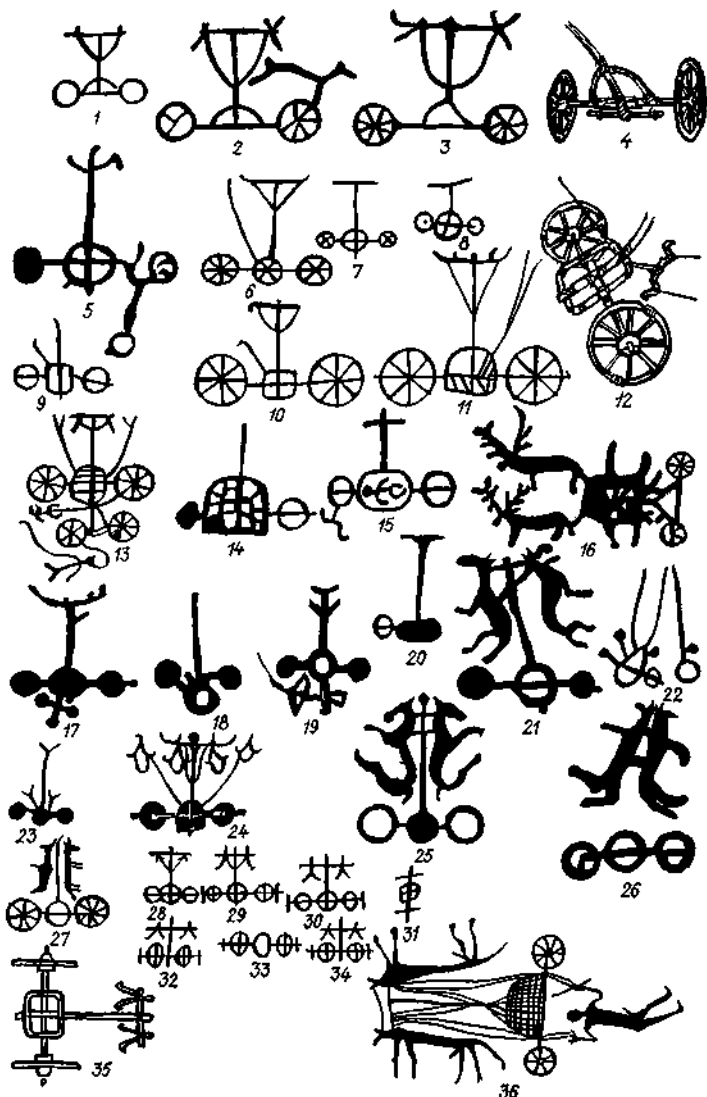
ничего, а не штандарт. Следовательно, этот единственный довод А. П. Окладникова, позволяющий датировать все подобные рисунки, нельзя считать, по нашему мнению, убедительным.

Большинство исследователей относят «гобийскую квадригу» к карасукскому времени — XV—XIII вв. до н. э. [330; 456]. Самую позднюю дату предложили монгольские ученые Д. Дорж и Н. Сэр-Оджав, которые считают, что колесницы появились в Монголии в конце I тысячелетия до н. э. [244, с. 175]. Т. Санжмятав датирует их III—II тысячелетиями до н. э., не приведя убедительных аргументов [680].

Новые копии и фотографии ховдсомонской колесницы позволяют проследить существенные детали. Прежде всего это колесница с дышлом и поперечной перекладной, запряженная четверкой лошадей. Два коренника впряжены в ярма, укрепленные на перекладине. Пристяжные тоже показаны с ярмами и с постромками, проходящими от ярма до кузова. Кони располагаются попарно по обе стороны от дышла, спинами к нему. Изображение коней аналогично на всех монгольских петроглифах, и, пожалуй, в этом их основное отличие от европейских, кавказских и тувинских изображений, где ноги коней направлены в одну сторону, так что зритель воспринимает их стоящими на земле, а не «парящими» [784; 425; 256; табл. 29, 39]. А потому эти лошади, так же как и изображенные на надгробной плите в Кивике (Швеция), воспринимаются в перспективе [751, табл. 43].

Кони гобийской колесницы показаны стоящими на четырех ногах, у них длинные хвосты, завязанные на концах, отчетливо выраженные признаки пола. Как мы уже говорили, повозка имеет овальной формы кузов (а не круглый, как это утверждалось в первых публикациях), разделенный четырьмя параллельными линиями, проведенными перпендикулярно дышлу, изображающими, очевидно, дно кузова. Некоторые подробности об устройстве дна колесниц сообщает китайский археолог Ся Най, раскопавший недалеко от Аньяна несколько погребений с колесницами эпохи Чжаньго [701, с. 50]. У этих колесниц под кузовом находится дышло. Дно двух колесниц состояло из четырех поперечин, положенных перпендикулярно дышлу, выше его и выше тележной оси. Сверху пол покрывался циновками или шкурами [701, с. 50, 51].

Особо следует сказать о колесах. Передние колеса ховдсомонской колесницы имеют большие размеры, чем задние, и на них по восемь спиц. На задних колесах скорее всего по шесть спиц, если принять одну линию в правом колесе за продолжение оси. Под левым передним колесом, как говорилось выше, выбита фигура возницы с руками, упертыми в бока. Справа от конской упряжки изображен лучник с широко расставленными ногами, согнутой левой рукой и луком в правой. Под колесницей показана фигура безоружного человека, привязанная как мы уже говорили, к левому заднему колесу. Рука его составляет единую линию с ногой лошади. Создается впечатление, что изображены покоренный враг и его конь, тоже привязанный к колеснице. Вполне вероятно, что

Конструктивные особенности колесниц по данным
наскальных рисунков Центральной Азии:

1-3, 5-11, 13-26 — Монголия; 27-34 — Китай; 36 — Памир; 4, 12 —
реконструкция монгольских колесниц; 35 — колесница из погребения
в Китае

здесь изображены не одна, а две колесницы. П. М. Кожин высказывал предположение о двух столкнувшихся колесницах, хотя в названии его статьи говорится об одной «гобийской квадриге»⁵ [330, с. 35]. Если допустить, что на рисунке показаны две колес-

ницы, тогда понятно, почему передние колеса больше задних, а линии тележных осей не параллельны друг другу. О возможном существовании двух колесниц на рисунке говорят и такие второстепенные детали, как различное число спиц в колесах. Конечно, количество спиц на петроглифах не может быть убедительным аргументом (скажем, вряд ли можно показать на небольшом рисунке колесо с 32 или 26 спицами), но в данном случае речь идет все-таки о восьми или шести.

Если принять версию о том, что в Ховд сомоне изображены две колесницы после боевого сражения, то можно допустить, что к кузову передней двухколесной повозки привязана вторая, а возница и конь привязаны к задней колеснице. И в этом случае обращает на себя внимание своеобразная форма кузова меньшей колесницы. Он отличается от всех описанных выше монгольских и может быть сравним с кузовом закавказских повозок из Армении [267].

Вторая колесница, выбитая в горах Тэвш-уул, названная второй ховдсомонской, открыта в 500 м от описанной выше [820]. Колесница показана распряженной, всего лишь с одним конем, стоящим под ярмом. Овально-прямоугольный кузов, сплошные колеса (не исключено, что они показаны схематично), изогнутая линия перекаладины, четыре больших ярма — все это отличает вторую ховдсомонскую колесницу от первой. Прекрасно проработанные на рисунке детали упряжи позволяют увидеть два шеста, прикрепленных к кузову наряду с центральным дышлом.

Третья колесница с горы Тэвш-уул — пароконная, с овальным кузовом.

В 1977—1979 гг. рисунки с колесницами открыты и исследованы в Северной Монголии, на берегу р. Чулуут среди массы петроглифов бронзового века. Бесспорный интерес представляет тот факт, что колесницы являются частью сложных, очевидно ритуальных, сюжетов. Самое интересное изображение сделано на отдельно лежащем валуне. В центре рисунка расположены два огромных животных — собирательный образ копытного — с рогами козла, телом быка, окраской оленя. Вокруг этих животных, занимающих половину композиции, изображены боевые колесницы, сцены сражения пеших воинов, сокопления. Люди показаны в различных головных уборах, чаще всего в высоких широкополых шляпах, иногда с перьями. За поясом у воинов — боевые топоры и пращи, в руках луки и стрелы. На этих рисунках нет ни одного всадника, что косвенно свидетельствует о ранней дате рисунка, о его доскифском возрасте.

Теперь благодаря петроглифам Чулуута мы можем выделить большую группу рисунков карасукского времени, синхронных колесницам. Среди них снова неоднократно встречаются олени с двумя вертикальными елкообразными стволами рогов. Новыми в карасукское время являются фигуры воинов с боевыми топорами за поясом, в высоких головных уборах. Быки с ярмами также могут быть отнесены к той же эпохе.

Две колесницы на рисунках Чулуута имеют пароконную за-

пряжку, по два колеса без спиц. У одной колесницы показана странная фигура на кузове и ось, далеко выступающая за линию колес. Третья колесница изображена без коней, с двумя четырехспицевыми колесами и кузовом, разделенным на четыре части линиями дышла и тележной оси.

Наибольший интерес представляет изображение колесницы с впряженными в нее оленями. Кузов вынесен перед осью и на нее опирается, колеса — с семью спицами, возница в невысоком островерхом головном уборе. Рисунок этот переделан в древности. Первоначально на нем были изображены два или три впряженных коня. От них сохранились едва различимые хвосты и ноги, остальная часть фигур забита.

Оленям (вполне вероятно, что это не олени, а кони в масках оленей с рогами), выбитым вместо коней, присущи все черты, характерные для исполнительской манеры эпохи бронзы. Интересно, что олени (так же как и кони в масках из Пазырыкского кургана) выбиты в проекции. Оба они показаны, аналогично коням из Кивика (Швеция), таким образом, что ноги одного обращены к дышлу, а другой расположен спиной к дышлу. Однако внимательно присмотревшись к рисунку, нетрудно сделать вывод, что первоначально на нем были выбиты кони, обращенные спинами к дышлу, т. е. первоначальные изображения «парящих» коней художник заменил «стоящими на земле». Известно из аналогий, что «парящие» кони древнее. Но можно ли на этом примере делать вывод, что и тувинские колесницы позднее монгольских, ибо там кони также показаны «стоящими», а не «парящими»? Сказать пока трудно.

На чулуутских рисунках показана еще одна деталь — вынесенный перед осью кузов, что указывает на значительное отличие монгольских колесниц от древнекитайских, где кузов расположен посередине оси, и на большее сходство с ближневосточными колесницами [333, с. 280, 281].

В Чулууте-I выбита колесница с впряженными в нее конем и козлом. Под колесницей показан олень с двумя вертикально направленными рогами, что говорит о доскифском возрасте рисунка. Сама колесница отличается от всех ранее известных и на Монгольском Алтае и на Чулууте: длинный яйцеобразный кузов показан больших размеров, чем колеса. В упряжке один конь, что невозможно при дышловой системе. Причем он не похож на тех коней, которые обычно изображены в колесницах. Конь массивен, с коротким телом, короткой шеей, выполнен контуром, а не силуэтом. Он более похож на диких коней-куланов, лошадей Пржевальского, которые нередко встречаются на петроглифах в сценах охоты на диких животных.

Вместо второго коня высечен горный козел, аналогичный по стилю изображения всем остальным фигурам, расположенным вокруг колесницы. Он передан контуром, с преувеличенно большим рогом. Две длинные линии, плавно изогнутые, проведены почти параллельно дышлу. С одной стороны они соединяются с перекла-

диной. А с другой — одна линия кончается овальной петлей, вторая соединена непонятной фигурой с колесом.

Все детали переданы на рисунке узкими выбитыми линиями (от 5 до 10 мм).

Изображение дикого козла в паре с конем подчеркивает нереальность бытования подобной колесницы. Возможно, это чисто ритуальное изображение, не исключено, что перед нами мифический сюжет с колесницей.

Что касается семантики изображения козла,пряженного в колесницу, то здесь уместно обратиться к аналогам из тех территорий, которые изучаются давно и помогают понять смысл монгольских рисунков. Напомню, что исследователи неоднократно подчеркивали большую роль козы в индоевропейской мифологии: в древнегреческом мифе коза выкормила Зевса, в «Ригведе» космический Козел-Однорог (Аджа-Экапад) поддерживает все мироздание — небо и землю, скандинавская коза Хейдрун обитает в покоех верховного бога Одина [263].

Другая мифологическая тема, появившаяся на петроглифах р. Чулуут, — это изображение непарной упряжки. Ученые уже отмечали, что во многих случаях, когда в текстах индоевропейцев речь идет о свадебном cortege, упоминаются непарные упряжки. Так, у хеттов священная колесница,пряженная лошадью и мулом, описана в сцене бракосочетания царя и царицы. Лев, пантера и два оленяпряжены в колесницу Диониса и Ариадны. Некоторые исследователи считают, что уходящий в глубину доклассового общества обряд бракосочетания следует связывать с дуально-экзогамным устройством племени, его делением на два рода, заключавших между собой браки [263, с. 93]. Естественно предположить, что символически каждый род был представлен его тотемным предком: в зависимости от того, какие роды представляют брачующиеся, такие предки показаны и на рисунках с колесницами.

Видимо, подобные представления существовали и у народов Центральной Азии, где также встречаются на рисунках непарные упряжки. Так, на севере Монголии и в горах Киргизии (в урочище Саймалы-Таш) неоднократно обнаруживаются странные на первый взгляд изображения колесниц с разными животными в упряжке.

Метрах в 80 к северу от вышеописанной колесницы, у подножия круто обрывающейся скалы, недалеко от того места, где река делает крутой поворот на восток, можно обнаружить в горе небольшую нишу. Слева от нее лежит базальтовая глыба, окруженная со всех сторон деревьями и кустарником. Размеры камня 260×190 см. Наклонная отполированная поверхность глыбы обращена к востоку и покрыта рисунками, довольно темными по цвету загара камня. При хорошем освещении можно рассмотреть два слоя рисунка, хотя и слабо различающихся между собой по цвету. Естественно, верхний рисунок несколько светлее.

На древнем слое изображены две колесницы, занимающие

центральную часть композиции. Их перекрывает другой рисунок — два массивных барана архара, расположенных мордами друг к другу. Архар более светлого цвета, чем остальные рисунки, выбит в нижней части камня. Крупная фигура коня со скрещенными ногами и выстриженной гривой также относится к верхнему, более позднему слою. Возможно, этот рисунок датируется вторым этапом карасукской культуры.

В результате такого двукратного использования одной поверхности камня более древний рисунок несколько пострадал, хотя художник, пришедший позднее, был достаточно деликатен. Во всяком случае, на древнем рисунке сохранились две колесницы со всеми мелкими деталями. Поверх первой колесницы, выбитой в верхней части рисунка, позднее была изображена фигура барана (шириной 25 см, длиной 39 см). Однако, несмотря на перекрывающее изображение, первый рисунок удается реконструировать полностью. Так, можно видеть, что в колесницу впряжены два коня, расположенные, как и на большинстве монгольских повозок, спинами к дышлу, т. е. «парящими». Далее удается проследить кузов круглой формы и два колеса, показанные сплошным диском, без спиц. Позади, очевидно, изображен еще один кузов поменьше, с парой маленьких колес.

Выбитая рядом с первой вторая колесница (размеры ее 27,5×40 см) отличается от предыдущей, хотя, без сомнения, обе повозки были выбиты одновременно: два коня расположены так, что их ноги направлены в одну сторону, что сближает это изображение с рисунком колесницы, в которую впряжены олени (или кони в оленьих масках), из Чулуута-1, а также с целым рядом тувинских колесниц [256]. Если обе колесницы Чулуута относятся к одному времени, то справедливо допустить, что манера передачи коней спинами к дышлу и способ изображения коней «бегущими» в какой-то период сосуществовали на Чулууте (они пока зафиксированы только там). Во всяком случае, две колесницы одного рисунка, сделанные одновременно, выполнены в разной изобразительной манере.

Коней обеих колесниц показаны силуэтами. У них тонкие тела, длинные хвосты, массивные ноги, большие головы и длинные уши. Все это признаки типично карасукских рисунков.

Дышло у второй колесницы заканчивается закруглением и имеет перекладину. Ярма не показаны (их изображают далеко не на всех колесницах). Три вертикальные стойки изображены по углам кузова и, видимо, служили опорой для возницы при езде. Подобные детали неоднократно упоминаются как необходимая часть колесницы в «Книге песен» [645; 466, с. 613].

Колеса показаны без спиц, т. е. сплошными, деревянными дисками. Только одно из них имеет четыре спицы, что подчеркивает еще раз, что художник не всегда точно передавал все детали конструктивного характера.

Одна повозка показана без колесничего. На другой на месте возничего выбита впервые встреченная непонятная фигура. Не ис-

ключено, что здесь изображен человек с широко расставленными ногами.

За колесницами у самого изгиба камня выбит кузов с двумя миниатюрными колесами, аналогичный вышеописанному. Возможно, рисунок не закончен.

Вокруг колесниц показаны кони, бараны, собаки, что, очевидно, символизирует охоту на диких животных, хотя ни одного лучника не изображено.

Одна из самых интересных сцен с колесницей выбита также на Чулууте-I. Это колесница со «змееборцем». Ее размеры 63×50 см. Она находится на базальтовом камне, лежащем особняком на большой площадке, расположенной между первой и второй надпойменными террасами. Гладкая блестящая поверхность камня обращена на юг, в сторону реки. Рисунок не пострадал от лишайника, частично покрывавшего камень, и прекрасно виден при хорошем освещении. Он выполнен четко, аккуратно, передан неглубоким силуэтом. Темно-серый цвет латины камня сливается с черно-коричневым фоном базальта.

Композиция рисунка проста по замыслу. Всю правую ее часть занимают колесница и возничий. Два коня, расположенные спинами к дышлу, устремлены головами вверх. В центре рисунка — круглый четырехсегментный кузов, расположенный посередине тележной оси. Со стороны, противоположной дышлу, по другую сторону от кузова показан возничий в широкополой шляпе. Он расположен вниз головой, ноги его упираются в кузов. Такое положение возничего сделано, видимо, потому, что вся композиция построена как бы для восприятия сверху. Пропорции рисунка явно нарушены, рост колесничего равен длине коня. Возможно, что это была попытка трактовать образ колесничего как героя-богатыря, совершающего подвиги.

Самое же интересное в композиции — факт, впервые встреченный в таком контексте в Монголии, да и вообще в Евразии, — это изображение змеи, колесницы и колесничего в одном сюжете. Змея показана не схематически, а как главный или один из двух главных персонажей. Размеры змеи мифические — по длине она больше колесницы и занимает половину композиции, всю ее левую часть. Змея показана извилистой линией, протянувшейся слева направо. Большая, в несколько раз больше человеческой, голова змеи имеет овально-щитообразную форму и упирается в ногу коня.

Совершенно очевидно, что здесь изображен один из мифических сюжетов, переросший со временем в элемент героического эпоса. Борьба со змеем, олицетворяющим в мифе подземные силы и смерть, символизирует борьбу добра со злом, единоборство героя с чудовищем. Можно предполагать, что и среди остальных изображений чулуутских колесниц преобладают мифологические и эпические сюжеты, а не просто передана охота на животных или сражения колесничих.

А так как в композиции со «змееборцем» нет ни одной лишней детали, то естественно допустить, что и изображение оленя, поме-

щенное выше всех фигур, над колесницей, дано не случайно. Это типичное для эпохи колесниц изображение оленя с двумя прямыми стволами елкообразных рогов. Олень, так же как змея, показан в крупном масштабе. Скорее всего это тотемное животное, защитник воина, помощник в его богатырском подвиге.

Образ «змееборца», равно как и идея борьбы с темными силами, жизни со смертью,— извечная тема как мифа, так и более позднего эпоса у многих народов. Это Индра в «Ригведе», Добрыня Никитич в русской былине, Георгий Победоносец — популярный христианский святой, покровитель и защитник народа.

В таком общемировом воплощении этого мифа, имеющего изначальный вариант, осмысливаемый как противопоставление жизни и смерти (краеугольный вопрос древнейшей мифологии), сюжеты с колесницами Чулуута приобретают новое звучание, ибо образ колесничего на небесной колеснице — едва ли не наиболее популярная тема эпохи развитого бронзового века в Центральной Азии.

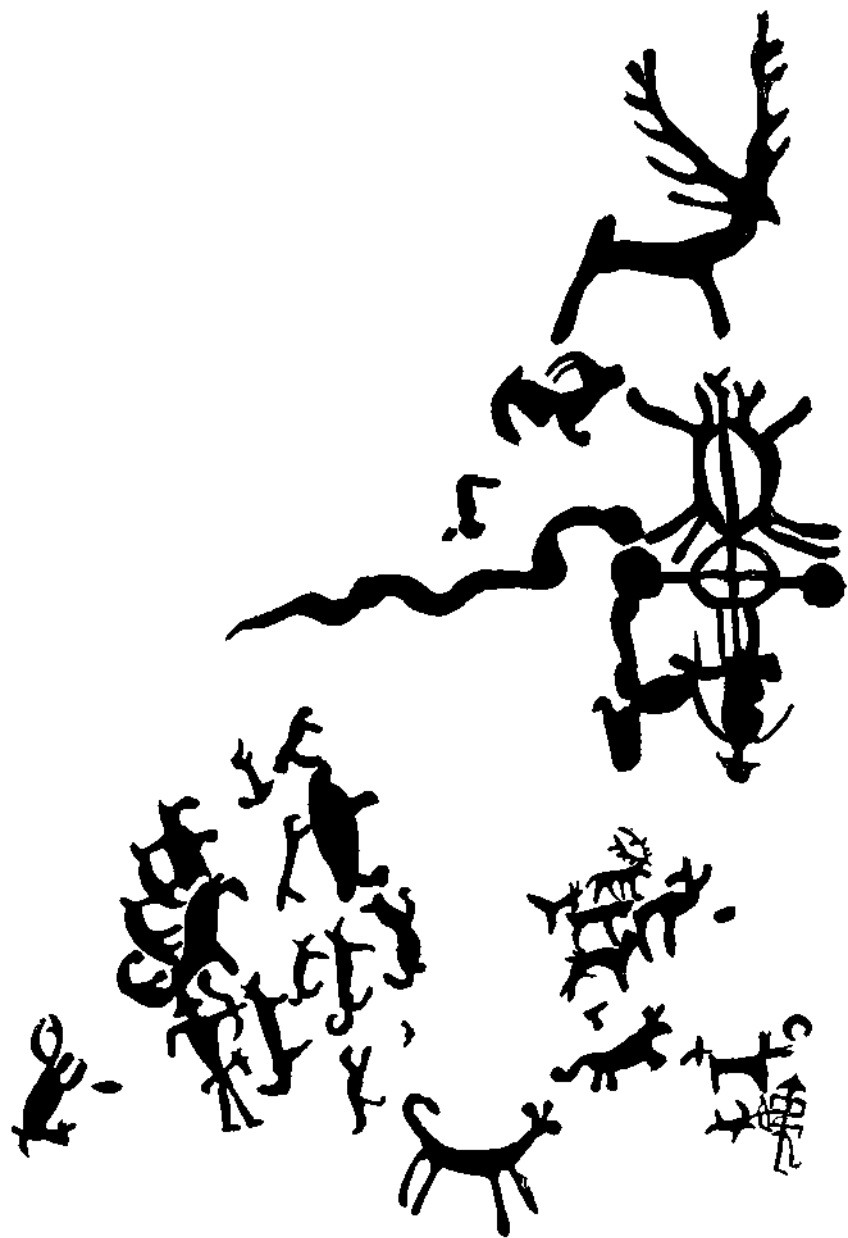
Следует сказать также об одной черте изобразительной манеры, неизменно применявшейся при воспроизведении колесниц на скалах. И повозка, и кузов, и впряженные кони показаны как бы с разных точек обзора [608]. Поэтому мы видим на рисунке одновременно и дышло, и ярма, и кузов, и коней. Причем этот прием характерен для изображения колесниц очень широкого региона Евразии и Африки. Отметим, что «чертежность» древних изображений, или передача рисунка в плане, была известна в Передней Азии и Египте и в начале века металла, что неоднократно отмечалось в литературе [26, с. 69]. Как бы ни были многообразны сюжеты с колесницами, но этот изобразительный прием неизменно сохраняется повсюду, в том числе и на чулуутских петроглифах.

На Чулууте находится еще несколько замечательных сюжетов с колесницами. На одном рисунке (Чулуут-1) показана сцена охоты на колесницах (возможно, это ритуальный сюжет). Рисунок выбит на большой базальтовой глыбе. Горизонтальная поверхность скалы, обращенная в сторону реки, сплошь покрыта рисунками. Все изображения имеют одинакового цвета патину, причем настолько темную, что рисунок едва выделяется на фоне камня.

Посередине композиции выбита длинная кривая линия, изображающая, очевидно, охотничий загон для диких животных. С обеих сторон линии — кони, олени, козлы. Внутри загона не менее пятнадцати коней. Все, за исключением трех крайних, показаны бегущими справа налево.

Описание облавной охоты сохранилось в трудах известного бурятского этнографа Матвея Николаевича Хангалова, действительного члена Русского географического общества и лауреата Французской Академии изящных искусств. Он рассказал об организации коллективной охоты — зэгэтэ-аба — у древних племен Забайкалья, соседей тех племен, что оставили рисунки на скалах вдоль берегов р. Чулуут.

Готовясь к зэгэтэ-аба, охотники выбирали руководителя обла-

2

Колесницы и воины на петроглифах эпохи бронзы с берегов р. Чулуут

вы — галшу, которому подчинялись беспрекословно. В назначенный день все участники облавы собирались в одном месте, выбранном галшой (число участников могло быть разное — иногда до нескольких сотен человек). Растянувшись в цепочку, охотники окружали место охоты. Звери оказывались как бы в загоне. По команде галши животных убивали стрелами, выпущенными из луков [625, т. 1, с. 19—22].

Перед началом зэгэтэ-аба совершалось моление, охотники обращались к богам с просьбой об успешной охоте, а после облавы благодарили за помощь. Оба ритуала сопровождалась жертвоприношениями (чаще всего, животных).

Интересно напомнить, что облавная охота происходила также в дни свадеб и похорон. Поэтому обряд зэгэтэ-аба у бурят в древности был неразрывно связан с обрядом сватовства, кражи невесты и похоронным ритуалом. Всегда в таких случаях совершалось жертвоприношение. Этот обряд происходил у подножия гор, на которых охотники оставляли свои рисунки, связанные с ним. Неудивительно, что мы обнаруживаем на святилищах изображения загонной охоты.

Возвращаясь к описанию такой охоты, выбитой на скалах Чулуута-I, отметим самую интересную часть композиции — три колесницы. Первая — с колесами без спиц. Круглый кузов расположен посередине оси и разделен на четыре части. Вторая колесница видна плохо: различаются лишь кузов, колесо и дышло. Третья изображена наиболее полно. В колесницу впряжены два коня, которые показаны спинами к дышлу. Видны круглый кузов и два колеса без спиц. Возница стоит на кузове. Он стреляет из лука. Проследив траекторию полета стрелы, нетрудно убедиться, что колесничий охотится на оленя. Олень показан с длинной клювовидной мордой и очень похож на изображения на оленных камнях. И только его рога отличаются от типичных рисунков на стелах. Такой олень — неожиданность для сюжета с колесницами. До сих пор мы встречали рядом с колесницами эпохи бронзы изображения оленей с вертикальными стволами рогов, с короткими оленьими мордами и в статичной позе на длинных вытянутых ногах. Здесь же олень выбит «в летящем галопе» на одном рисунке с колесницей, что встречено нами впервые.

Однако данная сцена на Чулууте по всем иконографическим чертам не позволяет отнести ее к какому-либо другому периоду, кроме карасукского. Невозможно также предположить, что олень и колесницы являются двумя рисунками разных эпох: либо оба рисунка выбиты в более позднее время, либо оба относятся к одной и той же эпохе бронзы.

Нельзя ли допустить, что на рассмотренном выше рисунке из Чулуута-I мы имеем один из самых ранних вариантов изображения оленя в «зверином стиле», который следует отнести к эпохе бронзы, т. е. к эпохе колесниц. Возможно, что этот синкретический образ оленя создан в переходный период от одного стиля (карасукского) к другому (так называемому скифскому).

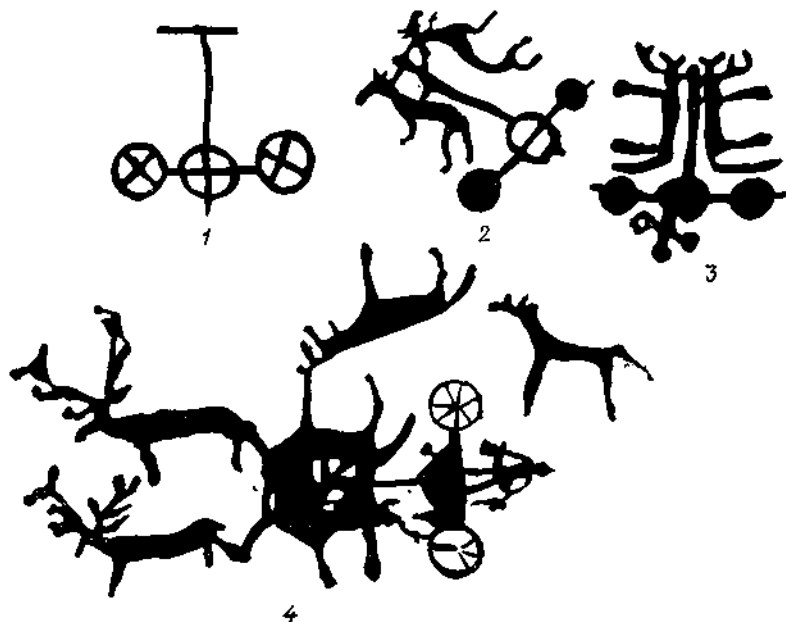
Во всяком случае, большое число различных изображений оленей, относящихся к первой стадии формирования «звериного стиля», открытых на р. Чулуут, позволяет предполагать, что корни этого стиля уходят именно в эпоху развитой бронзы — к началу карасукского времени. Возможно, именно в эпоху бронзы происходит процесс формирования того стиля, который к концу карасукского времени уже сложился и канонизировался окончательно. О ранней, карасукской, дате большой группы оленных камней, возможно, свидетельствует и изображение на них карасукских ножей, кинжалов и чеканов рядом со стилизованными оленями.

Завершая разговор о чулуутских колесницах, нужно заметить, что на Хангае выбита половина всех известных ныне памятников этого типа. Характерно, что среди них преобладают колесницы явно культового назначения. Не потому ли в одну из них впряжены два оленя (или коня в оленьих масках), в другую — конь и козел, в третьей показана борьба колесничего со змеей огромных размеров. Именно на Чулууте встречены изображения колесничих в широкополых шляпах с боевым чеканом за поясом и луком в руке. Очевидно, мы имеем дело с графическим воплощением мифа, сложившегося в основном в предшествующие эпохи.

Как правило, монгольские колесницы имеют одинаковое устройство и мало отличаются от аналогичных древних изображений в Европе, Азии и Африке. Так, дышловая упряжь была одинаковой на колесницах Месопотамии, Египта, Греции, Микен, Закавказья и Северной Европы [841; 863; 845; 521]. Такой же конструкции колесницы обнаружены в Пазырыкском кургане Алтая, в иньских и чжоуских погребениях Китая (см. [841; 864; 845; 521; 568; 694]).

А ближайшими аналогами монгольским изображениям являются рисунки Алтая, Тувы, Казахстана и Памира. Алтайские колесницы изображены в той же манере, что и монгольские: колеса также показаны почти всегда со спицами, находятся они по обе стороны от кузова, кузов расположен посередине тележной оси, две лошади впряжены в ярма, которые закреплены на перекладине, перпендикулярной дышлу. В семи случаях возница отсутствует, десятки колесниц показаны с возничим, ноги которого широко расставлены и упираются в кузов, в нескольких случаях на рисунках изображены два ездока в одном кузове. Они показаны в основном схематично, без широкополых шляп, без топоров за поясом.

Особенно интересны алтайские колесницы, которые являются, как правило, частью больших сложных сюжетов, как, например, изображения в долине р. Елангаш. Это облегчает датировку рисунков и их трактовку [504]. Так же как на Чулууте, колесницы Алтая показаны всюду на рисунках, где изображены и олени с елкообразными вертикальными стволами рогов, а также быки, рога которых имеют лунообразную или лировидную форму. Эти рисунки позволяют, по нашему мнению, выделить несколько стилей изображений колесниц.

1—3 — колесницы с берегов р. Чулуут; 4 — колесница, запряженная оленями, заменившими выбитые ранее фигуры коней

Тувинских изображений колесниц мне известно пять, среди них особняком стоит четырехколесная, описанная и опубликованная В. В. Радловым [83], табл. XCIV]. Повторяются те же детали, что известны и на монгольских колесницах. Причем четко прослеживаются две линии дышла у основания кузова, что уже было отмечено нами на первой ховдсомонской колеснице, а также на колеснице, выбитой на скалах правого берега р. Чинге, открытой М. А. Дэвлэт в 1974 г. Для тувинских рисунков характерно расположение лошадей по разные стороны от дышла, но ноги их направлены в одну сторону, что, впрочем, уже не раз встречалось среди петроглифов Чулуута. Самое же важное, пожалуй, в тувинских колесницах — их изображение в сложных сюжетах на петроглифах окуневского времени или рядом с ними, что позволяет отнести подобные рисунки к середине II тысячелетия до н. э.

Казахстанские четырехколесные и двухколесные повозки той же конструкции, что и все предыдущие, показаны с четырехспицевыми колесами. В них запряжены кони, быки, верблюды. На схематических изображениях из Каратау редко увидишь возницу, или управляющего конями, или стреляющего из лука, или стоящего в кузове, зато часты прекрасные сцены, где запрягают коней и верблюдов [299].

Колесницы, открытые на Памире, по манере изображения подобны всем центральноазиатским. Правда, они процарапаны тон-

кими линиями, кузовы имеют полукруглую форму и расположены перед тележной осью, подобно цагаангольским и некоторым чулутским. Возницы показаны с вожжами в руках. Они не опираются ногами на кузов в отличие от монгольских [271].

На юге Азии также найдены петроглифы с изображениями боевых колесниц. Так, в Центральной Индии обнаружен рисунок двухконной запряжки с дышлом. Там же изображены пешие лучники, аналогичные вышеописанным [790, рис. 5, 6]. И среди арабийских рисунков встречаются повозки такой же конструкции, как монгольские [765, с. 34].

Очевидно, общие черты всех описанных выше изображений бронзового века, найденных на обширной территории от Закавказья и Месопотамии до Китая и Индии, свидетельствуют о связях западномонгольских племен с населением Ближнего Востока, Казахстана, Алтая и Тувы в эпоху, предшествующую скифской. Причем, связи эти имели весьма не случайный характер.

Изучавший китайские материалы, связанные с колесницами, П. М. Кожин пришел к выводу, что в Китай колесницы попали через монгольские степи, горы и пустыни. «Находки нескольких новых изображений колесниц в пустынных и горных районах, окружающих Китай (очевидно, имеются в виду северные границы Китая.— Э. Н.), со все большей определенностью указывают на пути, по которым колесницы достигли бассейна Хуанхэ, Центрально-Китайской равнины [333, с. 135]. Следовательно, естественно допустить, что дата появления изображений первых колесниц в Монголии была более древней, чем в Китае.

По вопросу о времени распространения изображений колесниц в горах Монгольского Алтая и Хангая высказано несколько мнений. Так, Н. В. Леонтьев, изучая рисунок дышловой запряжки с двумя быками на каменном изваянии окуневского времени из местечка Красный Камень, убедительно показал одновременность создания этого рисунка и изображений быков на других стелах окуневского времени [707, рис. 131]. Он сделал вывод, что временем появления колесного транспорта и дышловой запряжки быков в Южной Сибири была эпоха, когда появились окуневские погребения и каменные стелы [384]. Изображения колесниц на личинах окуневского времени еще раз убеждают в этом.

Что касается вопроса об абсолютной датировке окуневской культуры, то, вероятнее всего, мы имеем дело с определенным этническим комплексом, который бытовал на территории Южной Сибири с эпохи энеолита до раннего железного века, ибо часть окуневских памятников носит, бесспорно, черты раннего бронзового века, некоторые же гравировки, аналогичные окуневским (типа хищника с зубастой пастью и птичьими лапами), встречаются вплоть до предскифского времени. Однако ясен тот факт, что абсолютно все эти рисунки относятся к дотагарскому периоду. В монгольских петроглифах наблюдается четкая закономерность: 1) колесниц еще нет среди энеолитических образов (масок, антропоморфных фигур, быков в статичных позах, показанных сплош-

ным силуэтом); 2) колесницы появляются повсюду в эпоху бронзы и сопровождаются воинами и пешими охотниками с боевыми топорами за поясом, оленями с вертикальными стволами рогов.

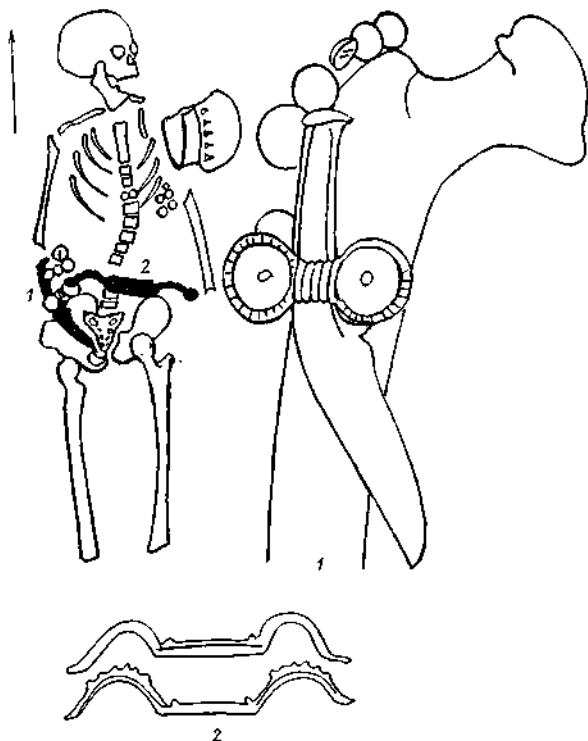
«ПРЕДМЕТЫ НЕИЗВЕСТНОГО НАЗНАЧЕНИЯ»

В карасукских погребениях Южной Сибири и в иньском Китае известны находки бронзовых «предметов неизвестного назначения». Возможно, это детали колесниц. Так считают С. В. Киселев, П. М. Кожин, А. В. Варенов [309; 331; 98]. Эти массивные бронзовые предметы длиной от 28 до 40 см представляют собой прямоугольную пластину шириной 10—17 см с отходящими от нее двумя симметрично расположенными дугами. Центральная часть пластины, вогнутая изнутри и выпуклая снаружи, имела (в 17 случаях из 21) два гвоздевидных выступа, видимо, для прикрепления предмета. Некоторые эти предметы крепились посредством обмотки, на них сделаны по две неглубокие выемки, расположенные друг против друга. Дуги украшены выпуклостями и оканчиваются уплощением в виде копытца, а в Китае обычно бубенчиком. На подобных находках из иньских погребений бывают также скульптурные изображения головы животного, чаще всего лошади. Для этого региона характерны также птичьи головы.

Эти «предметы неизвестного назначения» встречаются только в иньском Китае и в Южной Сибири. С. В. Киселев датировал их карасукским временем. Они действительно были найдены в карасукском погребении, а позднее в томском могильнике [307].

В Китае известны десятки таких предметов, обнаруженных в погребениях шаньиньского времени в Дасыкуньцунь близ Аньяна, а также в погребениях раннечжоуского времени [857, с. 89]. Подобный предмет крючкообразной формы найден однажды в плиточной могиле Забайкалья, но и он не дал ответа на вопрос, для чего на некоторых оленных камнях такой предмет изображен на поясе мужчины. Возможно, к этому крючку прикреплялся колчан, однако колчаны изображены на стелах намного чаще, чем эти крючки.

По вопросу о назначении найденных предметов высказано несколько мнений. С. В. Киселев вслед за авторами каталога Международной выставки китайского искусства в Лондоне в 1936 г. [309; 311; 314] назвал эти предметы моделями упряжного ярма — деталью боевой колесницы. Он пишет: «Раскопки на Енисее и Хуанхэ обнаружили тождество бытового назначения этого предмета при тождестве его положения и в карасукском, и в иньском погребальном ритуале» [309, с. 61]. Во всех погребальных комплексах этот бронзовый предмет лежал рядом с оружием: боевым клевцом, накладкой на лук, пучком стрел, ножом или кельтом. Археолог Чжэн Декунь предположил, что это накладки на центральную часть лука [728]. У. Уайт возражает ему, указывая на то, что эти предметы не могли быть деталью лука, так как их не

1 — способ ношения ножей;
2 — детали колесницы, найденные в погребениях
Южной Сибири (см. [392])

находили рядом с ним, кроме того, рельефные рисунки на планке мешали бы стрелку [859].

После находки двух таких предметов в дасыкуньцуньском погребении вместе с колесницей и двумя конями С. В. Киселев высказал предположение, что это держатели для копий и дротиков, клевцов и боевых топориков на колеснице [309, с. 60]. Но тогда неясно, зачем нужны были два держателя для стрел в одной колеснице.

Позднее находки колесниц в Китае увеличили информацию по этому вопросу и дали повод к новым предположениям [392]. Выказывалось также мнение, что эти предметы изображали рога оленя или козла в шаманском наряде [625]. Против этого возражал Н. В. Леонтьев, указав, что такие предметы бывают найдены только в погребениях мужчин и неизменно в области пояса, рядом с предметами вооружения. По мнению А. В. Варенова, «предметы неизвестного назначения» крепились на поясе, поэтому рядом с ними лежат (или изображены) кинжалы. Следовательно, предполагает он, бронзовый массивный предмет употреблялся как пряж-

ка. Центральная пластина пряжки была своего рода броней, которая защищала живот аналогично позднейшим боевым поясам скифов [98]. Далее А. В. Варенов пишет, что «пряжка» крепилась на деревянную основу пояса. Но возникает вопрос, каким же образом связана эта деталь экипировки воина с колесницей (и связана ли?). На ней есть совершенно непонятная, с точки зрения применения ее как пряжки, часть — изогнутые дуги. Остроумно предположение о том, что к этой поясной «пряжке» привязывали поводья; колесничие тем самым освобождали руки. Возможно, это ответ на давно возникший вопрос.

По нашему мнению, наиболее правомерно связывать «предметы неизвестного назначения» с колесницей, в которой они, возможно, служили вальками. Во всяком случае, ясно, что предметы эти должны были прочно крепиться [703]. Изображения таких предметов на оленных камнях Забайкалья и Монголии сходны с бронзовыми «предметами неизвестного назначения» из Сибири [587]. На сибирских же находках (равно как и на китайских) можно обнаружить два отверстия для подвешивания, сделанные на центральной пластине.

Как в Китае и Южной Сибири, так и в Монголии «предметы неизвестного назначения» датируются серединой II тысячелетия до н. э.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОЛЕСНИЦ

Как мы уже говорили, абсолютно на всех ранних изображениях колесницы имеют дышловою упряжь, поперечную перекладину с ярмами, в которые впрягали не менее двух коней. Археологический и фольклорный материал позволяет достаточно полно реконструировать устройство повозок, форму дышла, ярма, распределителей для вожжей, устройство колес и даже процесс их изготовления, конструкцию и украшение кузова, количество людей в нем и их функции [466; 645].

Кузовы монгольских повозок по форме весьма разнообразны: прямоугольные, подпрямоугольные, квадратные, полукруглые, круглые, округлые, овальные. Каркас кузова (судя по данным петроглифов и раскопкам) делали из деревянных планок и прутьев. На полу были постелены кожи, шкуры. Оси колесниц чаще всего проходили через центральную часть кузова, но иногда кузов был смещен вперед (например, в колесницах Цагаан-гола). В Монголии смещенных перед осью кузовов известно немного. На одном из рисунков Чулуута-I показан именно такой кузов треугольной формы. Таким же образом расположены кузова всех памирских и большей части таджикских колесниц. Встречаются треугольной формы кузова и в Казахстане (в Койбагаре)⁶, в Туве. Задняя часть такого кузова опирается на ось колесницы.

Изображения колесниц с кузовами полукруглой формы являются наиболее древними. Это подтверждается не только более

темным цветом загара рисунка по сравнению с соседними, но и битреугольным стилем, в котором изображены лошади. Такие рисунки можно датировать началом карасукской эпохи. Конечно, они могли появляться и в более позднее время. В этот же период центр кузова стал крепиться на оси. Это связано со стремлением сделать повозки более устойчивыми. Легкая колесница с маленькой платформой была значительно маневреннее, чем остальные, но менее устойчива. Устойчивость достигалась расположением кузова. Достаточно вспомнить, что на рисунке, изображающем битву при г. Кадеше, ось хеттской колесницы проходила под серединой кузова, что придавало колеснице большую устойчивость и маневренность на крутых поворотах и позволяло удерживаться в кузове одновременно трем человекам — вознице, стрелку, а также щитоносу.

Подобное же положение кузова зафиксировано на рисунках колесниц, найденных в погребениях иньского и раннежозунского времени в Китае [728, с. 48, рис. 58].

Как мы уже говорили, кузова монгольских повозок по форме разнообразны, в частности встречаются и круглые кузова. Такой кузов чисто графически разделен осью и дышлом на четыре части. Прямоугольные кузова по форме напоминают китайские из погребений [701]. На упомянутом выше рисунке из Чулуута-I сначала был высечен кузов треугольной формы, вынесенный перед осью, а позднее (но, видимо, все же в карасукскую эпоху, судя по форме рогов у оленей) он был переделан на прямоугольный. Этот факт может свидетельствовать, что треугольная форма кузова предшествовала прямоугольной и круглой.

Колес у монгольских повозок всегда два (четырёхколесную квадригу мы считаем, как уже отмечалось, изображением двух колесниц). Иногда спицы не показаны. Так, у второй ховдсомонской повозки и колесницы из Дарви сомона, выбитой на оленьем камне из ограды керексура, колеса переданы сплошными кругами. Количество спиц различно: от четырех до восьми. Иногда число спиц показано на петроглифах абсолютно произвольно, известны случаи, когда у двух колес одной повозки разное число спиц. Мы считаем, что в данном случае число спиц не может быть датирующим признаком.

Дышло у монгольских колесниц показано всегда прямым с перекладиной, расположенной перпендикулярно. Часто изображены растяжки и ярма. Упряжная система особенно четко видна на второй ховдсомонской колеснице.

Хорошо передана форма перекладины с загнутыми концами. Два ярма закреплены на перекладине, а два, ни на чем не закрепленные, показаны отдельно, в них впрягали пристяжных. Ярмо на монгольских рисунках, по-видимому, очень близки по форме к ярму, найденному в Туве М. П. Грязновым и Маннай-оолой при раскопках кургана Аржан [173]. Оно сделано из рога марала, на нем видны отверстия для закрепления со следами сильной потери. Аналоги позволяют датировать и вторую ховдсомонскую

колесницу и колесницу из Дарви сомона IX—VII вв. до н. э., т. е. вторым этапом карасукской культуры.

Обычно вместе с колесницами изображали двух-трех, реже, четырех коней. Иногда кроме двух коренных коней изображали одного, а порой двух пристяжных. Чаще всего и коренные и пристяжные кони показаны с длинными хвостами, иногда с признаками пола. Известны в Монголии, как мы уже говорили, и незапряженные колесницы. На рисунках обычно хорошо видны способы пристяжки коней ремнями, идущими от шен к дышлу. Особенно четко показаны пристяжные ремни на рисунке из ущелья Яманы-ус.

На всех колесницах Монголии показана всего одна фигура, хотя во время боя или охоты весьма сложно и управлять лошадью, и стрелять из лука. Вероятно, специальных возничих в Монголии бронзового века не было, иначе они были бы показаны хотя бы один раз. Довольно часто встречены изображения колесницы с запряженными конями, но без колесничего. Колесничий обычно стоит, широко расставив ноги, в кузове повозки, иногда уперев руки в бока. Это воин, а не возничий; часто он вооружен луком или топором. Фигура его передана предельно схематично, но, несмотря на это, на войне, как правило, высокая шляпа с широкими полями.

Интересные специальные статьи, в которых обращается большое внимание на конструкции центральноазиатских колесниц (равно как и колесниц других регионов), их применение, датировку, написаны американской исследовательницей Мэри Эйкен Литтауэр, на практике реализовавшей свои теоретические построения [804; 805].

По поводу датировок монгольских колесниц она писала в 1979 г. автору данной книги следующее: «Ваше положение о том, что все изображения колесниц, приведенные на с. 197⁷, могут быть отнесены к одному типу, кажется мне весьма убедительным. И таким образом, этот тип будет прекрасно укладываться в те хронологические рамки, в которые Вы его помещаете. Это подтверждается ближневосточными свидетельствами и находками фрагментов материальной культуры. Я не знаю, конечно, фактов, которые позволяют Вам датировать карасукский период, но на юго-западе Азии колесница с двумя седоками и овальным или треугольным кузовом может быть прослежена от середины XV в. до н. э. (а возможно, и ранее) до середины VIII в. до н. э., когда кузов стал прямоугольным».

Что касается применения колесниц, то об этом можно судить по сцене в Ховд сомоне, где показана колесница после боя, к которой привязаны сзади другая повозка, поверженный враг и его конь. И хотя других сцен боевых сражений колесниц пока не найдено, но известные изображения охоты на колесницах как на берегах Чулуута, так и из ущелья в Бэгэр сомоне. Можно думать, что все это были боевые колесницы. Они ничем существенно не отличались от повозок Тувы, Алтая, Памира, Казахстана и Кир-

гизии. Не отличались они по конструкции и от более далеких ближневосточных аналогов. Такое сходство, очевидно, во многом объясняется одинаковыми причинами, вызвавшими появление колесниц,—новыми методами ведения боя, новой боевой техникой.

Появление колесниц явилось важным моментом не только в истории военного дела народов Евразии. Оно повлияло и на социальную историю народов, а также на идеологию, что, естественно, нашло отражение на памятниках изобразительного искусства той эпохи. Выше говорилось, что значительная часть изображений колесниц Центральной Азии встречается на рисунках, посвященных сложным мифологическим сюжетам. Недавно появилось новое объяснение многочисленности таких сцен с колесницами в центре Азии, предложенное П. М. Кожиным, которое кажется мне абсолютно неубедительным.

Автор пишет, что «наличие в одних и тех же пунктах изображений колесниц разных эпох (а не только бронзового века)⁸ свидетельствует о том, что этим изображениям могло придаваться значение путевых дорожных указателей, отметок расстояний⁹, дней. Такая трактовка тем более правдоподобна¹⁰, что уже в раннем средневековье народы данного региона и сопредельных с ним областей имели достаточно развитую систему торговых дорог. Можно думать, что пункты, в которых зафиксированы скопления изображений колесниц и повозок, являлись прообразами дорожно-го оборудования, известного с раннего средневековья. Древнейшие географические описания дорог основывались обычно на описании доминирующих, четко заметных особенностей рельефа, а именно на таких местах и обнаружены изображения колесниц. Ведь даже комплекс петроглифов Саймалы-Таша, где семантика изображений колесниц была забыта и они приобрели какое-то ритуально-культовое значение, расположен всего в 20 км от высокогорного перевала (подчеркнуто мною.—Э. Н.)»¹¹ [332, с. 121].

По нашему же мнению, пункты, где изображены рисунки, расположены высоко в горах, в малодоступных местах, в стороне от дорог и от каких-либо поселений людей. Эта нарочитая изолированность местонахождений петроглифов скорее наводит на мысль об их сакральном значении. Достаточно хотя бы раз подняться на горы Бичигтым-ам, на отвесные берега Чулуута, на скалы по берегам р. Коксу (в Казахстане) и тем более преодолеть переход до перевала Кугарт (в Киргизии), чтобы понять, что колесницам там путь заказан, что изнурительный подъем в горы с преодолением горных рек абсурден, если он совершается в поисках дорожных указателей, отметок расстояний и т. п. Особенно парадоксально звучит это мнение в отношении Саймалы-Таша, ибо путь к этому святилищу открыт лишь в течение одного или полутора месяцев в году. И замечание П. М. Кожина о том, что в петроглифах Саймалы-Таша «семантика изображений колесниц была забыта и они приобрели какое-то ритуально-культовое значение...» [332, с. 121], кажется недоразумением.

Работая на Саймалы-Таше с казахстанским археологом

А. Н. Марьяшевым, мы зафиксировали на этом святилище различные типы повозок и колесниц, относящиеся к разным стадиям бронзового века. Рисунки колесниц эпохи развитой бронзы свидетельствуют о хорошем знании художниками Саймалы-Таша назначения колесниц.

Что же касается Монголии, то мы согласны с П. М. Кожиним, полагающим, что там уже с середины II тысячелетия до н. э. сложился мощный этнокультурный центр, в котором реалистическая традиция изображения колесниц оставалась устойчивой в течение длительного периода [332, с. 121].

ДРУГИЕ ПЕТРОГЛИФЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ

Кроме рисунков колесниц к эпохе бронзы относятся изображения животного с бычьим крупом и рогами барана (или козла), а также сцена «кочевки» из Чулуута-III. Изображенные на ней два быка имеют кроме лировидных рогов еще и олени, показанные на спине. На одном из быков сидит женщина, на другом — женщина и девочка. Мужчина в шляпе с пером ведет первого быка на поводу. Изображение оленьих рогов, вероятно, было призвано выполнять роль тотема-защитника вместо самого оленя. Можно также допустить совмещение в одном образе тотемных предков двух родов — по отцовской и материнской линиям.

Образ легендарного героя-воина, впервые появляющийся именно в эпоху развитой бронзы, уже достаточно канонизирован и наделен конкретными символическими предметами. Иногда герой показан на колеснице с луком и боевым топором и в широкополой шляпе. Но чаще всего это пеший воин или охотник, также вооруженный луком и стрелами. Мы уже упоминали о найденной в Яманы-усе сцене сражения, где один воин стреляет из лука, а другой занес боевой топор над его головой¹² [456]. В гобийском рисунке показан воин, стреляющий в солнце.

Самый распространенный сюжет среди петроглифов карасукской эпохи — человек, стреляющий в оленя, кабана, барана или горного козла. На рисунках из Бичигтын-ама охотники или воины показаны в шляпах с пером, с колчаном за спиной и луком в руках. Наиболее интересны изображения на базальтах Чулуута: охотники в широкополых шляпах с боевыми топорами за поясом стреляют из лука стрелами с шипом. На одном из рисунков (Чулуут-IV) показан охотник на кабана. У охотника лук и стрела с шипом, за поясом — боевой чекан. Интересно, что его торс показан расчлененным на части: две полукруглые линии разделяют его грудь, а три шеврона показаны на животе. Можно допустить, что воин защищен доспехами [461, с. 224]. Фигура в доспехах в два раза крупнее изображений всех остальных охотников, которые также вооружены или луками со стрелами, или топорами. На одном охотнике — шляпа с пером, на остальных — грибовидные головные уборы.

Если рисунки воинов и охотников — явление новое в эпоху раз-

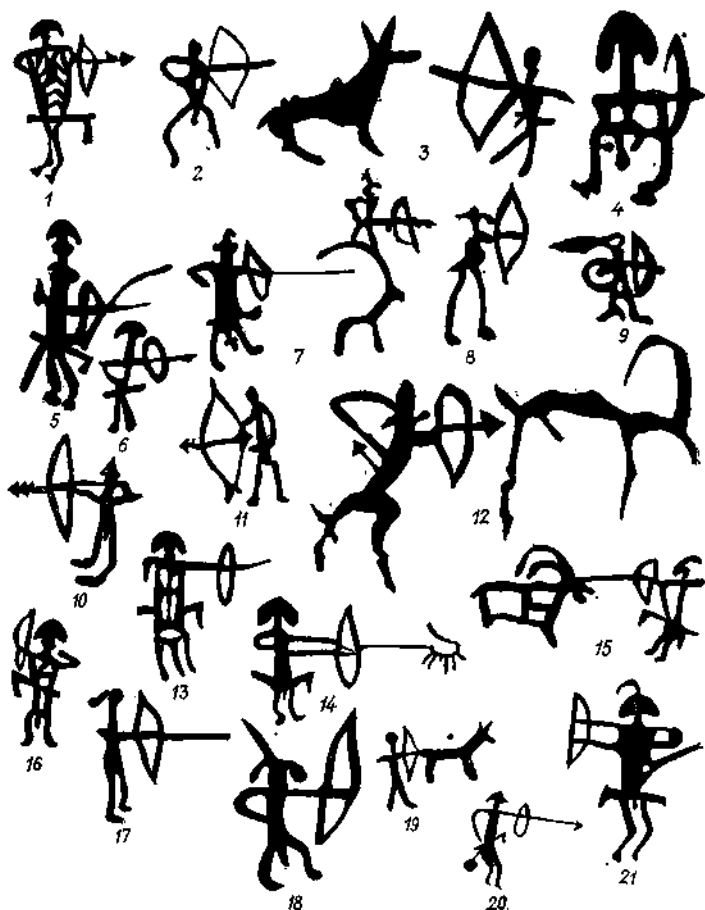
витой бронзы, то культовые сцены плодородия, изображения матерей-рожениц — традиция, сохранившаяся от предшествующих эпох. Правда, вместо изображения одной или нескольких рожениц все чаще появляются пары: мужчина и женщина, показанные в разных вариантах, но неизменно с одинаковым значением, отражающим культ плодородия. Такие парные изображения имеются в Бичигтын-аме, Чулууте, Ховд сомоне. Повсюду они показаны рядом с колесницами. Очевидно, культовый характер носит и рисунок из Бичигтын-ама, где зубастый хищник преследует такую пару и где изображение большого многопалого человека (мужчина или женщина-роженица?) находится рядом с распряженной колесницей. В Ховд сомоне на горе Тэвш-уул роженица показана с тремя пальцами, с широко расставленными ногами, справа от нее охотник со стрелой, внизу рисунка — олени и косули. И у мужчины, и у женщины на головах широкополые островерхие шляпы [119, с. 33].

Подобные головные уборы встречены также среди петроглифов эпохи бронзы в Туве и на Чукотке [253, с. 239—241]. В чукотских рисунках эта огромная шляпа сравнивается исследователем с грибом мухомором, обладающим дурманящими свойствами. Якутские и эвенкийские шаманы вплоть до недавнего времени употребляли этот гриб перед камланием, пили мочу оленя, съевшего мухомор.

В ущелье Бичигтын-ам встречено уникальное изображение охотника, стреляющего из лука в оленя. Ноги охотника перекрещены с ногами женщины, расположенной на рисунке вниз головой. Эти ритуальные сцены — заклинание успешной охоты и культ плодородия — совмещены в одном изображении.

В Монголии нередко встречаются изображения монстров и неизвестных животных, относящихся к эпохе бронзы. Среди них — хищники с зубастыми пастьми, звери с трехпалыми лапами, персонажи с рогами барана, хвостом волка и зубастой пастью (Архангайский аймак). К этой же эпохе относятся, очевидно, и изображения оленей с вертикальными рогами, чудовищ и змей, обрамляющих рисунок сверху и снизу, найденные на Бичигтын-аме, козлов, выбитых на горе Тэвш-уул и выполненных в таком же геометрическом стиле, как рисунки Саймолы-Таша в Киргизии [52; 277]: характерна та же манера передачи животного с помощью двух треугольников, соединенных вершинами. Правда, для Монголии этот стиль нетипичен. Точно так же не характерны (хотя и встречаются изредка) геральдические фигуры козлов и баранов, направленных головами друг к другу. Но этот сюжет хорошо известен по рисункам на скалах Гималаев [715, рис. 85] и изображениям на переднеазиатской посуде.

Рисунки эпохи бронзы, высеченные на скалах Центральной Азии и Казахстана, при всем своеобразии и порой сложности изображений повторяют в целом всего несколько сюжетов. И важно отметить не только, и не столько четкое повторение сходных сцен и персонажей, но и то, каким образом переданы эти повозки, животные, люди, их вооружение, головные уборы в эпоху бронзы.

Изображения воинов и охотников карасукского времени
на петроглифах

Можно с уверенностью сказать, что вновь открытые петроглифы эпохи бронзы в той или иной степени повторяют уже известные нам сюжеты.

В этом смысле интересны открытые во Внутренней Монголии (Китае) рисунки с изображением пеших лучников в широкополых шляпах с топорами-чеканами за поясом. Воины показаны совершенно аналогичными монгольским и тувинским. Поэтому кажется особенно странным, что они датированы в Китае без учета уже известных данных из Внешней Монголии. Рисунки эти, выбитые в 300 км от Ланшаня, в отрогах Иньшань и Ланшань, были известны и в древности. Первое упоминание о них есть у северовэйского географа Ли Даюяня в книге «Шуйцзин чжу» (Комментарии к

«Канону вод»). Затем они были забыты и как бы заново открыты археологами уже в 1980 г. [696].

Китайские археологи относят часть петроглифов Ланшаня к VI—III вв. до н. э., а некоторые из них к VI—X вв. н. э.

Мы абсолютно уверены, что такая датировка произведена без учета уже известных и опубликованных данных. Если бы китайские археологи были знакомы с публикациями монгольских, казахстанских и алтайских рисунков эпохи бронзы, то они, возможно, изменили бы датировку [304, с. 80]. К сожалению, Т. И. Кашина, знающая о названных выше публикациях и ссылающаяся на них, тем не менее придерживается китайской датировки [304, с. 80]. Например, она относит типичного для бронзового века оленя с елкообразной формой рогов к скифскому времени¹³. Ошибочно также датировать сцену охоты скифским периодом, где есть все признаки эпохи развитой бронзы — широкополые шляпы, чеканы за поясом, отсутствие всадников.

Мы же считаем, что рисунки из Ланшаня относятся к середине II тысячелетия до н. э. Об этом свидетельствует и изображение колесницы. Она показана с дышловой упряжью, двумя конями, колесами с восьмью спицами. Изображение аналогично рисунку колесницы на нероглифе иньского времени.

Итак, сопоставление опубликованных китайскими археологами наскальных рисунков с многочисленными параллелями Западной и Северной Монголии позволяет с достаточной уверенностью сказать, что большая их часть относится к карасукской эпохе — времени боевых колесниц [469, с. 28, 29]. Часть рисунков может быть датирована эпохой энеолита (вторая половина III тысячелетия до н. э.). Это — изображение женщин-рожениц с воздетыми к небу трехпалыми руками, названное китайскими исследователями ритуальным танцем. Мы сравниваем подобные рисунки на р. Чулуут с китайским нероглифом «шоу» — «долголетие» и «му» — «мать-прародительница» [471, с. 17—19] и отличаем от другого нероглифа — «бу» — «ритуальный танец», также имеющего свой прототип на наскальных рисунках Монголии. Я имею в виду изображение мужчины с поднятой ногой и предметом в руке типа «бычьего хвоста» [812, с. 21—22].

Нередко встречающееся изображение танцевальных масок в горах Ланшаня также имеет аналоги в Центральной Азии (Туве, Южной Сибири и Монголии) и Северном Пакистане и всюду датируется эпохой энеолита [729; 780, с. 12].

Но особенно интересны петроглифы Внутренней Монголии для изучения истории племен эпохи развитой бронзы, ибо эти петроглифы являются как бы самой южной границей распространения богатейшей культуры, памятники которой до сих пор были широко представлены в Туве и Монголии. Они позволяют говорить об ареале этой культуры, о едином этнокультурном регионе цивилизации кочевников, простиравшемся от Северной Монголии до Великой Китайской стены. Определение семантики, датировки и этнической принадлежности рисунков в значительной мере облегча-

ется большим фактическим материалом, известным на территории МНР.

Стиль, появившийся в эпоху развитой бронзы в Монголии и прослеженный на Чулууте, условно назван нами «декоративным». Он отличается заполнением фигуры животного (как копытного, так и хищного) многими мелкими геометрическими фигурами (правильными или неправильными): треугольниками, квадратами, ромбами, прямоугольниками, квадратами с точкой в середине и т. д.

Как объяснить появление в эпоху колесниц «декоративного» стиля? Мне кажется, его истоки следует искать в рисунках эпохи энеолита, в более древней манере показывать зверя разделенным несколькими вертикальными полосами на крупные части с особым выделением задней части туловища и головы. Вполне вероятно, что первоначально эти полосы передавали деление жертвенного животного, где часть от целого воспринималась как символ тотема. Первобытным народам вообще свойственно деление на части тотемного животного. Со временем, уже в развитом бронзовом веке эта идея переродилась в чисто декоративный стиль.

Видеть в полосах и фигурах определенный смысл, связанный с жертвоприношениями, помогает и тот факт, что каждой отдельной эпохе свойственен тот или иной орнамент и своя манера выполнения рисунка: например, на наиболее ранних рисунках Монголии все звери переданы сплошным силуэтом, в эпоху энеолита уже встречаются вертикальные полосы, разделяющие тела копытных животных, в период развитой бронзы тела быков, кабанов, оленей заполнены многими геометрическими фигурами¹⁴ [351].

Очевидно, в рисунках середины II тысячелетия до н. э. воплощается идея жертвоприношения животных в дни охоты, праздников, похорон и тризны, что и находит отражение в изображениях на скалах святилищ. Описания подобных церемоний встречаются в гимнах индоевропейцев, исполнявшихся при заклании козла или коровы. Животных разрезали по суставам, отделяя голову, передние и задние ноги, ребра, и приносили части тела в жертву богам и предкам [37, IX-5, X-9]. Жертвоприношение, очевидно, было одним из главных путей общения человека с богом, гарантировавшим первое благополучие и защиту.

В «декоративном» стиле прослеживается определенная преемственность от традиций энеолитического времени, позволяющая проследить на монгольских петроглифах формирование «звериного стиля». В Монголии, как, пожалуй, нигде, развитие «звериного стиля» идет непрерывно, хотя самые полярные изображения — древнейшее и позднейшее резко отличаются друг от друга. Например, бык с бессильно повисшими ногами (из Чулуута-IV) показан расчлененным на много мелких частей и окруженным массой животных. Маленькие фигуры лосей, оленей, быков и баранов подчеркивают особое место центрального образа, кстати, единственного на композиции расчлененного на много частей. Бык из Чулуута-I также отличается большими размерами по сравнению с

остальными зверями и колесницами, которые переданы сплошными силуэтами. Эта закономерность неоднократно повторяется: именно большая центральная фигура композиции показана расчлененной на части и окруженной мелкими фигурками животных.

Затем на смену изображениям, не связанным единым сюжетом, приходят сцены охоты, но не обычной, а мифической: это — огромные олени и быки, преследуемые десятками собак и окруженные мелкими фигурами других животных. На этом этапе изобразительного искусства (развитой бронзовый век, середина II тысячелетия до н. э.) олени часто показаны на длинных вытянутых ногах (как мне кажется, в позе жертвенных животных), иногда уже с птичьими клювами, но всегда с вертикальными рогами. Та же идея охоты на фантастического зверя с птичьим клювом, а иногда с птичьими лапами сохраняется и позднее.

В начале I тысячелетия до н. э. рисунок постепенно трансформируется, и олень уже имеет неестественно длинное тело, заполненное десятками квадратов (а позднее сохраняется лишь деление на основные части), длинные вытянутые ноги и, что особенно интересно, ветвистые рога, простертые вдоль всего тела. Ветвистые рога, клювообразная морда, горб на преувеличенно вытянутом теле — все это станет каноном в искусстве конца эпохи бронзы, а затем сохранится и в скифское время в середине I тысячелетия до н. э.

Итак, в центре Азиатского материка удастся проследить становление одного из элементов «звериного стиля» — формирование изображения знаменитого «скифского оленя». Начиная с эпохи энеолита, в течение тысячелетия на территории Монголии складывается образ оленя с птичьим клювом и ветвистыми рогами. Мы уже говорили об изображениях оленей, баранов, козлов, вернее, только их голов с огромными ушами, глазами и рогами. На петроглифах этот стиль выражен описанными выше изображениями копытных с длинными телами, заполненными пятнами, полосами и другими фигурами. Этот «декоративный стиль» в искусстве древней Монголии датирован серединой II тысячелетия до н. э., т. е. эпохой колесниц. Он предшествовал «звериному стилю», характерному для следующего этапа карасукской культуры.

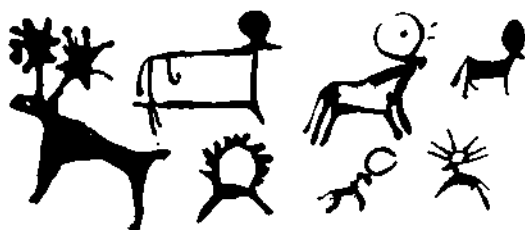
Проследив преемственность «декоративного» стиля от более древнего и наметив несколько этапов перехода от него к рисункам «скифского оленя», мы получаем непрерывный ряд изображений, свидетельствующих о становлении до начала II тысячелетия до н. э. канона, воплощающего представления людей той эпохи о вселенной.

Древние художники искали оптимальные варианты, позволявшие им рассказать о многом в предельно сжатой форме. Символы солнца — колесница и олень соединялись у древних в единое понятие и воплощались в едином изображении. Символ луны передавался через лунорогого быка. Все это определяло место этих животных в небесном пантеоне богов. Отсюда особое значение приобрели образы лося-солнца, оленя-солнца, солнцорогого и золото-

МОНГОЛИЯ

АЛТАЙ

Изображения солнцеголовых копытных
на скалах Центральной Азии

рогого оленя. Подобные рисунки известны и на Чулууте-IV, и на Алтае (в долине р. Елангаш), где они изображены в сюжетах с колесницами [503, табл. 90, рис. 4; табл. 31, 39, 91].

Сохатые с солнцем в рогах донесли до нас миф о лосе-солнце, похитившем дневное светило. Позднее этот персонаж перерастает в образ мифического рогатого чудовища, похитившего солнце. Лось и олень были центральными персонажами древней мифологии на широкой территории Северной и Восточной Азии, где «великий зверь» ассоциировался с понятием вселенной. Как видим, универсальный миф, так логично объяснявший еще в каменном веке мироздание и связь вещей, включавший глобальные понятия о вселенной, о космической охоте, в эпоху бронзы обогащается новым образом — героем-богатырем. На святилище Хуругийн-узуур (Архангайский аймак) изображены охотники, стреляющие в солнце и убивающие оленя, что скорее всего означает освобождение солнца. Эта тема популярна и для петроглифов Монголии, и

для легенд, сохранившихся с эпохи бронзы в народе в течение нескольких тысячелетий.

Миф о звере-чудовище, проглотившем солнце, объясняющий происхождение дня и ночи, существовал у многих народов, в том числе у народов Сибири. У эвенков космический лось Хэглэн, увидев солнце на вершине горы, поднял его на рога и унес в небесную тайгу. На земле наступила ночь. Тогда богатырь Маин догнал зверя и поразил его стрелой. Образ чудовища, проглотившего солнце, встречен неоднократно и среди петроглифов Сибири: на р. Лене, на знаменитой Шишкинской писанице, на Енисее. На чулуутских петроглифах изображение солнцерогого оленя аналогично алтайским, показанным в одном сюжете с колесницей, и поэтому может быть датировано эпохой колесниц, как и на Алтае.

Итак, среди петроглифов эпохи бронзы появляется несколько новых мотивов: изображения колесниц, воинов и охотников с луками и топорами, в широкополых шляпах грибовидной формы, ярма на конях и быках, вмен и змееборца. Характерно расчленение тел животных массой геометрических фигур, изображение голов копытных с огромными рогами, большими глазами и вытянутой нижней губой. От древности сохраняется культ плодородия, матери-прародительницы и зверя-предка.

ОЛЕННЫЕ КАМНИ, ЖЕРТВЕННИКИ И КЕРЕКСУРЫ КАРАСУКСКОГО ВРЕМЕНИ

ОЛЕННЫЕ КАМНИ

В настоящее время стало общепринятым считать колесницы характерным признаком карасукской культуры, а для Монголии наиболее существенным элементом петроглифов развитой бронзы. Однако петроглифы найдены не повсеместно, а в основном в глубоких ущельях, высоко в горах, в стороне от дорог. Значительно чаще встречается другой памятник, который, как мы попытаемся показать далее, тоже относится к эпохе развитой бронзы и также находится на территории Западной Монголии. Я имею в виду каменные стелы, получившие в литературе название оленных камней, ибо на большей части из них изображены фигуры оленей. Их ставили на местах, хорошо видных издалека, на склонах гор, в высокогорных долинах.

Оленные камни являются одним из самых ярких памятников древности Монголии. Эти монументальные скульптуры из гранита, мрамора или базальта представляют собой четырехгранные столбы с закругленными гранями, высотой 2—5 м, поверхность которых покрыта высеченными рисунками. Территория, на которой найдены оленные камни, простирается от Алтая до Забайкалья. Северная граница находится в Казахстане, южная — в Гоби¹

Долгое время оленные камни Западной Монголии относили к эпохе ранних кочевников. Их сравнивали с монументами скифского мира в Причерноморье и датировали по аналогии с ними. Новые открытия как в Монгольской Народной Республике, так и в Китайской Народной Республике позволяют в настоящее время пересмотреть привычные датировки. Особую роль в данных построениях должны сыграть материалы из китайских раскопок, ибо они дают пока единственные датированные погребения.

В пределах самой Монгольской Народной Республики мне кажется бесспорным тот факт, что оленные камни (так же как культ оленя и «звериный стиль») были преимущественно связаны с племенами II тысячелетия до н. э., обитавшими на западе и северо-западе Монголии, Тувы и Алтая. А следовательно, единичные на-

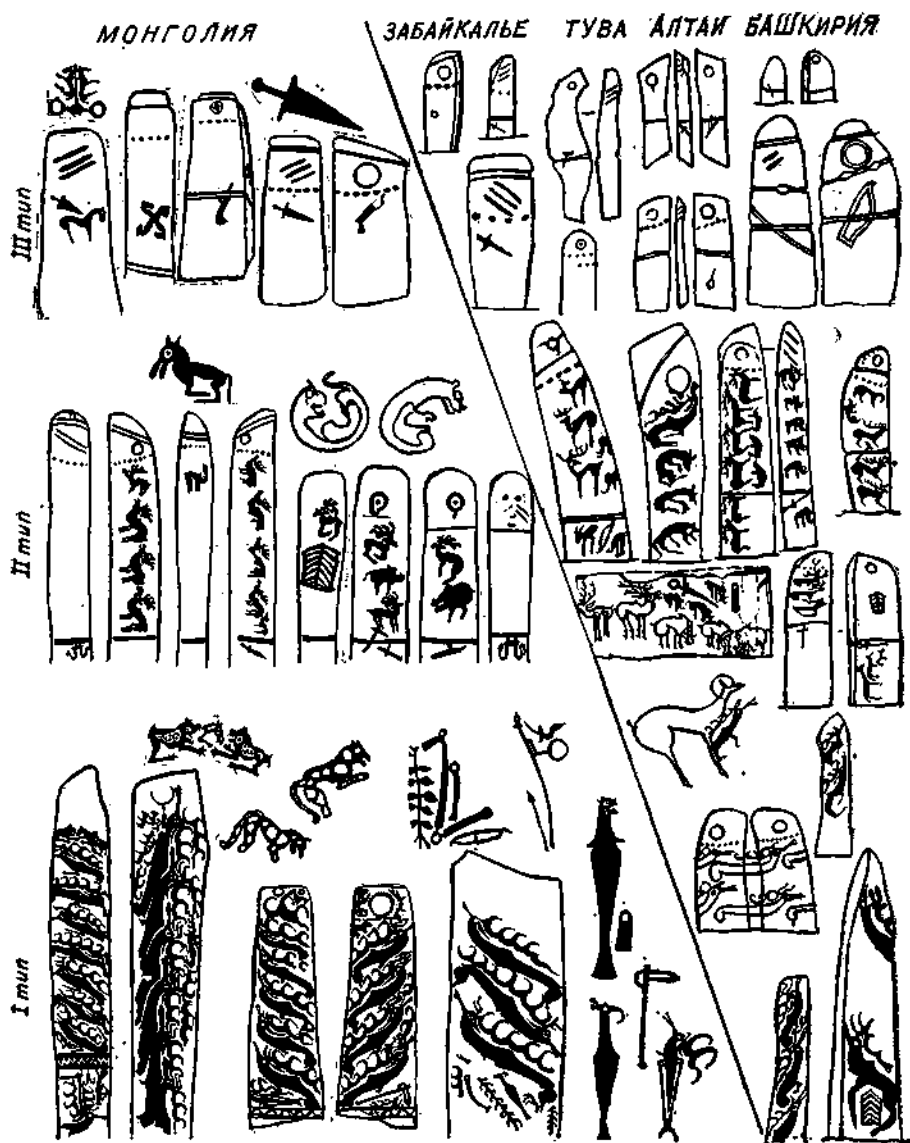
ходки на востоке страны лишь свидетельствуют о связях и передвижениях племен. На мой взгляд, нельзя согласиться с высказыванием В. В. Волкова, что «оленные камни, как и предметы скифской „триады“, *не связаны* (курсив мой.—Э. Н.) с какой-либо одной культурой. На востоке МНР, как и в Забайкалье, они *часто* (курсив мой.—Э. Н.) стоят в качестве угловых камней плиточных могил, а на западе входят в архитектурные комплексы керексуров или, например в Туве, стоят возле курганов уюкской культуры. То, что они не связаны с какой-то одной культурой, становится тем более очевидным в связи с тем, что территория распространения оленных камней необыкновенно обширна. Находки последних лет позволяют отодвинуть восточную границу их распространения до Читинской области, хотя *в Забайкалье они сравнительно редки*» [121, с. 8].

Отметим, однако, что если на 500 памятников, открытых на западе страны, менее 10 известно на востоке, то даже простая статистика доказывает приоритет западных районов. А более всего убеждает картографирование: карта показывает, что наибольшая часть стел обнаружена на севере, северо-западе и юго-западе². В Восточной Монголии найдены лишь единичные экземпляры [238, с. 43; 256, с. 32; 350, с. 4].

В Забайкалье известно около десяти оленных камней, в Туве обнаружено 30, в восточных районах Горного Алтая — 50. Редки находки подобных стел в Восточном и Центральном Казахстане, Киргизии, Оренбургской области [540, с. 261].

Оленные камни сравнивают с ананьинскими стелами, изображающими поясной портрет воина, а в последние годы, как мы уже говорили, проводят параллели не только со скифскими изваяниями, но и со скульптурами Северного Кавказа и надгробиями фракийских вождей из Болгарии [604, с. 181, рис. 5—8]. Правда, мотива, преобладающего в Монголии, — стилизованных оленей («в летящем галопе» или стоящих на «цыпочках») — ни в одном из вышеперечисленных регионов нет. Поэтому вряд ли верно называть их «оленными камнями», хотя истоки этих памятников, очевидно, едины.

Действительно, монументальные изображения воинов (или предков-воинов) в скифское время были распространены на широкой территории Европы и Азии [552]. Их появление можно рассматривать и как результат преемственности от менгиров предшествующих эпох, и как наследие каменных стел окуневского времени с женскими фигурами и бараньими головами из Южной Сибири. Оленные камни Монголии более всего связаны с горно-степными районами Центральной Азии, предгорьем Хангая и отрогами Монгольского Алтая. Расположенные на возвышениях среди широких долин, памятники эти издавна привлекали к себе всеобщее внимание. В древнетюркское время, т. е. спустя более тысячи лет после создания этих памятников, их переделывали и использовали для сооружения поминальных оград в честь знатных лиц. Позднее оленные камни переносили и водружали около целебных источни-

Оленные камни I, II и III типов в Центральной Азии

ков или жертвенников в честь духов гор. Ныне эти стелы — неотъемлемая часть пейзажа Монголии.

Первые описания оленных камней оставили русские путешественники Г. Н. Потанин, Д. А. Позднеев, участники первой экспедиции Российской Академии под руководством В. В. Радлова,

финской экспедиции Г. Гранэ [544, с. 52, 53; 549; 752, табл. XXVIII]. Сведения об отдельных оленных камнях не раз публиковали монгольские ученые (Д. Наваан, Н. Сэр-Оджав, Д. Дорж). В 60—80-х годах благодаря исследованиям, проведенным советскими, монгольскими и венгерскими археологами, число обнаруженных и изученных оленных камней возросло в несколько раз. Такое неожиданное открытие многих памятников одной эпохи объясняется тем, что значительная часть оленных камней, давно упавших и находившихся под землей, стала известна лишь в результате широких планомерных поисков и раскопок.

Отдельные публикации найденного материала, а также работы В. Д. Кубарева на Алтае, раскопки М. П. Грязнова в Туве, В. В. Волкова в Монголии позволяют еще раз поставить многие вопросы хронологии и периодизации памятников, этнической их принадлежности, проблемы происхождения «звериного стиля» в Монголии и культур предшествующих и последующих эпох, а следовательно, и вопросы этнокультурные.

Оленные камни, как правило, стоят либо в восточной части могильника или жертвенника, либо по углам у восточной части ограды керексуров. Нередко на склонах гор стелы расположены в одиночку, парами или рядами (два или три параллельных ряда). Как мы уже говорили, немало случаев переиспользования оленных камней в плиточных могилах (в основном на стыке культур эпохи бронзы западного и восточного регионов страны). В плиточных могилах оленные камни заменяли иногда угловые камни, причем порою они врыты в землю верхней частью. Использовались оленные камни и как простой строительный материал при сооружении плиточных могил (начала I тысячелетия до н. э.) или могил сюнну рубежа новой эры. В этих случаях можно уверенно говорить о том, что сами стелы, очевидно, были высечены задолго до сооружения этих могил, т. е. до I тысячелетия до н. э. Совершенно очевидна органичная связь оленных камней с жертвенниками и керексурами, около которых они часто поставлены, на четко отведенном для них месте, с восточной стороны.

Обратимся к анализу этого памятника древней Монголии.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ОЛЕННЫХ КАМНЕЙ

Весь собранный материал по оленным камням показывает, что они занимают определенное место среди памятников обширного региона Евразии вообще и Центральной Азии в частности. Важный вопрос, с которым сталкиваются все исследователи и без которого сложно говорить серьезно об оленных камнях как об историческом источнике, это вопрос распространения этих стел и их классификация.

В настоящее время существует немало работ, посвященных оленным камням. Соответственно высказано несколько точек зре-

ния об их классификации, хронологии, семантике и происхождении. Большие заслуги в изучении и систематизации этого памятника принадлежат исследователям Забайкалья Г. П. Сосновскому и Н. Н. Дикову. Они строят классификацию оленных камней, основываясь на стилистических особенностях изображения животных, прежде всего оленей. Это и понятно, так как на первых этапах исследования практически были известны лишь изображения животных, а рисунки оружия и орудий на оленных камнях встречались исключительно редко.

Н. Н. Диков выделил два типа стел Забайкалья. К первому типу, наиболее древнему, он отнес стелы с реалистическими изображениями оленей и лошадей, часть из них датировал предскифским временем.

Во второй тип автор включил оленные камни со стилизованными фигурами оленей с птичьими клювами, которые, по мнению Н. Н. Дикова, должны датироваться VI—III вв. до н. э. [238, с. 45].

По такому же принципу, т. е. взяв за основу изобразительный стиль оленных камней Монголии, построил классификацию и В. В. Волков [119, с. 70]. Он согласился с Н. Н. Диковым, что камни с реалистическими выполненными изображениями оленей (первый тип у В. В. Волкова и у Н. Н. Дикова) являются наиболее древними и относятся к VI в. до н. э. [119, с. 75]). Интересно, что в восточных районах Монголии и Забайкалья подобных памятников нет. Раннескифским временем их датируют аналогично: изображения на зеркале из алтайского погребения (V в. до н. э.), ордосские бронзы VI в. до н. э. На стелах первого типа, по мнению В. В. Волкова, выбиты стоящие или с подогнутой передней ногой олени (или ряды оленей), лоси, кабаны на вытянутых ногах, кони, иногда — свернувшийся в кольцо кошачий хищник. Орудия и оружие, как правило, переданы схематично. Обычно они висят на поясе (пояс не орнаментирован).

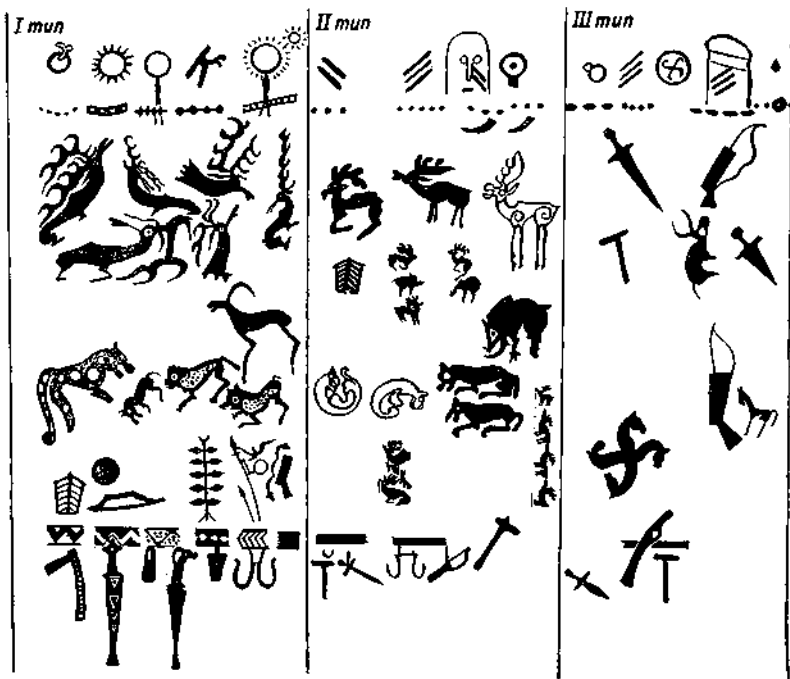
Ко второму типу В. В. Волков, как и Н. Н. Диков, относит оленные камни с «орнаментально стилизованными оленями, где морда изображена в виде птичьего клюва» [119, с. 75]. Ареал этих памятников намного шире, чем стел первого типа. Стилистические отличия от оленных камней других типов очень яркие: вытянутые тела с длинными клювообразными мордами и подогнутыми ногами, передние расположены практически параллельно и только чуть выше задних, специфически переданы ветвистые рога. У оленей всегда подчеркнут острый треугольный горб над лопатками. По мнению В. В. Волкова, этот тип оленных камней относится к V—III вв. до н. э., ибо именно в то время в Монголии, как он считает, начинают широко распространяться приемы орнаментальной стилизации изображения животных. Таким образом, автор, очевидно, предполагает, что древние художники шли от стилизации изображений животных с преувеличенно большими рогами и глазами, характерными для карасукского времени, к реалистическим фигурам стоящих оленей, лосей и коней. А за-

тем снова наступило время стилизованных оленей, во многом похожих на карасукские, с такими же преувеличенно большими рогами и глазами.

А. П. Окладников датировал стелы со стилизованными оленями VII—V вв. до н. э. Основанием для датировки послужило изображение на Иволгинском оленном камне зеркала с ручкой [491], сходного с бронзовым пазырыкским (дальнейшие исследования показали, что это серьги, а не зеркало). В. В. Волков писал, что подобное обоснование неубедительно, так как второй Пазырыкский курган, где найдено бронзовое зеркало, относится не к VII в., а ко второй половине V в. до н. э. «Ссылка на сходство изображений на Иволгинском камне предметов с раннетатарскими нам кажется также неубедительной. Рисунки на камнях крайне условны и дают возможность для самых широких сопоставлений» [119, с. 74].

К карасукским же параллелям среди бронзового оружия В. В. Волков относит изображение выемчатоэфесового кинжала со звериным навершием на оленном камне из окрестностей Орхонского госхоза. В этом случае автор приводит карасукские аналогии стеле со стилизованными оленями. Правда, он рассматривает это сходство как результат длительного сохранения карасукских традиций, ибо далее пишет, что подобной же формы карасукские кинжалы выбиты на навершии, сделанном в виде головы кошачьего хищника, что, по мнению В. В. Волкова, не характерно для карасукского «звериного стиля», и, следовательно, орхонский камень не древнее V—IV вв. до н. э. [119, с. 74]. В заключение В. В. Волков пишет, что, вероятно, среди северотувинских камней могут быть и более ранние образцы с реалистическими фигурами животных, но в целом все камни второго типа, т. е. стелы со стилизованными изображениями оленей, относятся, вероятно, к V—III вв. до н. э., когда и в художественной бронзе, и в скульптуре начинается широко применяться орнаментальная стилизация изображений животных.

А. П. Окладников, вернувшись к этой теме в 1970 г. и анализируя петроглифы Забайкалья, к сожалению, снова опирается на единичную находку изображения кинжала в одной из плиточных могил в урочище Ульба на р. Ононе [495, с. 86, 87]. Правда, навершие этого предмета — реалистически выполненная фитулка горного козла, — по мнению А. П. Окладникова, типично карасукское [495, с. 87]. Хотя необходимо заметить, что, как правило, среди карасукских находок не встречено изображений животного во весь рост, на рисунках передавали лишь голову с рогами, что общеизвестно. А. П. Окладников ошибочно пишет, что «количество рисунков кинжалов на оленных камнях невелико, и они вдобавок изображены, как правило, схематично» [495, с. 86]. В действительности же изображений кинжалов, выбитых на оленных камнях, почти так же много, как и самих оленных камней с гравировками. Наконец, автор замечает, что «было бы крайне заманчиво использовать (эволюцию) изображения кинжалов. —

Изображения на оленных камнях I, II, III типов

Э. Н.) как руководящую нить для выделения более ранних и более поздних памятников среди всей массы оленных камней и связанных с ними плиточных могил» [495, с. 86].

Что касается связи оленных камней с плиточными могилами, этого главного аргумента в пользу поздней даты оленных камней, то я писала выше, что многолетние работы участников советско-монгольской историко-культурной экспедиции (Д. Наваана, Д. Доржсурена, Х. Пэрлээ и В. В. Волкова, Н. Сэр-Оджава, Э. А. Новгородовой) позволяют разграничить памятники Восточной и Западной Монголии на два этнокультурных региона и говорить с абсолютной определенностью, что плиточные могилы на востоке МНР и оленные камни на западе страны не могут в настоящее время рассматриваться как памятники одной культуры, хотя иногда и встречаются, но крайне редко, на одной территории, в центре Монголии на стыке этих двух больших регионов.

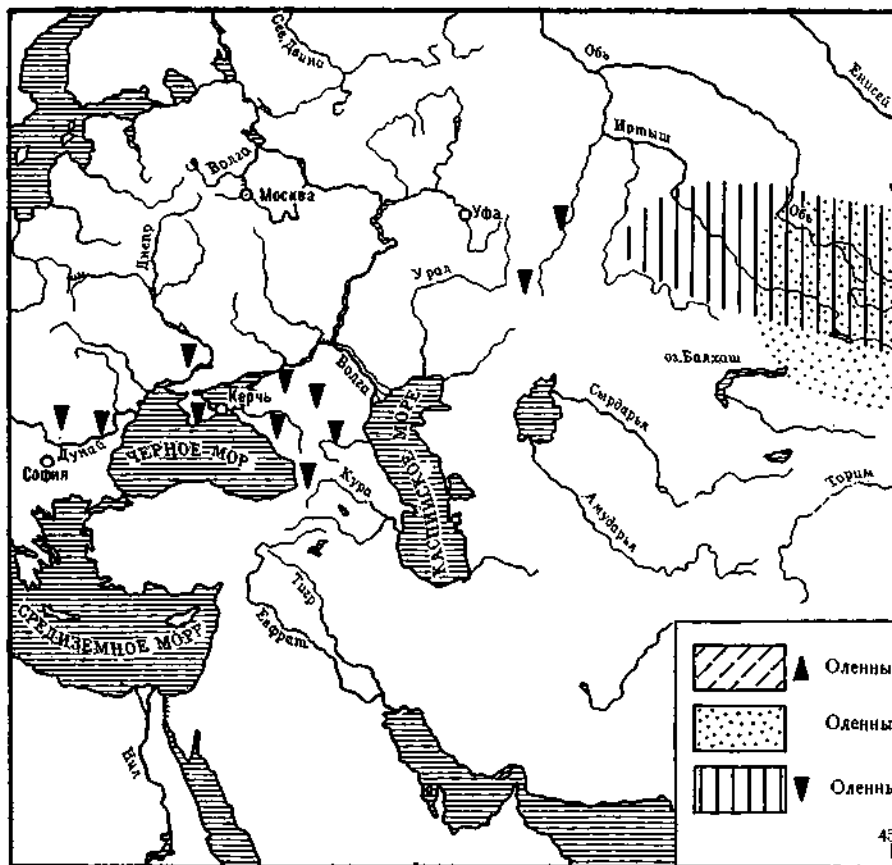
Занимавшаяся проблемой датировки карасукских и тагарских находок Н. Л. Членова первоначально датировала оленные камни V—III вв. до н. э., аргументируя эту дату сходством изображений на стелах и на минусинских бронзовых бляхах V в. до н. э., а также тем фактом, что ни в одном из раскопанных тувинских журганов не найдено материала древнее V в. до н. э.

Автор имеет в виду погребения, датированные тем же временем что и оленные камни [637]. Как увидим далее, сегодня такие погребения открыты М. П. Грязновым (Аржан); потому не удивительно появление статей с принципиально новыми датировками оленных камней. В 1978 г. Д. Г. Савинов и Н. Л. Членова писали преимущественно об изваяниях, лишенных изображений оленей, открытых в последнее десятилетие за пределами Центральной Азии (от Урала до Болгарии). Они датируют вслед за всеми первооткрывателями этих памятников, стелы антропоморфного облика Восточной и Центральной Европы VII в. до н. э. и ассоциируют их распространение с проникновением киммерийцев в эти области [574].

Д. Г. Савинов, назвавший эту группу памятников на Северном Кавказе камнями-obeliskами и сравнивший отдельные элементы с позднекобанскими, также датирует VII—VI вв. до н. э. стелы с двумя горизонтальными линиями (ожерелья и пояса) с серьгами, набором оружия и двумя полосами на месте лица [573, с. 123—128; 638]. Весьма существенные данные для хронологии западных стел дало открытие в Северо-Восточной Болгарии у с. Белоградзец каменного изваяния, датировка которого может быть уточнена по находке в этом погребении железного кинжала позднекиммерийского типа и керамики «типа культуры Басараби», определенные Г. Тончевой в пределах VII в. до н. э. [604; 574, с. 82].

В настоящее время трудно назвать имя ведущего специалиста по археологии Сибири, который обошел бы своим вниманием проблему оленных камней, равно как и датировку недавно раскопанного кургана Аржан в Туве. По мнению Л. Р. Кызласова, «проблема оленных камней из традиционной локальной темы археологов Сибири и Центральной Азии превратилась в важную проблему и для исследователей, изучающих древние культуры западной оконечности степного пояса Евразии» [361, с. 25]. Л. Р. Кызласов считает, что распространение оленных камней на запад связано с миграцией из Южной Сибири или Северо-Западной Монголии носителей карасукских традиций. По его мнению, курган Аржан сооружен в середине или во второй половине VII в. до н. э., а наиболее ранние оленные камни в Туве могут быть синхронны уюкской культуре. Правда, он полагает, что новые раскопки дадут возможность отнести к развитому бронзовому веку древние монументы, не имеющие изображений животных, выполненные в характерном скифо-сибирском «зверином стиле» [361, с. 29].

Наконец, М. П. Грязнов, один из тех, кто вел раскопки кургана Аржан, открыл в 1973 г. обломок оленного камня, переиспользованного в Аржане в скифское время. Он определил его как один из древнейших образцов подобного типа оленных камней Тувы и Монголии. «Ранними же были, вероятно,— пишет М. П. Грязнов,— и столбообразные стелы, имитирующие изображения воинов и первоначально¹ изготовлявшиеся из круглых стволов дере-

Распространение оленных камней I, II и III типов

ва... и столбообразные четырехгранные стелы с более архаичными изображениями зверей на прямых ногах с опущенными вниз копытами... Более поздними *надо считать* (курсив мой.— Э. Н.) столбообразные или плитообразные антропоморфные стелы со стилизованными изображениями оленей в стремительном беге» [179, с. 15]. Таким образом, М. П. Грязнов предлагает более раннюю дату скифо-сибирского типа — вплоть до VIII в. до н. э., утверждая, что «в процессе формирования искусства и культуры скифо-сибирского типа вклад азиатских племен, например алтайских и тувинских, в некоторых случаях был более значителен, чем собственно скифов» [179, с. 15], он ставит под сомнение вопрос о том, были ли вообще европейские скифы центром скифо-сибирского культурного мира.

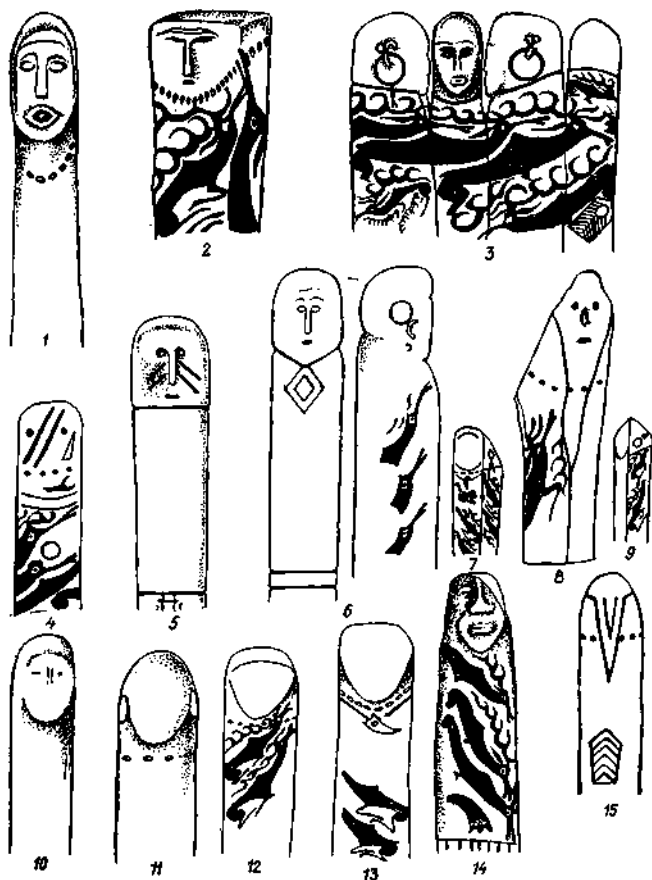
Итак, в результате открытия кургана Аржан, новых камней-обелисков доскифского типа в Европе ученые пересмотрели дату создания памятников раннескифского времени. Исследования богатых погребений в Казахстане (прежде всего кургана Иссык) еще раз показали, сколь велик был удельный вес номадической цивилизации центральноазиатских племен среди степных культур Азии II—I тысячелетий до н. э. По мнению многих авторитетных исследователей, оленные камни с реалистическими изображениями или без них могут быть отнесены к VI в. до н. э. и признаны наиболее древними среди памятников этого региона.

Специалист-этнограф, автор работ по тувинской истории С. И. Вайнштейн предложил разделить оленные камни Тувы (и следовательно, также Монголии) на два типа. В первый тип он объединяет стелы, разделенные на три части двумя горизонтальными линиями. Ко второму типу С. И. Вайнштейн отнес все остальные камни, не разделенные поясами, а заполненные стилизованными фигурами оленей. Автор согласен с предложенной его предшественниками наиболее ранней датой происхождения оленных камней — VII—VI вв. до н. э. [460].

Заметим, однако, что избранный С. И. Вайнштейном критерий классификации не очень удачен, так как практически и среди оленных камней со стилизованными оленями немало стел, разделенных горизонтальными линиями на три части.

В. Д. Кубарев, изучивший все известные ныне изваяния Алтая, предлагает дату для этого региона VII—VI вв. до н. э. [350, с. 92].

Предположение о карасукском возрасте большей части оленных камней Монголии предложено мною в 1972 г. в докладе на II Международном конгрессе монголоведов в Улан-Баторе. Мне довелось, рассказывая о жертвеннике Ушкийн-Увэр, коснуться вопроса датировки оленных камней [470]. Обоснование моих предложений было построено на характеристике наиболее интересного памятника, на котором обнаружено большое число карасукских предметов [460]. Начав с предположения о длительном сохранении карасукских традиций на оленных камнях Монголии, я постепенно пришла к выводу, что древнейшей формой оленных

Антропоморфные изображения на оленних камнях:

1 — Хубсугул, Агрын-бригада; 2 — Булганский аймак, Сайхан сомон; 3 — Ушкийн-Увэр; 4 — Хубсугул, Цагаан-уул; 5 — Хубсугул, Шинэ идэр сомон; 6 — Завханский аймак, Чандмань сомон; 7, 9 — Хубсугул, Баян Зурх (см. [629]); 8 — Архангай, Хэрэгсүрийн-дэнж; 10—12, 15 — Ковдоский аймак, Муст сомон; 14 — Хэнтий аймак, Дунджаргалант сомон

стел в Монголии следует считать монументы типа ушкийнувэрских, на которых кроме изображений карасукских кинжалов, ножей и чекана выбиты также древнейшие сцены «терзания»³ и ряды «парящих» оленей с длинными шеями, клювообразными мордами, поджатыми ногами, т. е. стилизованных оленей.

В книге В. В. Волкова, изданной в 1981 г. и специально посвященной оленным камням Монголии [121], автор пересмотрел свою раннюю точку зрения и отказался от своей первоначальной классификации памятников, придя к такой же классификации, которая была предложена ранее мною [465]. Он пишет, что стилизованные олени с мордой в виде птичьего клюва появились в

Монголии еще в конце эпохи бронзы, и именно эти формы были наиболее древними. В. В. Волков, вслед за мной, ссылается на петроглифы Чулуута [465]. Скорее всего В. В. Волков присоединяется к моим аргументам о датировке стилизованных оленей, выполненных в «декоративном» стиле и изображенных вместе с колесницами [465]. Вот почему он пишет: «Такое заполнение фигур животных геометрическими узорами, как не без оснований полагают исследователи, *петроглифов Монголии* (курсив мой.— Э. Н.) характерно для изображений еще доскифской эпохи» [121, с. 113]. Мне приятно отметить, что точка зрения В. В. Волкова совпала с моей и по вопросу о датировке петроглифов Монголии, в частности «декоративного» стиля, и в классификации оленных камней, хотя, конечно, могут быть у каждого исследователя и свои варианты прочтения памятников. Здесь важно еще раз отметить, что вопрос датировки оленных камней весьма существен, ибо от него зависит решение проблем происхождения этого памятника, направления миграций племен и культур, в значительной степени и вопрос происхождения «звериного стиля». Как видим, к тому моменту, когда уже была завершена работа над этой книгой, существовала большая литература об оленных камнях.

Новые находки позволили мне заново классифицировать оленные камни. Самый массовый материал — те многочисленные памятники из Монголии, которые известны нам к настоящему моменту, — это результаты работ участников советско-монгольской культурной экспедиции, открытие сотен новых оленных камней. Так как большая часть этих памятников уже опубликована, я использовала в значительной степени лишь суммарные данные, акцентируя внимание на том материале, который казался мне наиболее интересным в рамках данной работы и поставленной мною задачи.

Чтобы наиболее точно провести свой вариант датировки оленных камней, необходимо было, по моему мнению, по возможности полно использовать результаты всех предыдущих исследований. Кроме материала об открытии сотен новых оленных камней привлекаются также данные, полученные по наскальным рисункам. Прежде всего, это десять святилищ на р. Чулуут в Северной Монголии. Именно материалы петроглифов эпохи ранней и развитой бронзы, полученные нами в 1977—1979 гг., позволяют говорить, с одной стороны, о специфике становления «звериного стиля» в Центральной Азии и, с другой — ставить вопрос о датировке изображений так называемых скифских оленей в Монголии, т. е. о возрасте оленных камней на этой территории.

И наконец, последний немаловажный аргумент, на который более всего я опиралась в вопросах датировки, это данные новых археологических раскопок в КНР.

Итак, рассмотрев все основные точки зрения предшественников, перейдем к анализу оленных камней Центральной Азии, и прежде всего Западной Монголии.

Кажется особенно досадным, что В. В. Волков, принявший многие доводы в пользу карасукской даты происхождения оленных камней, однако, остался на уровне своей первоначальной точки зрения. Так, например, в сентябре 1987 г. в своем докладе «Оленные камни и скифо-сибирская проблема»⁴ на V Международном конгрессе монголоведов в г. Улан-Баторе В. В. Волков снова говорил о скифском возрасте этих памятников, о том, что оленные камни — явление стадияльное, а следовательно, они относятся к нескольким синхронным культурам, включая плиточные могилы Монголии и уюкскую культуру Тувы. С этим я согласиться никак не могу.

Новая классификация и датировка оленных камней Монголии является лишь результатом дальнейшего осмысливания уже известного и нового материала. Анализ петроглифов р. Чулуут и других святилищ, как мы говорили выше, позволяет предложить следующую классификацию оленных камней (за основу взят прежде всего анализ стиля, в котором изображены животные, как это делалось и ранее).

Первый тип оленных камней — это стелы со стилизованными фигурами оленей, отличающиеся ветвистыми рогами и клювообразными мордами.

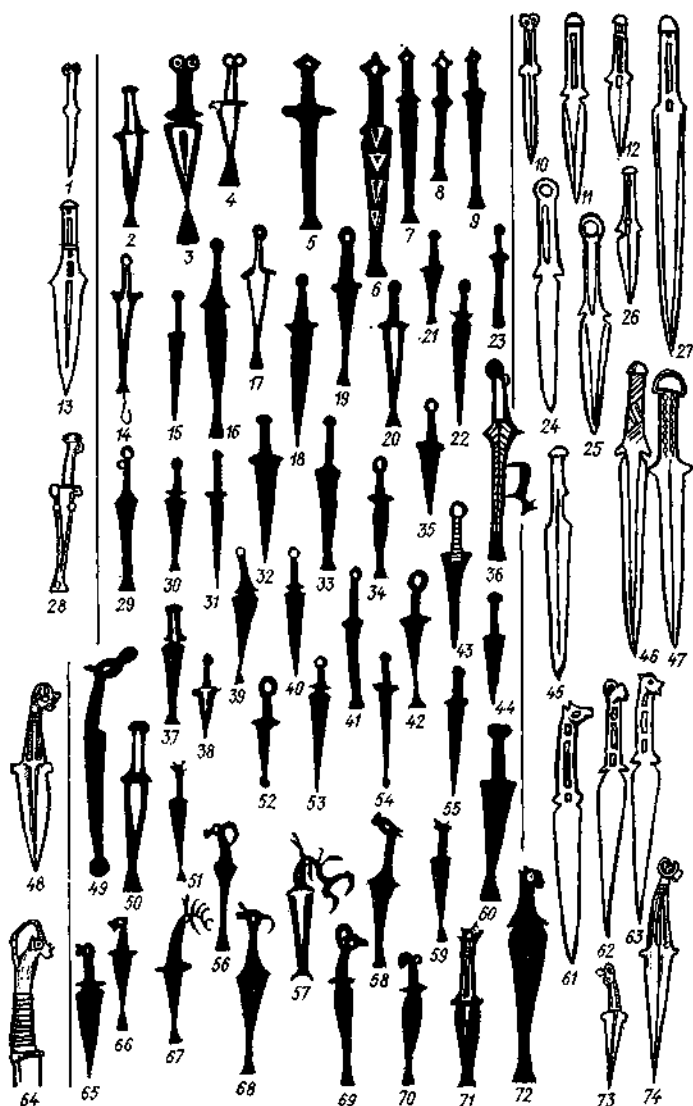
Второй тип — оленные камни с реалистическими изображениями животных: стоящие на вытянутых ногах олени, лоси и другие звери. Образ оленя постепенно вытесняется образом коня.

Третий тип оленных камней — это стелы, как правило, без изображений животных. Их заменяет символика, оружие в центре лицевой части камня, над поясом, свастика с изображением голов коней на всех четырех ее концах.

Оленные камни первого типа отличаются тем, что стилизованные фигуры оленей заполняют полностью все четыре стороны стелы. Определенные иконографические черты выделяют этот тип в совершенно самостоятельный и оригинальный. Олени показаны с преувеличенно длинными туловищами, вытянутыми птичьими мордами, часто с открытыми клювами. Подчеркнут горб на спине, ноги подогнуты (так называемая поза летящего галопа связана именно с этим образом) и зачастую как бы обрублены и заканчиваются трапецевидным выступом. Характерны длинные ветвистые рога, простирающиеся вдоль всего тела животного. Нередко рога развернуты анфас в то время, как животное показано в профиль. Очень часто показаны передние отростки рогов. Глаза оленей переданы двумя кругами, ромбами, миндалевидными формами.

По изобразительной манере глаза и уши оленей можно сравнить с аналогичными изображениями на бронзовых ножках и кинжалах карасукского времени.

Стремление художников заполнить все пространство доведено порой до абсолюта. Так, в завитках рогов оленей показаны маленькие фигурки оленей и козлов, между ног животных также высечены миниатюрные изображения животных. Эта черта от-

2—9, 29—44, 49—60, 65—72 — изображения карасукских
кинжалов на оленных камнях I типа: 1, 13, 28, 48 и 64 —
бронзовые карасукские кинжалы из Монголии; 10—12, 24—27,
45—47, 61—63, 73 и 74 — бронзовые кинжалы карасукского
времени из Северного Китая

мечалась исследователями как наиболее архаичная и могла бы свидетельствовать о большей древности стел этого рода, но ученых останавливает убеждение в том, что скифский стилизованный олень — явление позднее, типично скифское, отмеченное «в искусстве кочевников евразийских степей не ранее VI—I вв. до н. э.» [119, с. 74].

М. П. Грязновым высказывалось и такое соображение, что складывание канона должно идти от форм простейших к стилизованным, поэтому стилизованные олени непременно сменяют более простые статичные фигуры. Однако именно стилизованные олени первого типа имеют много черт сходства с изображениями карасукского времени на скалах Чулуута [465], о чем говорилось выше.

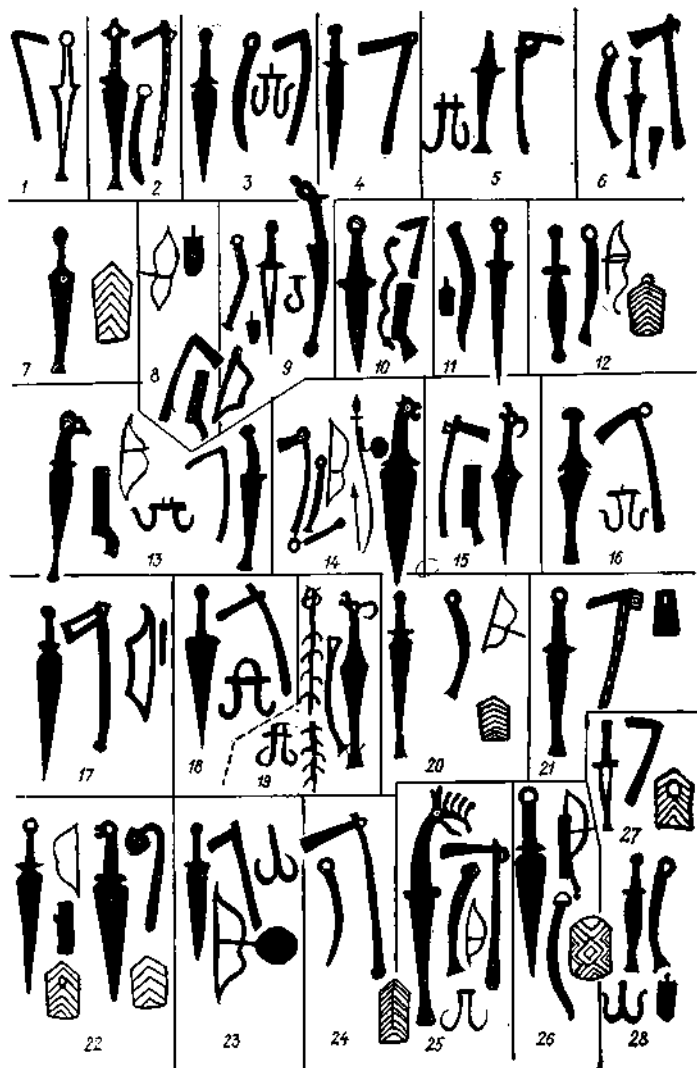
Нужно также отметить ошибочность мнения о том, что наиболее древнее изображение всегда самое простое. Немало случаев приводят искусствоведы, доказывающие, что древнейшие рисунки наиболее совершенны. Эволюция чаще всего начинается с изображения наиболее целостной концепции. В этом смысле ковровый принцип заполнения всего поля рисунка на наиболее ранних оленных камнях (абсолютно без оставления лакун) — скорее всего признак большей древности, а не наоборот. Эволюция шла от целостной концепции к упрощению и абстракции.

Кроме стилизованных оленей часто, но не всегда на стелах первого типа показано ожерелье из крупных или ромбовидных бусин. Иногда высечен амулет в виде рога или когтя, висящего на груди. На лицевой стороне стелы иногда показано лицо, на боковых сторонах — серьги в виде кругов (иногда с длинными подвесками). На поясе показаны висящие предметы вооружения: ножи, топоры, чеканы, кинжалы. Над поясом — зеркало и лук со стрелой.

Для определения возраста оленных камней первого типа наиболее существен факт изображения на них украшений, поясов и, что особенно важно, оружия. Характерно, что на всех стелах, где выбиты стилизованные олени с птичьими клювами, изображено также и оружие типично карасукского типа. Это позволило нам первоначально говорить о длительном сохранении карасукских традиций на монументальных памятниках кочевников.

Если абстрагироваться от привычной посылки, что все скифские олени с птичьими клювами и подогнутыми ногами относятся по времени к скифской эпохе и проанализировать атрибутику на оленных камнях с изображением скифских оленей, то становится ясным, что все виды оружия датируются карасукским временем (вторая половина II тысячелетия до н. э.), а пояса на стелах орнаментированы чисто карасукскими геометрическими фигурами.

На оленных камнях изображены карасукские кинжалы с навершиями в виде кольца (например, на оленном камне из Шиверт-ын-ам Архангайского аймака), диска (Зуны-гол Архангайского аймака), грибовидной шляпки, ромбической формы и кольца с

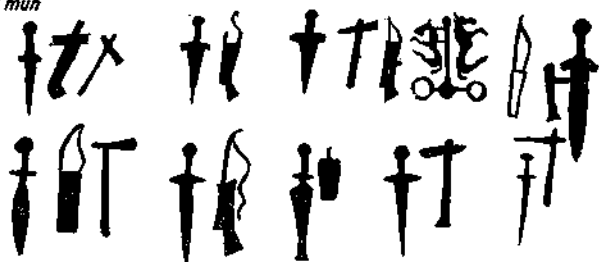

Изображения кинжалов, ножей, топоров, чеканов, луков и щитов на оленных камнях 1 типа (28 комплексов)

тремя кнопками (Люнь сомон). Бронзовые кинжалы с подобными навершиями найдены во многих местах от Ордоса до Енисея.

Самое интересное — это изображение кинжалов со скульптурными навершиями, на которых в карасукской реалистической манере переданы головы горного козла — янгира (Зуны-гол, № 6; Галт сомон № 1). Впервые встречено изображение кинжала с навершием в виде головы животного из породы кошачьих (Булган-

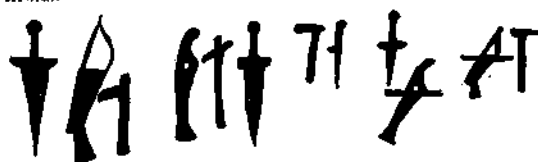
I mun

II mun

III mun

Изображение оружия на оленных камнях I, II и III типов

ский аймак, Орхонский госхоз). Этот мотив неизвестен на предскифских бронзах, но, судя по характеру рисунка и по форме, это кинжал типично карасукский.

Форма перекрестий кинжалов также различна: перекрестие иногда подчеркнуто только слабым выступом над лезвием (Шивертын-ам, № 3), иногда клинок плавно переходит в рукоять без выступа вообще (Хубсугульский аймак, Зуны-гол, № 6). Чаще всего заметна небольшая выемка в эфесе кинжала (Булганский аймак, Орхонский госхоз; Хубсугульский аймак, Галт сомон, № 1, Зуны-гол, № 6). Неоднократно встречены кинжалы с выступающим пластинчатым перекрестием типа раннетагарских или раннескифских.

Такие виды наверший и перекрестий широко известны из находок в Центральной Азии. Большая часть аналогичных бронзовых кинжалов датируется карасукским временем. Прямые аналогии прослеживаются и в орнаментации: прорезь на одной стороне рукояти, желобок с другой (Зуны-гол, № 7), ряд мелких

квадратов на кинжале (Батценгел сомон) и, наконец, ряды вписанных друг в друга треугольников, расположенных вершинами вниз (Люнь сомон).

Ножи, выбитые на оленных камнях, по форме и орнаменту также похожи на карасукские: с кольцевым навершием (Зуны-гол, № 4), с ромбическим навершием (Хэвтегийн-дов). Изображения на камне позволили представить внешний вид многих предметов, не сохранившихся до наших времен. Таковы кожаные футляры (ножны), пояса с орнаментом на них, колчаны, бусы, ожерелья, серьги и т. д.

И ножи, и кинжалы, как правило, вложены в ножны, изображенные с треугольным расширением на конце клинка. Подобные ножи в кожаных ножнах известны и из карасукского погребения, хорошо датированного сопутствующим карасукским инвентарем (раскопки М. П. Грязнова. Красноярская экспедиция. Могильник Кюргинер-1).

Прослеживая детали, можно отметить черты, отличающие оружие Монголии от ближневосточного. Так, именно на оленных камнях Монголии нашла отражение традиция носить кинжалы в ножнах, чаще всего с трапецевидной бутеролью или расширением на конце ножен. И эта традиция более всего характерна для карасукского времени. М. В. Горелик заметил, что именно на востоке скифского мира в форме кинжалов дольше всего сохраняются карасукские признаки. Формы кинжалов с шипастым перекрестием карасукского типа сохраняются в Центральной Азии до VII в. до н. э.

Вполне понятно, что в погребениях плохо сохраняются ткани, кожаные изделия. Поэтому особенно важно проследить отдельные элементы одежды и экипировки воинов эпохи бронзы благодаря рисункам на оленных камнях.

К таким элементам одежды можно отнести изображения поясов на каменных стелах. Надо сказать, что пояс, на котором висит оружие, один из основных атрибутов воина той эпохи, неизменный элемент оленных камней. Потому весьма существенно отметить, что по орнаментации пояса на оленных камнях первого типа отличаются от поясов камней остальных двух типов и повторяют карасукский орнамент. Это — треугольники; треугольники, разделенные зигзагообразной линией; треугольники, вписанные друг в друга; параллельно расположенные зигзагообразные линии; ряды точек, шевронов; чередующиеся ромбы и треугольники; перекрещивающиеся косые линии, образующие сотни мелких ромбов. Много комбинаций из треугольников, зигзагов, ромбов, а также из треугольников и точек. Это треугольники, заполненные точками-жемчужинами, и точки, очевидно, имитирующие отверстия застежек пояса.

Для отдельных регионов характерен тот или иной орнамент. Так, в Завханском аймаке на оленных камнях со стилизованными фигурами оленей преобладают пояса с точками, в Хубсугульском аймаке чаще встречаются треугольные орнаменты.

Карасукская форма оружия и карасукский орнамент на поясах оленных камней первого типа позволяют предположить их более ранний возраст, чем stel других типов, на которых встречены только изображения кинжалов и боевых топоров.

Новые археологические раскопки в Китайской Народной Республике вскрыли интересные комплексы середины II тысячелетия до н. э. с типично карасукскими по форме и навершиям кинжалами и ножами, аналогичными изображениям на оленных камнях Монголии.

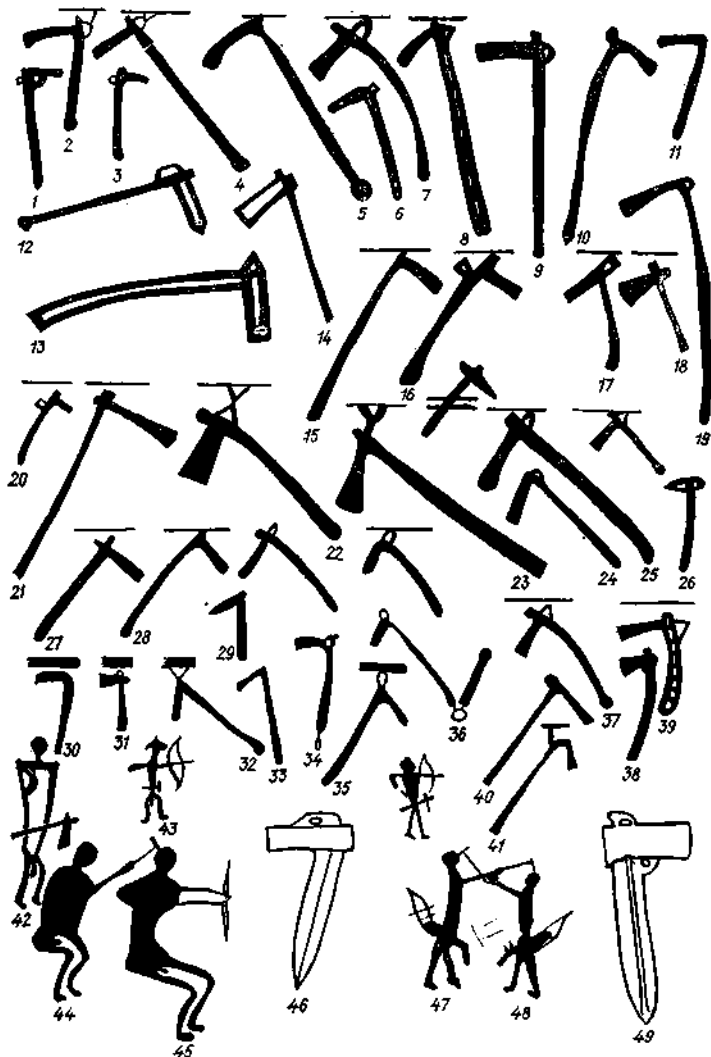
Изображенные на оленных камнях ножи, кинжалы, топоры, чеканы, детали колесниц, борющиеся хищники датируются по аналогичным находкам в китайских погребениях и поселениях периодом позднего Шан — раннего Западного Чжоу (XIII—IX вв. до н. э.).

Особенно интересно сравнить кинжалы, выгравированные на оленных камнях, с кинжалом с головой барана, найденным в Китае (в г. Чаодаогоу, уезд Циньлунь, пров. Хэбэй), с кинжалами из могилы в Байфу (под Пекином) (датировка Байфу — 1120—90 гг. до н. э.). Карасукская форма и аналогии в Китае позволяют датировать и монгольские ножи и кинжалы, высеченные на оленных камнях, карасукской эпохой.

Что касается территории распространения оленных камней первого типа, то это Центральная, Западная и Северо-Западная части Монголии. За пределами страны оленные камни со стилизованными животными встречаются крайне редко: на территории к западу от Тувы практически не встречаются оленные камни со стилизованными оленями, хотя сам стилизованный олень в «летащем галопе» — характернейший, как мы уже говорили, символ скифской эпохи и в Причерноморье, и в Центральной Европе.

Известно, что в середине I тысячелетия до н. э. в Восточной Европе распространяется образ «золотого» оленя, появившийся там внезапно и получивший в литературе название скифского, но абсолютно отсутствуют оленные камни с изображением этого образа.

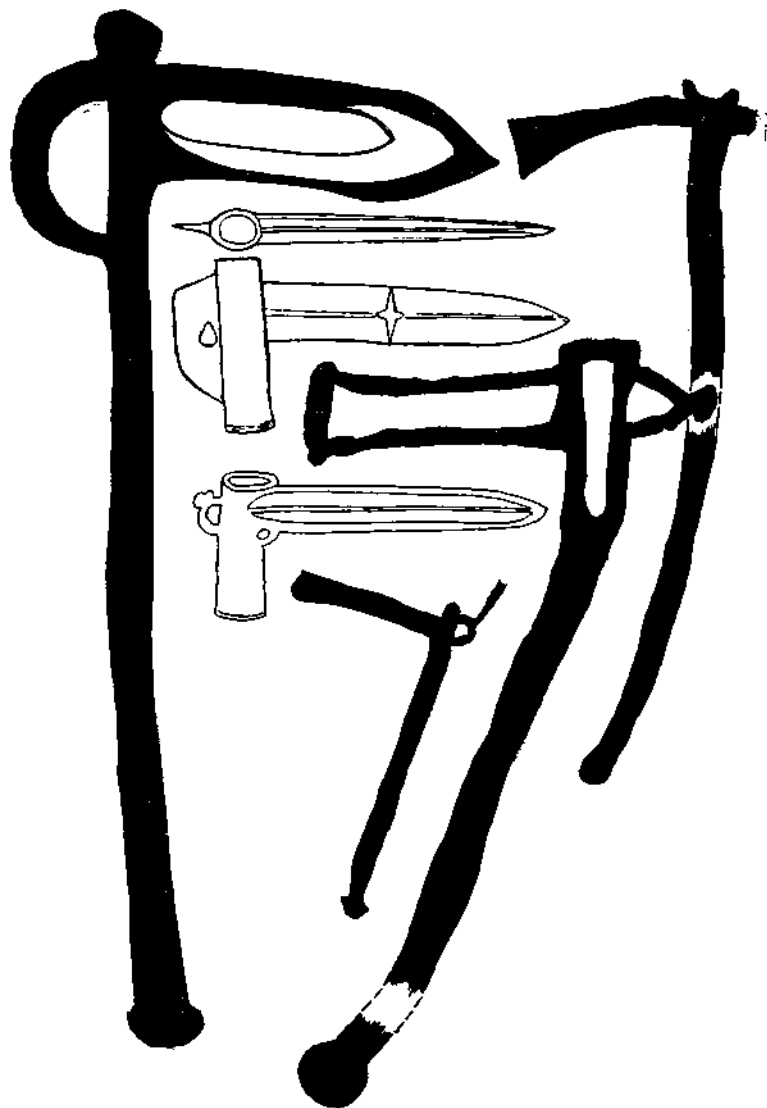
Оленные камни второго типа отличаются от предыдущего реалистическими изображениями животных, показанных в статичной позе, как бы застывших на мгновение. Иногда эти фигуры на вытянутых длинных ногах называют стоящими на «цыпочках». Животные не заполняют всю поверхность камня, они расположены друг за другом и в отличие от оленей на стелах первого типа в строго горизонтальном положении (за некоторыми исключениями). Рога оленей и лосей массивные, не ветвистые, морды короткие. Образ оленя перестал быть преобладающим, его постепенно заменяют другие персонажи: кабаны, кони, куланы, ослы. Все они показаны в статичной позе. Интересно заметить, что на скалах Монголии, как и на стелах, часто встречаются рисунки стилизованных оленей и гораздо реже изображения стоящих зверей. В то же время стоящие на «цыпочках» животные были характерны для петроглифов Алтая, Тувы и Казахстана. Точно

1—41 — изображения топоров и чеканов на оленных камнях;
 42—45, 47 и 48 — на скалах Центральной Азии;
 46 и 49 — бронзовые чеканы

так же образ стоящего зверя в большей мере типичен для бронзовой торовтики Южной Сибири и Средней Азии, чем для Монголии.

Несколько изменился и в результате канонизировался образ кошачьего хищника. Значительно чаще, чем прежде, показаны пантеры, тигры, рыси. Иногда они готовы к прыжку, а чаще всего изображены свернувшимися в кольцо.

Чеканы на оленних камнях I типа и их аналоги
из находок в Монголии и Забайкалье

Кроме животных на стелах второго типа высечены в верхней части (по бокам монумента) серьги. Серьга на шинэндерском оленном камне (в Хубсугульском аймаке) имеет форму птичьей головки [820, рис. 115]. Аналогичная головка, отлитая на бронзовом ноже из Байфу (Китай), найдена в ранней чжоуской могиле. Она датируется XI—X вв. до н. э.

1—23 — луки и стрелы на оленных камнях Монголии;
 24—35, 37 — на петроглифах Монголии;
 36 — на петроглифах из Китая

Серьга на оленном камне из Завханского аймака имеет вид свастикообразной фигуры, помещенной в круг [820, с. 112]. Она также имеет прототип в Китае, где отлита на бронзовом топоре с круглым лезвием (хранится в Бэйпине), который датируется позднелесным временем [807, с. 5, рис. 3]. На обушке этого же топора отлита петелька в виде тигра, изображение похоже на рисунки тигров на оленных камнях второго типа [807, с. 5, рис. 3].

В верхней части стел, на лицевой стороне иногда высечены две или три косые линии, пересекающие «лицо». На некоторых

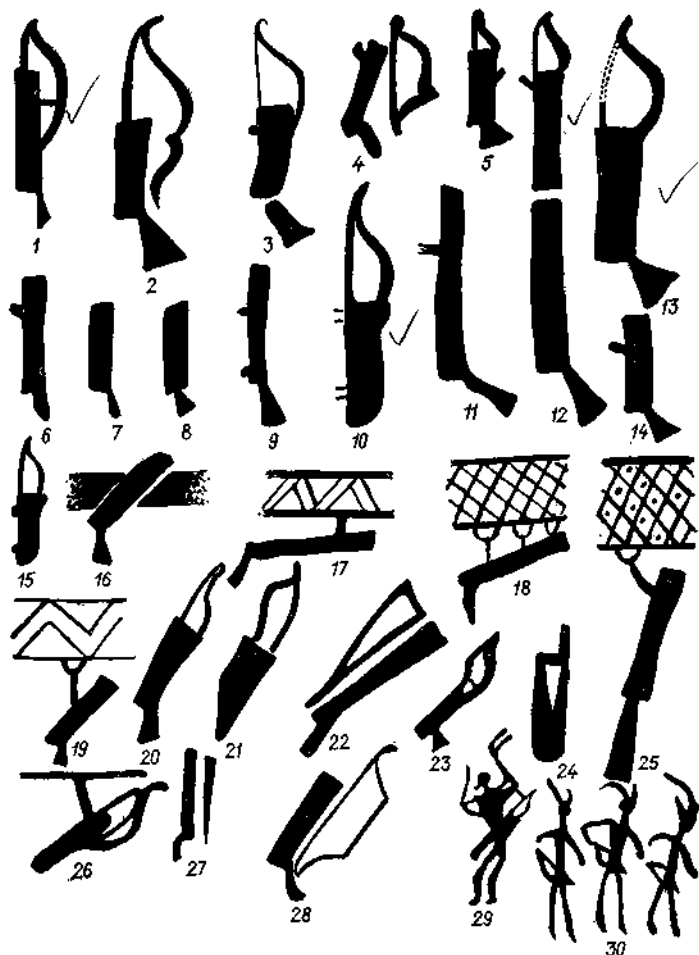
оленных камнях выбито ожерелье в виде узкой полоски. На уровне туловища изображены два-три зверя в статичной позе, а далее узкой линией показан пояс. Широкий орнаментированный пояс встречается крайне редко. К поясу подвешены топор, иногда чекан, колчан (это новый элемент, не характерный для ранних изображений). Изображения ножа и кинжала встречаются редко, и они, как правило, переданы весьма схематично, так что порою невозможно определить их форму.

Тем более интересно обратить внимание на те виды оружия, которые изображены достаточно подробно, и можно проследить детали, позволяющие эти рисунки датировать. Так, на оленем камне из Агрын-бригады (Цагаан-уул Хубсугульского аймака) показана серьга, аналогичная северокитайской бронзовой находке иньского времени (хранится в музее Торонто). К столь же ранним китайским аналогам относится секира с двумя петельками на обушке, высеченная также на каменной стеле из Агрын-бригады. Интересно, что кинжал с кольцевым навершием и слабо выраженным перекрестием также имеет ряд аналогов среди карасукских и иньских бронз.

Кинжалы на стелах второго типа чаще всего имеют кольцевидное навершие и крестовидное перекрестие, что позволяет датировать их последней стадией карасукокого времени (VIII в. до н. э.), а иногда переходным карасукско-тагарским периодом (первая половина VII в. до н. э.). Н. Л. Членова датирует кинжалы с прямым пластинчатым перекрестием предтагарским временем, т. е. VII—VI вв. до н. э. [640, с. 54].

Очень важно отметить отсутствие изображений щитов на оленых камнях второго типа. Ведь щиты были выбиты едва ли не на каждой стеле первого типа. Объясняется ли это только тем, что рисунков на монументах второго типа было значительно меньше? Или были серьезные причины для изображения определенных видов оружия? Пока сказать трудно.

Одновременно с исчезновением щитов на оленых камнях появляется большее число коней. Порою конь заменяет оленя. Нетрудно также заметить, что наряду с образом коня и оленя все чаще и чаще высекается фигура кабана, порою нескольких кабанов, идущих друг за другом. Для канонизированного образа кабана характерны открытая пасть (иногда с зубами), большие клыки, огромные глаза, безвольно повисшие ноги (две или четыре) с копытами, маленький хвостик. Таковы кабаны на оленем камне из Тариат сомона Архангайского аймака, а также четыре кабана, расположенные на камне из Гобиалтайского аймака, высеченные рядом с «небесным» конем с длинной шеей [820, с. 177]. Сюжет со стоящим кабаном известен в Южной Сибири на навершиях бронзовых кинжалов. Встречается он и среди случайных находок в Монголии. Кинжалы и ножи с подобным навершием были наиболее характерны для Минусинской котловины в конце VII—VI вв. до н. э. [639, с. 120]. Подобные же кабаны изображены на обломке оленного камня, положенного в погребении

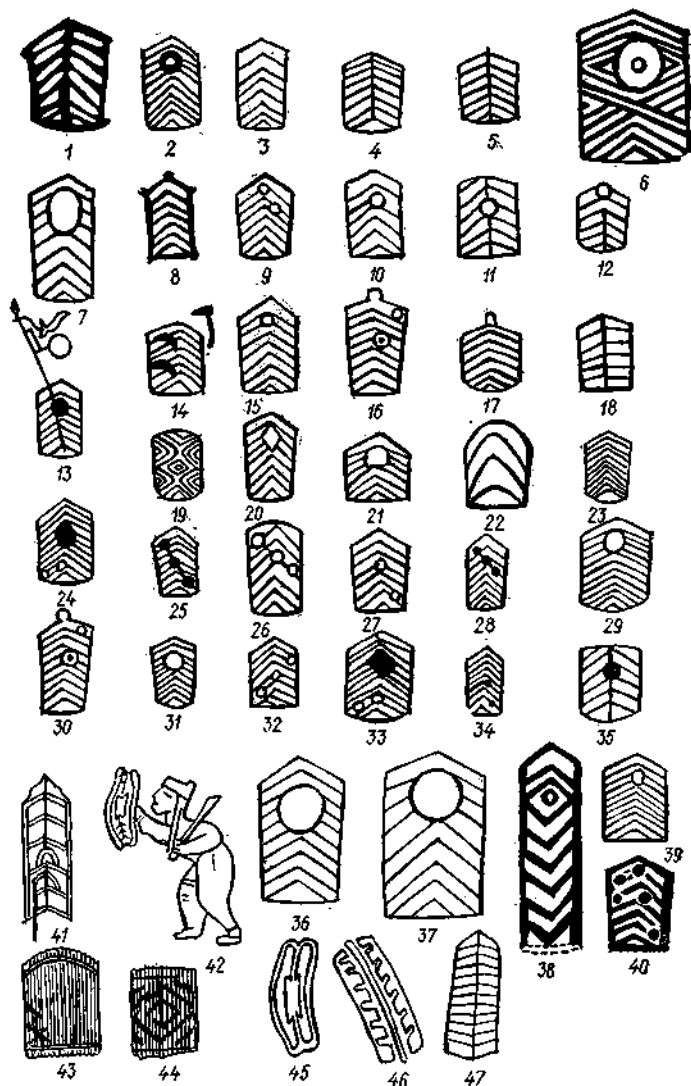
Луки и гориты:

1—28 — на оленних камнях; 29, 30 — на наскальных рисунках

кургана Аржан. Это, конечно, счастливый случай, помогающий выяснить относительную дату памятника.

Поскольку обломок стелы лежал в кургане, ясно, что стела была использована вторично при сооружении погребения. Если курган Аржан датируется его исследователями VIII—VII вв. до н. э., то возраст оленного камня древнее и не моложе VII в. до н. э.⁵ [173, с. 54—55].

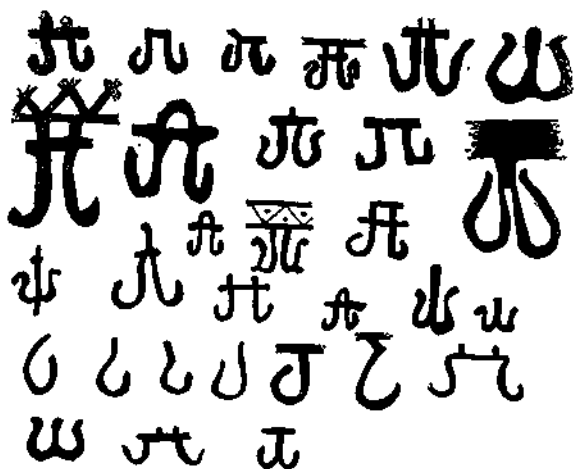
На оленном камне из Аржана показаны подвешенными к поясу (не орнаментированному в отличие от стел со стилизованными оленями) оседок и кинжал с кольцевым навершием и прямым перекрестием, точно таким же, как и на вышеописанных стелах

1—40 — щиты, изображенные на оленных камнях;
41, 42 — аналоги из Китая; 43, 44 — аналоги с Алтая

из Монголии. Характерны для второго типа оленных камней Центральной Азии фигуры стоящих на четырех ногах животных: кабанов и оленей. Первые абсолютно аналогичны кабанам на наконечниках ранних тагарских кинжалов VII—VI вв. до н. э.

Итак, вполне можно допустить, что аржанский камень датируется VII в. до н. э. (может быть, и несколько древнее), но труд-

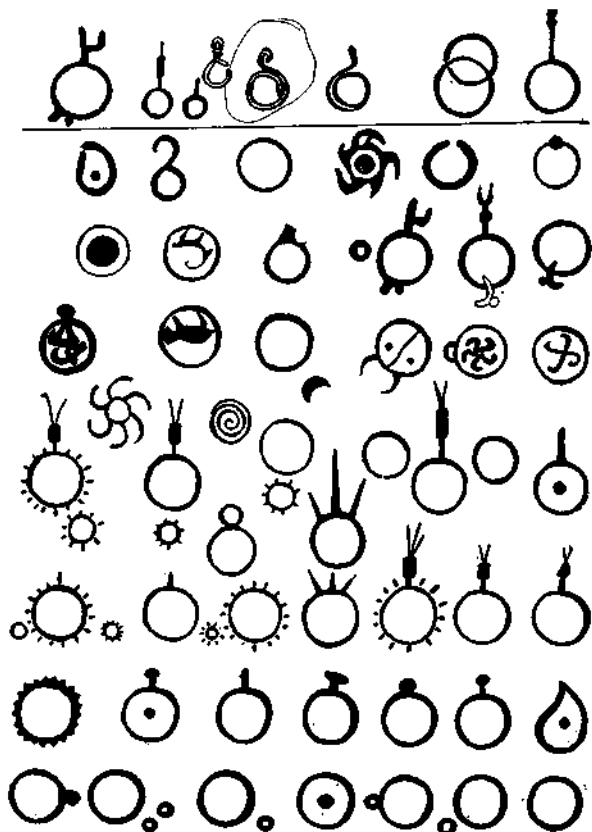
Крючки на оленных камнях

но согласиться с мнением М. П. Грязнова, что он принадлежит к одной из ранних форм антропоморфных стел Тувы и Монголии [173, с. 54—55]. По мнению М. П. Грязнова, наиболее древние оленные камни отличаются более архаичными изображениями зверей на прямых ногах с опущенными вниз копытами. К поздним стелам он относит те, на которых изображены стилизованные олени в стремительном беге.

Не исключено, конечно, существование оленных камней с животными на «цыпочках» и в более позднее время, но наиболее ранние из них — стелы со стилизованными оленями. Чем западнее, тем реже встречаются стелы со стилизованными оленями, все явственнее преобладают изображения стоящих на «цыпочках» зверей. Я вижу в этом не только географические и локальные различия, но и, возможно, этническое единство. Продвигаясь на запад и северо-запад, племена-носители сохраняли и свои глубокие традиции. И если на западе и северо-западе найдены в основном оленные камни второго типа, а в Монголии, напротив, преобладают стелы первого типа, более древние, то уже этот факт позволяет допускать, что движение этой культуры шло с юго-востока на северо-запад. И в Туве, и на Алтае преобладают находки оленных камней второго типа со стоящими на «цыпочках» животными⁶. В Казахстане находки оленных камней единичны и они не имеют изображений стилизованных оленей. В Южной Сибири подобных находок пока неизвестно.

Итак, оленные камни второго типа со стоящими «на цыпочках» животными могут быть отнесены к VIII — середине VII в. до н. э.

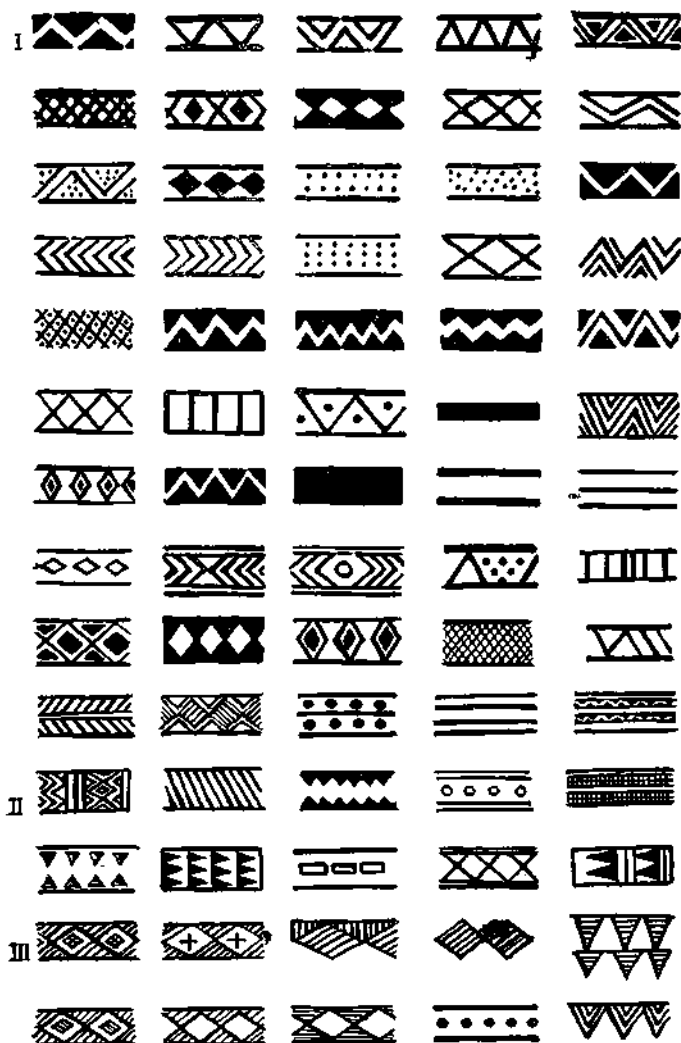
Кроме двух выше описанных типов каменных стел в Центральной Азии встречаются скульптуры, на которых вообще, как пра-

Серьги на оленьих камнях и их металлические
аналоги из раскопок в Монголии,
Туве, Южной Сибири

вило, нет изображений животных. Это оленные камни третьего типа.

В Монголии таких стел сравнительно мало, они найдены преимущественно на крайнем северо-западе страны. Встречаются они и в Туве, и на Алтае, несколько экземпляров известно в Казахстане, на Кавказе, в Болгарии, т. е. ареал этих стел много шире на западе Евразии, чем оленных камней первого и второго типов, и они практически уже не являются оленными. Вся поверхность таких стел разделена на три части двумя горизонтальными линиями. «Лицо» передано иногда двумя или тремя косыми линиями, голова отделена от туловища узкой полосой или линией — ожерельем. На боковых сторонах стел — серьги, переданные кругами с маленькой точкой сбоку, в одном случае кругом со свастикообразным знаком внутри, в другом — кругом, в котором изображен козел, ноги его образуют треугольник. Поверхность олен-

Орнамент:

I — на поясах оленних камней; *II* — на карасукских бронзовых предметах, *III* — на керамике карасукского времени

ного камня заполнена, как правило, очень слабо, часто остаются две-три гладкие стороны без рисунков.

На оленних камнях третьего типа пояс, как правило, узкий. Он передан глубоким желобком, потому, естественно, нет орнаментированных поясов (в 99 случаях из 100 пояс показан без орнамента), в то время как на стелах первого типа неизвестны пояса в виде одной глубокой линии, все древние пояса широкие

и с карасукским орнаментом. На поясе показаны висящими колчан, топор, резе, кинжал. Изображения щитов и зеркал не встречаются.

О культе коня, преобладающем над культом оленя, говорит высеченный свастикообразный символ на стеле из Завханского аймака. Он идет во всю ширину камня, концы символа заканчиваются головами коней на длинных шеях.

Кинжалы, изображенные на оленных камнях третьего типа, имеют полую белую рукоять, широкое перекрестие. Ни разу не встречено орнаментированных или прорезных рукоятей, скульптурных наверший, столь характерных для кинжалов, выбитых на оленных камнях первого типа.

Исследователи относят оленные камни третьего типа к VII—VI вв. до н. э.

ЖЕРТВЕННИКИ ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ

Выше говорилось, что в Западной и Северо-Западной Монголии оленные камни стоят по одному, по два, а чаще параллельными рядами, протянувшимися с севера на юг, обращенные лицевой стороной на восток.

Но, как правило, эти стелы расположены на краю или в центре больших жертвенников, сложенных из массы каменных выкладок. Большая часть жертвенников, в свою очередь, связана с керексурами.

В долине Алтан-сандал недалеко от керексурсов, которые, судя по расколкам Ц. Доржсурэна, тоже относятся к эпохе бронзы, во время разведки В. В. Волкова и Э. А. Новгородовой в Архангайском аймаке зафиксирован жертвенник, протянувшийся с востока на запад на 200 м и имеющий форму правильного прямоугольника. Жертвенник расположен на невысоком холме. Вся площадь его заполнена небольшими каменными кольцевыми выкладками. У восточной стенки находится квадратная выкладка с оленным камнем в центре. Под кладкой ничего не обнаружено, кроме нескольких мелких костей животных. Под каменными насыпями самого жертвенника (раскопаны только несколько «колец» из тысячи каменных выкладок) на уровне древней поверхности лежали черепа и копыта жертвенного коня. В центре жертвенника осталась строго прямоугольная площадка (примерно 10 м × 3 м), не заполненная каменными кладками, возможно, именно здесь, в самой высокой части жертвенника, убивали жертвенных животных.

Встречаются жертвенники и меньших размеров. В Баянхонгорском аймаке в Долине керексурсов (Хэрэгсурийн-дэнж) в 1969 г. была раскопана В. В. Волковым и Э. А. Новгородовой большая плиточная могила [820, с. 116], названная могилой только по внешним конструктивным признакам, но имевшая чисто культовый характер. Каменный ящик был сложен из нескольких олен-

ных камней и заполнен тоже оленными камнями. Всего в нем обнаружено 15 стел прекрасной работы. Под перекрытием не оказалось следов захоронения. Дно каменного ящика было покрыто слоем пережженных костей и угля, а на специальной ступеньке вдоль восточной стенки лежало в ряд семь козлиных черепов, четыре бараньих и один череп теленка, а также копыта и челюсти лошади. Все это признаки типичного жертвоприношения, от которого сохранились лишь кости, черепа и копыта сожженных животных.

К числу грандиозных жертвенников, соорудившихся в течение долгого времени и, следовательно, функционировавших много лет, относится памятник, расположенный к северу от г. Цэцэрлэг, на границе Архангайского и Хубсугульского аймаков, на высокой террасе в широкой долине. Здесь размещен прямоугольный жертвенник площадью 100 м×120 м, ориентированный строго по сторонам света и окруженный выкладками из небольших камней. В центре сооружена прямоугольная каменная насыпь площадью 25×50 м. Она обнесена невысокой оградкой из маленьких камней и, очевидно, служила местом для убийства жертвенных животных, а также, возможно, для поминальной трапезы. Вокруг этой площадки со всех сторон оставлено свободное пространство, в восточной части возвышается олений камень. Второй такой же камень стоит у южной оградки сооружения, причем он окружен кольцом, выложенным камнями. Остальная часть пространства, т. е. все возвышение вплоть до внешней оградки жертвенника, заполнена многими сотнями мелких каменных курганчиков (площадь каждого не более 10 кв. м в основании). Под каждой кладкой, как правило, череп лошади и копыта. Сколько здесь курганов, столько и жертвоприношений.

В 120 м к северу от жертвенника насыпан огромный керексур, стенки каменного ящика под кладкой камней выложены оленными камнями. Один камень, вытесанный из черного базальта, стоял в ограде кургана. Почти симметрично керексуру, с противоположной стороны, в 100 м к югу от жертвенника обнаружены земляные курганы (диаметр 18 м) с каменными оградками. В центре одного кургана, на самой высокой точке стоит олений камень, в основании которого обнаружены следы жертвоприношений.

Жертвенники Западной Монголии можно рассматривать и как архитектурные памятники. Монгольские просторы подсказали древним архитекторам именно такую форму организации пространства — памятники на возвышенностях под открытым небом — с максимальным использованием и выявлением ландшафта, где человек оставался в гармонии с природой, не нарушая ее ритмов и равновесия. Стоящие двумя или тремя параллельными рядами оленные камни, конечно же, являются частью этих архитектурных ансамблей эпохи бронзы, воздвигнутых с культовой целью.

Можно сказать, что архитектура и скульптура в этой части

страны связаны органично и подчинены одной цели — созданию жертвенных сооружений.

Среди скоплений оленных камней Западной Монголии можно перечислить несколько памятников, сооруженных в строгом каноне того времени. Я имею в виду несколько рядов оленных камней в местности Дагаан-дэль, исследованной Гранэ, а позднее В. В. Волковым и Э. А. Новгородовой, а также Ушкийн-Увэр, где расположен большой жертвенный комплекс, и, наконец, Агрын-бригада, с двумя рядами камней.

Жертвенник Ушкийн-Увэр

Памятник⁷ расположен в окрестностях г. Мурена — центра Хубсугульского аймака. Ранее он посещался археологами и упоминается в отчетах Н. Сэр-Оджава.

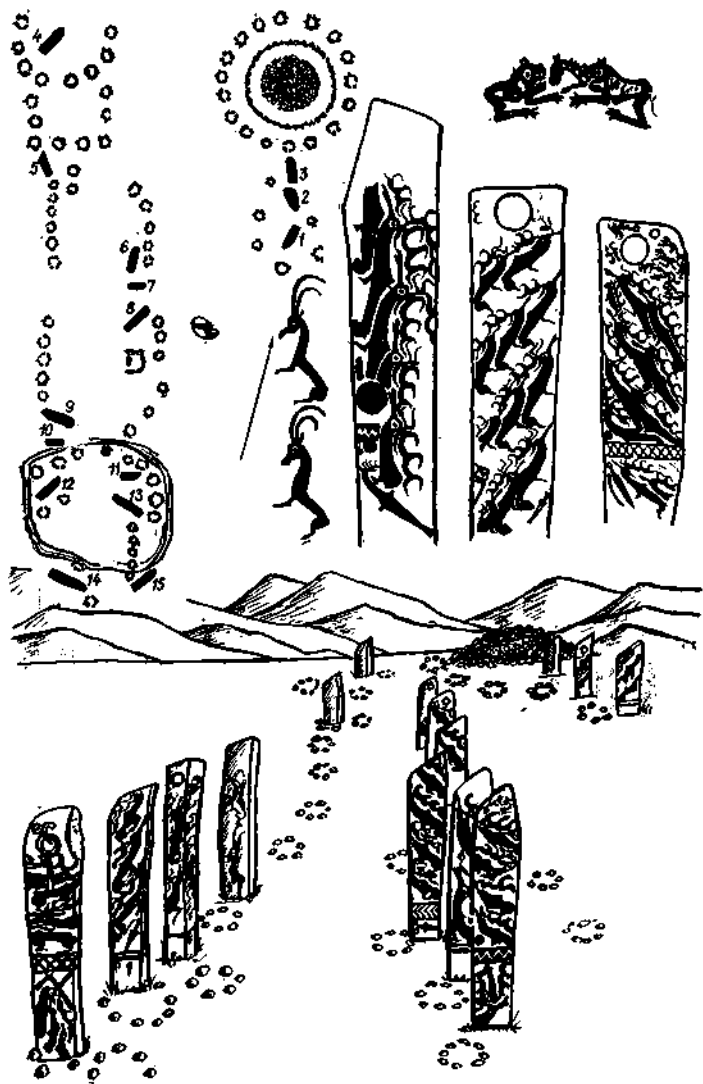
Ушкийн-Увэр — это неширокая долина на левом берегу д. Мурен, окруженная с трех сторон горами. В верхней части долина переходит в ровную надпойменную террасу, превращенную в древности в некрополь и жертвенное место и заполненную памятниками двух видов: керексурами и оленными камнями [129; 820, с. 133].

Круглые керексуры долины окружены квадратными и круглыми каменными выкладками, вокруг расположены мелкие кольцевые выкладки диаметром 3—4 м. С северной стороны самого крупного керексура располагаются квадратные оградки, сложенные из крупных необработанных камней, отдаленно напоминающие оградки плиточных могил, найденных в центральных аймаках. По углам этих выкладок стоят высокие камни — маяки, окруженные каменными завалами.

Оленные камни начинаются с самого края выкладок, от оградки южного керексура. Их 15, они тянутся с севера на юг тремя параллельными рядами. В древности все скульптуры стояли вертикально, к настоящему времени часть из них упала. Некоторые стелы сломались или засыпаны землей. На стелах, оказавшихся под землей, прекрасно сохранился рисунок, удивляющий продуманностью композиции и тонкостью ее выполнения.

Остановлюсь лишь на тех стелах, сюжеты и архитектурные особенности которых дают возможность определить возраст отдельных изображений и комплекса в целом.

Восточный ряд составляет обособленную группу из трех стел. Вокруг каждой из них — каменные выкладки (диаметры 2 и 2,6 м). Интересна на стелах трактовка оленей, иногда с повернутой назад головой и огромными рогами, обрамляющими тело животного с двух сторон. Все олени Ушкийн-Увэра показаны с ветвистыми рогами, длинными клювовидными мордами, огромными глазами, преувеличенно длинными ушами, подогнутыми ногами. На оленном камне № 3⁸ под стилизованными оленями и широким поясом, орнаментированном двумя рядами треугольников, пока-

Ушкийн-Увэр: план, оленные камни
и реконструкция жертвенника

зан нож длиной 22 см с кольцевым навершием диаметром 4 см. По аналогии с навершиями ножей из погребений Южной Сибири он может быть датирован жарасукским временем.

На стелах Ушкийн-Увэра часто показана такая архаичная деталь, как широкий пояс с орнаментом. На стеле № 6 пояс украшен по краям треугольниками и рядом ромбов в середине, со-

першению аналогично орнаментам на карасукских бронзовых предметах. Под поясом, на левой боковой стороне стелы высечен кинжал со слабо выраженным перекрестием, подобный ранним образцам ордосских кинжалов XIII в. до н. э., на правой стороне — к поясу подвешен боевой топор, а под поясом четко прорисован лук со стрелой. Эффектно выполнена задняя сторона этой стелы, на которой выбит всего один олень с длинной вытянутой мордой, повернутой к спине. Рога его, словно ветвистое дерево, поднимаются над головой, красиво заполняя всю поверхность камня. Под последним оленем над самым поясом изображена решетчатая фигура. Я полагаю, что это щит с пятью перекладинами.

На другом оленном камне (№ 7) рисунок также выполнен продуманно и тщательно. На лицевой части в 33 см от верхушки камня выбита овальная линия ожерелья со свисающими вниз каплевидными украшениями. В. Д. Кубарев сравнивает ожерелье, выбитое на этом камне, с подвесками каплевидной формы из дерева, покрытыми золотом и обнаруженными вместе с гривной в кургане I (Уландрык) [350, с. 55, табл. XVI, № 14].

Под ожерельем видны олени, высеченные неглубоким контррельефом. В верхней части камня, на его боковых широких сторонах показаны большие круги (диаметр 22 и 20 см). На правой стороне находится круг, от которого свисает прямоугольник с двумя опускающимися от него подвесками. Слева от круга с подвесками высечено небольшое кольцо диаметром 4 см. Вся поверхность камня заполнена изображениями оленей.

Пояс шириной 10 см обозначен лишь сзади и на широких боковых гранях плиты и украшен аналогично орнаменту на описанном выше камне. Правда, во втором случае рисунок выполнен много тщательнее и с точным расчетом: ширина всех ромбов неизменно равна 5 см, а длина 10 см. Так же выбит и боевой топор с длинной рукоятью (50 см) и рубящей частью. Первоначально этот рисунок был прорисован тонкой резной линией, которая сохранилась до настоящего времени, а уж затем вся внутренняя часть рисунка была выбита контррельефом, но менее глубоким, чем линия контура. Под топором — фигуры оленей. Самый крайний левый олень, видимо, не помещался, и поэтому художник развернул его голову к спине (в принципе не новый прием для оленных камней Монголии), а рога изобразил поднятыми вертикально вдоль камня, аналогично рисунку на камне № 6. На задней стороне камня, под поясом высечена пятиугольная решетчатая фигура-щит, хотя традиционное место ее — над поясом. В целом камень № 7 отличается большими размерами, пропорциональностью фигур и их расположения, оригинальной формой ожерелья, аналогичной находкам из погребального комплекса, раскопанного на Алтае.

В пользу карасукской даты выбитого на оленном камне № 8 кинжала говорит не только форма перекрестия, но и навершие карасукокого типа в виде головы животного⁹.

Второй интересный предмет, изображенный на этом камне,— орудие в виде топора с широкой рабочей частью и длинной изогнутой рукоятью стеблевидной формы. Возможно, это боевая секира в своеобразном ракурсе. Подобный рисунок встречается редко, выбит он на том месте, где обычно бывает помещен боевой топор.

Камень № 15 — самый южный в среднем ряду. Он лежал неглубоко в земле и прекрасно сохранился. Высечен из желтовато-серого гранита и имеет квадратное сечение и длину 2,2 м. По тонкости и четкости обработки — это самый изящный камень в Ушкийн-Увзре. На его лицевой стороне выбита сцена с кошачьими хищниками, съедающими коня. От коня остались лишь голова, шея и передняя нога (одно из наиболее реалистических изображений сцены терзания хищниками травоядного), у хищников подчеркнуты клыкастые пасти и когти на лапах [98, с. 46—47, рис. 13]¹⁰. Большие глаза переданы концентрическими кругами, шкура украшена пятнами. Маленькие уши напоминают рысьи.

На правой боковой стороне камня под серьгой с подвеской изображен табун коней (или куланов). Под сценой «терзания» выбиты олени (семь животных со стилизованными клювами и ветвистыми рогами), расположенные так, что первый, третий, пятый и седьмой обращены головами влево, а чередующиеся с ними направлены навстречу им, головами вправо, что «закручивает» рисунок как бы по спирали. Задняя нога последнего оленя повернута вверх, возможно, из-за недостатка места на рисунке. Под шеей нижнего оленя маленькая фигура оленя с рогами, развернутыми вперед. Вся композиция создает впечатление легкого ажурного рисунка.

Изящен также пояс, украшенный зигзагообразной линией посередине. Спереди на нем висят боевой топор с петелькой для подвешивания и расширяющимся к лезвию обушком, крючок и нож с крупным круглым навершием, помещенный в футляр. Миниатюрный лук показан под поясом.

Мы уже говорили, что на правой боковой стороне камня показаны под серьгой шесть оленей и седьмой, нижний, поместившийся только наполовину. Ветви его рогов как бы составляют декоративный бордюр вдоль правой вертикальной части стелы. Олени расположены почти вертикально, головами вверх. Первый, второй и четвертый олени показаны с двумя ветвями рогов. У каждого между рогами фигурка маленького оленя, рога которого направлены вверх. Характерны крупные миндалевидные глаза, короткие ноги, длинные уши и клювообразные морды. На этой боковой стороне пояс не показан.

Противоположная боковая сторона заполнена не так интенсивно: три фигуры оленей расположены вертикально, причем голова верхнего не показана.

На этой стороне имеется изображение пояса, над которым выбит диск зеркала и рядом протомы оленя. Пояс передан не сплошной линией, его прерывает голова и шея оленя. Все олени

имеют одну или две ветви рогов, короткие ноги, длинную клювовидную морду. Такой же олень украшает футляр кинжала (возможно, что это навершие), изображенного на этом камне. Здесь впервые ветвистые рога стилизованного оленя показаны на рисунке бронзового кинжала. Перекрестие кинжала слабо выступающее, рукоять сильно изогнута и похожа на рукояти кинжалов из Чаодаогоу (уезд Чжанбэй) [703]. Навершие в виде головы оленя, так же как и все выше перечисленные детали, свидетельствует о раннем, карасукском возрасте оружия. Об этом же говорит и форма чекана, изображенного на лицевой стороне того же камня. Два небольших предмета в виде сумочки-кисета показаны под поясом.

Задняя часть стелы украшена четырьмя оленями, аналогичными описанным выше: головами вверх, с красивыми рогами, переплетенными между собой. Голова верхнего животного повернута назад, так что клювообразные морды первого и второго оленя почти смыкаются над спиной первого. Между ног предпоследней фигуры помещен маленький олень с рогами, поднятыми вверх. Это уже третья фигурка такого типа на оленном камне № 15. В этом, видимо, проявляется особый стиль художника, заполнявшего все пустые пространства. На месте пояса на задней стороне выбит щит с 13 перекладинами.

Третий ряд стел, расположенный параллельно первым двум, так же как и второй, состоял из шести оленных камней.

Ожерелье со свисающими украшениями в виде остроугольных треугольников показано на стеле № 4. Под ним фигуры четырех оленей и ниже — налучье с вложенным в него луком и оселок с удлиненным отверстием для подвешивания к поясу. Но самого пояса на лицевой части камня нет. Он опоясывает стелу с остальными трех сторон и украшен крестообразными фигурами, образующими треугольники по краям и ромбы в центре.

Боковые стороны камня украшены наверху кольцами геометрически правильной формы с диаметрами 17 и 18 см. На одной стороне рядом с большим кругом-серьгой помещен маленький круг (диаметром 7 см), а на другой — круг заканчивается двумя развешивающимися подвесками разной длины (14 и 14,5 см).

На левой боковой стороне этой стелы рядом с кругом, изображающим, по всей вероятности, серьгу, нам удалось обнаружить довольно редкое изображение — пять маленьких фигур пятнистых хищников, скорее всего барсов. Несмотря на небольшие размеры животных, хорошо видны непропорционально огромные глаза, маленькие полукруглые уши. Особо подчеркнуты широко раскрытые пасти, виден язык и большие острые зубы. Несколько барсов показаны в момент охоты на бегущего перед ними кулана или коня.

В этом убеждает и финальная сцена охоты, запечатленная на другом оленном камне (№ 15). Здесь, пожалуй, впервые повествование растянуто на два монумента: начало на одном камне (№ 4), а финал на другом, расположенном в нескольких метрах

от первого (№ 15). В обоих случаях хищники изображены в несколько иной манере, чем олени. Если оленей художник показал оплошным глубоким контррельефом (до 10—15 мм), то силуэты хищников обычно передавались неглубокой резной линией по контуру. Посредством точечных углублений показаны пятна и полосы на шкуре животного.

На оленных камнях неоднократно повторяется универсальная сцена — освобождение солнца, похищенного копытным животным. Поэтому в сценах охоты хищников на травоядных встречается символическое изображение солнца в виде круга или серьги.

В Баянхонгорском аймаке, в Жаргалант сомоне на оленных камнях, в местности Хэрэгсурийн-дэнж несколько раз повторен сюжет охоты хищников. В первом случае два барса с длинными хвостами, пятнистой шкурой и широко раскрытыми лапами расположены вокруг круга с лучами (солнце-серьга). Хищники переданы в движении, они настроены явно агрессивно. На другом изображении полосатый хищник из породы кошачьих с зубастой лапой, огромным глазом и длинным хвостом (возможно, тигр) охотится на кулана. Между животными выбит диск (солнце). Не исключено, что у племен Северо-Западной Монголии второй половины II тысячелетия до н. э. сохранялся миф, возникший еще в эпоху ранней бронзы, о похищении солнца и охоте на копытного, его похитившего. Во всяком случае, во всех сюжетах, известных на оленных камнях, показаны одни и те же сцены: копытное, пожираемое кошачьим хищником, и солнце между ними или над ними. Характерно, что рисунок этот всегда помещен в самой верхней части камня, обращенной к небу и солнцу.

Сходный сюжет, но выполненный более схематично, известен в Китае. Его приводит в своих публикациях В. А. Варенов. На бронзовом зеркале конца эпохи Западного Чжоу (начало IX — середина VIII в. до н. э.) изображены два кошачьих хищника, преследующих жертву [95].

На правой и левой сторонах описанного выше камня под серьгами выбиты олени, расположенные головами вверх. Под оленями, почти так же как и на всех остальных камнях, высечен пояс. Карасукский по орнаментации, он украшен перекрещивающимися параллельными линиями, образующими ромбы и треугольники, что известно по карасукским бронзовым предметам и декору посуды эпохи бронзы от Южной Сибири до Алтая. К поясу подвешены налучье с луком и стрелой, на боковой стороне — кинжал со слабо выраженным перекрестием, дугообразный нож с кольцевым навершием, на другой стороне показан боевой топор. По форме кинжал (длиной 34 см) может быть отнесен к позднекарасукским или переходным карасукоко-тагарским.

Пожалуй, наиболее интересен предмет, выбитый на задней стороне камня, где над самым поясом тонкой резной линией очерчена подпрямоугольная фигура с овальными горизонтальными линиями. Видимо, это еще одно изображение новой формы щита, который часто показан в виде пятиугольной фигуры с кругом в

центре и елочным орнаментом, спускающимся сверху вниз. В данном случае щит украшен вписанными друг в друга треугольниками и ромбами. Орнамент этот напоминает и переплетение линий на пазырыкском щите, и типично монгольский декор, встречающийся в настоящее время в западных и северо-западных аймаках Монголии как украшение войлочных и тканых изделий. Были ли древнемонгольские щиты обшиты войлоком или кожей с аппликациями, пока сказать трудно. Возможно, новые раскопки помогут прояснить и этот вопрос.

В 45 м от вышеописанного камня № 4 стоит камень № 5. Он высечен из розового мрамора, на котором четко выделяется рисунок. Верхушка камня обломана и лежит рядом. Большая часть стелы вкопана в землю под углом и обращена лицевой стороной на восток. (Следует особо заметить, что во всех случаях, когда можно установить ориентировку, видно, что оленные камни стояли лицевой стороной на восток.)

На камне выбиты три оленя и пояс без орнамента, переданный едва заметным углублением. Под самым поясом тонкой линией прочерчен лук с натянутой тетивой и со стрелой, справа от него — налучье. На левой боковой стороне стелы видны олени и пояс, на правой — дисковидное углубление (скорее всего, это зеркало, аналогичное найденным в Улангомском могильнике) и кинжал с кольцевым навершием и прямым пластинчатым перекрестием.

На задней стороне камня, которая, как правило, бывает узкой, показаны четыре оленя и пятиугольный щит, заполненный елочным орнаментом, он размещен, как всегда, над поясом.

Камень № 9 лежал в земле, и потому одна его сторона вся покрыта лишайником. На других плоскостях изображен полный набор снаряжения воина (или охотника): лук со стрелой, налучье, зеркало, боевой топор, кинжал и крючок.

В двух метрах от этого камня стоит другой — камень № 10. Его высота 2,5 м, ширина 55 см, толщина 16 см. Он высечен из розового гранита с черными вкраплениями. Вершина камня скошена, лицевая сторона обращена к востоку и наклонена к земле. На всех гранях выбито по три, четыре и пять рядов оленей¹¹. В каждом ряду показано по три оленя. Пояс изображен лишь на задней стороне камня, там же выбит щит с большим кругом внутри. Из оружия показаны топор и кинжал в ножнах, имеющий навершие треугольной формы с таким же отверстием. Перекрестие кинжала без выемки и со слабо выступающими дугами отделено от клинка точно так же, как и у карасукских бронзовых предметов.

Камень № 12 лежал в земле в 9 м от камня № 11. Он высечен из серого гранита (высота 2,2 м, ширина 23 см, толщина 30 см). Верхушка камня обломана. Под поясом, орнаментированным двумя рядами треугольников, выбит нож с большим кольцевым навершием и налучье, а над поясом, что встречается крайне редко, изображен выемчатоефесовый кинжал с кольцевым на-

вершием, аналогичный карасукским из Южной Сибири. Кинжал умело помещен среди фигур оленей.

Камень № 14 — самый южный в третьем ряду. Он целиком лежал в земле, и потому рисунки на нем хорошо сохранились. Стела правильной четырехугольной формы изготовлена из блока серого гранита (длина 3,18 м, ширина 25 см, толщина 37 см). Поверхность камня тщательно обработана, плоскости ровные и гладкие. Рисунок, как обычно, разделен двумя горизонтальными линиями на три части. Верхний пояс узкий, в виде глубокого желобка, нижний более широкий, орнаментирован плетенкой с треугольниками и ромбическими фигурами. Среднюю часть стелы занимают изображения крупных стилизованных оленей, которые как бы опоясывают камень, переходя с одной грани на другую. Фигурки оленей расположены тесно, свободные места между ними заняты мелкими рисунками. Поверхность заполнена максимально — это особенность оленных камней со стилизованными оленями.

Уникальным является оформление верхней части стелы № 14 в виде скульптурного изображения головы человека. Это подтверждает, что в основе семантики оленных камней лежит антропоморфный образ, что они в условной форме передают фигуру человека (возможно, предка).

Лицо человека, как и все изображения на этом камне, выполнено очень тщательно. Оно удлиненное, с округлым массивным подбородком и резко очерченными выделяющимися скулами. Над глубокими овальными глазами нависает хорошо выраженное тяжелое надбровье. Нос плоский и длинный, тонкие губы слегка выступают вперед. Между ними маленьким прямоугольным углублением передан рот. По бокам рельефными валиками показаны уши и продетые сквозь мочки крупные кольцеобразные серьги [864, с. 70]. Колечки меньших размеров помещены выше и как бы продеты через раковины ушей. Изображения серег выполнены резной линией, так же как и на многих других оленных камнях. Это один из характернейших признаков каменных изваяний Монголии. Становится совершенно ясной ошибочность предположения А. П. Окладникова, допускавшего, что кольцо с опущенной вниз линией изображало бронзовое зеркало с ручкой, а не серьгу [491, с. 215]. Так же не прав и С. И. Вайнштейн, который называл кольца с точкой в центре, выбитые в верхней части камней, раннескифскими зеркалами [85, с. 30]. Н. Л. Членова высказала предположение, что диски изображали серьгу [637, с. 32]. А. П. Окладников указывает, что такие диски расположены на широкой, по его мнению, лицевой части памятника, а потому не могут быть серьгами.

Но многолетние исследования оленных камней показали, что широкая сторона оленного камня, как правило, является его боковой, а не лицевой, а рога оленя часто начинаются с самого верха стелы и тогда смыкаются с рисунками круга с подвесками. Именно такие изображения находятся на описанном выше олен-

ном камне № 14, где серьга, продетая сквозь правое ухо, имеет подвески и на рисунке они смыкаются с рогами верхнего оленя. Кроме того, подвески пересекают ожерелье, но все эти детали лишь являются элементами стиля каменных изваяний той эпохи. Можно утверждать, что кольца на боковых сторонах стел изображали серьги, продетые в ухо, что, в свою очередь, не мешало им быть символами солнца или луны, месяца и, возможно, звезд. Скорее всего наиболее важные персоны имели серьги из золота, и в таком случае их изображения с лучами могли символизировать одновременно и блеск благородного металла, и солнечные лучи. Возможно также, что серьги разной формы указывали на этническую принадлежность или родовой символ каждого конкретного лица или предка рода, чей знак передан через форму такой серьги.

Если предположить, что серьга является этническим признаком, то можно объяснить многообразие этих форм на оленных камнях [83, с. 68]. Но неизменными компонентами остаются на всех рисунках круги и комбинации из них; иногда круги сопровождаются маленькими кружочками, порою в центре круга выбита точка, реже, свастикообразная фигура или фигурка животного. Некоторые круги изображают солнце, иные имеют свисающие ленты с двумя концами. Нередко два круга показаны с лучами, иногда изображены один круг и один полумесяц и т. д. [83, с. 178, табл. I].

Возраст изображения скульптурной головы на памятниках подверг сомнению С. И. Вайнштейн: «Что же касается оленных камней Монголии с изображением человеческих голов, то следует провести их тщательное изучение и выяснить, выбиты ли они одновременно с фигурами скифского времени, или позднее, в древнетюркскую эпоху...» [85, с. 31]. Нужно сказать, что в Ушкийн-Увэр подобные опасения неуместны: и голова, и серьги в ушах, и олени — все выполнено в одной изобразительной манере, в одну и ту же эпоху. Причем оленный камень № 14 один из наиболее древних в этом святилище, если судить по набору оружия.

Возвращаясь к описанию последней стелы из Ушкийн-Увэр, отметим, что на ней изображены предметы, висающие на поясе. Они достаточно хорошо датируются. Инструменты и оружие размещены на разных плоскостях камня, в строгом соответствии с тем, как их, очевидно, носили. Сначала изображен коромыслообразный крючок¹² и точило. Предмет коромыслообразной формы имеет аналоги в Китае, где датируется чжоуским временем.

Слова от него, на левой стороне стелы высечен кинжал с навершием в виде головы кошачьего хищника и перекрестием, едва выступающим за контуры клинка и рукояти. На правой стороне стелы к поясу «подвешен» боевой топор с квадратной петелькой на обушке и отчетливо показанной втулкой, налучье и какой-то круглый предмет типа кисета.

Формы топора и особенно кинжала, несомненно, ранние, характерные для карасукских образцов, поэтому камень может

быть датирован серединой II тысячелетия до н. э.— концом II тысячелетия до н. э., т. е. карасукским временем.

Заканчивая описание памятника из Ушкийн-Увэра, необходимо отметить еще раз, что оленные камни, по всей вероятности, не были овязаны с погребениями, а входили в состав культового сооружения, скорее всего жертвенника.

Однородность оленных камней и предметов карасукского типа, высеченных на них, позволяет считать жертвенник Ушкийн-Увэра одним из древнейших памятников такого рода в Монголии, а это значит, что данные оленные камни с фигурами стилизованных оленей с ветвистыми рогами могут быть отнесены к наиболее ранним стелам, о чем говорилось выше.

Кроме жертвенника Ушкийн-Увэр оленные камни первого типа достаточно широко представлены на территории Северной и Северо-Западной Монголии. Перечислю наиболее яркие из них: памятники в Батценгел сомоне Архангайского аймака, Их-тамир сомоне (Цэцэн-эрэг, Баян-Цагаан-гол); в окрестностях г. Цэцэрлэг, Хайрхан сомона (Хушотын-тал, Ульзит сомон), в Баянхонгорском аймаке (Хэрэгсурийн-дэнж); в Булганском и Завханском аймаках (Отгон сомон, Тельман сомон, Шилюстей сомон) и в Хубсугульском аймаке (Зуун-гол).

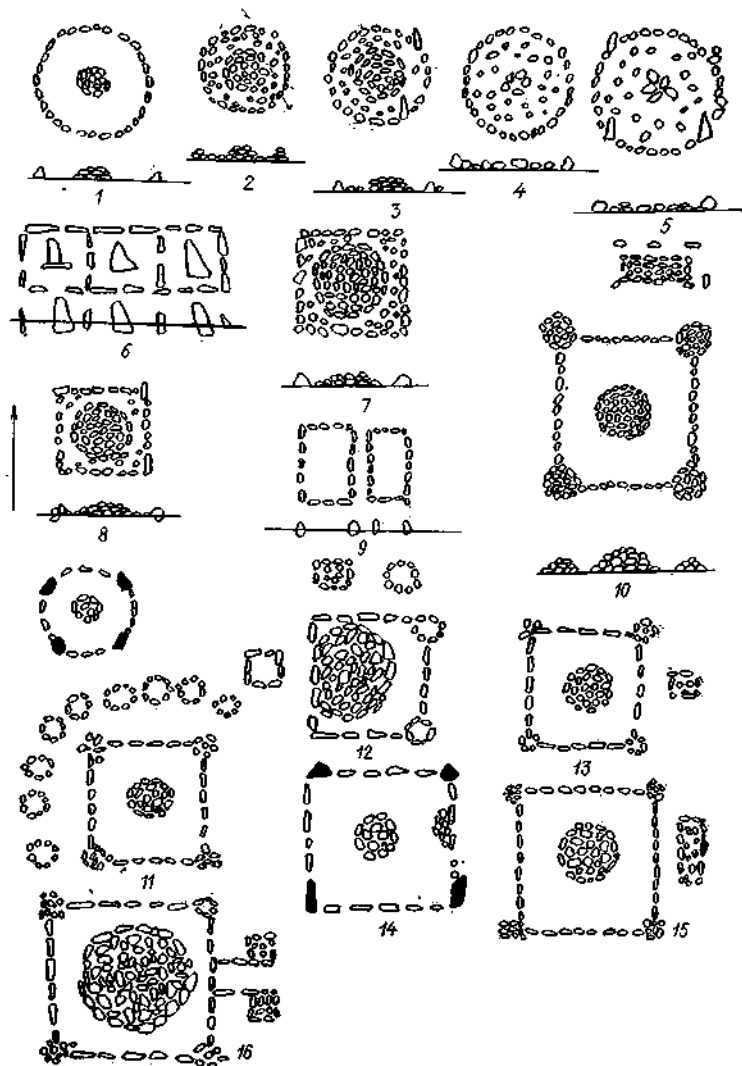
Жертвенники и оленные камни Агрын-бригады

Оленные камни стоят высоко на склоне горы, вытянувшись с севера на юг (с отклонением на 5° к востоку). Все они обращены лицевыми сторонами на восток¹⁸.

На одном из них (№ 31) лицо передано двумя косыми линиями, направленными вниз слева направо (длина линий 14 и 15 см). Справа показана серьга с двумя свисающими фестонами, под нею ожерелье из жемчужин. Слева — зеркало, сзади щит. Пояс, окружающий камень со всех сторон, украшен треугольниками, под ним, на лицевой стороне выбит кинжал и нож, на правой — чекан (или топор), на левой — колчан без стрел [83 с. 176].

Таковыми же двумя косыми линиями показано лицо на соседнем монументе (№ 32), только здесь они направлены сверху вниз справа налево. Вместо ожерелья высечены рога оленя с точками в каждом завитке. Две фигуры оленей, изображения которых сохранились плохо, показаны с двух сторон оленного камня. Две же другие стороны украшены большим изображением топора и лука, расположенных над поясом. Кроме них выбито зеркало. Под поясом, орнаментированным зигзагообразной линией, образующей треугольники, выбит только кинжал на лицевой стороне.

На оленном камне № 33, как и на описанном выше, лицо также передано двумя косыми линиями, а рядом находится оленный камень со скульптурным портретом. На нем изображено продолговатое лицо с длинным носом, круглыми глазами и опущенными углами рта [83, с. 176]. Справа и слева показаны рельефной ли-

Планы керексурсов Западной и Северо-Западной Монголии:

1—10 — Кобдоский аймак, Манхан сомон; 11—14 — Архангайский аймак, р. Тамир; 15 — Центральный аймак; 16 — Архангайский аймак, Авзак сомон

нией уши и в них серьги, ожерелье изображено точками. На правой и левой сторонах камня выбиты топор и фрагменты оленей. Спереди под поясом высечена крупная крючкообразная фигура, сзади над поясом — щит и под поясом — топор.

Замечу, что скульптурный портрет на камне (№ 33) сделан одновременно с другими изображениями монумента, но даже сама форма серого гранитного блока с черными вкраплениями была

выбрана такую, чтобы скульптор смог передать изгиб шеи, показать ее с ожерельем. Все это противоречит предположению С. И. Вайнштейна о том, что лица на оленных камнях были высечены позднее.

На следующей стеле (№ 34) лицо вновь передано двумя косыми линиями, направленными вниз справа налево. Но появился новый элемент — две точки глаз по обе стороны от линий. На месте щек выбиты два треугольника. Ожерелье передано круглыми впадинами, ниже изображено несколько оленей с ветвистыми рогами. Пояс орнаментирован треугольниками. Причем на левой стороне камня показан двойной пояс. Своеобразен также набор оружия: кинжал и топор показаны крест-накрест и выбиты над поясом справа. Слева — кинжал, показан параллельно линии пояса и имеет круглое навершие и лепестковидное перекрестие.

На оленном камне № 35 показан пояс, орнаментированный треугольниками с точками внутри каждого из них. На лицевой стороне под поясом — фигура лани и кинжал с пластинчатым перекрестием и круглым навершием¹⁴. На правом боку был выбит топор с втулкой в виде двух фигурных петель, аналоги которым известны на севере Китая.

Оленный камень № 36 удивляет своими маленькими размерами (высота 80 см, ширина 28, толщина 31 см). Под неорнаментированным поясом выбит только топорик.

Некоторые стелы окружены выкладками из мелких камней. Но следов погребальных комплексов или погребальных оградок рядом не замечено. Очевидно, это был чисто культовый памятник.

Характерные черты оленных камней Агрын-бригады следующие: все они расположены лицевой стороной на восток; лицо передано чаще всего косыми линиями, и лишь один раз показан скульптурный портрет человека европеоидного типа; не всегда встречаются изображения оленей, во всяком случае, они не заполняют всю поверхность камня; преобладают крупные рисунки предметов вооружения, топоров (или секир), которые иногда повторяются дважды на одной стеле. По набору вооружения памятник Агрын-бригады можно отнести ко времени более позднему, чем, например, жертвенник из Ушкийн-Увэра.

В то же время на жертвеннике Агрын-бригады мы отмечаем ряд черт более ранних, чем на памятниках второго типа: встречаются изредка олени с птичьими клювами и ветвистыми рогами, орнаментированные пояса и скульптурный портрет человека. Еще нет зверей, стоящих на «цыпочках», но конь начинает вытеснять оленя. Памятник этот мы относим к переходным от стел первого типа к стелам второго типа.

Оленные камни Муст сомона

Крупное скопление оленных камней обнаружено мною в Кобдоском аймаке в Муст сомоне¹⁵, расположенном в долине Баян-зурхийн-хошоо. Вдоль основания хребта находятся керексуры,

диаметры которых 6, 10, 20, 27 метров. Они тянутся с севера на юг двумя параллельными рядами и расположены так же, как и оленные камни Ушкийн-Увэра и Агрын-бригады, и обращены все лицевой стороной к востоку. Почти на всех стелах лицо передано тремя (в одном случае двумя) косыми параллельными линиями, показаны большие круглые серьги и ожерелья. Изображений немного. Преобладают олени в «летащем галопе», часто поверхность камня остается незаполненной. Выбиты лук в налучье на лицевой части стелы, топор — под самым ожерельем.

На оленном камне № 6 правая сторона заполнена оленями, лицевая — пустая, а левая являет собой абсолютное отклонение от канона. Под ожерельем выбиты зеркало, боевой топор, четыре кабана, расположенные вниз головами, справа над ними типичный «небесный» конь с длинной «лебединой» шеей, ниже лук в налучье [820, с. 177]. На оленном камне № 7 лицо показано тремя линиями, изображены две серьги, под ними ожерелье. Далее — олени с ветвистыми рогами, а между ними лук, зеркало и кинжал с пластинчатым перекрестием. При таком композиционном решении пояс практически не нужен, поэтому неудивительно, что только единожды (на стеле № 10) показан пояс, орнаментированный треугольниками.

В Муст сомоне мною обнаружено два ряда обработанных и отполированных камней без рисунков. Они являются продолжением двух рядов оленных камней. Практически такое положение камней без рисунков предвещает традицию установки балбалов на памятниках древнетюркского времени.

В 2 м от камня № 11, севернее описанного святилища, стоит оленный камень № 12, на лицевой стороне которого выбито ожерелье с подвеской-клыком в центре, справа и слева показано по серьге, а сзади собранные в пучок волосы связаны ожерельем. На этой стеле впервые изображена прическа человека. Кроме украшений и пояса на этой стеле выбиты: на левой стороне — зеркало, сзади — щит, а под поясом — нож, точило, лук в налучье, топор и кинжал с бабочковидным перекрестием. Изображений животных на стеле нет.

Особо следует сказать о своеобразии оленных камней Монгольского Алтая, где кроме широко распространенных по всему западу МНР стел со стилизованными оленями известны необычные изображения. На них олени обычно показаны без рогов. А на стеле из Мунк-хайрхан сомона на месте традиционного оленя высечена фигура быка.

СИМВОЛИКА И СЕМАНТИКА ОЛЕННЫХ КАМНЕЙ

Вероятнее всего, установленные высоко в горах, на жертвенниках и на краю керексурсов оленные камни представляли собой культовый памятник, посвященный оленю-предку (позднее — коню), солнцу, тотему. Многие элементы предшествующих эпох

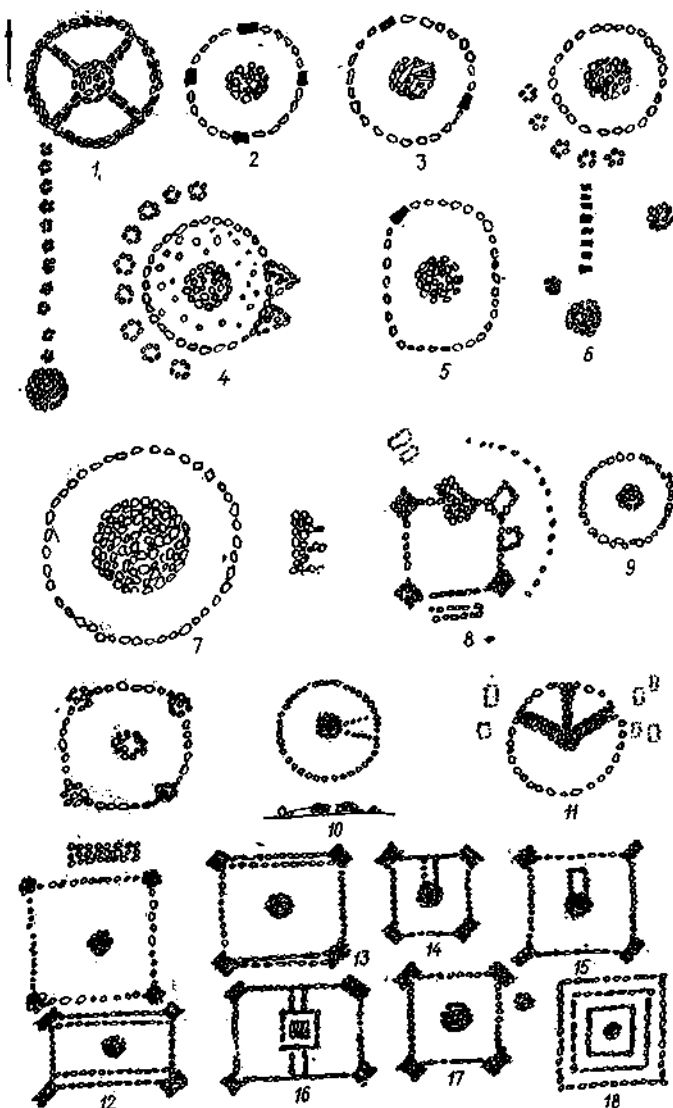
вобрал в себя этот уникальный монумент. Если расчленить олений камень так же, как петроглифы эпохи энеолита и карасукского времени, получится, что верхний ярус камня, отделенный ожерельем и обращенный к небу, символизирует связь с верхним миром и светилами. Изображение на нем серьги-солнца и «небесных» коней, преследуемых клыкастыми хищниками (а сцены погони хищников за травоядными размещены именно в верхней части стел, вокруг серьги-солнца), подтверждает это. Центральная часть камня, заполненная фигурами оленей и других копытных животных, в таком случае будет символизировать средний, т. е. земной, мир. Наконец, нижний ярус камня с изображением пояса и оружия, висящего на нем, почти всегда находился под землей и, возможно, являлся символом подземного мира, а оружие — орудием смерти, жертвоприношения и убийства, расчленения на части той жертвы, которая показана в верхней части стелы.

Органичное единство всех трех частей камня хорошо передает суть строения вселенной и непрерывности развития от рождения до смерти. Сам же камень — памятник предку, давшему жизнь потомкам, гимн оленю и солнцу — создан скотоводами, проводящими в степи под открытым небом всю жизнь. Понятно в этом свете такое явление, как отсутствие на стеле черт, передающих конкретные человеческие черты. Три косые линии вместо лица, серьги и ожерелье — этих элементов достаточно для трактовки образа предка. И естественно, что, чем древнее монумент, тем большее место и роль на нем отводится тотемному образу — оленю. Позднейшие стелы, на которых изображено лишь оружие, передают практически упрощенную схему древнего мифа, возможно, утратившую былую значимость, хотя его отголоски еще многие века сохраняются в народном сознании и фольклоре, как элементы героического эпоса.

Почти все изображения на оленных камнях несут двойную нагрузку. Это можно сказать и о реалистически изображенных «небесных» конях с длинными «лебедиными» шеями, высеченных чаще всего в верхней части камня рядом с серьгой-солнцем, о хищниках, пожирающих травоядных, о стилизованных оленях с вытянутыми клювообразными мордами. Явное преобладание изображений оленя символизирует особо почтительное отношение к нему как тотему, предку рода.

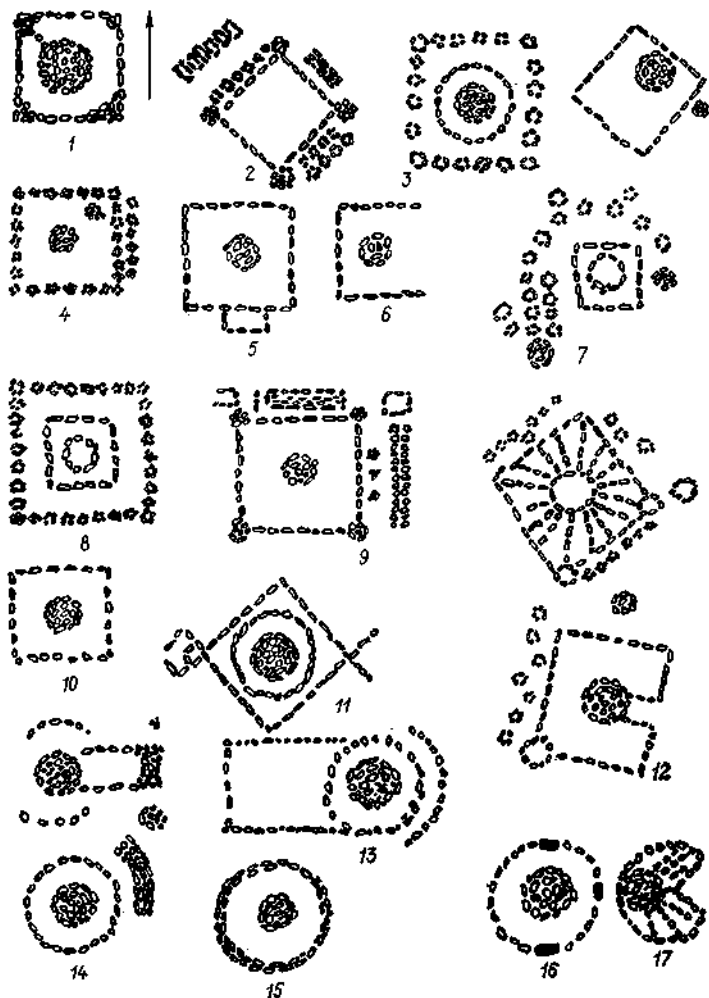
Что же касается различных предметов, выбитых на оленных камнях и показанных чаще всего условно схематично, то они могут рассматриваться не только как детали вооружения или как украшения, но и как символы. Расшифровка таких знаков требует специального исследования. Вот почему кажется полезным анализ отдельных знаков, встречающихся на каменных изваяниях. Знаки эти могут рассматриваться как переходные от рисунка к символу, а затем от символа к тамге.

Такие знаки встречаются не только на оленных камнях. Они неоднократно отмечены нами и среди петроглифов, например, в местности Бурхантын-газар Архангайского аймака. Часто подоб-

Планы керексуров Западной и Северо-Западной Монголии:
 1-6 — Монгольский Алтай, Цагаан-гол (см. [752; 544]); 7-11, 18 —
 Хубсугульский аймак, Дурбулжин (см. [72; 73]); 12-17 — Архангай-
 ский аймак (см. [72; 73])

ный знак выбит рядом с оленями, выполненными в типичной для оленных-камней манере, и это определяет не только его дату, но и семантику. Встречаются варианты этого знака и среди тамг более позднего времени, а затем и рядом с древнетюркскими надписями [599].

Планы керкурсов Западной и Центральной Монголии:

1, 2, 13 — Хангайский аймак, Темир-Тау (см. [544, табл. IV]); 3, 7 — Монгольский Алтай (см. [544, табл. IV, V]; 4, 5 — Хангайский аймак, Хадасан (см. [544, табл. VI]); 6 — Хэнтэйский аймак, Хойт-Тамир сомон; 8 — Кобдоский аймак (см. [544, табл. V]); 9—10 — Хангайский аймак, Шара-усу (см. [544, табл. IV, I]); 12 — Монгольский Алтай (см. [544, табл. V]); 11—14 — Хангайский аймак, Шарга (см. [544, табл. 3]); 15 — ок. Дани-Гуль; 16, 17 — Хангайский аймак

Очевидно, дальнейшее изучение и картирование всех знаков и тамг этого типа позволит более уверенно судить об их значении. Сейчас же можно предполагать, что круги и знаки, изображаемые в верхней части оленных камней, были не просто серьгами-украшением. Они служили символическим выражением этнической или родовой принадлежности того конкретного лица, в

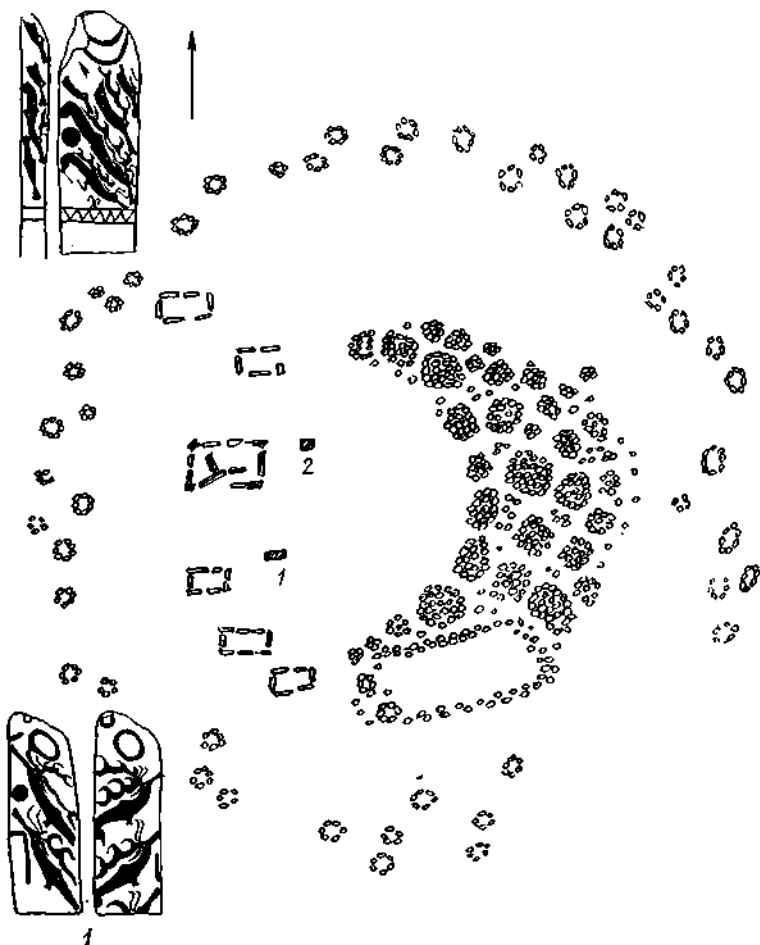
честь которого ставился памятник, или того рода, который возводил тот или иной жертвенник. Следовательно, не исключено, что более поздние монгольские тамги подобного типа на этой территории иногда могут быть объяснимы с помощью более древних знаков.

Мы уже упоминали, что на стелах без оленей часто вместо лица проведены две или три косые линии. Этот признак роднит монументы Монголии с оленными камнями Тувы, Алтая, со стелами Северного Кавказа¹⁶ [173; 350; 638]. На оленных камнях второго и третьего типов в Монголии преобладают косые линии, направленные сверху вниз слева направо, изображающие лицо. Исключение составляет камень из Хубсугульского аймака, из местности Дурульжин-ам, где одновременно показаны и линии, и черты лица человека (два углубления, ямка рта и выпуклость носа). На левой щеке углублением переданы две линии. Единого объяснения этого символа пока не найдено. Можно сравнить эти косые линии с татуировкой¹⁷, например, у африканских юношей, но никаких доказательств проведения обряда инициации в Монголии мы не имеем.

Остроумное сравнение привел Д. Г. Савинов, ссылаясь на этнографические материалы В. П. Дьяконовой о погребальном обряде тувинцев. После погребения тувинский шаман проводит на земле три линии для того, чтобы покойник не мог вернуться домой, ибо линии эти символически отделяют мир живых от мира умерших. И следовательно, по мнению Д. Г. Савинова, три линии на монументе обозначают черту между живыми и мертвыми — их предками [573]. В Туве на р. Хальер найдена стела с пятью линиями [529, с. 225]. По мнению В. Д. Кубарева, подобные знаки являются символами божества, они изображались на шаманской маске во время жертвоприношения [350, с. 46].

Линия, отделяющая голову от туловища, часто передана углубленным желобком, похожим на ожерелья из бус разных геометрических форм. Иногда показаны две параллельные линии с вертикальными насечками внутри. В Архангайском аймаке (Их-Тамир сомон) на оленном камне изображение гривны передано двойной линией, орнаментированной рядом углублений. Иногда внутри гривны изображены квадраты. На стелах без стилизованных оленей обычно показана простая гривна, без бусин. Рог или клык изображены на лицевой стороне камня подвешенными на «цепочке» (видно даже отверстие для подвешивания).

Изображение животных в средней части камня (оленей, копей, лосей, кабанов, козлов и баранов) символизирует, как мы уже говорили, мир земной, населенный копытными. С обитателями этого мира вступают в борьбу, по шаманским поверьям, силы подземного, нижнего, мира. А единоборство хищников с травоядными означает, очевидно, столкновение миров, т. е. мира добра и зла. Хищники, приготовившиеся к прыжку, кошачьи хищники, свернувшиеся в кольцо, символизируют притаившуюся, готовую к нападению злую силу — смерть.

План керексура из Булганского аймака (Сайхан сомон);
1—2 — оленные камни

Не случайно изображены на стелах и орудия смерти — оружие воина и вооружение, защищающее от смерти, — щит.

Немало споров и предположений возникло по поводу расшифровки пятиугольной фигуры, по размеру пропорциональной величине лука, которая неизменно встречается на оленных камнях с фигурами стилизованных оленей с птичьими клювами. Эта фигура всегда показана на задней стороне стелы, выше пояса. Долгие годы эта деталь именовалась в специальной литературе как «решетчатый пятиугольник» [238, с. 46]. По мнению В. В. Волкова, она напоминает изображения бревенчатых домиков [119, с. 77]. Того же мнения и М. Х. Маннай-оол, который сравнивает эти пятиугольные фигуры со срубными домами типа тех, что изо-

бражены на Боярской писанице в Хакасии [421]. С. И. Вайнштейн считает, что «такие фигуры символизируют грудную клетку с „ребрами“», подобно некоторым изображениям на шаманских предметах [85, с. 70]. С первой точкой зрения не позволяет согласиться расположение линий: порою округлая нижняя линия, не свойственная домам, большой овальный круг внутри пятиугольной фигуры с точкой посередине, а иногда три небольших круга, расположенных наискось,— все это непохоже на дом. Отдельные изображения вообще не имеют ничего общего с бревенчатым срубом, ибо линии показаны в виде перекрестного плетения [461, с. 224, табл. 24]. Они более всего похожи по форме и орнаменту на щит из Пазырыкского кургана [568, с. 122]. Трудно допустить также, что шаманский символ — «ребра» — изображался неизменно на всех оленных камнях наряду с самыми необходимыми предметами вооружения воина, к тому же на задней стороне стел.

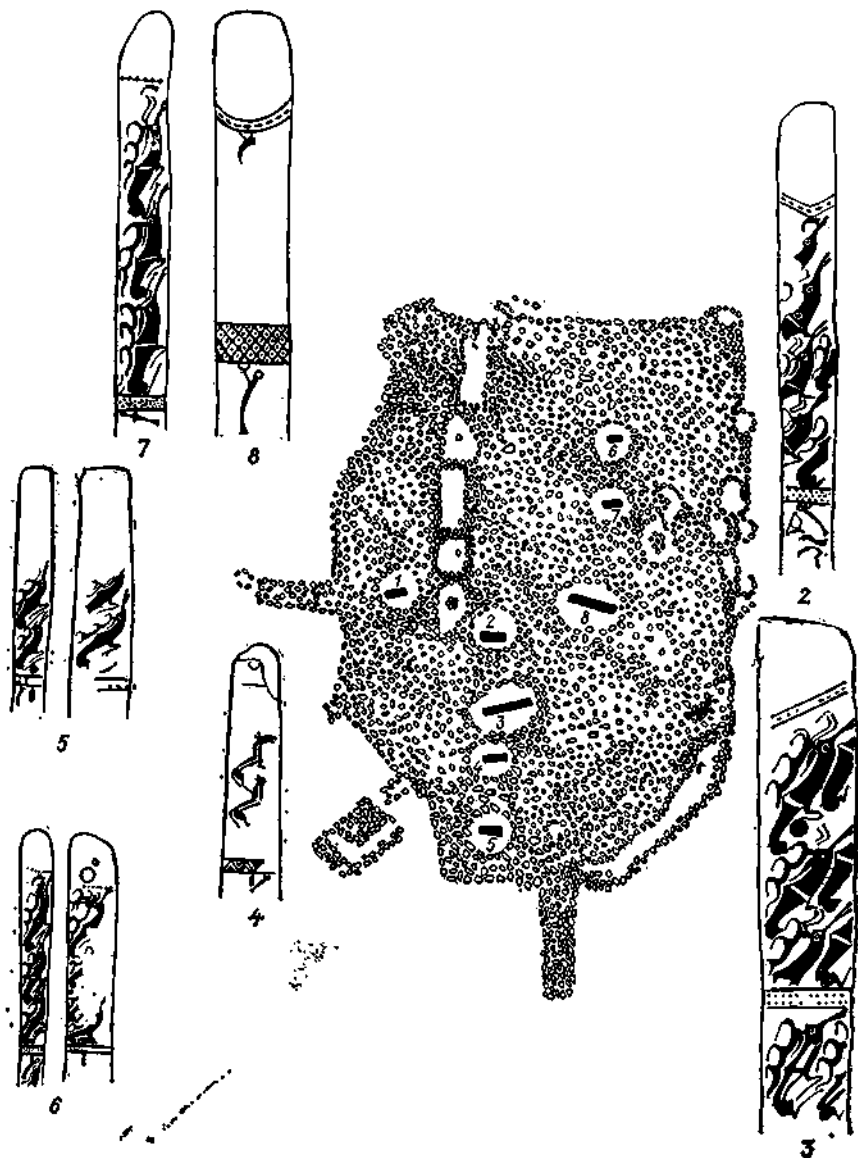
Я высказала предположение, что фигура эта скорее всего изображает щит и сравнима по форме с китайскими щитами эпохи Чжоу¹⁸ [461]. Подобной формы щиты известны также на ханьских барельефах, на танских изображениях пеших воинов и на рисунках позднего средневековья [794, рис. 29; 835, рис. 83; 794, рис. 29].

Можно предположить, что центральноазиатские щиты пятиугольной формы первоначально были оружием пеших и колесничих, а затем конных воинов. Очевидно, защитное вооружение во второй половине II тысячелетия до н. э. было широко распространено, но, сделанное из кожи и дерева, оно, к сожалению, не сохранилось до наших дней [568].

К этому же мнению в последнее время присоединился и В. В. Волков. Теперь он считает, что пятиугольные фигуры на оленных камнях не могут быть домиками и «никак не вяжутся с изображениями ребер и могут быть объяснены только как какие-то детали щитов» [121, с. 90]. Но почему он называет их какими-то деталями щитов, а не самими щитами, неясно; автор не уточняет этого.

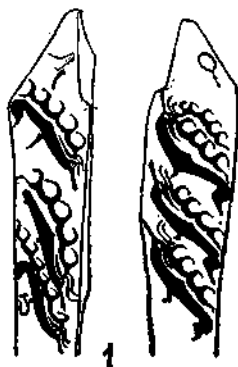
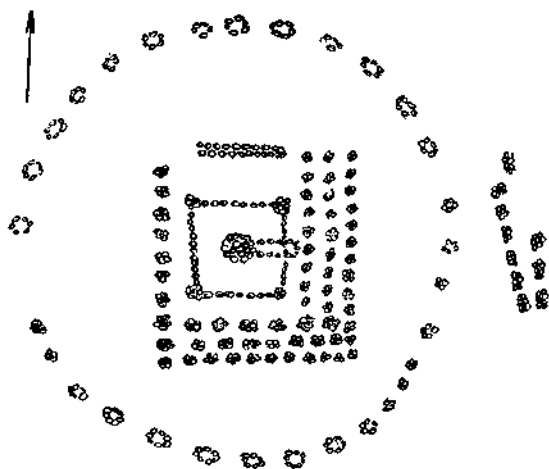
Очень редко встречается на оленных камнях своеобразная фигура, которую древние художники помещали над поясом, там же, где нарисованы щиты. Это вертикальный предмет с несколькими парными отростками по обе стороны от «ветви». Наверху иногда показан двойной круг (его можно сравнить с головой) с рогами. «Ветви» всегда направлены вниз¹⁹. Таким образом, фигура эта отчасти напоминает многоступенчатое изображение матери-роженицы, известное по чулуутским и гобийским рисункам эпохи энеолита. Но можно также предположить, что показано стройное дерево или растение, против чего есть только один довод, но весьма существенный — ни разу на оленных камнях не встретилось ни одного изображения растений.

В других районах распространения оленных камней подобных знаков пока неизвестно. Правда, на р. Барбугазы на Алтае за-

План святилища Дагаан-дэль (Завханский аймак, Шильустэй сомон);
2 — 8 — оленные камни

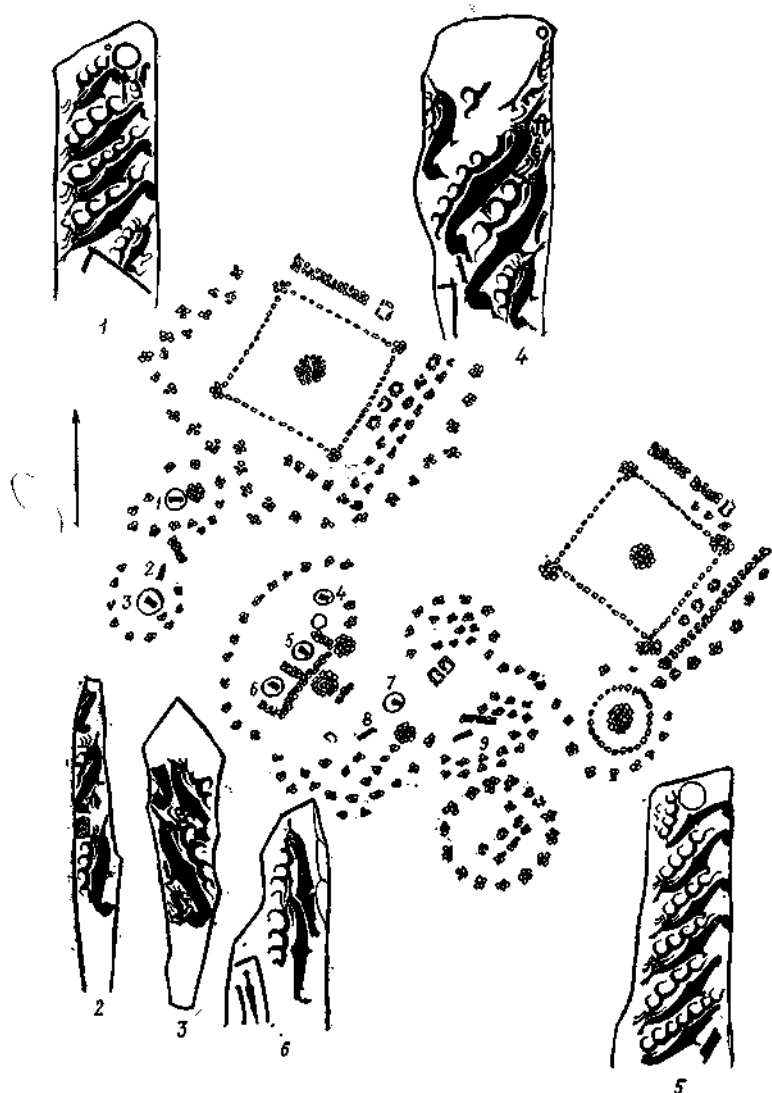
фиксирован уникальный камень, рисунки на котором более всего напоминают изображения на шаманском бубне: это — взявшиеся за руки люди («хороводы»), которые мы сравниваем с «хороводами» злых духов — кермес, а также человек с бубном и люди с

План керкурса из Цацын-эрэг
(Архангайский аймак, Их-Тамир сомон);
1 — олений камень

воздетыми к небу руками [350, табл. XIII]. Возможно, что и на оленном камне из Хубсугульского аймака (Зуун-гол) изображены шаманские символы.

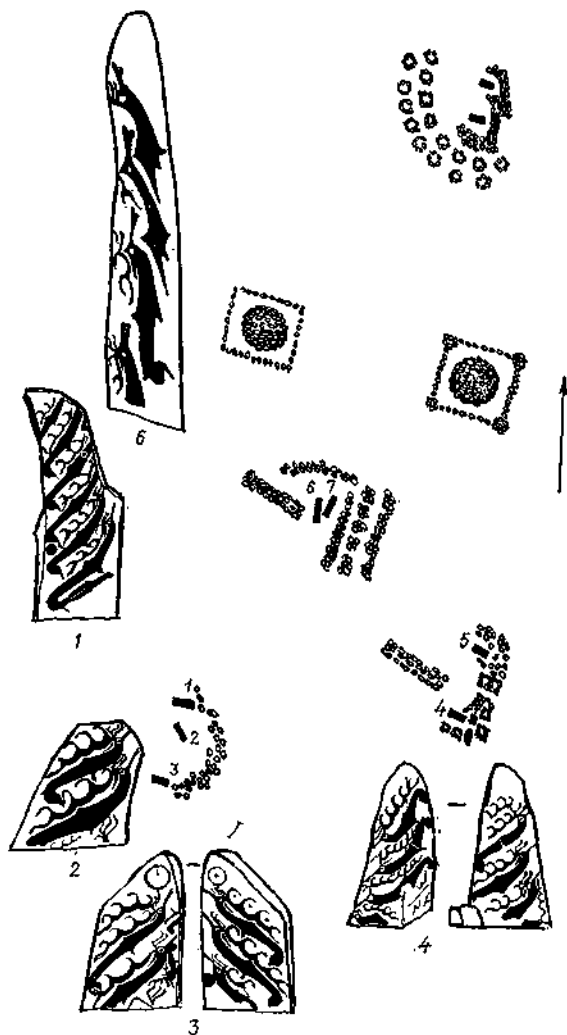
Еще один загадочный знак на оленных камнях (частично о нем упоминалось при анализе деталей колесницы) — крючкообразный предмет, всегда висящий на поясе. Позднее подобный знак широко распространяется как тамга эпохи сюнну и сарматского времени на евразийской территории²⁰. Изображения этого предмета часто встречаются на каменных стелах Монголии и Забайкалья. Вероятно, он был одним из немногих необходимых аксессуаров мужчины того времени. Упомянутый предмет, как правило, изображается висящим на поясе рядом с ножом, точилом и кинжалом. Ни разу не показано никаких предметов, подвешенных

План керексуров из Зуны-гол (Хубсугульский аймак);
1—9 — оленные камни

к нему. Когда на оленном камне бывает изображен колчан, то он, как правило, висит отдельно на поясе рядом с крючком. Очевидно, этот знак не был просто крючком для подвешивания, а имел свою специальную функцию.

Подобный предмет был найден однажды в плиточной могиле Закавказья [587]. Мы писали уже, что он напоминает поздне-

План керексурсов из Булганского аймака
(Орхон сомон);
1—7 — оленные камни

карасукские, иньские и тагарские «предметы неизвестного назначения» [477, с. 121—124, рис. 40].

Выше уже высказывалось с большой долей гипотетичности предположение об одинаковой функции «предметов неизвестного назначения», изображенных на оленных камнях и найденных в карасукских и иньских погребениях.

Большая часть изображений на оленных камнях связана с военным делом и оружием воина.

Изображение знамени также не случайно. Знамя, как символ победы, было священным атрибутом древних племен Монголии. Оно считалось воплощением души предка, оберегалось и защищалось. В древнетюркское время на знаменах были изображены тотемные предки народа (например, волк). Знамя было связано с душой — сулдэ — предка, полководца, с небом [44, с. 79]. Душа великого человека в Монголии становилась хранителем рода и племени, она защищала воинов в бою. По мнению академика Б. Я. Владимирцова, знамя и есть реальное отражение души. Вот почему слова «туг» и «сулдэ» выступают в монгольском языке синонимами, обозначая и «знамя» и «душу», равно как синонимы «genlus» и «signum» у римлян [116, с. 23].

В Монголии самое древнее, дошедшее до наших дней изображение знамени находится на оленном камне из Архангайского аймака. Знамя показано развевающимся на копье, а рядом высечены щит, кинжал, лук со стрелой. Мы говорили, что скорее всего оленный камень был памятником предку и устанавливался на месте, где регулярно совершались жертвоприношения, поэтому естественно, что на оленном камне обнаружено изображение знамени — души предка. Однако рисунок знамени встречается на стелах крайне редко. Это еще раз свидетельствует о том, что далеко не каждому предку было посвящено знамя. Подобное изображение символизирует знак особой власти полководца. Идея эта сохранится в веках и найдет свое воплощение в петроглифах Монголии, Казахстана, Киргизии и Средней Азии в древнетюркское время [473].

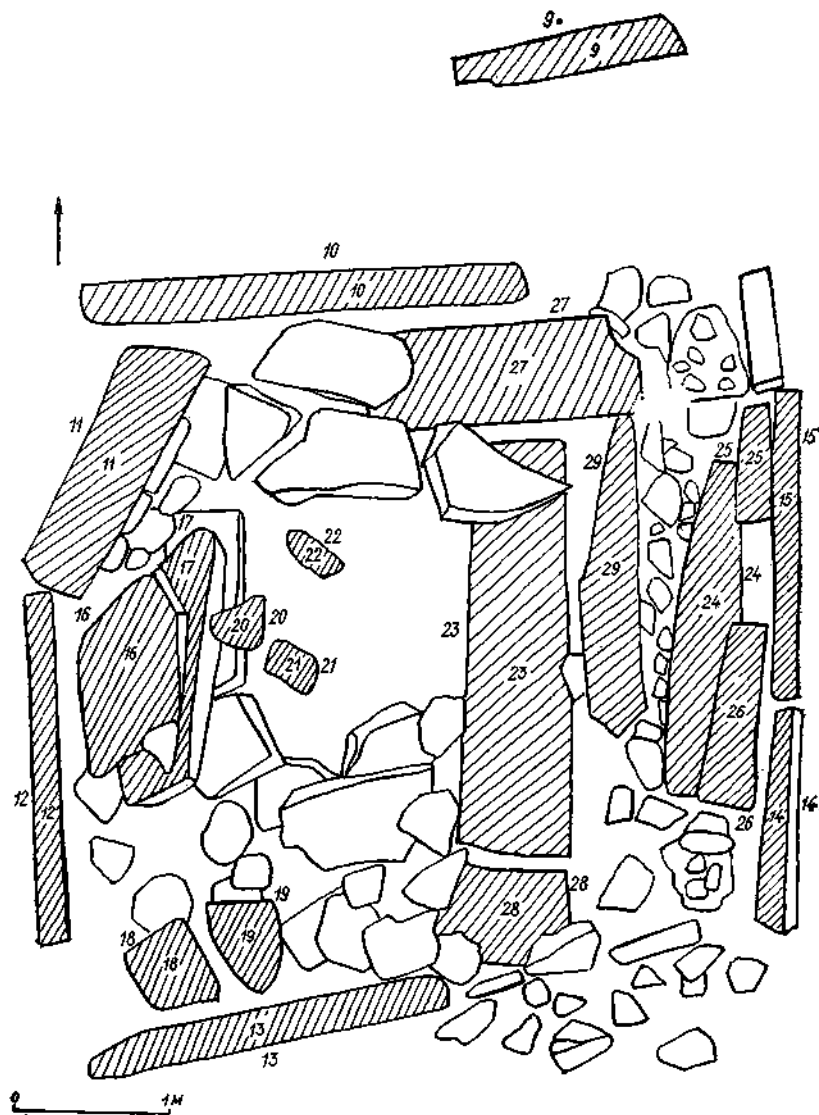
Другой символ души — птица также присутствует на каменных стелах карасукского времени. Так, все стилизованные олени имеют птичьи клювы и распластанные, как крылья, большие ветвистые рога. Кроме того, на оленных камнях (например, на стеле из Шивертын-ама Архангайского аймака) ноги оленей показаны трехпалыми, как у птиц.

КАРАСУКСКИЙ «ЗВЕРИНЫЙ СТИЛЬ»

Оленные камни и петроглифы эпохи бронзы, тесно связанные своей идеологической направленностью, дают дополнительный аргумент в пользу центральноазиатских истоков «звериного стиля».

На берегу Орхонского водопада на базальтовых глыбах выбиты рисунки, аналогичные изображениям на оленных камнях. Бегущих оленей — самку и самца — преследуют четыре волка с открытыми пастьми. Олени показаны с ветвистыми рогами и длинными клювами. Самка закрывает новорожденного олененка с короткой нестилизованной мордой. Таким образом, в данном случае в одной композиции присутствуют изображения двух различных стилей.

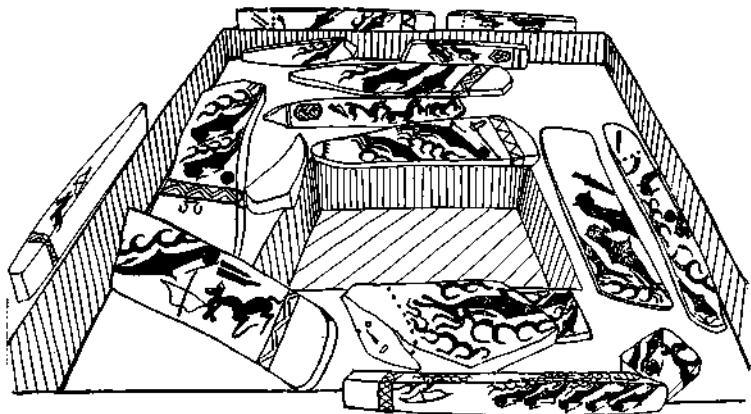
Сцена охоты, обнаруженная в горах Арабжаха, является своего рода повествованием, растянутым во времени: сначала

План могилы, заполненной оленными камнями:
1—29 в Хэрэгсурийн-дэнж (Баянхонгорский аймак;
раскопки В. В. Волкова и Э. А. Новгородовой, 1969 г.)

охотники с собаками преследуют диких козлов, затем показан танцующий после удачной охоты человек — фигура, часто повторяющаяся на петроглифах этого региона.

Сцены «терзания» на петроглифах и оленных камнях Монголии отличаются простотой и лаконизмом. Чаще всего показаны

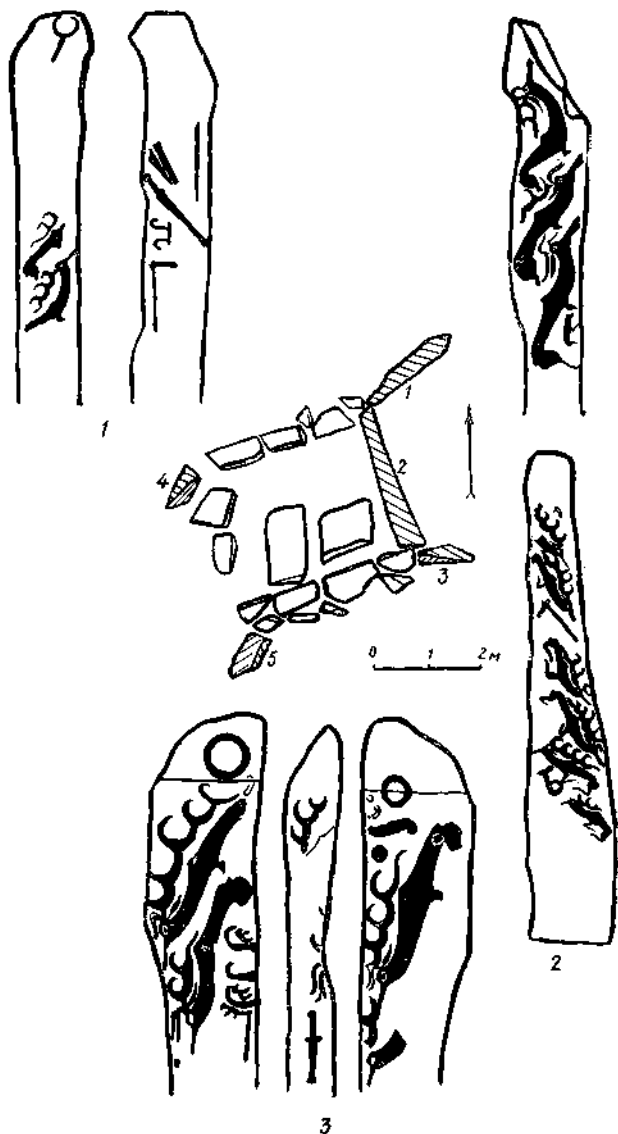

Общий вид могилы в Хэрэгсүрийн-дэнж после раскопок

барс или тигры, преследующие кулана или коня. Очевидно, к этому же времени можно отнести изображения хищников и чудовищ, проглатывающих солнце. Правда, изобразительная манера передачи хищников на петроглифах и оленных камнях Монголии несколько отлична от той, в которой выполнены бронзовые пластины. В частности, на петроглифах и оленных камнях, как правило, отсутствует такой прием, как переплетения фигур борющихся зверей. Нет на них и той предельной стилизации и гиперболизации, которая характерна для скифского этапа «звериного стиля». В то же время на бронзовых бляхах из Монголии порою трудно не только определить вид животного, но и найти его среди многих деталей, украшающих эти бляхи. Таковы бронзовая бляшка из музея в Убсунурском аймаке, гобиялтайские изображения свернувшегося зверя, экспонаты из чойбалсанского и среднегобийского музеев²¹ [119, с. 20]. Форма предмета подчинена его функциональному назначению, но, кроме того, имеет еще и канонизированный, законченный облик. Подобные свернувшиеся кошачьи хищники встречаются лишь на оленных камнях второго и третьего типов, которые являются наиболее поздними в Монголии [470, с. 337].

На бронзовых изделиях из Монголии встречаются изображения свернувшегося хищника, обрамленного «жемчужником», с лапами и хвостом, украшенными головами грифонов. Бронзовая бляха в виде свернувшегося зверя из коллекции гобиялтайского музея сходна с фигурками золотых пантер из Чиликтинского кургана, а также с золотым навершием рукояти меча с изображением свернувшегося зверя на Зивийе.

Показательно, что этот мотив, форма и стилистические приемы оказались чуждыми трактовке кошачьего хищника на древнем Востоке. По мнению В. А. Ильинской, искать истоки сюжетов с кошачьим хищником⁴ в искусстве Передней Азии невозможно, так

План могилы в Цацын-эрэг (Архангайский аймак);
1—5 — оленные камни

как он не был характерен на древнем Востоке в период, предшествующий правлению там скифов, т. е. VII в. до н. э., и не сохранился там в последующую эпоху. В частности, этот сюжет не прослеживается в искусстве ахеменидского Ирана, но известен в более древнем комплексе сакской культуры Казахстана, причем с

меньшей стилизацией. В. А. Ильинская справедливо утверждает, что большая степень стилизации скифских мотивов на вещах из Зивийе позволяет говорить о неясном понимании художником воспроизводимого сюжета [287, с. 77]. В результате, как пишет Р. Барнет, кошачий хищник в Передней Азии приобрел облик «свиноподобной львицы» [711]. По мнению Р. Гиршмана, в ставках скифских царей в Передней Азии могли быть специальные мастерские, в которых на скифского вождя работали мастера из разных стран, а следовательно, скифский «звериный стиль» интерпретировался златокузнецами иноземного происхождения [750].

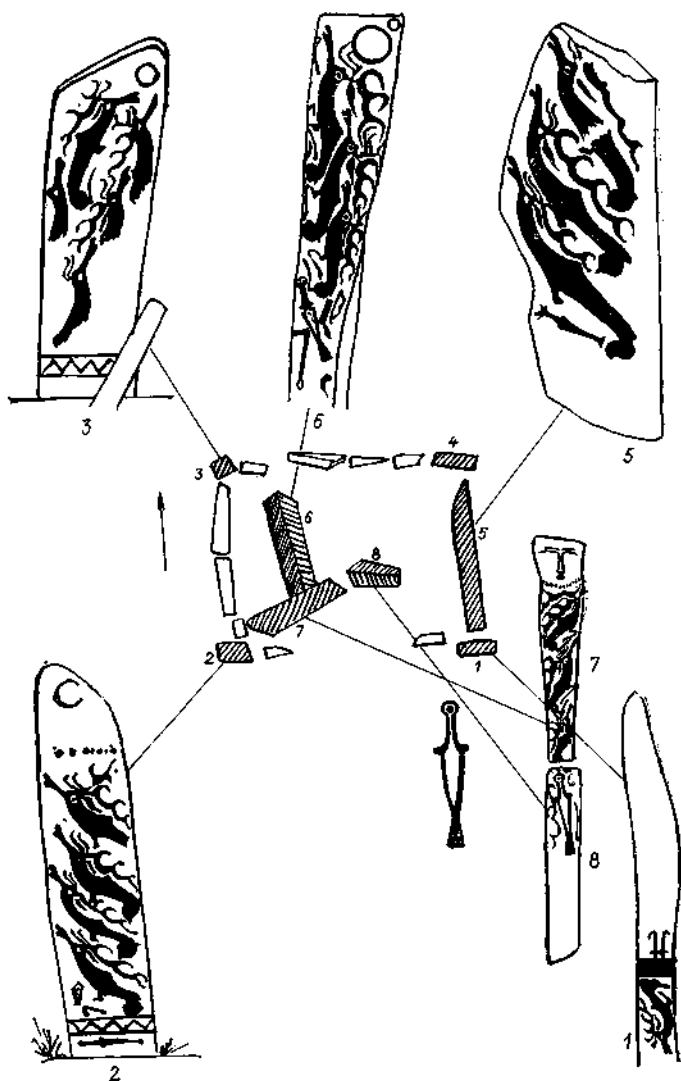
Возможно, что и сама тема свернувшегося хищника, чуждая искусству земледельцев Передней Азии, воспроизводилась там чисто поверхностно, без понимания ее семантики, а появилась она, очевидно, на восточных границах скифского мира, где археологи находят ее древнейшие образцы [635, с. 34—35]. По мнению некоторых исследователей, первоначально она возникла в сознании кочевников и была порождением их идеологических запросов [583]²².

Еще один сюжет, малоизвестный на Западе, но типичный для бронзовых предметов Монголии, — это верблюд или голова верблюда. Иногда показан стоящий двухгорбый верблюд, иногда бегущий или стоящий «на цыпочках». Эта фигура в характерном «зверином стиле» встречается также среди петроглифов.

Традиционно-кочевнический сюжет — отпечатки копыта животного — встречается на тагарских ножах в Южной Сибири, а бронзовая бляшка в виде копыта — в Монголии [112, табл. 13, № 5]. Отпечатки копыт известны на петроглифах Центральной Азии, датированных от конца каменного века вплоть до наших дней.

В целом «звериный стиль» Монголии отличается некоторым своеобразием и, что особенно важно, богатством форм и сюжетов.

Очевидно, причиной появления новых сюжетов и мотивов в творчестве кочевников Центральной Азии той поры явилось сложение новых форм отношений, появление собственности, непрерывные войны и междоусобицы и как естественный результат — выделение главенствующей роли мужчин, что и нашло отражение в мировоззрении и идеологии эпохи. Если первобытный миф имел одно содержание — космогонию, то отныне появился новый сюжет — тема героя, человека, которая первоначально также осмысливается тотемистически. «Свою людскую жизнь с ее, если можно так сказать, бытом: охотой, войной, шествием на охоту, схваткой и борьбой со зверем, разрыванием и пожиранием зверя, родами и умиранием — свой человеческий быт первобытный коллектив осмысляет тотемистически, и первобытные метафоры передают космогонию именно как борьбу и схватку тотемов, как шествие (странствие), как разрывание и пожирание, как рождение и смерть. Однако эти метафоры питаются чистой реальностью: „шествие“, „борьба“, „разрывание“, что бы они ни означали в смысловом отношении, как ни были бы в своем значении аналогичны и ареальны, морфологически представляют собой реальную катего-

План могилы в Булганском аймаке (Сайхан сомоне);
1—8 — оленные камни

рию, соответствующую реальной жизни первобытного общества» [619].

Анализируя становление и содержание «звериного стиля» Монголии с этой точки зрения, нетрудно представить себе тотемное значение в изобразительном искусстве оленя (лося), а позднее ко- ня, объяснить смысл терзания хищниками травоядных животных, сцен жертвоприношения, роль и место изображений птиц, змей и

деревьев. С этих позиций, возможно, следует рассматривать и традицию изображения животного как «части целого» (т. е. только головы с рогами или протомы), как элемента, передающего суть тотема, подчеркивающего мощь, зоркость или цепкость тотемного предка. Именно в этом смысле интересны расчлененные изображения оленей, форма тела которых типична для эпохи «звериного стиля», а расчлененность на многие части — элемент, сохранившийся от предшествующих эпох карасукского времени включительно.

Мы подошли ко второй существенной черте «звериного стиля» Монголии — его неразрывной связи с образами предшествующих эпох. Один из таких образов — олень, который трансформировался из оленя-вселенной в солнцерепого предка, а затем в «летащего» оленя. Сохранение элементов культуры, почитание неба, огня, солнца, одних и тех же животных позволяют предположить преемственность этноса, которая, кстати, прослеживается в материальной культуре и по палеоантропологическим данным. Вполне вероятно, что европеоиды эпохи энеолита были предшественниками носителей карасукской культуры и, следовательно, родственны создателям оленных камней и «звериного стиля». Сохраняются также пережитки и образы «звериного стиля» — типичного для искусства степных кочевников, возникшего в середине II тысячелетия до н. э. и распространившегося в начале I тысячелетия до н. э. на широких степных пространствах Евразии.

ПЛЕМЕНА НА ТЕРРИТОРИИ МОНГОЛИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э.

С каким антропологическим типом связаны карасукские племена (часть которых населяла Северную и Западную Монголию), оставившие бронзовые орудия и оружие со звериными наконечниками? Кем были в этническом плане племена Западной Монголии, выбивавшие на скалах сюжеты с колесницами и создавшие большую серию скульптур в виде оленных камней? Вопросы эти до сих пор дебатировались в литературе. Мы можем суммарно представить образ карасука Монголии по рисункам на скалах вдоль берегов р. Чулуут или в Бичигтын-аме, по скульптурным портретам на стелах. Мы знаем, что воин той поры еще не знал оседланной лошади, потому изображения всадников не встречены. Но он уже умел впрягать лошадей в боевую двухконную колесницу, был вооружен луком, боевым топором, чеканом, защищен шитом.

Антропологи, изучив черепа карасукцев Южной Сибири, отмечают их европеоидные черты и иногда сравнивают с памиро-ферганцами. Эту гипотезу Г. Ф. Дебец высказал еще в 1931 г. [211].

И в 1948 г. тот же автор настаивал на том, что население Южной Сибири III—I тысячелетий до н. э. в основной своей массе принадлежало к различным европеоидным расам [215]. Г. Ф. Дебец пишет о проникновении в Минусинский край в карасукскую

эпоху с юго-востока переселенцев, относящихся к дальневосточной расе азиатского ствола [215].

По мнению В. П. Алексеева, карасукские черепа Южной Сибири гораздо больше отличаются от дальневосточного типа, ибо не имеют плоского в сравнении с европеоидными группами лицевого скелета и «в этом отношении не отличаются от представителей памиро-ферганского типа европеоидной расы» [14, с. 383].

Уже неоднократно отмечалось, что в отдельных районах (особенно в Южной Сибири) в карасукское время значительно увеличилась численность населения, что мы объясняли вслед за С. В. Киселевым притоком новой волны кочевников из Центральной Азии и Северного Китая [307; 477].

Факт распространения культуры карасукского типа далеко на север и северо-запад, вплоть до широты Красноярска, интересно сравнить с данными палеогеографии. Исследования целого ряда озер Монголии показали, что в районе Даян-нура (3340 лет назад), Ачит-нура (3370 лет назад), Больших озер и Хар-нура (3380 лет назад) и Хух-нура на Хангае (3430 лет назад) начался период усиления континентальности климата [111, с. 383]. Все эти даты совпадают с 1500 г. до н. э. — временем распространения карасукской культуры. Не явилось ли резкое изменение климата одной из серьезных причин передвижения кочевников на север в поисках пастбищ? Дальнейшие исследования, возможно, позволят решить и этот вопрос.

В. П. Алексеев пишет, что население Тувы в эпоху бронзы также принадлежало к большой европеоидной расе [14, с. 384]. Материалы из погребений Западной Монголии подтвердили точку зрения В. П. Алексеева о распространении европеоидного населения в эпоху бронзы в западных районах Монголии. В. П. Алексеев считает, что этот материал позволил расширить ареал европеоидов в Центральной Азии в эпоху бронзы до центральных районов Монголии и включить в него все западные районы Монгольской Народной Республики. И далее В. П. Алексеев предполагает, что «в центральноазиатскую зону расселения представителей европеоидной расы можно будет включить и Внутреннюю Монголию» [17]. Из этого В. П. Алексеев делает выводы о наличии европеоидного населения в Западной Монголии в эпоху бронзы и высказывает предположение, что люди европеоидного облика могли существовать в центральных районах Монголии и до рубежа новой эры, и до IX в. [14].

Так, палеоантропология расширяет территориальные и хронологические рамки распространения европеоидов в Центральной Азии.

Перед исследователями встал существенный вопрос: где же проходила линия расселения племен разных рас? «Неизвестно, к сожалению, где проходила в пределах современного Китая и соседних стран древнейшая граница между ареалами расселения монголоидных и европеоидных популяций. Если на северной периферии ареала распространения тихоокеанских монголоидов они

взаимодействовали главным образом с континентальными вариантами той же большой группы рас, то на западных границах этого ареала, по крайней мере с неолита и бронзового века, должна была происходить межрасовая метисация между монголоидами и различными европеоидными популяциями, жившими в то время на юге Сибири и в Средней Азии» [349, с. 211].

Но в нашем распоряжении нет «никаких палеоантропологических материалов, которые позволили бы сделать вывод о широком распространении восточных монголоидов на запад и северо-запад в сторону современного Синьцзяна (Восточного Туркестана), Средней Азии и Казахстана, ибо черепа из Лобнора, отнесенные к середине I тысячелетия до н. э., принадлежали к европеоидам» [349, с. 211].

Граница расселения племен разных рас проходила по территории Монголии. В силу бесспорно существовавшей межрасовой метисации она не может быть прослежена достаточно четко, но, наверное, уже сейчас можно сказать, что на востоке страны обитали монголоидные племена, оставившие плиточные могилы, а на западе преобладали носители карасукской культуры и оленных камней. Процесс взаимопроникновения культур нашел свое отражение в следующем факте: часть плиточных могил заходит на ту территорию, где преобладали керексуры и оленные камни (в пользу их разнородности свидетельствует переиспользование оленных камней в плиточных могилах). Оленные же камни изредка встречаются восточнее главной линии, разделяющей страну на два больших региона (ниже мы вернемся к этой теме при разговоре о плиточных могилах).

Н. Н. Мамонова пишет, что древний «антропологический тип населения западных и восточных областей Монголии в эпоху неолита, энеолита и в скифское время резко отличался друг от друга. На востоке расселялись племена, принадлежавшие к монголоидной расе, на западе — европеоидной» [411, с. 207].

Как видим, европеоидное население прослеживается в западных областях Монголии, начиная с эпохи энеолита, развитого бронзового века, и имеет черты наибольшего сходства с племенами эпохи бронзы из Тувы и более западных районов. Этот вывод о западном направлении связей карасукских племен Монголии и Южной Сибири тем более интересен, что отдельные элементы культуры — распространение колесниц, оружия и орудий предскифского типа — позволяют говорить о широких контактах. Но не менее явственно и существенно эти связи и параллели в развитии прослеживаются в следующую эпоху, синхронную распространению саков на Алтае, скифов в Причерноморье, в эпоху, которую принято называть периодом ранних кочевников.

Сопоставление археологических источников с данными антропологии и сведениями древних китайских летописей позволило С. В. Киселеву высказать предположение, что именно карасукцы известны нам по китайским текстам под именем динлинов.

Ниже мы рассмотрим эту проблему подробнее. Здесь же нас

интересует вопрос, насколько реально отождествлять с динлинами именно карасукцев. Если говорить о территории от Байкала до Оби, то, во-первых, она не абсолютно соответствует карте распространения карасукской культуры. Карасукцы Монголии расселялись преимущественно на западе страны. Во-вторых, на территории Западной Монголии европеоидное население прослежено задолго до карасукской эпохи.

Обратимся к данным, собранным китаистами, тщательно, по крупицам. Среди западных соседей иньцев упоминаются цяны (жуны), иногда именуемые «северными» («бэй цян») [349, с. 175]. В иньских надписях, как показали исследования, их иногда называют «лошадиными» или «во множестве разводящими лошадей» («ма цян» и «до ма цян») [349, с. 175]. Заметим, что сами иньцы разводить лошадей не умели. Потребности в лошадях для нужд армии, главной ударной силой в которой были боевые колесницы, иньцы удовлетворяли за счет дани от западных и северо-западных соседей» [349, с. 175].

В родстве с цянами были цяян жуны, о которых сказано, что это люди, «не причиславшие волос и совершавшие жертвоприношения в поле» [349, с. 176]. Китаисты полагают, что племена эти говорили на тибето-бирманских языках. Совершенно иная группа племен именовалась горными жунами и отличалась тем, что вела против колесниц бои в пешем строю. Племена эти ассоциируются с археологической культурой, открытой на северо-востоке Китая.

Однако нельзя забывать, что карасукская культура, кроме того, ассоциируется и с изображением колесниц в Центральной Азии.

В последние годы написан ряд работ, посвященных происхождению колесниц, их распространению (начиная с первой половины II тысячелетия до н. э.) на широкой территории Евразии и Африки. Исследователи, в частности Э. А. Грантовский, говорят о большой роли всех данных о боевой колеснице для решения проблемы происхождения индоевропейцев.

Вопрос о прародине индоевропейцев ни в коей мере не является предметом рассмотрения в данной работе. Важно лишь учитывать факт, установленный независимо от археологических источников, что андроновское население степей Западной и Южной Сибири было ираноязычным и проживало в том регионе, где задолго до скифской эпохи были известны колесницы, о чем можно судить по находкам. Исходя из тезиса о том, что наличие колесницы на широкой территории является свидетельством ареала обитания здесь индоевропейцев, можно было бы ставить вопрос о том, что не случайно изображения колесниц найдены также и в Западной и Северо-Западной Монголии. Однако писать об этом было бы преждевременно. Достаточно вспомнить, как невелик материал из раскопок карасукской эпохи в Монголии, что еще не обработаны лингвистические материалы. Можно лишь надеяться, что дальнейшие комплексные исследования позволят вернуться к этому вопросу.

ПАМЯТНИКИ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э. НА ТЕРРИТОРИИ МОНГОЛИИ

ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД. ХАРАКТЕРИСТИКА ЭПОХИ

Карасукская эпоха сменилась периодом, часто называемым эпохой ранних кочевников, который также известен в литературе как скифское время, по имени самого популярного и наиболее изученного народа древности в Евразии. Мы считаем, что и то и другое название намного шире (и хронологически, и территориально). Поэтому мы прибегаем к параллелям и материалам из соседних районов, при этом, естественно, стараемся акцентировать внимание на тех данных, которые имеем из Монголии. Хронологически мы ограничиваем рассматриваемую эпоху серединой VII в. до н. э.—II в. до н. э. Определение начала ее зависит от того, к какому времени мы относим конец предшествующей, карасукской эпохи.

Долгие дискуссии о происхождении и начальной дате карасукских памятников Сибири и Центральной Азии как будто утихли. Исследователи признали, что одной из наиболее ярких отличительных черт карасука является колесница наряду с карасукскими бронзами и ранними формами «звериного стиля». А поскольку время существования колесниц Центральной Азии хорошо подтверждается датировкой находок в иньских и чжоуских погребениях Китая, то можно говорить о том, что в середине II тысячелетия до н. э. (XV—X вв. до н. э.) колесница распространяется во всем карасуком мире.

Сложнее решается вопрос о конечной дате карасукской эпохи. С. В. Киселев определил возраст карасукской культуры (для Южной Сибири) XIII—VII вв. до н. э. [307; 314]. М. П. Грязнов вслед за С. А. Теплоуховым настаивал на более позднем времени (X—VIII вв. до н. э.). Затем новый археологический материал убедил М. П. Грязнова согласиться с датой, предложенной С. В. Киселевым, и отнести начало карасука к XIII в. до н. э. [178]. Н. Л. Членова вслед за М. Д. Хлобыстиной датирует карасукские памятники XIV—VI вв. до н. э. [640, с. 74].

Начало следующей за карасуком культуры (в Южной Сибири

это эталонные памятники тагарской культуры), естественно, связано с определением конечной даты карасука. Новые раскопки и работы в Монголии в какой-то мере позволяют говорить о длительном периоде перехода от карасукской эпохи к следующей, о неразрывности этого процесса. Переход был настолько плавным, что весьма трудно определить, где кончается одна эпоха и начинается другая.

Что же характеризует период позднего бронзового века и начало железного века в Монголии? Это было время дальнейшей изменения общественного устройства. Уже в эпоху бронзы начинается распад родовых отношений, усиливается различие в богатстве отдельных родов, что прослеживается и по различию погребений.

Это был период укрепления и усиления власти племенных вождей, время военных столкновений, миграций, усилившихся культурных и экономических контактов. Обилие памятников этого времени свидетельствует о значительном росте и, возможно, притоке населения. Появляются новые виды оружия, формы которого весьма сходны на широкой полосе степей Евразии. В искусстве Монголии этот период отличается обилием вещей, выполненных в «зверином стиле», наследующем традиции оленных камней.

Высокое мастерство литейщиков, истоки которого были заложены в предшествующую эпоху, выразилось в массовом серийном производстве орудий труда и оружия. «Знакомство с художественной бронзой Минусинской котловины и Забайкалья показывает, что высоты звериной скульптуры стали доступны еще в карасукское время...» [307, с. 187]. Не в меньшей степени это касается и искусства мастеров, населявших Монголию в I тысячелетии до н. э.

Согласно археологическим и антропологическим материалам население страны в I тысячелетии до н. э. было неоднородным. Уже сейчас раскопки, проведенные советскими, монгольскими и венгерскими исследователями, позволяют выделить два больших самостоятельных региона, весьма значительно отличающихся друг от друга. Естественно предположить, что это различие было не столь заметно на стыке двух больших культурных регионов и мешало в течение долгих лет выявить эти два культурно-исторических района.

Выше говорилось, что уже в эпоху энеолита прослеживается деление культур (а следовательно, и племен) на западные и восточные с преобладанием европеоидного населения на западе и монголоидного на востоке. Очевиден факт преемственности культур и этноса начиная с III тысячелетия до н. э.: на востоке от монголоидов, оставивших сидячие погребения, на западе европеоидов-«афанасьевцев», погребенных под невысокими курганами.

Граница между двумя областями может быть проведена условно. К западному региону относились Монгольский Алтай и районы, прилегающие к Туве, Алтаю. Восточный регион включал часть Хангая, Хэнтэй, степные просторы Восточной Монголии, южного-

бийские и восточногобийские аймаки. Граница проходит как бы по вертикали с севера на юг, причем западный регион расположен в высокогорных долинах, переходящих в пустынные территории на юге.

ПАМЯТНИКИ ВОСТОЧНОЙ МОНГОЛИИ

Основные памятники восточной зоны Монголии — плиточные могилы, сооруженные из вертикально врытых в землю плоских каменных плит. Такие могилы встречаются здесь повсеместно, выходя на севере и востоке за пределы Монголии, в Забайкалье, Прибайкалье и Маньчжурию [502]. На юге они глубоко вклиниваются в Гоби, достигая границ Северного Тибета. Таким образом, плиточные могилы охватывают огромные пространства степей Южной и Восточной Монголии.

В Забайкалье они преобладают в степных долинах рек Селенги, Джиды, Чикоя, Хилки и Уды. Самые северные могильники расположены севернее г. Улан-Удэ (Сотниковские могилы) и в долине реки Баргузин [238; 624]. Плиточные могилы найдены в основном в лесостепных и степных районах, чаще всего около источников воды, на вершинах и склонах гор, а также в долинах рек. Небольшие могильники подобного типа известны в Прибайкалье, например на берегах р. Куды. Судя по инвентарю, они датируются поздним этапом этой культуры.

Плиточные могилы Восточного Забайкалья исследовались многократно в течение двухсот последних лет. Наиболее интересное из неграбленных погребений обнаружил Фидлер в 1833 г. В погребении, обложенном каменными плитами, он нашел бронзовый нож с изображениями на рукояти человеческих фигур с широко расставленными руками и ногами, что позволило датировать карасукским временем большую серию случайных находок, а также погребений подобного типа [166].

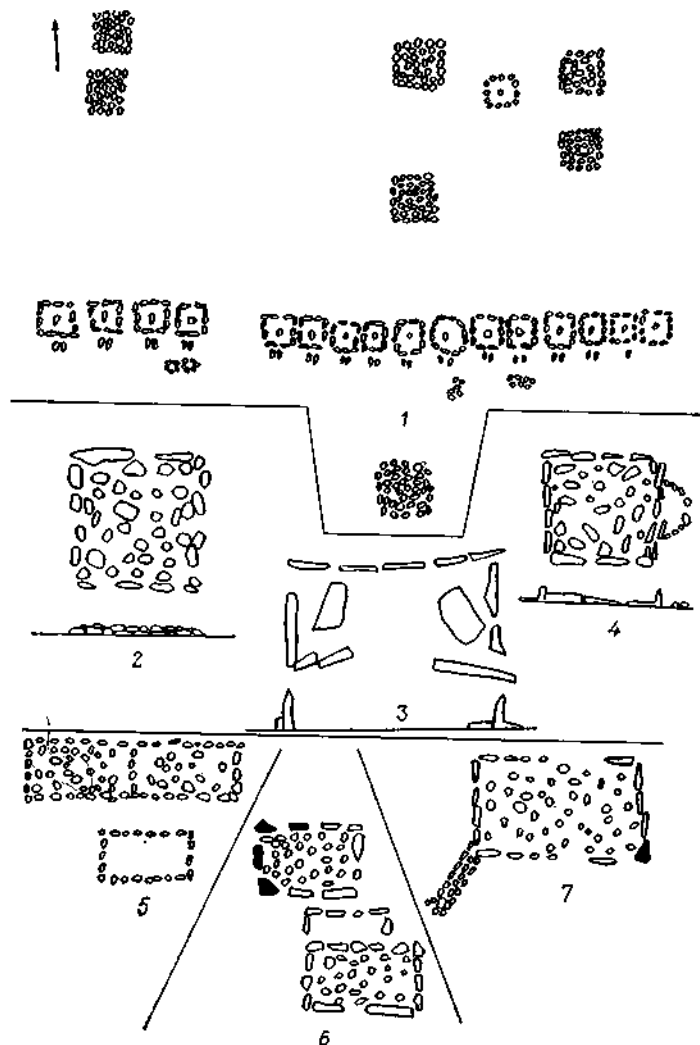
Во второй половине XIX в. плиточные могилы раскапывали А. Павлуцкий, Н. Попов, Нестеров, Д. Першин, Г. Стуков, А. К. Кузнецов, Ю. Л. Талько-Грынцевич. Особенно большие заслуги принадлежат А. К. Кузнецову, который проследил определенную закономерность в сооружении плиточных могил, отметив присутствие настилов из горизонтальных плит [354, с. 2—7; 355].

С. А. Теплоухов — автор известной классификации минусинских древностей, прекрасный знаток фактического материала, уже в конце 20-х годов высказал предположение, что погребения типа плиточных могил в Забайкалье следует относить по времени к карасукским. В 1928—1929 гг. экспедиция Г. П. Сосновского раскопала 50 могил в Западном Забайкалье, результаты были обобщены позднее, дана классификация этих памятников, характеристика локальных вариантов плиточных могил и высказана точка зрения, что плиточные могилы можно датировать VII—II вв. до н. э. [587].

Планы плиточных могил в Сухэбаторском аймаке

Большую работу по классификации этих памятников провел также Н. Н. Диков, датировавший плиточные могилы Забайкалья VIII—VII вв. до н. э. [238]. Часть из них отнес к концу карасукской эпохи. Еще более удревил эту культуру А. П. Окладников, отнеся часть плиточных могил (и в том числе гробничные захоронения) ко второй половине II тысячелетия до н. э. [496, с. 117]. Один из аргументов А. П. Окладникова был связан с датировкой триподов в Забайкалье. Он считает, что триподы бытовали там с конца II тысячелетия до н. э. и до V—IV вв. до н. э. [496, с. 117].

Планы плиточных могил:

1-4 — Сухэбаторский аймак; 5-7 — Среднегобийский аймак

Интересно, что С. В. Киселев считал культуру плиточных могил Забайкалья сходной с карасукской и предполагал, что она связана по происхождению с культурами Центральной Азии эпохи бронзы [314, с. 265].

✓ В. Е. Ларичев, анализируя дунбэйскую культуру из Маньчжурии, высказал предположение о сходстве каменных ящиков Дунбэя с плиточными могилами Центральной Азии и, более того, о

происхождении культуры плиточных могил от дунбэйской культуры, обосновав это миграционными процессами [378].

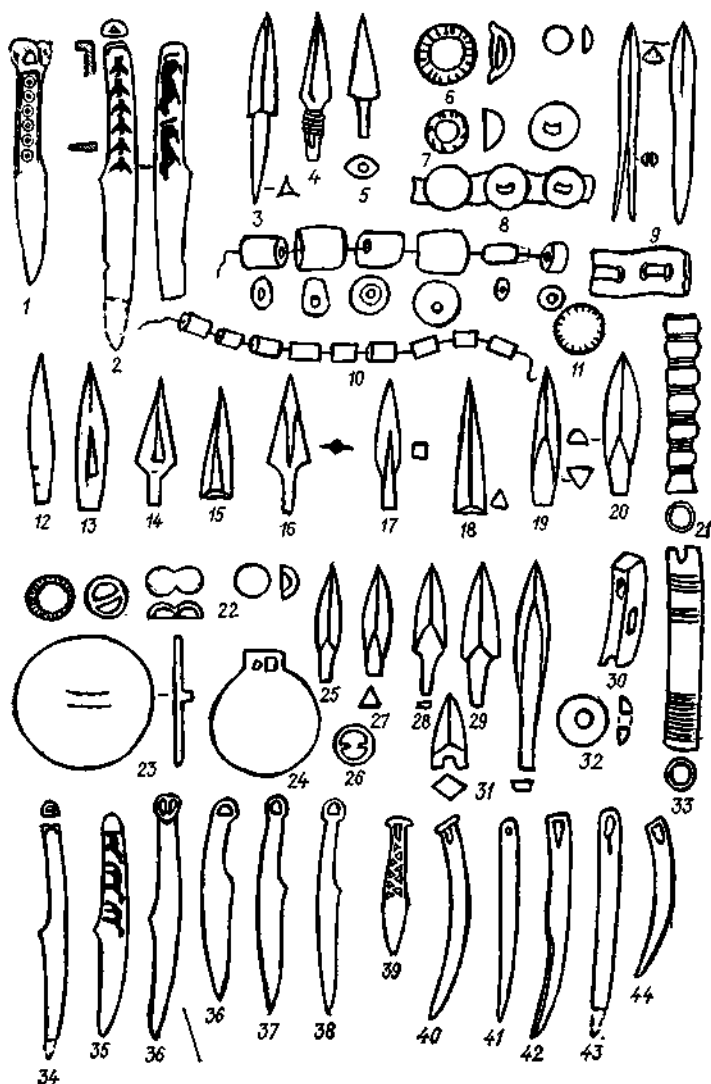
В. В. Волков отчасти присоединился к датировке Н. Н. Дикова (VIII—VII вв. до н. э.), но он не считает, что среди плиточных могил могли быть памятники, синхронные карасукским. Так, не приводя серьезных аргументов, он пишет: «Вызывает сомнение также попытка Н. Н. Дикова датировать часть плиточных могил карасукским временем» [119, с. 44]. Правда, В. В. Волков отмечает, что в них бывают найдены карасукские элементы в орудиях, орнаменте, бронзовой утвари. Что касается происхождения культуры плиточных могил, то В. В. Волков полагает, что «переживание карасукских традиций в культуре плиточных могил позволяет предполагать, что она сложилась на основе одной или нескольких родственных культур, имеющих ряд общих черт с карасукской из Южной Сибири» [119, с. 44].

Мне уже доводилось писать, что сходные элементы, особенно бронзовые предметы, могли попасть в Восточную Монголию и в Восточное Забайкалье благодаря контактам, которые неизбежно имели место в то время между двумя синхронно существующими культурами, если допустить, что часть плиточных могил может быть отнесена к карасукскому времени [820]. Факт переиспользования оленных камней, нередко врытых в землю верхней («головной») частью, свидетельствует о безразличном отношении строителей плиточных могил к предшествующей культуре и о возможном отсутствии генетического родства между этими двумя культурами. Допустить единые корни у культур карасукской и плиточных могил не позволяют также данные палеоантропологии: карасукцы были представителями европеоидного населения, а носители плиточных могил — монголоидного.

Внимательный исследователь Забайкалья и плиточных могил Центральной Азии Ю. С. Гришин создал серию прекрасных работ по этой теме, едва ли не исчерпав весь известный на данном этапе материал [166; 167; 169; 170]. Добросовестный анализ всех плиточных могил и инвентаря там, где он был найден, позволил Ю. С. Гришину заключить, «что среди них (плиточных могил. — Э. Н.) отмечаются погребальные комплексы не только скифотаргарского времени VII—III вв. до н. э., некоторые могут быть и более ранними... Поэтому есть некоторые основания предположительно определить начальную дату плиточных могил Восточного Забайкалья, а вместе с тем и всей культуры плиточных могил Забайкалья и Монголии позднекарасукским временем, по минусинской хронологии, то есть где-то началом I тысячелетия до н. э. [166, с. 63—64].

Сходство плиточных могил Восточного Забайкалья и Восточной Монголии столь значительно, что кажется противоестественным изучать их разрозненно, не учитывая материал той и другой территории.

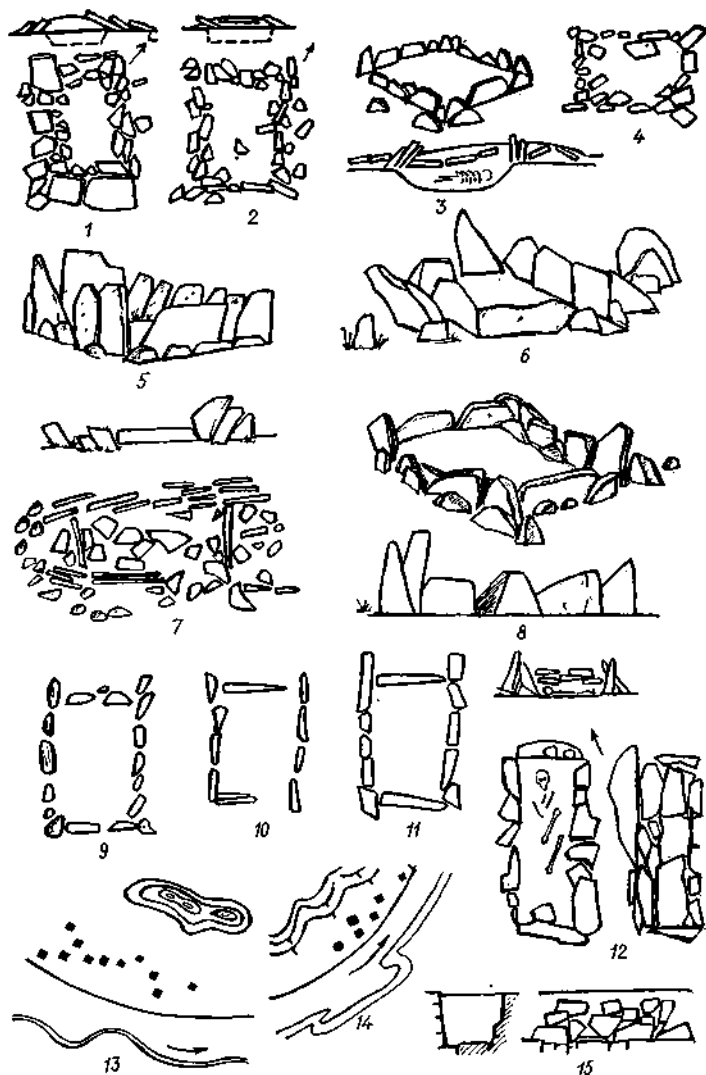
В Монголии большую группу плиточных могил в среднем течении р. Толы открыл в 1925 г. Г. И. Боровка [69]. Х. Пэрлээ за-

Находки в плиточных могилах Монголии:

- 1, 2, 34-44 — ножи; 3-5, 9, 12-20, 25, 27-29, 31 — наконечники стрел;
23, 24 — зеркала; 6-8, 10, 11, 21, 22, 26, 32, 33 — украшения

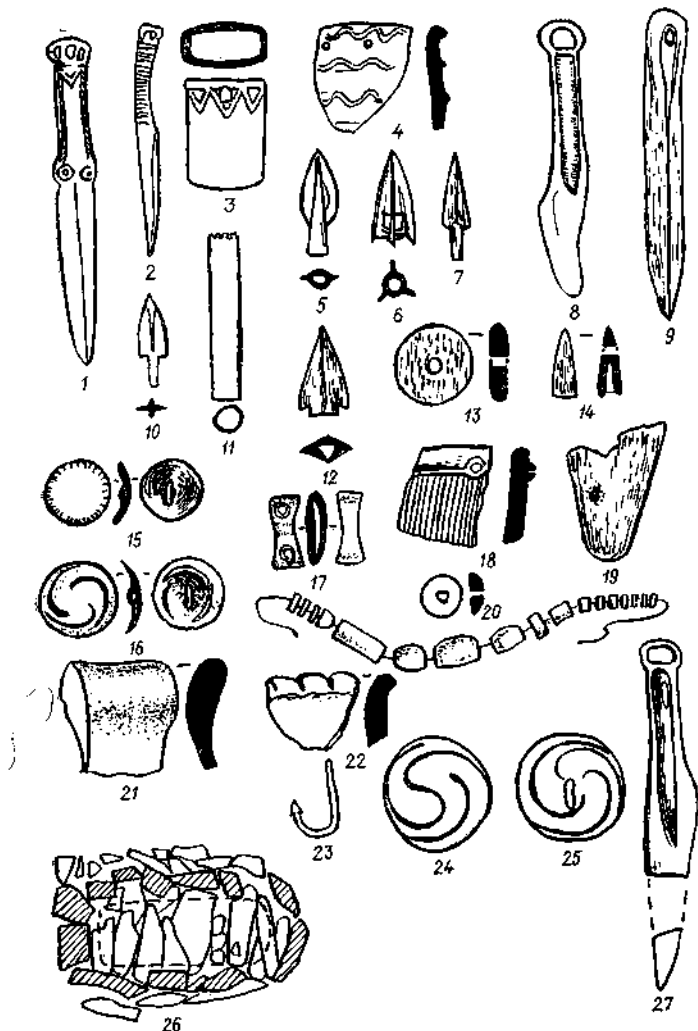
фиксировал такие памятники на обширной территории. Так, в 1952 г. в верховьях р. Керулен, а именно в Суужийн-булаг (Центральный аймак, Мунгун Морит сомон), в Баянцогту-обо (Хэнтэйский аймак, Баян-мунх сомон), раскопано несколько плиточных могил. В них найдены бронзовые наконечники стрел, бронзовые выпуклые бляшки, костяные и каменные бусы. Подобные же на-

Плиточные могилы Забайкалья; 13, 14 — планы могильников

ходки обнаружены в погребениях по среднему течению р. Толы. С. В. Киселев раскопал плиточные могилы в районе Худжирта. Затем раскопки вели Х. Пэрлээ, Н. Сэр-Оджав, Ц. Доржсурэн, В. В. Волков, Д. Наваан и И. Эрден.

В результате исследованы центральные и восточные районы страны: Центральный, Архангайский, Убурхангайский, Хэнтэйский, Среднеобийский и Чойбалсанский аймаки. По внешнему виду, составу инвентаря и особенно погребальному обряду могилы

Находки:

1—25, 27 — в плиточных могиллах Забайкалья; 26 — Китая. По данным [587, табл. 13, № 1—5; табл. XII; 169, 470; 789]

эти сходны с забайкальскими, что позволяет исследователям утверждать, что в I тысячелетии до н. э. степи Центральной, Восточной Монголии и Забайкалья представляли собой единый этнокультурный регион [238].

Большие заслуги в деле раскопок и изучения этой культуры в Монголии принадлежат старейшему монгольскому археологу Д. Наваану. Он считает, что специфическая культура плиточных могил имела свои предтечи в Восточной Монголии еще в эпоху

бронзы и даже в неолитическое время. По его мнению, и сами плиточные могилы на востоке страны «не укладываются в рамки I тысячелетия до н. э., как принято их обычно датировать. Наиболее ранние из них (плиточные могилы Керулена с засыпкой охрой), возможно, относятся к самым ранним этапам бронзового века, некоторые другие же, судя по находкам, сооружались и в более позднее время [450, с. 11]. Как видим, Д. Наваан склоняется к мысли, что все плиточные могилы следует рассматривать скорее как этническое единство, очевидно сохранившее свои черты в течение периода гораздо более длительного, чем скифо-тагарская эпоха.

Добавим также, что за пределами МНР плиточные оградки известны и раскапывались во Внутренней Монголии, в Маньчжурии и в Северном Тибете [815; 555].

Из всего сказанного выше несложно заключить, что культура плиточных могил, несмотря на многие годы ее изучения, все еще рассматривается разными исследователями как явление, до конца не понятое. Все исследователи единодушны в мысли, что культура эта охватывает большой регион востока Центральной Азии, ее связывают чаще всего с исконно местными традициями, считают, что она сыграла значительную роль в происхождении и становлении первых племенных союзов Монголии, но тем не менее нет единого мнения о датировке культуры и ее происхождении.

На востоке страны не прослеживается четкой хронологической грани между культурами эпохи раннего, развитого и позднего бронзового века, переход от одной к другой происходил медленно и не оставил реальных следов в материальной культуре.

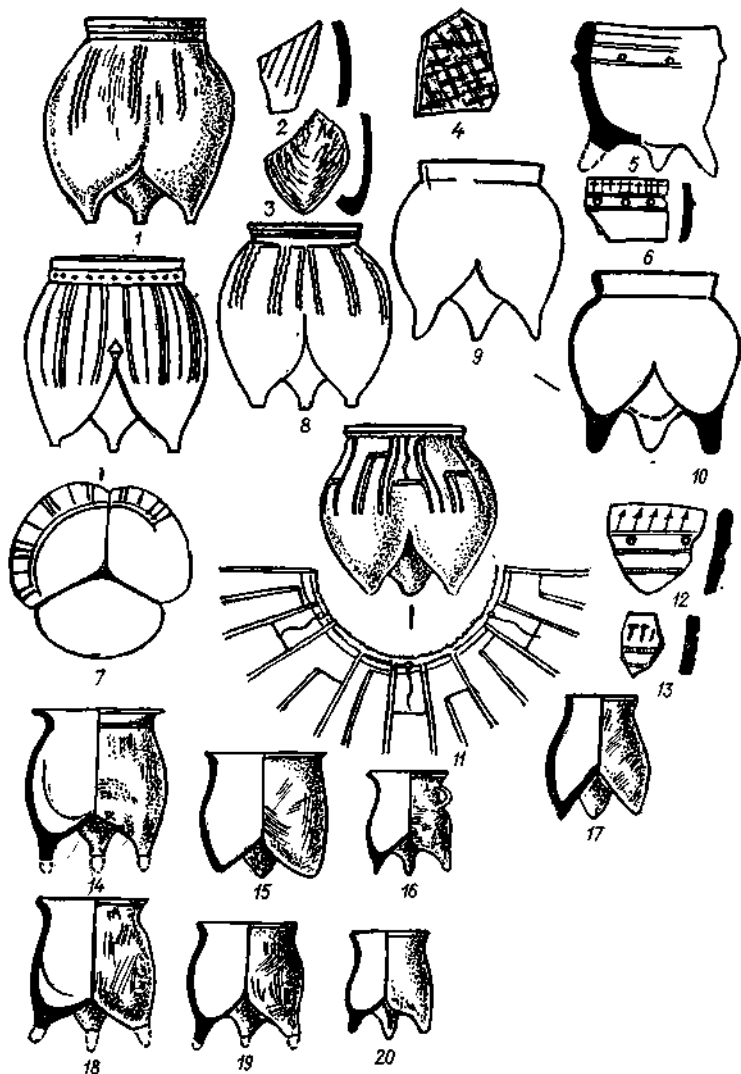
В Монголии плиточные могилы расположены, как и в Забайкалье, в долинах больших рек. Они сосредоточены в бассейнах Керулена и Онона, на широких степных пространствах, богатых травой и благоприятных для скотоводства.

Культура плиточных могил представлена тремя основными типами сооружений: четырехугольными оградками с высокими угловыми камнями, низкими четырехугольными оградками на плоской каменной насыпи и четырехугольными оградками с вогнутыми сторонами (так называемые «фигурные» могилы) [587].

Одиночные могилы встречаются редко, преобладают могильники, насчитывающие до нескольких десятков могил. Они расположены цепочками, иногда в несколько рядов, вытянуты чаще всего с севера на юг. Размеры оград различные — от 1,5 до 10 м. Высота оград от 50 см до 2 м. Характерно, что самые крупные плиточные могилы (6 × 8 м и 8 × 10 м) обнаружены в восточных аймаках страны, равно как и в восточной части Забайкалья [450].

Угловые камни обычно намного крупнее боковых. Часто могильная яма (глубиной не более 1 м) перекрыта большой каменной плитой. Ориентация каменных ящиков преимущественно с востока на запад.

Погребальный обряд, когда его удается проследить, следующий: покойника клали в вытянутом положении на спину, головой на восток. Иногда покойника посыпали охрой, что известно было

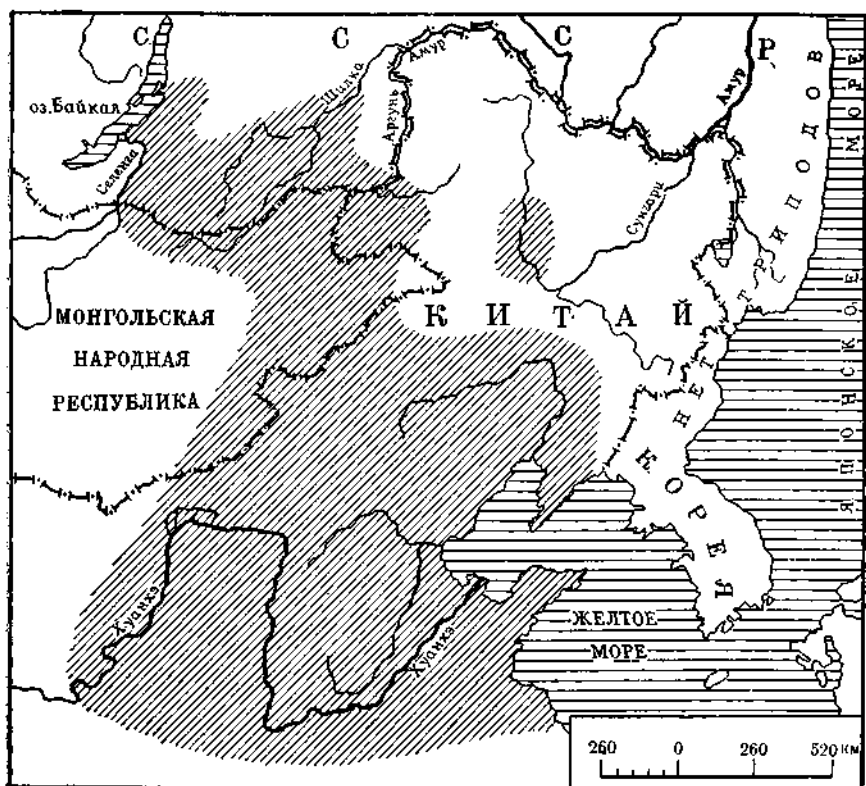

Триподы:

2, 3, 4, 5 — Монголии; 6—13 — Забайкалья; 14—20 — Китая

и по погребениям неолита и энеолита на этой территории. Плоская каменная плита под головой, захоронение части скелета лошади отличают погребения этой культуры. Отмечается также большая устойчивость и единообразие погребального инвентаря: глиняные сосуды на трех ножках — триподы, ножи с фигурками людей и животных на рукоятках.

Триподы были распространены на широкой территории от Байкала до Хуанхэ, они известны и в предшествующие эпохи. В Мон-

Распространение триподов

голии находки триподов преобладают на берегах Онона, Селенги и Керулена. Появившиеся во II тысячелетии до н. э., эти оригинальные по форме сосуды стали одной из типичных черт культуры плиточных могил. На западе Монголии они пока не обнаружены. Зато у племён восточномонгольского и восточнозabayкальского регионов триподы были широко распространены, что позволяет согласиться с мнением исследователей, полагающих, что сосуды такой формы существовали не только у земледельческих племен, но и у скотоводов. Сосуды на трех полых ножках давали большую экономию топлива, дефицитного в степях, обеспечивали быстрое приготовление пищи даже без специального очага. Что же касается культового назначения триподов, то в скотоводческой среде трипод, очевидно, символизировал форму коровьего вымени.

Так как нам известны в основном сосуды, положенные в погребения, то о бытовой посуде людей I тысячелетия до н. э. можно судить лишь по аналогии. Очевидно, что те же формы и те же орнаменты были применимы и в быту, но, возможно, в иной пропорции. Керамика из плиточных могил во многом сходна с посу-

дой из погребений эпохи неолита Монголии и Забайкалья. Ее отличает орнаментация в виде штрихов, нитей, гребенчатого штампа, расположенного горизонтальными рядами, ямочных вдавлений, желобков, выступов, валиков [450].

Из-за большой ограбленности могил находки в них не часты. Преобладают мелкие украшения, полушарные бронзовые пуговицы и бляшки, проволочные спиральные кольца, подвески, широкие аналогии которым известны из Южной Сибири и Забайкалья. Бусы часто сделаны из сердолика, бирюзы, пиррофилита и раковин. Представляя собой неубедительными точки зрения Леммлейна и вслед за ним Л. А. Евтюховой и Н. Н. Тереховой, считающих, что сердолик попал сюда из Китая, а бирюза из Тибета [265]. Однако в районах Восточной и Юго-Восточной Монголии издревле известны выходы и того, и другого минерала, причем в Восточной Гоби выходы жил прослеживаются на поверхности до настоящего времени.

В могилах Восточной Монголии найдены такие же, как в Забайкалье, предметы вооружения: бронзовые трехлопастные черенковые стрелы, костяные накладки лука. Встречаются также двухлопастные и трехгранные втульчатые наконечники и бронзовые ножи. Последние известны более всего из случайных находок и могут быть отнесены к культуре плиточных могил по аналогии с подобным ножом, найденным в могиле Забайкалья.

В Сухэбаторском аймаке обнаружены два бронзовых ножа с Г-образной формой навершия. Наибольший интерес представляет нож, на рукоятке которого отлиты рисунки. На одной стороне изображено шесть летящих птиц с широко раскинутыми крыльями, головы птиц повернуты вправо. На другой стороне рукояти отлито две фигурки поджарых лошадей с массивными крупами, длинными хвостами и согнутыми в беге ногами [820, с. 102]. Аналогичное изображение на бронзовом предмете известно из Забайкалья, где на ноже из Нерчинска выгравированы неглубоким рельефом пять схематичных фигурок людей [320, с. 73; 585, с. 16]. У ножа типично карасукское навершие — голова барана. В более южных районах также известны ножи, рукояти которых украшены рисунками: в Южногобийском аймаке найден нож, совершенно сходный с сухэбаторским по форме. На рукояти вырезаны три стоящих длиннохвостых животных, возможно, из семейства кошачьих [705]. На суйюаньских ножах того же типа изображены в одном случае орнамент в виде ветвистых рогов, в другом — козлы, закинувшие головы к спине, аналогично изображениям на оленных камнях Монголии, а в третьем случае — шесть птиц (возможно, гусей), плывущих друг за другом.

Эти ритмично повторяющиеся изображения птиц, коней, хищников и человеческих фигур удивительно совпадают и по сюжету и по стилю с рисунками, нанесенными охрой на скалы (что неоднократно отмечалось исследователями) в I тысячелетии до н. э. на одной и той же территории: в Забайкалье, Северной и Северо-Восточной Монголии [494; 264; 820].

Рисунки, выполненные охрой, обычно располагаются большими композициями, объединенными стилем и содержанием. В центре рисунка находится четырехугольная фигура («оградка»), заполненная овальными и круглыми пятнами. Внутри «оградо́к» или рядом с ними помещены ряды схематически выполненных человечков, взявшихся за руки (возможно, танцующих). Композицию завершают лошади, собаки, птицы. В местности Баян-зурх (Хубсугульский аймак) нарисованы солнце и шаман с бубном в руке, рядом — медведь.

Самое большое скопление «оградо́к» обнаружено недалеко от г. Улан-Батора, у впадения горной речки Хачурт в Толу. В левой части композиции изображены две маленькие «оградо́ки»: одна из них заполнена одиннадцатью пятнами, вторая разделена крестообразной фигурой на четыре части. Два человека ведут животное. Выше — две длинные параллельные линии, по обе стороны от которых симметрично расположены фигуры: сверху и снизу по две длиннохвостых лошади, ведомые человеком. Животные переданы в движении, ноги их полусогнуты, у передних подчеркнуты признаки пола. Две крупные птицы показаны парящими, с широко раскинутыми крыльями.

Справа от параллельных линий нарисованы пять человеческих фигур и лошадь под ними. Ниже этих линий — три «оградо́ки», густо заполненные рядами точек. «Хороводы» людей повторяются в разных вариантах: несколько человек внутри двух «оградо́к», четыре человека под оградкой, один «хоровод» помещен под средней оградкой и два — справа от нее. Все фигуры показаны схематично, анфас, с круглыми головами, широко расставленными ногами и раскинутыми в стороны руками.

В том же стиле выполнены рисунки на горе Богдо-уула в окрестностях Улан-Батора, в местности Их-Тенгерийн-ам (Ущелье Великого Неба). В центре рисунка — «оградо́ки» с точками внутри, над ними и сбоку от них — ряды человеческих фигур [661]. Над самой большой «оградкой» — парящий орел, еще выше — два коня и два человека, отделенные от остальной части композиции двумя параллельными горизонтальными линиями.

Южной границей местонахождения рисунков охрой является р. Тола, северная граница отмечена в Забайкалье. Наиболее интересны для нас западные пределы распространения этих рисунков. Они известны в Хубсугульском аймаке, на склонах Бичигтын-хад Булганского аймака.

В Хубсугульском аймаке рисунки нанесены на отвесной скале на берегу р. Мурен. Часть рисунков не сохранилась, оставшиеся едва видны. Композиция верхнего яруса включает два неправильных, сплошь закрашенных круга. Слева от них проведены две горизонтальные линии, справа от кругов показана парящая птица. По размаху крыльев и форме хвоста она напоминает орла. Еще правее помещена «оградка», в центре которой среди массы пятен нарисован человечек. Под «оградкой» изображены трое людей, взявшихся за руки, а перед ними — две поджарые лошади с длинными

Наскальные рисунки

1—13 — Центральной и Восточной Монголии; 14 — Восточного Забайкалья

хвостами и большими ушами. Первую лошадь ведет человек. Замыкает шествие собака.

На втором ярусе показана охота: два лучника стреляют с разных сторон в двух диких козлов. Подобные персонажи редко встречаются на рисунках с «оградками». С этим сюжетом следует связывать фигуру дикого кабана, преследуемого хищником с большой клыкастой пастью, возможно, волком. Впервые здесь изображен клыкастый хищник, хотя в остальном канон рисунка выдержан. Возможно, тема охоты и образ хищника появились на Хубсугуле под влиянием искусства соседних западных культур, где тема охоты и терзания хищниками травоядных была излюбленным мотивом.

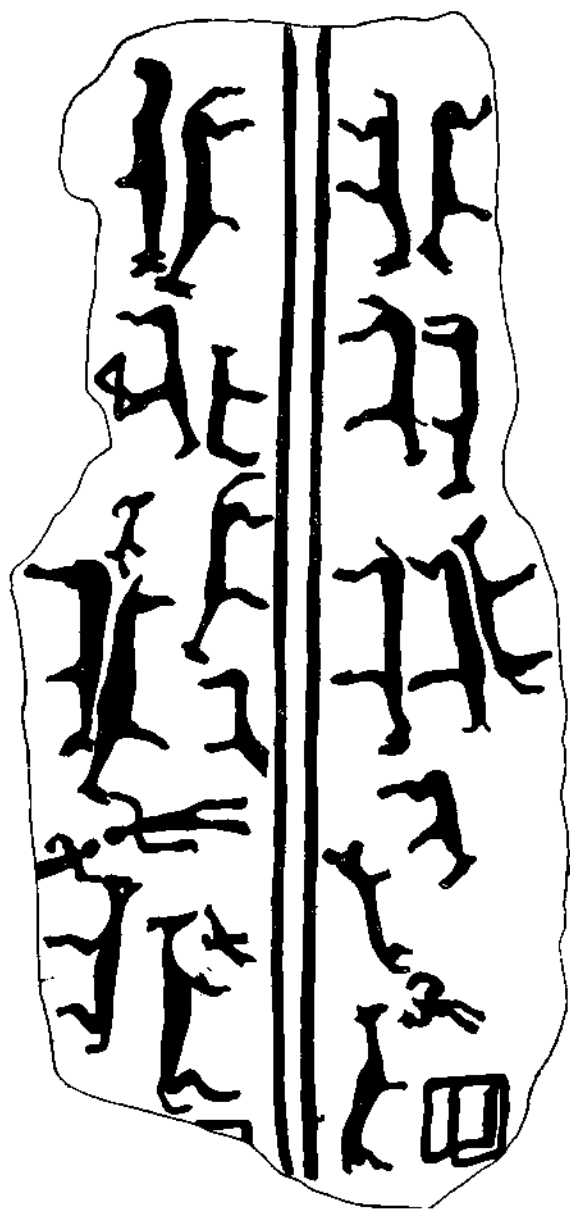
На соседнем выступе скалы нарисован круглый предмет, разделенный на несколько частей аналогично делению шаманского бубна.

Хотя различие между западномонгольскими петроглифами и рисунками охрой с востока и севера страны было велико, все-таки в пограничной зоне не могло не быть контактов, в результате чего и возникали элементы синкретизма и взаимопроникновения. Об этом же свидетельствуют несколько оленьих камней, обнаруженных на востоке страны.

Рисунки, выполненные охрой, долгие годы датировались лишь на основании косвенных данных: аналогов на бронзовых ножах эпохи поздней бронзы. Летом 1976 г. во время раскопок В. В. Волковым и Ш. Цэвэндоржем плиточной могилы в местности Шивертын-ам обнаружена большая плоская плита (135 × 62 см), сплошь покрытая выбитыми на ней рисунками [820, с. 113]. Плита была частично сломана, и можно предположить, что рисунок на ней был выполнен до строительства самой могилы. То есть возраст рисунка определяется не позднее времени появления могилы — первой половиной I тысячелетия до н. э. Возможна и более ранняя дата.

Если учесть преемственность этнических традиций и длительность существования плиточных могил, то вполне правомерна дата развитой, равно как и поздней, бронзы.

Интересен рисунок, состоящий из двух связанных друг с другом частей, расположенный по обе стороны от двух параллельных линий. Там изображены 21 животное (20 коней и одна собака) и три человека. Понятие верха и низа на рисунке обозначено крайне условно. Люди и животные изображены (как и лошади на рисунках с колесницами эпохи бронзы) ногами то вниз, то вверх [494]. Два мира — земной и загробный — изображены расположенными зеркально друг другу. Мир мертвых дублирует мир живых, но как бы перевернутый. Если эта трактовка окажется приемлемой, то, очевидно, и на рисунках охрой, выполненных на скалах, показаны не оградки для скота, как предполагает А. П. Окладников и его последователи, а более сложные ритуальные сюжеты, разделенные горизонтальной линией на мир животных и мир предков, где птицы символизируют небесные силы, а копытные — мир земной. Поэтому неудивительно, что на картинах этого типа встречены изобра-

Изображения двух миров на надгробной плите

жения солнца, шаманов, танцующих с бубном, и «хороводов» людей, исполняющих ритуальный танец. Возможно, что «оградки» как часть сложного ритуального действия связаны со скотом, плодородием и благополучием.

Особенно интересно, что в этих сюжетах изображены птицы. Так, в петроглифах из Банн-хары птица показана на стыке «оградки» и «верхнего» мира (вне оградки). Именно так представляется по шаманским текстам переход из «среднего» мира в «верхний». Возможно, рисунки охрой и были призваны помогать шаманам в их камланиях, в их путешествиях в «верхний» мир — мир духов.

Традиция изображения взявшихся за руки людей, часто показанных внутри «оградки», невольно напоминает о древнем поверье алтайцев, о том, что живые люди в темноте никогда не должны создавать замкнутую цепь и браться за руки, ибо это привилегия злых духов — курмусов¹ из другого мира, которые появляются ночью и могут увлечь за собой живых. Взявшиеся за руки фигурки рядом с шаманами и парящими птицами, очевидно, символизируют темные силы другого мира. Видимо, так же могут быть объяснены «хороводы» человечков на ножках и на пластинчатых подвесках типа той, которая найдена в районе г. Читы на Шитовской сопке [170].

Весьма симптоматично, что А. В. Тиваненко, проводивший раскопки у подножия Забайкальских скал, обнаружил рисунки с «оградками», птицами и «хороводами», а также следы произведенных у этих скал жертвоприношений, что еще раз показало культовый характер подобных изображений в этом регионе [602, с. 100].

Но кроме таких «хороводов» в «оградках» известны в Монголии и изображения танцующих людей. Они находятся на стенках плиточной могилы, что позволяет отнести их к I тысячелетию до н. э. Я имею в виду изображение в местности Тэмээний-чулуу-ам (Ущелье Верблюжьих камней) в Архангайском аймаке, где каждая из плиточных могил сложена из шести-восьми гигантских глыб. Для их сооружения использованы специально подобранные камни сигарообразной формы. На внешней стороне одной из этих могильных плит выбито едва различимое изображение, напоминающее рисунки охрой из Восточной Монголии: десять танцоров с бубнами и один с колотушкой, возможно, исполняют ритуальный погребальный танец [602]. Несмотря на схематизм рисунка, показано направление, в котором движутся танцоры, — от левого края камня к правому. Это одно из древнейших в Монголии изображений танца и музыкальных инструментов.

ДАТИРОВКА ПЛИТОЧНЫХ МОГИЛ

На современном уровне наших знаний можно допустить, что эта сугубо восточноазиатская культура существовала на данной территории достаточно долго, сохраняя такие внешние признаки, как форма погребального сооружения, обряд погребения, сопро-

вождающий покойника инвентарь². Потому не исключено, что правы и сторонники ранней даты появления плиточных могил (начало бронзового века), и те, кто датирует эту культуру эпохой железного века. Просто часть этих могил должна быть отнесена к началу века металла, а часть — к развитому бронзовому веку. Большинство же плиточных могил датируется ранним железным веком, а некоторые относятся даже к раннему средневековью Восточной Монголии, хотя внешне ничем не отличаются от плиточных могил бронзового века. В этом убеждает прежде всего анализ многочисленных погребений, раскопанных на востоке страны монгольскими археологами Х. Пэрлээ и Д. Навааном. Сходство палеоантропологического материала из всех восточномонгольских погребений позволяет говорить о преемственности этноса и едином исконно монголоидном населении на востоке страны.

Палеоантропологические исследования черепов из плиточных могил Восточной Монголии и Забайкалья свидетельствуют о том, что население этих районов относится к большой монголоидной расе. По мнению И. И. Гохмана, этот же тип участвует позднее в этнических процессах в эпоху сюнну [146]. Таким образом, в Центральной, Восточной и Южной Монголии уже в эпоху неолита и в I тысячелетии до н. э. был расселен антропологический тип, который и поныне является основным для этой страны.

Выводы антропологов и археологов еще раз подчеркивают, что наиболее ранние плиточные могилы датируются эпохой бронзы, а более поздние скифским временем. Но все они были оставлены потомками монголоидных племен эпох неолита и энеолита [18, с. 231]. Ученые, с одной стороны, замечают какие-то различия между населением центральных и восточных аймаков, но, с другой — характер этих различий пока уточнять не берутся. «Отметим лишь сильнее выраженную брахикранию и более широкий череп в восточных районах. В целом это, бесспорно, монголоидное население, характеризующееся в большей или меньшей степени таким же комплексом признаков, как и популяции, оставившие плиточные могилы в Забайкалье» [18, с. 231]. Как видим, все прежние определения антропологов остались в силе [210, с. 214]. Не предлагая новых данных по вопросу о происхождении носителей плиточных могил, антропологи высказывают предположение, «что оно (население Восточной Монголии.— Э. Н.) восходит к каким-то группам, морфологически сходным с теми, которые известны по материалам неолита и энеолита Забайкалья. На территории Монголии в эту группу явно входит череп из Наровлин-Уул» [18, с. 231].

ПАМЯТНИКИ ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ V—III вв. ДО Н. Э.

На западе и северо-западе преобладает иная, чем на востоке и юго-востоке, материальная культура, весьма яркая и своеобразная. Для нее не характерны плиточные могилы, там существовал

другой обряд погребения, иные погребальные сооружения, специфические памятники культуры и искусства, связанные со зрелым периодом «звериного стиля», унаследовавшим традиции карасукской культуры и оленных камней, возникшие на той же территории.

Господствующей формой погребальных комплексов запада являются каменные курганы-керексуры с деревянными срубами внутри, аналогичные Пазырыкским и Саглыным курганам (Северная Тува). И наскальные рисунки, и бронзовое оружие, и орудия, и посуда, и украшения — все напоминает памятники Тувы, Алтая и Восточного Казахстана.

Самые же близкие параллели западномонгольской культуры получены из Тувы и Сибири.

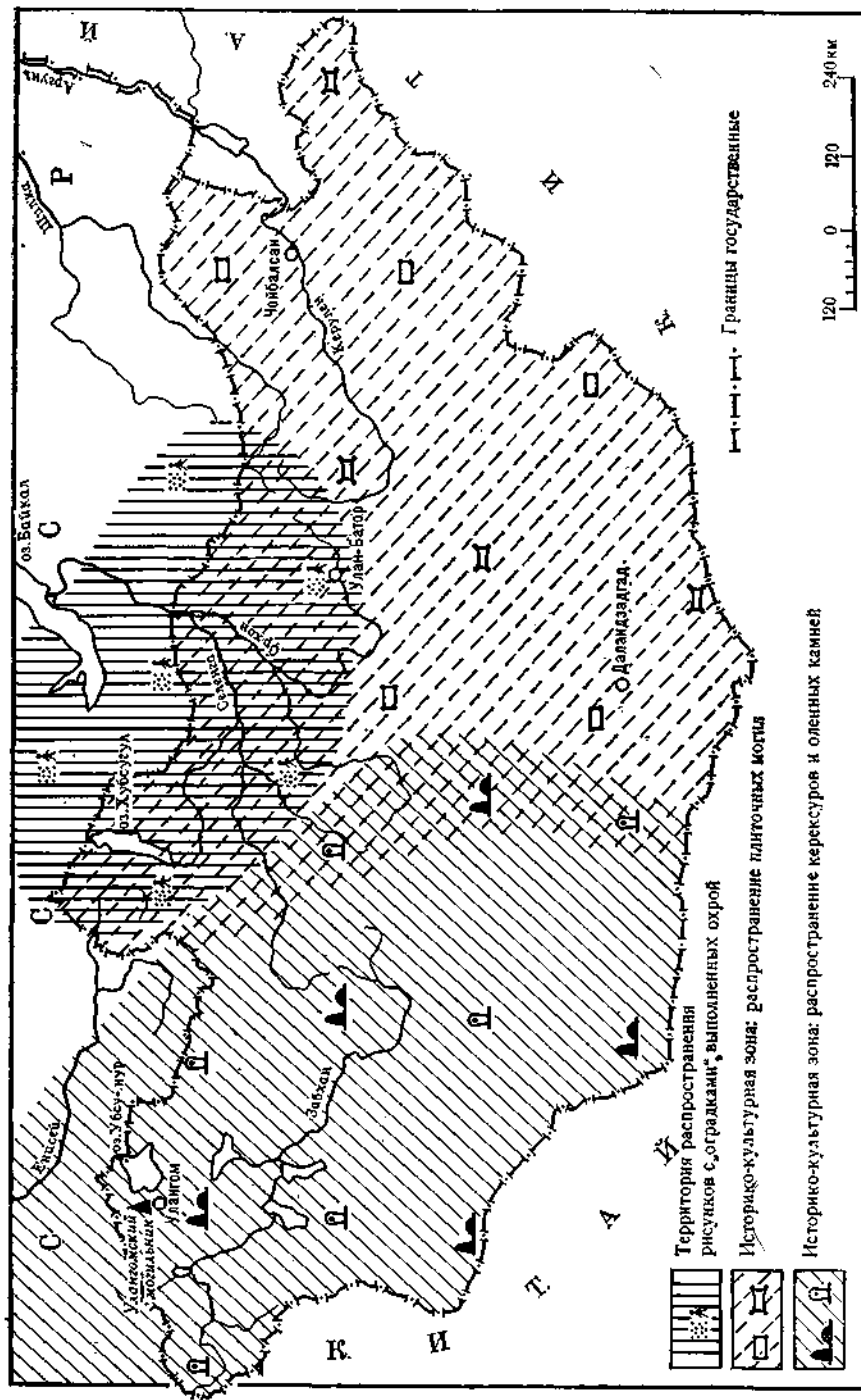
Систематическое исследование курганов скифского времени началось на территории Сибири и Тувы в конце 40-х годов XX в. Большой фактический материал из раскопок А. В. Адрианова, С. А. Теплоухова, С. В. Киселева, Л. Р. Кызласова позволил последнему выделить новую культуру скифского времени и назвать ее (уюкской) — по раскопкам в долине р. Уюк. Л. Р. Кызласов выделил два этапа этой культуры: VII—VI вв. до н. э. и V—III вв. до н. э. [366, с. 81]. Тогда же С. И. Вайнштейн назвал ту же культуру в истории Тувы кызылганской, по раскопкам в Кызылгане земляных курганов с каменными кольцами, и датировал их VII—V вв. до н. э., а более поздние — V—III вв. до н. э. [87, с. 230]. Спустя два года появилась еще одна классификация А. Д. Грача, раскопавшего в Туве курганы того же времени, но он датировал их V—III вв. до н. э. [156]. Л. Р. Кызласов внес свою корректировку, указав на их большую древность по аналогии с уюкской культурой [363].

Предложенную А. Д. Грачом датировку поддержала Н. Л. Членова, по мнению которой следует рассматривать как единые этнические уюкскую и сакскую культуры горного Алтая, Южного Казахстана, Киргизии, Памира и Монголии [636, с. 146]. Она предположила также, что культуры сакские и уюкские связаны своим происхождением с предшествующей карасукской.

В свете вышесказанного становится ясно, что новый материал, полученный из Западной Монголии, интересен и полезен для изучения древней истории всей Центральной Азии. Для Западной Монголии самый характерный памятник I тысячелетия до н. э. — керексур. Он появился, как мы уже говорили, в эпоху бронзы в карасукское время и просуществовал вплоть до прихода сюнну, т. е. до II в. до н. э.

В большинстве керексуров захоронение или жертвоприношение совершалось на дневной поверхности, а сверху насыпался курган из камней. Хотя известны также и погребения в могильных ямах. Часто в могильной яме сооружался фундаментальный сруб для коллективных захоронений, индивидуальные погребения совершались в небольших каменных ящиках, сложенных из плоских плит.

До недавнего времени вопрос о возрасте керексуров дебатиро-

Монголия в эпоху бронзы и раннего железного века

нался. Дата их появления не была установлена. Так, Ю. Д. Талько-Грынцевич, не обнаруживший при раскопках керексура никаких датирующих предметов, предположил, что он сооружен в каменном веке [596, с. 3—4]. Г. И. Боровка датировал эти памятники эпохой тюркок-огузов [69, с. 43]. А. П. Окладников, проводивший исследования забайкальских керексурсов, датировал их VI—IX вв., связав их с уйгурами или древними тюрками [481, с. 327]. Раскопки А. Д. Грача дали обширный материал и позволили ему датировать керексур из Улуг-Хорума скифским временем, а позднее отнести керексуры с «цистами» к карасукскому времени [158, с. 120; 163, с. 87]. Л. Р. Кызласов относит их к первому этапу уйгурской культуры и датирует VII—VI вв. до н. э. [363, с. 228]. По мнению В. В. Волкова, огромные керексуры Северной Монголии относятся к скифскому времени. «Они не раскапывались, но, судя по оленним камням, входящим в состав их архитектурного комплекса, вполне могут быть датированы первым тысячелетием до н. э.» [121, с. 48].

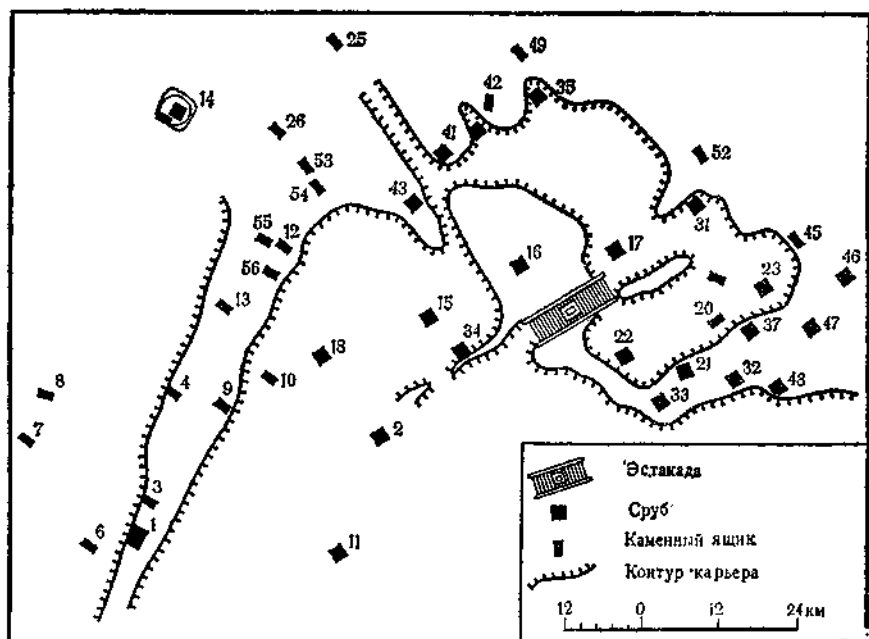
Новые данные появились после раскопок в Кобдоском, Завханском, Увсанурском аймаках, а также исследований керексурсов с погребениями в «цистах», сходных по обряду, инвентарю и антропологическому материалу с тувинскими памятниками предскифского времени [660, с. 55—60]. Полное тождество монгольских и тувинских курганов с «цистами» прослежено исследователями по устройству надмогильных сооружений и по погребальному обряду [119, с. 46]. Антропологические определения были сделаны Г. Ф. Дебецем и В. П. Алексеевым на основании двух черепов, привезенных В. В. Волковым: «Перед нами тот же комплекс признаков, позволяющий говорить о принадлежности к европеоидной расе, но с незначительной монголоидной примесью. Наблюдается сходство между западномонгольской и западнотувинской сериями и во второстепенных признаках...» [16, с. 383].

Сравнение с монгун-тайгинской культурой Тувы позволило датировать курганы с «цистами» I тысячелетием до н. э. (По Л. Р. Кызласову, это VII—VI вв. до н. э., А. Д. Грач считает возможной более древнюю, карасукскую дату, В. В. Волков не рискует датировать точнее I тысячелетия до н. э. [363, с. 228; 163, с. 87; 121, с. 47].

Массовый материал по этой эпохе дали археологические работы историко-культурной экспедиции, и особенно отряда по изучению ранних кочевников. Раскопки неграбленного могильника в окрестностях г. Улангома дают возможность заполнить большой пробел в археологии Западной Монголии, относящийся к середине I тысячелетия до н. э.³ [825].

УЛАНГОМСКИЙ МОГИЛЬНИК

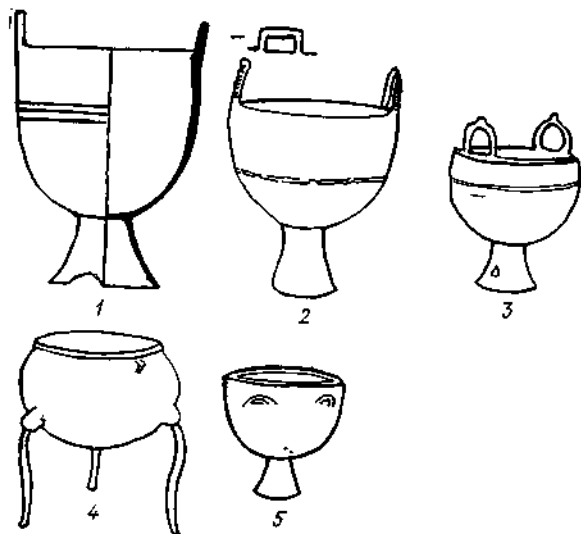
Улангомский могильник открыт случайно в 1972 г. во время строительных работ. Он находится в окрестностях административного центра Увсанурского аймака на границе с Тувой. Могильник

План Улангомского могильника

расположен на склонах горы Чандмань-уул⁴. К началу раскопок большая часть могил не была обозначена на поверхности земли, возможно, насыпи не сохранились из-за соседства с городом, ибо на территории могильника велись постоянные строительные работы. Лишь в одном случае над погребением находился каменный курган пирамидальной формы с квадратным основанием, обнесенным крупными обломками гранитных скал. Можно предположить, что первоначально весь могильник имел надгробные каменные курганы.

Первое сообщение о раскопках Улангомского могильника появилось в 1973 г., когда были описаны два типа улангомских погребений и определена их возможная дата (V—III вв. до н. э.) [127]. В следующем году в сообщении о стационарных раскопках в Улангоме была подтверждена та же датировка на материалах из 30 вскрытых могил. Отмечены неграбленность погребений, обилие инвентаря, в том числе посуды и оружия. Тогда же были даны первые результаты антропологического анализа [128]. В 1975 г. были подытожены результаты трехлетних раскопок Улангомского могильника и исследования погребального обряда. Стало ясно, что иногда срубы имели форму усеченной пирамиды. Обнаружены проrezные окна, прослежены зольные пятна — следы жертвенных костров. Особо отмечены гравировка на бронзовых зеркалах, находка уникального здесь карасукского кинжала [130].

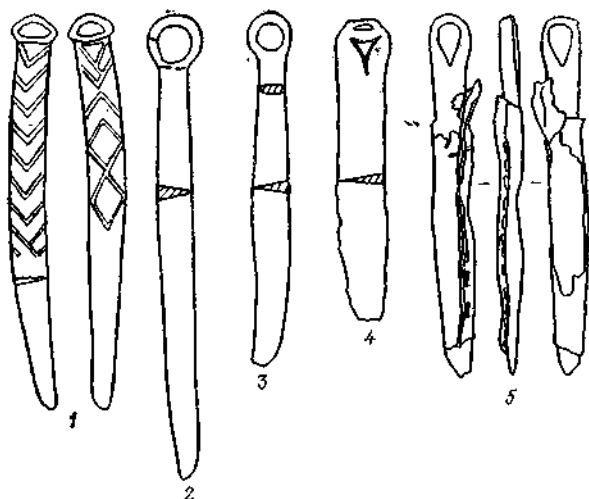
Котлы скифского времени из Монголии

Серия статей, посвященных Улангомскому могильнику, появилась в 1978 г. В. В. Волковым описаны раскопки 1972 г., опубликованы фотографии сосуда с наклепными изображениями животных, костяных изделий и бус. Д. Цэвэндорж, ссылаясь на аналогии с курганами Тувы, датируемые VII—VI вв. до н. э., предложил новую датировку Улангомского могильника — VII—III вв. до н. э., на наш взгляд, необоснованную [630].

Кажется также неубедительной и предложенная классификация погребальных сооружений в Улангомском могильнике с выделением четырех типов: больших каменных курганов с пирамидальной насыпью, захоронений в каменных ящиках, захоронений в ямах и захоронений в бревенчатых срубках [630, с. 108]. Позднее ту же схему принял А. П. Деревянко, также называвший культуру чандманьской и выделивший четыре типа погребений: «большие каменные курганы с пирамидальной насыпью, захоронения в каменных ящиках, захоронения в ямах и захоронения в бревенчатых срубках» [225, с. 81]. Выделение четырех типов кажется мне досадным недоразумением, никак не подтверждаемым фактическими материалами раскопок. И ниже мы будем говорить о делении погребальных сооружений этого могильника на два типа: срубы и каменные ящики.

Д. Наваан датирует Улангомский могильник так же, как и Д. Цэвэндорж, VII—III вв. до н. э. и описывает бронзовые и костяные предметы, украшенные в «зверином стиле».

Огромную кропотливую работу проделала антрополог Н. Н. Мамонова. В процессе раскопок Улангомского могильника ею собран, очищен, реставрирован весь палеоантропологический материал из

Бронзовые ножи из Улангомского могильника;
5 — нож в чехле

этого памятника. Именно Н. Н. Мамоновой в полевых и лабораторных условиях зафиксировано положение всех костяков, анатомический порядок, определен возраст и пол, измерен по полной краниологической и остеологической программам, принятым в Институте этнографии АН СССР, весь полученный палеоантропологический материал (череп, длинные кости) [415; 410]. Для нас очень важно, что эти материалы были изучены также по программе дискретных (аномальных) признаков [405].

Забегая немного вперед, скажем, что Н. Н. Мамонова первая пришла к выводу, что половозрастные соотношения в срубках и каменных ящиках примерно одинаковы — в обоих типах могил резко преобладают мужские захоронения. Н. Н. Мамонова пишет также, что срубы в могильнике были семейными усыпальницами, что мужчины погибали молодыми во время войн, об этом свидетельствуют однообразные травмы на черепах. Женщины также умирали рано, нередко во время родов [410].

В 1980 г. Н. Н. Мамонова подытожила результаты анализа всех улангомских черепов [409].

Стажер Института общей и экспериментальной биологии АН МНР Д. Тумэн вслед за Н. Н. Мамоновой выделяет присутствие в составе населения эпохи поздней бронзы европеоидного и монголоидного типов, отмечает, что «среди сравниваемых серий наибольшее сходство с нашей серией обнаруживает тагарская серия Тувы» [18, с. 53].

Антропологические материалы из Улангомского могильника упомянуты также в статье, написанной в 1987 г. В. П. Алексеевым, И. И. Гохманом и Д. Тумэн, где сказано: «В этом районе

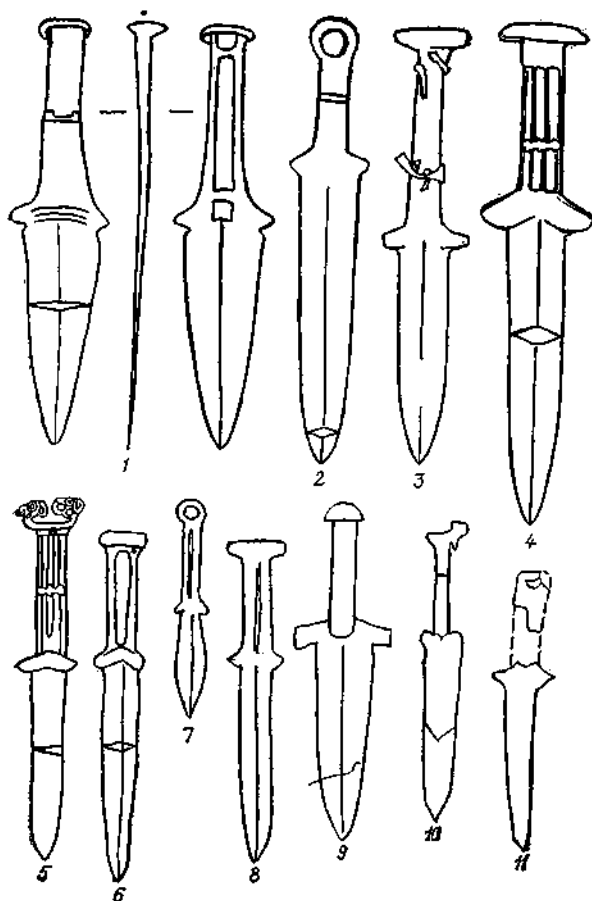
Монголии проживало европеоидное население с небольшой монголоидной примесью, более всего сходное с таковым из соседней Тувы» [18, с. 235—236]. Справедливости ради нужно все-таки заметить, что авторы несколько недооценили вклад, сделанный Н. Н. Мамоновой в решение этого весьма сложного вопроса. Вот что они пишут: «В русском варианте статьи Н. Н. Мамоновой об Улангомском могильнике (опубликован в 1980 г.) *дополненные по сравнению с публикацией В. П. Алексеева* (курсив мой.—Э. Н.) (1975 г.) данные приведены с отсылкой на В. П. Алексеева» [18, с. 240]. Представляется существенным, что в распоряжении В. П. Алексеева было два черепа из Западной Монголии, а Н. Н. Мамонова дала обмеры и анализ более 100 черепов [410; 825].

Археологический материал из Улангомского могильника также уже полностью опубликован, с чертежами и планами погребений, полными перечнями находок по погребальным камерам, со сводными таблицами [825].

В 1980 г. была опубликована книга «Искусство древней Монголии», в которой специальный раздел был посвящен описанию Улангомского могильника [820]. Материал, рассмотренный на фоне всех предшествующих культур Западной Монголии и в сравнении с находками в соседней Туве и Сибири, позволил нам подтвердить датировку могильника в пределах V—III вв. до н. э. Особое внимание было обращено на европеоидный характер населения Западной Монголии V—III вв. до н. э., что свидетельствует о близости этой культуры с синхронными культурами из Тувы и Алтая.

Всего нами исследовано 56 могил разных эпох, из них пять могил (29, 30, 44, 50 и 51) датируются эпохой сюнну. Основная часть некрополя относится к середине I тысячелетия до н. э. и представляет собой единый могильник с двумя типами могил: захоронениями в бревенчатых срубках и в каменных ящиках. Исключение составляет детское захоронение в деревянной колоде (могила 20). К скифскому времени относятся 22 могилы с бревенчатыми срубками и 24 с каменными ящиками. Они часто расположены попеременно, хотя можно отметить некоторое преобладание каменных ящиков в северо-западной части могильника. Перекрытия могил обнаружены на глубине 50—60 см от современной земли. Общая глубина срубов 1,5—1,8 м. Каменные ящики были более мелкими. В тех случаях, когда могильная яма была больше сруба, пространство между стенками ямы и бревнами сруба или стенками ящика заполнялось каменной забутовкой.

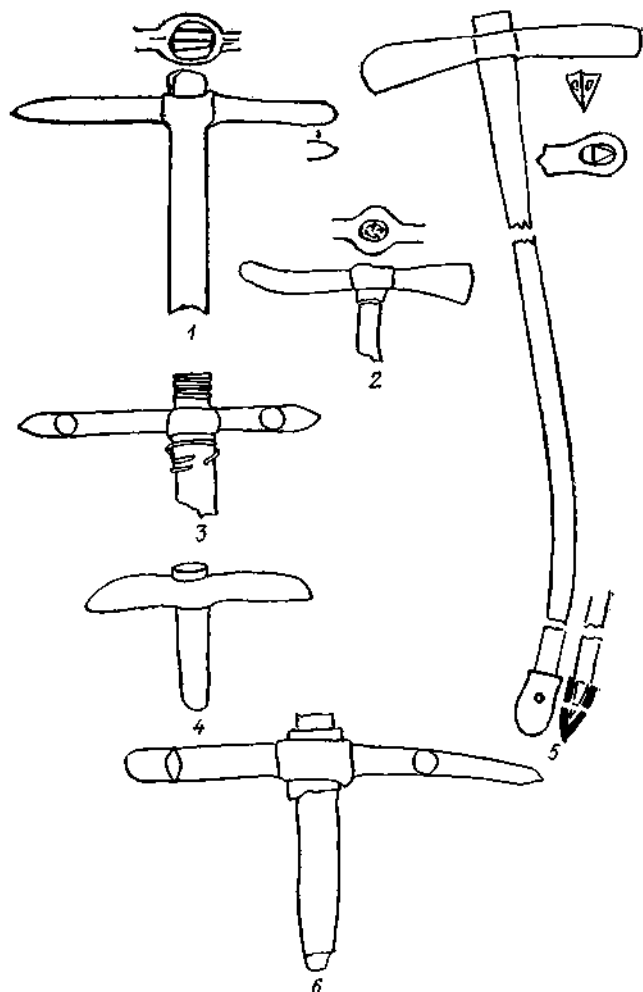
Конструкция подземных сооружений (как срубов, так и каменных ящиков) однотипная, с очень небольшими вариациями. Срубы сооружались из лиственничных бревен в 3—4 венца, общей высотой до 80 см. Бревна отесаны, особенно тщательно внутри камер. Сруб сложен в «обло», т. е. таким образом, что концы бревен выходят за пределы наружного края стен. Как мы уже говорили, иногда срубы сооружены с наклоном к центральной части и тогда сооружение имеет форму усеченной пирамиды.

Кинжалы из Улангомского могильника

Перекрытие сооружалось из одного ряда бревен, оно опиралось на верхний венец сруба. Пол погребальной камеры выстилался тонкими жердями или выкладывался плоскими каменными плитками. Иногда камень и дерево применялись для покрытия пола одновременно. В двух случаях (могилы 47 и 48) в восточной стенке сруба было прорезано окно (50×50 см), закрытое с наружной стороны сруба крупными плоскими камнями. А в могиле 18 около северо-восточного угла в стенке прорезан вход шириной 80 см. Общие размеры срубов, практически квадратных в основании, колебались в пределах от $1,3 \times 1,5$ м до 3×3 м. И соответственно варьировало число погребенных в них — от двух до десяти человек (взрослых и детей).

Характерно, что погребенные были положены чаще всего в северо-западной части камеры. Они лежали вплотную друг к дру-

Топоры и чеканы из Улангомского могильника

гу, в скорченном положении на левом или правом боку (реже, на спине), чаще всего головой на северо-запад. Особенностью погребального обряда в срубах является наличие каменных «подушек» под головами покойников.

Определенный порядок наблюдается в размещении погребального инвентаря. У голов вдоль западной и южной стенок камер ставились глиняные сосуды или деревянная посуда. В области пояса и у бедер лежало оружие: кинжалы, чеканы, боевые топоры. Возле пояса обычно бывают найдены и бронзовые зеркала, шилья, бронзовые и железные ножи. В нескольких случаях возле

ног погребенных, рядом с костями стопы обнаружены скопления наконечников стрел.

Юго-восточная часть камеры, как правило, свободная от погребений, очевидно, предназначалась для культовых действий, связанных с погребением: там найдены остатки костей жертвенных животных, черепа овец и собаки, кости лошади. Прослежены зольные пятна и остатки обгорелого дерева — следы кострища. В двух случаях на зольных пятнах стояли закопченные глиняные горшки с остатками жертвенной пищи в виде костей овцы или козы. В могиле 33 на зольном пятне обнаружен бронзовый котел с большими костями животных.

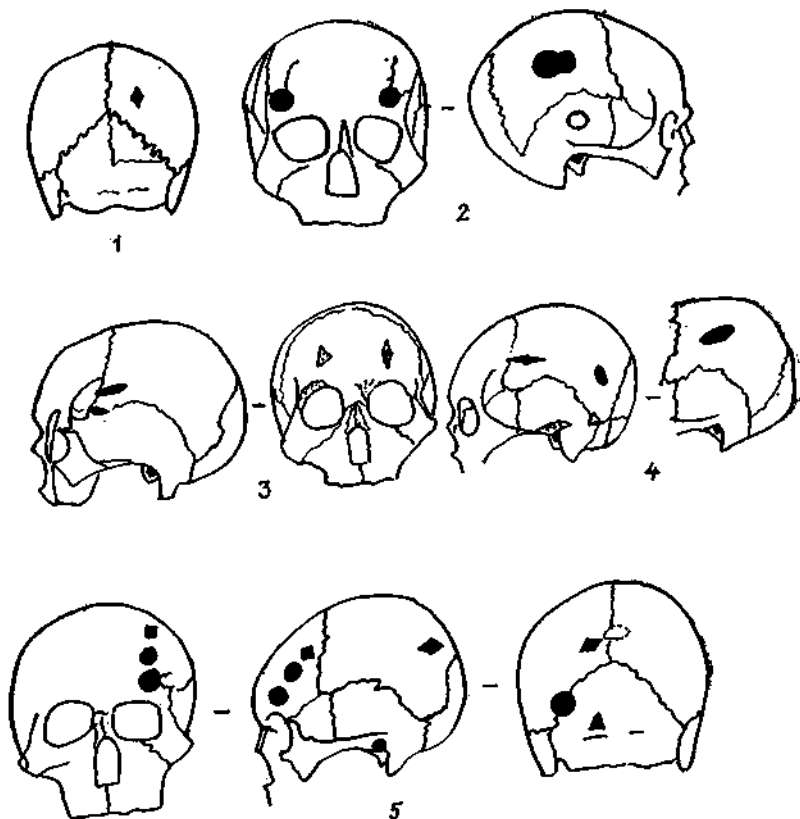
Эти коллективные усыпальницы, очевидно, заполнялись довольно быстро, на протяжении жизни одного-двух поколений, путем постепенного подхоронения. В отдельных срубках костяки были сдвинуты со своих прежних мест. Предположение о том, что захоронения совершались постепенно, позволяет думать, что могилы должны были иметь какие-то наружные сооружения, по которым их можно было бы находить. Некоторые срубы могли быть заполнены и в короткие сроки, что скорее всего связано с войной: об этом свидетельствуют патологические изменения, следы насильственной смерти на черепах в виде отверстий, оставленных чеканами, кинжалами и наконечниками стрел.

Архитектура каменных ящиков очень проста: они сооружались из плоских плит розоватого гранита, добытого на горе Чандмань. Некоторые ящики очень малых размеров, до одного метра в длину. Естественно, что в такой ящик покойника можно было положить лишь в скорченном положении. И несмотря на это, в каменных ящиках бывает захоронено двое и даже трое. В таких случаях покойники были положены друг на друга.

Несмотря на различие архитектурного оформления ящиков и срубов, погребальный обряд в обоих случаях в основном идентичен: захоронения в скорченном положении, на левом или на правом боку, головой на запад или северо-запад, с каменными «подушками» под головами. Одинаковая ориентация самих подземных сооружений углами по сторонам света сохраняется неизменно.

По устройству подземных сооружений и по погребальному обряду Улангомский могильник имеет прямые аналоги в культурах скифского времени на соседних территориях Тувы и Алтая в памятниках V—III вв. до н. э. [421, с. 87]. Таковы могильник Саглы-Бажи-П и курганы Кошо-Агачского района [161, с. 215—222]. Там прослежены захоронения и в срубках, и в каменных ящиках, где погребенные лежат в скорченном положении, на левом или правом боку, головой на запад. Таким образом, сопровождающий материал алтайских курганов подтверждает ту же датировку — V—III вв. до н. э.; ее же дают и радиокарбонные данные.

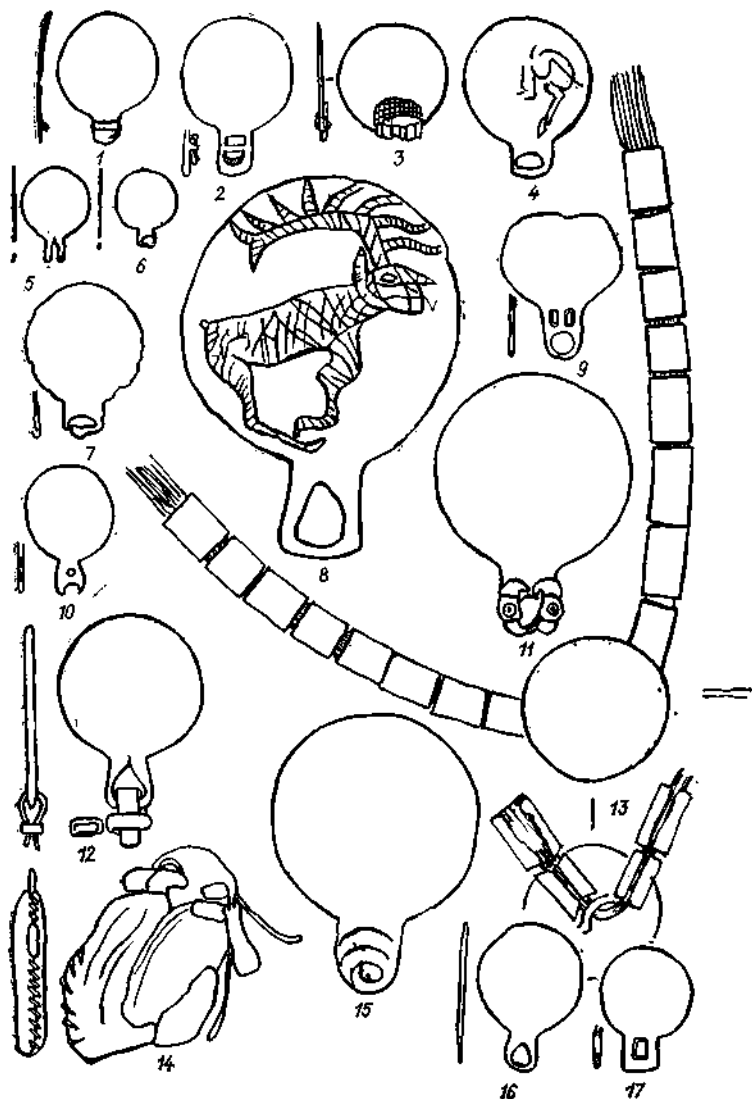
Что касается инвентаря Улангомского могильника, то он также очень близок к инвентарю из тувинских и алтайских раскопок. Особенно много обнаружено глиняных сосудов, что вообще

Следы ударов на черепах, нанесенные кинжалами, стрелами и чеканами (см. [825])

не типично для монгольских погребений. Керамика, найденная в срубках, представлена тремя типами: открытыми сосудами-банками, небольшими горшками сферической формы и вазообразными кувшинами с шаровидным туловом и узким высоким горлом. На сосудах первых двух типов встречаются наклепные ручки, на сосуде сферической формы из могилы 5 вылеплено аркообразное ушко. К описанным выше формам нужно добавить две, не встреченные в ящиках, а только в срубках: митровидные сосуды с боковой ручкой (могилы 31, 32) и кувшины-фляжки с уплощенным туловом (могила 1).

Можно также сказать, что керамика из ящиков выглядит много проще и беднее, чем из срубов. Сосуды срубов отличаются большими размерами, богатством и разнообразием орнамента, тщательностью отделки. Основные элементы декора глиняных сосудов — наклепные валики, гладкие или с нарезными насечками. Они украшают венчик и основание горловины кувшина,

Зеркала из Улангомского могильника

а иногда спускаются горизонтальными рядами по тулову (могила 33) и соединяются между собой вертикальными перемычками, образуя решетчатые фигуры (могила 46). На кувшине-фляге (могила 1) валики украшают узкие стороны сосуда и представляют собой кольцевые налепы.

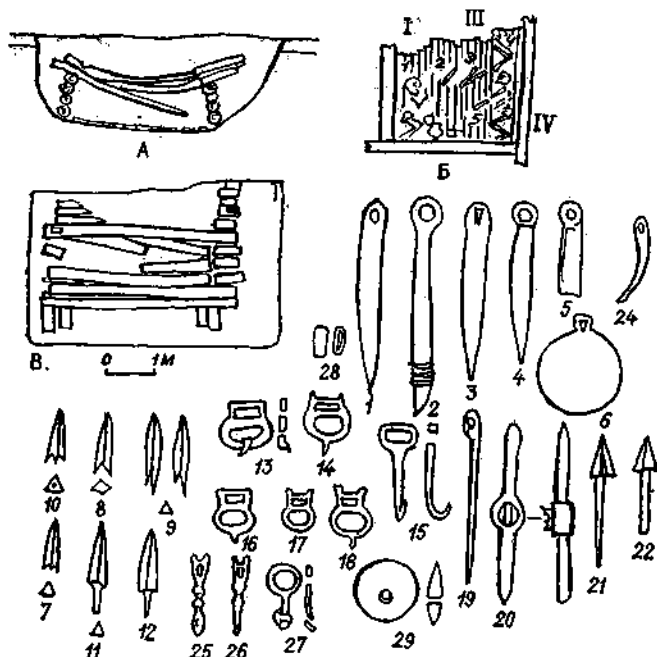
Уникален сосуд с наклепными схематически выполненными фигурами козлов и оленя (могила 1). Эти фигуры напоминают

Пряжки и украшения из Улангомского могильника

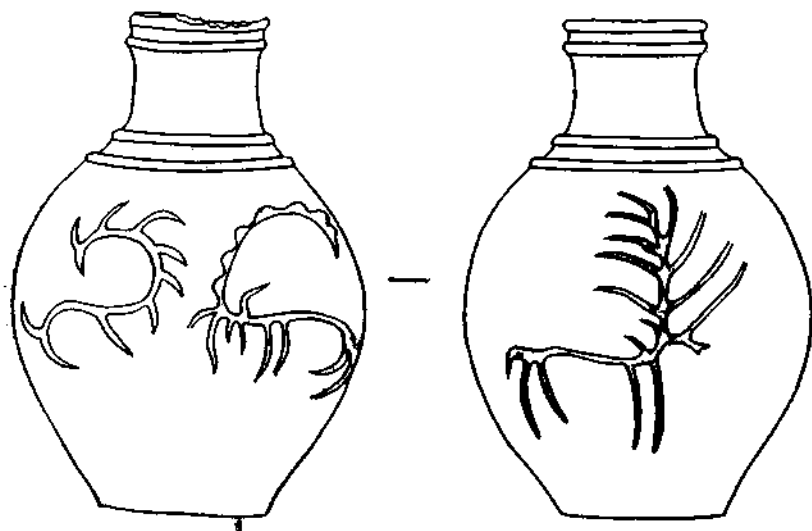
некоторые контурные изображения на петроглифах (например, из Тэвш-уула). Таким образом, лепные фигуры на сосудах Улангома помогут датировать большую серию петроглифов не только Западной Монголии, но и вообще Центральной Азии.

Не менее характерно для улангомской керамики украшение «каннелюрами» — близко расположенными друг к другу углубленными полосами. Иногда они идут строго горизонтально, покрывая все тулово (могила 1), иногда это волнообразные фигуры (могилы 37, 56). Баночный сосуд из могилы 47 украшен каннелюрами по венчику аналогично тагарским горшкам из Южной Сибири.

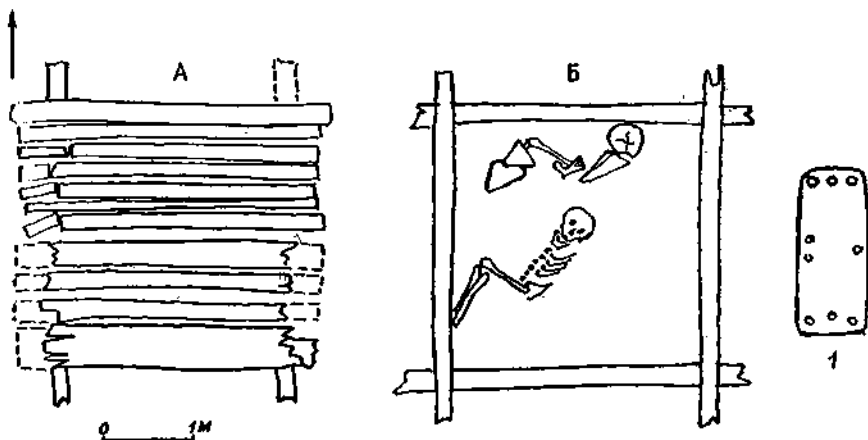

Улангомский могильник:

А — разрез; Б, В — план могилы I и находки в ней: 1 — железный нож; 2—5 — бронзовые ножи; 6 — бронзовые зеркала; 7—12 — наконечники стрел; 13, 14, 16—18, 25—27 — бронзовые пряжки; 15 — бронзовый крючок; 19 — бронзовое шило; 20 — бронзовый чекан; 21, 22 — наконечники стрел; 23 — подвеска из клыка; 24 — бронзовая обйма; 25 — каменный диск; I—IV — погребения (нумерация дана по дневниковым записям)

Улангомский могильник. Сосуды из могилы I

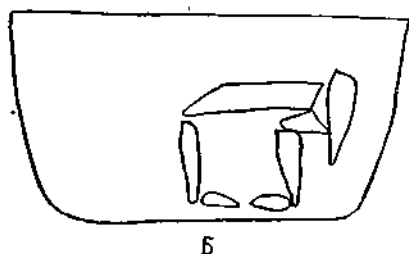
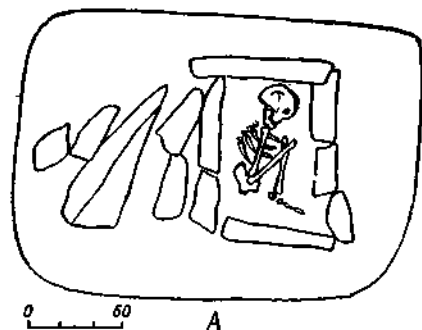
Улангомский могильник. План могилы 2; 1 — костяная пластина

Известна в Улангомском могильнике и расписная орнаментация, нанесенная черной краской. Орнамент обычно простой: в виде валютообразных завитков (могила 47) и меандров. Наиболее интересен сосуд из могилы 23, где знаки, нанесенные черной краской на тулово сосуда и на донышко, напоминают буквы незнакомого алфавита. Лингвисты видят в этих знаках надписи и предлагают разные варианты предварительной расшифровки. В. А. Лифшиц сравнил надпись с аналогами, сделанными поздней-уйгурским алфавитом⁵. Он предполагает, что надпись сделана не ранее середины VIII в. (!). Возможно, считает В. А. Лифшиц, надпись обозначает имя владельца сосуда. По нашему мнению, это могло быть и имя мастера, сделавшего сосуд. Имя состоит из двух компонентов: первое $\Pi\check{c}(i)$, второе видно плохо: $P\gamma/\check{s}w$, что может соответствовать Вақи или Ваşi.

По мнению другого лингвиста — М. Н. Боголюбова, эта надпись ближе всего к среднеперсидскому $p'w\dot{y}h\ \check{c}sh$ (сравни с персидским $\check{c}a\check{s}idan$) и может переводиться как «пей на здо-ровье»⁶.

Эти предположения лингвистов я привожу лишь как первые попытки прочтения надписи, как повод к дискуссии, а не как окончательный результат анализа, в надежде, что дальнейшие исследования прольют свет и на этот вопрос. Не обсуждая здесь лингвистическую сторону и справедливость той или иной дешифровки, я не могу обойти молчанием предположение, высказанное В. А. Лифшицем о дате надписи, а значит, и позднем возрасте сосуда — середина VIII в. Правда, он оговорился, что эта поздняя дата не противоречит «общей дате могильника, если предположить наличие здесь позднего подхоронения» [825, с. 275].

Но все дело в том, что раскопки не показали никаких следов позднего подхоронения, напротив, сосуд с надписью лежал у из-

Улангомский могильник.
План (А), разрез (Б) могилы 3

головья погребенного в непо-
тревоженном положении, как и
все сосуды этого и соседних
погребений. Сосуд с надписью
и остальные сосуды могильни-
ка сделаны скорее всего одни-
ми мастерами из светлой гли-
ны, хорошо отмученной, с теми
же примесями в тесте. Над-
пись на сосуде выполнена та-
кой же черной краской, что и
орнаменты на других горшках,
в частности валютообразные
фигуры на сосудах из могилы
47 [820].

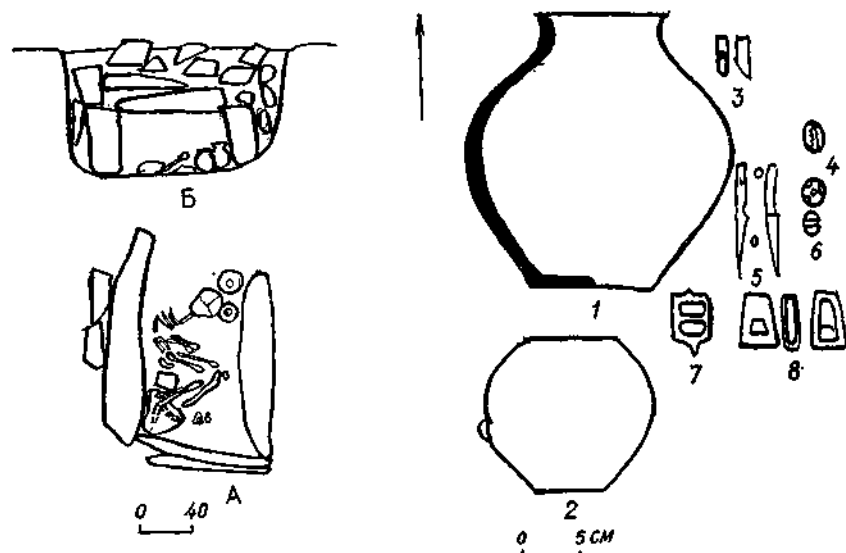
Все находки из могилы 23
Улангомского могильника чет-
ко датируются V—III вв. до
н. э. И следовательно, остается
принять за единственно воз-
можную дату создания сосуда
с надписью также этот отрез-
ок времени. Как видим, со-
гласиться со столь поздней
датой надписи, какую предло-
жил В. А. Лифшиц, не пред-

ставляется возможным. Будущие исследования и новые находки
в Центральной Азии помогут проверить высказанные точки зрения.

Украшенные резным орнаментом сосуды в Улангомском мо-
гильнике не многочисленны (могилы 11, 20). Сосуд с геометриче-
скими фигурами, несимметрично расположенными (треугольники,
кресты, ромбы), не имеет аналогий на керамике из Монголии, но
такие декоры (или пиктограммы) известны на карасукской кера-
мике в Южной Сибири, на костях-альчиках из карасукских по-
гребений и на тагарских ножах [477, с. 42, рис. 7, 8].

Как уже говорилось, в целом керамика из каменных ящиков
и из срубов отличается очень мало. Однако в ящиках бывает
лишь 1—2 горшка (иногда нет совсем), в срубах же — до 10.
В каменных ящиках преобладают баночные сосуды и всего 8 %
их относится к типу вазообразных. Кроме того, сосуды в камен-
ных ящиках беднее орнаментированы, о чем мы уже упоминали
выше.

В 1984 г. специальный статистический анализ всей керамики
уюкского времени был предпринят Е. В. Волковой, которая при-
шла к выводу, что керамика Улангомского могильника (и из ка-
менных ящиков и из срубов) не распадается на более раннюю и
более позднюю, следовательно, можно сказать, что срубы и ка-
менные ящики являются по времени синхронными. А многочислен-
ность керамики в срубах можно объяснить тем, что в них боль-

Улангомский могильник. План (А), разрез (Б) могилы 4 и находки в ней:

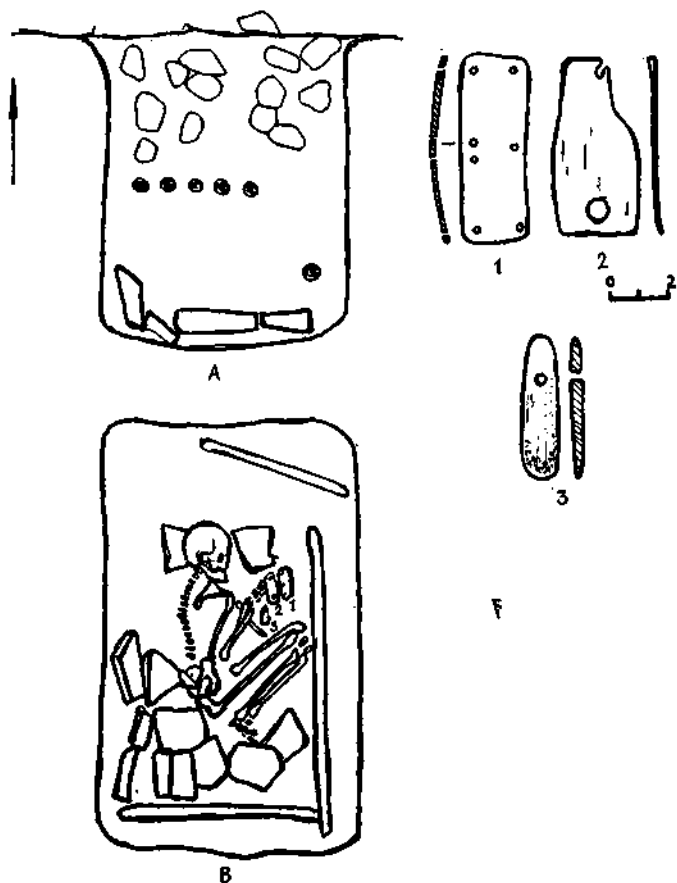
1, 2 — сосуды; 3 — костяная полая трубочка; 4 — раковина каури; 5 — костяная проколка; 6 — бусина; 7 — бронзовая пряжка; 8 — бронзовая обойка

шое число погребенных и, возможно, каждому погребенному ставился один сосуд [137]. А далее еще интересное замечание: на рубеже II в. до н. э. улангомская культура в Монголии перестает существовать. Вместе с ней исчезает и уюкская керамика. И также нет ничего общего между керамикой улангомской культуры и сменившей ее культуры сюнну. Зато подобная керамика появляется на рубеже нашей эры в Казахстане в Джеты-асарах (в раскопках Л. М. Левиной).

Кроме керамики в Улангомском могильнике найдены также деревянные сосуды. Они плохо сохранились, но все же их форма иногда поддается реконструкции. Это плоские сосуды с низкими бортиками, более всего похожие на блюда. Подобные деревянные чаши и блюда обнаружены и в Туве, например в погребениях кызылганской культуры (VII—III вв. до н. э.) [86; с. 231; 366, с. 89]. Особенно изящен по форме резной деревянный кубок. Один сосуд прямоугольной формы был покрыт первоначально красной краской. Такая окраска была достаточно характерна для этой культуры, не случайно в погребениях найдены мелкие фрагменты краснолаковой посуды.

Специально нужно сказать о бронзовом котле на поддоне с двумя вертикальными ушками, по форме которых котел может быть отнесен к поздней разновидности котлов скифского типа.

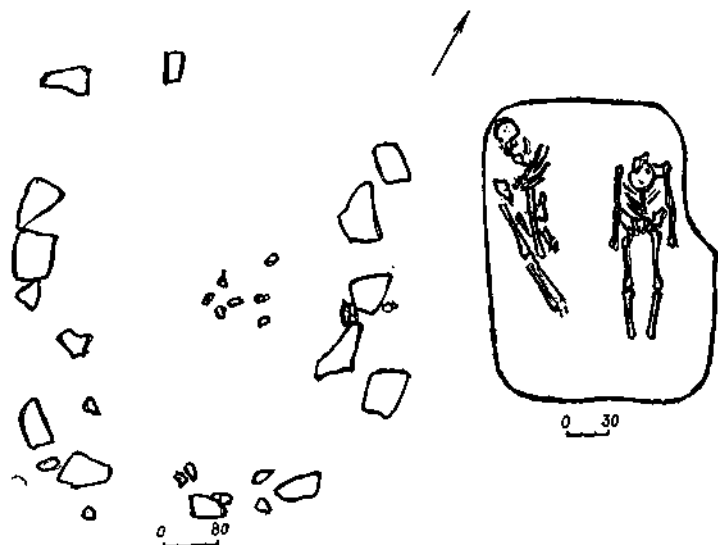
Сравнивая улангомские сосуды с аналогичными находками из соседних регионов, следует отметить, что кувшинообразные сосуды с узкой горловиной и шаровидным туловом более всего

Улангомский могильник. План (B), разрез (A) могилы 9
и находки в ней:

1, 2 — костяные пластины; 3 — каменное точило

сходны с инвентарем V—I вв. до н. э. из могил на Алтае и в Казахстане [568, табл. XXV; 357, табл. II]. Сосуды баночного типа встречаются в верховьях Оби и в тагарских курганах IV—III вв. до н. э. [307, табл. XXVII]. Митровидные сосуды с боковой ручкой известны в сакских памятниках Киргизии, Казахстана, а также в курганах ранних кочевников Алтая [350]. Однако наиболее близка улангомской посуде керамика из курганов скифского времени (V—III вв. до н. э.) из соседней Тувы, где она найдена в абсолютно такой же комбинации типов и орнаментов [365]. Наиболее поздними считаются вазообразные сосуды с яйцевидным туловом и расписные сосуды. К более раннему времени (VII—V вв.) в Туве относятся курганы, где, как правило, керамики нет,

Улангомский могильник. План могилы 10

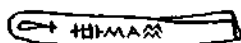
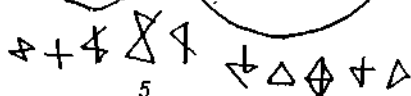
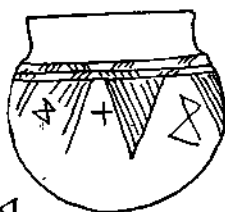
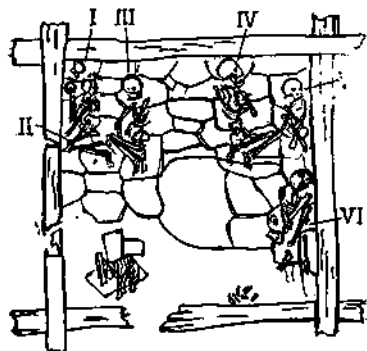
поэтому ее обилие или отсутствие также является хронологическим признаком [366; 421].

Часть инвентаря Улангомского некрополя, сопровождающего погребения мужчин, составляют предметы вооружения: кинжалы, чеканы и наконечники стрел, которые могут также рассматриваться как произведения высокого бронзолитейного искусства.

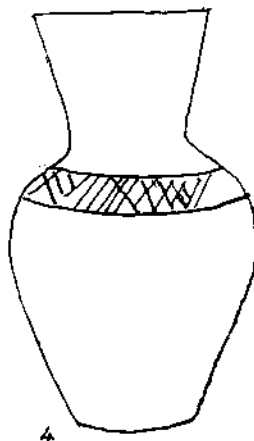
Большая часть кинжалов изготовлена из бронзы, хотя встречаются экземпляры, выкованные из железа. Железные кинжалы, как и все предметы, изготовленные из этого металла, очень плохо сохранились и не всегда удается восстановить их форму. Кинжалы имели кольцевидные или брусчатые навершия и перекрестия, утолщенные или выступающие из края лезвия (могилы 23 и 33).

Бронзовые кинжалы по размерам уступают железным, а экземпляры из могил 36 и 46 настолько миниатюрны, что, по-видимому, являлись votivnymi предметами, аналогично тагарским из Южной Сибири. Остальные находки представляют собой по форме варианты скифо-тагарского акинака, известного в культурах скифского времени V—III вв. до н. э. на Алтае, в Туве и в Южной Сибири [307, с. 265]. Особенно характерны в этом отношении кинжал с бабочковидным перекрестием из могилы 31 и кинжал с навершием в виде грифона из каменного ящика 26.

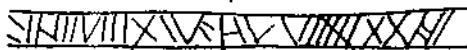
Лишь два кинжала из Улангомского могильника необычны для скифо-тагарского времени данного региона. Это выемчато-эфесовый кинжал с грибовидным навершием и с имитацией полой рукояти из могилы 37 и кинжал с прямым пластинчатым пе-

6

4

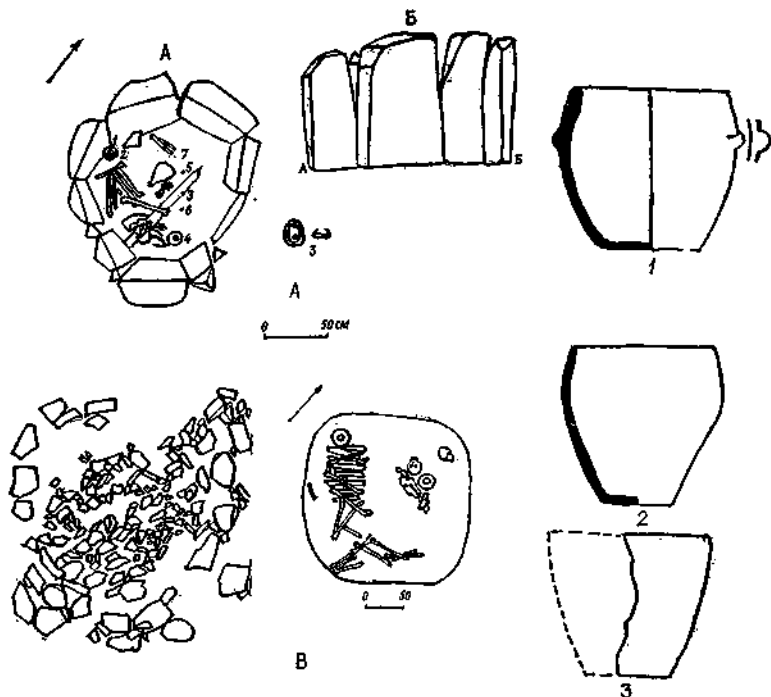

Улангомский могильник. План могилы 11 и находки в ней:

1 — костяная пряжка; 2 — бронзовая пряжка; 3 — серьга; 4 — сосуд с геометрическими знаками; 5, 6 — аналоги геометрическим знакам на сосуде и бронзовом ноже из Южной Сибири. I—VI — погребения

рекрестием и грибовидной шляпкой-навершием из могилы 43. Первый относится к классическому карасукскому типу, второй — к группе так называемых позднекарасукских или предтагарских кинжалов. Однако комплексы, в которых они найдены, ничем принципиально не отличаются от остальных погребений, а в могиле 43 вместе с кинжалом предтагарского типа найдены железные пряжка, чекан и нож, что определенно указывает на поздний возраст этого погребения. Кинжалы карасукского типа в могильнике V—III вв. до н. э. можно рассматривать как антикварные предметы, как наследственное оружие. Во всяком случае, они еще раз доказывают факт долгого сосуществования карасукских и тагарских форм.

Чеканы из могильника также изготовлены из бронзы и железа. Миниатюрных размеров бронзовые чеканы (длиной 11—12 см) имеют уплощенные обухи. Ударная часть (бойки) — с круглым

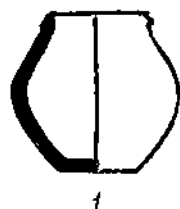
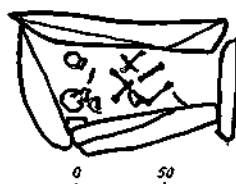
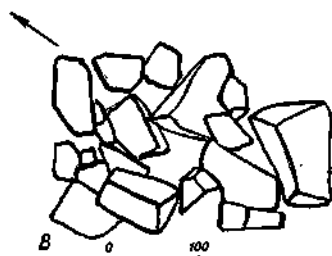
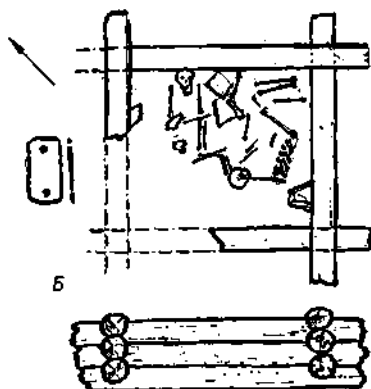

Улангомский могильник. План могил 12 (А) и 13 (В)
и находки в них:
1—3 — сосуды

поперечным сечением (могилы 33, 36, 46, 53). Железные чеканы массивнее и имеют тупую ударную часть. Они близки к оружию из Тувы, Алтая, Ордоса и датируются V—III вв. до н. э. [421, с. 50].

Наконечники стрел, бронзовые и костяные, подразделяются на втульчатые и черешковые. Бронзовые трехлопастные втульчатые наконечники стрел датируются по аналогии с сакскими стрелами Казахстана и Киргизии VII—VI вв. до н. э., алтайским и тувинским из могильников V—III вв. до н. э. [636; 366]. Стрелы носили в кожаных колчанах, от которых сохранились фрагменты кожи и крючки, бронзовые и железные. Один из таких бронзовых крючков изящно выполнен и украшен в «зверином стиле» [451].

Ножи Улангомского могильника, бронзовые и железные, делятся по форме на три группы: пластинчатые без выделенной рукоятки (могилы 46 и 53); с петлевидным отверстием в ручке (могилы 46 и 47); с кольчатым навершием (могила 33). Один раз встречено навершие в виде слегка приплюснутого кольца (могила 36), один нож аналогичен ножам «с аркой на кронштейне» из Южной Сибири. Подобное оружие в соседних регионах датируется V—III вв. до н. э. [93, с. 195, табл. 1—8].

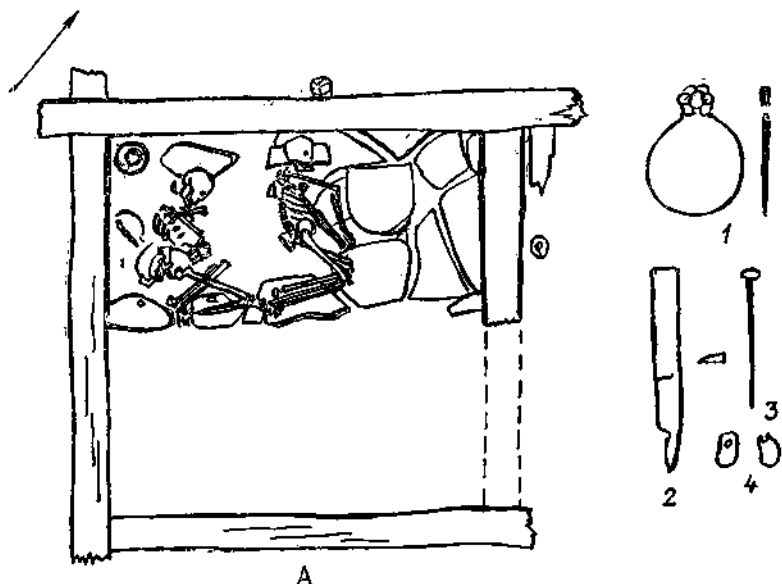

Улангомский могильник. Планы могил 14-A (A) и 14-B (B)

Среди предметов быта следует назвать каменные оселки, бронзовые шилья, зеркала. Последние относятся к поздним типам — петельчатые, медалевидные. Иногда вместо петельки сделана короткая боковая ручка. Так же как и тувинские, зеркала хранились в кожаных или войлочных футлярах.

Частая находка — бронзовые пряжки, обоймы и застёжки. Бронзовые пряжки с неподвижным язычком — характерная форма для культур евразийских степей.

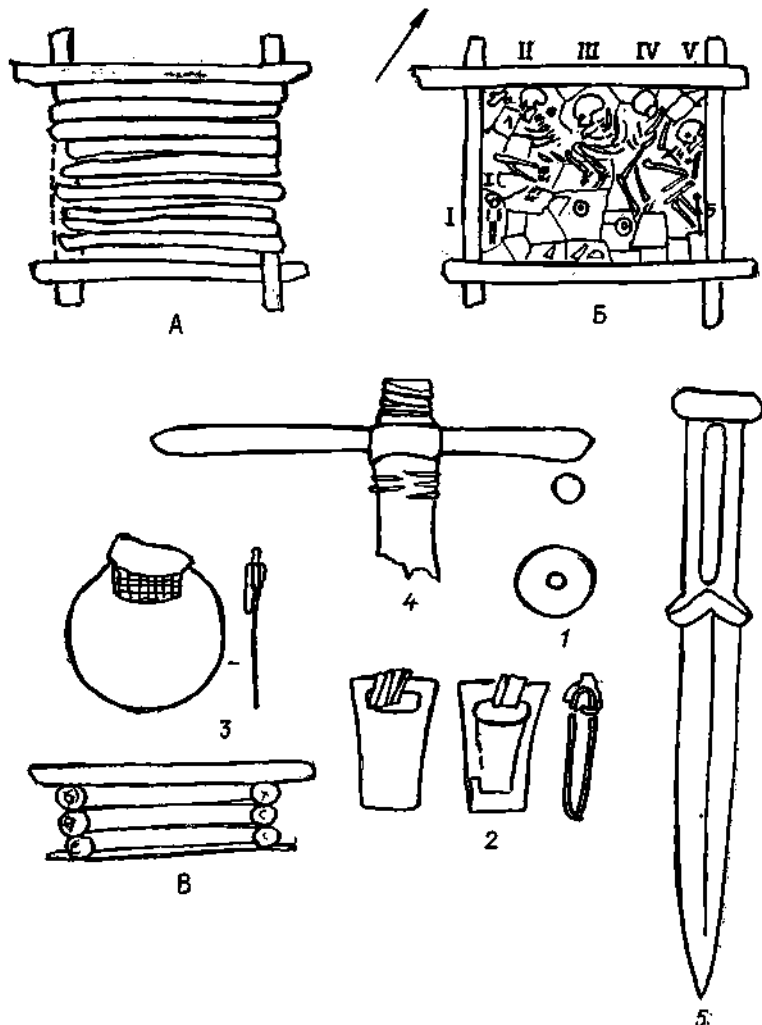
Об эстетических, а точнее, о религиозных чувствах «улангомцев» помогают судить многочисленные виды украшений: раковины каури, пастовые цилиндрические и стеклянные глазчатые бу-

Улангомский могильник. План (А) могилы 15 и находки в ней:
 1 — бронзовое зеркало; 2 — обломок железного ножа; 3 — бронзовое шило;
 4 — подвески из клыков; 5, 6 — сосуды

сы, бусины из кедровых орехов, сердолика и бирюзы. Часто встречаются подвески из резцов марала, клыков кабарги и сурка. Подвески подобного типа известны нам по изображениям на оленных камнях Монголии. Серьги — небольшие, в виде колечек из медной и серебряной проволоки — также аналогичны круглым, простым по форме серьгам оленных камней.

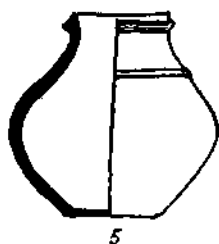
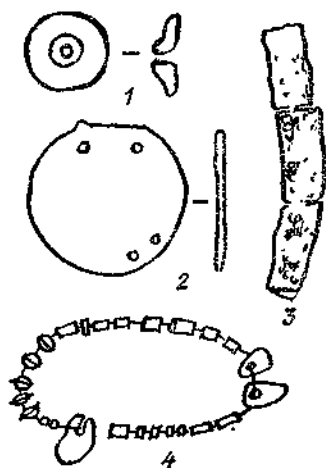
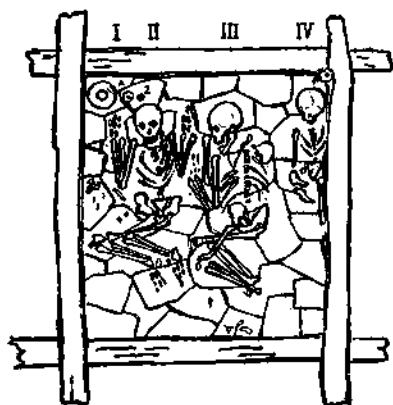
Найденный в Улангомском могильнике погребальный инвентарь раннего и более позднего времени сам по себе не может датировать комплекс. Основная же масса находок по аналогии

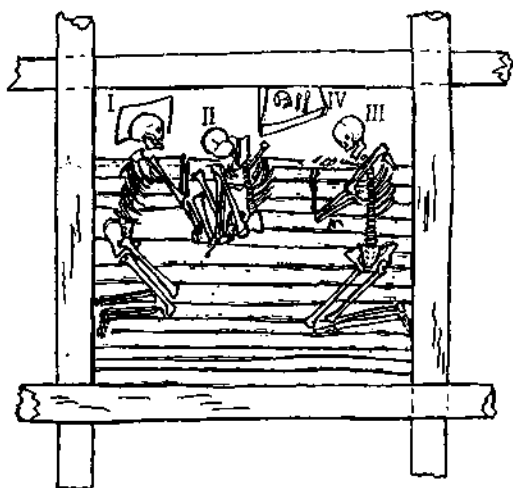
Улангомский могильник. Перекрытие (А), план (Б),
разрез (В) могилы 16 и находки в ней:

1 — бронзовая пуговка; 2 — бронзовая пряжка с кожаной обмоткой;
3 — зеркало; 4 — бронзовый чекан; 5 — бронзовый кинжал. I—V — погребения

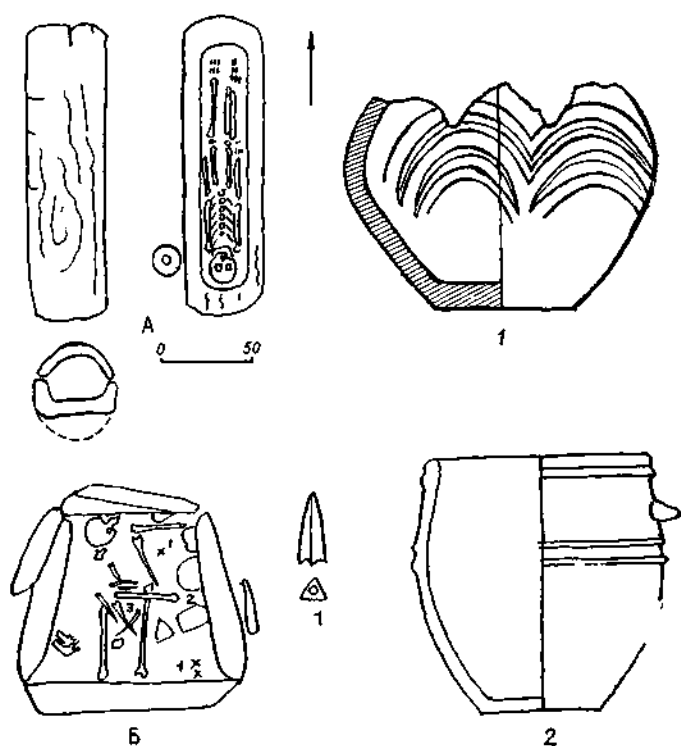
с тувинскими датируется V—III вв. до н. э. Определить верхнюю дату могильника скифского времени помогают раскопанные здесь же в Чандмани курганы эпохи сюнну. Сам факт их существования на той же территории и отсутствие чисто сюннских вещей в улангомских срубах и каменных ящиках свидетельствуют о том, что сюнну и «улангомцы» не соприкасались здесь длительное время. Очевидно, с приходом сюнну на берега о. Увс-нуур Улан-

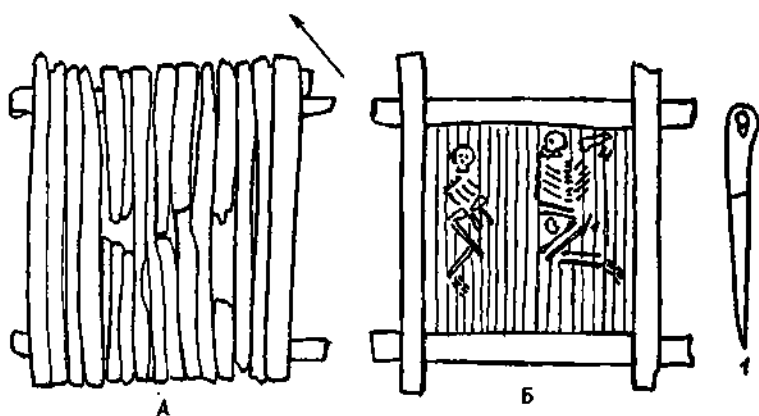
Улангомский могильник. План могилы 17 и находки в ней:
1 — железный предмет; 2 — бронзовый диск; 3 — железный нож (фрагмент);
4 — бусы; 5 — сосуд. I—IV — погребения

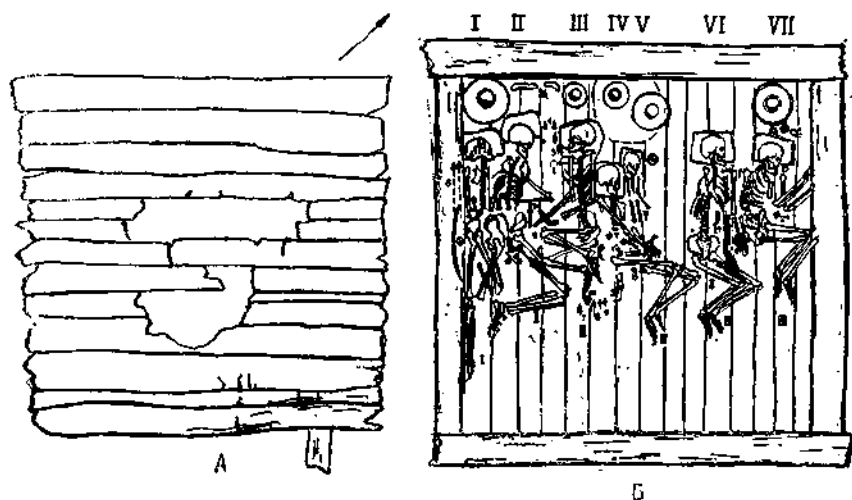
Улангомский могильник.
План могилы 18. I—IV — погребения

Улангомский могильник. Могила 20 (А) и находки в ней:
1 — сосуд. Могила 21 (Б) и находки в ней: 1 — наконечник стрелы;
2 — сосуд

Улангомский могильник. Перекрытие (А), план (Б) могилы 22
и находки в ней: 1 — нож

Улангомский могильник. Перекрытие (А), план (Б) могилы 23 и находки в ней. I—VII — погребения

гомский могильник скифского времени перестал функционировать, т. е. не исключено, что «улангомцы» ушли с этой территории, когда там появились племена чуждого этноса — носители новой культуры.

ХОЗЯЙСТВО, ОБРАЗ ЖИЗНИ, РЕМЕСЛА

Основой хозяйства племен, оставивших плиточные могилы, было скотоводство. В погребениях кости домашних животных преобладали над костями диких. Так, кости лошади встречены в Забайкалье в 49 могилах, кости овцы и барана — в 33, кости быка — в 12, кости козы — в 4 могилах [238, с. 58].

По данным, полученным из плиточных могил Монголии и Забайкалья, население этих территорий разводило в основном лошадей и овец. Находки псалиев и удила свидетельствуют о том, что лошадь использовалась уже и для верховой езды. Это позволяет предположить, что в степях Восточной Монголии в I тысячелетии до н. э. человек впервые в этих местах оседлал коня. Всадники были вооружены луками и стрелами. Они применяли их и на войне и на охоте. Охотились на крупную и мелкую дичь. Об этом можно судить по рисункам на скалах, по находкам костей оленя, лисицы, дзерена⁷.

Судя по источникам, основой хозяйственной деятельности племен Центральной Азии, в том числе Монголии, было кочевое скотоводство. Однако ни археологические, ни письменные данные не могут в полной мере создать ясную картину хозяйственной дея-

тельности скотоводческих племен. Не потому ли в науке идут споры, было ли их хозяйство кочевым или полукочевым.

Четче всего этот вопрос раскрыт ведущими советскими антропологами М. Г. Левиным и Н. Н. Чебоксаровым. Они пишут, что в I тысячелетии до н. э. на рубеже появления классового общества выделились кочевники-скотоводы, а также перечисляют основные признаки хозяйственно-культурного типа. А как показывает самое название этого типа, он связан с кочевым образом жизни, что, в свою очередь, накладывает глубокий отпечаток на всю культуру кочевников. Разводят главным образом лошадей, крупный и мелкий рогатый скот (особенно овец); в некоторых областях большую хозяйственную роль играет также разведение верблюдов... Основу питания составляет мясная и молочная пища, в связи с чем способы изготовления молочных продуктов очень разнообразны (различные виды кислого молока и сыр, приготовление из молока опьяняющих напитков и т. д.). Главный тип жилища — переносный шатер (форма его варьирует), крытый полотнищами из шерсти (ткаными или валяными) или, реже, кожей. Утварь преимущественно кожаная; гончарство, как правило, отсутствует. Если из древних народов характерными представителями этого типа можно считать скифов-кочевников и сарматов, то из современных народов к нему следует отнести монголов и часть туркменов (до периода социалистической реконструкции их хозяйства), кочевые иранские, тюркские и арабские племена стран Передней Азии и Северной Африки. Сюда же относятся, в известной степени, некоторые народы Восточной и Южной Африки.

Хочется возразить авторам только в одном: кочевники имели достаточно посуды, в том числе глиняной, а предпочитали и предпочитают до сих пор кожаную, деревянную, а также сосуды, сделанные из желудка животного. Проводя параллели в современных этнографических материалах, должна сказать, что к хозяйственному типу и быту проживавших здесь народов ближе всего поздние кочевничьи уклады казахов Казахстана и Северо-Западной Монголии, тюркоязычных народов Монголии и Туркестана и, конечно, монголов Центральной Азии.

Кочевники Монголии в середине I тысячелетия до н. э. разводили (и разводят по сей день) пять видов скота: лошадей, крупный рогатый скот, коз, овец, верблюдов.

Изучая морфологические признаки монгольского скота, Н. Н. Колесник пришел к выводу, что крупный рогатый скот Монголии представляет собой совершенно самостоятельный тип, в настоящее время распространенный в Якутии, Восточной Сибири, Забайкалье, в Казахстане и Монголии, и происходит он от одного из видов азиатских быков, который был одомашнен в Западной Монголии.

Основу стада кочевника-скотовода как Монголии, так и Тувы, Алтая, Казахстана в I тысячелетии до н. э. составляли овцы. Это была порода жирнохвостых или курдючных овец, а курдюк был

одним из излюбленных блюд кочевников. В погребениях часто находят остатки именно этой части тела животного.

Особую роль в хозяйстве играла лошадь. Она была и остается основным богатством кочевника. Лошадь дает кочевнику молоко, является главной тягловой силой при перекочевке. Она сама добывает пищу из-под снега (тебеневка), существует на подножном корму. Находки предметов конского снаряжения — один из наиболее характерных признаков погребений кочевников, хотя в Монголии такие находки встречаются реже, чем в Туве и на Алтае.

В пустынных и полупустынных районах особую роль играет верблюд. В этих местах крупный рогатый скот не разводили, здесь преобладали лошади, овцы и верблюды. В этнографическом плане именно таков состав стада современных гобийских скотоводов. В Туркмении до недавнего времени в полупустынных районах между Аральским морем и Каспием был такой же состав стада, у казахов рода Адай не было крупного рогатого скота, стадо из лошадей, овец и верблюдов сильно зависело от обилия воды в колодцах [567]. То же самое можно сказать о кочевниках Гоби.

Необходимо заметить, что в I тысячелетии до н. э. в Монголии кочевники обживали весьма различные экологические зоны от полупустынь до высокогорных альпийских лугов. Человек приспосабливался не только к разным ландшафтам и природным особенностям, но и выводил новые породы скота, применял неизвестные ранее корма и растения, научился использовать верблюда и лошадь в этих суровых песках и степях. Естественно, кочевое скотоводство в разных географических условиях не было одинаковым. Неудивительно также, что кочевник уходил со своими стадами из тех мест, где кончался корм и высыхали травы. В Монголии это движение шло в направлении с юга на север.

Формирование раннекочевнических обществ — важное событие мировой цивилизации, а генетически оно связано со скотоводами эпохи развитой и поздней бронзы, населявшими степи и горные районы. Решающим моментом в жизни общества стало формирование новых специфических форм хозяйства, продиктовавшего и новые формы быта, культуры и идеологии. Необычайная дотоле подвижность кочевников привела к быстрому распространению всех новых традиций кочевого общества на обширные территории в сравнительно короткие исторические сроки.

Большую роль играла и охота. Об охотничьих промыслах можно судить по находкам костей диких животных (чаще всего встречаются кости благородного оленя, лисы и птиц) в погребениях, а также по сюжетам наскальных рисунков.

На мелких животных и птиц охотились из-за мяса, на крупных — ради мяса, шкур, меха. Облавные охоты изображены на петроглифах Кобдского и Архангайского аймака. Встречаются сцены охоты и среди рисунков Чулуута. Интересно, что не только в погребениях преобладают находки костей оленя, но и среди пет-

роглифов I тысячелетия до н. э. самым распространенным мотивом является изображение охоты на оленя. Чаще всего показана охота с собаками.

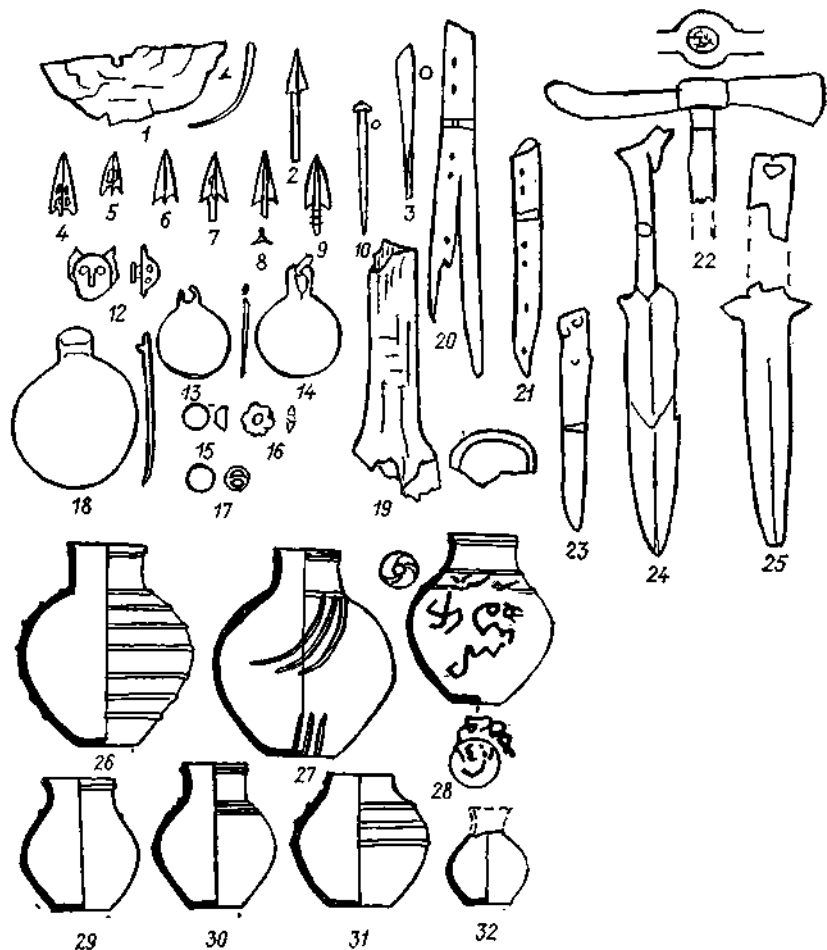
Вторым персонажем среди диких животных на петроглифах и на оленных камнях является кабан. Нередко встречаются изображения охоты на кабана, иногда на стадо кабанов. Охотники показаны с луками и стрелами, на Чулууте-IV охотник стреляет в кабана, а остальные лучники его окружают.

Просуществовавшее тысячелетия кочевое скотоводческое хозяйство хотя и претерпело значительные изменения, однако сохранило свою специфику, потому мы можем судить о быте и культуре древних кочевников по материалам археологических данных, письменных источников и этнографических наблюдений.

Необходимость использования подножного корма, зависимость от пастбищ и климатических условий создали прочные традиции кочевого быта. Жилище должно было отвечать нескольким требованиям: быть легким, мобильным, защищать зимой от морозов, летом от жары, ураганов и дождей. Традиционная форма войлочной юрты (с разными архитектурными вариациями) была, видимо, знакома уже и ранним кочевникам Центральной Азии. При раскопках пятого Пазырыкского кургана на Алтае обнаружена решетка из прутьев, аналогичная современным остовам юрт. Там же найдена основа от перекрытия повозки, которая складывалась как гармошка, подобно современным стенкам юрт кочевников. Юрта покрывалась войлоком.

Из войлока делалось немало предметов обихода, из него же были изготовлены седельные подушки (найденные в Пазырыкском кургане), одежда, головные уборы, кошмы, коврики, подстилки, одеяла и т. д. Производство войлока — древнее искусство кочевников. Его делали только из шерсти овец, ибо не любая шерсть годится для этого. Непригодна, например, шерсть лошади, верблюда и козла. Обследование тонких сортов войлока, обнаруженного в курганах ранних кочевников Алтая, показало, что он состоит только из пуха. По определению В. Н. Коновалова, «малый диаметр его шерстинок, форма чешуек шерстинок, охватывание ими коркового слоя и налегание друг на друга — все оказалось аналогичным пуху лучших культурных пород овец, дающих благородные шерсти, с шерстинками толщиной от 11 до 26 ц.» [567, с. 79]. Древние скотоводы разводили и тонкорунных овец, и грубошерстных, из шерсти которых катали толстый войлок. Остатки шерстяных тканей найдены и в Улангомском некрополе. Преобладали белые овцы, но были известны и темно-коричневые и черные.

Кроме войлочных жилищ были, очевидно, известны и кибитки, покрытые войлоком. Во всяком случае, в аналогичных культурах Алтая, в пятом Пазырыкском кургане обнаружен остов, очевидно, войлочной кибитки, которая, по мнению исследователей, по конструкции не уступает самым совершенным жилищам, сохранившимся у казахов до наших дней [567, с. 79]. Добавлю также, что и у восточномонгольских племен по сей день сохранились кры-

Улангомский могильник. Находки в могиле 23:

1 — деревянное блюдо (фрагмент); 2—9 — наконечники стрел; 10 — бронзовое шило; 12 — бронзовая бляха; 13, 14, 18 — зеркала; 15—17 — бронзовые пуговицы; 19—21 — костяные предметы с отверстиями; 22 — железный чекан; 23 — железный нож; 24, 25 — железные кинжалы; 26—32 — сосуды

тые войлоком кибитки (хотя войлок как покрытие встречается все реже и реже), большая часть которых передвигалась на двух массивных колесах. Скифские повозки были четырех- и шестиколесные, обтянутые войлоком. Кибитки делали двойные и тройные. В них жили женщины и дети.

Не касаясь здесь строительного дела скифов, замечу (в гипотетическом плане), что у кочевников Западной и Северо-Западной Монголии, равно как и Тувы и Алтая, кроме войлочных переносных юрт и кибиток вполне могли быть и такие жилища, как деревянные срубы. Возможно допустить, что они строили своим покой-

никам дома, аналогичные тем, в которых жили погребенные при жизни.

Другим видом ремесла было гончарство. Посуда «улангомцев» достаточно разнообразна по форме и материалу, из которого сделана. Она имела различное назначение. Вероятно, в высоких кринках и узкогорлых горшках хранилась жидкая пища, вполне очевидно, что в нее могли наливать кумыс (в том числе и при погребении). Плоские блюда, вырезанные из дерева, могли использоваться для твердой пищи, например мяса. Маленькие деревянные и глиняные сосуды (один в форме бокала) выполняли скорее всего роль кубков. Деревянный кубок на высокой ножке, найденный в Улангомском могильнике, сохранился плохо, но форма его видна. Наибольший интерес представляет бронзовый котел, о котором мы говорили выше, некогда заполненный мясной жертвенной пищей [835].

СЕМЬЯ, ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН

Анализ уникальных для Монголии археологических и палеоантропологических материалов из Улангомского могильника и сравнение его с данными, полученными из синхронных памятников Тувы, Алтая и Южной Сибири, позволяет сделать некоторые выводы о семейных отношениях, форме семьи, о структуре общества Западной Монголии в середине I тысячелетия до н. э.

Приведем данные, полученные при раскопках 22 срубов (в них обнаружено 116 погребений), и проанализируем сначала половозрастные различия погребенных⁸.

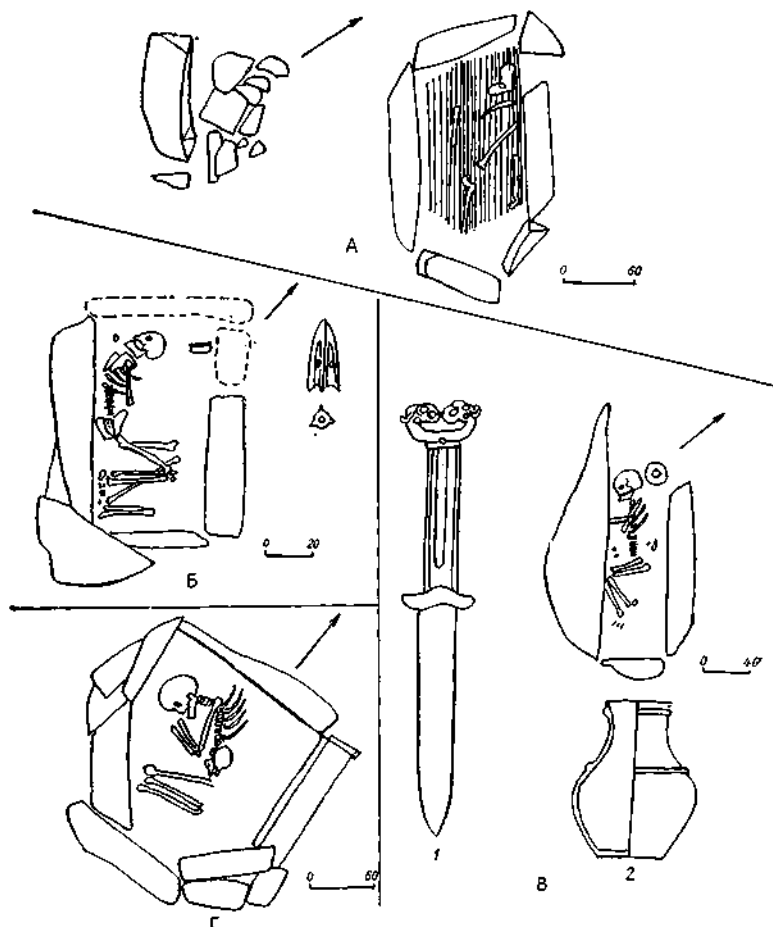
В могиле 1 старый мужчина был похоронен рядом с женщиной зрелого возраста, там же погребен мужчина 25—30 лет. По возрасту он мог быть сыном мужчины и женщины из этого сруба.

В могиле 11 можно выделить две группы погребенных. В одной — ребенок и двое мужчин зрелого возраста (погребения, I, II и III). Все они лежали на левом боку, в скорченном положении. В другой группе — двое мужчин (20—27 и 35—45 лет), они также лежали на левом боку, а в ногах у них погребена старая женщина, возможно, мать (лежала на правом боку).

В могиле 15 положены рядом два костяка, оба в скорченном положении, на левом боку. Это женщина 25—30 лет и мужчина 35—45 лет. В могиле 16 были погребены ребенок 1,5—2 лет и четверо мужчин: трое в возрасте 30—40 лет, один — 25—30 лет.

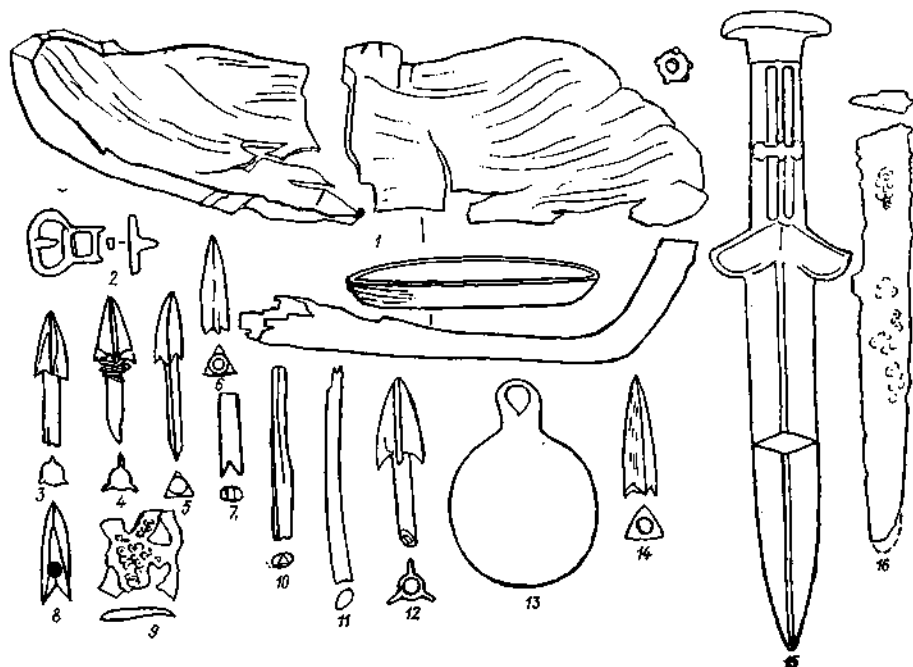
В могиле 18 мужчина зрелого возраста лежал в скорченном положении, на левом боку и двое мужчин 25—30 лет — в такой же позе, но на правом боку. В головах у них погребен младенец 7—9 месяцев от роду.

В могиле 22 — ребенок 5—8 месяцев от роду и мужчина 25—30 лет были единственными погребенными в большом срубе. Ребенок лежал на левом боку, в скорченном положении, мужчина — на спине, с согнутыми ногами.

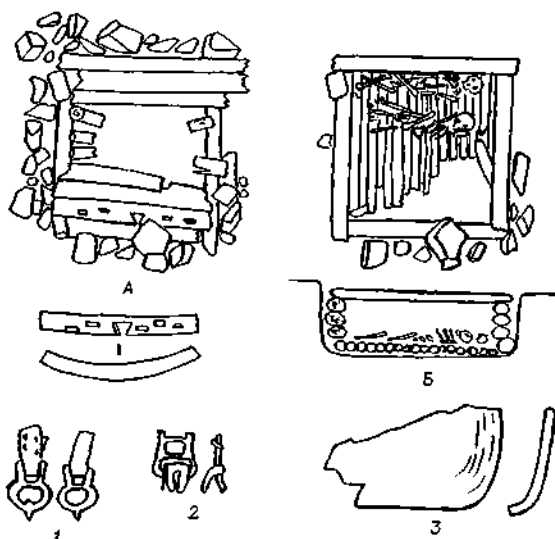
Улангомский могильник. План могилы 24 (А), могилы 25 (Б),
могилы 26 (В), могилы 28 (Г)

Погребенных в могиле 23 можно разделить на две группы. В первой прослеживается очередность захоронения: сначала был похоронен мужчина (лежал на левом боку), затем другой мужчина (тоже на левом боку). После него в сруб положена женщина. Она была обращена лицом ко второму мужчине, т. е. лежала на правом боку. О том, что она погребена позднее предыдущих, говорит факт перекрывания ее костями костей мужчины. Вплотную к женщине, но немного ниже ее головы (на уровне грудной кости и ребер) лежали старик (на спине) и ребенок, положенный на бок, в возрасте 1—2 лет. Вторая группа в этом срубе заметно обособлена от первой: это мужчина и женщина в возрасте 25—30 лет, оба положены на левом боку. Женщина подхоронена несколько

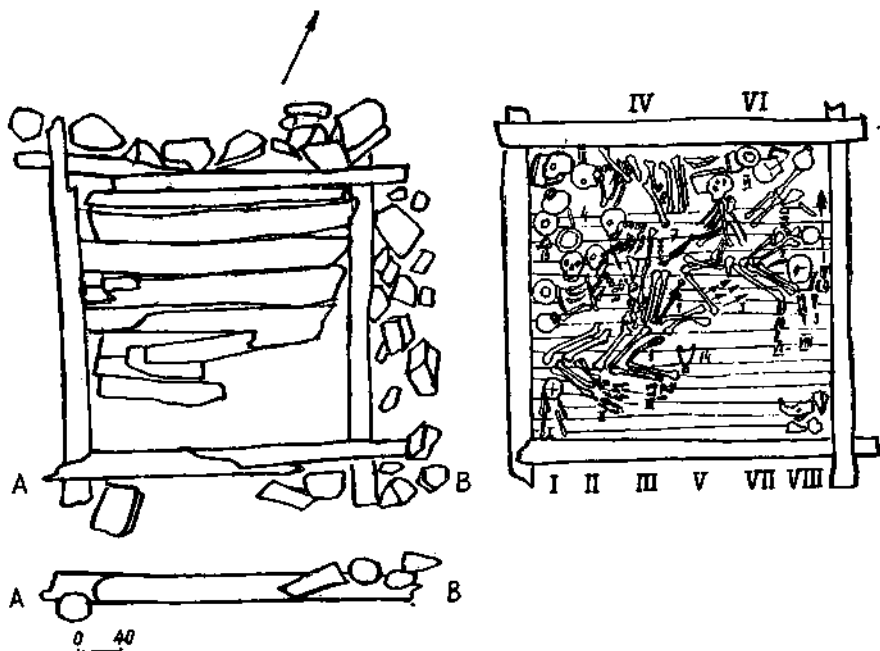

Улангомский могильник. Находки в могиле 31:

1 — деревянное блюдо (фрагмент) и его реконструкция; 2 — бронзовая пряжка; 3—8, 12, 14 — наконечники стрел; 10, 11 — обломки деревянного древка стрелы; 13 — зеркало; 15 — бронзовый хинжал; 16 — железный нож

Улангомский могильник. Перекрытие (А), план и разрез (В) могилы 32 и находки в ней: 1, 2 — бронзовые пряжки; 3 — деревянная миска (фрагмент)

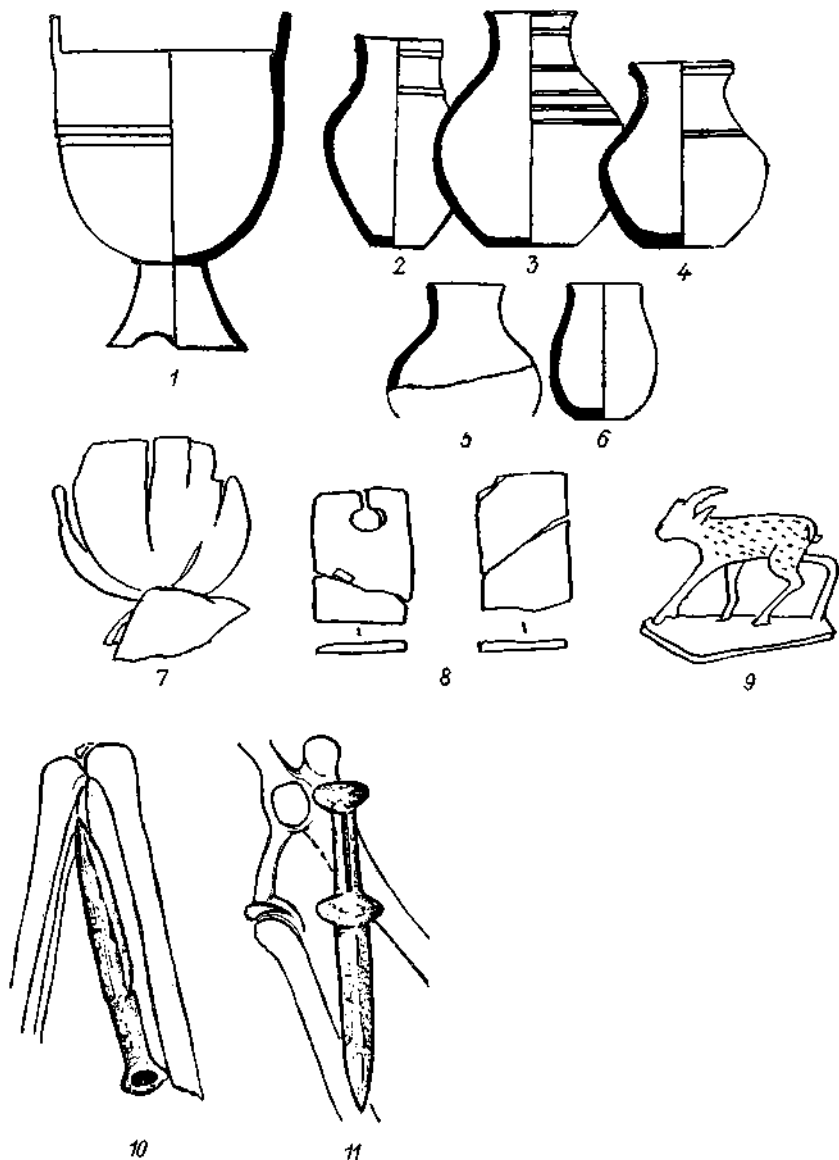
Улангомский могильник. Перекрытие и план могилы 33.
I—VIII — погребения

позднее. Очевидно, в срубе погребена семья: два брата, жена одного из них и ребенок. Отдельно выделена другая семья — женщина и мужчина. Но можно допустить и другие варианты.

В срубе 31 было восемь погребенных. По положению костяков, их взаимоположению и сопровождающему инвентарю можно предположить, что одну группу погребенных составляли мужчина зрелого возраста (убит в сражении), ребенок 2—3 лет, старая женщина (более 50 лет). В другую группу входили двое мужчин зрелого возраста, судя по травмам на черепках, убитых. К третьей группе погребенных можно отнести женщину 30—40 лет с двумя детьми (12—13 и 9—10 лет). Дети лежали на правом боку, повернутые в сторону женщины, погребенной на левом боку. У детей традиционные для этого могильника ожерелья из глазчатых бус.

В срубе 32 найдено два костяка — мужчины и женщины зрелого возраста. Под костями женского погребения зафиксирован эмбрион.

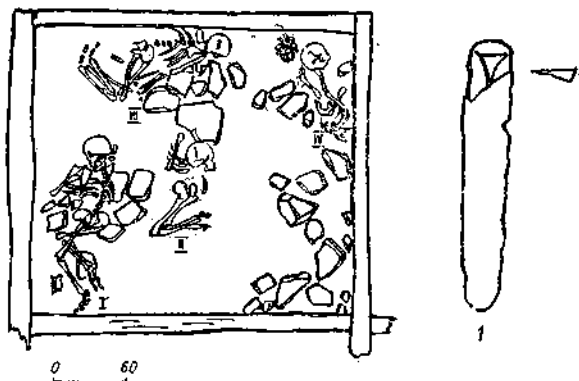
В могиле 33 все погребенные положены на правом боку. В западной части сруба найдены остатки погребения ребенка в возрасте 2—3 месяцев, костяк женщины и трех воинов со следами ранения на черепках и рядом с воинами — богатый набор оружия. В северной части — три костяка, принадлежавших воинам зрелого возраста, и один ребенок в возрасте от 1,5 до 2 лет.

Улангомский могильник. Находки из могилы 33:

1 — бронзовый котел; 2—6 — керамическая посуда; 7 — деревянный кубок; 8 — костяные пластины; 9 — бронзовая статуэтка; 10, 11 — местоположение ножа и кинжала

В могиле 34 обнаружены два женских костяка (20—30 лет): одна женщина лежала на правом боку, другая — на левом. Два костяка — мужчины и женщины зрелого возраста (35—45 лет) положены особняком. 1

Улангомский могильник. План могилы 34.
1 — железный нож. I—IV — погребения

В могиле 35 обнаружено всего два погребения: женское, на левом боку и мужское — на правом боку. Мужчина обращен лицом к женщине. Оба скелета — в скорченном положении.

В могиле 36 всего четыре костяка: новорожденный ребенок, мужчина средних лет и обособленная пара — мужчина и женщина 25—30 лет. Все положены на левом боку.

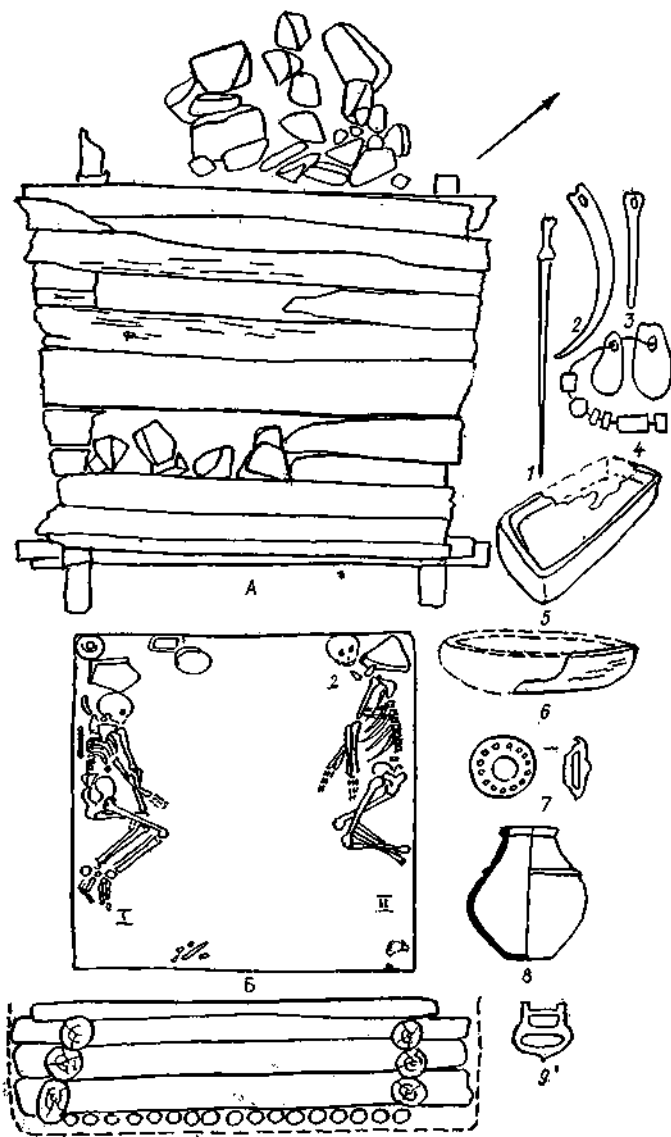
В могиле 37 покойников положили в скорченном положении. Старые женщина и мужчина имели из сопровождающего инвентаря только амулеты: подвеску из клыка сурка, амулет в виде каменного яйца и украшения. В северном углу того же сруба обнаружены плохо сохранившиеся остатки двух мужчин 35—45 лет, черепа обоих со следами ударов оружием. Можно предположить, что в этом срубе похоронены отец, мать и два их сына, погибших в бою.

В могиле 41 найдена в западной части сруба группа из трех костяков. В ногах у старухи лежала женщина 35—40 лет, а рядом с нею ребенок в возрасте от трех месяцев до года. Восточнее этой группы погребены мужчина 35—45 лет и еще один ребенок 2—2,5 лет. Ниже этой группы в северном углу сруба лежала женщина 25—30 лет, а в ее ногах положены рядом друг с другом на правом боку молодая женщина (25—35 лет) и мужчина (35—45 лет).

В могиле 43 похоронены двое мужчин 35—45 лет, оба на левом боку. Один из них имеет следы ранения на черепе.

В могиле 46 лежали на правом боку скелеты женщины и мужчины зрелого возраста. Другую группу погребенных составляли ребенок 12—13 лет, женщина и мужчина (со следами травм на черепе). Все они лежали на левом боку. Вероятно, это одна семья, состоявшая из отца, матери и ребенка.

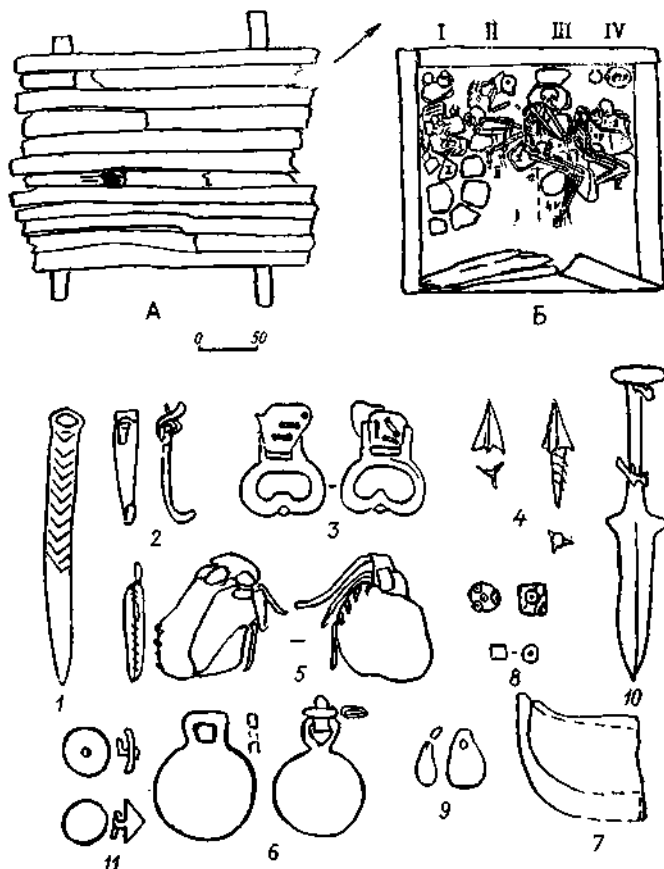
В могиле 47 также можно отметить несколько групп погребенных. Первая группа — мужчина и женщина зрелого возраста (их

Улангомский могильник. Перекрытие (А), план (Б),
разрез могилы 35 и находки в ней:

1—3 — бронзовое шило; 2 — подвеска из клыка; 4 — бусы; 5, 6 —
деревянные сосуды; 7, 8 — бронзовые пряжки; 8 — сосуд

костяки сохранились очень плохо). Вторая группа очень компактная, она найдена в центре сруба: двое мужчин зрелого возраста (один с травмой на черепе). Самая большая, третья, группа расположена в восточной части могилы. Здесь погребены женщина

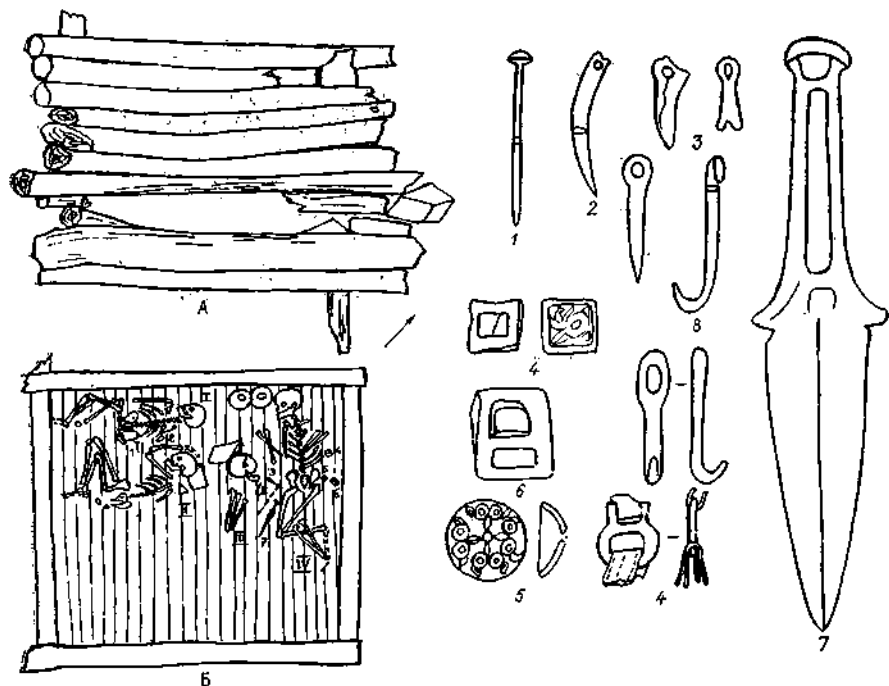

Улангомский могильник. Перекрытие (А), план (Б)
могилы 36 и находки в ней:

1 — бронзовый нож; 2 — бронзовый крючок; 3 — бронзовая пряжка; 4 — бронзовый наконечник стрелы; 5 — кожаный чехол для зеркала; 6 — зеркало; 7 — деревянный сосуд (фрагмент); 8 — глазчатая бусина; 9 — подвеска из зуба; 10 — бронзовый кинжал; 11 — бронзовые пуговицы. I—IV — погребения

35—40 лет, под ней ребенок в возрасте от трех месяцев до года, мужчина 35—45 лет и новорожденный младенец (или эмбрион). В ногах у них мужчина зрелого возраста. Итак, в этой семье можно предположить наличие двух мужчин зрелого возраста, женщины и двух младенцев. Очевидно, захоронение совершалось с интервалами в несколько лет.

Как видим, в срубах чаще всего похоронены люди двух поколений, причем большинство погребенных — в зрелом возрасте, но стариков очень мало. Внутри одного сруба, по мнению антрополога Н. Н. Мамоновой, представлены родственники, об этом убедительно свидетельствуют наследственные болезни, отмеченные на

Улангомский могильник. Перекрытие (А), план (Б)
могилы 37 и находки в ней:

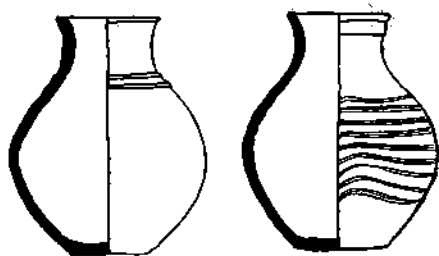
1 — бронзовое шило; 2, 3 — подвески; 4 — бронзовые пряжки; 5, 6 — детали конской упряжи; 7 — бронзовый кинжал; 8 — бронзовые крючки. I—IV — погребения

костях членов одной семьи. В каждой большой семье можно заметить несколько малых семей (муж, жена, ребенок). Такой вывод можно сделать, исходя из того факта, что каждой малой группе свойственны свои особенности погребения. Например, в срубе 33 все костяки лежали на правом боку, а в срубах 11, 23, 31 одна группа людей была положена на правом боку, другая семья — на левом. В могиле 10 оба костяка были положены на спину, в могиле 45 оба лежали в скорченном положении, на правом боку, в могиле 53 два костяка лежали также, но на левом боку. Справедливо допустить, что каждый раз обособленные группы были скорее всего связаны семейными узами.

Анализ 20 захоронений в каменных ящиках (30 погребенных) показывает, что костяки также находились в скорченном положении (на левом или правом боку). Очевидно, ящик был могилкой маленькой семьи. В 20 каменных ящиках похоронены: по одному мужчине — пять раз, по одной женщине — три раза, дважды мужчина, женщина и ребенок.

Наличие в могилах двух поколений взрослых женатых людей и малолетних детей говорит о том, что все они были членами «не-

разделенной» большой семьи. Аналогичной формы семья прослежена А. Д. Грачом в Туве на материалах могильника Саглы-Бажи-II, синхронного улангомскому [158, с. 49—50]⁹. Тувинские курганы, тщательно изученные А. Д. Грачом, дают исчерпывающую информацию о том, одновременно или нет заполнялись эти срубы и ящики. «Изучение стратиграфии бровок неграбленных

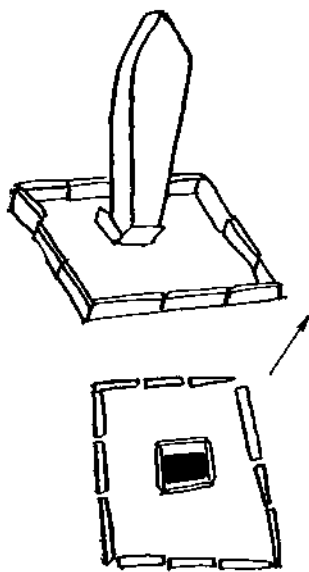
Улангомский могильник.
Сосуды из могилы 37

курганов дало возможность вполне однозначно ответить на вопрос, являются ли погребения двух, трех и более людей одноактными или многоактными — вопрос принципиальный для выявления ряда черт социального устройства и семейной организации общества. Если бы засыпка могильных ям имела монолитный, вполне однородный характер, это позволило бы говорить о возможной одноактности погребений. Однако по бровкам было зафиксировано, что во всех без исключения случаях во все коллективные семейные усыпальницы неграбленных курганов саглынской культуры ведут шахты подхоронительных ходов, четко отделяющиеся от окружающих слоев засыпки могильных ям» [158, с. 51]. Однажды исследователи тувинских древних срубов проследили сохранившийся в мерзлоте подхоронительный ход, который проходил через деревянное перекрытие, а в потолке камеры был обнаружен люк, через который вносили вновь умершего. Подобные входы в древние срубы А. Д. Грач зафиксировал неоднократно на могильниках Саглы-Бажи-VI, Дужерлиг-Ховузу-I и Даган-Тэли-I [158, с. 51].

Все вышеизложенное позволяет заключить, что в тувинских срубах, аналогичных западномонгольским, умерших хоронили в одной могиле не сразу, а постепенно, в зависимости от наступления смерти члена семьи. Ни одного случая насильственной смерти женщины не отмечено.

В Улангомском могильнике захоронения производились также не сразу, а постепенно. О том, что некоторые мужчины с травмами на черепе похоронены не одновременно, т. е. убиты не в одном сражении, можно судить по положению костяков, по перекрыванию одного скелета костями другого. Очевидно, функции подхоронительного хода иногда выполняло отверстие — окно — в стенке сруба. Возможно, были люки в перекрытиях срубов, но из-за плохой сохранности бревен перекрытий, нарушенных в связи с современными строительными работами, следов этих люков проследить не удалось.

Количество захоронений в срубах и анализ половозрастного состава погребенных позволяют говорить о темпах заполнения могил. Большое число мужчин, умерших или убитых во время

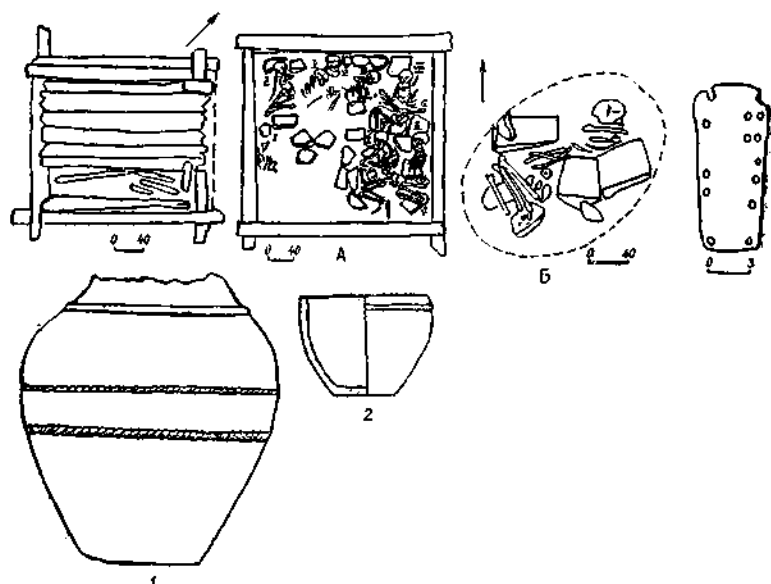

Улангомский могильник.
Общий вид и план могилы 40

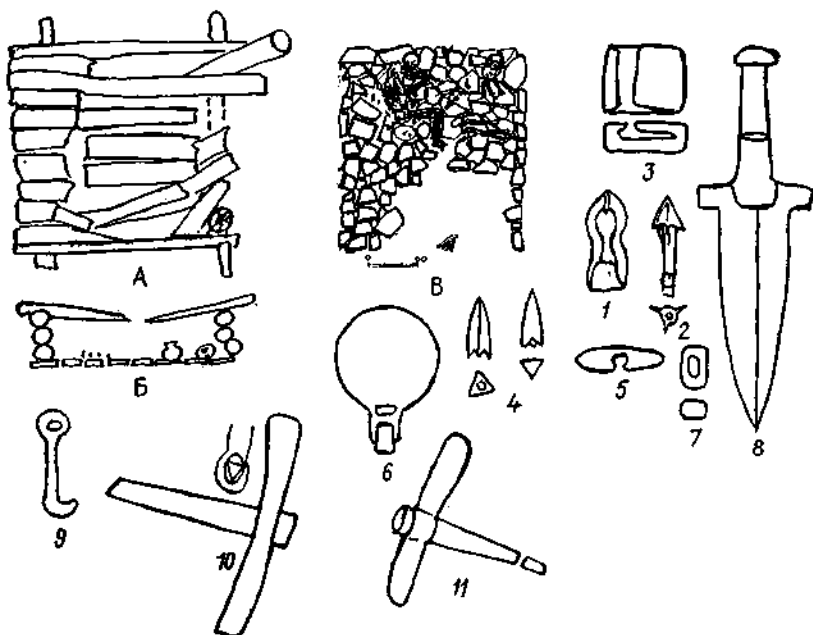
войн, наличие срубов, где похоронены одни мужчины, обилие боевых травм на черепах погребенных в одной могиле (например, в могилах 10, 11, 13, 33, 37, 47) — все говорит о быстрых сроках заполнения срубов. При этом нельзя не учитывать также, что число убитых на войне было, видимо, значительно больше, но далеко не всегда можно обнаружить следы ранения на черепах, многие из которых плохой сохранности. Кроме того, у погребенных могли быть многочисленные раны на теле. Н. Н. Мамонова справедливо полагает также, что о быстрых темпах заполнения могил может свидетельствовать и сравнительно низкий процент детских и юношеских костяков в могилах (21,2 %). В шести срубах, т. е. в шести семьях, вообще не обнаружено детских скелетов, что говорит о коротком промежутке времени между захоронениями в подобных могилах [410, с. 131].

По мнению антропологов, процент детской смертности, прослеженный в Улангомском могильнике, много ниже, чем, например, в Южной Сибири в могильнике той же эпохи, где он колеблется от 31,6 до 61,4% [410, с. 131]. Подсчет процента детской смертности по числу погребенных в одной могиле людей позволил исследователям говорить о количестве детей, рожденных каждой женщиной: для поддержания численности популяции она должна была родить в среднем до шести детей [410, с. 131]. Наиболее частые, судя по погребениям, случаи смерти молодых женщин связаны с неблагополучными родами. Неудивительно поэтому, что у женщин, новорожденных и малолетних детей часто найдены голубые глазчатые бусы (по аналогии вспомним, что у тюркских народов подобные бусы были амулетами-оберегами от дурного глаза). А в тувинских срубах той же эпохи около женских костяков найдены амулеты в виде антропоморфных подвесок, изображающих мать-прародительницу, покровительницу деторождения и богиню плодородия [158, с. 52].

Очень интересно сравнить наши данные с материалами этнографов о женских культах и обрядах у народов, населяющих именно тот регион, где археологи обнаружили следы культуры племен, аналогичных улангомским [582, с. 31, 32]. Так, зафиксировано существование у саяно-алтайских народов веры в «уруг куду», что означает «кут ребенка», или зародыш. Считалось, что похищение «уруг куду» приводило к смерти младенца. Отсутствие «уруг куду» у женщины зависело от духов — хозяев местности, наказывавших женщину бесплодием. Шаман выяснял причины бес-

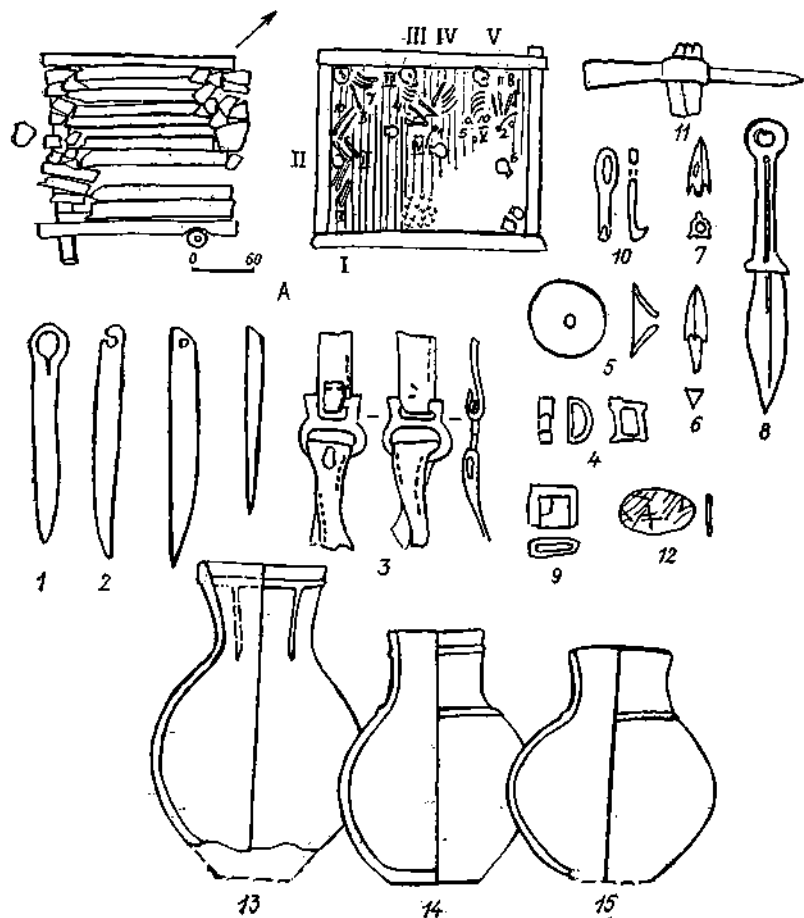

Улангомский могильник. Перекрытие и план могилы 41 (А);
1—2 сосуды. План могилы 42 (В) и найденная в ней
костяная пластина. I—VIII — погребения

Улангомский могильник. Перекрытие (А), разрез (В),
план (В) могилы 43 и находки в ней:

1 — бронзовая пряжка; 2 — бронзовый наконечник стрелы; 3—7 — костяные де-
тали упряжи; 8 — бронзовое зеркало; 9 — бронзовый кинжал; 10, 11 — бронзовые чеканы

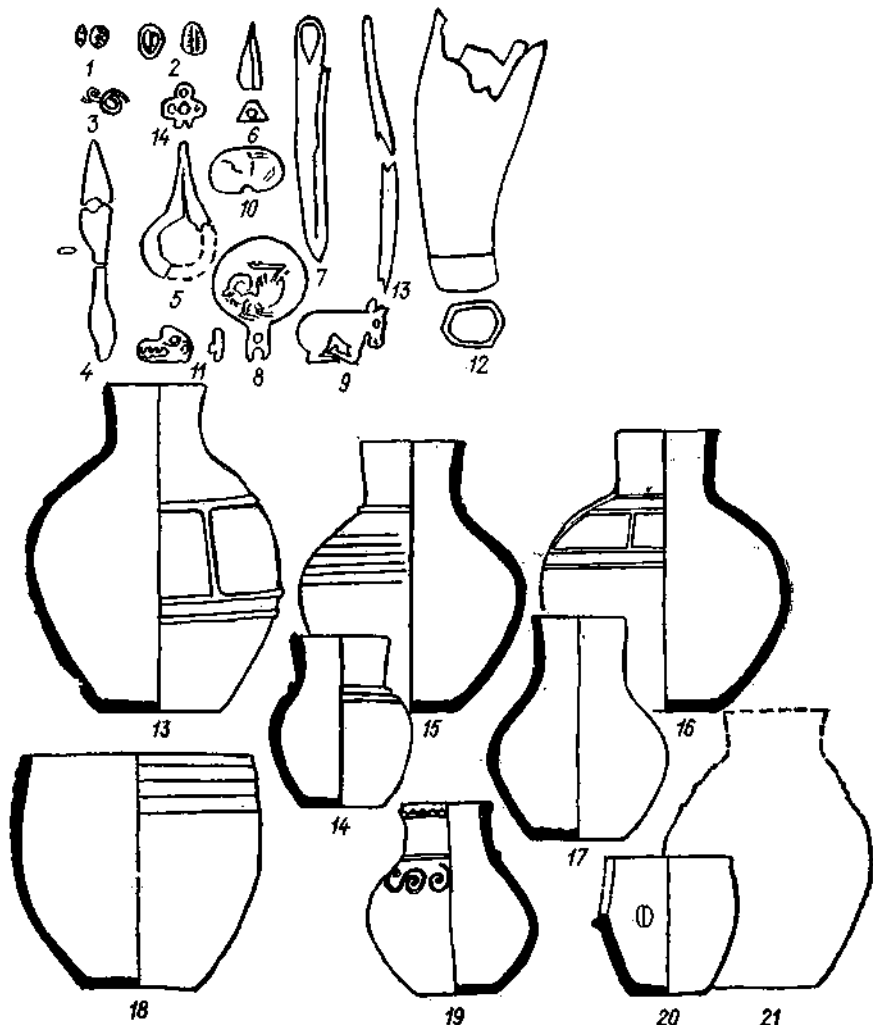

Улангомский могильник. Перекрытие и план могилы 46
и находки в ней:

1, 2 — бронзовые ножи; 3—5 — бронзовые пряжки; 7 — наконечники стрелы; 8 —
бронзовый кинжал; 9 — бронзовая обойма; 10 — бронзовый крючок; 11 — брон-
зовый чекан; 12 — бронзовая пластина с гравировкой; 13—15 — сосуды. 1—15 —
погребения

плодия женщины или смерти ребенка. Затем совершались опре-
деленные обряды.

Главную роль в этих обрядах играли изображения «уруглар ээрэн» — вместилища «уруг куду». Чаще всего это были войлоч-
ные или меховые антропоморфные фигурки. Их шили днем и обя-
зательно в присутствии шамана, а также родных и соседей. У ту-
винских и западномонгольских народов строго определен набор
предметов, висящих над колыбелью и охраняющих новорожденно-
го: наконечники стрел, ножи и другие острые орудия и оружие.
Их дарили ребенку во время обряда положения его в колыбель.

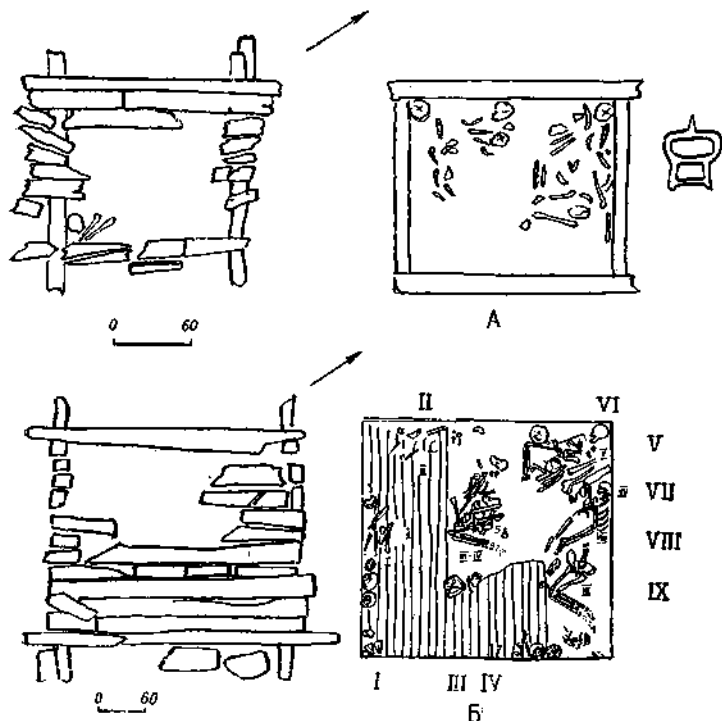

Улангомский могильник. Находки из могилы 47:

1 — глазчатые бусы; 2 — раковина каури; 3 — проволочное кольцо; 4, 5 — железные предметы; 6 — наконечник стрелы; 7 — бронзовый нож; 8 — зеркало; 9—11 — пряжки; 12 — предмет из рога; 13—21 — сосуды

К антропоморфной кукле относились как к душе ребенка, как к живому существу. Существовало поверие, что мать ребенка считается матерью этой куклы.

Возрастной анализ погребенных в Улангомском могильнике показывает, что это были в основном молодые и зрелые мужчины. Стариков, как мы уже говорили, очень мало в могилах, видимо, мужчины редко доживали до старости и умирали или погибали.

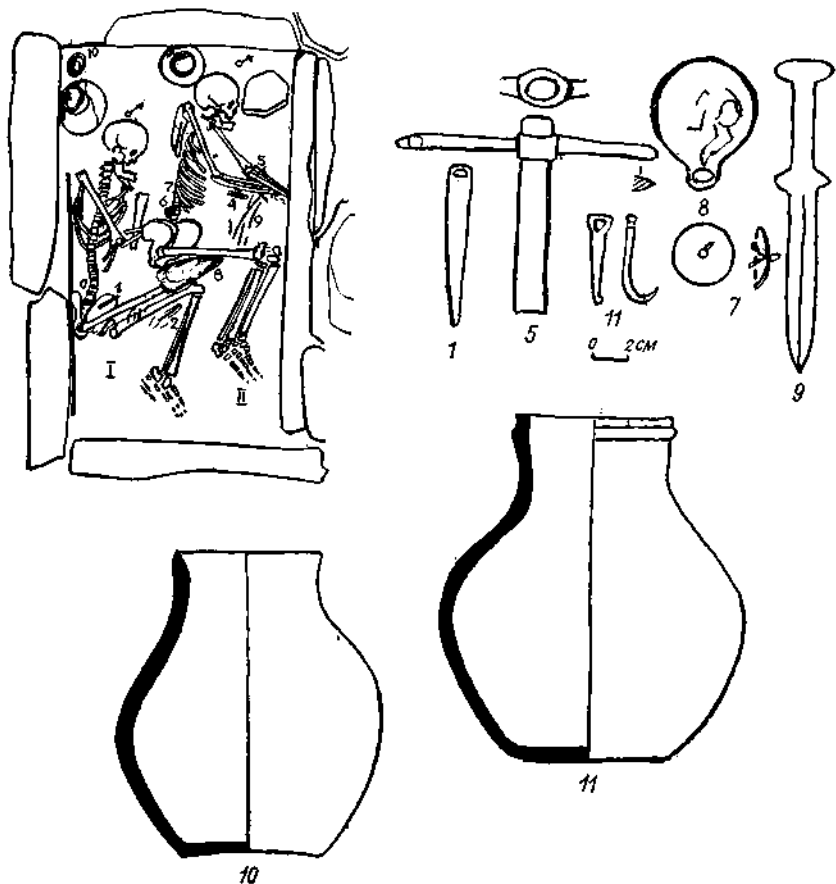
Улангомский могильник. А — перекрытие, план и бронзовая пряжка из могилы 7; Б — перекрытие и план могилы 48. I—IX — погребения

Значительно чаще встречаются захоронения женщин старческого возраста.

Что касается семейных отношений, то можно сделать следующий вывод. Поскольку фактов одновременного захоронения в срубах женщин и мужчин не отмечено, равно как и признаков насильственной смерти женщин, то ясно, что в середине I тысячелетия до н. э. не существовало обычая умерщвлять женщину в случае смерти мужа, т. е. факт «соумирания» не прослеживается. Женщин подхоранивали в семейные могилы после их смерти, так же как и мужчин, что свидетельствует о равноправном положении женщин в обществе скотоводов Западной Монголии.

По обряду погребения женские захоронения мало отличаются от мужских: та же поза, те же каменные «подушки» под головой, те же сосуды, что и у мужчин. Различие наблюдается в сопровождающем инвентаре: у женщин реже лежит оружие, чаще — украшения, бусы и амулеты.

Если допустить, что в срубах прослежены погребения «неразделенной семьи» как переходной формы от большой семьи к малой, то не исключено, что в каменных ящиках той же культуры —

Улангомский могильник. План погребения I и II из могилы 53. Находки:
1 — нож; 5 — чекан; 7 — бляшка; 8 — зеркало; 9 — кинжал; 10, 11 — сосуды

ранние образцы могил для малой семьи (мужа, жены или мужа, жены, ребенка). Это тем более кажется возможным, что, по мнению некоторых исследователей, каменные ящики могли быть несколько более поздними захоронениями, чем срубы.

Погребения в срубах — пока наиболее распространенный памятник середины I тысячелетия до н. э. на Алтае, в Туве, Северо-Западной Монголии. На этой же территории в ту же эпоху известны и большие «царские» курганы (Пазырыкские, Иссык, Аржан и др.)¹⁰. В Монголии еще не раскопаны подобные погребения, но нам известны большие керексуры, результаты раскопок которых сулят не меньшие перспективы. Очевидно, вся эта территория была населена племенами, переживавшими эпоху разложения первобытнообщинного строя. Это была эпоха начавшейся имуще-

срубы

каменные ящики

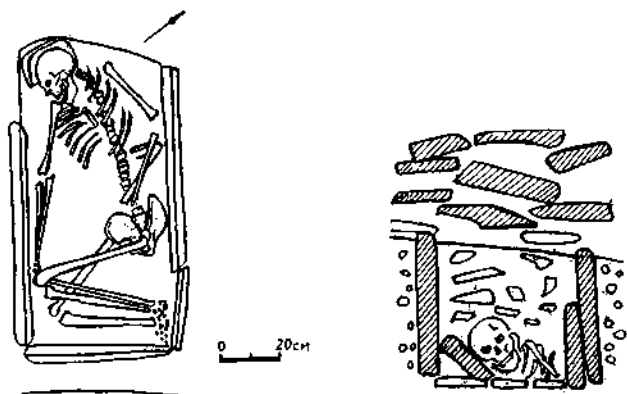
	1	2	3	4	5	6	7	8	8а	9	Всего			1	2	3	4
											♂	♀					
1	♂ sen.	♀ mat.	♂ ad.	♀ sen.	♀ ad.						2	3	4	Inf.-1 2,5-3,0			
2	♂ ad.	♂ mat.	♀ mat.	♀ ad.	Inf.-1								6	Inf.-1 0,6-0,7			
11	Inf.-1 1,5-2,5	♂ mat.	♂ mat.	♂ ad.	♂ mat.	♂ ad. T	♀ mat.						7	♀ ad.			
148	♀ ad.	♂ ad.	♀ ad.	♀ mat.	♂ ad.	Inf.-1 0-0,1	Inf.-1 эмб.						10	♂ ad. T	♂ juv.		
15	♀ ad.	♂ mat.											12	♀ ad.	♂ juv.	Inf.-1 0,3-1,0	Inf.-1 0,1-0,2
16	Inf.-1 1,5-2,0	♂ mat.	♂ mat.	♂ mat.	♂ ad.								13	♂ mat.	♀ mat.		
17	Inf.-1 0,0-0,1	♀ ad.	♀ ad.	♂ sen.									14	♂ mat.	♀ mat.	Inf.-1 0,5-1,0	
18	♂ mat.	♂ ad.	♂ ad.	Inf.-1 0,7-0,9									14 ^б	Inf.-1 2,0-2,5			
22	♂ ad.	Inf.-1 0,5-0,8											21	♂ ad.			
23	♂ ad.	♂ ad.	♀ ad.	♂ ad. mat.	Inf.-1 1,0-2,0	♂ mat.	♀ mat.						24	♂ mat.			
31	♂ mat. T	Inf.-1 2,0-3,0	♀ sen.	♂ mat. sen	♂ mat. T	♀ mat.	Inf.-1 12-13	Inf.-1 9-10					25	♂ ad.	♀ mat.		

	1	2	3	4	5	6	7	8	8a	9	♂	♀	1	2	3	4
32	♂ ad.	♂ jv- ad. ▲	Inf.-1 эмбр.								1	1	Inf.-1 25-30			
33	Inf.-1 0-01	♂ ad. T ▲	♂ ad.	♂ mat. sen.	♂ jv- T ad.	♂ jv- T ad.	Inf.-1 03-10	♂ ad. T		♀ mat. ▲	6	1	♀ ad.			
34	♀ ad.	♀ ad. ▲	♂ mat.	♀ mat.							1	3	♀ ad.			
35	♀ ad. T ▲	♂ sen.									1	1	ad. ▲	♂ ad.		
36	Inf.-1 02-06	♂ mat.	♂ ad.	♀ ad.							2	1	♂ mat.			
37	♂ mat. T sen.	♂ mat. sen.	♂ mat. T ▲	♂ ad.							3	1	♂ ad. ▲	♂ jv. ▲		
41	♀ mat.	♀ ad. ▲	♂ mat.	♀ sen.	Inf.-1 03-10	♂ mat.	Inf.-1 2,0-25	♀ ad.		♀ mat.	2	5	♂ ad.			
43	♂ mat. T ▲	♂ ad.?									1 1?	-	♂ mat.			
46	♀ mat.	♂ mat.	Inf.-1 12-13	♀ jv- T ad.	♂ mat. ▲						2	2	♀ ad.			
47	♂ mat.	♀ mat.	♂ mat.	♂ ad. T ▲	♀ mat. T ▲	Inf.-1 03-05	♂ mat.	♀ ad. T	Inf.-1 эмбр.	♂ mat.	5	3				
48	Inf.-1 5,0-6,0	Inf.-1 03-10	Inf.-1 2,0-25	♀ jv- T ad. ▲	♀ jv- T ad. ▲	♂ ad.	♂ ad.				2	2				

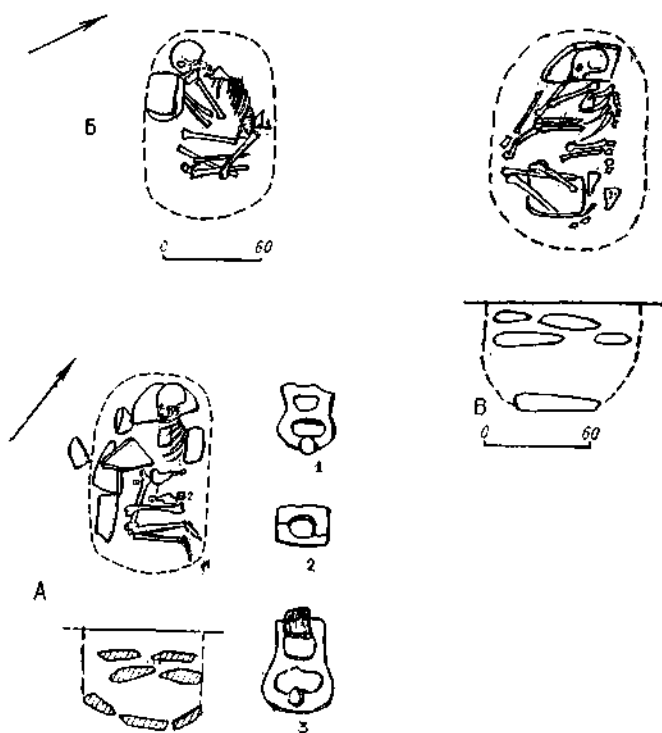
55 37 24

♂ - мужчина Inf.-детский ad.-возможный sen.-старый
 ♀ - женщина jv.-юношеский mat.-зрелый ▲ - травма на черепе

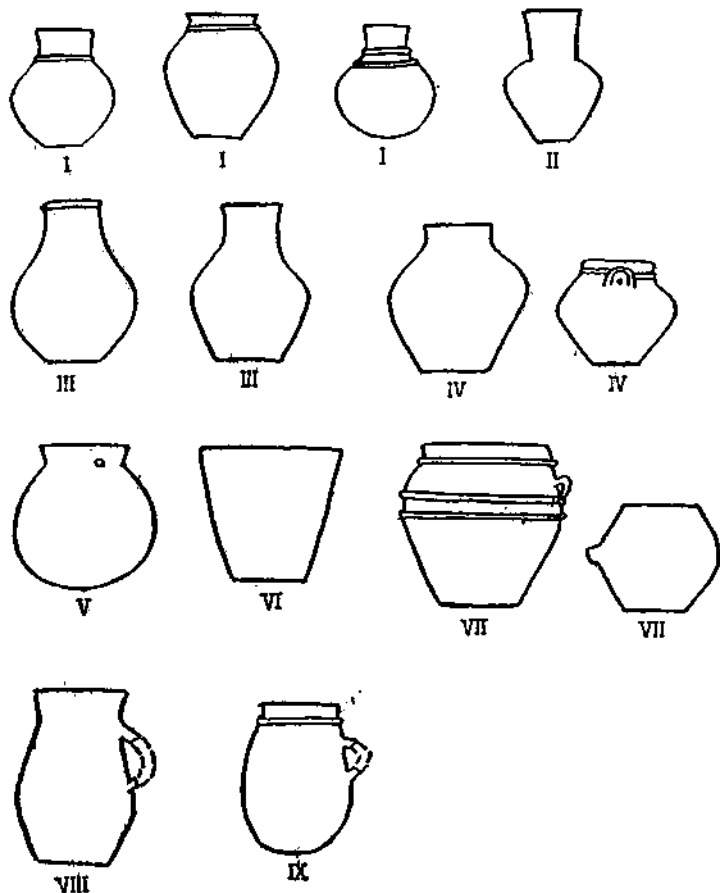
Распределение погребений по полу и возрасту в Улангомском могильнике

Улангомский могильник,
План и разрез погребения из могилы 49

Улангомский могильник. А — могила 54;
Б — могила 55; В — могила 56.
1—3 — пряжки из могилы 54

Керамика из Улангомского могильника (сводная таблица)

ственной дифференциации, когда война стала источником добычи и причиной дальнейшего расслоения общества.

Благодаря раскопкам Улангомского могильника мы имеем некоторое представление о наиболее многочисленном слое общества — воинах. Совершенно очевидно, что война занимала важное место в жизни племен. Она была единственным способом существования в периоды падежа скота, высыхания пастбищ или голода.

Воевавшие между собой племена были весьма сходны по уровню развития, хозяйственному укладу и культуре. В то же время все воины, погребенные в Улангомском могильнике, равны между собой, ибо имеют одинаковое оружие, которое клали им в могилу при погребении. Все они были вооружены луками, стрелами, ножами, кийжалами, чеканами. Об их социальном равенстве свиде-

тельствует не только одинаковое оружие, но и одинаковые личные вещи: украшения, посуда и т. д.

Материалы Улангомского могильника дают возможность получить представление о технике боя у племен Центральной Азии. Так, расположение травм на черепах воинов (на левой части черепа, на лицевой части, на височных костях) показывает, что удары наносились спереди и чаще всего в рукопашном бою.

Можно сделать предположение и о физическом типе воинов, об их внешних данных. Еще Г. Ф. Дебец высказал важные замечания по этому поводу. «У нас есть материал скифского времени из Причерноморья, по памирским сакам, по Казахстану, по алтайским „скифам“, по населению Тувы. Все они не очень отличались между собой, рост мужчин у них был в среднем 168—170 см. Поскольку кости были толще, чем у современных людей, то это, вероятно, должно было соответствовать у взрослых мужчин среднему весу 65—67 кг (при условии среднего развития жировых отложений)» [214, с. 9—10].

КУЛЬТУРА, ИСКУССТВО, ВЕРОВАНИЯ

Улангомский могильник интересен также с точки зрения развития культуры и искусства в Западной Монголии. При его раскопках найдено множество предметов, в том числе выполненных в «зверином стиле». Причем процент вещей, украшенных в этом стиле, очень велик. Характерно также, что элементы «звериного стиля» встречены в Улангоме на предметах повседневного пользования, на вещах, сделанных из самого простого и доступного материала: кости, рога, дерева, бронзы, глины. При этом нужно помнить, что почти не сохранились предметы из кожи, дерева, тканей, войлока и т. п., которые, если судить по находкам в Пазырыкских курганах, чаще всего украшены богато и наиболее разнообразно.

Прежде чем говорить о находках, выполненных в «зверином стиле», вернемся к вопросу о происхождении этого феномена европейского и центральноазиатского искусства, направлениях связей и миграций, хронологии памятников, их взаимозависимости друг от друга.

По вопросу о происхождении типичных элементов скифской культуры и особенно «звериного стиля» до сих пор нет, пожалуй, единого мнения.

Сторонники переднеазиатского происхождения (М. И. Артамонов, Н. Л. Членова) полагают, что переднеазиатские находки, выполненные в «зверином стиле», древнее подобных предметов из Причерноморья и Сибири. Споря с этой гипотезой, другие исследователи справедливо отмечают, что памятники Передней Азии, в частности в Зивийе, не древнее причерноморских и, по нашему мнению, не древнее центральноазиатских.

Гипотеза античного происхождения скифского искусства

(В. В. Фармаковский, А. Фуртвенглер, К. Шефольд и др.) в настоящее время отвергнута, ибо ясно, что влияние античного искусства на скифское не оказало решающего действия на его суть и даже форму: ни один из элементов скифской триады не связан своим происхождением с эллинским искусством.

Гипотеза автохтонного происхождения многих элементов скифской культуры отстаивается в работах Б. Н. Гракова, А. И. Мелюковой и других, считающих, что предками скифов были носители срубной культуры; что в процессе перехода к раннему железному веку на базе срубной культуры сформировалась скифская культура. Правда, Б. Н. Граков отметил, что «звериный стиль» и новые элементы типично скифского оружия привнесены извне [150].

Как видим, сторонники различных точек зрения на формирование и происхождение скифской культуры тем не менее отмечают, что собственно скифская триада не имеет истоков на земле скифов, что она привнесена со стороны. Но ни в странах Передней Азии, ни на Кавказе древних корней этой триады тоже пока обнаружить не удается.

Центральноазиатская концепция в последние годы приобретает все большее число сторонников благодаря открытию и раскопкам памятников скифского времени в Сибири, Казахстане, Туве, на Алтае. По мнению А. И. Тереножкина, скифы пришли в VII в. до н. э. в Северное Причерноморье, принеся из Азии уже сформировавшуюся культуру [600]. Центральноазиатская версия соответствует сообщению Геродота о приходе скифов из Азии, об их борьбе с киммерийцами и об изгнании последних. Кроме того, она дает вполне логичное объяснение появлению в культуре Причерноморья с началом скифского времени ряда черт, не выводимых из предшествующей местной культуры, в первую очередь искусства «звериного стиля».

Говоря о новых монгольских материалах, достаточно еще раз напомнить о наиболее древних изображениях стилизованных оленей среди петроглифов Чулуута, о появлении кощачьего хищника на оленных камнях, о постепенном вытеснении образа оленя изображением коня. Кони постоянно встречаются на оленных камнях третьего типа рядом с животными, стоящими на «цыпочках». Эти кони с длинными «лебедиными» шеями, со сведенными в одной точке ногами уже отличаются по изобразительной манере от лошадей, показанных впряженными в колесницы. Такие же лошади с длинными шеями и длинными ногами известны по костяному навершию, найденному в первом кургане оз. Кызыл-Куль (VI в. до н. э.), по навершию ножа из дер. Малая Минуса. На петроглифах Тэвш-уула, а также на оглахтинских рисунках Южной Сибири показаны седла с низкими луками.

Интересно отметить такую деталь, как заполнение изображения лошади геометрическими фигурами и рисунок солярного круга на крупе (Оглахты, VI в. до н. э.). В китайских источниках сообщается о «небесных» конях кочевников Средней Азии, у Геро-

дота упоминаются массагеты, приносящие лошадей в жертву солнцу, у индоиранских народов лошадь — символ солнца. Петроглифы Казахстана (Тамгалы, Теректы), Киргизии (Саймалы-Таш, Чолпон-Ата), Узбекистана (Сармыш) представляют классические примеры изображения таких коней с длинными шеями.

Нельзя не упомянуть здесь еще раз о жертвенниках эпохи бронзы на западе Монголии, где на большой территории соорудились выкладки из камней, под которыми совершалось жертвоприношение коня.

Итак, одним из древнейших культов в Монголии, равно как и в Центральной Азии, был культ оленя, следующий по значимости — культ коня. В Монголии, как и в Пазырыке, прослеживается долгое сохранение культа оленя, об этом говорят оленьи маски на головах коней.

В VIII—VII вв. до н. э. появляется изображение свернувшегося в кольцо кошачьего хищника (пантеры, аналогии которой известны в погребениях Аржан, Чиликтах, Уйгараке, Зивийе). Это изображение пантеры, несомненно, одно из самых ранних в Центральной Азии. Возможно, и этот мотив возникает сначала на востоке древнего мира (Майэмир, Сибирская коллекция, Чистый яр и др.) и оттуда проникает в скифский мир Причерноморья [635, с. 35]. В Монголии свернувшаяся пантера изображена на оленном камне из Баянхонгорского аймака (Хушотын-нур, Баян-булак сомон) рядом со стоящими на «пыпочках» оленями (VIII—VII вв. до н. э.). Очевидно, к VIII или к началу VII в. до н. э. можно отнести изображение свернувшегося хищника из породы кошачьих, показанного на бронзовом диске из кургана Аржан и на аналогичной ему находке, хранящейся в Гобиалтайском музее.

В целом «звериный стиль» Монголии свидетельствует о хорошем знании художником изображаемой природы. Там ни разу не появился рисунок невиданного древним художником животного или такого зверя, который не водился бы в тех краях. Так, нам неизвестны изображения львов. Обилие находок «звериного стиля» в погребениях, масса бляшек, деталей конского снаряжения с изображениями грифа, орла, совы, козла, барана — все это свидетельствует о распространении стиля в искусстве широких слоев населения Монголии, так же как и в Туве и на Алтае, где были характерны разные изобразительные приемы, разнообразие используемых материалов, а также полное отсутствие схематизма, который прослеживается на находках из Китая и Северного Причерноморья.

Среди предметов «звериного стиля» в Улангомском могильнике нет ни золотых вещей, ни дорогих изделий. Все предметы отличаются определенной направленностью сюжета, изображают диких животных и птиц. Главное то, что находки с украшениями в «зверином стиле» встречены во всех могилах. «Звериный стиль» Западной Монголии отличается от скифского обилием бытовых предметов, что подчеркивает более широкое распространение стиля в центральноазиатском регионе.

Сюжеты «звериного стиля» Улангома довольно традиционны: хищная птица, головы грифонов, сов, фигурки диких зверей и отдельные части тела копытных, головы и протомы хищников и представителей породы кошачьих. При этом все изображения сугубо индивидуальны и неповторимы [820, с. 123, рис. 82, 83, 90, 91].

Парные головки грифонов украшают навершие кинжала из могилы 26 и ручку зеркала из могилы 15. У птиц утрированы крючкообразно загнутые клювы, большие глаза, переданные несколькими концентрическими кругами, и уши. На крупной выпуклой бронзовой бляхе из могилы 37 помещены четыре совиные головы анфас, направленные клювами к центру украшения. Выделяются большие клювы и круглые глаза.

В могиле 47 обнаружены две бронзовые бляхи: одна в виде головы лося (возможно, оленя), вторая в виде головы верблюда с оскаленной пастью. В той же могиле найдено зеркало с короткой ручкой, на обратной стороне которого тонкой линией выгравировано изображение горного барана. Рисунок очень лаконичен, но вместе с тем пластичен и выразителен. Характерна поза животного с вывернутым в сторону головы крупом, напоминающая изображения из Пазырыкских курганов Алтая [177].

Маленькая изящная фигурка горного козла из могилы 33 также весьма сходна с пазырыкскими деревянными скульптурами и частично с восточноалтайскими находками В. Д. Кубарева [351].

Изображение оленя — излюбленный мотив, повторенный многократно в разных вариантах. На бронзовом зеркале из могилы 31 процарапано изображение оленя с короткой мордой, массивным туловищем. Ноги вытянуты и образуют треугольник. Рог передан не волнообразной линией, как на оленных камнях, а прямым стволом с восьмью отростками. Особенно интересно, что тело животного, его ноги и часть головы заштрихованы многими беспорядочно расположенными тонкими линиями, образующими ромбы и квадраты. Это напоминает изобразительную манеру петроглифов р. Чулуут эпохи бронзы, названную нами «декоративным» стилем. Правда, зеркала подобной формы с боковой петельчатой ручкой четко датируются скифским временем. Следовательно, можно еще раз констатировать факт длительного сохранения в изобразительном искусстве традиций карасукского времени.

Иная изобразительная манера встречается на пряжке из рога (могила 1). На ее лицевой стороне вырезаны своеобразно стилизованные олени. Фигура оленя с длинной клювообразной мордой, подогнутыми под животом ногами похожа на изображение оленей на оленных камнях первого типа из Монголии, Тувы и Забайкалья. Эта идея заполнения всей поверхности изделия рисунком уже известна нам по памятникам середины II тысячелетия до н. э. Наконец, в могиле 1 найден сосуд, на котором также изображен олень, сделанный, как и два горных козла, с помощью наклепных валиков. Удивительный для середины I тысячелетия до н. э. схематизм, возможно, был продиктован материалом: узкая линия ту-

ловища передана одним валиком, четыре ноги и большие рога в виде елкообразной фигуры с четырьмя парами отростков также составлены из наклепных валиков. Итак, в одном некрополе, а порою даже в одной могиле обнаружены изображения оленей, выполненные в разном стиле.

В могиле 33 найден бронзовый крючок для подвешивания колчана. Крючок завершается наверху в виде головы кошачьего хищника с открытой зубастой пастью. Большие глаза показаны с помощью концентрических кругов, что весьма напоминает карасукскую манеру изображения голов диких животных.

Что касается идеологии племен середины I тысячелетия до н. э., то она была неразрывно связана с идеологией племен предыдущей карасукской культуры.

Надо полагать, что верования и мифология заимствовались и складывались в процессе взаимодействия племен и переплетались значительно сильнее, чем элементы материальной культуры, о которой говорилось выше и которая также неразрывно связана с верованиями, культами и религиозными представлениями.

В I тысячелетии до н. э. племена Западной Монголии кроме культа оленя, культа коня имели культ предка и поклонялись ему. Об этом свидетельствуют оленные камни, установленные на святилищах или окруженные каменными выкладками на местах жертвоприношений. Существовали также культы неба, солнца, гор, об этом говорят рисунки на святилищах, в малодоступных местах. Многие из этих культов дожили до эпохи древних тюрков, иные даже до времени, когда складывалось «Сокровенное сказание» монголов.

Не просто образы, но и конкретные имена сохраняются на монгольской земле тысячелетиями, передаются от народа к народу, из уст в уста. Так, в «Сокровенном сказании» Вечное Синее Небо умножает силу и мощь героя, помогает ему одолеть врага в битве. Земля-Мать Этуген помогла Тоорил-хану и Джамуху победить в схватке. Она объединилась с Небом, «умножая силы» Чжуредая в борьбе с кереитами.

Культы эти прослеживаются и по эпитафиям на каменных стелах, высеченным в честь каганов и их великих полководцев, и по эпическим сказаниям монголов, рассказам первых путешественников, посетивших Монголию [526; 531; 549; 562]. Исследователи культов отмечают, что в этих свидетельствах сочетаются абстрактное понятие и уже персонифицированное представление о верховном божестве (44).

Земля-Мать Этуген — образ прародительницы, олицетворение всех начал (добрых и злых), дающей людям тело. Небо же дает человеку душу. Мать-прародительница связана с матерью-огнем, плодородием, рождением детей и сменой времен года. Многие виды жертвоприношений посвящены этому древнейшему в Азии божеству. Особенно интересны для нас лингвистические работы Т. А. Бертогаева, выделившего семантический пучок, восходящий к корню *id* (*ud—ad*). Он доказал, что слова *uduyan* (шаманка,

волшебница, жрица огня), etügen — ötügen — itügen (мать-земля, мать-богиня), odagan uolagan (мать — хозяйка огня) являются родственными и производными от общего корня [58].

Для понимания древних культов Монголии особенно важно сравнить их с описанием порядка проведения жертвоприношений в честь матери-огня. Можно полагать, что культы эти родились в глубокой древности, в эпоху каменного века, что нашло отражение в монгольском эпосе.

Западногерманский профессор В. Хайссиг, крупнейший в мире знаток героического эпоса монгольских народов, справедливо считает, что мифическое почитание камней, скал и гор началось еще в каменном веке и существовало в течение тысячелетий [762]. Так, кремневый нож в монгольских преданиях считается более подходящим для отрезания пуповины новорожденного героя, чем металлический. Только кремневым оружием можно убить врага, которого бронза и железо не берут.

В течение многих веков сохранялась в народе вера в то, что в камне и в скале живет душа предка, отчасти поэтому кладбища древних находятся в горах, а святилища на высоких плато. Кроме того, в монгольских поэмах упоминается, что душа богатыря находится в большом пальце. Чтобы одолеть богатыря, нужно отрубить ему большой палец. Эта идея могла возникнуть в среде лучников в древние времена, ибо большой палец важен и необходим лучнику при стрельбе.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ТИП НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ

Вопрос о происхождении и этнической принадлежности монгольских племен всегда интересовал ученых. Однако он и по сей день далек от своего разрешения. Пожалуй, не было ни одного крупного историка, археолога или синолога, который не попытался бы предложить свою оригинальную точку зрения на эту проблему. И не случайно и антропологи и историки возвращаются каждый раз к сообщениям китайских письменных источников о «длинноголовом» рыжеволосом народе, именуемом динлины.

Пожалуй, ближе всех к истине, как мне кажется с позиций сегодняшних наших знаний и информации, два блестящих ученых — Г. Е. Грумм-Гржимайло и Г. Ф. Дебец. Так, Г. Е. Грумм-Гржимайло считает, что динлины это европеоиды, вытесненные из Китая и двинувшиеся в XV в. до н. э. на северо-запад. В V в. до н. э. они оказались далеко на севере, заселив Маньчжурию и дойдя до Байкала и Саян [172, с. 43]. По мнению Г. Е. Грумм-Гржимайло, они унесли с берегов Желтой реки в Сибирь те традиции и привычки, исследуя которые ученые могут проследить путь этого народа. «Серьезным доводом в пользу отождествления динлинов с теми племенами, которые оставили после себя в Южной Сибири и Северной Монголии памятники высшей культуры,

могло бы служить установленное сходство их погребальных обрядов» [172, с. 46].

Многие положения Г. Е. Грумм-Гржимайло интересны, полезны и до сих пор, а большой источниковедческий материал, предложенный им, может порою весьма интересно накладываться на современный материал и проверяться данными, полученными археологами и антропологами за последние десятилетия в Центральной Азии, в частности в Западной Монголии.

Г. Ф. Дебеч первым отождествил данные сообщений «Бэй-ши» о белокурых (точнее, красных) ди с конкретной культурой тагарского населения Южной Сибири [735; 211]. С течением времени археологические раскопки дали в руки палеоантропологов обширный материал из Сибири, Тувы и, наконец, Монголии, который позволял говорить о большом преобладании европеоидного населения в этом регионе начиная с эпохи бронзы.

Имея сравнительно небольшой материал, Г. Ф. Дебеч тем не менее ставил «вопрос о начальном этапе переселения народов», которое, по его мнению, «началось за несколько столетий до гуннов, где-то в первой половине I тысячелетия до н. э.» [214, с. 8]. И далее он высказал следующее предположение о расселении западномонгольских европеоидных племен в эпоху поздней бронзы: «Вероятнее поэтому, что, когда у нас будет больше материала с территории Казахстана и из всех других областей, мы обнаружим там могильники племен, которые более или менее целиком продвинулись из Монголии за короткий промежуток времени» [214, с. 9]. Одним из таких могильников и является Улангомский, существовавший короткий промежуток времени, что говорит о быстрой смене населения V—III вв. до н. э. племенами эпохи сюнну (II в. до н. э.).

С. В. Киселев удревил возраст динлинских племен в Западной Монголии и в Минусинской котловине, ссылаясь на те же данные «Бэй-ши». «В настоящее время,— писал он в 1951 г.,— можно считать общепринятым, что динлинские племена, наряду с другими, в XV веке до н. э. населяли области между Гоби и Хуанхэ. Они представляли собой население, отличавшееся по внешнему виду от китайцев, которые были господствующим элементом в империи Шан-Инь и позднее в эпоху Чжоу и называли себя черноволосыми. Однако китайские летописи сохранили нам только одно прямое указание на внешний облик динлинов. В «Бэй-ши» сказано, что народное название чи-ди (красные ди) было ди-ли. Конечно, это указание очень важно, однако от него еще очень далеко до того объявления древнекитайских динлинов белокурыми и голубоглазыми европеоидами, которое сложилось у сторонников так называемой «белокурой расы» и ее «особой роли» в судьбах Центральной Азии [307, с. 180]. С. В. Киселев считает не случайным совпадение обширной территории расселения карасукских племен с тем регионом, на котором, по данным синологов, следует размещать в ту же эпоху динлинов.

На следующем, тагарском, этапе (скифское время) исчезает:

столь яркое культурное единство. Очевидно, «местные силы разрушают ту нивелировку, которая была вызвана появлением на юге Сибири динлинских элементов, несших с собой из Северного Китая новые, карасукские, формы материальной культуры. Совершенство этих форм обеспечило им широкое распространение, вероятно, вышедшее далеко за пределы оседания принесших их динлинских групп... Только этим можно объяснить поразительное совпадение области распространения карасукских форм с территорией, на которой китайские хроники размещали динлинов» [307, с. 183].

Еще более удревил пребывание динлинов в Южной Сибири Л. Н. Гумилев, предположив, что «афанасьевцы»-динлины пронесли свою культуру через века [199, с. 25]. Ссылаясь на данные антропологов, Л. Н. Гумилев сравнивает брахикранный европеоидный элемент, пришедший в Центральную Азию из Китая, с племенами ди [199, с. 25]. Он пишет далее, что, по его мнению, ди и динлины — народы европейского расового ствола, но различных расовых типов; сходные, но не идентичные [194]. Л. Н. Гумилев считает также, что динлины были отчасти и предками сюнну, ибо «были тем народом, с которым смешались пришедшие с юга предки хуннов» [199, с. 27]. Забегая вперед, скажу, что именно археологические данные из Западной Монголии противоречат этой версии.

Другой, не менее важный компонент (кроме археологического) в решении динлинской задачи, конечно же, данные палеоантропологии. Вопросу о расселении европеоидной расы в Центральной Азии посвятил несколько статей В. П. Алексеев. На полученных из Западной Монголии трех черепах из погребений конца эпохи бронзы (раскопки В. В. Волкова 1961 и 1963 гг. в Убсанурском и Кобдоском аймаках) В. П. Алексеев сделал следующие заключения: черепа имеют широкую и короткую низкую черепную коробку с узким лбом [16, с. 371]. Строение лицевого скелета резко отличает все черепа из Западной Монголии от черепов краниологических серий центральноазиатских и вообще сибирских монголоидов [16, с. 371]. Высота лица не выходит за пределы вариаций, типичных для европеоидных серий. Важно отметить резкое выступание носа, уплощенность лица. Итак, эти три черепа из погребений середины I тысячелетия до н. э. позволили В. П. Алексееву констатировать их принадлежность к европеоидной расе [16, с. 382].

Далее, возвращаясь к динлинской проблеме, В. П. Алексеев предполагает, что если судить по палеоантропологическому материалу из погребений раннескифского времени Тувы и Западной Монголии, то племена, оставившие эти погребения, также могут претендовать на то, чтобы быть отождествленными с динлинами. «Какой из этих европеоидных народов действительно динлины — карасукцы, тагарцы или таштыкцы, люди этой последней группы или еще кто-нибудь, может показать только специальное и очень углубленное историографическое исследование» [16, с. 390].

Выше уже говорилось о том, что Н. Н. Мамонова подвергла серьезному анализу большую серию черепов. Исследования Н. Н. Мамоновой показали, что в отличие от Восточной Монголии, где уже с неолита обитали представители ярко выраженной монголоидной расы, на западе начиная с эпохи энеолита прослеживаются корни европеоидной расы. И особенно характерен антропологический материал Улангомского могильника, в котором представлен европеоидный тип [820]. Естественно предположить существование генетической связи европеоидного населения эпохи бронзы (периода колесниц и оленных камней) с европеоидным населением эпохи ранних кочевников — носителей развитого «звериного стиля», оставивших погребения с культурой типа улангомской.

Приводя суммарное описание мужских черепов из Улангома, Н. Н. Мамонова отмечает их большое сходство с материалами из могильника афанасьевского времени в Баян-хонгоре и дает следующую характеристику улангомских показателей: средние размеры мозгового отдела, большой размер продольного диаметра, средняя высота свода черепа, средневысокий и среднепокатый лоб. Средние по величине размеры скулового диаметра сочетаются с большой шириной лица и биорбитальной области. Средневысокие по указателю орбиты, нос среднеширокий, большой угол выступления носа.

Женские черепа из того же могильника, по данным Н. Н. Мамоновой, отличаются большей мезокранностью за счет меньшего продольного диаметра, свод черепа ниже и по абсолютной величине, и по указателю. Орбиты уже и выше по сравнению с мужскими, нос выступает заметно меньше. Выясняется определенная неоднородность состава населения, оставившего могильник [409, с. 61]. Большая часть черепов принадлежала европеоидному антропологическому типу. «Они массивны, с крупными диаметрами черепной коробки, часто обладают значительными величинами ширины основания черепа и ширины затылка. У них низкое лицо со средними и большими величинами скулового диаметра, очень низкие по указателю и по абсолютным размерам орбиты, часто четырехугольные, широкий нос, довольно высокое надпереносье, выступание носа сильнее» [409, с. 67].

Кроме большой серии европеоидных черепов в Улангомском могильнике обнаружены также черепа с монголоидной примесью, причем доля монголоидности в женской группе черепов значительно сильнее [826].

Таким образом, анализ большой серии черепов из Западной Монголии показывает, что население середины I тысячелетия до н. э. принадлежало к европеоидной расе с незначительной примесью монголоидности. Антропологи отмечают также большое сходство черепов этого времени из Монголии (северо-западного региона) с черепами из Тувы, Алтая, причем это родство прослеживается на данной территории от афанасьевского времени до середины I тысячелетия до н. э. «Палеоантропологические мате-

риалы из скифских могильников Западной Монголии, Алтая и Тувы говорят об активных процессах метисации, о сложных этногенетических процессах, происходивших в те времена; антропологический тип населения, жившего на территории Западной Монголии в энеолитическое и скифское время, обнаруживает значительное сходство с одновременным ему населением Тувы и Алтая» [409, с. 67].

Новый материал из Монголии позволяет корректировать некоторые устаревшие выводы 60-х годов о происхождении антропологических типов Тувы в скифское время [16].

Кто же такие динлины, кто такие карасукцы и «улангомцы»? Очевидно, во многом правы и те, кто отождествлял карасукцев с динлинами, и те, кто видел в динлинах тагарцев эпохи ранних кочевников. Возможно, динлины, появившись в Монголии в начале эпохи бронзы, и создали основы карасукской культуры, распространившей свое влияние вплоть до Байкала и Енисея. Сохранив основу европеоидности и лишь получая примеси монголоидности, карасукцы — динлины в начале I тысячелетия до н. э. все более продвигаются на северо-запад, где и оставляют некрополи типа Улангомского. Таким образом, можно предположить, что потомки карасукцев — динлинов становятся в I тысячелетии до н. э. «улангомцами»-динлинами¹¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

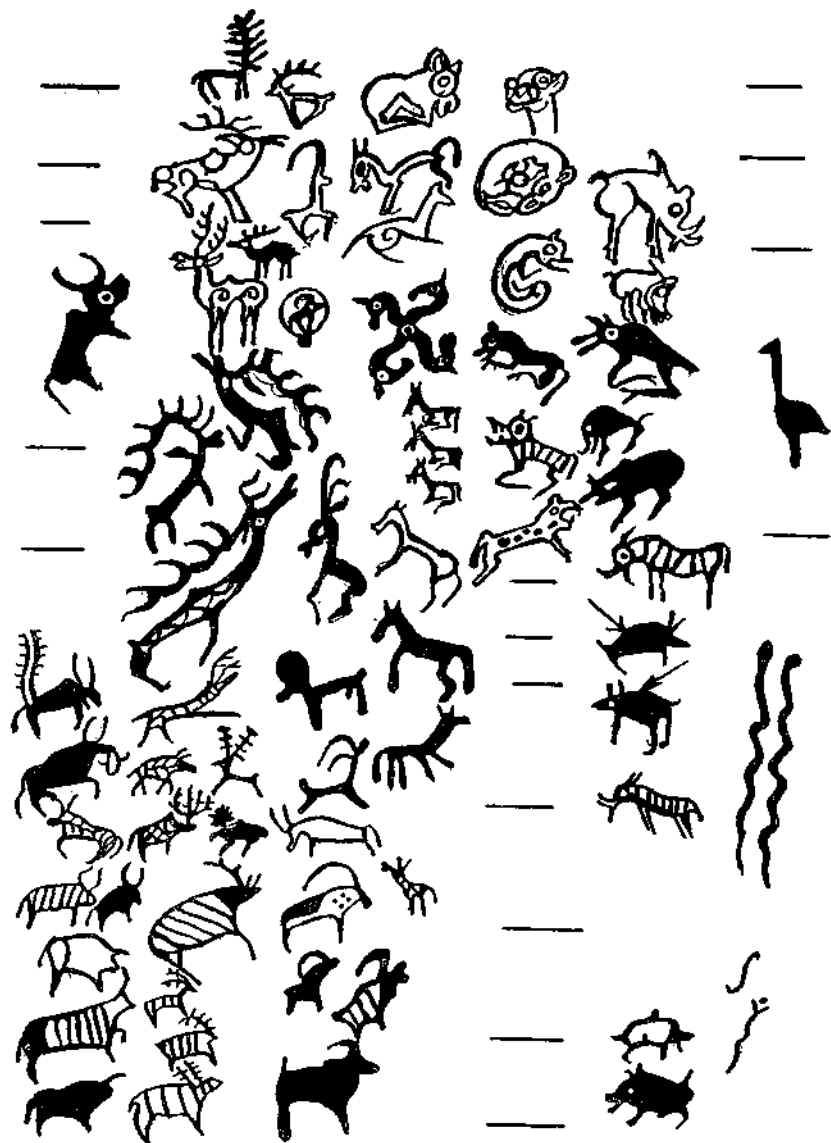
Исследование древней истории Монголии далеко от завершения, продолжают раскопки, поиски, открытия «белых пятен» на карте страны. Ежегодно появляется много нового материала, в этом суть поступательного развития науки. И сейчас мы находимся хотя и не на самой первой ступеньке познания истории Монголии, но на одной из первых. Собран значительный материал, далеко не равномерно представляющий разные эпохи и различные районы огромной страны.

В данной работе была предпринята попытка проследить на основе имеющихся источников закономерности развития древнейшего и древнего общества Монголии, начиная от эпохи палеолита и до периода разложения первобытной общины на рубеже нашей эры. Определенная последовательность в развитии племен прослеживается с конца эпохи камня (IV—III тысячелетия до н. э.), когда уже различаются локальные варианты культур, что особенно хорошо видно при сравнении памятников востока и запада страны. Наиболее явственно это культурно-историческое различие наблюдается с эпохи энеолита, когда мы можем говорить не только о различии памятников материальной и духовной культуры, но и об определенном отличии палеоантропологического материала.

Работы советских и монгольских антропологов (Г. Ф. Дебеца, В. П. Алексеева, Д. Тумэн и особенно Н. Н. Мамоновой) позволяют говорить о существовании в Монголии уже в III тысячелетии до н. э. двух групп населения, резко отличающихся друг от друга: монголоидной расы на востоке страны и европеоидной — на западе и северо-западе.

Данное различие подтверждается новыми материалами эпохи бронзы. Это — эпоха колесниц, зарождения новых традиций и нового направления в искусстве — «звериного стиля», время революционных перемен — освоения первого металла, производства прекрасных бронзовых ножей, кинжалов, чеканов. Это и период расселения европеоидного населения на широкой территории Центральной Азии, куда следует включить Западную Монголию, Западное Забайкалье, Туву, Алтай, Минусинскую котловину, часть Казахстана.

Синхронно карасукскому населению на большой территории степной полосы Восточной Монголии и Восточного Забайкалья

Эволюция стилей изображения диких животных в древней Монголии
(от энеолита до раннего железного века)

(возможно, и части Внутренней Монголии) обитали монголоидные племена, оставившие плиточные могилы с первыми бронзовыми орудиями, с триподами и изображениями на скалах «оградок» с космическими сюжетами. Итак, две большие скотоводческие культуры были представлены карасукской европеоидной этно-

РАННИЙ
ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

БРОНЗОВЫЙ ВЕК

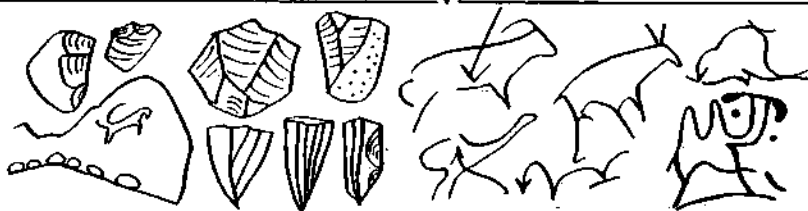
ЭНЕОЛИТ

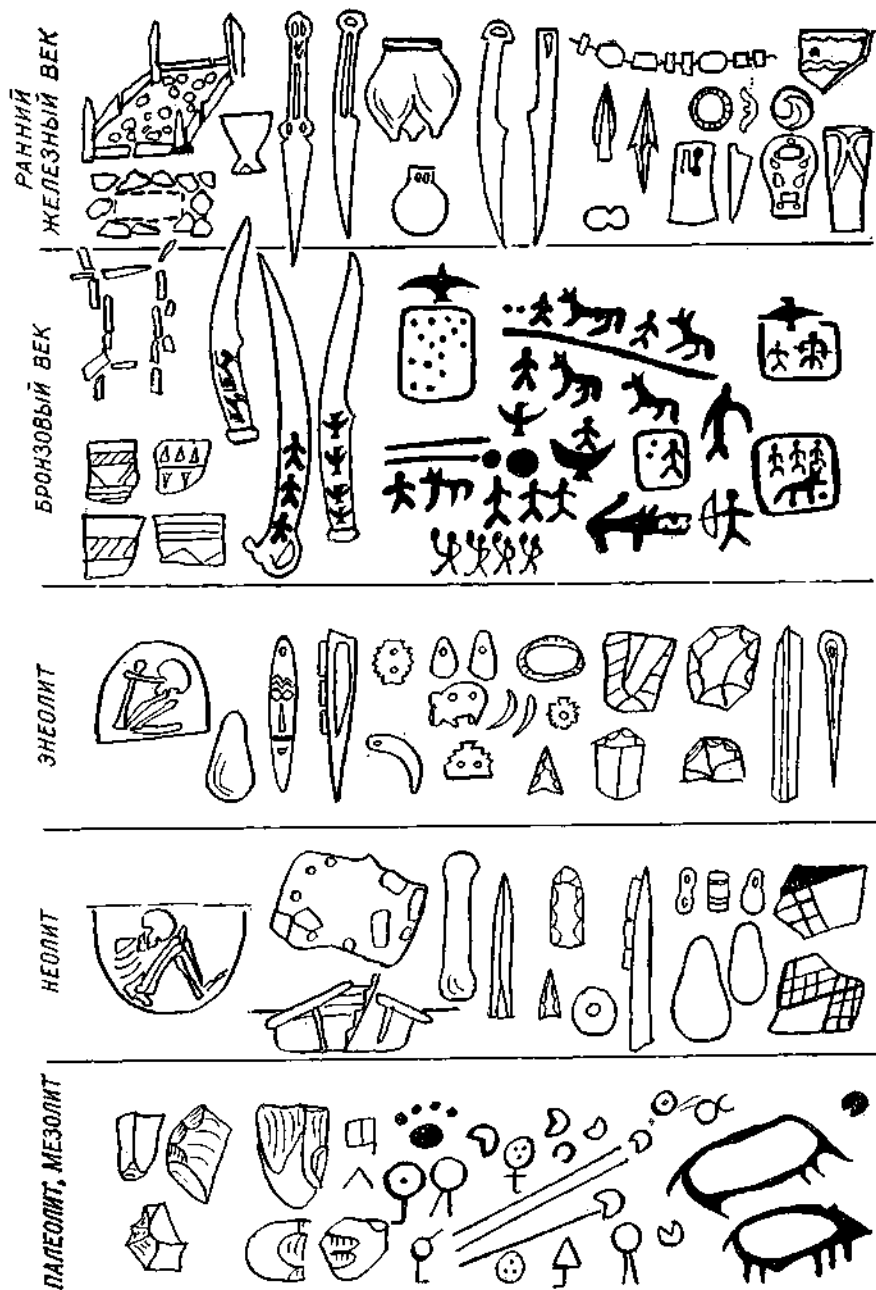
НЕОЛИТ

ПАЛЕОЛИТ

Памятники Западной Монголии от палеолита до эпохи ранних кочевников
(сводная таблица)

Памятники Восточной Монголии от палеолита до эпохи ранних кочевников
(сводная таблица)

культурной общностью на западе и северо-западе и монголоидным населением на востоке.

В настоящее время можно прямо сказать, что не правы были те исследователи, которые полагали, что и в основе культуры плиточных могил лежит карасукская культура. Различными были истоки этих культур, их корни; несходны и их основные черты: в карасукской культуре нет сосудов-триподов, в восточных культурах — колесниц. Отличны их святилища, культы и тотемы. На востоке преобладал культ быка, появившийся в эпоху сюнну как тотемный предок. На западе уже в каменном веке сложился культ оленя. Элементы «звериного стиля», присущие этому району, на востоке страны не прослеживаются, отдельные находки, видимо, являлись результатом влияния яркой самобытной соседней культуры европеоидов.

Оленные камни в западной части страны просуществовали в течение тысячелетия, претерпев за это время изменения. На древнейших стелах со стилизованными оленями с птичьими клювами, отнесенными нами к началу карасукской культуры (середина II тысячелетия до н. э.), изображен полный набор карасукских видов оружия. Найденные в центре Монголии оленные камни, переиспользованные в плиточных могилах эпохи развитой бронзы, все, как правило, относятся к этой группе монументов, вся их поверхность покрыта рисунком. С точки зрения искусствоведческого анализа такой ковровый орнамент (где силуэты оленей создают поле, подобное ковровому) предшествует все более упрощенным, менее насыщенным изображениям.

Второй тип оленных камней — с фигурами животных, стоящих на «цыпочках», также относится к эпохе бронзы. Их находят переиспользованными в курганах раннего железного века, например в кургане Аржан. В течение какого-то времени оленные камни первого и второго типов сосуществовали, хотя очевидно, что стелы со стоящими животными переживают оленные камни со стилизованными оленями. Характерно также, что стелы второго типа распространены как в Западной Монголии, так и в Туве и на Алтае.

Наиболее поздними являются стелы без животных, но с выгравированными на них символами. Они имеют аналоги еще дальше на западе.

В памятниках раннего железного века непереиспользованные оленные камни не найдены. Они не были характерны для этой новой эпохи. Не случайно на оленных камнях ни разу не обнаружено изображения всадников, которые появились только в эпоху раннего железа, но известны колесницы.

В конце I тысячелетия в недрах культуры плиточных могил вызревает культура ранних кочевников. И этнически, и по погребальному обряду, и по форме могильных сооружений культура племен монголоидного типа эпохи бронзы отличается от культуры монголоидов следующей эпохи. Но в этот период уже появилось седло, а следовательно, оседланный конь, что ускорило передви-

жения людей, увеличило их контакты. Это повлекло за собой усиленный процесс метисации населения и взаимопроникновения культур. Однако культура плиточных могил сохраняла свои особенности вплоть до рубежа новой эры. На базе этого историко-культурного единства в конце I тысячелетия до н. э., очевидно, и возник племенной союз сюнну.

На западе и северо-западе страны развивалась улангомская культура, которая сложилась на базе предшествовавшей карасукской. В ней прослежены элементы дальнейшего совершенствования форм оружия и орудий, развития «звериного стиля» в искусстве. Дало о себе знать и влияние соседних монголоидных племен. Постепенно все сильнее наблюдается проникновение восточных монголоидов в среду европеоидов Улангома. Интересная закономерность прослежена антропологами — чем позднее памятник, тем сильнее монголоидная примесь, причем это прослеживается через появление женщин монголоидного типа.

На территории Улангомского могильника удается проследить и полную смену населения. Очевидно, во II в. до н. э. племена сюнну продвинулись на запад и северо-запад Монголии, предварительно подчинив своему влиянию всю страну. Вот почему мы находим в Улангомском могильнике погребения III в. до н. э., резко отличающиеся от захоронений сюнну II в. до н. э. И можно наверное сказать, что жившие здесь племена одной культуры вытесняются сюннами, занявшими их место. Этот вывод напрашивается, если проследить смену культур на Улангомском могильнике. Сюнну пришли в Чандманьскую долину в начале II в. до н. э. Однако «улангомцы» не исчезли совершенно: известны их некрополи в горах Тувы и Алтая, абсолютно аналогичные монгольским. Эти некрополи появились там до II в. до н. э. Очевидно, движение «улангомцев» на запад началось задолго до прихода сюнну. Вторжение сюнну лишь ускорило процесс кочевания европеоидного населения — носителя «звериного стиля». С этого времени в Монголии началась новая эпоха — время правления сюнну, но это уже новая тема, требующая особого внимания и специального труда.

УЛАНГОМСКИЙ МОГИЛЬНИК

Раскопки Улангомского могильника производились в 1972—1974 гг. участниками советско-монгольской историко-культурной экспедиции. Могильник расположен на склонах горы Чандмань-уул, или, как ее иногда называют местные жители, Улаан-уул (Красная гора), в окрестностях г. Улангома — административного центра Увсанурского аймака, граничащего с Тувой.

Юго-западная окраина Улангома вплотную подходит к Чандмань-уулу. Эта одиноко стоящая сопка сложена из выветренных красноватых гранитов. С южных крутых склонов стекает источник, вокруг которого находится заболоченная равнина. Другие склоны — отлогие и песчаные. На них, а также в глубоких распадках и располагаются разнообразные археологические памятники. Это каменные курганы-керексуры, поминальные оградки с вертикально стоящими каменными стенами, небольшой сюннуский могильник, обозначенный на поверхности плоскими кольцевидными выкладками из камня. Отдельные погребения встречены на седловинах и даже на вершине сопки.

Могильник середины I тысячелетия до н. э. находится на самом краю северного склона горы, переходящей в долину. Большая часть могил в настоящее время не обозначена на поверхности земли: не сохранилось ни каменных выкладок, ни каких-либо других внешних знаков. Лишь единственный раз над погребением сохранился каменный курган пирамидальной формы с квадратным основанием, которое было обнесено крупными обломками гранитных плит. Иногда на поверхности земли выступали отдельные камни, заполнявшие могильные ямы.

Найденный могильник расположен рядом с городом, поэтому камень из этих мест уже много лет активно использовался для строительных нужд. Учитывая это, можно допустить, что первоначально могильник выглядел иначе, т. е. все могилы имели надмогильные каменные сооружения.

Раскопки 1972 г. (первый сезон работ)

В 1972 г. работы велись в южной части могильника, где строители начали разработку карьера.

Несколько полуразрушенных могил были обнаружены в стенке траншеи, прорытой бульдозером с севера на юг вдоль склона горы. На расстоянии нескольких метров друг от друга находились четыре могилы со срубами, а восточнее и западнее были обнаружены погребения в каменных ящиках.

Могила I (деревянный сруб). Основным объектом раскопок 1972 г. была могила I. Именно в ней найден уникальный сосуд с изображениями животных и именно с нее начались раскопки всего могильника. Западная часть могилы, как уже упоминалось, была разрушена при разработке карьера. К началу раскопок из стенки траншеи торчали полусгнившие бревна. После зачистки стенки траншеи четко выявились контуры могильной ямы глубиной 1,6 м и длиной с севера на юг 4,7 м. На дне ее был сооружен сруб из обтесанных бревен диаметром 18—23 см.

Сруб высотой в 80 см состоял из четырех венцов. Южная и северная стенки были несколько наклонены друг к другу. Западная стенка не сохранилась. Размеры сохранившихся частей стенок следующие: восточная — 2,4 м (вверху) —

2,8 м (внизу), северная — 2,5 м, южная — 1,85 м. Пол погребальной камеры наслан из плотно пригнанных друг к другу жердей диаметром 5—8 см.

Сверху сруб был перекрыт накатом из толстых бревен. Щели между ними были заделаны тонкими жердями. Когда-то бревна перекрытия лежали в один ряд, с севера на юг, т. е. концами опирались на северную и южную стенки сруба и могильной ямы. Но потом середина перекрытия (видимо, под тяжестью земли) обвалилась и бревна почти касались пола одним концом. Другие же концы их были приподняты вверх и находились всего в 40—50 см от поверхности земли.

Могильная яма заполнена песком и щебенкой, крупных камней почти нет. Сверху на бревнах при зачистке перекрытия был обнаружен обломок ножа. Остальные предметы найдены при зачистке костяков. На деревянных жердях пола кое-где были положены крупные каменные плиты, на них лежало несколько скелетов, частично сохранившихся, и два целых костяка человека. Один лежал вдоль южной стенки сруба, в скорченном положении, на левом боку, головой на запад. Второй был погребен вдоль северной стенки на дополнительной вымостке из плоских каменных плит в аналогичной позе: в скорченном положении, на правом боку, головой на северо-запад. Возле восточной стенки находился третий костяк, неполный (сохранилась только его верхняя часть). Погребенного положили на живот, головой на запад. Рядом с ним, но немного выше обнаружен отдельный человеческий череп. Он значительно светлее, чем все остальные черепа, и, возможно, относится к более позднему захоронению.

В западной части камеры найдены кости ног: бедренные, голеностопные и мелкие кости ступни, сохранившие анатомический порядок. Они принадлежали четырем взрослым и ребенку 10—12 лет. Большая часть этих скелетов была разрушена строителями вместе со стенкой сруба. Частично эту разрушенную часть погребения удается восстановить по находкам в отвале траншеи, где обнаружены черепа и те предметы, которые находились возле них. Первоначальное положение сохранили лишь те предметы, которые располагались в ногах погребенных. Здесь отдельными двумя кучками лежали наконечники стрел, прикрытые сверху кусочками кожи, вероятно, это остатки колчанов. Большинство наконечников стрел костяные, ромбические или трехгранные в поперечном сечении, по способу крепления к древку — втульчатые, черешковые и с расщепленным насадом.

Бронзовых наконечников всего два. Оба они трехгранные, черешковые. Интересно отметить, что вместе с черешковыми стрелами сохранились и обломки древков, обмотанные тонкой ниткой из сухожилий. Рядом с наконечниками стрел лежали два ножа: железный плоский с заостренным наконечником треугольной формы и бронзовый с наконечником в виде небольшого колечка. Обломанный конец лезвия бронзового ножа плотно примотан к нему шерстяной витой ниткой.

Наиболее интересные вещи были сосредоточены в северной части сруба около голов покойников. Там лежало медалевидное бронзовое зеркало, миниатюрный проушной чекан, бронзовые пряжки с остатками ремешков, прошитых сыромятной кожей, серебряное колечко, небольшой каменный диск, напоминающий пряслище, обломки неорнаментированных сосудов, небольшой керамический сосуд с двумя ложными ручками-выступами и, наконец, лучшая находка — глиняный кувшин с узким высоким горлом, украшенный налепными фигурами козлов и оленей, наиболее интересный из всех сосудов, найденных за три полевых сезона.

Могила 2 (деревянный сруб). Обнаружена метрах в 30 от могилы 1, в соседней траншее. На глубине 70 см нож бульдозера задел куски дерева. Как выяснилось в процессе раскопок, бульдозер дошел до бревенчатого перекрытия сруба, почти не потревожив его, так как работы были тут же остановлены.

Перекрытие (его размеры 3,65×3,65 м) состояло из бревен диаметром от 15 до 30 см, положенных в один ряд в длину с востока на запад. Середина перекрытия провалилась и касалась пола.

Погребальная камера была сооружена из трех венцов бревен, общая высота которых, как и в могиле 1, равнялась 80 см. По дну камеры в ее западной части были настелены деревянные жерди. Северо-западная часть могилы выложена плоскими каменными плитами. По полу в полном беспорядке были раз-

бросаны отдельные кости человека и только два скелета (один в центре, а второй вдоль северо-западной стенки) сохранили первоначальное положение: погребенные лежали в скорченном положении, на левом боку, головой на северо-запад.

Возле южной стенки сруба находился почти полный костяк овцы (или козы). Единственная находка из могилы 2 — прямоугольная костяная пластина с девятью круглыми сквозными отверстиями. Создается впечатление, что могила была ограблена, хотя перекрытие оставалось целым и следов проложенного грабителями хода выявить не удалось.

Могила 3 (каменный ящик). Она расположена на 6 м севернее могилы 1. После зачистки четко обозначился каменный ящик из крупных плит розового гранита, заваленный сверху камнями, и контуры могильной ямы. Ее ширина — 2,8 м, глубина — 1,4 м.

Каменный ящик размером 1,25×1,00 м был перекрыт сверху крупными плоскими камнями. Дно ящика также выложено камнями. На полу, сложенном из каменных плит, находился скелет взрослого человека, в сильно скорченном положении, на левом боку, головой на север. Под черепом, как подушка, лежал большой плоский камень. Находок нет.

Могила 4 (каменный ящик). Эта могила была в той же траншее, что и могилы 1 и 3, но немного южнее последней. Могила частично разрушена бульдозером, и могильная яма четко прослеживалась в стенке траншеи. На глубине одного метра от поверхности земли из стенки траншеи торчали каменные блоки ящика, кости человека и глиняный сосуд. В процессе раскопок выяснилось, что каменный ящик был сооружен из крупных плит местного гранита. И хотя западная стенка его разрушена, размеры ящика (при обмерах внутренней части) все же удалось установить: длина 1,6 м, ширина 90 см и высота 50 см. Сверху ящик был перекрыт крупными плоскими кусками гранита. Дно выложено плоскими каменными плитами и, видимо, деревянными плашками, которые очень плохо сохранились.

В ящике обнаружено двойное захоронение — взрослого и ребенка 8—10 лет. Скелет взрослого лежал вдоль западной стенки на вымостке из плоских каменных плиток. Положение погребенного такое же, как в вышеописанных могилах (в скорченном положении, на левом боку, головой на северо-запад). Череп очень плохой сохранности.

Перед взрослым в аналогичной позе захоронен ребенок. Почти все находки связаны с детским скелетом. Возле черепа стояло два глиняных сосуда: один кринкообразный неорнаментированный, красноватого обжига, второй горшочек гораздо меньших размеров, шаровидной формы, с одним соскобидным выступом на тулове. Рядом с сосудами лежала бронзовая пряжка с остатками прошлого кожного ремня, аналогичная по форме находкам из могилы 1.

Под костяком ребенка найдены белая стеклянная глазчатая бусина и раковина каури. В ногах обнаружена бронзовая обойма от ремня или пояса. Возле костей ног взрослого найдена короткая полая костяная трубочка, один край которой косо срезан. Там же лежала костяная проколка с отверстием для подвешивания.

Могила 5 и 7 (каменные ящики). Могила 5, как и могила 7, была полностью разрушена при прокладке траншеи. От них сохранились лишь следы в виде остатков дерева и костей. Могила 5 расположена севернее могилы 1, а могила 7 восточнее. Среди остатков могилы 5 обнаружен небольшой сосуд с ложными ушками.

Могила 6 (каменный ящик). Она находилась в 20 м северо-западнее могилы 1. От нее сохранилась только южная часть с остатками каменного ящика и неполным скелетом человека.

Глубина ящика 50 см. Видимо, он был очень небольшого размера. Погребенный находился в сильно скорченном положении, на правом боку, головой на северо-запад.

В могиле 6 найдены раковина каури и обломки неорнаментированного керамического сосуда красноватого цвета. По структуре и обжигу черепки сосуда очень похожи на керамику из могил 1 и 4.

Могила 8 (каменный ящик). Это самая северная из исследованных в 1972 г. могил. Она сохранилась частично. Неразрушенной осталась только западная

часть каменного ящика, который был установлен на дне могильной ямы на глубине 1 м от современной поверхности земли.

В ящике обнаружено парное захоронение, причем костяки располагались в два яруса — друг над другом: внизу лежал крупный скелет без черепа, а над ним — значительно меньший (детский или женский). В обоих случаях положение погребенных было одинаковым — в скорченном положении, на правом боку, головой на северо-запад. Рядом с каменным ящиком в выбросе найдены фрагменты законченного горшка со слабо профилированным венцом.

Могила 9 (каменный ящик). Она находилась между могилами 3 и 4 в 4—5 м восточнее могилы 4, обозначена на поверхности земли едва заметными обломками гранитных плит. Под ними на глубине 60 см оказалась могильная яма, перекрытая настилом из пяти тонких жердей. Общая глубина ее 1,2 м, длина 1 м и ширина 70 см. Вдоль северной и восточной стенок лежали две тонкие крашенные деревянные палки. Краска сохранилась в виде фиолетово-сиреневого тонкого слоя.

Дно могильной ямы было устлано каменными плитами. Погребенный лежал в сильно скорченном положении, на левом боку, головой на северо-запад.

Рядом с черепом найдены две костяные прямоугольные пластины со сквозными отверстиями. Там же обнаружен небольшой каменный оселок и обломок какого-то железного орудия. Особенно интересны костяные пластины, аналогичные по форме пластине из могилы 2, очевидно, их назначение было сходным.

Раскопки 1973 г. (второй сезон работ)

В 1973 г. на Улангомском могильнике было раскопано 20 погребальных комплексов (могилы 10—30).

Могила 10 (каменный ящик). Расположена в 3,5 м на северо-восток от могилы 9. До раскопок на поверхности земли торчали отдельные камни. После расчистки обозначилась каменная кладка овальной формы, вытянутая с севера на юг. Краевые камни на северной и южной частях могилы были значительно меньших размеров, чем на остальной территории могилы. С восточной стороны могилы краевые камни стояли в наклонном положении. Длина могильной ямы 7,2 м, ширина посередине 2,3 м. На глубине 1,3 м были найдены два костяка, ориентированных головами на северо-запад.

Погребение 1. Это мужчина 19—25 лет с нарушенным положением костей грудной области. На черепе — пять отчетливых отверстий и шесть едва прослеженных. Это следы ранений, нанесенных, видимо, стрелами. В области правого лобного бугра — перелом в форме равнобедренного треугольника. Второе отверстие в области левого лобного бугра — в форме круга, третий удар был нанесен у правой глазницы. На затылочной кости также видны следы удара трехгранным предметом, очевидно, наконечником стрелы. Итак, все удары сделаны кинжалами, чеками или наконечниками стрел.

Погребение II. Погребенный юноша лежал в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Анатомический порядок костей не нарушен. На черепе видно большое отверстие — след рубленой раны. Судя по данным антрополога Н. Н. Мамоновой (она отмечает значительное изменение структуры кости вокруг отверстия), юноша умер, вероятно, не сразу после ранения, а через несколько дней.

Могила 11 (деревянный сруб). Могила была частично разрушена при разработке карьера. Размер сруба 3×3 м, толщина бревен доходит до 20 см. Сруб перекрыт сверху деревянным настилом, ориентирован углами по сторонам света. Дно сруба выложено очень неровно крупными камнями. Костяки расположены на этой подстилке из плоских плит. В северо-восточном углу и у стенки обнаружено три черепа, две тазобедренные кости, ребра и кости ног, сохранившие анатомический порядок. В целом прослеживается семь погребений.

Погребение I. Расположено в северо-западном углу, там сохранились лишь обломки детского черепа, остатки костяка. В самом углу сруба около черепа найден развал сосуда, который был реконструирован. Он имеет форму кувшина

с высоким горлом и весьма интересными геометрическими знаками (комбинации из треугольников и крестов), прочерченными по тулову.

Погребение II. Совершено у западной стенки сруба. Там лежал на правом боку с ногами, согнутыми в коленях, костяк мужчины 18—19 лет.

Погребение III. Мужчина 25—30 лет, располагался рядом с предыдущим (несколько восточнее) и в таком же положении: на правом боку, с подогнутыми ногами. Анатомический порядок костей не нарушен, только череп откатился в сторону и лежал, обращенный вниз лицевой частью.

В области таза обнаружена бронзовая пряжка с остатками кожаного ремня.

Погребение IV. Мужчина 20—27 лет был погребен в северном углу сруба, головой на северо-запад. Тазовые кости и крестец находились в вертикальном положении, ноги сильно согнуты в коленях, так что плечовые кости находятся в 5—7 см от крестца. Возможно, что погребение совершено на левом боку, но не исключено, что ноги его были согнуты в коленях и подняты вверх, поздние кости упали. В северо-западном углу обнаружен развал керамического сосуда.

Погребение V. Мужчина зрелого возраста положен в могилу в сильно скорченном положении, так что колени находились у самой груди. Костяк лежал на каменных плитах пола, на левом боку, был ориентирован головой на северо-запад.

Погребение VI. Мужчина возмужалого возраста был погребен на боку с согнутыми ногами в южном углу сруба. Однако больше ничего определить не удалось, так как эта часть могилы сильно разрушена.

Погребение VII. Женское. Положение костяка определить сложно, но, видимо, ноги были согнуты в коленях. Судя по положению черепа и отдельных костей, женщина лежала на правом боку, ближе к южному углу сруба. Среди находок наибольший интерес представляет костяная пряжка, обнаруженная в области таза. Пряжка была покрыта с лицевой стороны резными фигурами оленей, выполненных в той же стилизованной манере, что и рисунки на оленьих камнях Монголии: животные изображены с подогнутыми ногами и пышными ветвистыми рогами.

Могила 12 (каменный ящик). Находилась северо-восточнее могилы 10 у самого края траншеи. На поверхности были видны лишь беспорядочно разбросанные мелкие камни. Раскоп был заложен так, чтобы в него включить все видимые камни (4,60×6,40 м). На глубине 40 см появились вертикально стоящие плиты, образующие каменный ящик (по внешнему периметру 1,80×1,45 м и изнутри 1,40×1,20 м), ориентированный с северо-запада на юго-восток.

Заполюющий могилу грунт по цвету не отличался от окружающего грунта, но был более рыхлым. На дне могилы на глубине 50 см обнаружены кости человека (позвонок), обломок железного ножа и целый керамический сосуд, внутри которого находились кости овцы или козы, один разбитый сосуд и бронзовая имитация раковины каури. Общая глубина могилы 80 см. Под костяком сохранились следы камышовой подстилки.

Можно предположить, что в ящике были погребены четыре человека (три взрослых и один ребенок).

Могила 12 (каменный ящик). Могила находилась в 10 м к северо-востоку от могилы 10. На поверхности выражена еле заметной каменной кладкой подпрямоугольной формы. Наиболее крупные камни лежали в центре, мелкие по краям. По очертаниям кладки был заложен раскоп. В процессе расчистки в центре раскопа обнаружены две вертикально стоящие плиты — стенки ящика.

Могильная яма заполнена грунтом, совершенно неотличимым по цвету от окружающего ее материкового слоя, но более рыхлым. Сверху могильная яма была завалена крупными камнями. На глубине 40 см от поверхности обнаружены разрозненные кости человека и копытного животного, а также обломки плоскодонного сосуда. На глубине 85 см в северном углу могильной ямы лежал череп, обращенный лицевой частью вниз, в одном метре от него — позвонок человека и зуб коровы. Почти в центре раскопа на глубине 95 см найден череп лошади без нижней челюсти. Под этим черепом обнаружены кости человека: бедренная и лопатки.

У середины юго-восточной стенки лежали лопатка барана и кости ноги человека в анатомическом порядке. На 40 см ниже первого черепа сохранились

остатки еще одного погребения и фрагменты толстостенного сосуда из глины серого цвета, его поверхность гладкая, без орнамента.

В северном углу на том же уровне лежал красноглиняный горшковидной формы сосуд с рифленой поверхностью плохого обжига. Под костяками и находками обнаружен деревянный настил, который состоял из жердей и расположенных на них поперечных плашек толщиной 4—6 см каждая. Настил вытянут с северо-востока на юго-запад.

Могила 14-А (деревянный сруб). Надмогильное сооружение в виде каменного кургана. Насыпь его четырехугольной формы высотой 70—80 см. Под курганной насыпью в центре небольшое зольное пятно. На глубине 2 м обнаружен деревянный сруб квадратной формы. Длина каждой его стороны 2,4 м. Сруб ориентирован углами по сторонам света. В западной части сруба прослежен проложенный грабителями ход, заполненный камнями и землей. По дну этого хода на глубине 2 м разбросаны кости женщин.

На дне сруба в беспорядке лежали кости четырех взрослых (один — мужчина, три — женщины) и одного ребенка. Лишь два погребения сохранили некоторый анатомический порядок: один лежал в скорченном положении на боку, головой на юго-запад, второй — в такой же позе, но головой на север. Дно погребальной камеры выложено каменными плитами. На полу в центре сруба лежали две богачевые пряжки.

Могила 14-Б (каменный ящик). В западном углу под насыпью кургана 14: обнаружено второе погребение в каменном ящике трапециевидной формы, сложенном из четырех необработанных каменных плит. Широкой стороной он ориентирован на северо-запад. В ящике лежал на левом боку лицевой частью на северо-восток в скорченном положении костяк ребенка 1,5 лет. Общая ориентировка покойного на северо-запад.

Под костяком была каменная плита, служившая дном могилы, а камни, лежавшие вокруг нее, поддерживали боковые плиты, сильно наклоненные вовнутрь. Размер ящика 1×0,7×0,55 м, глубина его — 40 см. На дне встречаются мелкие остатки дерева.

Единственная находка — небольшой сосуд сферической формы с уплощенным дном.

Могила 15 (деревянный сруб). Находится в 17 м к югу от могилы 12. Обнаружена на дне траншеи, прорытой бульдозером. При расчистке могилы на глубине 15 см обнаружен сруб шириной и длиной 3 м, северная и западная стенки которого разрушены. Толщина бревен сруба 25—30 см. С внешней стороны сруб укреплен вертикальными деревянными кольями диаметром 10—12 см. Сруб закрыт деревянным перекрытием. Толщина его бревен 20—25 см. Бревна крыши ориентированы запад — восток. В восточной стенке, возле северо-восточного угла сруба сделан вход шириной 80 см. С внутренней стороны входа сооружена ступенька-порог из толстой колоды — 30—35 см.

В северной половине сруба пол выстлан каменными плитами. На этой высоте лежали два скорченных костяка (мужчины и женщины), оба на левом боку, головами на север. Под головами аккуратно положены каменные «подушки».

В могиле найдены: керамический узкогорлый сосуд, железный нож, бронзовое четырехгранное шило с круглой шляпкой, подвеска из проволоки, бронзовое круглое зеркало с птичьими головками и петлей для подвешивания, подвеска из зуба марала и два зуба-резца сурка.

Могила 16 (деревянный сруб). Находится в 8 м от могилы 15. Насыпь разрушена карьером. Под деревянным перекрытием, которое хорошо сохранилось, обнаружен сруб в четыре венца размером 2,5×2,5 м, ориентированный углами по сторонам света. Дно могилы по всей площади выстлано каменными плитами.

Все захоронения, кроме одного, сосредоточены в северной части могилы. Зачищено пять погребений.

Погребение I. Это единственное захоронение в южном углу сруба — костяк ребенка младенческого возраста очень плохой сохранности.

Погребение II. Находилось в северо-западном углу могилы, костяк лежал на правом боку, в скорченном положении, ноги согнуты в коленях, голова ориентирована на северо-запад. Под головой каменная «подушка». Около голо-

вы лежала часть тазовой кости коня. Рядом с лопаткой обнаружена бронзовая круглая пуговица, закрепленная на кусочке кожаного ремня.

Погребение III. Оно расположено рядом с погребением II, немного севернее, это — скелет мужчины в очень скорченном положении, так что колени располагались в области груди. Так же как предыдущий погребенный, он лежал на правом боку. Череп сохранился плохо. В ногах стоял сосуд сферической формы.

Погребение IV. Находилось рядом с предыдущим. Костяк ориентирован головой на северо-запад. Видимо, первоначально голова покоилась на каменной «подушке», но затем откатилась на 20—25 см. Захороненный лежал на спине с согнутыми в коленях и поднятыми вверх ногами: кости стопы сохранили такое расположение, какое могло быть именно при таком положении ног.

Около лопатки лежала бронзовая пряжка, а на уровне грудной клетки обнаружены остатки кожаной сумки-кисета на тканой подкладке. В этом кисете было бронзовое зеркало. Рядом найден железный нож.

Погребение V. Мужской костяк располагался у восточной стенки несколько южнее погребения IV, так что череп находился рядом с тазовой костью предыдущего погребенного. Анатомический порядок расположения костей не нарушен: погребенный был положен на живот, об этом свидетельствует то, что острые отростки позвонков были направлены вверх и слегка влево, обе лопатки обращены кверху, крестец также лежал остистыми отростками кверху.

Кости правой руки согнуты, и кисть поднята к лицу, кости левой руки согнуты под углом, так что кисть располагалась около правого колена.

Находки следующие: около восточной стенки сруба — сосуд, у ног погребенного — бронзовый кинжал с прорезной полой рукоятью, брусчатым наваршем и бабочковидным перекрестием. Под локтем правой руки — бронзовый чекан с деревянной рукоятью, закрепленной тонким сырмятным ремнем.

Могила 17 (деревянный сруб). Она находилась в 15 м к востоку от могилы 16. Насыпь скрыта бульдозером еще до раскопок. Сруб сложен из более тонких бревен, чем в могилах 15 и 16, и размеры его меньше: 2×2 м. Ориентировка обычная — углами по сторонам света. Дно сруба на глубине 1,5 м выложено каменными плитами. На этой небольшой каменной выкладке было погребено четыре покойника, все ориентированы головами на северо-запад.

Погребение I. Остатки детского скелета.

Погребение II. Женщина 35—40 лет. Анатомический порядок не нарушен. Костяк лежал на спине с ногами, согнутыми в коленях. Руки были согнуты в локтях, кисти подняты вверх к голове в молитвенной позе. На груди — белые пастовые бусы.

В 25—30 см от черепа в северо-западном углу могилы стоял сосуд сферической формы с узким невысоким горлом, отделенным от тулова двумя наклепными валиками. Рядом с ним лежало бронзовое зеркало. Около черепа найден железный предмет в форме грузила или пряслица с отверстием посередине.

Погребение III. Женское, анатомический порядок не нарушен. Череп лежал на правой стороне, лицевой частью на юг. Положение позвоночника остистыми отростками кверху и тазовых костей седалищными костями вверх свидетельствует о том, что погребенная лежала на животе. Но не исключено, что она находилась первоначально в сидячем положении. Об этом говорят и согнутые в коленях ноги, и поворот тазовых костей. Левая рука согнута в локте, и кисть находится на уровне плеча перед грудью. Рядом с черепом найден обломок железного ножа.

Погребение IV. Мужское, находилось у самой восточной стенки. Можно предположить, что погребенный был положен на левый бок, с согнутыми в коленях ногами. У изголовья стоял маленький сосуд.

Могила 18 (деревянный сруб). Расположена в 25 м к северу от могилы 11. Внешние размеры сруба 2,75×2,75 м. Он ориентирован углами по сторонам света и сложен из бревен толщиной 25—30 см. Стенки сруба сверху наклонены вовнутрь, дно выстлано деревянными плахами. Сохранившиеся четыре венца сруба имеют общую высоту 80 см.

Погребено четыре человека: три взрослых и один ребенок. Все они, кроме ребенка, ориентированы головой на северо-запад и положены в скорченном

положении. Первый — на левом боку, второй и третий — на правом. Особенно сильно скорчен второй погребенный, его колени упирались в голову.

Находок нет.

Могила 19 (деревянный сруб). Ни погребений, ни находок не обнаружено.

Могила 20 (деревянная колода). Находилась в 8 м к востоку от могилы 21.. В неглубокой могильной яме обнаружен гроб из выдолбленной деревянной колоды. Длина его 80 см, ширина 30 см. Внутри — костяк двухлетнего ребенка, ориентированный головой на юг. Около юго-западного угла гроба найдены обломки небольшого сосуда с орнаментом из параллельно расположенных дуг. Ребенок лежал в колоде на спине, вверх лицевой частью. Колода закрыта деревянной крышкой. Сохранность колоды очень хорошая, много лучше, чем вышеописанных срубов.

Могила 21 (каменный ящик). Находилась в 50 м к востоку от могилы 22.. На глубине 60 см обнаружен каменный ящик трапециевидной формы, ориентированный широкой торцовой стороной на юг. Размеры ящика: северо-восточная сторона 1,10 м, северо-западная — 65 см, юго-западная — 1,20 м и юго-восточная — 1,10 м. На дне ящика лежали в беспорядке кости одного человека: череп в северо-западном углу, челюсть — в южном.

Находки следующие: три идентичных трехгранных костяных наконечника стрел, костяная застежка с отверстием в центре и обломки двух керамических сосудов.

Могила 22 (деревянный сруб). Находилась в 40 м к востоку от могилы 18 и в 10 м к западу от могилы 21. При расчистке на глубине 80 см обнаружен сруб. Его размеры 1,5×1,5 м, ориентирован углами по сторонам света.

Сруб состоял из четырех венцов. Хорошо сохранилось перекрытие сруба в виде деревянных брусьев, прогнувшихся во внутрь могилы, положенных поверх сруба с юго-запада на северо-восток. Такого же направление и деревянных плах, составляющих пол. Внутри сруба находились два скелета, один из них детский. Детский костяк лежал в скорченном положении, на левом боку, головой на северо-восток, лицом вниз. Взрослый человек первоначально лежал, вероятно, на спине, ноги, согнутые в коленях, были подняты, впоследствии они упали, так что правая нога оказалась под левой. Недалеко от черепа человека найдены три шейных позвонка и череп собаки.

Около пояса взрослого человека лежала бронзовая пряжка, возле ноги ребенка еще одна. Под грудью ребенка найдено три раковины каури и железный нож.

Могила 23 (деревянный сруб). Находилась в 8 м к востоку от могилы 20. На глубине 20 см от дна траншеи прослежены остатки деревянного сруба. Перекрытие сохранилось, но, так же как в могиле 22, оно прогнулось вовнутрь. Сруб ориентирован углами по сторонам света. Размеры сруба: 2,4×2,4 м, глубина 1,1 м. Сруб состоял из четырех венцов и был укреплен посередине восточной стенки вертикальным столбом. Дно сруба выстлано деревянными плахами, уложенными в направлении с юго-востока на северо-запад.

В могиле похоронено шесть взрослых и один ребенок.

Взрослые положены на спине или на боку, с согнутыми в коленях ногами, головы их лежали на каменных «подушках». Погребенные ориентированы головой на северо-запад. Костяки расположены в один ряд, так что северо-восточная часть могилы осталась незанятой.

Погребение 1. Костяк лежал у самой юго-западной стенки сруба. Он принадлежал мужчине, который в отличие от других погребенных был положен в вытянутом положении, однако череп оказался сдвинутым и повернутым влево. В юго-западном углу могилы находился сосуд и какой-то деревянный предмет, окрашенный красной краской (возможно, это тоже сосуд). В области таза (справа от погребенного) лежали остатки лука, бронзовая имитация раковины каури, железный крючок для подвешивания колчана. Около черепа найдены наконечники стрел с деревянными древками (длина древка 45 см), шесть трехлопастных бронзовых наконечников стрел и один костяной трехгранный. На нескольких древках хорошо сохранился шнур для крепления.

Погребение 11. Мужчина 25—30 лет был погребен на левом боку, с согнутыми в коленях ногами. Левая рука вытянута и находилась в области таза

следующего погребенного. Судя по расположению костей, погребение II было совершено после погребения I и местами его перекрывало.

Находки в основном сосредоточены в области пояса и таза: слева у несохранившегося пояса обнаружен бронзовый крючок для подвешивания колчана. Ниже находилось бронзовое зеркало с боковой петелькой, бронзовая проколка и большой массивный железный кинжал. Справа, около таза лежал железный чекан с остатками деревянной ручки. Рядом с черепом находились две костяные стрелы.

Погребение III. Находилось рядом с погребением II, принадлежало женщине. Она лежала на правом боку, лицом была обращена к костяку II, ее правая нога лежала на его бедре, ноги были сильно согнуты в коленях. По положению костяка можно предположить, что погребение III было совершено после погребения II. В изголовье стоял сосуд с узким горлом терракотового цвета. У правого плеча найдена серьга. Под стопами ног находились три бронзовых и два костяных наконечника стрел. Они лежали в определенном порядке — все остриями к голове. Первоначально они были вложены в колчан, остатки которого также обнаружены под стопами ног. Там же лежало бронзовое зеркало. У левого плеча плохо сохранился какой-то железный предмет и стеклянная глазчатая бусина синего цвета.

Погребение IV. Покойник (мужчина 50—55 лет) был прижат спиной вплотную к спине предыдущего погребенного, но лежал ниже, так что голова его находилась на уровне плеча третьего костяка. Погребенный первоначально лежал на спине, ноги его были согнуты в коленях и, очевидно, подняты вверх, а потом упали так, что правая нога оказалась выше левой. Череп лежал, как и все предыдущие, на каменной «подушке». Он был ориентирован лицевой частью на восток.

Находки располагались следующим образом: у изголовья — керамические сосуды с высоким горлом, в области поясных позвонков — бронзовая проколка, рядом с ней — железный стержень и две бронзовые фигурные бляшки от конской упряжи с головами кошачьего хищника.

Набор вооружения обычный: в области пояса над ребрами лежала бронзовая черешковая стрела, над кистью правой руки находился железный топорик с хорошо сохранившейся деревянной ручкой, между бедренными костями найден бронзовый нож с петлеобразным навершием, бронзовая пряжка от конской сбруи и круглая бляшка. Костяная проколка с отверстием для подвешивания лежала под бедренной костью. В области таза обнаружен железный крючок от колчана и железный нож. Около правого плеча — костяная трубочка. Под тазом и бедренной костью найдены кости косули.

Погребение V. Находилось перед погребением IV и принадлежало ребенку одного-двух лет. По расположению костей можно предположить, что ребенок был похоронен на левом боку с согнутыми ногами. Под черепом лежала каменная «подушка». В изголовье этих двух костяков стояли три сосуда: два больших и один маленький, предназначенный ребенку.

Костяки VI и VII лежали несколько обособленно от первых пяти, сгруппированных очень компактно. Погребенные находились у восточной стенки сруба, они плотно прижаты друг к другу, оба лежат на левом боку, с сильно согнутыми ногами, лицом на восток. Головы их покоятся на каменных «подушках».

Погребение VI. Руки погребенного мужчины вытянуты вдоль тела, на правой руке лежало большое бронзовое зеркало с боковой петелькой. Между бедренными костями находился железный кинжал. Под бедренной костью — круглая бронзовая бляшка, перед грудью — пять бронзовых трехлопастных стрел с хорошо сохранившимися древками, а также костяные наконечники стрел.

Погребение VII. Женское. Руки женщины согнуты под прямым углом, так что кисти расположены на уровне лица. В изголовье стоял самый большой из найденных в могиле 23 сосуд с высоким узким горлом и наlepным рельефным орнаментом. В области таза, между бедренными костями лежал деревянный предмет. На поясе — бронзовая пряжка и две подвески. Под челюстью обнаружены остатки какого-то железного предмета, под черепом — бронзовое зеркало и остатки деревянной чаши.

Могила 24 (каменный ящик). Находилась в 2 м от могилы 23 и представ-

ляла собой каменный ящик размером $1,05 \times 0,60$ м. Кости взрослого мужчины (череп нет) лежали в полном беспорядке на подстилке из циновки. Находок нет.

Могила 25 (каменный ящик). Каменный ящик располагался в 20 м на северо-запад от могилы 14. Его размеры $1,15 \times 1$ м (по внешнему контуру), северная часть ящика полностью разрушена.

Погребение I. Скелет мужчины, хотя и плохо сохранился, но можно предположить, что он лежал на левом боку, в скорченном положении и ориентирован головой на запад.

Погребение II. Обнаружено около юго-восточной стенки ящика, сохранились только кости ног. Находок немного: у изголовья стоял разрушенный сосуд в форме сковородки, под костями найдена бронзовая трехлопастная стрела.

Могила 26 (каменный ящик). Находилась южнее могилы 25 в 2,5 м от нее. Представляла собой каменный ящик, который на глубине 65 см устал каменными плитами. Стенки разрушены, поэтому размеры установить не удалось. Общая ориентация ящика — запад — восток. Кости человека лежали в полном беспорядке. Череп раздавлен.

Находки: железный нож, бронзовый, трехлопастной, втульчатый наконечник стрелы с остатками деревянного древка и бронзовый кинжал с навершием, в виде двух голов грифонов.

Могила 27 (каменный ящик). Каменный ящик плохо сохранился, но можно установить, что он ориентирован длинной осью с северо-запада на юго-восток. Покойник был положен головой на северо-запад, на правом боку, с согнутыми в коленях ногами. У головы стоял небольшой глиняный сосуд в форме кувшина с высоким горлом. Около пояса лежали бусины.

Могила 28 (каменный ящик). Небольшой каменный ящик имел почти квадратную форму. Плохо сохранившийся костяк лежал в скорченном положении, на правом боку, головой на северо-запад. Находок нет.

Могила 29 (дощатый гроб). Находилась в 50—80 м южнее карьера вверх: по распадку. Сверху отмечена малозаметной кольцеобразной выкладкой из камней. Сверху могильная яма была перекрыта бревенчатым накатом. Ее стенки от дна на высоту 50 см выложены плоскими камнями. На глубине 1,5 м обнаружен дощатый гроб ($1,8 \times 0,5$ м). В нем был погребен один человек, положенный на спину и ориентированный головой на север. Возле тазобедренных костей стоял керамический сосуд. Найдены также костяные накладки лука, два железных кольца, костяные и железные наконечники стрел. Одна из костяных стрел имела расщепленный насад и плоскую, хорошо выраженную головку с подрезом. Размеры лука, судя по расстоянию между концевыми накладками, — 140 см. При погребении лук лежал на груди, так что верхний его конец находился у левого плеча, а срединная накладка — около пояса. Железные наконечники стрел были как плоские, так и трехлопастные.

Судя по всему инвентарю и погребальному обряду, могила относится к эпохе сунну.

Могила 30 (деревянный гроб). В 10 м южнее могилы 29 была едва заметная выкладка камней, имевшая прямоугольные очертания размером 6×5 м. Могильная яма глубиной 2,1 м располагалась длинной осью с севера на юг. На дне ее находился гроб, обложенный со всех сторон плоскими каменными плитами. Он состоял из двух половинок выдолбленных стволов. Стенки гроба прекрасно обработаны и сделаны строго вертикальными. Гроб слегка расширяется в головной части и потому имеет трапециевидную форму. Его размеры $180 \times 55 \times 50$ см, высота 40 см.

Погребенный лежал в вытянутом положении на спине, головой на север. Череп смещен и находился в северо-западном углу гроба. Весь костяк также сдвинут. Под тазовыми костями обнаружены фрагменты лаковой чашки, украшенной позолоченными бляшками, в которые вставлены бирюзовые камешки. Обнаружены также зерна проса. Как и предыдущая, данная могила относится к эпохе сунну.

Раскопки 1974 г. (третий сезон полевых работ)

Могила 31—56, раскопанные в этом сезоне, расположены компактной группой на расстоянии 5—10 м друг от друга. Они вытянулись рядами вдоль склона Чандмань-уул. К началу раскопок строителями, работавшими в песчаном карьере, было выявлено 10 могил, все с бревенчатыми срубам.

Всего за лето было раскопано и исследовано 12 срубов, 9 каменных ящиков, 3 могилы эпохи сюнну, один керексур и одна оградка с высоким камнем, стоящим в центре. Итак, раскопано 26 могил.

Могила 31 (деревянный сруб). Расположена в карьере в 30 м на северо-восток от эстакады. После зачистки обнаружен сруб, внутренние размеры которого 2,5×2,4 м. Сверху он перекрыт хорошо сохранившимся накатом из бревен. Сруб состоял из трех венцов отесанных бревен, рубленных «в обло». Пол сруба выстлан жердями, тесаными из лиственницы.

Зачищено 8 костяков. Большинство погребенных, ориентированных головой на северо-запад, лежало в скорченном положении на левом или правом боку.

Погребение I. Мужчина зрелого возраста погребен у западной стенки сруба. Он лежал на левом боку (а возможно, на спине, ноги согнуты в коленях). Анатомический порядок расположения костей не нарушен. На черепе имеются следы удара, что свидетельствует о насильственной смерти. На затылочной кости обнаружено два пролома ромбической формы, нанесенных одним и тем же предметом, очевидно, стрелой. Под ребрами лежал железный кольцеобразный предмет, возле стопы правой ноги — бронзовый втульчатый наконечник стрелы.

Погребение II. Ребенок двух-трех лет находился рядом с погребением I, в ногах погребенного IV. Единственные находки — синяя стеклянная бусина, лежавшая у шейных позвонков, и три голубовато-синих бусины под нижней челюстью.

Погребение III. Женское, находилось рядом с детским. Старая женщина лежала на левом боку, в скорченном положении. Возле черепа и кисти правой руки найдены глазчатые бусины.

Погребение IV. Мужское, находилось в западном углу сруба. Погребенный лежал на правом боку, с согнутыми коленями. За его спиной стояло деревянное неглубокое блюдо, сохранившееся частично.

Погребение V Мужчина зрелого возраста. Анатомический порядок расположения костей не нарушен, но череп находился в неестественном положении по отношению к костяку, он лежал затылочным отверстием вверх. Большой четырехугольный след удара прослежен на лобной кости.

Погребение VI. Женское, находилось у северной стенки камеры. Здесь найден берестяной колчан с набором костяных и бронзовых стрел (всего их десять). Около правого бедра обнаружен бронзовый кинжал, аналогичный тагарским кинжалам из Южной Сибири. Возле тазовой кости лежала бронзовая пряжка с неподвижным язычком.

Погребение VII. Принадлежало ребенку 12—13 лет, расположено северо-восточнее погребения VI. Ребенок лежал на правом боку, в сильно скорченном положении. Возле тазовых костей найдена зеленая бусина асимметричной формы, а обломки железного ножа и остатки какого-то железного предмета (возможно, пряжки) лежали перед грудью покойного.

Погребение VIII. Принадлежало ребенку 9—10 лет. Он лежал в северном углу сруба, на правом боку, с согнутыми в коленях ногами. Находки: около тазовой кости — стеклянные глазчатые бусы, золотая серьга, фигурная подвеска из серебра, костяные и бронзовые наконечники стрел.

Там же, в северном углу сруба, в щели между стенкой сруба и полом обнаружено бронзовое медалевидное зеркало с петелькой для подвешивания. После очистки на одной стороне зеркала выявлено графическое изображение оленя, прочерченное тонкой, едва видимой линией. Тело оленя, его морда и рога заштрихованы тонкими линиями.

Три глиняных сосуда стояли в центре сруба (восточнее погребения III) и один горшок — в северном углу около головы погребения VIII.

Могила 32 (деревянный сруб). Находилась в 24 м южнее могилы 31. Сруб состоял из трех венцов и имел размеры 1,8×2 м, глубина 0,5 м. Поверху сруб

был перекрыт накатом из десяти бревен. В южной части перекрытия отмечены следы золы и угля. Два бревна были перенесены, о чем свидетельствуют поперечные пазы с вставленными в них деревянными шипами. Пространство между стенками сруба и могильной ямы заполнено камнями. Пол камеры выстлан деревянными жердями диаметром 8—10 см.

Вдоль северо-западной стенки сруба на деревянных жердях пола лежало два костяка в скорченном положении, головами на северо-восток. У изголовья погребенного I, в северном углу стояла деревянная чашка. В противоположном, юго-западном, углу находился глиняный сосуд с обломанной ручкой. В головах костяков перпендикулярно им лежал деревянный клин диаметром 10 см, затесанный с обеих сторон. Длина клина 60 см.

Около локтя правой руки погребенного I найдены две бронзовые пряжки с остатками кожаного ремешка, прошитого сыромятным ремнем. Обе пряжки имеют неподвижные язычки.

Могила 33 (деревянный сруб). Расположена в 13 м на юго-запад от могилы 32. Она является самой западной в группе могил, находившихся возле эстакады¹. Могильная яма и сруб были перекрыты накатом из бревен диаметром 20—35 см. Сохранилось восемь бревен наката. Снаружи сруб укреплен забутовкой из камней. Сруб состоял из трех венцов, размеры его 2,4×2,5 м. Ориентировка сруба обычная в этом могильнике — углами по сторонам света. Пол камеры выстлан лиственничными жердями, которые положены в направлении с востока на запад.

Все погребенные (их девять) находились в северо-западной части могилы.

Погребение I. Скелет ребенка 2—3 месячного возраста лежал в юго-западном углу камеры. Находок при нем не обнаружено.

Погребение II. Мужчина возмужалого возраста лежал около юго-западной стенки, на правом боку, но череп обращен лицевой частью вверх, кости ног согнуты в коленях. Возможно, первоначально погребенный лежал на спине с согнутыми ногами. Около его головы стояли два глиняных сосуда, на тазовой кости найдены две бронзовые пряжки. Несколько выше черепа, около височной кости лежало бронзовое зеркало с прорезной ажурной петелькой. Череп пробит в лобной части дважды. Одно из повреждений сделано кинжалом, который оставил след ромбовидной формы (длина отверстия 1,6 см), второй удар нанесен тупым предметом, скорее всего чеканом, судя по форме и величине отверстия.

Погребение III. Мужское, находилось рядом с погребением II, только немного севернее. Костяк лежал на правом боку, с ногами, согнутыми в коленях, череп повернут лицевой частью к югу.

Это погребение очень богато находками. Около пояса обнаружена костяная пронизка с кольцеобразными нарезками. Перед грудью лежал бронзовый клевец с деревянной рукоятью, длина которой равна 60 см. В области тазовых костей найдено бронзовое зеркало, а под коленями — железный кинжал с кольцевым навершием. Около стопы покойного лежали один бронзовый и четыре костяных наконечника стрелы. Из мелких находок назовем бронзовое шило с грибовидной шляпкой, бронзовые полшарные пуговицы, костяные полые трубочки с отверстиями, возможно, это обломки одной длинной трубочки неизвестного назначения. Здесь же лежал бронзовый кинжал с остатками ножен и железный предмет плохой сохранности. Среди украшений обращает на себя внимание пастовая имитация раковины каури, а из орудий интересен бронзовый крючок с навершием в виде головы хищника с осклизшей зубастой пастью.

В этом же погребении обнаружена длинная деревянная палочка со сквозными отверстиями, деревянная чашка, в которой лежала бронзовая пряжка, а также изящной формы резной деревянный кубок на поддоне.

Восточная часть сруба и юго-восточный угол не заполнены погребениями. Там оставлено место для жертвоприношений. В юго-восточной части сруба стоял бронзовый котел с костями жертвенного животного (барана) внутри, а рядом и под ним прослежено зольное пятно — след костра.

Погребение IV. Мужское, расположено рядом с погребением III. Костяк лежал на правом боку, с согнутыми ногами, головой на запад. Под левой берцовой костью находился железный кинжал с овальным уплощенным навершием, продольным вырезом вдоль рукоятки и широким овальным пере-

крестием. У шейных позвонков найдены две синие бусины, несколько настоящих и несколько бусин из кедровых орешков. Этому погребенному принадлежал, видимо, и лук, от которого сохранилась лишь деревянная основа с поперечными вставками-колышками. Рядом с луком обнаружены остатки предмета, покрытого красным лаком. Найдены также бронзовые пуговицы, железные пряжки.

Погребение V. Мужское, находилось ближе к северному углу камеры. Погребенный лежал на правом боку, с ногами, согнутыми в коленях. Череп пробит в двух местах — явное свидетельство насильственной смерти. Ниже тазовых костей найдено семь бронзовых и костяных стрел, в районе пояса — бронзовая пряжка и бронзовый нож с навершием в виде кольца. На ноже сохранились кусочки кожи и ткань крупного плетения от футляра. Там же лежал железный, плохо сохранившийся предмет, очевидно, нож. У изголовья погребенного стояло деревянное блюдо.

Погребение VI. Мужчина возмужалого возраста. Погребение неполное, обнаружен только череп с отверстиями — следами насильственной смерти. На лобной кости видны два симметрично расположенных круглых отверстия. Сквозное отверстие обнаружено на височной кости, а на правой теменной — круглое отверстие, оставленное скорее всего чеканом. Всего на черепе обнаружено пять следов ударов, которые были нанесены, по мнению Н. Н. Мамоновой, одним и тем же оружием. У черепа стоял сосуд, найдены также бронзовые нож, бляшка и пряжка на тазовой кости.

Погребение VII. Ребенок 1,5—2-летнего возраста, лежал в скорченном положении, на правом боку. У головы стояла деревянная чашка, под костяком обнаружены бронзовые и костяные стрелы с древками длиной до 50 см. Найден непонятный бронзовый инструмент, насаженный на круглую палку длиной более 60 см и диаметром 2 см.

Погребение VIII. Захоронен только череп (без нижней челюсти) мужчины зрелого возраста. Он лежал в западном углу могилы на большом плоском камне, выше остальных погребений. В затылочной части черепа было отверстие, в которое вставлена палка или кол. Кроме большого отверстия отмечено много других на лобной кости, на теменной, сквозная трещина на лицевой части черепа.

Рядом с черепом стоял глиняный сосуд, три деревянных сосуда, лежали бараньи кости и бронзовое медалевидное зеркало.

Погребение IX. Женское, совершено вдоль северо-западной стенки, головой на юго-запад. Под кистью левой руки найдено бронзовое четырехгранное шило с костяной рукоятью, сделанной из фаланги ноги барана, и две деревянные бляхи, напоминающие костяные, с отверстиями. Рядом лежал оселок из плотного мелкозернистого камня розоватого цвета. Здесь же найдены мелкий бисер и стеклянные синие бусы. Около пояса — обломки железного предмета неизвестного назначения.

Уникальная находка сделана в щели пола, отсюда извлечена бронзовая фигурка дикой козы.

В юго-восточной части сруба, ближе к углу лежали черепа баранов. Видимо, именно это место могилы предназначено для жертвоприношений и потому, как правило, оно свободно от погребений.

Могила 34 (деревянный сруб). Она почти полностью срыта бульдозером. Сохранилась лишь нижняя часть сруба в один венец. Размеры его 2,5×2,7 м. Углы могилы ориентированы по сторонам света. Сруб рублен так же, как остальные, «в обло».

Внутри камеры дно было выстлано плоскими камнями, на которых лежало четыре костяка.

Погребение I. Женское, в южном углу сруба. Погребенная лежала на правом боку, в скорченном положении, с согнутыми в коленях ногами, головой на северо-запад. Находок нет.

Погребение II. Тоже женское, сохранилось не полностью. Погребенная лежала на левом боку, в скорченном положении, головой ориентирована на северо-запад. Находок нет.

Погребение III. Мужское, на левом боку, головой на северо-восток. Около ног найден бронзовый нож, деревянные древки стрел.

Погребение IV Женское, плохой сохранности, находилось в северном углу

камеры, ориентировано головой на север, труположение скорченное. В северном углу у головы покойницы лежали мелкие фрагменты разбитого сосуда и остатки двух железных предметов: ножа и шила (или гвоздя).

Могила 35 (деревянный сруб). Находилась в 30 м на северо-запад от могилы 31. Деревянный сруб ориентирован углами по сторонам света и перекрыт бревенчатым накатом из 11 бревен диаметром 15—25 см. Между северо-западной стенкой сруба и могильной ямой (которая была значительно больших размеров, чем сруб) положено множество крупных камней. Южная часть сруба, там, где был провал перекрытия, также забита крупными камнями. Размеры сруба 2,2×2,2 м, глубина 60 см. Пол выстлан жердями диаметром около 10 см, положенными с северо-запада на юго-восток.

При окончательной зачистке пола обнаружено два костяка, лежавших вдоль стенок: юго-западной и северо-восточной.

Погребение I. Женское, в юго-западной части камеры. Погребенная лежала в скорченном положении, с ногами, согнутыми в коленях, на левом боку, головой на северо-запад. У головы стоял керамический сосуд, деревянная чаша прямоугольной формы со следами красной краски на внешней поверхности и блюдо овальной формы. Размеры блюда 23×20 см и высота 4 см. Толщина боковых стенок 8—10 мм, дно толще — до 2—4 см. Блюдо очень плотной структуры и сделано, видимо, из прикорневой части дерева. Рядом найдены кости барана, а под черепом отмечено скопление золы и угля. Около стенки сруба найдены позвонки и трубчатые кости барана.

Около пояса погребенной обнаружена орнаментированная круглая бронзовая пряжка, на которой сохранились остатки черных волос. Здесь же было четырехгранное шило с костяной рукояткой из фаланги ноги барана. Под тазовыми костями найдено скопление пастовых (29), стеклянных (6) и глазчатых бус, подвески из зубов марала (7) и сурка (11), две раковины каури. Всего 55 украшений.

Погребение II. Мужское, находилось в северо-восточном углу камеры. Погребенный лежал в скорченном положении, на правом боку, головой на северо-запад. Голова первоначально лежала на каменной «подушке». В настоящее время череп скатился с камня. Под тазовой костью найдена бронзовая пряжка и остатки кожаной сумки.

Могила 36 (деревянный сруб). Находилась в 11 м к юго-западу от могилы 35. Сруб был перекрыт накатом из 12 бревен, диаметр их от 15 до 30 см. Концы перекрытия выходили за контуры сруба на 30—40 см. Размеры сруба по полу 2,4×2,4 м и глубина 80 см. Сруб сооружен из толстых бревен, уложенных в два венца. Бревна, как и во всех других срубах, отесаны и сложены «в обло». Сруб ориентирован углами по сторонам света. Его пол устлан плоскими каменными плитами.

Три взрослых костяка и один детский занимали северо-западную и западную часть камеры. В восточном углу могилы лежали ребра, позвонки и другие кости барана.

Погребение I. Детское, располагалось в западном углу камеры, сильно разрушено. У головы найдены два глиняных сосуда, обломок деревянного сосуда, деревянная чаша с ручкой, костяная черешковая стрела с остатками деревянного древка и фрагменты лука. У ног найдена костяная стрела с насадом.

Погребение II. Мужское, лежало в западном углу, на левом боку, в сильно скорченном положении, крестцом вверх. На левой височной кости черепа найдена серебряная пластина с орнаментом. Под правой бедренной костью обнаружены железный кинжал в кожаных ножнах и железный нож.

Погребение III. Мужское, находится на 20 см выше остальных. Погребенный лежал на левом боку, в скорченном положении, головой на северо-запад. Под голову подложена каменная «подушка». В области пояса обнаружен бронзовый крючок с остатками кожаного ремешка. На тазовых костях найдена бронзовая пряжка с кусочками ткани и кожи. На левой бедренной кости — кожаный кнест с бронзовым зеркалом внутри, а рядом — круглая бронзовая пряжка. Ниже, под левой бедренной костью, обнаружен бронзовый нож в деревянном футляре. В ногах и возле тазовых костей — бронзовый чекан с деревянной рукояткой, лежавшей вдоль костей ног. Длина рукоятки чекана 60 см, диаметр

2 см. Около костей стопы правой ноги лежали два бронзовых наконечника стрелы с остатками древка и жильных ниток.

Погребение IV. Женское, располагалось вдоль северо-восточной стенки сруба. Погребенная лежала в сильно скорченном положении, с согнутыми в коленях ногами, на левом боку. У головы стояли два глиняных кувшина с узким горлом. Под локтевой костью найдены бусы: одна глазчатая, три синие керамические, четыре голубые и одна зеленая, два зуба марала с отверстиями для подвешивания. Здесь же обнаружены кусочки красного лака.

Могила 37 (деревянный сруб). Находилась в 8 м к северо-востоку от могилы 32. Покрытие состояло из 10 крупных бревен (диаметр 20—30 см). Сруб ориентирован углами строго по сторонам света. Бревна стесаны, что особенно хорошо видно внутри погребальной камеры. Размеры ее по верху 2×2 м, в нижней части 2,2×2,2 м. Стенки сруба сооружены из трех венцов. Глубина сруба—50 см. Настил из лиственничных жердей диаметром 6—8 см образует пол. Костяки лежали только в северной и западной частях камеры. У юго-восточной стены сруба обнаружены лопатка и альчик барана.

Погребение I. Женское, в скорченном положении, головой на северо-восток. Погребенная лежала на животе. В области таза найдены бронзовое шило, подвеска из клыка сурка и зуб овцы или козы.

Погребение II. Костяк принадлежал старому мужчине. Он лежал рядом с погребенной I в скорченном положении, на правом боку. Единственная находка—каменный предмет, по форме и размерам похожий на куриное яйцо.

Погребение III. Частичное захоронение мужчины зрелого возраста. Между костяками I и II лежал череп человека и большие берцовые кости без эпифизов, частично сломанные. На черепе несколько отверстий, видимо, следы насильственной смерти. На левой половине черепа обнаружен большой пролом височной, теменной и клиновидной костей. Ранение нанесено тупым предметом. Находок нет.

Погребение IV. Мужское, располагалось вдоль северо-восточной стенки камеры. Погребенный лежал в скорченном положении, на правом боку, головой на северо-запад. У головы стояли два глиняных узкогорлых сосуда. Большая же часть находок обнаружена около пояса и в ногах: бронзовый кинжал карасукского типа находился у правой бедренной кости, рядом был бронзовый крючок и железный предмет (скорее всего клевец). У пояса найдены также несколько поясных бронзовых пряжек, в том числе бронзовая бляха, украшенная по кругу четырьмя птичьими (возможно, совиными) головами. Там же лежала небольших размеров бронзовая обойма с изображением протомы кабана.

Курганы 38 и 39. Курганы располагались значительно севернее всего могильника. По территориальному их положению и по погребальному обряду они относятся к другой хронологической эпохе и не связаны с описываемым некрополем.

Курган 38 находится в 90 м к северу от могилы 31. Насыпь кургана имела диаметр 8 м, состояла из обломков камня размерами от 1 до 2 м. Высота насыпи около 1 м. Под насыпью обнаружено два неполных костяка, лежавших один над другим, в вытянутом положении, головами на северо-запад. Сохранился только один череп, он имеет явные черты монголоидности. Находок нет, поэтому невозможно установить дату погребений.

Курган 39 имел насыпь в виде плоской прямоугольной выкладки, ориентированной длинной осью с севера на юг. Размеры выкладки 4,5×4,5 м. Под насыпью в центре ее обнаружен каменный ящик из вертикально поставленных плит высотой до 1 м. Размеры ящика 1,8×0,8×0,5 м. Его дно также выстлано каменными плитами. В ящике найден один костяк, сохранившийся не полностью, нет черепа, осталась только нижняя челюсть. Погребенный лежал вытянувшись на спине, головой на восток или юго-восток. Находок нет. Дату погребения установить не удается.

Могила 40. Это квадратная ограда со стоящим в центре камнем. Оградка сооружена из небольших каменных плиток, поставленных на ребро. Размеры 1,75×2,15 м, ориентирована оградка углами по сторонам света. Высота каменной стены 1,55 м. При раскопках никаких предметов и следов могильной ямы не обнаружено.

Могила 41 (деревянный сруб). Располагалась в 17 м к юго-востоку от

могилы 35. Перекрытие сруба находилось на глубине 1 м от уровня современной поверхности. Южная часть перекрытия разрушена. Сруб составлен из трех венцов, ориентирован углами по сторонам света, размеры его 2,4×2,4 м. Глубина 80 см. Пол камеры выстлан каменными плитами. Обнаружено девять костяков, из них два детских. Кости нередко сдвинуты с первоначального места погребения и потому нарушен их анатомический порядок. Сохранившиеся скелеты в погребениях II, III и VIII лежали в скорченном положении, на правом боку, головами на северо-запад. При первых шести костяках вещей не было.

Погребение VII. У черепа стоял глиняный горшок.

Погребение VIII. В завале костей найдена бронзовая полушарная бляшка.

Могила 42 (каменный ящик). Могила разрушена бульдозером. Она находилась между могилами 35 и 41. Контуры овальной могильной ямы выявлены и можно определить ее размеры: 1,2×1,8 м при глубине ямы 60—70 см. По сохранившимся костям можно предположить, что погребенный лежал на правом боку, в скорченном положении, головой на северо-восток.

Единственная находка обнаружена около пояса погребенного. Это — прямоугольная костяная пластина с тремя рядами сквозных отверстий.

Могила 43 (деревянный сруб). Находилась в 9 м западнее могилы 41. Перекрытие состояло из 10 крупных бревен диаметром 30—40 см. Средняя часть перекрытия обвалилась и находилась на 60 см ниже, чем концы бревен. Сруб сделан в четыре венца, размеры его 2,4×2,6 м, толщина бревен 20—30 см. Бревна сруба положены с наклоном внутрь, так что погребальная камера по верху значительно меньше, чем в основании, а все сооружение похоже на усеченную пирамиду. Ее высота 90 см.

Пол могилы выстлан плоскими плитами камня, хорошо пригнанными друг к другу. При зачистке пола на некоторых камнях отмечены скопления угля, видны следы копоти и угля. В северо-западной части камеры находилось два костяка.

Между костяками, около северо-западной стенки сруба стоял глиняный сосуд с узким горлом. Западнее его обнаружены остатки деревянного блюда.

В юго-восточной части камеры лежали кости барана.

Погребение I. Мужчина зрелого возраста лежал на левом боку, в скорченном положении, головой на северо-запад, руки вытянуты вперед и находятся перед лицом. Под голову положен крупный круглый камень. К моменту расколоса череп с камня скатился и лежал лицевой частью вниз. В правой височной части черепа обнаружено шестиугольное отверстие, на середине лба отмечено еще одно сквозное отверстие неправильной формы.

У пояса лежали два костяных наконечника стрел и один бронзовый наконечник с остатками древка и жилок крепления. Там же находилась железная прямоугольная пряжка. Спереди, на тазовой кости найдена бронзовая пряжка с остатками ремня, рядом кусочек красного лака. Между бедренными костями лежало бронзовое зеркало с остатками футляра из кожи и шерстяной ткани черного цвета.

Возле левой бедренной кости найден бронзовый кинжал с пластинчатым перекрестием и грибовидным навершием. Возле правой бедренной кости — костяная застегка. При окончательной зачистке во время разборки костяка под левой голенью обнаружен железный нож и чекан с деревянной рукояткой. Под кистью правой руки найден железный крючок.

Погребение II. Сохранилось плохо, так как было придавлено сверху бревнами. Череп разрушен, кости позвоночника утратили анатомический порядок. Возле позвонков лежала костяная биконическая пронизка.

Могила 44 (дощатый гроб). Она самая западная в группе могил эпохи сунну. Внешне представляла собой плоскую кольцеобразную выкладку диаметром 5 м. Ширина кольца около 1 м. На глубине 1,4 м зачищена каменная обкладка могильной ямы, ориентированной с севера на юг, глубина могильной ямы — 2 м. В каменном ящике, сооруженном на дне могильной ямы, был установлен дощатый гроб, сколоченный из хорошо оструганных досок толщиной 5 см. Крышка гроба сделана из трех более тонких досок, шириной 15—20 см, толщиной 2 см. Размеры гроба: 1,8×0,5 м.

В гробу находился костяк мужчины, положенного на спину с вытянутыми руками и ногами, головой на север.

Около фаланг ног лежали костяные накладки лука, на пяточной кости — железный нож. Срединные накладки лука лежали у бедра. Около тазовой кости найден еще один железный нож в деревянных ножнах. На плечевых костях находилась вторая концевая накладка лука. Железная пряжка и две костяные пластины обнаружены в области таза.

Весь набор инвентаря и погребальный обряд позволяют датировать могилу эпохой скинну.

Могила 45 (каменный ящик). Расположена в 16 м к юго-востоку от могилы 31. Стенки каменного ящика разрушены бульдозером. Дно могилы выстлано плоскими каменными плитами. На глубине 1 м друг на друге лежали два костяка. Нижний — мужской, верхний — женский. Погребенные положены на правом боку, в скорченном положении, головами на северо-запад.

В области тазовых костей женского костяка обнаружена бронзовая пряжка.

Могила 46 (деревянный сруб). Находилась в 10 м к юго-востоку от могилы 45. Перекрытие состояло из бревен толщиной 25—30 см. Центральная часть сруба, сделанная в четыре венца, обрушилась и лежала на полу камеры. Сруб ориентирован углами по сторонам света. В северном углу на перекрытии было большое скопление камней. Глубина сруба 60 см. Дно выстлано жердями. При зачистке пола обнаружено пять костяков, расположенных в северо-западной части могилы. Несмотря на плохую сохранность костей, можно установить, что все погребенные находились в скорченном положении и были ориентированы головами на запад и северо-запад.

В юго-восточной части сруба, на полу отчетливо прослеживалось круглое зольное пятно толщиной 5—7 см. В южном углу лежали зубы лошади, в восточном углу стояли два высокогорных сосуда.

Погребение I. Женское. Погребенная лежала на правом боку, в скорченном положении. У пояса найдено бронзовое шило.

Погребение II. Мужское, находилось в западном углу камеры, в скорченном положении, на правом боку, головой на запад.

Под бедренной костью обнаружены железный нож и остатки деревянных ножен. Рядом лежала бронзовая бляшка. В области ребер найден бронзовый трехлопастной наконечник стрелы. Под позвонками обнаружены бронзовая бляха с остатками кожаного ремня в центральном отверстии и бронзовый нож. Перед бедренными костями погребенного лежал прямоугольный кусок бересты, очевидно, остатки колчана.

Погребение III. Погребенный — ребенок 12—13 лет, лежал в скорченном положении, на левом боку, головой на северо-запад. У шейных позвонков найдены стеклянные бусы: две зеленые, две глазчатые, а также пять пастовых бус и одна бронзовая. С правой стороны черепа лежала серьга из медной проволоки. Вторая серьга не сохранилась. Она находилась с левой стороны черепа, о чем свидетельствуют следы медных окислов на нем.

Погребение IV. Женское, находилось в ногах погребенного III. У ног костяка стояли два сосуда и лежали два ножа. Кроме того, найдены сломанная бронзовая пряжка, массивное бронзовое кольцо и глазчатая бусина.

Погребение V. Мужское, сохранилось частично. Погребенный лежал на левом боку, головой на северо-запад. Находи: бронзовая бляшка, покрытая тонким выгравированным рисунком и бронзовая обойма; у ног найдены бронзовый крючок, миниатюрный бронзовый кинжал с кольцевым навершием и продольным желобком на рукояти, бронзовый чекан с обломком рукоятки, в ногах находился глиняный узкогорлый сосуд.

Могила 47 (деревянный сруб). Находилась в 8 м к юго-западу от могилы 46. Бревенчатый сруб, ориентированный углами по сторонам света, перекрыт накатом из 10 бревен. Высота сруба 90 см — 1 м 10 см. В наиболее высокой, юго-восточной части стенка сложена из пяти бревен и в них прорезано квадратное отверстие размером 50×45 см. Оно снаружи заложено крупной каменной плитой.

Дно сруба (2,8×2,8 м) выстлано деревянными жердями. При разборке заполнения сруба на разных уровнях встречены разбросанные кости человека. Анатомический порядок сохранил лишь костяк, лежавший вдоль северо-восточной

стенки. Анализ костей позволил установить, что в срубе было захоронено девять человек.

В южном углу камеры лежало пять черепов овец, а вдоль юго-восточной стенки, ближе к углу стояли два узкогорлых сосуда. Один из них расписан повторяющимися спиральными завитками. Рисунок нанесен черной краской по плечку сосуда.

Рядом с сосудами найден бронзовый нож с остатками кожного футляра.

Погребение I. Располагалось у юго-западной стенки. Сохранились лишь отдельные кости. Находки: две глазчатые бусины, пять черепов барана, а вдоль юго-западной стенки сруба — четыре высоких сосуда с узким горлом и одна деревянная миска.

Погребение II. Женское, полностью разрушено. Находки: раковина каури, бронзовая привеска, бронзовое височное кольцо.

Погребения III и IV. Мужские кости перемешаны. Погребенные находились в центре погребальной камеры. При разборке костяков найдены: железный предмет, раковина каури. У юго-восточной стенки сруба стояли два глиняных сосуда с костями барана внутри них. Череп из погребения IV имеет несколько следов ударов чеканом, кинжалом и наконечником стрел, что свидетельствует о насильственной смерти.

Погребение V (женское) и VI (детское). В настоящее время их трудно разделить. Во всяком случае, их инвентарь не расчленим. Находки: бронзовое кольцо, бронзовая овальная бляха с выгравированным рисунком, рог быка, бронзовая бляха в виде фигуры копытного, железный клевец, деревянная палочка в золотой обкладке и керамическая бусина.

Погребение VII. Мужское, погребенный лежал в скорченном положении, головой на северо-запад. Под коленным суставом — бронзовое зеркало с выгравированным на нем в типично пазырыкской манере горным бараном: у него вывернутый круп и задняя нога, что позволило художнику развернуть фигуру по кругу зеркала. К данному погребению относится, видимо, и бронзовая бляшка с изображением головы грифона.

Погребение VIII. Очень мелкие кости, видимо, только что родившегося ребенка.

Погребение IX. Мужское, находилось у северо-восточной стенки сруба. Рядом были кости собаки, барана и костяные наконечники стрел.

Могила 48 (деревянный сруб). Расположена в 7 м восточнее могилы 32 и в 10 м к юго-западу от могилы 47. Сруб разрушен, был ориентирован углами по сторонам света. Перекрытые из бревен имели размеры 2,6×2,4 м. В юго-восточной стенке сруба, так же как и в могиле 47, прорублено квадратное отверстие размером 50×50 см, которое было закрыто большой каменной плитой. Пол настил из деревянных жердей. Погребения сильно разрушены, кости лежат в беспорядке и на разном уровне. В выбросе из могилы встречены кости человека и фрагменты керамики. Антропологи насчитали семь погребенных, среди них двое мужчин, две женщины и три ребенка. Находки: костяная пронизка, бронзовая пряжка, обломки глиняной посуды, кости барана.

Могила 49 (каменный ящик). Находилась в 7 м к северо-западу от могилы 35. В могильной яме на глубине 1 м от поверхности установлен каменный ящик, сделанный из крупных каменных плит, он частично разрушен. Его размеры: 1,1×0,5 м и глубина 50 см. Погребенный лежал на вымостке из каменных плит, на правом боку, в скорченном положении, был ориентирован головой на северо-запад. Под его головой была каменная «подушка». Находок не обнаружено.

Могила 50 (дощатый гроб). Располагалась в 50—60 м южнее основного могильника и была обозначена на поверхности земли кольцеобразной каменной выкладкой диаметром 4 м. Могильная яма была глубиной более 2 м. По основанию дна могильная яма выложена вертикально поставленными плоскими каменными плитами. Могила ограблена. Сохранились только остатки дощатого гроба, который имел трапециевидную форму.

В заполнении могильной ямы обнаружены два черепа быка, четыре черепа барана, остатки одежды погребенного. Найдены деревянная палочка для еды, обломки деревянного предмета с резным растительным орнаментом и осколки костяной пронизки.

Могила 51 (дощатый гроб). Находилась в 15 м к северо-востоку от могилы 50. На поверхности земли обозначена кольцеобразной выкладкой из камней. В могильной яме на глубине 2 м, так же как и в предыдущей могиле, был поставлен дощатый гроб, ориентированный с севера на юг. В гробу найдены разрозненные кости скелета человека, череп барана, фрагменты крупного сосуда из серой глины, обкладки лука, костяная пронизка, железная стрела и железный нож.

Могила 52 (каменный ящик). Расположена в 5 м к северо-северо-востоку от могилы 32. Ящик ориентирован длинной осью на северо-северо-запад. Дно ящика выложено каменными плитами. Его размеры 90×60 см, глубина 1,1 м. Ни костей, ни находок не обнаружено.

Могила 53 (каменный ящик). Находилась в одном ряду с могилами 9, 11, раскопанными в 37 м северо-западнее могилы 34. Ящик был перекрыт пятью плоскими крупными камнями, едва видными на поверхности земли. Его стенки сооружены из плоских каменных плит, поставленных на ребро в два яруса. Ориентировка ящика с запада на восток. Его размеры: 90 см×1,5 м, глубина 1 м. Дно ящика устлано каменными плитами, на которых лежало два мужских костяка. Оба — на левом боку, в скорченном положении, головой на запад — северо-запад. Один череп европеоидный, другой — с отчетливо выраженными монголоидными чертами. Под головой у каждого погребенного лежала каменная «подушка», в изголовье стояло по узкогорлому сосуду.

Погребение I. У головы стояла деревянная чаша, у ног — пять костяных черешковых наконечников стрел. В области тазовой кости найдена бронзовая обойма с остатками ремешка и позвонки рыбы. Под позвонками лежали остатки деревянного лука, длина сохранившейся части равна 90 см, а вероятная его длина 1—1,1 м.

Погребение II. Аналогичное предыдущему по положению погребенного. Под локтевой костью лежал железный нож с остатками деревянной рукоятки. Под ребрами найдена бусина и раковина каури, в области груди, между костями рук, — остатки лука. На поясничных позвонках — бронзовая пряжка и остатки ремня. Между тазовыми костями погребенного II и коленными суставами костяка I лежала кожаная сумка больших размеров, а в ней кинжал и нож в ножнах. На ножнах кинжала с наружной стороны сделан специальный кармашек для маленького бронзового ножа. В той же сумке находились бронзовое медалевидное зеркало и маленький кожаный мешочек с остатками какого-то черного порошка. На зеркале процарапано изображение животного, возможно лошади.

Могила 54 (каменный ящик). Находилась рядом с могилой 53, частично разрушена. На вымостке из плоских каменных плиток обнаружен неполный костяк. Погребенный, судя по всему, был положен на правом боку, головой на северо-запад. Под головой была каменная «подушка». В области тазовых костей найдена бронзовая пряжка с неподвижным язычком, а под бедренной костью лежали остатки кожаной сумки и еще одна бронзовая пряжка. Около коленного сустава — костяная пронизка.

Могила 55 (каменный ящик). Находилась в 11 м к юго-западу от могилы 54. При строительных работах разрушена насыпь и задет костяк. Он лежал на правом боку в скорченном положении, головой на запад — северо-запад. Длина ящика около 1 м. Находок нет.

Могила 56 (каменный ящик). Находилась на 4 м южнее предыдущей. Стенки ящика разрушены. При зачистке дна обнаружена каменная вымостка из больших плоских камней. На ней лежал костяк человека на правом боку, в скорченном положении, головой на запад — северо-запад, под головой — каменная «подушка». Среди костей человека найдена тазовая кость барана. Других находок нет.

Глава 1

¹ Отряд работал под руководством Х. Шинэхуу и С. Г. Кляшторного, иногда автор данной монографии принимал участие в разведках, проводившихся совместно с Шинэхуу.

² Ныне памятник находится у входа в Институт истории Академии наук МНР в Улан-Баторе.

³ Фотография памятника приведена в кн. [820, с. 787].

⁴ Оленные камни — каменные стелы эпохи бронзы, все четыре стороны которых заполнены высеченными на них фигурами оленей (реже, других копытных животных). Встречаются также стелы без животных, на сторонах таких монументов высечены кинжалы или луки. Ниже о них будет сказано подробно.

⁵ Каменные «бабы» — каменные изваяния древнетюркского времени, распространенные на широкой территории Центральной Азии. Наиболее ранние (VIII—IX вв.) — это, как правило, изображения мужчин-воинов с оружием, показанным на поясе.

⁶ Керексуры — монгольское название курганов, насыпанных из камней (от монгольского «киргиз нуур» — «киргизское гнездо»). Керексуры встречаются в Западной Монголии, Туве.

⁷ Культура плиточных могил была распространена в эпоху бронзы на территории Восточной, Центральной и Южной Монголии.

⁸ В Дархане работал отряд в составе Ю. С. Гришина, Х. Пэрлээ, Н. Н. Мамоновой, Л. Намсарайнадана.

⁹ Скорее всего рисунок охрой существовал и на сосудах из других погребений, но не сохранился. Это важно учесть при дальнейших археологических работах.

¹⁰ В истории изучения сюннукских городищ особенно велики заслуги А. В. Давыдовой, посвятившей много лет исследованию забайкальских памятников.

Глава 2

¹ Тебеневки — зимние пастбища.

Глава 3

¹ Здесь дается лишь общий обзор памятников палеолита, ибо существует огромная литература, посвященная древнейшим периодам истории Монголии (см. [67, с. 22—23; 788, с. 26—27]).

² Чоплеры — крупные гальки с одним обработанным краем, чоплинги — гальки с тщательно оббитыми с двух сторон лезвиями [556, с. 75].

³ По берегам Баралгин-гола уже открыто несколько стоянок, часть которых относится к ашельскому времени, а часть — к мустьерскому.

⁴ Г. Б. Скворцов, ныне работающий на Чукотке в Эквигиноте, дал автору данной монографии все дополнительные пояснения по упомянутому памятнику. Часть материала содержится в статье В. Е. Ларичева и В. В. Волкова «Мустьерские и неолитические памятники Южной Гоби (Солонкер сомон, Сулат Хэрэ-обо)» [382]. Точное название местности, где сделаны открытия, не Сулат, а

Суланг. Исследователи дали датировку памятника, но, к сожалению, без публикации иллюстраций.

⁵ В литературе стоянка известна как местонахождение Баян-нур, о которой было рассказано на V Международном конгрессе монголоведов в Улан-Баторе в сентябре 1987 г. в докладе Р. С. Васильевского и В. Е. Ларичева «Местонахождение Баян-нур (27 км) и его место среди верхнепалеолитических культур Восточной и Северной Азии».

⁶ В 1960—1964 гг. пещера исследовалась специальной экспедицией Института археологии АН СССР под руководством О. Н. Бадера.

⁷ Возможно, что это мраморизованная известь.

⁸ Долгие годы вопрос о происхождении и одомашнивании верблюдов был предметом оживленных споров. По мнению М. Хильцгаймера, древнейшим видом на Земле были одnogорбые верблюды, а двугорбые выведены человеком из одnogорбых пород после одомашнивания их в Месопотамии. Изображение двугорбого дикого верблюда, равно как и находка геологами летом 1973 г. на юге Монголии его костей в слое раннечетвертичной эпохи, показывает, что эти животные обитали на территории Центральной Азии еще в древности. И хотя трудно с уверенностью датировать изображение верблюда в пещерных росписях Хойт-Цэнхэрийн-агуи, можно допустить, что он выполнен в стародавнем веке, не позднее эпохи мезолита, и не исключено, что и в верхнем палеолите, ибо не отличается существенно от остальных рисунков. И следовательно, рисунок этот является древнейшим в мире изображением дикого двугорбого верблюда.

⁹ Возможно, наиболее близко подошел к расшифровке этой стороны палеолитического мифа Э. Е. Фрадкин, анализируя полиэikonические композиции Костенок-I как сюжеты перевоплощения человека в зверя и зверей друг в друга [618, с. 24].

¹⁰ Еще одной отличительной чертой палеолитической живописи можно считать обилие изображений рогов, часто оленьих. В пещере Труа Фрер головной убор колдуна увенчан оленьими рогами. Культ оленя связан с культом Солнца.

¹¹ В Аршан-хаде представлены петроглифы всех эпох, от каменного века до современности: рисунки эпохи бронзы, раннего железного века, древнетюркские тамги и всадники. Современность представлена изображением Будды и тибетскими надписями.

¹² В горах Монголии и Тибета имеются сотни «обо» в честь духов гор. Они увенчаны рогами оленей, реже, баранов или черепами лошадей. Культ гор, как и культ оленя, — древнейший языческий культ Центральной Азии.

¹³ Я имею в виду дискуссию по моему докладу на конференции в Новосибирске «Соотношения древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий» (1975 г.) [820, с. 29].

¹⁴ Культура Баян-дзаг (Пылающие скалы) именуется также Шабарак-усу (а точнее, Шаврын-ус — Глиняный источник) по названию стоянки, открытой около колодца Шаврын-ус.

¹⁵ Верхний слой этой дюнной стоянки Н. К. Нельсон датировал эпохой неолита, ссылаясь на обилие в нем фрагментов керамики. Но мы относим этот слой к энеолитическому времени и поэтому рассматриваем этот материал в следующей главе.

¹⁶ А. П. Окладников отмечает, что расписная керамика Гоби относится к культурам, находящимся на границе позднего неолита и начала энеолита.

¹⁷ Нам известны лишь краткие упоминания о них в статьях А. П. Окладникова и Д. Доржа.

¹⁸ На наш взгляд, памятники этого типа точнее датировать IV тысячелетием до н. э., ибо они аналогичны серовской культуре Прибайкалья.

¹⁹ По конструкции жилище во многом аналогично неолитическим полужемлянкам Приамурья [245].

²⁰ Исследователи сравнивают нуклеусы, вкладные лезвия, комбинированные орудия, тесловидно-скребловидные инструменты, с аналогичными находками в Забайкалье и Приамурье, прежде всего с материалами громатухинской стоянки: «По-видимому, появление этих изделий в Восточной Монголии связано с прямой инфильтрацией племен из Приамурья на равнины Центральной Азии» (см. [500, с. 171]).

²¹ В настоящее время намечается тенденция на удревление прибайкальского и забайкальского неолита. Памятники же Монголии по многим аналогам проверяются и датируются на основании четко разработанной хронологии более северных районов. Кроме того, дата третьего этапа — III тысячелетие до н. э. — соответствует общей хронологии памятников восточного региона Монголии.

²² Окуневские изображения — многочисленные рисунки, открытые на плитах погребений энеолитической окуневской культуры Южной Сибири, а также их аналоги [80].

Глава 4

¹ Работы продолжаются и в настоящее время отрядом советско-монгольской историко-культурной экспедиции.

² Косвенными свидетельствами наличия металла у энеолитических племен Монголии, как и Забайкалья, являются находки на Будуланской стоянке каменных шлифовальных плиток с весьма характерной заточенностью краев. Исследователи предполагают, что на этих плитках затачивались металлургические ножи. Предположения о наличии металла у энеолитического племени позднее подтвердились находкой медной привески на той же стоянке [166, с. 27; 168].

³ Рудник использовался до революции 1921 г. Здесь добывали малахит и лазурит лами из буддийского монастыря, находившегося в 40 км от Цагаан-сабургана, и готовили минеральные краски для картин.

⁴ Информацию о них мы получили от работающего в МНР геолога В. И. Гольденберга.

⁵ Сосуд хранится в археологической лаборатории Института истории АН МНР.

⁶ Хранится в Кобдоском краеведческом музее.

⁷ Первые сведения об этом памятнике мне сообщили Е. В. Девяткин, Н. С. Зайцев и П. В. Коваль. Последний сделал первые зарисовки и копии чулуутских рисунков.

⁸ В 1977—1979 гг. нами обследовано 10 местонахождений, пронумерованных в порядке их открытия и исследования.

⁹ Аналогичная традиция прослеживается и в энеолите других азиатских территорий. Так, в Анатолии роженцы связаны с миром рогатых предков, а следовательно, и с рогатыми животными, их олицетворяющими [23, с. 107—108].

¹⁰ Тотемизм не превращался в пережиток, а становился частью новой системы представлений, ибо в обществе сохраняются социальные группы, следующие старой традиции. Е. В. Антонова проиллюстрировала это на примере земледельческих обществ, где долгое время сохранялись культы диких животных: «Антропоморфные существа могли символически связываться с животными, превращаться в них, но этой процедуре сближения должно было предшествовать мысленное разделение, осознание разности людей и животных» [24, с. 69].

¹¹ Эта же идея дошла до настоящего времени в образе японской куклы и русской куклы-матрешки — многократно повторенной матери.

¹² Аналоги трехпалых фигур с раскинутыми руками известны очень широко. Самые территориально отдаленные аналоги найдены на петроглифах Альва Сайта в долине между реками Колорадо и Долорес в Америке (см. [861, рис. 563]).

¹³ И снова напрашиваются сравнения с миром земледельцев той же эпохи: «Изображение бракосочетания богини с быкоподобным существом... связано с представлением о благой силе брака богини в антропоморфном образе и бога (?) в образе животного» [24, с. 69].

¹⁴ Интересно вспомнить, что и росписи на глиняных статуэтках энеолитического времени (например, из Геоксюрского оазиса) имеют весьма сходные многоступенчатые фигуры из «шевროнов» [628, с. 160, рис. 55].

¹⁵ Подобный сосуд хранится в Париже в музее Чернушки.

¹ Это название произошло от названия памятника эпохи бронзы, раскопанного впервые С. А. Теплоуховым на берегу р. Карасук у с. Батени в Южной Сибири.

² См. подробнее [467; 477].

³ См. [739, с. 210; 477]. Мы не даем подробный анализ всей литературы на эту тему. Основные материалы по этой эпохе упоминаются нами в процессе изложения центральноазиатского материала.

⁴ Эта теория происхождения карасукской культуры похожа на теории представителей школы «культурных кругов». Ее основатель Ф. Гребнер (1877—1934) считал, что элемент культуры появляется лишь один раз, в каком-то одном месте, и что вещи этих «кругов» не развиваются, а лишь взаимодействуют с другими в определенном географическом пространстве. Другой представитель этой школы, Р. Хейне-Гельдерн, анализируя некоторые сходные формы бронзовых предметов скифского времени, делает вывод о продвижении фракийцев или германцев из Европы в Китай. В отличие от Р. Хейне-Гельдерна Н. Л. Членова считает, что переднеазиатские племена, вооруженные луристанскими кинжалами и ножами, проделали такой же сложный путь через пустыни и снежные перевалы, но в карасукское время. Этому мнению придерживаются также Э. Герцфельд и М. Лоер [807].

⁵ В своей монографии «Аграрные отношения и община в древнем Китае» Л. С. Васильев пишет, что археология все более подтверждает решающую роль автохтонных прокитайских культур и отсутствие каких-либо указаний на контакт с культурами Запада [102]. Нами рассматривается лишь одна сторона взглядов автора — это точка зрения на происхождение карасукской культуры. Подробный анализ материалов по иньской культуре см. в статье М. В. Крюкова «У истоков древних культур Восточной Азии» [345, 1964, № 6].

⁶ Подробнее об этом методе см. [477].

⁷ Мы ссылаемся на уже опубликованные схемы, таблицы взаимовстречаемости и взаимоисключаемости элементов, см. [477].

Глава 6

¹ Этот тезис — один из главных доводов сторонников моноцентрического происхождения колесницы. В настоящее время, вслед за Г. Чайлдом, большинство исследователей считают, что все колесницы Евразии и Африки имеют единый центр происхождения.

² Досадное, на мой взгляд, исключение представляет собой точка зрения монгольского археолога Д. Цэвэндоржа, который пишет, что колесницы в Центральной Азии (значит, и в Монголии) существовали одновременно с верховой ездой на лошадях [692, с. 95]. Из этого заключения следует, что период применения колесниц автоматически относится к скифскому времени, с чем мы согласиться не можем.

³ Со временем камень, а также рисунок на нем покрываются темным цветом патины — загара, и чем древнее рисунок, тем темнее загар.

⁴ Впервые петроглифы Тэвш-уула опубликовал руководитель американской экспедиции Эндрус [706].

⁵ В 1987 г. П. М. Кожин уже писал о том, что на рисунке изображены две разные колесницы, а фигуру, принятую А. П. Окладниковым за штандарт и названную Э. А. Новгородовой возницей, П. М. Кожин считает сломанным дышлом от меньшей колесницы. «Это дышло украшено наверху, напоминающим голову козла» [332, с. 114]. Новая версия П. М. Кожина не кажется мне убедительной, ибо фертообразных фигур подобного же типа, изображающих возничих, ныне известно уже немало, а дышла, украшенного головой козла, пока неизвестно, тем более сломанного.

⁶ В Монголии эти колесницы обычно показаны без лошадей, в Киргизии в Саймалы-Таше этим повозкам сопутствуют изображения космических знаков, солнцеголовых пляшущих человечков.

⁷ М. Э. Литтауэр имеет в виду статью Э. А. Новгородовой «Древнейшие изображения колесниц в горах Монголии» [456, 1978, № 4].

⁸ Нам пока неизвестно изображений колесниц, сделанных не в эпоху бронзы, а в другие периоды. Единственное изображение на оленнем камне из Дарви сомона тоже относится к бронзовому веку, а профильные экипажи эпохи сюнну из Яманы-уса не могут быть названы колесницами.

⁹ Расстояния между каждыми двумя скоплениями наскальных рисунков равны чаще всего многим сотням километров и уж никак не измеряются отрезками, равными дневному переходу.

¹⁰ На наш взгляд, абсолютно неправдоподобно.

¹¹ П. М. Кожин не прав уже в исходной посылке, что «больших сцен, изображающих охоту или военные действия с применением колесниц, крайне мало» [332, с. 121]. Новые находки в Монголии, Казахстане и на Алтае позволяют не согласиться с этой точкой зрения и привести конкретные факты, опровергающие ее. Нельзя, однако, не упомянуть о том, что, по мнению Д. Цэвээндоржа, колесницы в Монголии применялись лишь в качестве средств передвижения мирного населения [692, с. 95]. Правда, убедительных доводов, подтверждающих эту точку зрения, автор не приводит.

¹² Следы ударов топором мы проследили на черепаха Улангомского могильника, относящегося к следующей эпохе.

¹³ К сожалению, Т. И. Кашина неудачно сравнивает рисунки Ланшаня с петроглифами пещеры Хойт-Цэнхэрийн-агуй, лишь запутывая подлинную картину [304, с. 78]. Рисунки Внутренней Монголии имеют многочисленные параллели в Монголии, но менее всего они сходны с пещерной живописью.

¹⁴ Подобным же образом декорировались изображения копытных на Алтае. На правом берегу р. Чуи, в местности Калбак-Таш в одной композиции с танцующими шаманами показаны животные, тела которых заполнены геометрическими фигурами.

Глава 7

¹ Единичные находки stel типа оленних камней известны и западнее, например Гумаровский комплекс в Южном Приуралье.

² Разведки Э. А. Новгородовой осенью 1972 г. (в составе отряда кроме автора были Гочоо и водитель Б. С. Булатов).

³ Сценами «терзания» условно названы характерные изображения борьбы животных, где хищники (волки, тигры, кабаны, грифы и др.) показаны нападающими и пожирающими копытных: коней, куланов, козлов, баранов, оленей, лосей и др.

⁴ К сожалению, доклад В. В. Волкова не включен в сборник докладов советских участников Международного конгресса монголоведов, поэтому мы ссылаемся на устное сообщение автора.

⁵ Даже в том случае, если считать курган Аржан относящимся не к VIII в. до н. э., а к середине VII в. до н. э., что кажется более реальным, оленний камень может быть датирован началом VII в. до н. э.

⁶ Необходимо заметить, что, по мнению ведущих специалистов, публиковавших тувинские древности, оленние камни со стилизованными оленями должно датировать более поздней датой, чем оленние камни со стоящими животными, т. е. стелы первого типа моложе, по их мнению, стелы второго типа. Так, Л. Р. Кызласов относит к древнейшим стелам те, на которых изображены стоящие животные, и датирует их VII—VI вв. до н. э. и позднее [359; 33]. Как видим, наши мнения по поводу датировки стел со стоящими животными совпадают, разница лишь в том, что, на мой взгляд, стелы со стилизованными оленями в Монголии намного древнее, и потому они предшествуют аржанскому этапу Тувы.

⁷ Памятник Ушкийн-Увэр исследован в августе 1970 г. В. В. Волковым и Э. А. Новгородовой, затем вторично Э. А. Новгородовой летом 1978 г. Полного издания памятника нет, хотя неоднократно публиковались фрагменты [129; 864; 820].

⁸ Здесь и далее сохраняется нумерация, введенная при раскопках и зафиксированная в дневниках.

⁹ Аналогичные кинжалы типично карасукского облика найдены в погребении XIV—XI вв. до н. э. в Северном Китае.

¹⁰ Сходное по сюжету изображение на зеркале см. [98, с. 46, рис. 13]. Мне кажется, однако, что рисунок на китайском зеркале относится к более позднему времени, ибо на нем показаны такие детали, как валютообразные завитки на теле хищников, что в Центральной Азии не типично в карасукское время.

¹¹ Мною сделаны эстампажи всех оленних камней из перечисленных жертвенников и проверено, не высекались ли на них рисунки по какому-то трафарету. Ответ получен отрицательный: каждый раз художник процарапывал изображение тонкой линией, а затем выбивал весь силуэт.

¹² Более всего по форме он напоминает «предмет неизвестного назначения», иногда называемый детальною колесницей или вальком, распределителем вожжей.

¹³ Оленние камни, стоящие двумя параллельными рядами (з настоящее время лежат два из них), описываются мною под теми номерами, под какими они числятся в дневниках полевых исследований. Западный ряд состоит из следующих номеров: 31, 32, 33, 36, восточный — 34, 35, 37. Самый северный в западном ряду камней (№ 31) поднимается над уровнем земли на 160 см.

¹⁴ Рисунок виден плохо, но, возможно, форма кинжала близка к поздне-карасукским (IX—VIII вв. до н. э.).

¹⁵ В работе кроме автора принимал участие монгольский тюрколог Ц. Шинэ-хуу.

¹⁶ Мне кажется, что вряд ли права Н. Л. Членова, называющая северокавказские монументы оленними камнями, ибо с таким же успехом к этой группе памятников можно было бы отнести и вишапы Армении. Об этом в свое время писали И. И. Мещанинов, Б. Б. Пиотровский и В. А. Миханкова [442; 446; 522].

¹⁷ Так считает Н. Сэр-Оджав [682].

¹⁸ Подобную идею высказал позднее и монгольский археолог Д. Цэвэндорж, приведя те же аргументы и те же аналогии, хотя без ссылок на предшественников [692, с. 53—57].

¹⁹ Изображение памятника и рисунков на нем нигде не публиковалось. Он обнаружен в Хубсугульском аймаке, в местности Зуун-гол.

²⁰ Подробнее см. [83].

²¹ Аналогичная бляшка найдена в кургане Аржан, датируемом нами серединой VII в. до н. э.

²² Есть еще один большой регион, где образ хищников породы кошачьих (тигров, барсов, леопардов) был широко распространен. Это древний Китай. В эпоху Чжоу он появился внезапно. Божествам (тотемным предкам), предкам эпохи Шан-Инь, чжоусцы противопоставили предков — представителей своего этноса.

Исследователи пишут о внезапном появлении в начале периода Западного Чжоу и широком распространении изображений хищников на клевцах, секирах и других бронзовых предметах. С. И. Блюмхен в книге «Общество и государство в Китае» (М., 1988) высказал предположение, что тигр был главным тотемом чжоусцев. Противопоставляя силы Востока и Запада, древние китайцы считали Зеленого дракона (Цинлуна) символом Востока, а Белого тигра (Байху) — знаком Запада. Вот почему тигр преобладал среди орнаментов на предметах раннего периода Западного Чжоу.

Ученый приводит также данные «Шинцина», где бог Цзоу Юй имеет облик белого тигра. Существование среди тотемных предков чжоусцев тигра подтверждается и надписью на ритуальном бронзовом сосуде, отлитом во времена Чэн-вана для сановника Юя: «Дарую тебе право на знамени... изображать медведя или тигра». Известно, что в древности хвост леопарда был военной эмблемой. При Чжоу считалось, что шкуры тигров и леопардов являются оберегами и помогают смирять непокорных. Среди инсигний Сына неба времен Чжоу были символы тигра и леопарда. С образом тигра связан также женское божество Сиванму («Мать западных царей» или «Бабка (Хозяйка) Запада») — персонаж, связанный с архаическим культом матери и в то же время с «западными» династиями. В ее облике объединены черты, присущие тигру, барсу, леопарду. В «Шань хай цзинь» говорится, что «Бабка (Хозяйка) Запада похожа на человека, но с хвостом барса, с клыками, как у тигра, любит свистеть; на

всклоченных волосах надеты украшения. Она управляет небесными эпидемиями и пятью наказаниями. [Там] водится животное, похожее на собаку, но пятнистое, подобно леопарду. У него рога, как у быка» [655, с. 44]. В том же источнике находим упоминание о духах с человеческими лицами, которые живут на большой горе Куньлунь. У них полосатое туловище тигра и белые хвосты. В пещере этой горы обитает и Бабка (Хозяйка) Запада в пышном головном уборе, с зубами тигра и хвостом леопарда [655, с. 120, 121]. Очевидно, речь идет об одном и том же образе. Китайские источники позволяют заключить, что в X—XI вв. до н. э. в чжоуском Китае был широко развит наряду с образом матери-прародительницы и культ тигра (барса, леопарда).

Глава 8

¹ Курмус — помощники шамана в его путешествиях в верхний мир. Они, очевидно, и изображены на шаманских бубнах.

² Анализ инвентаря из раскопок Д. Наваана убедительно показывает, что одни плиточные могилы, в которых найдены пастовые бусы, относятся к ранней эпохе бронзы, другие — к раннему средневековью.

³ Пока это один из немногих могильников скифского времени в Центральной Азии, не только полностью раскопанный, но и полностью опубликованный [825]. Раскопки велись отрядом СМИКЭ.

⁴ Уже после того, как появилось несколько публикаций, где могильник был назван «Улангомский», вышли в свет статьи монгольских археологов, назвавших его Чандманьским, а культуру чандманьской. Мы даем в монографии первоначальное название могильника.

⁵ По поводу надписи на сосуде были дискуссии в Душанбе на конференции по этническим проблемам древней истории Центральной Азии в связи с докладом Э. А. Новгородовой «Ранний этап этногенеза народов Монголии» (Душанбе, 1977).

⁶ Приведенные примеры расшифровки неизвестных надписей лингвистами предприняты по просьбе автора и ранее не публиковались.

⁷ На одном из немногих оленных камней Западной Монголии изображены именно дзерены. На востоке Монголии не сооружали керексурсов, не высекали оленные камни, а отдельные немногочисленные стелы, стоящие на востоке, говорят о проникновении влияния культуры западных соседей.

⁸ Сделать эти выводы и подчеты стало возможным только благодаря тщательной фиксации костяков и инвентаря, взаимоположения погребенных, а также полной публикации этого материала [825]. Особенно же важно наличие данных по определению пола и возраста, сделанных Н. Н. Мамоновой [410, с. 123—135]. Пол погребенных определяется по черепу и посткраниальному скелету. Возраст выяснялся по комплексу признаков: состоянию швов, зубной системы, костей и морфологическим особенностям скелета. Возраст детей Н. Н. Мамонова определяла по порядку прорезывания зубов, а у младенцев — по длине костей [410, с. 126].

⁹ Большое сходство погребального обряда и ритуала, а также сопровождающего инвентаря как в тувинских, так и в северомонгольских могилах дает нам право делать некоторые выводы о семье и положении женщины в обществе кочевников, сравнивая данные, полученные в разных регионах Центральной Азии.

¹⁰ Данные, полученные в результате раскопок и исследования этих курганов, свидетельствуют об огромной власти, которую сосредоточивали в своих руках вожди племен. Вспомним, что на сооружение первого Пазырыкского кургана потребовалось 2500—3000 человеко-дней, 1800 куб. м камня, 500 бревен для камеры и наката, что могильная яма имела объем в 196 куб. м. Чтобы возвести подобное сооружение, мало быть богатым, необходимо иметь и власть над этими несколькими тысячами людей.

¹¹ Весьма перспективно сравнить данные советских антропологов, полученные из Западной и Северо-Западной Монголии, с новыми результатами палеоантропологических исследований ученых КНР. Так, при раскопках сотрудниками Института археологии Синьцзяна 42 могил в Уйгурском автономном районе получено 18 черепов (11 мужских и 7 женских). Радиоуглеродные данные опре-

делили возраст погребений — III—II тысячелетия до н. э. Палеоантропологический анализ позволил сделать вывод, что территория Восточного Туркестана уже в ту пору была заселена европеоидным населением, которое по антропологическому типу можно сравнить с населением афанасьевской и андроновской эпох в Южной Сибири, иногда и во всей Центральной Азии.

Антропологи считают, что можно даже говорить о существовании в III—II тысячелетиях до н. э. этнического родства населения этих территорий. Как видим, вопрос о древних европеоидах и о самых восточных границах их расселения еще рано решать окончательно, равно как и проблему идентификации динлинов с какой-либо определенной группой племен Центральной Азии. Но можно уверенно сказать, что наиболее перспективные районы для решения динлинской проблемы находятся в Западной Монголии и Китайском Туркестане.

Приложение

¹ Эта группа включает деревянные срубы 31, 32, 33, 37, 46, 47, 48, а также каменные ящики 45 и 52.

На русском языке

1. *Абаев В. И.* К вопросу о прародине и древнейших миграциях индо-иранских народов.— *Древний Восток и античный мир.* М., 1972.
2. *Абаев В. И.* Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965.
3. *Абрамова З. А.* Изображение человека в палеолитическом искусстве Евразии. М.—Л., 1956.
4. *Азаров С.* Животноводческая техника кочевого хозяйства.— *Современная Монголия.* 1933, № 2.
5. *Акишев А. К.* Семантика и функции искусства «звериного стиля» саков Семиречья.— *Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана.* Л., 1975.
6. *Акишев К. А.* Археология в Казахстане за советский период.— СА. 1967, № 4.
7. *Акишев К. А.* Курган Иссык. М., 1978.
8. *Акишев К. А.* Раскопки Иссыкского кургана.— АО 1970 г. М., 1971.
9. *Акишев К. А.* Саки Семиречья.— ТИИАЭ АН КазССР. Т. 7. А.-А., 1959.
10. *Акишев К. А., Акишев А. К.* Происхождение и семантика иссыкского головного убора.— *Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана.* А.-А., 1980.
11. *Акишев К. А., Акишев А. К.* Саки азиатские и скифы европейские (общее и особенное в культуре).— *Археологические исследования в Казахстане.* А.-А. 1973.
12. *Акишев-К. А., Кушаев Г. А.* Древняя культура саков и усуней долины реки Или. А.-А. 1963.
13. *Алексеев В. М.* Наука о востоке. М., 1982.
14. *Алексеев В. П.* Антропологические типы Южной Сибири (Алтае-Саянское нагорье) в эпоху неолита и бронзы.— ВИСДВ. Новосибирск, 1961.
15. *Алексеев В. П.* К происхождению таштыкского населения Южной Сибири.— *Проблемы археологии Урала и Сибири.* М., 1973.
16. *Алексеев В. П.* Новые данные о европеоидной расе в Центральной Азии.— *Бронзовый и железный век Сибири.* Новосибирск, 1974.
17. *Алексеев В. П.* Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья. Автореф. канд. дис. М., 1955.
18. *Алексеев В. П., Гохман И. И., Тумэн Д.* Краткий очерк палеоантропологии Центральной Азии (каменный век — эпоха раннего железа).— АЗАН. Новосибирск, 1987.
19. *Алексеев Н. А.* Миф о духе-хозяйке земли в якутском героическом эпосе.— *Фольклор народов РСФСР.* Уфа, 1980.
20. *Алексеев Н. А.* Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1980.
21. *Алексеев Н. А.* Традиционные религиозные верования якутов в XIX — начале XX в. Новосибирск, 1975.
22. *Алексеев А. Н.* Шаманизм тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1984.
23. *Антонова Е. В.* Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1977.
24. *Антонова Е. В.* Дикие животные в искусстве древних земледельцев Востока (к семантике представлений о пространстве).— *Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства.* М., 1987.

25. Антонова Е. В. Орнаменты на сосудах и знаки на статуэтках анауской культуры (к проблеме значения).—Средняя Азия и ее соседи. М., 1981.
26. Антонова Е. В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1984.
27. Антонова К. А., Бонгард-Левин Г. М., Котовский Г. Г. История Индии. М., 1979.
28. Ардзинба В. Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1982.
29. Артамонов М. И. Возникновение кочевого скотоводства.—Проблемы археологии и этнографии. Вып. 1. Л., 1977.
30. Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы в Азии.—Первобытная археология Сибири. Л., 1975.
31. Артамонов М. И. Общественный строй скифов.—ВЛГУ. 1947, № 8.
32. Артамонов М. И. Происхождение скифского искусства.—СА. 1968, № 4.
33. Артамонов М. И. Скифское царство.—СА. 1973, № 2.
34. Артамонов М. И. Сокровища саков. М., 1973.
35. Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага — Ленинград, 1966.
36. Асеев И. В., Конопацкий В. И. Археологические исследования в Монголии в 1979—1980 гг.—Археология эпохи камня и металла Сибири. Новосибирск, 1983.
37. Атхарваведа. М., 1976.
38. Бадер О. Н. Каповая пещера. Палеолитическая живопись. М., 1965.
39. Бадер О. Н. Открытие палеолитической пещерной живописи на Урале.—Историко-археологический сборник, М., 1962.
40. Бадер О. Н. Палеолитическая гравировка из Иволгинского заполярья.—Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975.
41. Баженов И. К. Олово. Полезные ископаемые Западно-Сибирского края. Т. 1. Новосибирск, 1934.
42. Байпаков К. М. Культ барана у сырдарьинских племен.—Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. А.-А., 1980.
43. Байпаков К. М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. А.-А. 1986.
44. Банзаров Д. Собрание сочинений. М., 1955.
45. Банкасан Г. Методы и способы ведения животноводческого хозяйства в МНР. Автореф. канд. дис. УБ., 1977.
46. Бейли Н. Статистические методы в биологии. М., 1964.
47. Беленицкий А. М. Живопись древнего Пенджикента. М., 1954.
48. Беленицкий А. М. Конь в культах и идеологических представлениях народов Средней Азии и евразийских степей в древности и раннем средневековье.—КСИА. Вып. 154. М., 1978.
49. Беленицкий А. М. Монументальное искусство Пенджикента. М., 1973.
50. Берг Л. С. Географические зоны Советского Союза. М., 1947.
51. Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая (МИА, № 26). М.—Л., 1952.
52. Бернштам А. Н. Наскальные изображения Саймалы — Ташкент.—СЭ. 1952, № 2.
53. Бернштам А. Н. Основные этапы истории и культуры Семиречья и Тянь-Шаня.—СА. Вып. XI. 1949.
54. Бернштам А. Н. Сакн Памира.—ВДИ. 1956, № 1.
55. Бернштам А. Н. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрок VI—VIII веков. М.—Л., 1946.
56. Бернштам А. Н. Спорные вопросы истории кочевых народов Средней Азии в древности.—КСИЭ. Вып. 26. М., 1957.
57. Бернштам А. Н. Труды Семиреченской археологической экспедиции.—Чуйская долина. М.—Л., 1950.
58. Бертогаев Т. А. Культ богини-матери и огня у монгольских племен.—СЭи. 1973, № 6.
59. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. 1950; Т. 2. 1950; Т. 3. 1953. Л.
60. Бобров В. В. Назначение тагарских оленных бляшек.—Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово, 1974.

61. *Богачевский Б. Л.* Раковины в расписной керамике Китая, Крита и Триполья. М., 1933.
62. *Богданова-Березовская Н. В., Наумов Д. В.* Химический анализ металлических предметов из могильника Тасты-Бутак I (МИА, № 120). М., 1962.
63. *Бонгард-Левин Г. М., Герасимов А. В.* Мудрецы и философы древней Индии. М., 1975.
64. *Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А.* От Скифии до Индии. М., 1974.
65. *Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф.* Древняя Индия. М., 1969.
66. *Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф.* Индия в древности. М., 1985.
67. *Борисковский П. И.* Древний каменный век Южной и Юго-Восточной Азии. Л., 1971.
68. *Борисов В. Т.* Меч и копье из Якутии.— СА. 1959, № 3.
69. *Боровая Г.* Археологическое обследование среднего течения р. Толы.— Северная Монголия. Вып. II. Л., 1927.
70. *Брук С. И.* Население Китая, МНР, Кореи. М., 1959.
71. *Брюсов А. Я.* Археологические культуры и этнические общности.— СА. 1956, № 6.
72. *Букинич Д. Д.* Краткий предварительный отчет Мелиоративно-гидротехнической партии Орхонской экспедиции 1933 г.— Архив Института истории АН МНР.
73. *Букинич Д. Д.* Общий отчет по археологическим работам за 1933—1943 гг.— Архив Института истории АН МНР.
74. *Бэшем А.* Чудо, которым была Индия. М., 1977.
75. *Вадецкая Э. Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986.
76. *Вадецкая Э. Б.* Гипотеза происхождения афанасьевской культуры.— Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск, 1979.
77. *Вадецкая Э. Б.* Древние идолы Енисея. Л., 1967.
78. *Вадецкая Э. Б.* Женские силуэты на плитах из окуневских могильников.— Сибирь и ее соседи. Новосибирск, 1970.
79. *Вадецкая Э. Б.* Изображение зверя-божества из Хакасии (МИА, № 130). М., 1965.
80. *Вадецкая Э. Б., Леонтьев Н. В., Максименков Г. А.* Памятники окуневской культуры. Л., 1980.
81. *Вайнберг Б. И.* Монеты древнего Хорезма. М., 1977.
82. *Вайнберг Б. И.* Некоторые вопросы истории Тохаристана в IV—V вв. (в связи с запусчением Кара-тепе).— Буддийский культурный центр Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1972.
83. *Вайнберг Б. И., Новгородова Э. А.* Заметки о знаках и тамгах Монголии.— История и культура народов Средней Азии. М., 1976.
84. *Вайнштейн С. И.* Историческая этнография тувинцев (проблемы кочевого хозяйства). М., 1972.
85. *Вайнштейн С. И.* История народного искусства Тувы. М., 1974.
86. *Вайнштейн С. И.* Краткая история этнографического изучения тувинцев.— Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М., 1968.
87. *Вайнштейн С. И.* Некоторые итоги работ археологической экспедиции ТНИИЯЛИ в 1956—1957 гг.— УЗТНИИЯЛИ. Вып. VI. Кызыл, 1958.
88. *Вайнштейн С. И.* Памятники второй половины I тысячелетия до н. э. в Западной Туве.— ТТКЭАН. Т. II. М.— Л., 1966.
89. *Вайнштейн С. И.* Памятники кызылганской культуры.— ТТКЭАН. Т. II. М.— Л., 1966.
90. *Вайнштейн С. И.* Проблема происхождения и формирования хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов умеренного пояса Евразии.— IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Чикаго, сентябрь 1973). Доклады советской делегации. М., 1973.
91. *Вайнштейн С. И.* Раскопки могильника Кокзель в 1962 г. (погребения кызылганской и сынчирекской культур).— ТТКЭАН. Т. III. Л., 1970.
92. *Вайнштейн С. И., Волков В. В., Доржсүрэн Ц.* «Умерд Хунну».— СЭ. 1962, № 6 (рец.).

93. Вайнштейн С. И., Дьяконова В. П. Уникальные находки из раскопок древних курганов Тувы.— УЗТНИИЯЛИ. Вып. VIII. Кызыл, 1960.
94. Вангенгейм Э. А. Палеонтологическое обоснование стратиграфии антропогена Северной Азии. М., 1977.
95. Варенов А. В. Древнейшие зеркала Китая, отражающие этнокультурные контакты.— Проблемы древних культур Сибири. Новосибирск, 1985.
96. Варенов А. В. Иньские шлемы и проблемы боевого оголовья эпохи поздней бронзы.— Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Новосибирск, 1984, № 14.
97. Варенов А. В. Новые данные об организационной структуре китайской армии в эпоху древности.— XIII научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 1. М., 1982.
98. Варенов А. В. О функциональном предназначении «моделей ярма» эпохи Инь и Чжоу.— Новое в археологии Китая. Исследования и проблемы. Новосибирск, 1984.
99. Василевский Р. С., Волков В. В. Некоторые итоги работ советско-монгольской историко-культурной экспедиции.— Древние культуры Монголии. Новосибирск, 1985.
100. Василевский Р. С., Дорж Д., Ларичев В. Е. Улан-Хус — верхнепалеолитическая мастерская долины р. Кобдо (Монгольский Алтай).— АЭАМ. Новосибирск, 1987.
101. Васильев Д. Д. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л., 1983.
102. Васильев Л. С. Аграрные отношения и община в древнем Китае (XI—VII вв. до н. э.). М., 1961.
103. Васильев Л. С. Культы, религии, традиции в Китае. М., 1970.
104. Васильев Л. С. О роли внешних влияний в возникновении китайской цивилизации.— НАА. 1964, № 2.
105. Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайской цивилизации. М., 1976.
106. Васильев Л. С. Феномен аристократизма в период древней и средневековой истории Китая.— XV научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 2. М., 1984.
107. Викторова Л. Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980.
108. Викторова Л. Л. Формирование монгольского ареала в системе алтайских языков.— Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Краткие сообщения. Л., 1978.
109. Викторова Л. Л. Этнокультурные связи монгольских и тибетских племен в древности и раннем средневековье.— История и культура востока Азии. Т. 2. Новосибирск, 1972.
110. Виппер П. Б., Дорофеев Н. И., Метельцева Е. П., Соколовская В. Т., Шумяк К. С. Опыт реконструкции растительности Западной и Центральной Монголии в голоцене на основе изучения донных отложений пресных озер.— Структура и динамика основных экосистем МНР. Т. VI. М., 1976.
111. Виппер П. Б., Дорофеев Н. И., Лийв А. А., Метельцева Е. П., Соколовская В. Т. Палеография голоцена и верхнего плейстоцена Центральной Монголии.— Известия АН Эстонской ССР. Сер. биологическая. Тарту, 1978.
112. Витт В. О. Лошади Пазырыкских курганов.— СА. Вып. XVI. 1952.
113. Владимирцов Б. Я. Монголо-айратский героический эпос. Пг.— М., 1923.
114. Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Л., 1934.
115. Владимирцов Б. Я. Турецкие элементы в монгольском языке.— ЗВРАО. Вып. XX. СПб., 1911.
116. Владимирцов Б. Я. Этнолингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах.— Северная Монголия. Вып. 2. 1927.
117. Волков В. В. Бронзовые наконечники стрел из музеев МНР.— МАС. М., 1962.
118. Волков В. В. Бронзовый княжал из Гоби.— СА. 1961, № 4.
119. Волков В. В. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. УБ., 1967.
120. Волков В. В. Древние колесницы Монгольского Алтая.— Монголы и эртий

- туух-соедые зарим асуудал (Некоторые вопросы древней Монголии). Т. V. Вып. 3—13. УБ., 1972.
121. Волков В. В. Оленные камни Монголии. УБ., 1981.
 122. Волков В. В. Отчет о работе отряда по изучению ранних кочевников. 1972 г.— Архив Института истории АН МНР.
 123. Волков В. В. Погребение в Норовлийн-уула (Монголия).— Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975.
 124. Волков В. В. Раскопки в Монголии.— АО 1971 г. М., 1972.
 125. Волков В. В., Гришин Ю. С. Раскопки и разведки в Монголии.— АО 1969 г. М., 1970.
 126. Волков В. В., Новгородова Э. А. Археологические исследования в Монголии.— АО 1970 г. М., 1971.
 127. Волков В. В., Новгородова Э. А. Археологические исследования в Монголии.— АО 1972 г. М., 1973.
 128. Волков В. В., Новгородова Э. А. Археологические работы в Монголии.— АО 1973 г. М., 1974.
 129. Волков В. В., Новгородова Э. А. Оленные камни Ушкийн-Увэра (Монголия).— Первобытная археология Сибири. Л., 1975.
 130. Волков В. В., Новгородова Э. А. Советско-монгольская экспедиция.— АО 1974 г. М., 1975.
 131. Волков В. В., Новгородова Э. А., Войтов В. Е. Работы на Чулууте и Хара-Хорине.— АО 1978 г. М., 1979.
 132. Воробьев М. В. Древняя Япония. М., 1958.
 133. Воробьев М. В., Итс Р. Ф. Работы китайских археологов. Обзор сборников «Тянье каогу бао» (№ 1, 1936) и «Чжунго каогу сю эбао» (№ 2—4, 1947—1949).— СА. 1954, № 2.
 134. Вяткин Р. В. Музеи и достопримечательности Китая. М., 1962.
 135. Вяткина К. В. Культ коня у монгольских народов.— СЭтн. 1968, № 6.
 136. Вяткина К. В. Шалоболдинские наскальные изображения.— Сборник МАЭ. Т. XII. Л., 1944.
 137. Генциг В. Ф. Могилиник Синташта и проблема ранних индо-иранских племен.— СА. 1977, № 4.
 138. Георгиевский С. Древнейшие монеты Китая.— ЗВРАО. Т. I. Вып. I. 1887.
 139. Герасимов М. М. Восстановление лица по черепу. М., 1955.
 140. Герасимов М. М., Черных Е. Н. Раскопки Фофановского могильника в 1959 г.— Первобытная археология Сибири. Л., 1975.
 141. Геродот. История в девяти книгах (перевод с греческого Ф. Г. Мищенко с предисловием и указателем). Т. I. М., 1888.
 142. Гладышев С. А. Технично-типологическая характеристика каменного инвентаря местонахождения Бугат-2.— АЭАМ. Новосибирск, 1987.
 143. Гольман М. И. [Рец. на:]. Латтимор О. Номады и комиссары. Снова в Монголии.— НАА. 1964, № 6.
 144. Гольмстен В. В. Из области культа древней Сибири.— Известия ГАИМК. Вып. 100. М., 1933.
 145. Горюнова О. И. Антропоморфная и зооморфная скульптура древнего могильника Усть-Белая II.— Древняя история народов юга Восточной Сибири. Т. 1. Иркутск, 1974.
 146. Гохман И. И. Антропологические материалы из плиточных могил Забайкалья.— Сборник МАЭ. Т. XVIII. М.— Л., 1958.
 147. Гохман И. И. Антропологическое изучение Забайкалья в Троицко-Кяхтинском отделении Русского географического общества.— Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. 7. Улан-Удэ, 1977.
 148. Гохман И. И. К вопросу об антропологических особенностях древних скотоводов Забайкалья.— СЭ. 1967, № 6.
 149. Гохман И. И. Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов.— Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. Л., 1980.
 150. Граков Б. Н. Скифы. М., 1971.
 151. Грантовский Э. А. Из истории восточноиранских племен на границах Индии.— КСИНА. Вып. 63. 1963.
 152. Грантовский Э. А. Индо-иранские касты у скифов. М., 1960.

153. Грантовский Э. А. Иранские имена из Приурмийского района в IX—VIII вв. до н. э.— Древний мир. М., 1962.
154. Грантовский Э. А. О распространении иранских племен на территории Ирана.— История иранского государства и культуры. М., 1971.
155. Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970.
156. Грач А. Д. Алды-бельская культура раннескифского времени в Туве.— Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий (сборник научных трудов). Новосибирск, 1975.
157. Грач А. Д. Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в Центральной Туве.— ТКАЭЭ. Т. I, 1960.
158. Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980.
159. Грач А. Д. Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961.
160. Грач А. Д. Могильник Саглы-Бажи II и вопросы археологии Тувы скифского времени.— СА. 1967, № 3.
161. Грач А. Д. Новые данные о древней истории Тувы.— УЗТНИИЯЛИ. Вып. XV. Кызыл, 1971.
162. Грач А. Д. Принципы и методика историко-археологической реконструкции форм социального строя (по курганным материалам скифского времени Казахстана, Сибири и Центральной Азии).— Социальная история народов Азии. М., 1975.
163. Грач А. Д. Проблема соотношения культур скифского времени на территории Тувы, Алтая и Минусинской котловины.— Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР. Баку, 1965.
164. Грач А. Д. Произведения скифо-сибирского искусства в пределах этнокультурных зон азиатских степей.— Тезисы докладов III Всесоюзной конференции по вопросам скифо-сибирской сарматской археологии (скифо-сибирский «звериный» стиль). М., 1972.
165. Грачева Г. Н. Традиционное мировоззрение охотников Таймыра (на материалах нганасан XIX—начала XX в.). Л., 1983.
166. Гришин Ю. С. Бронзовый и ранний железный век Восточного Забайкалья. М., 1975.
167. Гришин Ю. С. Древние памятники среднего течения р. Онон.— МАС. М., 1962.
168. Гришин Ю. С. К вопросу о древнейших способах поисков медных руд.— Проблемы советской археологии. М., 1978.
169. Гришин Ю. С. О плиточных могилах Восточного Забайкалья.— СА. 1968, № 1.
170. Гришин Ю. С. Памятники неолита, бронзового и раннего железного века лесостепного Забайкалья. М., 1981.
171. Громов В. И. Палеонтологическое и археологическое обследование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР.— Труды Института геологических наук. Вып. 64. М., 1948.
172. Грум-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. Л., 1926.
173. Грязнов М. П. Аржан — царский курган раннескифского времени. Л., 1980.
174. Грязнов М. П. Бронзовый кинжал с озера Кото-Кель.— Бурятияведение. 1929, № 1—2 (9—10).
175. Грязнов М. П. Бык в обрядах и культе древних скотоводов.— Тезисы докладов на сессии и пленумах, посвященных итогам полевых исследований в 1971 г. М., 1972.
176. Грязнов М. П. Древняя бронза минусинских степей.— Труды Отдела первобытной культуры Государственного Эрмитажа. Л., 1941.
177. Грязнов М. П. Колесница ранних кочевников Алтая.— Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. 7. Л., 1955.
178. Грязнов М. П. К вопросу о культурах эпохи поздней бронзы в Сибири.— КСИИМК, 1956, № 64.
179. Грязнов М. П. К вопросу о сложении культур скифо-сибирского типа в связи с открытием кургана Аржан.— КСИА. Вып. 154. 1978.

180. Грязнов М. П. К хронологии древнейших памятников эпохи ранних кочевников.— Успехи среднеазиатской археологии. Вып. III. Л., 1975.
181. Грязнов М. П. Методы исследования мегалитических погребальных памятников по итогам работ Красноярской экспедиции.— Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР. Тбилиси, 1971.
182. Грязнов М. П. Миниатюры таштыкской культуры.— АСГЭ. 1971, № 13.
183. Грязнов М. П. Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири.— КСИЭ. 1955, № 24.
184. Грязнов М. П. Некоторые вопросы хронологии ранних кочевников в связи с материалами кургана Аржан.— Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана (Краткие тезисы докладов на конференции, ноябрь 1975 г.). Л., 1975.
185. Грязнов М. П. Саяно-алтайский олень (этюда на тему скифо-сибирского звериного стиля).— Проблемы археологии. Вып. II. Л., 1978.
186. Грязнов М. П. Степные скотоводческие племена Средней Азии в эпоху развитой и поздней бронзы.— Проблемы археологии Средней Азии. Л., 1968.
187. Грязнов М. П. Этапы развития скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы.— КСИЭ. Вып. XXVI. 1957.
188. Грязнов М. П., Маннай-оол М. Х. Аржан — царский курган раннескифского времени в Туве.— АО 1971 г. М., 1972.
189. Грязнов М. П., Маннай-оол М. Х. Курган Аржан — могила царя раннескифского времени.— УЗТНИИЯЛИ. Вып. XVI. Кызыл, 1974.
190. Грязнов М. П., Маннай-оол М. Х. Окончание раскопок кургана Аржан.— АО 1974 г. М., 1975.
191. Грязнов М. П., Маннай-оол М. Х. Раскопки кургана Аржан в Туве.— АО 1972 г. М., 1973.
192. Грязнов М. П., Маннай-оол М. Х. Раскопки царского кургана раннескифского времени в Туве.— Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г. Л., 1972.
193. Грязнов М. П., Маннай-оол М. Х. Третий год раскопок кургана Аржан.— АО 1973 г. М., 1974.
194. Гумилев Л. Н. Динлинская проблема.— Известия ВГО. 1959, № 4.
195. Гумилев Л. Н. Кочевой быт от расцвета к исчезновению.— Азия и Африка сегодня. 1968, № 2.
196. Гумилев Л. Н. Некоторые вопросы истории хуннов.— ВДИ. 1960, № 4.
197. Гумилев Л. Н. Пространство и время Великой степи.— Декоративное искусство. 1979, № 5.
198. Гумилев Л. Н. Тюрки. М., 1967.
199. Гумилев Л. Н. Хунну. М., 1960.
200. Гумилев Л. Н. Хунны в Китае. М., 1974.
201. Давыдова А. В. Иволгинское городище.— СА. Вып. XXV. 1956.
202. Давыдова А. В. Иволгинское городище. Л., 1986.
203. Давыдова А. В. К вопросу о хуннских художественных бронзах.— СА. 1971, № 1.
204. Давыдова А. В. Новые данные об Иволгинском городище.— Труды БМНИИЯЛИ. Улан-Удэ, 1960, № 3.
205. Давыдова А. В. Об общественном строе хунну.— Первобытная археология Сибири. Л., 1975.
206. Давыдова А. В. Раскопки Иволгинского городища.— АО 1970 г. М., 1971.
207. Давыдова А. В., Шилов В. П. Предварительный отчет о раскопках Нижне-Иволгинского городища в 1940 г.— Записки БМНИИЯЛИ. Вып. 14. Улан-Удэ, 1952.
208. Дандамаев М. А. Иран при первых Ахеменидах. М., 1963.
209. Дандамаев М. А. К вопросу о династии Ахеменидов.— Палестинский сборник. Вып. 5 (63). М.—Л., 1960.
210. Дебец Г. Ф. Антропологический состав населения Прибайкалья в эпоху позднего неолита.— Русский антропологический журнал. 1930, № 19. Вып. 1—2.
211. Дебец Г. Ф. Еще раз о белокурой расе в Центральной Азии.— Советская Азия. 1931, № 5—6.

212. Дебец Г. Ф. Опыт краниологического определения доли монголоидного компонента в смешанных группах населения СССР.— Проблемы антропологии и историографии Азии. М., 1968.
213. Дебец Г. Ф. Отчет об археологических разведках на озере Кото-Кель.— Бурятияведение. Вып. 2. 1926.
214. Дебец Г. Ф. О физических типах людей скифского времени.— Проблемы скифской археологии. М., 1971.
215. Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР.— Труды Института этнографии. Вып. 4. М., 1948.
216. Дебец Г. Ф. Проблема заселения Северо-Западной Сибири по данным палеоантропологии.— КСИИМК. Вып. IX. 1941.
217. Дебец Г. Ф. Расовые типы населения Минусинского края в эпоху родового строя.— Антропологический журнал. 1932, № 2.
218. Дебец Г. Ф. Физические типы населения СССР в скифское время.— Тезисы докладов и сообщений на конференции по вопросам скифо-сибирской археологии. М., 1956.
219. Дебец Г. Ф., Игнатьев М. В. О некоторых вариационно-статистических «методах» расового анализа в буржуазной антропологии (школа Чекановского).— Наука о расах. Вып. IV. 1938.
220. Девяткин Е. В. Кайнозой Внутренней Азии (стратиграфия, геохронология, корреляция). Автореф. доктор. дис. М., 1978.
221. Девяткин Е. В. Кайнозой Внутренней Азии (стратиграфия, геохронология, корреляция). Докт. дис. М., 1978.
222. Дедюхин В. Б., Дорофеев Е. Ю., Зайцев М. А. и др. Новые данные о палеолитическом поселении Мойлытын-ам на р. Орхон: предварительные итоги исследований в Восточной Сибири: итоги и перспективы.— Тезисы докладов к региональной конференции 13—15 октября 1986 г. Иркутск, 1986.
223. Деоник В. Б. Классификация бус Юго-Восточной Европы VI—IX вв.— СА. 1961, № 3.
224. Деоник В. Б., Митяев П. Е. Методика анализа керамического декора.— Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М., 1981.
225. Деревянко А. П. Древние культуры Монголии.— Археология зарубежной Азии. Гл. 10. М., 1986.
226. Деревянко А. П. Каменный век Северной, Восточной, Центральной Азии. Новосибирск, 1975.
227. Деревянко А. П. О культурно-исторических связях неолитических племен Приамурья, Забайкалья и Восточной Монголии.— 50 лет освобождения Забайкалья от белогвардейцев и иностранных интервентов. Чита, 1972.
228. Деревянко А. П., Васильевский Р. С., Молодин В. И., Маркин С. В. Археологические исследования Денисовой пещеры. Новосибирск, 1985.
229. Деревянко А. П., Дорж Д. Новое в изучении неолита Восточной Монголии.— Известия АН МНР. УБ., 1970.
230. Деревянко А. П., Дорж Д., Ларичев В. Е. и др. Археологические исследования в Монголии в 1983 г. Новосибирск, 1984 (Препринт).
231. Деревянко А. П., Маркин С. В., Петрин В. Т. Памятники каменного века среднегорья Монгольского Алтая.— Древние монгольские культуры. Новосибирск, 1985.
232. Деревянко А. П., Окладников А. П. Древние культуры восточных районов МНР.— СА. 1969, № 4.
233. Деревянко А. П., Петрин В. Т. Комплекс каменной индустрии с южного фаса Монгольского Алтая.— АЭАМ. Новосибирск, 1987.
234. Джантюрин С. Очерки киргизского коневодства. Оренбург, 1883.
235. Жарылгашинова Р. Ш. Древние когурёсы. М., 1972.
236. Жарылгашинова Р. Ш. Китай и Корея в V в. до н. э.— III в. н. э.— Китай и соседи в древности и средневековье. М., 1968.
237. Джуракулов М. История изучения каменного века в Средней Азии. Автореф. канд. дис. Самарканд, 1966.
238. Диков Н. Н. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ, 1958.
239. Диков Н. Н. Наскальные загадки древней Чукотки (петроглифы Пегтымеля). М., 1971.
240. Долгих Б. О. О похоронном обряде кетов.— СА. 1961, № 3.

241. Долгих Б. О. Племена Средней Сибири в XVII в.— КСИЭ. Вып. VIII. 1949.
242. Долгих Б. О. Принесение в жертву оленей у иганасан и энцев.— КСИЭ. Вып. 77. 1960.
243. Дорж Д. Неолит Восточной Монголии. УБ., 1971.
244. Дорж Д. Периодизация наскальных рисунков Монголии.— II Международный конгресс монголоведов. Т. I. УБ., 1973.
245. Дорж Д., Деревянко А. П. Новое в изучении неолита Восточной Монголии.— Туухийн судлал. Т. VIII. Вып. 13—24. УБ., 1970.
246. Дорж Д., Новгородова Э. А. Петроглифы Монголии. УБ., 1975.
247. Древнемонгольские города. М., 1965.
248. Древняя культура Алтая. Каталог выставки. М., 1982.
249. Дроздов Н. И. Копиное погребение с антропоморфными фигурками из бивня мамонта.— Древняя история народов юга Восточной Сибири. Т. I. Иркутск, 1974.
250. Дульзон А. П. Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимики.— УЗТПИ. Т. IV. Томск, 1950.
251. Дульзон А. П. Об очередных задачах комплексного изучения древней истории народов Западной Сибири.— Некоторые вопросы древней истории Западной Сибири. Томск, 1959.
252. Дульзон А. П. Томский неолитический могильник.— УЗТПИ. Т. XVII. Томск, 1958.
253. Дэвлет М. А. Древние антропоморфные изображения из саянского каньона Енисея.— Соотношение древних культур. Новосибирск, 1975.
254. Дэвлет М. А. Каменная фигурка андроновского времени.— СА. 1962, № 2.
255. Дэвлет М. А. О загадочных изображениях на оленных камнях.— СА. 1976, № 2.
256. Дэвлет М. А. Петроглифы Мугур-Саргола. М., 1980.
257. Дэвлет М. А. Петроглифы на кочевой тропе. М., 1982.
258. Дэвлет М. А. Петроглифы Улуг-Хема. М., 1976.
259. Дэвлет М. А. Сибирские поясные ажурные пластины.— САИ Д4—7, 1980.
260. Домезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М., 1986.
261. Дьяконова В. П. О погребальном обряде тувишцев.— Труды ТКАЭЭ. Т. II. М.—Л., 1966.
262. Евсюков В. В. Мифологический образ «мирового древа» в расписи керамики культуры яншао.— XV научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. I. М., 1984.
263. Евсюков Е., Комиссаров С. Колесницы на земле и в небесах.— Атеистические чтения. 1985, № 14.
264. Евтюхова Л. А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии.— МИА. Т. 24. М., 1952.
265. Евтюхова Л. А., Терехова Н. Н. Плиточные могилы Кондуйской долины.— Новое в советской археологии. М., 1965.
266. Ермолова Н. М. Тернофауна долины Ангара в позднем антропогене. Автореф. канд. дис. Л., 1974.
267. Есаян С. А. Оружие и военное дело древней Армении (III—I тыс. до н. э.). Ереван, 1966.
268. Есаян С. А., Погребова М. Н. Скифские памятники Закавказья. М., 1985.
269. Жавгарал. Аратство и аратское хозяйство. УБ., 1974.
270. Жуков В. А. Изучение наскальных рисунков Памира.— АО 1972 г. М., 1973.
271. Жуков В., Ранов В. Древние колесницы на Памире.— Памир. 1974, № 11.
272. Жуковская Н. Л. Ламаизм и ранние формы религии. М., 1977.
273. Завитухина М. Н. Тагарский курган на Енисее.— Археологический сборник ГЭ. 1973, № 4.
274. Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы (МИА, № 118). М.—Л., 1962.
275. Зализняк А. А. О характере языкового контакта между славянскими и скифо-сарматскими племенами.— Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. Вып. 38. М., 1963.
276. Збруева А. В. Идеология населения Прикамья.— Труды ИЭ АН СССР. Т. I. 1947.

277. *Зима Б. М.* Из истории изучения наскальных изображений в Киргизии.— Труды Института истории АН Киргизской ССР. Вып. IV. Фрунзе, 1958.
278. *Зуев Ю. А.* К этнической истории усуней.— ТИИАЭ АН КазССР. Т. 8. А.-А., 1960.
279. *Иванов С. В.* К вопросу о значении изображений на старинных предметах культа у народов Саяно-Алтайского нагорья.— Сборник МАЭ. Вып. XVI. Л., 1956.
280. *Иванов С. В.* К семантике изображений на старинных бурятских онго-нах.— Сборник МАЭ. Вып. XVII. Л., 1957.
281. *Иванов С. В.* Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX—начала XX в.— Труды ИЭ АН СССР. Т. 22. М.—Л., 1954.
282. *Игумнов В. М.* Земледелие в Монголии и перспективы его развития.— Современная Монголия. 1937, № 2—4.
283. *Иессен А. А.* К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР.— СА. Вып. VIII, 1939.
284. *Иессен А. А., Сосновский Г. П.* К истории использования олова в Приенисейском крае.— КСИИМК. Вып. 5. М., 1940.
285. *Иконников-Гамецкий Н. П.* В Монголии: Ботаническая экспедиция.— Вестник АН СССР. Внеочередной номер. М., 1932.
286. *Ильинская В. А.* Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля.— СА. 1965, № 1.
287. *Ильинская В. А.* Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве.— СА. 1971, № 2.
288. *Инь Да.* Достижения китайской археологии за 4 года.— КСИИМК. Вып. 63. М., 1956.
289. *Иофан Н. А.* Становление протоканона в изобразительном искусстве Японии.— Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки. М., 1973.
290. История Бурят-Монгольской АССР. Т. I. Улан-Удэ, 1969.
291. История Монгольской Народной Республики. М., 1954; УБ., 1955; М., 1967.
292. История Киргизской ССР. Фрунзе, 1984.
293. История Сибири. Т. II. Новосибирск, 1968.
294. История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства. К. I—II. М.—Л., 1939.
295. *Итс Р. Ф.* Золотые мечи и колодки невольников. М., 1976.
296. *Итс Р. Ф.* Новейшие археологические раскопки в Китайской Народной Республике.— ВДИ. 1952, № 3.
297. *Итс Р. Ф.* Этническая история юга Восточной Азии. Л., 1972.
298. *Кадырбаев М. К., Марьяшев А. Н.* Каратауские колесницы.— Археологические исследования в Казахстане. А.-А., 1973.
299. *Кадырбаев М. К., Марьяшев А. Н.* Наскальные изображения хребта Каратау. А.-А., 1977.
300. *Камеицкий И. С.* Датировка слоев по процентному соотношению типов керамики.— Археология и естественные науки. М., 1965.
301. *Камеицкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А.* Анализ археологических источников (возможности формализованного подхода). М., 1975.
302. *Кара Д.* Книги монгольских кочевников. М., 1973.
303. *Каругерс Д.* Неведомая Монголия. Т. I. Урянхайский край. СПб., 1914.
304. *Кашина Т. И.* Петроглифы Лунных гор (о древнем искусстве кочевников-скотоводов Внутренней Монголии).— Пластика и рисунки древних культур. Новосибирск. 1983.
305. *Кашина Т. И.* Семантика орнаментации неолитической керамики Китая.— У истоков творчества. Новосибирск, 1978.
306. *Киселев С. В.* «Афанасьевские» курганы у сел Сыды и Теси.— СА. 1937, № 2.
307. *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
308. *Киселев С. В.* Из древней истории Средней Азии.— ДИСИФ МГУ. Вып. 9. М., 1950.
309. *Киселев С. В.* Изучение минусинских каменных изваяний.— ИАС. М., 1962.
310. *Киселев С. В.* Исследование Большого Салбыкского кургана в 1954 и 1955 гг.— Тезисы докладов на сессии отделения исторических наук и пле-

- нума ИИМК, посвященной итогам археологических исследований. 1955, М.—Л., 1956.
311. Киселев С. В. Китай и Сибирь в бронзовом веке.— Тезисы докладов исторического факультета МГУ. М., 1955.
 312. Киселев С. В. Литейная форма из Сибири.— Труды Секции археологии РАНИОН. Вып. III. М., 1928.
 313. Киселев С. В. Монголия в древности.— Известия АН СССР. Т. IV. Вып. 4. М., 1947.
 314. Киселев С. В. Неолит и бронзовый век Китая.— СА. 1960, № 4.
 315. Киселев С. В. Об археологической работе в Китае.— ВИ. 1954, № 3.
 316. Киселев С. В. Первобытнообщинный строй.— История Монгольской Народной Республики. М., 1954.
 317. Киселев С. В. Разложение рода и феодализма на Енисее. Л., 1933.
 318. Киселев С. В. Семантика орнамента карасукских стел.— Из истории докапиталистических формаций. М.—Л., 1933.
 319. Клеменц Д. А. Заметка о потухших вулканах в Хангае.— Известия ВСОРГО. Т. XXVIII. 1887. Иркутск, 1897.
 320. Клеменц Д. А. Письмо доктора Клеменца.— Вестник РГО. 1858, № 3.
 321. Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники. М., 1964.
 322. Кляшторный С. Г. Кангойская этнотопонимика в орхонских текстах.— СЭтн. 1951, № 3.
 323. Кляшторный С. Г. Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках.— Тюркологический сборник 1977. М., 1981.
 324. Кляшторный С. Г. Новые эпиграфические работы в Монголии (1969—1976).— История и культура Центральной Азии. М., 1983.
 325. Кляшторный С. Г. Согдийцы в Семиречье.— СЭтн. 1959, № 1.
 326. Кляшторный С. Г. Согдийцы в Центральной Азии (по руническим текстам).— ЭВ. Т. XIV. 1961.
 327. Кляшторный С. Г. Титул согдийского владельца в древнетюркском тексте.— ПВ. 1960, № 6.
 328. Кляшторный С. Г., Лившиц В. А. Согдийская надпись из Бугута.— Страны и народы Востока. Т. 10. М., 1971.
 329. Кляшторный С. Г., Шер Я. А. Петроглифы и эпиграфика в Саянском каньоне Енисея.— АО 1971 г. М., 1972.
 330. Кожин П. М. Гобийская квадрига.— СА. 1968, № 3.
 331. Кожин П. М. К вопросу о происхождении иньских колесниц.— Сборник МАЭ. Т. XXV. Л., 1969.
 332. Кожин П. М. Колесничьи сюжеты в наскальном искусстве Центральной Азии.— АЭАМ. Новосибирск, 1987.
 333. Кожин П. М. Об иньских колесницах. Ранняя этническая история народов Восточной Азии. М., 1977.
 334. Кожин П. М. Этнокультурная специфика древнекитайского искусства.— XV научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 1. М., 1984.
 335. Колесник Н. Н. Крупный рогатый скот Монголии и его происхождение.— Труды Монгольской комиссии. № 22. М.—Л., 1936.
 336. Комиссаров С. А. Проблема преджоуской культуры в археологии Китая.— XV научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 1. М., 1984.
 337. Комиссаров С. А. Чжоуские колесницы.— Известия СО АН СССР. Сер. общественных наук. № 1. Вып. 1, 1980.
 338. Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье. Улан-Удэ, 1976.
 339. Константинов М. В., Константинова Н. Н., Семина Л. В. Каменный инвентарь со стоянки позднего неолита — ранней бронзы юго-западного Забайкалья.— Древние культуры Сибири и Тихоокеанского бассейна. Новосибирск, 1979.
 340. Котович В. М. Древнейшие писаницы горного Дагестана. М., 1976.
 341. Кочешков Н. В. Народное искусство монголов. М., 1873.
 342. Крупнов Е. И. Об уточненной датировке и периодизации кобанской культуры.— СА. 1969, № 1.

343. Крюков М. В. Род и государство в иньском Китае.— ВДИ. 1961, № 2.
344. Крюков М. В. Система родства китайцев (эволюция и закономерности). М., 1972.
345. Крюков М. В. У истоков древних культур Восточной Азии.— НАА. 1964, № 6.
346. Крюков М. В. Формы социальной организации древних китайцев. М., 1967.
347. Крюков М. В., Малавин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос на пороге средних веков. М., 1979.
348. Крюков М. В., Переломов Л. С., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983.
349. Крюков М. В., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы (Проблема этногенеза). М., 1978.
350. Кубарев В. Д. Древние изваяния Алтая. Оленные камни. Новосибирск, 1979.
351. Кубарев В. Д. Звериный стиль Восточного Алтая в кругу скифских культур Южной Сибири (по материалам Уландрыкского могильника).— Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск, 1975.
352. Кубарев В. Д. Научный отчет об археологических исследованиях в Горноалтайской автономной области в 1975 г.— Архив ИА АН СССР. 1975.
353. Кубарев В. Д. Олений камень с реки Чуй.— Древние культуры Сибири и Тихоокеанского бассейна. Новосибирск, 1979.
354. Кузнецов А. К. Археологические изыскания в юго-западной части Забайкалья летом 1892 г. Чита, 1898.
355. Кузнецов А. К. Развалины Кондуйского городка и его окрестности.— Записки Забайкальского отдела РГО. Вып. XVI, Владивосток, 1925.
356. Кузьмина Е. Е. Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории древнего населения южнорусских степей.— ВДИ. 1974, № 4.
357. Кушаев Г. А. Два типа курганных погребений реки Или.— ТИИАЭ АН КазССР.— А.-А., 1956.
358. Кызласов Л. Р. Древние орудия горного дела Алтая.— Новое в советской археологии. М., 1965.
359. Кызласов Л. Р. Древняя Тува. М., 1979.
360. Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М., 1969.
361. Кызласов Л. Р. К изучению оленных камней и менгунов.— КСИА. Вып. 154. М., 1978.
362. Кызласов Л. Р. Краткая история археологического изучения Тувы.— Вестник МГУ (история). 1965, № 4.
363. Кызласов Л. Р. Рецензия на труды ТКАЭЭ ИЭ АН СССР. Вып. I. М.— Л., 1960.
364. Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. М., 1960.
365. Кызласов Л. Р. Уюкский курган Аржан и вопрос о происхождении сакской культуры.— СА. 1976, № 2.
366. Кызласов Л. Р. Этапы древней истории Тувы.— Вестник Московского Университета. 1958, № 4.
367. Кызласов Л. Р., Кызласов И. Л. Исследования на территории Хакасии.— АО 1972 г. М., 1973.
368. Кызласов Л. Р., Леонтьев Н. В. Народные рисунки хакасов. М., 1980.
369. Кычанов Е. И., Новгородова Э. А. Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии.— НАА. 1973, № 6.
370. Ларичев В. Е. Азия далекая и таинственная. М., 1968.
371. Ларичев В. Е. Бронзовый век Северо-Восточного Китая.— СА. 1961, № 1.
372. Ларичев В. Е. Древние культуры Северного Китая (Эпоха неолита и бронзы). Т. 1. Новосибирск, 1959.
373. Ларичев В. Е. К вопросу о локальных культурах нижнего палеолита в Восточной и Центральной Азии.— Археология и этнография Дальнего Востока. Новосибирск, 1964.
374. Ларичев В. Е. К вопросу о микролитическом характере неолитических культур Центральной Азии, Забайкалья и Дунбэя.— Труды Бурятского комплексного научно-исследовательского института. Вып. 3, 22. Улан-Удэ, 1960.
375. Ларичев В. Е. Незабываемыми тропами.— За науку в Сибири. 1964, № 34.

376. Ларичев В. Е. Неолит Дунбэя и его связи с культурами каменного века Северо-Восточной Азии.— Археологический сборник АН СССР. Улан-Удэ, 1959.
377. Ларичев В. Е. Неолит и бронзовый век Корен.— Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Неолит и эпоха бронзы. Новосибирск, 1978.
378. Ларичев В. Е. О происхождении культуры плиточных могил Забайкалья.— Археологический сборник. Улан-Удэ, 1959, № 1.
379. Ларичев В. Е. Открытие нижнего палеолита в Центральной Азии (некоторые итоги работ советско-монгольской экспедиции).— Вестник АН СССР, 1963, № 4.
380. Ларичев В. Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. Ч. 1. 1969; Ч. 2. 1972. Новосибирск.
381. Ларичев В. Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии (Формирование основ современных представлений о палеолите Азии). Автореф. докт. дис. Новосибирск, 1971.
382. Ларичев В. Е., Волков В. В. Мустьерские и неолитические памятники Южной Гоби (Солонкер—сомон, Сулат Хэрз-обо).— Археология и этнография Дальнего Востока. Новосибирск, 1964.
383. Леммлейн Г. Г. Техника сверления каменных бус из раскопок на Кавказе.— КСИИМК. Вып. 18. 1947.
384. Леонтьев Н. В. Изображения животных и птиц на плитах могильника на Черновой-VIII.— Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970.
385. Леонтьев Н. В. Каменные фигурные жезлы Сибири.— Первобытная археология Сибири. Л., 1975.
386. Леонтьев Н. В. Колесный транспорт эпохи бронзы на Енисее.— Вопросы археологии Хакасии. Абакан, 1980.
387. Леруа-Гуран А. Религия доистории.— Первобытное искусство. Новосибирск, 1971.
388. Лескова С. Т. Стрельба из лука и управление колесницей в обрядовой песне древнего Китая.— Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. М., 1947.
389. Лившиц В. А. Разделы главы «Распад первобытнообщинного строя». — ИТН. Т. I. Душанбе, 1963.
390. Лившиц В. А. Согдийская надпись из Бугуда.— II Международный конгресс монголоведов. УБ., 1973.
391. Лившиц В. А., Кайфман К. В., Дьяконов И. М. О древней согдийской письменности Бухары.— ВДИ. 1954, № 1.
392. Липский А. Н. Афанасьевское в карасукской эпохе и карасукское у хакасов.— МИАЭИКК, Красноярск, 1963.
393. Литвинский Б. А. Бронзовый век.— ИТН. Т. I. 1963.
394. Литвинский Б. А. К истории добычи олова в Узбекистане.— Труды САГУ. Вып. XI. Гуманитарные науки. Кн. 3. Археология Средней Азии. Ташкент, 1950.
395. Литвинский Б. А. Кангюйско-сарматский фарн. Душанбе, 1968.
396. Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши Мира». М., 1972.
397. Литвинский Б. А. Оружие населения Памира и Ферганы в сакское время. Бронзовые топоры. Кинжалы. Наконечники стрел.— Материальная культура Таджикистана. Вып. I. Душанбе, 1968.
398. Литвинский Б. А. «Саки, которые за Согдом». — Труды АН Тадж. ССР. Т. СХХ. Душанбе, 1960.
399. Литвинский Б. А. Сложносоставной лук в древней Средней Азии (к проблеме эволюции лука на Востоке).— СА. 1966, № 4.
400. Литвинский Б. А. Таджикистан и Индия (примеры древних связей и контактов).— Индия в древности. М., 1964.
401. Литвинский Б. А., Окладников А. П., Ранов В. А. Древности Кайрак-Кумов (Древнейшая история Северного Таджикистана). Душанбе, 1962.
402. Литвинский Б. А., Пьянков И. В. Военное дело у народов Средней Азии в VI—IV вв. до н. э.— ВДИ. 1966, № 3.
403. Лубо-Лесниченко Е. И. Китайские шелковые ткани периода Хань (II в. до н. э.— II в. н. э.) в собрании Государственного Эрмитажа. Л., 1958.

404. Лувсандэндэв А. Из письменной традиции кочевников Центральной Азии.— Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии. УБ., 1974.
405. Мавнесян А. А., Мамонова Н. Н., Рычков Ю. Г. Программа и методика исследования аномалий черепа.— Вопросы антропологии. Вып. 51. 1975.
406. Максимова А. Г. Наскальные изображения ущелья Тамгалы.— Вестник АН КазССР. 1958, № 9.
407. Максимова А. Г., Ермолаева А. С., Марьяшев А. Н. Наскальные изображения урочища Тамгалы. А.-А., 1985.
408. Мамонова Н. Н. Антропологические исследования древнего населения Западной Монголии по данным палеоантропологии.— Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. Л., 1980.
409. Мамонова Н. Н. Антропологический тип древнего населения Западной Монголии по данным палеоантропологии.— Сборник МАЭ. Вып. XXXVI. Л., 1980.
410. Мамонова Н. Н. Демография Улангомского могильника (Саяно-Тувинская культура V—III вв. до н. э.).— Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978.
411. Мамонова Н. Н. Древнее население Монголии по данным палеоантропологии.— III Международный конгресс монголоведов. Т. III. УБ., 1979.
412. Мамонова Н. Н. К антропологии гуннов Забайкалья (по материалам могильника Черемуховой пади).— Расо-генетические процессы в этнической истории. М., 1974.
413. Мамонова Н. Н. К вопросу о межгрупповых различиях в неолите Прибайкалья.— Вопросы антропологии. Вып. 71. 1983.
414. Мамонова Н. Н. Новые находки неолитических черепов в Забайкалье.— Записки БМНИИК. Вып. XXIII. Улан-Удэ, 1957.
415. Мамонова Н. Н. Опыт применения таблиц В. В. Бунака при разработке остеологических материалов.— Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас. М., 1986.
416. Мандельштам А. М. Наскальные изображения «Текке-Таш» в Каратегине.— Известия АН Таджикской ССР. Т. 17. Душанбе, 1956.
417. Мандельштам А. М. О некоторых проблемах изучения истории ранних кочевников Средней Азии и Казахстана.— Успехи среднеазиатской археологии. Л., 1975.
418. Мандельштам А. М. О результатах работ на могильнике Аймырлыг.— АО 1970 г. М., 1971.
419. Мандельштам А. М. Раскопки на могильнике Аймырлыг и городище Бажин-Алаак.— АО 1969 г., М., 1970.
420. Маннай-оол М. Х. Оленные камни Тувы.— УЗТНИИЯЛИ. Вып. 136. Кызыл, 1968.
421. Маннай-оол М. Х. Тува в скифское время (уюкская культура). М., 1970.
422. Маргулан А. Л. Открытие новых памятников эпохи бронзы. М., 1960.
423. Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. А.-А., 1968.
424. Маретина С. А. О культе камней у нага.— Религия и мифология народов Восточной и Южной Азии. М., 1970.
425. Маркович В. И. Наскальные изображения на скалах в районе Буйнакска.— Материалы по археологии Дагестана. Вып. II. Махачкала, 1961.
426. Марков Т. Е. Кочевники Азии. М., 1976.
427. Мартынов А. И. Лодки — в страну предков. Кемерово, 1966.
428. Мартынов А. И. Тисульские курганы тагарской культуры. Кемерово, 1972.
429. Марьяшев А. Н. Древние наскальные рисунки Чулакских гор.— Вестник АН Казахской ССР. Вып. 9. 1971.
430. Марьяшев А. Н. Петроглифы Иссык-Куля.— Природа. 1970, № 9.
431. Масанов Н. Э. Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII—XIX вв. А.-А., 1984.
432. Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргяны (МИА, № 73). М.—Л., 1959.
433. Массон В. М. Изучение энеолита и бронзового века Средней Азии.— СА. 1957, № 4.
434. Массон В. М. Памятники культуры арханского Дагестана и Юго-Запад-

- ной Туркмении.— Труды Южно-Туркменской археологической экспедиции. Вып. VII. Ашхабад, 1956.
435. Массон В. М. Средняя Азия и Древний Восток. М., 1964.
 436. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Предисловие, перевод и примечания В. С. Таскина. М., 1968.
 437. Матющенко В. И. Вопросы датировки Томских неолитических памятников.— Ученые записки Томского университета. Т. 35. Томск, 1960.
 438. Матющенко В. И. К вопросу о бронзовом веке в низовьях р. Томи.— СА. 1959, № 3.
 439. Мелюкова А. И. Вооружение скифов. М., 1964.
 440. Мелюкова А. И. Вооружение, войско и военное искусство скифов (по археологическому материалу и письменным источникам). Канд. дис. М., 1950.
 441. Мелюкова А. И. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья (МИА, № 64). М., 1958.
 442. Мещанинов И. И. Каменные статуи рыб-вишапов на Кавказе и в Северной Монголии. Л., 1925.
 443. Мещеряков А. Н. Социально-политическая борьба в Японии VI—VIII вв. и отношения между буддизмом и синтоизмом. Автореф. канд. дис. М., 1979.
 444. Мириманов В. Б. Первобытное и традиционное искусство. М., 1973.
 445. Митяев П. Е. Методика анализа керамического декора.— Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М., 1981.
 446. Миханкова. Вишапы.— Сборник ГАИМК. 1931.
 447. Млекопитающие Советского Союза. Т. I. М., 1962.
 448. Мольнар Э. Проблемы этногенеза и древней истории венгерского народа. Будапешт, 1955.
 449. Мошинская В. И. Сузгун II — памятник эпохи бронзы лесной полосы Западной Сибири (МИА, № 58). М., 1957.
 450. Наваан Д. Бронзовый век Восточной Монголии. Автореф. канд. дис. УБ., 1973.
 451. Наваан Д. Новые находки «звериного стиля» Монголии (по материалам советско-монгольской историко-культурной экспедиции 1972—1974 гг.).— Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978.
 452. Нарты. Эпос осетинского народа. М., 1957.
 453. Николаев Р. В. Некоторые вопросы кетского этногенеза и динлинская проблема.— Красноярский край. Вып. 2. Красноярск, 1962.
 454. Новгородова Э. А. Археологические открытия и проблемы древней истории.— Общественные науки в МНР. М., 1977.
 455. Новгородова Э. А. Аршан-хад — древнейший памятник изобразительного искусства Восточной Монголии.— История и культура Центральной Азии. М., 1983.
 456. Новгородова Э. А. Древнейшие изображения колесниц в горах Монголии.— СА. 1978, № 4.
 457. Новгородова Э. А. Из истории древнейших связей Южной Сибири с Монголией.— Тезисы и планы докладов на конференции аспирантов и молодых научных работников ИНА АН СССР. М., 1964.
 458. Новгородова Э. А. Искусство древней Монголии.— Искусство и культура Монголии и Центральной Азии. М., 1981.
 459. Новгородова Э. А. Искусство ранних кочевников Монголии.— Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии. УБ., 1974.
 460. Новгородова Э. А. К вопросу о древнем центральноазиатском защитном вооружении (середина I тысячелетия до н. э.).— Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск, 1975.
 461. Новгородова Э. А. Карасукские традиции в раннескифском монументальном искусстве Монголии.— Древний Восток. М., 1975.
 462. Новгородова Э. А. Культурные сюжеты на петроглифах Монголии.— Идеологические представления древнейших обществ. М., 1980.
 463. Новгородова Э. А. Локальные группы карасукской культуры (анализ украшений).— Ученые записки МОПИ им. Крупской. Т. СХХХIII. М., 1963.
 464. Новгородова Э. А. Мир петроглифов Монголии. М., 1984.
 465. Новгородова Э. А. Мифы и культы древней Монголии.— ВАН СССР. 1980, № 2.

466. Новгородова Э. А. Новые археологические находки на фоне текстов «Шинца».— VII научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. М., 1976.
467. Новгородова Э. А. Ножи карасукского времени из Монголии и Южной Сибири.— МАС. М., 1962.
468. Новгородова Э. А. О возможном значении петроглифов на некоторых чжоуских сосудах.— XVI научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 1. М., 1985.
469. Новгородова Э. А. О датировке и назначении петроглифов, открытых в Северном Китае.— XII научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 2. М., 1981.
470. Новгородова Э. А. Оленные камни и некоторые вопросы древней истории Монголии.— II Международный конгресс монголоведов. УБ., 1973.
471. Новгородова Э. А. «Орнамент» на ордосских и центральноазиатских поясных бляхах хуннского времени и его интерпретации.— XIV научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 2. М., 1983.
472. Новгородова Э. А. Памятники древности и некоторые проблемы монгольского этногенеза.— Проблемы Дальнего Востока. 1977, № 1.
473. Новгородова Э. А. Памятники изобразительного искусства древнетюркского времени на территории МНР.— Тюркологический сборник. 1977. М., 1981.
474. Новгородова Э. А. Периодизация петроглифов Монголии.— Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М., 1981.
475. Новгородова Э. А. Ранний этап этногенеза народов Монголии (конец III—I тыс. до н. э.).— Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М., 1981.
476. Новгородова Э. А. Сопоставление древних петроглифов Монголии с некоторыми китайскими графическими формами.— XI научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 2. М., 1980.
477. Новгородова Э. А. Центральная Азия и карасукская проблема. М., 1970.
478. Новгородова Э. А., Горелик М. В. Наскальные изображения тяжеловооруженных воинов с Монгольского Алтая.— Древний Восток и античный мир. М., 1980.
479. Новик Е. Фольклорные основы древних обрядов.— Декоративное искусство. 1978, № 12.
480. Общественные науки в МНР. М., 1977.
481. Окладников А. П. Археологические исследования в Бурят-Монголии.— История и культура Бурятии. Улан-Удэ, 1976.
482. Окладников А. П. Берхотенский могильник — памятник древней культуры народов Сибири. Новосибирск, 1978.
483. Окладников А. П. Древнейшие петроглифы Аршан-хада.— Пластика и рисунки древних культур. Новосибирск, 1983.
484. Окладников А. П. Из области духовной культуры неолитических племен долины Керулена: ритуальные захоронения остатков животных.— Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978.
485. Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья (МИА, № 18). Ч. I и II. М.—Л., 1950.
486. Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья (МИА, № 43). Ч. III. М.—Л., 1954.
487. Окладников А. П. Неолитические памятники Средней Ангары. Новосибирск, 1975.
488. Окладников А. П. Новое в изучении древнейших культур Монголии.— СЭтн, 1962, № 1.
489. Окладников А. П. Новые данные по древней истории Монголии.— II Международный конгресс монголоведов. Т. I. УБ., 1973.
490. Окладников А. П. Новые данные по древнейшей истории Монголии.— Вестник древней истории. 1951, № 4.
491. Окладников А. П. Олений камень с реки Иволги.— СА. Вып. XIX. 1954.
492. Окладников А. П. Олень — золотые рога. М., 1964.
493. Окладников А. П. Первобытная Монголия.— К вопросам древнейшей истории Монголии. УБ., 1964.

494. Окладников А. П. Петроглифы Забайкалья. Ч. 2. Л., 1970.
495. Окладников А. П. Петроглифы Чулуутун-гола. Новосибирск, 1981.
496. Окладников А. П. Триподы за Байкалом.— СА. 1959, № 3.
497. Окладников А. П. Центральноеазиатский очаг первобытного искусства (К итогам советско-монгольской археологической экспедиции 1966).— ВАН. 1967, № 1.
498. Окладников А. П. Центральноеазиатский очаг первобытного искусства. Новосибирск, 1972.
499. Окладников А. П., Волков В. В. Советско-монгольская историко-культурная экспедиция.— ВАН. 1977, № 9.
500. Окладников А. П., Деревянко А. П. Громатухинская культура. Новосибирск, 1977.
501. Окладников А. П., Деревянко А. П. Тамцаг-булак — неолитическая культура Восточной Монголии.— Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Вып. V. Улан-Удэ, 1970.
502. Окладников А. П., Кириллов И. И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. Новосибирск, 1980.
503. Окладников А. П., Окладникова Е. А., Запорожская В. Д., Скорынина Э. А. Петроглифы долины реки Елангаш. Новосибирск, 1979.
504. Окладников А. П., Окладникова Е. А., Запорожская В. Д., Скорынина Э. А. Петроглифы горного Алтая. Новосибирск, 1980.
505. Окладников А. П., Худяков Ю. С., Асеев И. В., Конопацкий А. К. Археологические исследования в Монголии в 1979—1980 годах.— Археология эпохи камня и металла Сибири. Новосибирск, 1983.
506. Окладников А. П., Дорж Д. Памятники каменного века на юге МНР.— Археологический сборник. Т. VII. Вып. 1—9. 1977.
507. Окладников А. П., Ларичев В. Е. Археологические исследования в Монголии в 1968 г.— Известия СОАН СССР. Вып. 2, № 6. Новосибирск, 1969.
508. Окладников А. П., Ларичев В. Е. Археологические исследования в Монголии в 1961—1962 гг. (Краткие итоги работ советско-монгольской экспедиции по изучению каменного века Центральной Азии).— Известия СО АН СССР. Вып. 1, № 1. Новосибирск, 1963.
509. Палладий О. Путевые записи китайца Чжан Дэхой во время путешествия его в Монголию в первой половине XIII столетия.— ЗИРГО. Кн. IX—X. Иркутск, 1867.
510. Паллас П. С. Рассуждение о старинных рудных коях в Сибири и их подобий с венгерскими, различающимися от копей Римских.— Академические известия на 1780 г. Ч. V. СПб., 1780.
511. Певцов М. В. Путешествие по Китаю и Монголии. М., 1951.
512. Першиц А. И. Оседлое и кочевое общество Северной Аравии в новое время. М., 1971.
513. Петри Б. Э. Далекое прошлое Бурятского края. Иркутск, 1922.
514. Петри Б. Э. Доисторические кузницы в Прибайкалье. Иркутск, 1922.
515. Петри Б. Э. Курумчинские кузницы в Забайкалье. Иркутск, 1924.
516. Петрин В. Т. К проблеме классификации памятников каменного века в Монголии.— АЭАМ. Новосибирск, 1987.
517. Петрин В. Т. Раскопки позднелитической стоянки Черноозерье-II на среднем Иртыше.— Из истории Сибири. Томск, 1974.
518. Петров В. Г., Зенин В. Н. Индустрия палеолитических памятников левобережья реки Бодончин-Гол.— АЭАМ. Новосибирск, 1987.
519. Петров М. П. Растительность пустынь Центральной Азии (Ордос, Алашань, Бэйшань) и закономерности ее распределения.— Вопросы ботаники. Вып. 3. М., 1960.
520. Пиотровский Б. Б. Археология Закавказья. Л., 1949.
521. Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959.
522. Пиотровский Б. Б. Вишапы. Л., 1939.
523. Пиотровский Б. Б. Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье.— СА. Вып. XXIII. 1955.
524. Пиотровский Б. Б. Скифы и Древний Восток.— СА. Вып. XIX. 1954.
525. Пиотровский Б. Б. Скифы и Закавказье.— Ученые записки ЛГУ. Вып. 13. Л., 1949.

526. *Плано Карпини. История монголов.* СПб., 1911.
527. *Плейстоцен Сибири и смежных областей.* М., 1973.
528. *Плетнева С. А. Половецкие погребения в урочище Каменная балка.— Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону, 1962.*
529. *Плотников Ю. А. Разведка по южным склонам Танну-Ола.— АО 1981 г. М., 1982.*
530. *Победимова Е. Г. Рекогносцировочные ботанические исследования в юго-восточной Монголии.— Труды Монгольской комиссии. № 9. Л., 1933.*
531. *Поло М. Книга Марко Поло. М., 1956.*
532. *Полторацкая В. Н. Граффити на некоторых вещах из алтайских курганов.— Сборник ГЭ. Вып. XXII. Л., 1962.*
533. *Полторацкая В. Н. Памятники ранних кочевников в Туве (по раскопкам С. А. Теплоухова).— АСГЭ. Вып. 8. М.—Л., 1966.*
534. *Позднеев А. Монголия и монголы. Т. 1. СПб., 1896.*
535. *Позднеев А. Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892—1893 гг. Т. 1. СПб., 1896.*
536. *Попов А. А. Енисейские ненцы (юраки).— Известия ВГО. Л., Т. 76. Вып. 2—3, 1944.*
537. *Попов А. А. Нганасаны. М., 1948.*
538. *Попов А. А. Тавгийцы. М.—Л., 1936.*
539. *Попов С. А. Археологические находки на территории Оренбургской области.— Археолого-этнографический бюллетень. 1964, № 2.*
540. *Поппе Н. Н. К вопросу о происхождении скотоводства у монголов.— Труды монгольской комиссии. № 22. М.—Л., 1936.*
541. *Потанов Л. П. Древнетюркские черты почитания неба у саяно-алтайских народов.— Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978.*
542. *Потанов Л. П. О некоторых наскальных изображениях в горах Танну-Ола и Монгун-Тайги.— Сборник МАЭ. Вып. 18. Л., 1958.*
543. *Потанов Л. П. Следы тотемических представлений у алтайцев.— СЭтн., 1935, № 4—5.*
544. *Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1881.*
545. *Природа и древний человек. М., 1981.*
546. *Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 1946.*
547. *Равдоникас Ф. В. Лунарные знаки в наскальных изображениях Онежского озера.— У истоков творчества. Новосибирск, 1978.*
548. *Равдоникас В. И. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадильным развитием Северного Причерноморья.— Готский сборник. Л., 1932.*
549. *Радлов В. В. Атлас древностей Монголии.— Труды Орхонской экспедиции. Вып. 1—4. СПб., 1892—1899.*
550. *Раевский Д. С. Модель мира скифской культуры. М., 1985.*
551. *Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977.*
552. *Раевский Д. С. Скифские каменные изваяния в системе религиозно-мифологических представлений ираноязычных народов евразийских степей.— Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. М., 1983.*
553. *Редер Д. Г. Восточные тексты о Скифии и Кавказе.— ВДИ. 1947, № 2.*
554. *Религиозные верования народов СССР. Сборник этнографических материалов. Т. 2. М.—Л., 1931.*
555. *Рерих Ю. Н. Звериный стиль у кочевников Северного Тибета. СПб., 1900.*
556. *Ранов В. А. Каменный век Таджикистана. Душанбе, 1965.*
557. *Ранов В. А. О связях культур палеолита Средней Азии и некоторых стран зарубежного Востока. М., 1964.*
558. *Ранов В. А. Рисунки каменного века в гроте Шахты.— СЭтн., 1961, № 6.*
559. *Ринчэн. Дома духов у шаманов Прикосоголя.— АОН. Т. XV. Вып. 1—3. Budapest, 1962.*
560. *Рогинская А. Зараут-сай. Записки художника. М.—Л., 1950.*
561. *Рона-Таш А. По следам кочевников. М., 1964.*
562. *Рубрук В. Путешествие в Восточные страны. СПб., 1911.*
563. *Руденко С. И. Второй Пазырыкский курган. Л., 1948.*
564. *Руденко С. И. Горноалтайские находки и скифы. М., 1952.*

565. Руденко С. И. Искусство Алтая и Передней Азии. М., 1961.
566. Руденко С. И. Искусство скифов Алтая. М., 1949.
567. Руденко С. И. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках.— Материалы по этнографии. Вып. 1. Л., 1961.
568. Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.—Л., 1960.
569. Руденко С. И. Культура хунну и ноинулинские курганы. М.—Л., 1962.
570. Савинов Д. Г. Вопросы изучения петроглифов древнетюркского времени Центральной Азии.— Тюркологическая конференция в Ленинграде «Филология и история тюркских народов». Л., 1967.
571. Савинов Д. Г. К археологии Восточного Алтая.— Археология и краеведение Алтая. Барнаул, 1972.
572. Савинов Д. Г. Курганы позднескифского времени в долине Узунтал.— АО 1973 г. М., 1974.
573. Савинов Д. Г. О культурной принадлежности северокавказских каменных обелисков.— Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977.
574. Савинов Д. Г., Членова Н. Л. Западные пределы распространения оленных камней и вопросы их культурно-этнической принадлежности.— Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978.
575. Савинов Д. Г., Членова Н. Л. Северокавказские оленные камни в ряду оленных камней Евразии.— КСИА. Вып. 162. М., 1980.
576. Самбу Ж. Как вести скотоводческое хозяйство. Советы-наставления аратам. УБ., 1945.
577. Серкина А. А. Значение охоты в Китае в эпоху гадательных костей.— КСИНА. Вып. 6. М., 1963.
578. Серкина А. А. Опыт дешифровки китайского письма (надпись на гадальных костях). М., 1973.
579. Серкина А. А. Символы рабства в древнем Китае. М., 1982.
580. Сихарулидзе А. Н. Вешапы и вешапонды Грузии (по этнографическим материалам). Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1970.
581. Смирнов В. А. Отчет о работе гидрохимического отряда Монгольской экспедиции 1926 г.— Труды Монгольской комиссии. № 1/2. Л., 1932.
582. Соломатина С. Н. Обряды призвания уруг куду у западных тувинцев (к материалам о женских культах у народов Саяно-Алтая).— Всесоюзная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения академика Б. Я. Владимирцова. Тезисы докладов. М., 1984.
583. Сорокин С. С. Свернувшийся зверь из Зивийе.— Сообщения ГЭ. Вып. XXIV. Л., 1972.
584. Сорокин С. С. Цепочка курганов времени ранних кочевников на правом берегу Кок-су (Южный Алтай) — АСТЭ. Л., 1974.
585. Сосновский Г. П. К истории добычи олова на востоке СССР.— Проблемы истории материнской культуры. 1933, № 9—10.
586. Сосновский Г. П. О находках древней каменной индустрии и остатков страусов в Селенгинской Даурии.— Сообщения ГАИМК. М., 1932.
587. Сосновский Г. П. Плиточные могилы Забайкалья.— Труды Эрмитажа. Отдел первобытной культуры. Вып. 1. Л., 1941.
588. Степугина Т. В. К вопросу о социально-экономических отношениях в Китае XV—XII вв. до н. э.— ВДИ. 1950, № 2.
589. Студзицкая С. В. Памятники искусства малых форм древней Сибири как исторический источник. Автореф. канд. дис. М., 1972.
590. Струве В. В. Арийская проблема.— СЭтн., Вып. VI—VII. М.—Л., 1947.
591. Струве В. В. Родина зороастризма.— Советское востоковедение. 1948, № V.
592. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. 1, 2, 3. Перевод Р. В. Вяткина и В. С. Таскина. М., 1971, 1975.
593. Сычев В. Л. Кorteжи в системе изображений в ханьском погребении с рельефами.— Сообщения Государственного музея народов Востока. Вып. III. М., 1970.
594. Сэр-Оджав Н. Археологические памятники Монголии.— Современная Монголия. 1960, № 7.
595. Сэр-Оджав Н. Древняя история Монголии (XIV в. до н. э.— XII в. н. э.). Автореф. докт. дис. Новосибирск, 1971.

596. *Талько-Гринцевич Ю. Д.* Население древних могил и кладбищ Забайкальских. Верхнеудинск, 1928.
597. *Талько-Гринцевич Ю. Д.* Материалы по палеоэтнологии Забайкалья.— Труды Троицко-Кяхтинского отделения РГО. Т. IV. Кяхта, 1900.
598. *Тейлор Э.* Первобытная культура. М., 1939.
599. *Тенишев Э. Р., Новгородова Э. А.* Новые рунические надписи в горах Монгольского Алтая.— История и культура Центральной Азии. М., 1983.
600. *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев, 1976.
601. *Тиваненко А. В.* Древние культовые святилища — новый тип археологических памятников Забайкалья.— Древние культуры Сибири и Тихоокеанского бассейна. Новосибирск, 1979.
602. *Тиваненко А. В.* Новые памятники древнего наскального искусства Забайкалья.— Материальная культура и искусство Забайкалья. Улан-Удэ, 1983.
603. *Толстов С. П.* Древний Хорезм. М., 1948.
604. *Тончева Г.* Два надгробных монументальных памятника фракийским вождям.— Тракия. I, София, 1972.
605. *Топоров В. Н.* К происхождению некоторых поэтических символов.— Ранние формы искусства. М., 1972.
606. *Трубачев О. Н.* Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960.
607. *Тугаринов А. Я.* Ископаемый страус в Забайкалье.— Доклады АН СССР, № 23, 1930.
608. *Успенский Б. А.* Структурная общность различных видов искусства на материале живописи и литературы. М., 1970.
609. *Федоров-Давыдов Г. А.* Искусство кочевников в Золотой Орде. М., 1976.
610. *Федорович Б. А.* Природные условия аридных зон СССР и пути развития в них животноводства.— Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1973.
611. *Финни Д. Д.* Применение статистики в опытно-дел. М., 1957.
612. *Флоренсов Н. А., Иванов Л. Н.* О палеолите в Гобийском Алтае.— Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978.
613. *Форд Д. А.* Количественный метод установления археологической хронологии.— СЭтн., 1962, № 1.
614. *Формозов А. А.* Всемирно-исторический масштаб или анализ конкретных источников.— СЭтн., 1969, № 4.
615. *Формозов А. А.* К проблеме очагов первобытного искусства.— СА. 1983, № 6.
616. *Формозов А. А.* Наскальные изображения Урала и Казахстана эпохи бронзы и их семантика.— СЭтн., 1950, № 3.
617. *Формозов А. А.* Очерки по первобытному искусству. М., 1969.
618. *Фрадкин Э. Е.* Памятники палеолитического искусства Костенок I. Автореф. канд. дис. Л., 1975.
619. *Фрайденберг О. М.* Миф и литература древности. М., 1978.
620. *Фролов Б. А.* Палеолитическое искусство и мифология.— У истоков творчества. Новосибирск, 1978.
621. *Хазанович А.* Друзья мои нганасаны. М., 1986.
622. *Хамзина Е. А.* Археологические памятники Бурятии. Улан-Удэ, 1982.
623. *Хамзина Е. А.* Археологические памятники Западного Забайкалья. Улан-Удэ, 1970.
624. *Хамзина Е. А.* Плиточный могильник в Баргузинской долине.— По следам древних культур Забайкалья. Новосибирск, 1983.
625. *Хангалов М. Н.* Собрание сочинений. Т. I. 1958; т. II, 1959; т. III, 1960. Улан-Удэ.
626. *Хлобыстина М. Д.* Тотемно-космогонические образы в искусстве южносибирской бронзы.— У истоков творчества. Новосибирск, 1978.
627. *Хлобыстина М. Д.* Южносибирская торевтика в карасукских бронзах.— Сибирь и ее соседи. Новосибирск, 1970.
628. *Хлюпин И. Н.* Геоксирская группа поселений эпохи энеолита. М.—Л., 1964.
629. *Худяков Ю. С.* Херексуры и оленные камни.— АЭАМ. Новосибирск, 1987.
630. *Цзвэндорж Д.* Чандманская культура.— Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978.

631. Цалкин В. И. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М., 1970.
632. Цейтлин С. М. Схема геологической периодизации палеолита Северной Азии.— Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск, 1975.
633. Цейтлин С. М. Человек и среда палеолита Сибири.— Стратиграфия палеографии и литогенез антропогена Евразии (К конгрессу INQUA. Новая Зеландия). М., 1973.
634. Чарнолуский В. В. Легенда об олене-человеке. М., 1965.
635. Черников С. С. К вопросу о датировке предметов «Звериного стиля» в Восточном Казахстане.— Тезисы доклада III Всесоюзной конференции по вопросам скифо-сарматской археологии. М., 1972.
636. Членова Н. Л. Место культуры Тувы скифского времени в ряду других скифских культур Евразии.— УЗТНИИЯЛИ. Вып. IX. Кызыл, 1961.
637. Членова Н. Л. Оленные камни как исторический источник. Новосибирск, 1984.
638. Членова Н. Л. Основные вопросы происхождения тагарской культуры Южной Сибири.— Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961.
639. Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967.
640. Членова Н. Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М., 1972.
641. Шавкунов Э. В. Обследование гуннских городищ в Монголии.— АО 1969 г. М., 1970.
642. Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980.
643. Ширендыб Б. Монголия на рубеже XIX—XX веков. УБ., 1963.
644. Ширендыб Б. Минута капитализм. УБ., 1967.
645. Шн цзин. Перевод А. А. Штукина. М., 1957.
646. Шмид К. Руководство по графическим изображениям. М., 1960.
647. Щукина Н. М. Как создавалась карта Центральной Азии. М., 1955.
648. Эдн Ю. Дж., Кондел М. Дж. Теория статистики. М., 1960.
649. Юнатов А. А. Геоботанические исследования от Монгольского Алтая до Халхин-Гола. 1940—1943 гг.— Краткий очерк растительного покрова Монгольской Народной Республики. М., 1947.
650. Юнатов А. А. Изучение растительности Монголии за 25 лет.— Труды Комитета МНР. Вып. 2. УБ., 1946.
651. Юнатов А. А. Материалы по географии и экологии главных древесных пород Монголии.— Ученые записки Монгольского государственного университета им. маршала Чойбалсана. Т. 2. Вып. 3. УБ., 1946.
652. Ядринцев Н. М. Отчет экспедиции на Орхон, совершенный в 1889 г. по поручению Восточно-Сибирского Отдела ИГО.— СТОЭ. Вып. 1. 1892.
653. Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956.
654. Яншина Э. М. Богоборческие мотивы в древнекитайской мифологии.— КСИНА. Вып. 61. М., 1971.
655. Яншина Э. М. Каталог гор и морей (Шань хай цзин). Предисловие, перевод и комментарии. М., 1977.
656. Яншина Э. М. Миф об отделении неба от земли (К вопросу о сюжетосложении в древнекитайской мифологии).— Теоретические проблемы изучения литературы Дальнего Востока. М., 1974.
657. Яценко И. В., Равский Д. С. Дискуссионные проблемы отечественной скифологии.— НАА. 1980, № 5, 6.

На монгольском языке

658. Волков В. В. Омногогнос олсон хурэл хутга (Бронзовый кинжал из Южной Гоби).— ШУТ. 1959, № 1.
659. Волков В. В. 1959 онд Дундговь аймагтэртний хайгуул судлалын хийсэн тухай (Об археологических исследованиях, проведенных в Среднегобийском

- аймаке в 1959 году).—Эртний судлал-угсаатны зүйн бүтээл (Труды по археологии и этнографии). УБ., 1963.
660. Волков В. В., Доржсүрэн Ц. Ховд аймгийн Манхан сумын нутай эртний судламын малгала, хайгуул хийсэн (О разведках и раскопках, осуществленных на территории Манхан сомона Кобдоского аймака).—ШУАМ. Т. III. Вып. 5. УБ., 1963.
661. Дорж Д. Монголын хурлийн уеийн хадны зураг (Петроглифы бронзового века).—Эртний судлал-угсаатны зүйн бүтээл (Труды по археологии и этнографии). УБ., 1969.
662. Доржсүрэн Ц. БНМАУ-ын нутай байсан эртний ул сууд (Древние государства на территории МНР). УБ., 1955.
663. Доржсүрэн Ц. БНМАУ-ын нутаг дахь чулуун зэвсгийн уеийн судлалын байдал (Изучение каменного века на территории МНР). УБ., 1957.
664. Доржсүрэн Ц. Говь-Алтай Цагаан-голын хадны зураг (Наскальные изображения на р. Цагаан-гол в Гови-Алтае). УБ., 1963.
665. Доржсүрэн Ц. Манай эх орон эрт цагт (Наша родина в древности).—ШУТ. 1958, № 3.
666. Доржсүрэн Ц. 1956—1957 онд Архангай аймагт археологийн шинжилгээ хийсэн тухай (Об археологических исследованиях в Архангайском аймаке (1956—1957 гг.)). УБ., 1958.
667. Доржсүрэн Ц. Умард хунну (Северные сюнну). Т. I. Вып. 5. УБ., 1961.
668. Наваан Д. Буган хошоо тууний хэлбэрүүд (Оленные камни и их разнообразие).—Туухийн судлал (Исторические исследования). Т. 8. Вып. 1—12. УБ., 1969.
669. Наваан Д. Дорнод Монголын хурал (Бронзовые изделия из Восточной Монголии).—ШУ амьдрал. 1972, № 1.
670. Наваан Д. Манган дурсгалын эх орон (Страна тысячи памятников). УБ., 1970.
671. Намнандорж О. 1953 оны экспедицийн замын тэмдэглэлээс (Из путевых заметок экспедиции 1953 года).—ШУ. 1954, № 1.
672. Намнандорж О. Орон нутгийн судалсан экспедицийн замын тэмдэглэлээс (Из полевых экспедиционных заметок по изучению родного края).—ШУ. 1953, № 1.
673. Намнандорж О. Тахь (Лошадь Пржевальского).—Монголия. 1975, № 6.
674. Олон улсын монголч эрдэмтний II Их хурал (II Международный конгресс монголоведов). Т. 1, 2. УБ., 1973.
675. Окладников А. П., Сэр-Оджав Н. 1960 онд явуулсан эртний судлалын шинжилгээний ажлын тухай (Об археологических исследованиях 1960 г.).—ШУАМ. 1961, № 2.
676. Окладников А. П., Цэвэндорж Д. Монголын палеолитын урлагийн шинэ дурсгал (Новые памятники палеолитического искусства Монголии).—ШУАМ. 1980, № 2.
677. Пэрлээ Х. Зуун-Хэрэм гэдэг эвдэрхий хотыг 1953 онд нэмэн малтсан (Раскопки городища Дзун-Хэрэм в 1953 г.). УБ., 1957.
678. Пэрлээ Х. Монгол ард улсын эрт дундад уеийн хот суурины товчоон (Краткое описание древних и средневековых городов и поселений на территории Монголии). УБ., 1961.
679. Пэрлээ Х. Онон-Хэрлэнгийн монголчууд. VIII—XII зуун (Онон-керуленские монголы. VIII—XII вв.).—ШУАМ. 1960, № 5—6.
680. Санджаматав Т. Монгол нутагт шинээр олдсон эртний тэрэг (Новые наскальные изображения древних телег).—ШУАМ. 1982, № 4.
681. Сэр-Оджав Н. Монгол орны неолиты уеийн тухай (О неолите Монголии).—ШУ. 1956, № 1.
682. Сэр-Оджав Н. Монголын баруун аймагт явуулсан археологийн хайгуулын тухай (Об археологических разведках в нескольких западных аймаках Монголии).—ШУТ. 1957, № 5—6.
683. Сэр-Оджав Н. Монголын тов, умард хэсгийг археологийн талаар судлал шинжилсэн нь (Археологическое изучение центральных и северных районов Монголии).—Монголын хурлийн уе (Бронзовый век Монголии). Т. IV. Вып. 7. УБ., 1966.

684. *Сэр-Оджав Н.* 1960 онд явуулсон эртний судлалын шинжилгээний ажлын тухай (Об археологической работе 1960 г.).— ШУ. 1961, № 1.
685. *Сэр-Оджав Н.* Хоёр хурал хутга (Два бронзовых ножа).— ШУ. 1961, № 3.
686. *Сэр-Оджав Н.* Хул-Тэгийн булшнаас олсон хун чулууны толгой (Голова каменного изваяния из гробницы Кюль-Тегина).— СА. Т. 1. Вып. 6. УБ., 1959.
687. *Сэр-Оджав Н.* Шинэ олдсон түрэг бичээсийн тухай (О новой древнетюркской надписи).— СА. Т. 1. УБ., 1960.
688. *Сэр-Оджав Н.* Эртний түрэгүүд. VI—VIII зуун (Древние тюрки. VI—VIII вв.). УБ., 1970.
689. *Сухбаатар Г.* Сяньби. УБ., 1971.
690. *Сухбаатар Г.* Хунну бичигтэй байсан тухай (О существовании собственной письменности у хуннов).— ШУАМ. 1967, № 2.
691. *Цэвэгмид Д.* Тахйиг хамгаалах асуудалд (К вопросу об охране лошади тахь).— ШУТ. 1958, № 4.
692. *Цэвэндорж Д.* Хадны сийлмэл зургийн шинэ дурсгалууд (Новые памятники петроглифов Монголии).— Монголын этнографийн асуудал (Вопросы монгольской этнографии). Вып. 1—9. УБ., 1977.
693. *Шинэхуу Х.* Тариатын орхон бичигийн шинэ дурсгал (Новая находка орхонской надписи в Тариате). УБ., 1975.

На китайском и японском языках

694. *Ван Юйюань.* Вого гудай хуаби дэ циюань хэ фачжань (Истоки и развитие древней живописи нашей страны). Шанхай, 1957.
695. *Вэнь Даоц.* Чанша Чу му (Чуские могилы в Чанша).— Каогу сюэбао. 1959, № 1.
696. *Гай Шаньмин.* Нэй Мэнгу Иньшань шаньлю Ланьшань дицюй яньхуа (Наскальные рисунки в районе Ланьшань горной цепи Иньшань во Внутренней Монголии).— Вэнь. 1980, № 6.
697. *Го Можо.* Инь-Чжоу тунци нивэнь яньцзю (Изучение надписей на иньской и чжоуской бронзе). Пекин, 1954.
698. *Дай Иньсинь.* Цзефан хоу каогу фасянь дэ няо цзыляо каогу (Исследование важного материала археологических находок, сделанных после Освобождения).— Каогу, 1983, № 2.
699. *Е Сюань.* Дун Чжоу тундин хуавэнь (Орнамент на бронзовых сосудах «дун» Восточного Чжоу).— Каогу, 1983, № 3.
700. *Каньсин* цзидянь (Иероглифический словарь Канси). Пекин, 1958.
701. *Ся Най.* Чжаньго чэ-ма кэн (Яма с колесницами и конями эпохи Чжаньго).— Чжунго тьяне каогу баогаоци. Хуэйсянь фациэ баогао (Сборник докладов по китайской полевой археологии. Отчет о раскопках в уезде Хуэйсянь). Пекин, 1956.
702. *Чжан Чаншоу.* Цзи Шэньси Чанъянь Фэнси синь фасяньды лянцзинь тундин (Надписи на бронзовых сосудах, найденных в провинции Шэньси в деревне Фэнси около г. Чанъянь).— Каогу, 1983, № 3.
703. *Чжэн Шаоцзун.* Цинлун Чаодаогоу фасянь би или цинтунци (Бронзовые предметы, найденные в Чаодаогоу уезда Цинлун).— Каогу, 1962, № 3.
704. *Новгородова Э. А.* Монгориа-о туюн то сурү кита, тую адзия-но сэнсигаку, кокогаку, снивагаку, рэкисигаку, миндзокугаку (Предыстория, древняя история, мифология, средневековая история и этнография Северной и Центральной Азии с центром в Монголии).— Silk Road. Токно—Киото, 1980, № 11, 12.

На европейских языках

705. *Andersson J. G.* Hunting Magic in Animal Style.— BMFEA. 1932, № 4.
706. *Andrews R. Ch.* On the trail of Ancient Man. N.Y., 1926.
707. *Appelgren-Kivallö H.* Alt-Altäische Kunst denkmäler. Helsingfors, 1931.
708. *Archeologia.* Milano, 1978.

709. Archäologische Funde der Volksrepublik China. Wien, 1974.
710. Barnett R. D. The Art of Bactria and the treasure of Oxus.— *Iranica Antiqua*. 1968, vol. VIII.
711. Barnett R. D. Meotian Art.— *Iranica Antiqua*. 1962, vol. II.
712. Bawden C. R. The Modern History of Mongolia. L., 1968.
713. Bawden C. R. Mongol notes, I.— *Central Asiatic journal*. Vol. 8. December 1963.
714. Bergman F. Archeological Researches in Sinkiang. The Sino-Swedish Expedition. Stockholm, 1936.
715. Bergvölker im Hindukusch. Zürich, 1963.
716. Berkley Ch. P., Nelson N. C. Geology and prehistoric archaeology of the Gobi.— *American Museum Novitates*. 1926, № 222.
717. Bias F. Primitive Art. Oslo, 1927.
718. Borovka G. Skythian art. L., 1928.
719. Breil H. Quatre cents siècles. L'art pariétal. Montignac-sur Vézère, 1952.
720. Brentjes B. Zlatý vek lidsva. Berlin, 1968.
721. Brézillon M. Dictionnaire de la préhistoire. P., 1969.
722. Bunker E. C. The Tien culture and Some Aspects of its Relationship to the Dong-son Culture.— Early chinese art and its possible influence in the pacific basin. Vol. 2. N.Y., 1972.
723. Calmeyer P. Altiranische Bronzen des Sammlung Bröckelschen. Berlin, 1964.
724. Casalis-Peyrony L. Les Eyzies et la vallée de la Vézère. Guide illustré du savant et du touriste. Périgueux, 1974.
725. Chavannes E. Documents sur les Tou-kiue (Turks) occidentaux. Vol. VI. P., 1903.
726. Chavannes E. La sculpture sur pierre en Chine en temps des deux dynasties Han. P., 1843.
727. Ch'en Ch'i-lu. The Aboriginal Art of Taiwan and Its Implication for the Cultural History of the Pacific.— Early chinese art and its possible influence in the pacific basin. Vol. 2. N.Y., 1972.
728. Cheng Te-kun. Archaeology in China. Vol. 1, 2, 3. Prehistoric China. Cambridge, 1959, 1960, 1963.
729. Dani A. Chilas. The city of Nanga Parvat (Dyamar). Islamabad, 1983.
730. Davidova A. V. The Ivolga Gorodische — a monument of the Hiungnu culture in the Trans-Baical region.— *Acta archaeologica*. Budapest, 1968.
731. Dewall M. Pferd und Wagen im Frühen China. Bonn, 1964.
732. Dioszegi V. Popular Beliefs and Folklore Tradition in Siberia. Budapest, 1968.
733. Doerfer C. Zur Sprache der Hunnen.— *Central Asiatic Journal* Wiesbaden, 1973. Vol. XVII, № 1.
734. Dyson R. H. Ninth Century Men in Western Iran.— *Archaeology*. Vol. 17. N.Y., 1964.
735. Egami N., Ikeda J. Anthropological Studies of West Asia. I. Human Remains from the Tombs in Dailamistan. Northern Iran. Tokyo, 1963.
736. Egami N., Mizuno S. Inner Mongolia and the Region in the Great Wall. Tokyo-Kyoto, 1935.
737. Elisberg D. Imagerie populaire Chinoise du Nouvel An. P., 1978.
738. Elisseeff V. Bronzes Archaiques chinois au Musée Cernuschi. Vol. 1. P., 1977.
739. Erdelyi J. A. A mongol-magyar Kegeszety expedicio 1960—1963 en ekeedemenyici (the Results of the Mongolian-Hungarian archaeological expedition 1960—1963).— *Magyar Tudomány*. T. VIII. Vol. 9. Budapest, 1965.
740. Erdélyi I. Mongolisch-ungarische archäologische Forschungen in der Mongolei.— *Mitteilungen des Archäologischen Instituts der Ungarischen Akademie der Wissenschaften*. T. 4. Budapest, 1975.
741. Esin E. Names of artists on turkish monuments of the eighth to ninth centuries from the Land of Otügen.— *Türk Kültürü El-kitabı*. Istanbul, 1972.
742. Fettish N. Bronzeguss und Nomaden Kunst. Prague, 1929.
743. Firnberg H. Ausstel ung Archäologische Funde der Volksrepublik China. Wien, 1974.
744. Fradkin E. Polykonij Sculpture from the upper paleolithic site of Kostenki I.— *Arctic Anthropology*. 1970. Vol. VII, № 2.

745. *Gabori M.* Comte de mon voyage en Mongolie.— *Archaeologia ertesito.* Bm. I. Budapest, 1962.
746. *Ghirshman R.* Protoiranien. Meder und Achameniden. München, 1964.
747. *Ghirshman R.* Iran et la migration des Indo-aryens et des iraniens. Leiden, 1977.
748. *Ghirshman R.* Persia from the Origins to Alexander; Great. L., 1964.
749. *Ghirshman R.* Tombe princière de Ziwiyé et le debut de l'art animalier scythe. P., 1979.
750. *Ghirshman R.* Le tresor de l'Oxus les bronzes du Luristan et l'art mède.— *Vorder asiatische Archäologie.* Berlin, 1964.
751. *Glob P. V.* The Mound People. L., 1970.
752. *Granö G.* Archaeologische Beobachtungen von meinen Reisen in Südsibirien und der Nord-West Mongolei im Jahre 1909.— *Jornal de la Société Finno-Ougrienne.* Vol. XXVIII. Helsingfors, 1910.
753. *Göbl R.* Dokumente zur Geschichte der Iranischen Hunnen in Bactrien und Indien. Wiesbaden, 1967.
754. *Goodrich D.* Anecdotal Plaques Excavated in China. New Haven. [B.r.]
755. *Graziosi P.* Die Kunst der Altsteinzeit. Stuttgart, 1956.
756. *Griessmaier V.* Sammlung Baron Eduard von der Heydt. Wien, 1936.
757. *Grünwedel A.* Alle Kultstätten in Chinesisch Turkistan. Berlin, 1912.
758. *Hancar F.* Das Pferd in prähistorischer und früher historischer Zeit. Wien-München, 1955.
759. *Heikel P.* Inscriptions de l'expédition finnoise 1890 et publiées par la société Finno-Ougrienne. Helsingfors, 1892.
760. *Heine-Geldern R.* Prehistoric Research in Indonesia.— *Annual Bibliography of Indian Archaeology for the year 1934.* Vol. IX. Leiden, 1936.
761. *Humlyn P.* Gengis Khan. L., 1970.
762. *Heissig W.* Die Mongolei. München, 1978.
763. *Heissig W.* Die Religionen der Mongolei.— *Die Religionen Tibets und der Mongolei.* Stuttgart, 1970.
764. *Ipsiroglu M. S.* Malerei der Mongolen. München, 1965.
765. *Jamne A.* Miscellantes d'ancien Arabe. Washington, 1974.
766. *Janse O.* Empire des Steppes.— *Revue des arts Asiatiques.* P., 1935.
767. *Jenkins G. K. Narain A. K.* The Coin-types of the Saka-pahava kings of India.— *Numismatic Notes and Monographs.* 1957, № 4.
768. *Jisl L.* Vorbericht über archäologische Erorschung des Kul-tegin — Denkmals durch die tschechoslowakisch-mongolische Expedition des Jahres 1958.— *Ural-Altaische-jahrbucher.* Wiesbaden, 1960.
769. *Jisl L.* Kül-tegin anitinda 1958'de yapılan arkeoloji arastirmalarinin sonuclari.— *Türk Tarih Kurumu.* Ankara, 1963.
770. *Jisl L.* Nove odkrucia archeologichew w gorah Mongolii.— *Acta Archaeologica.* T. VI. 1965. Bm. 1—2.
771. *Jisl L., Ser-Ordjave N.* Récents decouvertes de gravures et peintures rupestres d'habitats, necropoles et monuments Turcs en la Republique de Mongolie.— *Archeologische rozhledy.* T. XVIII. Praha, 1966.
772. *Jettmar K.* Archeology of the early turks.— *Türk Kültürü El-kitabi.* Istanbul, 1972.
773. *Jettmar K.* Die Frühen Steppenvölker. Baden-Baden, 1964.
774. *Jettmar K.* Mittelasiatische Bestattungsrituale und Tierstil.— *Iranica Antiqua.* Vol. VI. Leiden, 1966.
775. *Jettmar K.* Mittelasien und sibirien in vortürkischer Zeit.— *Handbuch der Orientalistik.* Leiden, 1966.
776. *Jettmar K.* Organisation of nomadic communities and chances of their political integration. Südasien-Institut der Universität Heidelberg. № 79, 1969. Heidelberg.
777. *Jettmar K.* The Karasuk Culture and South-Eastern Affinities.— *BMFEA.* 1950, № 22.
778. *Jettmar K.* The Middle Asiatic Heritage of Dardistan (Islamic Collective Tombs in Punyal and their Background).— *East and West.* Vol. 1—2. Rome, 1967.

779. *Jettmar K.* Woher kameh die Hunnen? — Soderdrunck der Umschau. 1961, № 16.
780. *Jettmar K.* Zwischen Gandhara und den Seidenstrassen. Mainz am Rhein, 1986.
781. *Karlgren B.* Some Weapons and tools of the Yin Dynasty.— BMFEA. 1945, № 17.
782. *Keightly D. N.* Sources of Shang History. Barkley, 1978.
783. *Kidder J. E.* Japan before Buddhism. N.Y., 1959.
784. *Klyashtorny S.* The Terhin Inscription.— AOH. T. XXXV. Вып. 1—3, 1983.
785. *Koenigswald G. H.* Asia and the evolution of man. Studies in Prehistory. Robert Bruce Foot Memorial volume. Calcutta, 1966.
786. *Kšica M.* Uměni stare Eurasie (Die Kunst des alten Eurasiens). Brno, 1974.
787. *Kühn H.* Chronologic der Sino-Siberischen Bronzen.— JPEK. 1937, vol. XII.
788. *Kühn H.* Die Vorgeschichtliche kunst Deutschlands. Berlin, 1935.
789. *Kwand-Chih Chang.* The Archaeology of ancien China. New-Haven — London, 1977.
790. *Lal B. B.* Expeditions and Excavations since Independence. Central Forum. 1962, vol IV, № 2.
791. *Laslo G.* L'art des Nomades. Budapest, 1972.
792. *Lattimore Owen.* Nomads and Commisars. N.Y., 1962.
793. *Lauer D.* Archäologische Beobachtungen aus Bajan-Chongor Aimak der Mongolischen Volksrepublik. Felszeichnungen und Inschriften.— EAZ. 1972, № 1.
794. *Lauffer B.* Chinese Clay Figures. P. 1. Prolegomena on the history of defensive armor. Chicago, 1914.
795. *Leroi-Gourhan A.* La fonction des signes dans les sanctuaires paléolithiques. P., 1957.
796. *Leroi-Gourhan A.* Les religions de la préhistoire. P., 1964.
797. *Leroi-Gourhan A.* Préhistoire de l'art occidental. P., 1965.
798. *Leroi-Gourhan A., Allain J.* Lascaux inconnu. Les Gravures de la grottes. P., 1979.
799. *Leroi-Gourhan A., Poirier F.* Ethnologie de l'Union Francaise. P., 1953.
800. *Lhote H.* A la decouverte des fresques du Tassili. P., 1958.
801. *Li Chi.* The Begininges of Chinese Civilization. Washington, 1957.
802. *Littauer M. A.* Bits and Pieces.— Antiquity. 1969, vol. XLIII.
803. *Littauer M. A.* The Military Use of the Chariot in the Aegean in the Late Bronze Age.— American journal of Archaeology. 1972, vol. 76, № 2.
804. *Littauer M. A.* Rock Carings of Central Asia and Outer Mongolia.— Proceedings of Prehistoric Society. N.Y., 1977, № 43.
805. *Littauer M. A., Crowel H.* Early metal models of Wagons from the Levant.— British school of Archaeology in Jerusalem. N.Y., 1973.
806. *Loehr M.* Chinese bronze age Weapons. The Werner jannings collection in the Chinese National Palace Museum. L., 1956.
807. *Loehr M.* Ordos daggers and knives. New material, classification and chronology.— Artibus Asia, 1949. P. 1, vol. XII, № 1—2.
808. *Lui-tsai.* Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Osttürken. Vol. 1. Wies-Baden, 1958.
809. *Maenchen-Helfen O.* Chinese bronze with central-asiatic motives.— BMFEA. 1958, № 30.
810. *Maenchen-Helfen O.* The World of the Huns. L., 1973.
811. *Mahler J. G.* The Westerners among the Figurines of the Tang Dynasty of China. Roma, 1959.
812. *Mania D.* Archäologische Studien in der zentralen Mongolei.— Arbeiten aus dem Institut für vor und frühgeschichte der Martin-Luther-Universität. Halle. Вып. 13. Halle, 1963.
813. *Manker E.* Seite Cult and Drum of the Lappes.— Popular Beliefs and Folklore tradition in Sibiria. Budapest, 1968.
814. *Maringer J.* Contribution on the Prehistory of Mongolia.— Archaeology. Stockholm, 1950.
815. *Maringer J.* Gräber und Steindenkmäler in der Mongolei.— Monumenta Sinica. 1955. T. XIV. ¶

816. *Maringer J.* Mongolia before the mongols.—Arctic Anthropology. 1963. Vol. 1, № 2.
817. *Nelson N.* Notes on the archeology of the Gobi.—American Anthropologist. 1926, № 1.
818. *Nelson N. C.* Prehistoric Archaeology of the Gobi Desert.—American Museum Novitates. 1926, № 222.
819. *Nelson N. C.* Prehistoric man in Central China.—Natural History. 1926; vol. XXVI, № 16.
820. *Nowgorodowa E.* Alte Kunst der Mongolei. Leipzig, 1980.
821. *Nowgorodowa E.* Gravure rupestres de Mongolie.—Archéologia. Paris-Lion, 1982.
822. *Nowgorodowa E. A.* Ethnocultural relations of the tribes of the Mongol Altai (mongol-altaic tergen). Budapest, 1974.
823. *Nowgorodowa E.* Les pétrolyphes de la rivière Culut.—Etudes mongoles. 1979, № 10.
824. *Nowgorodowa E.* Quand l'art éclaire les énigmes de la préhistoire.—Information UNESCO, 736/737 (1978).
825. *Nowgorodowa E. A., Volkov V. V., Korenevskij S. N., Mamonova N. N.* Ulangom — Ein Gräberfeld der skythischen Zeit aus der Mongolei. Wiesbaden, 1982.
826. *Piétte E.* L'Art pendant l'âge du Renne. P., 1907.
827. *Peyrony E., Casalis L.* Notions de préhistoire. Périgueux, 1977.
828. *Pouha P.* Trinact tisíc kilometru Mongolskem. Praha, 1957.
829. *Przeworski St.* Die ethnischen Problem von Luristan im VII jhd. v. Chr.—Bulletin international de l'Académie Polonaise des Sciences et des Lettres. Cracovie, 1934.
830. *Pulleblank E. G.* The Chinese Name of the Turks.—JAOS. 1965. № 2.
831. *Radloff W.* Atlas der Alterthümer der Mongolei. St. P., 1893.
832. *Ramachandran K. S.* Bridle bits from India megaliths.—QJMS. 1961, vol. LI, № 4.
833. *Ranov V. A.* Le peuplement préhistorique de la Haute-Asie. (L'après L'Asie Centrale Soviétique).—L'antropologie. T. 76, № 1—2. P., 1972.
834. *Rintchen B.* Les dessins pictographiques et les inscriptions sur les roches et sur les steles en Mongolie. VB., 1968.
835. *Robinson H. R.* Oriental Armour. L., 1967.
836. *Roerich J. N.* The animal style among the nomad tribes of Northern Tibet. Prague, 1930.
837. *Roslovitz M.* The animal style in south Russia and China. Princeton, 1929.
838. *Rupen R.* Mongols of the twentieth century Bloomington.—Monton, 1964, № 2.
839. *Salmony A.* Sarmatian gold collected by Peter the Great.—Gazette de Beaux arts. Vol. VI. 1948.
840. *Salmony A.* Sino-Sibirien Art. P., 1933.
841. *Salonen A.* Hippologica Accadica. Helsinki, 1965.
842. *Salonen A.* Die Landfahrzeuge des Alten Mesopotamien. Helsinki, 1951.
843. *Sammlung E.* Opden-Bronzen, Bronzen aus Luristan und dem Kaukasus, Werke chinesischer Kleinkunst aus verschiedenen Perioden. Wien, 1936.
844. *Samolin W., Drew J.* Eurasian Animal Style. Plaques.—Monumenta Serica. 1965, vol. XXIV.
845. *Schachermeyer F.* Streitwagen und Streitwagenbild in Alten Orient und bei den mykenischen Griechen — Anthropos. Byn. XLVI, № 5—6, Switzerland, 1952.
846. *Secret J.* La Dordogne au fil de l'eau. Périgueux, 1972.
847. *Ser-Odjav N.* Mongolia and the Civilisation of Central Asia.—Mongolia. 1973, № 4.
848. *Tarn W. W.* The Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1951.
849. *Teilhard de Chardin P.* On the presume existence of a worldwide Sub-Arctic cheet of human culture at the dawn of the neolithic.—B G. S. C. 1939, vol. XIX.

850. *Teilhard de Chardin P.* Pei Wen-chung. Le Neolithique de la Chine.— Institut de Géologie. Peiking, 1944, № 10.
851. *Thomsen V.* Déchiffrement des inscriptions de l'Orkhon et de l'Jenissei. Notice préliminaire.— Bulletin de l'Académie des sciences et des Lettres de Danemark. Copenhagen, 1893.
852. *Toth T.* Some problems in paleoanthropology of northern Mongolia.— Acta archaeologica Academiae scientiarum Hungaricae. Budapest, 1967.
853. *Tryjarski E.* On the Archaeological Traces of Old Turks in Mongolia.— East and West. ISMEO. New Series. Vol. 21, 1971, № 1—2.
854. *Tucci G.* On some bronze objects discovered in Western Tibet.— Artibus Asiae. 1935, № 5.
855. *Vanden-Berge L.* Archaeologie de l'Iran Ancien. Leiden, 1959.
856. *Watson W.* Archaeology in China. L., 1961.
857. *Watson W.* China before the Han Dynasty. L., 1961.
858. *Watson W.* Early Civilization in China. L., 1966.
859. *White W.* Bronze Culture of Ancient China. Toronto, 1956.
860. *Wiedemann A.* Das Alte Egypten. Heidelberg, 1920.
861. *Wormington H. M.* Archaeological Investigations on the Uncompahgre Plateau in West Central Colorado, Denver. Colorado, 1956.
862. *Wormington H. M.* A reappraisal of the Fremont Culture with summary of the archaeology of the Northern Periphery. Colorado, 1955.
863. *Yadin Y.* The Art of Warfare in Biblical Lands. Vol. 1. Jerusalem, 1963.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН МНР	— Академия наук Монгольской Народной Республики
АО	— Археологические открытия
АС	— Археологический съезд
АС ГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АЭАМ	— Археология, этнография и антропология Монголии
БМНИИК	— Бурят-Монгольский научно-исследовательский институт культуры
БМНИИЯЛИ	— Бурят-Монгольский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории
ВАН	— Вестник Академии наук СССР
ВАН КазССР	— Вестник Академии наук Казахской ССР
ВГО	— Всесоюзное географическое общество
ВДИ	— Вестник древней истории
ВРГО	— Вестник Русского географического общества
ВИ	— Вопросы истории
ВИМК	— Вестник истории материальной культуры
ВИСДВ	— Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока
ВЛГУ	— Вестник ЛГУ
ВМГУ	— Вестник МГУ
ВСОРГО	— Восточносибирское отделение Русского географического общества
ВОРАО	— Восточное отделение Русского археологического общества
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ	— Государственный исторический музей
ГЭ	— Государственный Эрмитаж
ДАН СССР	— Доклады Академии наук СССР
ДИ	— Декоративное искусство
ДИСИФ	— Доклады и сообщения исторического факультета
ЗВОРАО	— Записки Восточного отделения (Имп.) Русского археологического общества
ЗИРГО	— Записки Императорского Русского географического общества
ИА	— Институт археологии
ИАС	— Историко-археологический сборник
ИАН	— Известия (Имп.) Академии наук
ИАК	— Известия археологической комиссии
ИВ АН ССР	— Институт востоковедения АН СССР
ИВГО	— Известия Всесоюзного географического общества
ИВСОРГО	— Известия Восточно-Сибирского отдела РГО
ИГАИМК	— Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИИМК	— Институт истории материальной культуры
ИНА	— Институт народов Азии
ИТН	— История таджикского народа
ИЭтн	— Институт этнографии АН СССР им. Миклухо-Маклая
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии
КСИНА	— Краткие сообщения ИНА
КСИИМК	— Краткие сообщения ИИМК
КСИЭ	— Краткие сообщения ИЭ
МАР	— Материалы по археологии России

МАС	— Монгольский археологический сборник
МАЭ	— Музей антропологии и этнографии
МИА	— Материалы и исследования по археологии
МИАЭИККИК	— Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края
МЭ	— Материалы по этнографии
НАА	— Народы Азии и Африки
НИИЯЛИ	— Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
ОАК	— Отчет Археологической комиссии
ПВ	— Проблемы востоковедения
ПИДО	— Проблемы истории докапиталистических обществ
РАЖ	— Русский антропологический журнал
РАНИОН	— Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РАО	— Русское археологическое общество
РГО	— Русское географическое общество
СА	— Советская археология
САГУ	— Средне-Азиатский государственный университет
САИ	— Свод археологических источников
СМИКЭ	— Советско-монгольская историко-культурная экспедиция
СО АН СССР	— Сибирское отделение АН СССР
СТОЭН	— Сообщения и труды общества этнографических наук
СТЭАН	— Саяно-Тувинская экспедиция АН СССР (Института археологии)
СЭтн	— Советская этнография
ТАН ТаджССР	— Труды Академии наук Таджикской ССР
ТИИАЭ	— Труды института истории, археологии, этнографии
ТКАЭЭ	— Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции
ТНИИЯЛИ	— Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
ТТКЭАН	— Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР
УЗТНИИЯЛИ	— Ученые записки ТНИИЯЛИ
УЗТПИ	— Ученые записки Томского педагогического института
ШУ	— Шинжлэх ухаан (Наука)
ШУАМ	— Шинжлэх ухааны академийн мэдээ (Известия Академии наук)
ШУ амьдрал	— Шинжлэх ухаан, амьдрал (Наука и жизнь)
ШУТ	— Шинжлэх ухаан ба техник (Наука и техника)
ЭВ	— Эпиграфика Востока
АО	— Archaeologia Orientalis
АОН	— Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae
BGSC	— Bulletin of the Geological Society of China
BMFEA	— Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities
CAJ	— Central Asiatic Journal
EAZ	— Ethnographische-Archäologische Zeitschrift
EW	— East and West
JPEK	— Jahrbuch für Prähistorische Kunst
IsMEO	— Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente
QJMS	— The Quarterly Journal of the Mythic Society
SA	— Studia Archaeologica
UAJ	— Ural-Altaische Jahrbücher

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Авзак 213
 Агрин-бригада 183, 195, 203, 214, 215
 Алатау 10
 Алеутские острова 49
 Алтай 12, 21, 84, 85, 96, 137, 142—144, 149, 156, 163, 172—174, 176, 182, 191, 198, 199, 208, 217, 219, 237, 255, 261, 264, 272, 273, 275, 282, 285, 287, 301, 308, 315, 316
 Алтан-сандал 81, 83, 84, 201
 Аляска 49
 Альва Сайт 343
 Амур 113
 Анау 77
 Ангара 80, 81, 107, 115
 Аньян 121, 125, 138, 139, 145, 159
 Арабжах 14, 142, 226
 Аравийская пустыня 24
 Аржан 162, 180, 182, 196, 197, 301, 308, 345, 346
 Армения 148, 346
 Аршан-хад 49, 51—53
 Ачит-нур 233
 Баг-газарын-чулуу 54
 Баин Зурх 183
 Баин-хара 253
 Байкал 96, 235, 311
 Байлянляо 58
 Байтаг Богдо-ула 30
 Байфу 191, 193
 Баралгин-гол 31, 341
 Баренцево море 110, 111
 Барбугазы 221
 Баргузин 238
 Барс-хото 13
 Барунбайдариг 18
 Барун-ульзиг 54
 Барун-урт 20
 Барун-цогт 59
 Барун-шоврыг 54, 69
 Батени 344
 Батар-хайрхан 118
 Батценгел сомон 136, 190, 212
 Бат-ширээт 118
 Баян-булак 308
 Баян-дзак (см. Шаврын-ус, Шабарак-усу) 14, 24, 342
 Баянзурхийн-хошо 35
 Баян-зурх 183, 249
 Баян-мунх сомон 242
 Баян-нур 35, 342
 Баян-обо 343
 Баян-хара 284
 Баян-Цагаан-гол 212
 Баянцогт-обо 242, 301
 Баян-энгэр 141
 Белое море 111
 Биндарья-гол 30
 Бичигтын-ам 142, 145, 164, 165, 166, 232
 Бичигтын-хад 249
 Богдо-уул 22, 249
 Большой Хинган 21
 Борцонжийн Увдуг-тунх 30
 Боярская писаница 221
 Бугут 8
 Буир-нур 22
 Булган 59
 Буреть 38
 Бурхантын-газар 216
 Бэгэр сомон 142, 144, 163
 Бэйпин 194
 Галт сомон 136, 188, 189
 Гантик 38
 Ганьсу 7, 77
 Гачурт 21
 Геоксюр 343
 Гильгит 102
 Гималаи 20, 166
 Гоби 21, 23, 24, 30, 32, 43, 56—59, 63—65, 69, 92, 120, 141, 173, 238, 341, 342
 Гонцы 38
 Гурван-сайхан 158
 Гурмын-нур 30
 Дагаан-дэль 11, 203, 222, 295
 Даин-гуль 218
 Дамжийн-ус 30
 Дандыбай 254
 Дарви 162, 163, 345
 Дасыкунцунь 159
 Даян-нур 233
 Джалган-худаг 14, 59

Джемдет Наср 77
Джеты-асары 271
Джида 238
Джерлиг-ховузу 295
Джунгарская Гоби 24
Дзун-сайхан 23
Дзун-ульзит 80
Дзун-хэрэм 13
Динцунь 159
Долорес 343
Дордонь 39
Дуд-хулган 54
Дулан-гоби 59
Дунбэй 240, 241
Дунгульджин 66
Дунджаргалант 183
Дурбульджин-ам 217, 219
Дучин-хурал 76
Душанбе 347
Дэльгэр 66
Дэльгэр-хангай 23

Елангаш 156
Енисей 107, 121, 123, 159, 172
Ерол-гоби 30, 31
Есон-булак 13

Жаргалант 208
Жэхэ 125

Забайкалье 53, 60, 127, 134—137,
159, 161, 173, 174, 176, 193, 223,
237—239, 240, 241, 243—246, 248—
250, 254, 281, 282, 309, 316, 342
Загрос 128
Зайсан-толгой 35
Зараут-Камар 51, 53
Завийе 127, 228, 230, 306, 308
Зумья-гол 72
Зуны-гол (Зуун-гол) 187—190, 212,
223, 224, 346
Зуун-мод 52

Иволгинское городище 178
Иньшань 167
Иранское плато 76
Иссык 182, 301
Иссык-куль 22, 111
Их-богдо-ула 22, 35
Их-газарын-чулуу 54
Их-Тенгерийн-ам 249
Их-тамир сомон 219, 223
Ишгин-толгой 219

Кадеш 162
Калбак-таш 345
Капова пещера 38, 44
Карабалгасун 7
Кара-Корум (см. Харахорин) 12, 14,
30
Каракумы 23
Кара-сук 344
380

Каратау 157
Керкук 128
Керулен 23, 30, 54, 62, 66, 69, 78,
242, 245, 247
Кивик 146, 149
Кобдо (см. Ховд) 13, 35, 49, 71, 87,
88, 94
Кобыстан 53
Кода 80
Койбагар 161
Коксу 164
Коломбьер 41
Колорадо 343
Костенки 38, 44
Котловина Больших озер 21
Кото-кель 137
Кошо-агач 264
Красноярск 87, 121, 136, 190, 233
Красный камень 158
Кугарт 164
Куда 238
Кульпхо 31
Кураты 85
Куюм 85
Кызыл-куль 307
Кэхэ 31
Кюргенер 190

Ланшань 167, 345
Лена 107
Лобнор 43, 77, 234
Ложери-Бас 91
Луристан 127
Лянь сомон 188, 190
Ляско 41

Майэмир 308
Малая Минуса 307
Мальта 38
Мандал Гоби 13, 30
Мандах 75
Манхан сомон 37, 38, 65, 73, 87, 88,
213
Мас д'Азиль 53
Мезин 38
Микены 156
Минусинская котловина 121, 136, 232,
237
Мойльтын-ам 14, 30, 32, 35, 70
Монх-хан сомон 65
Мунгун сомон 242
Мунх-хайрхан-ула 22
Мунх-хайрхан-сомон 215
Мурен 203, 249
Муст сомон 183, 214, 215

Налайха 11, 12
Наран-булак 94
Нерчинск 248
Нно 41
Ноён-ула 7, 12, 17
Норовийн-уул 15, 78, 79, 80, 254

Онон 19, 22, 23, 137
Ордос 77, 124, 125, 127, 131, 134,
136, 188
Оренбург 174
Орхон 7, 8, 11, 14, 226
Орхон сомон 136, 225
Орхонский госхоз 189
Отгон-Тэнгэр 22
Оцон-маньт 30, 31

Пазырык 12, 112, 149, 178, 221, 255,
287, 301, 308, 309
Памир 141, 147, 156, 157, 163, 255
Пеш Мерль 41
Прибайкалье 14, 57, 70, 74, 80, 121,
134, 238, 342

Руфиньяк 41

Сагсайская котловина 49
Саглы-Бажи 255, 264, 285, 295
Саймалы-Таш 140, 150, 164, 166, 308,
344
Сайхан сомон 231
Сармыш 166
Сахара 23, 24
Саяны 10, 21, 124, 311
Селенга 22, 69
Сельба 17
Синьзян 23, 43, 59, 63, 77, 127, 129,
234, 347
Солонго 30
Солонкер сомон 32, 54, 58, 341
Сотниково 238
Сузы 77, 127, 140
Суйюань 136
Сулданг-хэрэ-обо 32, 54, 341
Сунгирь 38
Суужийн-булаг 242
Сумын-гол 90

Тагискен 127
Такла-макан 43
Тамгалы 308
Тамир 10, 81, 213
Тамир-тау 218
Тамцаг-булак 15, 63, 66—69, 80
Тариат-сомон 90, 195
Тарим-нормо 58
Тарлактын 79, 87, 88
Тель-Халаф 77
Тельман сомон 212
Тепе-Сиалк 127
Теректы 308
Тибет 7, 238, 245, 248, 342
Тобольск 107, 121
Тола (см. Туул-гол)
Толбо-нур 72
Томский острог 10
Томь 107
Торонто 195
Труа-фрер 107

Тургигийн-ширэт 58, 59—62, 70, 74,
77
Туин-гол 83
Туркестан 59, 121, 125, 234, 282, 348
Туул-гол (см. Тола) 241, 243, 249
Тэвш-уул 17, 92, 137, 138, 142, 145,
148, 166, 267, 307, 344
Тэмээний-чулуу 253
Тэмээний-Хузуу 71, 72
Тэргун-Богдо-ула 22
Тэрхийн-цагаан-нур 8, 90
Тянь-Шань 140

Увс-нуур 278
Углейчин-ам 30
Уда 238
Уенч 151
Узуур-цохно 72
Уйгарак 308
Улан-Батор 8, 9, 13, 14, 17, 19, 30,
35, 38, 41, 59, 131, 182, 185, 249,
342
Улангом 7, 9, 16, 18, 86, 257—309,
311, 314, 321, 322, 323—340
Уландрык 205
Улан-Удэ 238
Улан-ул 322
Улугчин-хэрэм 30
Улуг-Хорум 257
Ульзи-гол 19
Ульзит сомон 212
Улясутай 35
Ундугулуу 58
Устай-Бургустай 65
Усть-Белая 81
Усть-Карск 137
Усть-Нарын 60
Ушкийн-Увэр 182, 203, 204, 206, 211,
212, 214, 215, 345
Уэнч 31
Уюк 255

Фон де Гом 39
Фофаново 69

Хадасан 218
Хайрхан сомон 212
Халитен-гол 59
Халхин-Гол 19, 22, 23
Хальер 219
Хангай 21, 22, 24, 26, 237
Ханын-хад 9, 143, 144
Харахорин (см. Кара-Корум) 32
Хара-Бухын-балгас 13
Хар-нур 233
Хар-хад 18
Хасанлу 127
Хачурт 249
Хере-уул 48
Хилан-хутахту 58
Хилка 238
Ховд 142, 148, 166

Ховирга 54
 Ходжикент 32
 Хойт-Тамир сомон 218
 Хойт-Цэнхэрийн-агуй 37, 38, 40, 41,
 43, 46, 48, 49, 51, 53, 72, 73, 342,
 345
 Хойт-Цэнхэрийн-ам 73
 Хорог 90
 Хуанхэ 158, 159, 246
 Хубсугул 240, 251
 Худжирт 243
 Хүйтэн-найрамдал 22
 Хулд сомон 59
 Хулцагаан-нор 135
 Хулцатэн Урты-обо 58, 59
 Хуний-гол 17
 Хуругийн-узуур 94, 171
 Хурх 49
 Хурхын-гол 30
 Хух-нур 233
 Хушотын-нур 308
 Хушотын-тал 212
 Хушо-цайдам 5, 7, 11, 13, 17
 Хэвтэгийн-дов 190
 Хэнтэй 21, 22, 237
 Хэрэгсурийн-дэнж 201, 208, 212, 227,
 228
 Цагаан-айрыг 51
 Цагаан-богдо 24
 Цагаан-гол 21, 142, 217
 Цагаан-дэрс 30
 Цагаан-нур 8
 Цагаан-сабурган 15, 76
 Цагаан-уул 183, 195
 Цацын-эрэг 223, 229
 Циньлунь 191
 Цэнхэр-гол 73
 Цэнхэр-номингийн-гоби 30
 Цэцэрлэг 202, 212
 Чанань 117
 Чанд мань-уул 183, 258, 264, 278
 Чандмань-хар-узуур 72, 73
 Чаодаогоу 191, 207
 Чатал-Хююк 106

Челябинск 121
 Черновая 91
 Черемушки 60
 Чжанбэй 207
 Чикой 238
 Чиликты 228, 308
 Чинге 157, 308
 Чин-толгой 13, 238
 Чистый Яр 308
 Чхата 253
 Чойбалсан 78
 Чолпан-ата 308
 Чу 345
 Чуйская долина 108
 Чукотка 166
 Чулуут 75, 89, 90, 92—95, 98, 99,
 102—107, 112—115, 117, 141, 142,
 148, 149, 150, 152—157, 161—166,
 168—170, 184, 185, 187, 232, 283,
 287, 307, 309
 Шабарак-усу (см. Баян-дзак) 56—59,
 70, 74, 77, 342
 Шаврын-ус (см. Баян-дзак) 55, 342
 Шарга 218
 Шатар-чулуу 81—84
 Шахты 42, 51, 53
 Шивертын-ам 187, 189, 226, 251
 Шилюстей сомон 212, 222
 Шинэ идэр 183
 Ширигийн-сум 59
 Шитовская сопка 253
 Шишкинские писаницы 173
 Эгийн-дабаа 136
 Эль-Обенд 77
 Эрдэнэт 77
 Эхэн усны барун-энгер 123
 Яблонный хребет 21
 Якутия 5, 136, 166, 282
 Яманы-ус 9, 142—145, 163, 345
 Ямат-нур 54
 Яншао 63, 77
 Ярх 30, 31

SUMMARY

E. A. Novgorodova. *Ancient Mongolia*. The book traces the evolution of civilizations from the epoch of Paleolith to the 2nd century B. C. Archaeological and palaeological data have suggested two groups of ethno-cultural regions: the eastern and southern inhabited from the Aeneolithic by the Mongoloid tribes, and the north-western and western in which cultures of the Europeoid tribes emerged and developed. Cultural continuity is traced down to the Xungnu epoch. From the Bronze Age (Karasuk culture) the Europeoid tribes borrowed the animal style and specific arms. Similar continuity was observed in the east and south where the Mongoloid tribes had left numerous "slab-lined tombs" and sanctuaries decorated with ritual fences and dancing human figures. The slab-tomb culture originated in the Bronze Age while in western Mongolia the so-called *kereksurs* and deer stones were most common.

Novgorodova offers a new dating of these monuments suggested by recent findings in Central Asia and, specifically, China. All deer stones are identified with the Karasuk culture; the earliest (deer stones of Type 1) bear the image of stylized deer. Steles that did not bear the image of wild animals are attributed to the late Karasuk age.

The findings from the Ulangom mound shed light on the socio-economic history and contacts between the Tuva and Altai tribes in the 1st millenium B. C.

Much emphasis is on the spiritual life of the inhabitants of ancient Mongolia, beginning from Paleolith. Cave and rock painting and stone images are used to recapture the notions of ancient peoples about the world, the Universe, and the role of ancestral Mother.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава 1	
Основные источники изучения древней Монголии	6
Глава 2	
Природные условия Монголии и влияние климата на специфические черты кочевнического хозяйства	19
Глава 3	
Памятники Монголии каменного века	28
Глава 4	
Эпоха неолита	75
Глава 5	
Монголия в эпоху бронзы	120
Глава 6	
Колесницы Монголии и Центральной Азии	140
Глава 7	
Оленные камни, жертвенники и керексуры карасукского времени	173
Глава 8	
Памятники I тысячелетия до н. э. на территории Монголии	236
Заключение	316
Приложение	322
Примечания	341
Список использованной литературы	349
Список сокращений	377
Указатель географических названий	379
Summary	383

Научное издание

Новгородова Элеонора Афанасьевна

ДРЕВНЯЯ МОНГОЛИЯ

(Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории)

Редактор В. С. Свиткова. Младший редактор Н. Н. Секина. Художник Э. С. Зарянский. Художественный редактор Б. Л. Резников. Технический редактор З. С. Теплякова. Корректоры Р. Ш. Чемерис и А. В. Шандер

ИБ № 16044

Сдано в набор 22.06.88. Подписано к печати 23.03.89. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Вкладка отпечатана на мелованной бумаге. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 24+1,0 п. л. вкл. Усл. кр.-отт. 25. Уч.-изд. л. 30,62. Тираж 2800 экз. Изд. № 6520. Зак. № 532. Цена 4 р.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Паука»

Главная редакция восточной литературы. 103051, Москва, К-51. Цветной бульвар, 21.

Набрано в типографии № 13 ПО «Периодика» ВО «Союзполиграфпром» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 107005, Москва, Денисовский пер., д. 30

Отпечатано в 3-й типографии издательства «Наука». 107143, Москва, Б-143, Открытое шоссе, 28